

С. Булич

**Церковнославянскіе
элементы в современномъ
литературномъ и народномъ
русскомъ языкъ**

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

£ +4. + + 2 - 65

ISBN 3-87690-338-6

Copyright by Verlag Otto Sagner, München 1986.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Mauersberger, Inh. M. Diebel, Marburg.

P86/13634

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

А П И О К Н

И М П Р А Т О Р С К И Я

И М П Р А Т О Р С К И Я

И М П Р А Т О Р С К И Я

Copyright by Verlag G. Neumann, Neudamm, Abteilung der Firma Kubon und Sagner, Neudamm, Druck: Mauersberger, Joh. G. Gabel, Neudamm.

№ 36/33534

С. Буличъ.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ

СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Ч А С Т Ъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

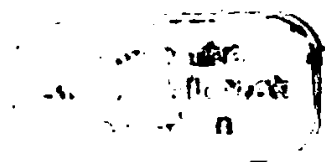
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

ПАМЯТИ

учителя и друга

Н. В. КРУШЕВСКАГО

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа эта первоначально была задумана въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Авторъ предполагалъ дать, какъ вступительныя главы, общій очеркъ процесса заимствованія, обзоръ литературы вопроса о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ, краткую общую характеристику церковнославянскаго языка поздняго періода (того періода по преимуществу, въ который, благодаря книгопечатанію, вліяніе церковнославянскаго на устный и особенно письменный, литературный языкъ должно было сказываться болѣе сильно), и затѣмъ представить полную картину отношеній, созданныхъ въ русскомъ языкѣ заимствованіемъ церковнославянскихъ элементовъ.

При этомъ авторъ имѣлъ и имѣеть въ виду изученіе процесса заимствованія вообще, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ развитія языка, значеніе котораго теперь все болѣе и болѣе признается въ наукѣ о языкѣ. Точка зрѣнія, съ которой предполагалось и предполагается разсматривать церковнославянскія заимствованія въ этой работѣ— общесравнительная, имѣющая цѣлью выяснить не только фактическія отношенія вопроса, но и сдѣлать изъ нихъ извѣстные общіе выводы, важные въ методологическомъ отношеніи. Такъ какъ главный матеріалъ былъ уже ранѣе собранъ, то авторъ рассчитывалъ вскорѣ же приступить собственно къ его разработкѣ. Но, пытаясь установить характеристическія черты церковнославянскаго языка позднѣйшаго періода, авторъ скоро убѣдился въ необходимости самостоятельнаго изслѣдованія въ этой области, въ виду крайней скудости и недостаточности матеріала, имѣвшагося по этой части въ научной нашей литературѣ *). Вслѣдствіе этого

*) Почти единственная попытка обработки этого матеріала—Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго. Спб. М. О. Вольфъ. 2-е измѣненное изданіе 1867, 5-е безъ измѣненій 1887.

предполагавшійся сжатый очеркъ церковнославянскаго языка разросся до такихъ размѣровъ, что автору пришлось разбить всю работу на двѣ части, изъ которыхъ первая и повергается теперь на судъ компетентныхъ цѣнителей. Вторая часть уже будетъ разсматривать самыя церковнославянскія заимствованія въ фонетическомъ, морфологическомъ и семасіологическомъ отношеніяхъ. Выступая въ первый разъ съ болѣе обширной работой, авторъ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую признательность лицамъ и учрежденіямъ, такъ или иначе помогавшимъ ему въ настоящей работѣ: прежде всего учителю своему, извѣстному языковѣду-слависту, профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, лекціямъ, научнымъ бесѣдамъ и совѣтамъ котораго авторъ много обязанъ первымъ пробужденіемъ научнаго интереса къ области явленій языка и своимъ дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ; другому учителю своему, бывшему профессору Казанскаго Университета М. П. Петровскому, который самымъ радушнымъ образомъ предоставлялъ автору многія рѣдкія старопечатныя книги своей прекрасной библіотеки; приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку, благодаря любезности котораго авторъ могъ пользоваться также нѣкоторыми рѣдкими старопечатными книгами Русскаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и Императорскому С.-Петербургскому Университету, давшему средства для печатанія этой работы. Авторъ не можетъ здѣсь благодарить еще одного своего учителя (которому онъ, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ), потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. Памяти этого преждевременно и трагически погибшаго для науки талантливаго ученаго посвящается настоящая работа, тема которой указана была автору покойнымъ.

Спб. 14 мая 1893 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введение. О процессѣ заимствованія въ языкѣ	1— 56
Глава I. Обзоръ литературы вопроса	57—129
Глава II. Церковнославянскій языкъ:	
§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій	130—131
§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.	
1. Вокализмъ. Живое произношеніе	131—145
2. Церковнославянскій консонантизмъ	135—156
§ 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка. А. Склоненіе. Отличія, обусловленныя из- мѣненіями фонетическими спонтаненческими.	156—159
Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими ком- бинаторными	159—162
§ 4. Общая характеристика церковнославянскаго скло- ненія	162—163
§ 5. Склоненіе бывшихъ основъ на еі- (і-)	163—169
§ 6. Склоненіе бывшихъ м. и ср. р. основъ на соглас- ный п-	169—175
§ 7. Склоненіе первичной основы на п- дѣнь	175—176
§ 8. Склоненіе бывшихъ основъ на ег-	176—178
§ 9. Склоненіе бывшихъ основъ на еs-	178—182
§ 10. Склоненіе бывшихъ основъ на пt-	182—184
§ 11. Склоненіе бывшихъ основъ на ū-	184—186
§ 12. Склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еu- (u-)	186—190
§ 13. Склоненіе бывшихъ основъ на ā-, jā-	190—205
§ 14. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на о-	205—227
§ 15. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на jo-	227—246
§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя	246—251
§ 17. Мѣстоименія	251—288
§ 18. Имена прилагательныя и причастія сложныя	288—303

	Стр.
§ 19. Степени сравненія	303—305
§ 20. Имена числительныя	305—310
§ 21. Б. Глаголь. Личныя окончанія первичныя	310—319
Личныя окончанія вторичныя	319—324
§ 22. Образованіе глагольныхъ формъ	324—325
Повелительное наклоненіе	325—334
Причастіе настоящаго времени дѣйств. и страдат. залоговъ	334—349
§ 23. Аористъ и имперфектъ	349—373
§ 24. Причастія прошедшаго времени дѣйств. и страд. залоговъ	373—385
§ 25. Перифрастическія выраженія	385—396
§ 26. Страдательный залогъ	396—398
§ 27. Неопредѣленное наклоненіе и сущинъ	398—399
Заключеніе	399—406

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая работа посвящена изслѣдованію лексическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный и народный (насколько это было возможно прослѣдить) языкъ изъ церковно-славянскаго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ очень близкой совмѣстной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственной задачѣ настоящаго изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ разсмотрѣть явленіе языковаго заимствованія вообще и выяснитъ понятіе о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія языка.

Какъ мы увидимъ ниже, заимствованіе увеличиваетъ лексическое богатство языка, служитъ источникомъ новыхъ корней, суффиксовъ и префиксовъ, даже грамматическихъ формъ, имѣетъ весьма важное значеніе для семасіологическаго развитія и является вполне неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какъ наличныхъ, такъ и уже не существующихъ историческихъ, культурныхъ и соціальныхъ условій, а также и общихъ свойствъ человѣческой природы вообще.

Между тѣмъ, до послѣдняго времени лингвисты очень мало обращали и обращаютъ вниманія на данное явленіе, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ по своему значенію въ жизни языка. Въ наиболѣе извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ методологіи языкознанія и принадлежащихъ Дельбрюку, Витнею, М. Мюллеру ¹⁾, вопросъ о заимствованіи

¹⁾ Delbrück. V. Einleitung in das Sprachstudium. Первое изд. Leipzig 1880, второе 1884.

совершенно или почти совершенно обходится молчаніемъ. Даже въ лучшей, наиболѣе обстоятельной работѣ этого рода, — *Prinzipien der Sprachgeschichte* Пауля, глава, посвященная вопросу о заимствованіи, явилась только во второмъ изданіи (Halle 1886), а въ первомъ (1880), кромѣ весьма немногочисленныхъ и разбросанныхъ, случайныхъ замѣчаній, о заимствованіи не было и рѣчи.

Работы Маценауера, Миклошича, Брюкнера, Вейзе и Шухардта ¹⁾ являются въ современной научной литературѣ почти единственными крупными работами, посвященными изслѣдованію занимающаго насъ явленія въ области индо-европейскихъ языковъ. Да и большинство этихъ работъ имѣетъ характеръ главнымъ образомъ словарный (работа Маценауера, большинство работъ Миклошича) и воздерживается отъ какихъ-либо выводовъ и обобщеній. Только въ работахъ Вейзе и Шухардта встрѣчаемъ стремленіе проникнуть въ самую сущность даннаго явленія, изучить и представить его характерныя черты.

— — —

Whitney. W. D. *Die Sprachwissenschaft*. Нѣмецкая обработка Jolly. München 1874.

M. Müller. *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache*. 1-я и 2-я серия въ обработкѣ Böttger'a (Leipzig 1875, 1870).

¹⁾ Matzenauer Ant. *Cizi slova ve slovanských řečech*. V Brně 1870.

Miklosich. F. *Die slavischen Elemente im Neugriechischen*. Wien. 1870.

» » » » Magyarischen » 1872.

» » » » in den Mundarten der Zigeuner 1872.

» » » » im Rumunischen. Wien. 1862.

» » » » Albanischen » 1870.

» *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*. Wien. 1867.

» » türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen. Wien. 1885.

» » romanischen Elemente im Albanischen 1871.

» » christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien

1875.

Brückner. A. *Litu-slavische Studien*. I. Theil. *Die slavischen Fremdwörter im Litauischen*. Weimar. 1887.

Weise. Fr. O. Dr. *Die griechischen Wörter im Latein*. Leipzig. 8°. VIII. 544. 1882.

Schuchardt. H. *Slavo-deutsches und slavo-italienisches*. Graz. 1885. 4o 140.

Веске. *Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка*. Казань. 1890.

Краткій очеркъ относящейся сюда литературы см. у О. Шрадера въ его *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 2 изд. 1890, стр. 102—110.

Нѣкоторые прежніе ученые, какъ, напримѣръ, Гейзе ¹⁾, были даже склонны смотрѣть на заимствованіе, какъ на факторъ разрушительнаго свойства, влекущій за собой паденіе языка и полное его преобразование, какъ на порчу языка. Такъ, примѣсью чуждыхъ элементовъ Гейзе объясняетъ переходъ языковъ изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, образование такъ называемыхъ „производныхъ“ языковъ (abgeleitete Sprachen) изъ „основныхъ“ (Stammsprachen) и т. д. ²⁾

Въ настоящее время этотъ взглядъ не раздѣляется ни однимъ серьезнымъ ученымъ ³⁾, тѣмъ болѣе, что и во взглядахъ на то, что считалось прежде паденіемъ языка, произошелъ коренной переворотъ.

Тѣмъ не менѣе, въ образованныхъ слояхъ общества, у многихъ литераторовъ и даже филологовъ подобныя взгляды на заимствованіе не рѣдкость. Обыкновенно такіе взгляды находятся въ связи съ преувеличеннымъ и ложно понимаемымъ патриотиз-

1) System der Sprachwissenschaft. Berlin. 1856. § 84 и слѣд.

2) § 81. Основные языки—языки первичной формациі. Въ нихъ запасъ словъ не перемѣшанъ съ преобладающими чужими элементами, и грамматическая система развита по «собственному» принципу образованія. Ихъ развитію не мѣшала никакая «чуждая сила», и они «даже въ своихъ послѣднихъ стадіяхъ постоянно способны къ образованію и развитію изъ собственной физической силы».

Производные языки — языки вторичной формациі, образовавшіеся изъ основныхъ «черезъ совершенное разложеніе стараго языковаго матеріала или преобладающее вліяніе новаго, чуждаго элемента и переобразованные по новому принципу, слѣдовательно основанные на окончательномъ разрушеніи и переобразованіи природнаго организма основнаго языка».

Какъ примѣръ Гейзе приводитъ романскіе языки.

§ 88. Древне-греческій языкъ умеръ медленной смертью, носяъ того какъ онъ совершенно выродился вмѣстѣ съ паденіемъ древне-греческаго народнаго духа. Греческая имперія была часто опустошаема походами чуждыхъ племенъ, и наконецъ греки были тяжко угнетены владычествомъ турокъ. Такимъ образомъ организмъ ихъ языка при падающей силѣ народнаго духа и проникновеніи въ него многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ долженъ былъ окончательно разрушиться. Ср. также §§ 86, 87, 93, 94.

3) Асколи, правда, въ своихъ «Глоттологическихъ письмахъ» (Изм. изданіе п. з. Sprachwissenschaftliche Briefe. Leipzig. 1887. Первое письмо) проводитъ похожій взглядъ на образованіе французскихъ фонетическихъ особенностей подъ вліяніемъ кельтскаго произношенія, но взглядъ этотъ пока еще почти никѣмъ изъ романистовъ не раздѣляется.

момъ съ одной стороны и смутнымъ представленіемъ о жизни языка съ другой.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно современное движеніе противъ заимствованныхъ словъ въ Германіи, исходящее часто изъ административныхъ и офиціозныхъ сферъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей—директоръ почтъ Стефанъ, введшій въ употребленіе массу нѣмецкихъ неологизмовъ въ своемъ вѣдомствѣ. Железнодорожные термины иностраннаго происхожденія, также мало-по-малу замѣняются новыми нѣмецкими, причемъ замѣна эта происходитъ офиціальнымъ путемъ, а не предоставлена жизни и времени) и нерѣдко приводящее къ комичнымъ эпизодамъ ¹⁾.

Причиной подобныхъ отрицательныхъ взглядовъ на языковое заимствование является непониманіе или незнаніе того, что дѣйствительный прогрессъ языка въ семасіологическомъ отношеніи заключается въ приближеніи къ возможно полному и совершенному соотвѣтствію понятій и ихъ звуковыхъ символовъ—словъ.

Состояніе языка, при которомъ достигается болѣе точное выраженіе понятій словами, безспорно, есть состояніе болѣе совершенное. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, въ ряду прочихъ факторовъ, доставляющихъ языку средства для этого болѣе точнаго выраженія идеи словомъ, заимствование занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Если Гейзе утверждалъ, что языковое смѣшеніе губительно и влечетъ за собой полное паденіе языка, то Максъ Мюллеръ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе смѣшанныхъ языковъ (*Mischsprachen*) ²⁾, противъ чего въ послѣднее время возстаетъ Шу-

¹⁾ Въ родѣ, напримѣръ, торжества шовинистской нѣмецкой печати по поводу замѣны въ заголовкѣ канцелярскихъ бланковъ дворцоваго правленія (новой императрицы Викторіи Августы) слова *Cabinet* (*французскаго* происхожденія) словомъ *Dienst* (природнымъ нѣмецкимъ).

Торжествовавшіе упустили при этомъ совсѣмъ изъ виду, что и въ новой редакціи: «*Dienst Ihrer Majestät Kaiserin und Königin...*» все-таки остаются еще два чужеземца: *Majestät* волифъ недавняго происхожденія (и опять-таки латинско-французскаго—*Majesté*) и *Kaiserin* болѣе давняго (греческаго).

²⁾ «Кельтъ можетъ стать англичаниномъ, кельтская и саксонская кровь могутъ смѣшаться..., но языки не смѣшиваются никогда». *Vorlesungen über die Wissenschaft d. Sprache* 'bearbeitet von Böttger. I. Serie. Dritte Auflage. Leipzig. 1875, стр. 90.

хардтъ ¹⁾, утверждающій съ неизмѣримо бѣльшимъ на то основаніемъ, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“. Хотя М. Мюллеръ имѣлъ въ виду только невозможность смѣшенія въ морфологическомъ отношеніи, невозможность скрещенія двухъ различныхъ типовъ языковаго строенія, но и въ этомъ отношеніи его отрицаніе слишкомъ рѣзко и опровергается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ фактовъ, приводимыхъ, между прочимъ, и Шухардтомъ.

Явленіе языковаго заимствованія представляетъ особый интересъ для изученія и въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, ни въ одномъ изъ прочихъ явленій жизни языка не проявляется такъ рѣзко социальная основа и природа нослѣдняго. Ни одно изъ другихъ языковыхъ явленій не имѣетъ такихъ тѣсныхъ и многочисленныхъ связей съ разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно изъ языковыхъ явленій не представляетъ (взятое во всемъ своемъ объемѣ) такой сложности и разнообразія, смѣющихся надъ попыткой изслѣдователя уложить относящіеся сюда факты въ какую-нибудь простую и ясную систему.

Разъ признавъ вмѣстѣ съ Паулемъ ²⁾ социальную природу языка и его явленій, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать за человѣческимъ обществомъ и право сознательнаго воздѣйствія на эту сторону общественной жизни, какъ и на любую другую, т. е. право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь языка, какое въ дѣйствительности всегда имѣло мѣсто ³⁾, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому съ объективной, научной точки зрѣнія, стремленія нѣмецкихъ и иныхъ юристовъ языка, направленныя къ замѣнѣ иностранныхъ лексическихъ элементовъ собственными, природными, не представляютъ ничего нелѣпаго, разъ эти стремленія не переступаютъ извѣстныхъ границъ и осуществляются болѣе или менѣе рационально, т. е. согласно съ требованіями здраваго смысла и характерными особенностями даннаго языка

¹⁾ Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 5.

²⁾ Principien der Sprachgeschichte. Zweite Aufl. Halle. 1886. Einleitung, стр. 1 и слѣд.

³⁾ Особенно въ языкѣ литературномъ и поэтическомъ.

Во всякомъ случаѣ коррективомъ подобныхъ сознательныхъ стремленій (какъ и въ другихъ соціальныхъ явленіяхъ) является прочая инертная масса общества, которой и принадлежитъ здѣсь рѣшающая роль.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію разныхъ категорій заимствованія.

Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріалъ отъ окружающихъ насъ ¹⁾ или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими.

Языкъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному народу, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный языкъ, до извѣстной степени отличный отъ языка каждаго другаго индивидуума, принадлежащаго къ тому же народу. Каждый такой индивидуальный языкъ представляетъ извѣстныя особенности не только въ звуковомъ, фізіологическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, морфологическомъ и синтактическомъ.

Единственной силой, которая удерживаетъ эти индивидуальные языки въ границахъ наибольшаго взаимнаго сродства, указывающаго на ихъ принадлежность къ одной языковой единицѣ, является постоянный процессъ заимствованія, имѣющій мѣсто всякій разъ, какъ только встрѣчаются хотя бы два индивидуума.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Шухардтомъ, признающимъ вопросъ о заимствованіи самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ о языкѣ ²⁾.

Но разницы между языками отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, настолько незначительны, взаимное заимствованіе и коррегированіе языка въ звуковомъ и прочихъ отношеніяхъ происходитъ такъ постоянно, что различеніе заимствованныхъ и природныхъ элементовъ въ этихъ

¹⁾ Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches etc. стр. 6 и Paul. Principien d. Sprachg. 2-е изд. стр. 37, 89.

²⁾ Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 3.

индивидуальныхъ языкахъ не только не представляется необходимымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. Съ другой стороны подобное заимствование вполнѣ неизбежно и неразрывно связано съ самой природой, сущностью языка, подразумевается вездѣ и всегда само собой.

Потому этотъ родъ заимствования, который можно назвать „одноочвеннымъ“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычнымъ“, можетъ быть смѣло оставленъ въ сторону безъ ущерба для научнаго изслѣдованія.

Другіе результаты получаются, когда въ соприкосновеніе приходятъ не такіе схожіе между собою языки, какъ индивидуальные языки двухъ представителей одного и того же народа, а языки, разнящіеся другъ отъ друга въ большей или меньшей степени. Это соприкосновеніе не такъ неизбежно, какъ соприкосновеніе индивидуальныхъ говоровъ, принадлежащихъ одной языковой единицѣ; оно можетъ быть и не быть и находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Заимствование, какъ слѣдствіе такого соприкосновенія, также не неизбежно, и необходимы опять извѣстныя условія для того, чтобы оно могло произойти.

Этотъ родъ заимствования, который, въ противоположность разсмотрѣнному выше, можно было бы назвать „разноочвеннымъ“ или „иноязычнымъ“, имѣетъ своимъ результатомъ большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріаль вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому, за которой мало-по-малу слѣдуетъ полная ассимиляція и въ другихъ отношеніяхъ.

Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ и въ новомъ добровольно принятомъ или силою навязанномъ языкѣ, но они ничѣмъ не будутъ разниться отъ обыкновенныхъ иноязычныхъ за-

имствованій и будутъ находиться къ новому языку именно въ отношеніи этихъ послѣднихъ.

Таковы, наиримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ инородческими финскими или тюркскими племенами, таковы славянскіе провинціализмы въ восточныхъ прусскихъ (сплезскихъ) говорахъ и т. д.

При соприкосновеніи разнящихся другъ отъ друга языковъ могутъ быть слѣдующіе случаи ¹⁾:

а) языки совсѣмъ не родственны другъ другу;

б) языки родственны другъ другу, т. е. представляютъ собой: 1) языки, происшедшіе отъ одного общаго уже совсѣмъ исчезнувшаго или мертваго проязыка, каковы языки индо-европейскіе, славянскіе, германскіе, романскіе и т. д., 2) нарѣчія или говоры одного живаго языка;

с) въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствованіе происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствованіе можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ, уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный.

Заимствованіе иноязычное отсюда можетъ быть двоякое: изустное, какъ слѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія двухъ народовъ, говорящихъ разными языками, и книжное, совершающееся при помощи письменности.

Заимствованіе изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (и безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ и является слѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: географическаго сосѣдства, торговыхъ сношеній, путешествій, переселеній и колонизаціи, завоеваній и т. д. Условія эти имѣютъ большую или меньшую силу сообразно различнымъ историче-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 изд., стр. 337.

скимъ эпохамъ. Такъ, для образованія смѣшанныхъ языковъ (въ родѣ англійскаго), основанныхъ на заимствованіи, завоеваніе уже не играетъ такой важной роли въ настоящее время, какъ, напримѣръ, въ эпоху завоеванія Англійи норманнами или Галліи, Испаніи и Дакіи римлянами. Въ свою очередь, торговля сношенія и путешествія имѣютъ въ наше время неизмѣримо большее значеніе для заимствованія, чѣмъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, что находится въ связи съ широкимъ развитіемъ средствъ сношенія, благодаря которому явилась возможность непосредственнаго заимствованія изъ самыхъ отдаленныхъ (въ географическомъ смыслѣ) языковъ (ср., напримѣръ, англійское tea, заимствованное изъ китайскаго, фр. и англ. tarіоса—южно-американскаго происхожденія, р. араруть=англ. arrow-root и т. д.).

Заимствованіе книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, можетъ имѣть мѣсто только при извѣстной степени культурнаго и умственнаго развитія даннаго народа, слѣдовательно въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Кромѣ того, оно является прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т: е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному.

Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени, и часто тогда, когда образованные классы давно уже утратили ихъ (ср. р. оказія, для близиру и т. д.).

Какъ изустное, такъ и книжное заимствованіе могутъ происходить непосредственно изъ одного языка въ другой или при посредствѣ какого-либо другаго и даже нѣсколькихъ другихъ языковъ. Примѣромъ такого посредственнаго заимствованія (книжнаго) въ русскомъ языкѣ могутъ служить, напримѣръ, многіе церковные термины греческаго происхожденія, понавшіе въ русскій при посредствѣ церковно-славянскаго и т. п.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованіе чужихъ словъ обуславливается заимствованіемъ новыхъ понятій, т. е. имѣеть ближайшей причиной культурное заимствованіе. Т. о. заимствованіе здѣсь является слѣдствіемъ развитія или роста культуры даннаго народа и вытекаетъ изъ необходимости давать обозначеніе понятіямъ, дотолѣ неизвѣстнымъ.

Образчикомъ подобныхъ заимствованій съ культурнымъ заимствованіемъ въ основѣ могутъ служить:

астрономическая терминологія индусовъ, заимствованная вмѣстѣ съ астрономическими понятіями у грековъ и имѣющая поэтому греческое происхожденіе:

anaphā = ἀναφή	jūka = ζυγόν
ākōkera = αἰγόκερος	tāvuri = τᾶυρος
āpoklima = ἀπόκλιμα	tauksika = τοξότης
āra = ἄρης	panapharā = ἐπαναφορά
kendra = κέντρον	pāthēna = παρθένος
trikona = τρίγωνος	liptā = λεπτή
kaurpia = σκορπίος	sunaphā = συναφή
jāmitra = διάμετρος	heli = ἥλιος, horā = ὥρα и т. д. ¹⁾

французская морская терминологія, заимствованная частью у норманновъ, частью у голландцевъ и имѣющая потому германское происхожденіе:

affréter — фрахтовать (ствн. frèht, голл. vracht)
agrès = снасти (голл. gereide, gerei)
bābord = бакборть (лѣвая сторона судна, голл. bakboord)
bitte = битенгъ (стойка, нѣм. Bättingsholz, англ. bit)
bomerie = бодмеря (голл. bodemerij)
bosseman = боцманъ (голл. bootzman)
bouline, стфранц. boline = булинь (голл. boe-lijne, англ. bowline)
cahute = каюта (стфр. cahute и cahutte = голл. kajuit)
canе, стфр. canot = челнокъ (голл. kaan, новон. Kahn)

¹⁾ Ср. Weber. A. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen. Monatsberichte d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1871. 7 Dec., и его же Indische Studien. т. II, стр. 251, 261

chaloupe = шлюпка (г. sloep, англ. sloop, шв. slup)

èbe = отливъ (голл. ebbe)

стфр. esturman = штурманъ (голл. stuurman, arc. steórman, а. steersman)

стфр. estiere = руль (arc. steóre)

étai = штагъ (голл. staede, staye, англ. stag)

нйкард. étrain = берегъ (голл., нѣм. strand)

falaise, стфр. falise = скала (ствнм. felisâ)

flibot = англ. fly-boat (родъ судна)

haubans, стфр. hobenes = ванты (голл. hobant вм. hoofdbant)

havre, стфр. havene = гавань (arc. häffen, дрсканд. höfn)

hune = марсъ (дрсакс. hün, ср.голл. hüne) и т. д.

Сюда же принадлежатъ и названія четырехъ странъ свѣта: nord, sud, est, ouest и т. д.

Французская военная терминологія заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и т. д.), поставившихъ главный контингентъ старо-французской арміи:

bivac (biwacht), boulevard (bolwerk), guerre (ствн. werra), halt (halt), hampe — рукоятка (handhaba), havre-sac (habersack) и т. д. ¹⁾

Такими же примѣрами могутъ служить: общеевропейская музыкальная терминологія, вмѣющая итальянское происхождение и объясняющаяся преобладающимъ одно время вліяніемъ итальянцевъ на исторію музыки (XVI, XVII и половина XVIII-го вѣка), русская морская терминологія, цѣликомъ заимствованная вмѣстѣ съ моренлаваніемъ и кораблестроеніемъ у голландцевъ и частью англичанъ, многіе нѣмецкіе коммерческіе термины итальянскаго происхожденія ²⁾, русская (и вообще славянская) и готская христіанская терминологія ³⁾, заимствованныя вмѣстѣ съ христіан-

¹⁾ См. Diez. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Морские романские термины также у O. Schrader'a. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Erster Theil. Jena, 1886. стр. 51—52.

²⁾ Agio, bankerott, bilanz, börse (ит. borsa, въ концѣ концовъ сводящееся къ греческ. βύρσα), brutto, conto, corrent, disconto. dito, franco, loco, per (предлогъ: per August и т. д.), porto, risico и т. д.

³⁾ Русская: акаонистъ, амвонъ, аналои, анаома, ангель, антиминосъ, ан-

ствомъ у грековъ, русская модная терминологія французскаго происхожденія ¹⁾ и т. д.

По такимъ болѣе или менѣе прочнымъ и многочисленнымъ слѣдамъ, которые оставляютъ въ языкахъ сношенія народовъ между собою и ихъ вліяніе другъ на друга, можно возстановить до известной степени исторію ихъ умственнаго и культурнаго развитія. Такой рядъ заимствованныхъ словъ ²⁾, какъ ирійск. *míg*, дрви. *míga*, *mígi*, словинск. *míg*, малор. муръ, польск. *mig*, р. муровать, лит. *mígas*, алб. *mig*, берущій свое начало изъ лат. *micus*, показываетъ, откуда получили данные народы каменностроительное искусство.

О культурномъ заимствованіи свидѣлствуютъ также: лат. *mīna* = греч. *μῦν* = еврейск. ассир. *manēn*, *mana*, откуда египетское *mn* и ведійское *manā*, сводящіяся всѣ вмѣстѣ къ аккад.

тифонъ, антихристъ, апокалинеясъ, апостоль, артосъ, архангелъ, архидіаконъ, архимандритъ, архи-пастырь, архіепископъ, архіерей, далматика, демественный, дискось, діаконъ, евангелистъ, евангеліе, евхаристія, еkkлeсiастъ, еkkлeсiархъ, ексархъ, ектенія, елей, епархія, енархъ, епископъ, епитимія, епитрахиль, ересь, еретикъ, еонимоны, игумень, игуменья, идолъ, икона, ирмологій, ирмосъ, іерархія, іерархъ, іерей, іеродіаконъ, іеромонахъ, кадило, канонъ, катавасія, катехизисъ, каоедра, каоисма, каоолическій, кивотъ, кимваль, киновія, клирикъ, клиросъ, кондакъ и т. д.

Готская: *aikklesjo*, *aipiskaupci*, *aipiskaupus*, *aipistaule*, *aggilus*, *aivaggeli*, *aivaggelista*, *aivaggeljo*, *aivхаристіа*, *alev*, *anaĵaima*, *apaustaulei*, *apaustaulus*, *arkaggilus*, *daimonareis*, *diabaulus*, *diakonus*, *hairaisis*, *hyssopo*, *nardus*, *pain-tekuste*, *parakletus*, *paraskaive*, *paurpura*, *praizbytairi*, *praufetes*, *psalma*, *synagoge* и т. д.

¹⁾ Абажуръ, антука, аграмантъ, (*les agréments*), бавдо, бильеду, біе, бланжевый (*blanche*), блонды, блуза, бордюръ, бортъ, ботфорты, бра, браслетъ, брошь, будуаръ, букля, букетъ, вальсъ, визитъ, воланъ, вуаль, газъ, гардеробъ, гарнитюръ (гарнитуръ уже черезъ посредство нѣмецкаго), грезетъ (*grisette*), гроденаплъ, гродестуръ, декольте, драдедамъ, жабо, жилетъ, жирандоль, кабинетъ, кабриолетъ, кадрилъ, камзолъ, камлотъ, канапе, канва, канделябрь, канитель, капишонъ, капотъ, кенкетъ, коленкоръ, колье, корсажъ, корсетъ, костюмъ, кринолинъ, куафёръ, куафюра, кушетка, ландо, лансье, левантинъ, люстра, люстринъ, мантилья, манти, медальонъ, модистка, моаре, неглиже, палевый цвѣтъ (*jaune paille*), пальто, панталоны, панье, папильотки, пляссе, портмоне, портфель, портшезъ, пудра, рандеву, ридикюль, рояль, салонъ, сервизъ, сертукъ (или сюртукъ), солитеръ, софѧ (французское удареніе), тафтѧ (*taffetas*), трипъ, тротуаръ, трюмѧ, туалетъ, тупей, фалбала, фарсъ, фасадъ, фасонъ, фазтонъ (изъ греч.), файнсъ и т. д.

²⁾ O. Schrader. *Sprachvergleichung und Urgeschichte* 1883, стр. 204, 2 изд. 1890. 206.

мана ¹⁾); санскр. *dināga*, заимствованное изъ греч. *δηνάριον*, откуда происходят и стсл. *динларь*, серб. *динар*, слов. *denar*, ит. *denago* или *danago*, рум. *denariū* ²⁾); скр. *драгма*, сводящееся къ греч. *δραχμή*, откуда гот. *drasna*, стсл. *дрлхмл*, серб. *драм*, рум. *drahmī*, тур. *dirhém*, *dirém*, болг. *диремли* (уже изъ турецкаго источника), алб. *derhem* (тоже изъ турецкаго), курд. *dirhem* ³⁾). Лат. *pondus* является источникомъ для гот. и др. сканд. *pund*, англо-сакс. *pund*, англ. *round*, дресакс. *pund*, дрвн. *pfunt* и т. д.; русское *фунтъ* = нѣм. *pfund*, а *пудъ* представляетъ болѣе древнюю форму заимствованія или изъ латинскаго, или изъ германскаго еще до передвиженія согласныхъ; къ этой же семьѣ принадлежатъ польск. *pudek* и серб. *фунта* ⁴⁾). Интересными образчиками такого рода культурныхъ заимствованій являются имена для большихъ чиселъ въ языкахъ аборигеновъ Тихаго океана, заимствованныя изъ европейскихъ языковъ (гл. образомъ англійскаго) вмѣстѣ съ чуждыми до тѣхъ поръ представленіями. Такъ на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ 1000 = *mila*, на Таити и Гавайскихъ 100 = *hanegī* (hundred) и *tausani* (thousand) и т. д. ⁵⁾.

Мы могли бы привести цѣлыя страницы подобныхъ примѣровъ, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы показать значеніе заимствованныхъ словъ какъ для лингвиста, такъ и для историка культуры.

Но культурное заимствованіе не всегда лежитъ въ основѣ языковаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, несравненно болѣе рѣдкихъ) мы встрѣчаемъ языковое заимствованіе, за которымъ не скрывается никакого культурнаго. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ параллельныя „классическія“ (романскаго происхожденія, заимствованныя) и „тевтонскія“ (природныя, гер-

¹⁾ O. Schrader. *Linguistisch-historische Forschungen*, стр. 126. H. Zimmer. *Altindisches Leben*. 1879, стр. 51.

²⁾ O. Schrader. *Linguist. histor. Forsch.*, стр. 136, а также Weber. A. *Indische Beiträge zur Aussprache d. Griechischen*.

³⁾ O. Schrader. *Linguist hist. Forsch.*, стр. 136.

⁴⁾ Ср. тамъ же стр. 158.

⁵⁾ L. Geiger. *Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft*. Stuttgart. 1868. I Bd., стр. 286.

манскаго корня) слова, обозначающія первично одно и то же вполне обыкновенное и известное понятіе ¹⁾).

Примѣрами могутъ служить:

ox || beef (boeuf), calf || veal (veau), swine || pork, sheep || mutton, holy || sacred, heavenly || celestial, deed || act, action, dale || vale, to heal || to cure, freedom || liberty и т. д.

Здѣсь разница значеній уже вторична и развилась очевидно впоследствии уже на англійской почвѣ, приуроченная къ лексическому параллелизму, которымъ языкъ воспользовался для семантической дифференціаціи.

Часто заимствуются названія безнравственныхъ людей или учреждений, хотя это обыкновенно совсѣмъ не значитъ, чтобы заимствующему народу были неизвѣстны соответствующія понятія. Такъ финикійское pillegesh заимствуется въ греческій въ видѣ *παλλακίς* (откуда лат. *pelex*), хотя рядомъ и имѣлось природное греческое слово *πορνικός*, перешедшее въ свою очередь въ армянскій въ видѣ *pornik*.

Изъ лат. *meretrix* происходитъ ирѣиск. *mertrech* (сюда же относится и русская Мелетриса Кирбитьевна, обязанная своимъ происхожденіемъ итальянскому *meretrice*, которое переводчикъ старинной новѣсти принялъ за собственное имя). У финновъ имѣются даже три заимствованныхъ названія для даннаго понятія: *huoga* = шв. *hoga*, *portto* (дрсканд. *portkona*) и *kurva* (заимствованное изъ русскаго) ²⁾.

Извѣстно также, что, при сношеніяхъ различныхъ народовъ между собою, скорѣе и легче всего усваиваются ругательныя и неприличныя слова, хотя не найдется народа, который не имѣлъ бы въ своемъ словарѣ большаго или меньшаго ихъ запаса. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ имѣть въ виду сравнительную частоту употребленія извѣстныхъ словъ въ низшихъ общественныхъ классахъ, а также большую, сравнительно съ прочими словами, энергію, съ которой они произносятся.

¹⁾ Ср. O. Schrader. *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. Первое изд. стр. 203 — 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

²⁾ *Ibidem* стр. 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

Въ языкахъ литературныхъ заимствованіе чуждыхъ языковыхъ элементовъ часто является необходимымъ для приданія описанію или разсказу большей точности или живости, смотря по тому, какая цѣль имѣется въ данномъ случаѣ: научная или художественная (такъ называемый „мѣстный колоритъ“) ¹⁾.

Кромѣ необходимости, въ заимствованіи играетъ также роль извѣстная аффектація, мода, манерность ²⁾. Этимъ объясняется смѣшеніе природной рѣчи съ отдѣльными словами и цѣлыми предложеніями чужаго языка, каковое имѣетъ, на примѣръ, мѣсто въ языкѣ европейской аристократіи относительно французскаго языка.

Но культурное вліяніе и здѣсь, такъ или иначе, всегда является сопутствующимъ факторомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ чужая культура, а отсюда и чужой языкъ, имѣютъ ббльшую цѣну и привлекательность, чѣмъ свои собственные ³⁾.

Заимствованія этого рода имѣютъ обыкновенно очень эфемерный характеръ, будучи часто вызываемы прихотью минуты, случаемъ, но извѣстная часть ихъ все-таки сохраняется и держится иногда еще въ языкѣ низшихъ классовъ общества, въ то время, какъ классы, первично заимствовавшіе, давно уже ихъ утратили.

Такъ, народный русскій языкъ сохранилъ выраженіе „для близиру“ (для виду, на показъ, = фр. plaisir, съ народнымъ словопроизводствомъ отъ „близь, близкій“), совсѣмъ уже не встрѣчающееся въ языкѣ образованныхъ классовъ. Такой же случай имѣется въ народн. *оказія* (фр. occasion). Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ поется объ „аломъ гризетѣ“, давно уже позабытомъ въ высшихъ слояхъ. Извѣстно, что разговорный языкъ русскаго образованнаго общества прошлаго столѣтія изобиловалъ массой преимущественно французскихъ словъ, изъ которыхъ въ употребленіи уцѣлѣла сравнительно незначительная часть.

Нѣкоторыя слова сохранились только въ простонародномъ языкѣ, какъ вышенприведенные примѣры. Въ нѣмецкихъ народныхъ гово-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 Aufl., стр. 310.

²⁾ Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches und slawo-italienisches., стр. 81.

³⁾ Ср. Paul. Principien. стр. 339--340.

рахъ до сихъ поръ употребительно *adrett* (изящный, ловкій) = франц. *adroit*, исчезнувшему уже изъ языка высшихъ классовъ и т. д.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заимствованіе является слѣдствіемъ культурнаго общенія народовъ между собою, то отсюда само собой вытекаетъ предположеніе, что съ развитіемъ международныхъ сношеній должно увеличиваться и количество заимствованныхъ словъ въ соотвѣтственныхъ языкахъ. Дѣйствительно, въ новѣйшихъ культурныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ несравненно болѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ древнихъ, а также и современныхъ некультурныхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заимствованіе не имѣло мѣста въ древнихъ языкахъ или было въ размѣрахъ, едва заслуживающихъ вниманія, какъ склонны были думать ученые старой школы въ родѣ Гейзе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наши свѣдѣнія о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ индо-европейскими языками, весьма недостаточны. Мы можемъ опредѣлить только заимствованія, сдѣланныя уже въ эпоху историческую, послѣ раздѣленія индо-европейскаго праязыка на отдѣльные языки; заимствованія же, сдѣланныя этимъ праязыкомъ въ эпоху доисторическую, до раздѣленія и переселенія племенъ, наука пока не въ состояніи выдѣлить изъ общаго лексическаго состава индо-европейскихъ языковъ и, вѣроятно, никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать это.

Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что многія или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ словъ, считаемыхъ общеарійскими, природными словами, были заимствованы въ праязыкъ отъ сосѣднихъ народовъ ¹⁾. Многія заимствованія, сдѣланныя уже въ отдѣль-

¹⁾ Ср. O. Schrader. *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 1-е изд., стр. 161: «уже а priori вѣроятно, что во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ имѣется подъ индогерманской одеждой пзвѣстный запасъ словъ, который никогда нельзя будетъ свести къ общему индогерманскому доисторическому періоду, по той простой причинѣ, что онъ происходитъ отъ языковъ доиндогерманскихъ и не индогерманскихъ. Выдѣлить подобныя слова въ какомъ-либо объемѣ, при почти совершенномъ отсутствіи свѣдѣній относительно этихъ доиндогерманскихъ языковъ, будетъ, конечно, всегда невозможно».

K. Brugmann. «Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indog.

ныхъ языкахъ въ доисторическую и даже въ историческую эпоху, нельзя выдѣлать по немѣнью для этого средствъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Кромѣ чисто апіористическихъ соображеній о возможности заимствованій въ доисторическія эпохи, мы имѣемъ и цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, подтверждающихъ вѣроятность этихъ соображеній по аналогіи.

Такъ, наиримѣръ, въ греческомъ языкѣ имѣется извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ языковъ (еврейскаго, финикійскаго, арамейскаго и т. д.).

Проф. А. Мюллеръ ¹⁾ насчитываетъ въ старомъ греческомъ немного болѣе сотни словъ, которыя обыкновенно принято считать за имѣющія семитическое происхожденіе. Изъ этого количества онъ выдѣляетъ около тридцати, песомнѣнно семитическихъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ имѣется также извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго.

Особенно сильно вліяніе греческаго языка на латинскій, въ которомъ имѣется большое количество словъ, перешедшихъ изъ греческаго. Число этихъ заимствованій въ *Index graecorum vo-*

Sprachen (Techner. Internationale Zeitschrift für die allgem. Sprachwissenschaft. Bd. I. N. 1. стр. 250), говоритъ по этому поводу: «...мы вовсе не знаемъ, какъ часто въ доисторическія времена одинъ языкъ заимствованъ отъ сосѣднихъ языковъ. Если принять во вниманіе, какъ часто имѣли мѣсто заимствованія словъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ историческія времена, то очень мало вѣроятно, чтобы въ доисторическія времена имѣлись только такія немногочисленныя перенесенія словъ, какія можно было до сихъ поръ выдѣлать при помощи звуковыхъ законовъ или какъ-нибудь иначе». Далѣе: «позтому, вѣроятно, что въ собраніяхъ словъ, долженствующихъ доказать ближайшую связь двухъ сосѣднихъ языковъ, попадаетъ не одно сопоставленіе, которое слѣдовало бы оставить, такъ какъ данное слово на одной сторонѣ является заимствованнымъ».

Ср. также L. Geiger. Urspr. d. Sprache u. d. Vernunft т. I, стр. 298: «заимствованія имѣли мѣсто въ чудовищныхъ (ungeheuer) размѣрахъ; и именно слова переходили изъ одного языка въ другой частью пѣликомъ со своими звуками, частью только со своимъ понятіемъ въ переведенномъ видѣ...» Ниже: «эти явленія не ограничиваются одними новыми языками и не касаются однихъ только единичныхъ матеріальныхъ понятій: они появляются уже въ первобытныя времена и въ примѣненіи къ понятіямъ, которыя мы должны считать за основныя...»

¹⁾ Semitische Lehnworte im älteren Griechisch (Bezenb. Beitr. z. K. d. idg. Spr. 1877. Bd. I).

cabulorum in linguam latinam translatorum Saalfeld'a (Berlini MDCCCLXIV) доходить приблизительно до 1.800; въ изслѣдованіи же Вейзе ¹⁾ перечень ихъ занимаетъ 218 страницъ въ большую восьмую, что, по среднему расчету по тридцать три слова на страницу, составляетъ болѣе 7.000 словъ (7.200). Сверхъ того въ греческомъ имѣется также небольшое количество заимствованій изъ санскрита, которыхъ А. Веберъ насчитываетъ девятнадцать, хотя изъ этого числа кое-что придется исключить, какъ не вполне достовѣрное ²⁾).

О санскритскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка мы говорили уже выше. Кромѣ того въ санскритѣ съ большой вѣроятностью предполагаютъ извѣстное количество словъ, взятыхъ изъ дравидическихъ языковъ, а въ новыхъ индійскихъ языкахъ эти заимствованія и очень замѣтны. Если мы вспомнимъ еще, что каждый изъ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языковъ представляетъ массу словъ, встрѣчающихся только въ немъ одномъ и не подтверждаемыхъ другими родственными языками, такъ что корни ихъ не могутъ быть опредѣлены, что имѣется значительное количество спеціально индійскихъ, спеціально греческихъ, спеціально латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и т. д. словъ, если вспомнимъ, кромѣ того, сколько совершенно неизвѣстныхъ и темныхъ въ исторіи народовъ исчезло, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, то намъ сдѣлается яснымъ, что заимствованіе въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ могло быть въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это принято было думать.

Заимствованіе изъ другаго языка можетъ быть двухъ родовъ: предметомъ заимствованія могутъ быть цѣлыя слова или части словъ (суффиксы, префиксы, въ ограниченныхъ размѣрахъ даже флективные окончанія), причемъ до извѣстной (правда, весьма ограниченной) степени возможно даже усвоеніе чужихъ звуковъ, т. е. предметомъ заимствованія является чужой, языковой мате-

¹⁾ Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. Hirzel. 1882, gr. 8o VIII + 546 стр. Также н. з. Preisschriften der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXIII.

²⁾ A. Weber. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache d. Griechischen. Monatsberichte d. Berliner Akademie. December 1871.

рлалъ, заимствуется внѣшняя форма слова. Затѣмъ можетъ быть другой случай, когда слово по своему матеріалу, по звукамъ, корню и прочимъ морфологическимъ частямъ (суффиксамъ, префиксамъ и т. д.) является вполне природнымъ и ничѣмъ не отличаетъ своего иностраннаго происхожденія, которое обнаруживается только при сравненіи его внутренняго строенія (или принципа его строенія) со строеніемъ соответствующаго иностраннаго слова.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ *innere Sprachform*), съ заимствованіемъ духовнаго, не матеріальнаго характера. Къ подобнаго рода заимствованіямъ относятся такъ называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т. д. т. е. буквальные переводы или перенесенія чужихъ оборотовъ рѣчи цѣлыхъ фразъ или ходячихъ формулъ.

Примѣрами подобнаго заимствованія могутъ служить;

р. выглядѣть=нѣм. *aussehen*, откуда также ведутъ свое начало чешское *vuhlížeti*, польск. *wyglądać* и серб. *изгледати*.

р. вліяніе, н. *wpływ*, ч. *vrlyv*, также сводящіяся къ нѣмецкому *Einfluss*, которое, въ свою очередь, восходитъ къ лат. *influentia* (фр. *influence*, англ. *influence*, ит. *influenza*) и т. д.

р. предметъ (слово, сдѣланное въ прошломъ вѣкѣ), которое какъ и польск. *przedmiot* (вѣроятно служившее образцомъ для русскаго), обязано своимъ происхожденіемъ не совсѣмъ точному переводу нѣм. *Objekt* (лат. *objectus*, къ которому сводится и нѣм. *Gegenstand*).

р. обстоятельство=нѣм. *Umstand*,=лат. *circumstantia* (фр. *circonstance* и т. д.).

нѣм. *barmherzig* (р. милосердый)=лат. *misericors* и т. д.

ит. *prelezione* (студенческій терминъ у австрійскихъ итальянцевъ)=*Vorlesung* ¹⁾).

Польско-русское *podobny na słońce* (похожій на солнце) в.м. р. *do słońca*.

¹⁾ Schuchardt. *Slawo-deutsches...*, стр. 25.

австрийско-нѣмецкое: sich spielen (подъ вліяніемъ словинскаго
igrati se, польск. bawić się),

„ sich weiben, sich mannen (Gottscheever
Mundart: слов. ženiti se, možití se) ¹⁾.

словино-нѣмецкое: sich lernen (učiti se) ²⁾.

Польско-нѣмецкое: sich beleidigen (obrazić się: Schuchardt,
Slawo-deutsches. 110).

Словинское: mi gre dobro (es geht mir gut. Ibidem 96).

Словинское: in den Städten sind alle Häuser gebaut, такъ
какъ zidati значить и *bauen*, и *mauern* (ibidem).

Въ Силезіи и сѣверной Богеміи, также въ венгерскихъ го-
рахъ: bleibt in Gottes Namen=ч. zůstávejte s Pánem Bohem=
и. zostańcie z Panem Bogiem (ibidem).

Польско-нѣмецкое: die Klage austragen (wynieść skargę.
Ibidem).

Примѣры подобныхъ перенесеній при предлогахъ:

польск. chorować na zęby вызываетъ польско-нѣмецкое auf
den Zähnen krank sein (ibidem, 115).

„ na drugi dzień — ankommen auf den andern Tag
(ibidem).

Словинское: auf den Hof des Königs gehen (подъ вліяніемъ—
na kraljev dvor. Ibidem).

Чешско-нѣмецкое: auf die Messe (na mši); auf Bier gehen
(na pivo); auf Kaffee geladen (na kafe).

Польско-нѣмецкое: er ist mit ihr geschieden (z nią rozłą-
czony. Ibidem стр. 116), zum Widersehen — do widzenia (стр. 117)
и т. д.

Подобныхъ перенесеній внутренней формы слова мы найдемъ
много и въ болѣе отдаленныя времена:

стел. АГГЕЛО-ГЛАСЪНЬ (ἀγγελό- φωνος)	АГГЕЛО-ВНДЪНЬ	} (ἀγγελοειδής)
	„ ЗРАУЪНЬ	
АГГЕЛО-АВЪНЪНЬ (ἀγγελοπρεπής)	„ ОБРАЗЪНЬ	

¹⁾ Ibidem, стр. 109.

²⁾ Ibidem.

БЛГРОНОСЬНЪ (πορφυροφόρος)	» -ПАЛВАТИ (εὐπλοεῖν)
БЛГРЪНО - ПОСТАЛНЪ (πορφυρό- στρωτος)	» -РОДЪНЪ (εὐγενής)
» -РОДЪНЪ (πορφυρογέννη- τος,-φυτος)	» -СЛОВИТИ (εὐλογεῖν)
БЛМЪВЛНОТВОРЪННІЕ (ἀγαλματο- ποιΐα)	БОГАТО-ЛЮБНВЪ (φιλοπλούσιος)
БЛСНО-ДЪКАННІЕ (μυθοποιΐα)	БОГО-БЛЖЕНЪ (θεομακάριος)
» СЛОВИТИ (μυθολογεῖν)	» -БОРЪНЪ (θεομάχος)
» СЛОВНІЕ (μυθολογία)	» -ЛЪПЪ (θεοπρεπής)
БЕЗЪКОННІЕ (ἀνομία)	» -СЛОВНІЕ (θεολογία)
БЕЗЪКОНЬНЪ (ἄνομος)	БРАКО-БРАДЫЦА (γαμοκλόπος)
БЕЗЪКОНЬНОВАТИ (ἀνομεῖν)	БРАТО-ЛЮБЪСТВЕНІЕ (φιλαδελφία)
БЕЗЪБОГЪ,-КОЖЬНЪ (ἄθεος)	БРЪМЕНО-НОСЬИЪ (ἀχθοφόρος)
БЕЗЪБОЖЬСТВО,-КОЖНІЕ (ἀθεΐα)	БОУІЕ-СЛОВНІЕ (μωρολογία) и т. д.
БЕЗЪБОЖЪННІЕ (ἀφοβία)	ПРЪ-БОЛЬСТВО (ὑπερβολή)
БЕЗЪБЪДЪНЪ (ἀκίνδυνος)	ПРЪ-ДАННІЕ (προδοσία)
БЕЗЪВННЬНЪ (ἀναίτιος)	ПРЪ-ДАТЕЛЬ (προδοτής)
БЕЗЪВОДНІЕ (ἀνυδρία)	ПРЪДИ-ТЕУА (πρόδρομος)
БЕЗЪГЛАЕНІЕ (ἀφονία)	ПРЪДЪ-ВЕСТИ (προάγειν)
БЕЗЪГОДНІЕ (ἄωρία)	» -ГРАДНІЕ (προάστειον)
БЕЗЪДОУШНІЕ (ἀψυχία)	» -МЫСЛНІЕ (προθυμία)
БЕЗЪДЪТНІЕ (ἀτεχνία) и т. д.	» -МЛННСЛННІЕ (praescriptio)
БЛЛГОВНДЪНЪ (εὐειδής)	ПРЪДЪ-ОБРАЖЕННІЕ (πρόσχημα)
» ВОННІЕ (εὐωδία)	ПРЪДЪ-СЪДАТЕЛЬ (praeses)
БЛЛГО-ВЪСТВНІЕ } (εὐαγγέλιον)	» -СЪДАТИ (praesidere)
» -ВЪСТЬ } (εὐαγγέλιον)	СЛМОВЛМСТЫИЪ (αὐτοκράτωρ)
» -ГЛЛГОЛЬНЪ (εὐλαλος)	СЛМОТВОРЕИЪ (αὐτοποιός)
» -ГЛЛСНІЕ (εὐφωνία)	СЪВОИННІКЪ } (συστρατιώτης)
» -ДЛВЫЦЪ (ἀγαθόδότης)	СЪВОИНЪ } (συστρατιώτης)
» -ДЪТЕЛЬ (εὐεργέτης) и т. д.	СЪВЪСТЬ, СЪВЪДЪ (συνείδησις, conscientia)
	СЪГЛЛСНІЕ (συμφωνία, concentus)
	СЖИРЖГЪ (σύζυγος, conjux) и т. д.

Къ этой же категоріи заимствованій принадлежатъ такіе галлицизмы и германизмы, какъ: разъ я беру съ сдѣлать то и то — я сдѣлаю = une fois, que je m'en charge..., дѣлать кого-либо несчастнымъ (faire quelqu'un malheureux), считаться съ чѣмъ-

нибудь (tenir compte de quelque chose или sich rechnen mit), рассчитывать на кого или что (compter sur), имѣть жестокость, проходить молчаніемъ, хранить молчаніе (silentium servare), предпослать что чему, имѣть что нибудь противъ, быть слишкомъ добрымъ или умнымъ, чтобы..., имѣть что сказать или возразить, раздѣлять чьи либо чувства или мысли, трогательный (touchant), немислимый (undenkbar), сосредоточить (concentrer), начитанный (belesen), начитанность (Belesenheit), развитіе (développement или Entwicklung), утонченный (raffiné), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (vorsichtig) и т. д.

Въ началѣ своего употребленія заимствованное слово принадлежитъ языку только немногихъ индивидуумовъ и отъ нихъ передается путемъ заимствованія „одноязычнаго“ или „одноочвеннаго“ (см. выше стр. 7) все большому и большому кругу говорящихъ тѣмъ же языкомъ ¹⁾). Въ этомъ отношеніи исторія такого слова та же, что и всякаго новаго слова. Распространеніе извѣстнаго заимствованія находится также въ зависимости отъ того, какому кругу идей оно принадлежитъ: извѣстныя слова остаются надолго и часто навсегда въ тѣсномъ кругу тѣхъ или другихъ спеціалистовъ, не выходя за его предѣлы, причемъ и въ этомъ тѣсномъ кругу онѣ распространяются постепенно, другія сейчасъ же или скоро по своемъ заимствованіи становятся достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества или и всего народа.

Заимствуясь въ извѣстный языкъ, чужое слово подвергается дѣйствию звуковыхъ и морфологическихъ законовъ, имѣющихъ силу въ языкѣ въ данное время, и принимаетъ вслѣдствіе этого извѣстныя фонетическія и морфологическія особенности, характеристичныя для заимствующаго языка. Такъ какъ между звуками любыхъ двухъ языковъ всегда имѣется болѣе или менѣе значительная разница, дающая себя чувствовать въ произношеніи даже вполне бѣгло владѣющихъ чужимъ языкомъ, и такъ какъ вполне точное воспроизведеніе чужихъ звуковъ требуетъ спеціальнаго упражненія въ этомъ, то при заимствованіи всегда происходитъ

¹⁾ Ср. Paul. Principien 2. стр. 340.

подстановка природныхъ, привычныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого постояннаго условія заимствованіе отдѣльныхъ чужихъ звуковъ является невозможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое заимствованіе, повидимому, имѣетъ мѣсто, какъ, напримѣръ, въ русскихъ словахъ

благодать (bl'gádat')
съ Богомъ (zbógm),

заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, или

графъ, филенка (Füllung), фонетика, идущихъ изъ пѣмецкаго и греческаго (звуки γ и f въ независимомъ положеніи первично чужды русскому языку), заимствованные звуки уже имѣются въ звуковой системѣ даннаго языка.

Такъ заднеязычный звонкій спирантъ γ имѣется и въ природныхъ русскихъ словахъ:

когда, всегда, иногда (kâgdá, fs'ægdá, j'nâgdá),

гдѣ онъ вполне закопелъ фонетически и обязанъ своимъ появленіемъ (изъ звонкаго заднеязычнаго взрывнаго γ) фонетической диссимиляціи. Звукъ ϕ (f) также имѣется въ природныхъ русскихъ словахъ и является результатомъ комбинаторнаго измѣненія зубно-губнаго спиранта σ (v) въ глухой въ концѣ словъ или передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ:

головъ (gálóf), Петровъ (p'ætróf), готовъ (gátóf) и т. д.

всѣ (fs'æ), готовься (gátóf's'â), въ свой... (fsvój), мутовка

(mutófkâ) и т. д.

Заимствованіе звуковъ, совершенно чуждыхъ звуковой системѣ заимствующаго языка, никогда не имѣетъ мѣста. Такъ фр. *gobe gonde* переходитъ въ русскій въ видѣ *роброндъ*, гдѣ носовой гласный уже замѣненъ сочетаніемъ гласнаго съ подходящимъ носовымъ согласнымъ, т. е. *н*. Такой же случай представляетъ *вензель* = польск. *wzięć*.

Но, получая такимъ образомъ извѣстную, если можно такъ выразиться, окраску, присущую тому или другому языку въ моментъ заимствованія въ него даннаго слова и соединяющую его въ одну общую семью съ другими, природными словами, заим-

¹⁾ Ср. Paul. Principien. 2. стр. 340—341.

ствованное слово все же остается чуждо принявшему его языку по своему звуковому составу и строению или по истории своих составных частей, хотя бы это и трудно было замѣтить съ перваго взгляда.

Возьмемъ, на примѣръ, русское слово „телефонъ“, заимствованное изъ „международнаго“ греческаго языка (о такихъ международныхъ языкахъ см. ниже), употребляемаго для различныхъ научныхъ и техническихъ терминовъ. Это слово произносится русскими:

t'yl'æfón,

тогда какъ нѣмецъ, заимствовавшій также это слово, произносить его иначе—

tæl'æfón (Telefon),

причемъ, разумѣется, всѣ гласные и согласные звуки будутъ въ большей или меньшей степени отличаться отъ соответствующихъ русскихъ. Итальянецъ заимствуетъ это слово въ видѣ:

telefónio

опять съ извѣстной разницей въ звукахъ отъ нѣмецкой и русской формъ. Кроме того и въ морфологическомъ отношеніи это слово принимаетъ въ его языкѣ другой видъ. Французъ опять иначе заимствуетъ это слово, а именно какъ *téléphon*, и т. д.

Въ языкахъ съ опредѣленной, неподвижной системой ударенія заимствованное слово принимаетъ и новое удареніе:

ит.	fenéstra	переходитъ въ нѣмецкомъ въ Fenster.
лат.	feniculum	„ „ „ „ Fenchel
„	flagellum	„ „ „ „ Flegel
„	forestum	„ „ „ „ Forst
„	cerefolium	„ „ „ „ Kerbel
„	catena	„ „ „ „ Kette
„	cerasum	„ „ „ „ Kirsche
„	magister	„ „ „ „ Meister
„	monachus	„ „ „ „ Mönch
„	monasterium	„ „ „ „ Münster
„	moneta	„ „ „ „ Münze
греч.	πεντέχοστη	„ „ „ „ Pfingsten

лат. predicare	„	„	„	„	predigen
„ signare	„	„	„	„	segnen
„ tractarius	„	„	„	„	Trichter
„ vocatus	„	„	„	„	Vogt и т. д.

Въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, заимствованныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ: *kościół* (*castellum*), *bassarunek* (*Besserung*), *ladunek* (*Ladung*) и т. д.

Во французскомъ удареніе будетъ на послѣднемъ слогѣ и т. д.

Въ старомъ англійскомъ въ собственныхъ именахъ:

A'bimeleh, *A'chaia*, *A'ndreas*, *A'pollinus*, и т. д.

Въ неизмѣненныхъ заимствованіяхъ: *básilisca*, *crístallus*, *ístoria*, *kálendás* и т. д.

Въ другихъ случаяхъ: *seren* = *carenum*, *cuscene* = *coquina*, *cumen* = *cuminum*, *mynet* = *monēta*, *mynster* = *monasterium* и т. д. *brēfian* = *breviare*, *offrian* = *offerre*, *pinsian* = *pensare*, *próbian* = *probare* и т. д. ¹⁾.

Если чужое слово и принимаетъ окраску заимствующаго языка, чуждое его происхожденіе не можетъ быть окончательно замаскировано. Такъ, въ вышеприведенномъ русскомъ словѣ

t'yl'afón

звукъ *f* въ подобномъ положеніи (въ серединѣ слова и въ началѣ слога) чуждъ русскому языку, самые корни, давшіе это сложеніе, отсутствуютъ въ русскомъ языкѣ и, наоборотъ, природны въ греческомъ. Если звукъ *f* и природенъ нѣмецкому языку, за то корни *tele* и *phon* такъ же, какъ и въ русскомъ, не имѣютъ нѣмецкихъ родичей, не связаны никакими ассоціаціями съ природными нѣмецкими словами и потому не могутъ быть понятны тому, кто не знаетъ по гречески. То же должно сказать, *mutatis mutandis*, и объ итальянской или французской формѣ даннаго слова.

Такимъ образомъ, критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетиче-

¹⁾ Ср. *Pogatscher*, Alois. *Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehworte im Altenglischen*. Strassburg. 1888, стр. 17, 18, 19.

скихъ, морфологическихъ и даже семасіологическихъ особенностяхъ. Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчащему его звуковымъ и прочимъ законамъ ¹⁾).

Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, какъ заимствованныя въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго

градъ, страна, гладъ, хладъ и т. д.,

противорѣчитъ фонетическимъ законамъ русскаго языка сочетаніе *-ра-*, *-ла-*, соотвѣтствующее основно-славянскому *-ог-*, *-ол-*, литовскому *-аг-*, *-ал-*, и вмѣсто котораго мы ожидали бы *-оро-*, *-оло-*, имѣющееся въ природныхъ русскихъ словахъ:

городъ, сторона, голодъ, холодъ и т. д.

Въ словахъ: *среда*, *древесный*, *прибрежный* и т. д. встрѣчаемъ слогъ *-ре-* (стел. п. цел. *-ръ-*), который соотвѣтствуетъ основно-славянскому *-ег-*, дающему *-ере-* въ природныхъ русскихъ формахъ: *серѣда*, *серѣдка*, *дерево*, *берегъ* и т. д.

Изъ этого противорѣчія мы заключаемъ, что данныя слова не природны въ русскомъ языкѣ и попали въ него изъ церковно-славянскаго. Между тѣмъ, еслибы эти же самыя слова были заимствованы изъ церковно-славянскаго въ сербскій или чешскій языки, мы не имѣли бы возможности выдѣлить ихъ изъ природнаго лексическаго состава этихъ языковъ, такъ какъ эти послѣдніе раздѣляютъ данныя фонетическія особенности со старо-славянскимъ и его книжнымъ видоизмѣненіемъ — церковно-славянскимъ языкомъ.

Можетъ быть также случай, что слово заимствуется въ языкъ до наступленія извѣстнаго звуковаго процесса и, подвергаясь его дѣйствию, измѣняется настолько, что отличить его отъ природныхъ словъ бываетъ трудно или просто невозможно. При этомъ, конечно, чѣмъ раньше было заимствовано слово, тѣмъ большому числу звуковыхъ процессовъ оно подвергается. Отсюда и проис-

¹⁾ *O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883. стр. 201: «нашъ единственный вѣрный критерій того, имѣемъ ли мы дѣло съ тождествомъ, основаннымъ на праязыковомъ родствѣ, или съ заимствованіемъ, сводится къ правильности или неправильности звуковыхъ отношеній, отличающихъ другъ другу въ извѣстномъ рядѣ словъ».*

ходить упомянутая уже нами трудность выдѣленія заимствованій, сдѣланныхъ языками въ доисторическую пору ¹⁾).

Такъ латинское *tūs, tūris* (ѳиміамъ), заимствованное изъ греческаго *θύος, θύε(σ)ος* еще до наступленія процесса такъ назыв. ротацизма въ латинскомъ, подверглось этому процессу, какъ любое природное латинское слово. Такимъ образомъ, это слово нельзя было бы отличить отъ природныхъ, если бы въ немъ не замѣчалось еще неправильное соотвѣтствіе лат. *t* греческому *θ*. Въ другихъ случаяхъ въ родѣ лат. *mālum* || гр. *μήλον* и т. п., совсѣмъ нѣтъ указаній на ихъ чуждое происхожденіе ¹⁾).

При отсутствіи всякихъ виѣшнихъ признаковъ иноязычнаго происхожденія критеріемъ можетъ служить (далеко не всегда) значеніе слова. Этотъ семасіологическій критерій, однако, можетъ быть примѣняемъ только съ большою осторожностью въ виду того, что семасіологія до сихъ поръ пока представляетъ собой одинъ изъ наиболее трудныхъ и сложныхъ и въ то же время наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки о языкѣ. Приложение этого критерія допускаютъ болѣе всего слова, заимствованныя изъ близко родственныхъ языковъ и имѣющія въ данномъ языкѣ параллельныя природныя слова. Въ подобныхъ случаяхъ слова заимствованныя часто имѣютъ значеніе болѣе широкое и отвлеченное въ сравненіи съ параллельными природными, имѣющими болѣе узкое и конкретное значеніе. Ср., напримѣръ, французскія параллели:

acheter || *accepter* (*acceptare*)

chef || *cap* (*caput*)

champ || *camp* (*campus*)

chevalier || *cavalier*

¹⁾ Ср. I. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872, стр. 25: «Отдѣлить слова, которыя были заимствованы (такъ какъ входившіе во взаимный обмѣнъ языки стояли тогда еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ историческія времена) до вступленія въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ, дающихъ позднѣе критерій заимствованія, или слова, формы которыхъ согласуются съ звуковыми особенностями обонхъ данныхъ языковъ, отъ первично родственныхъ мы до сихъ поръ еще не въ состояніи». Ср. также V. Hehn. Italien. ³ (1887) стр. 171.

²⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890 стр. 204.

devin || divin (divinus)
 frêle || fragile (fragilis)
 noël || natal (natalis)
 peser || penser (pensare)
 sevrer || séparer (separare) и т. д.

Подобныя же русскія параллели:

голова || глава, сторона || страна, огородить || о-градить,
 солодовый || сладкій и т. д.

рожать || рождать, свѣтить || о-свѣщать и т. д.

Примѣромъ такого случая, гдѣ значеніе помогаетъ намъ уз-
 нать заимствованное слово, или, точнѣе, заимствованное значеніе,
 могутъ служить такія русскія параллели, какъ
 мужъ (coniux), жена (uxor) || мужъ (vir, homo), жена (femina).

Первыя значенія этихъ словъ принадлежатъ словамъ при-
 родно-русскимъ (или во всякомъ случаѣ усвоеннымъ весьма рано),
 вторыя словамъ, заимствованнымъ изъ церковно-славянскаго въ
 позднѣйшее время. Каждая пара при полномъ отсутствіи фоне-
 тическихъ признаковъ совпала съ другой совершенно, такъ что
 въ дѣйствительности мы имѣемъ только единичныя слова *мужъ*,
жена, имѣющія, каждое, два значенія.

Для нашего языковаго чутья слова эти въ значеніи vir, fe-
 mina имѣютъ такой же высокопарный оттѣнокъ, какъ *глава*, *брада*,
брегъ и др. подобныя, несомнѣнно церковно-славянскія слова.

И дѣйствительно, мужъ = vir, жена = femina народному языку
 совѣмъ чужды и дома только въ книжномъ языкѣ. Аналогичный
 случай представляетъ собой индостанское (урду) Dev, имѣющее
 также два значенія: природное — *богъ* и усвоенное изъ персид-
 скаго (Div или Dev) — *дьяволъ*¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя открыть непосредственнаго
 источника заимствованія, хотя оно и совершилось на нашихъ
 глазахъ. Такъ, на примѣръ, приведенное уже выше русское слово
 телефонъ,

несомнѣнно заимствованное, не природное, пошло въ русскій языкъ

¹⁾ Ср. Grünbaum. Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр.
 3 и слѣд.

весьма недавно, но непосредственного источника, изъ котораго оно взято, мы не можемъ указать. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы прослѣдили по разнымъ періодическимъ, техническимъ и общимъ изданіямъ исторію распространенія этого слова и нашли бы мѣсто, гдѣ оно употреблено впервые, все же едва ли оказалось бы возможнымъ доискаться, изъ какого собственно современнаго языка слово было взято. По своимъ составнымъ частямъ слово это несомнѣнно греческаго происхожденія, но очевидно не могло быть заимствовано изъ греческаго, тѣмъ болѣе, что въ древно-греческомъ языкѣ оно отсутствуетъ, а въ ново-греческомъ не можетъ быть первичнымъ въ силу условій культурныхъ ¹⁾. Самая форма слова не вполнѣ сохраняетъ характерныя черты греческаго словообразованія, такъ какъ въ греческомъ мы ожидали бы *τελέφωνος*. Во французскомъ мы имѣемъ *téléphon*, въ англійскомъ *telephon*, въ нѣмецкомъ *Telephon* и т. д. Который изъ этихъ языковъ послужилъ источникомъ для русскаго слова, сказать на основаніи одного фонетическаго критерія невозможно.

Въ сущности открытіе непосредственнаго источника заимствованія въ данномъ и подобныхъ случаяхъ не имѣло бы даже почти никакого значенія въ смыслѣ языковомъ. Такъ, упомянутый только что терминъ возникъ вмѣстѣ съ понятіемъ въ Америкѣ, но былъ чужимъ и заимствованнымъ еще на этой своей родинѣ. Гораздо важнѣе для насъ первичный источникъ даннаго слова, взятаго изъ „международнаго“, какъ мы можемъ назвать его, греческаго языка. Въ наукѣ и Technikѣ мы встрѣчаемъ массу подобныхъ терминовъ греческаго и латинскаго происхожденія, употребляющихся болѣе или менѣе одинаково у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта масса съ каждымъ годомъ увеличивается новыми подобными же образованіями.

Въ своей совокупности термины ²⁾ эти образуютъ настоящій всеобщій или международный языкъ, имѣющій также діалектиче-

¹⁾ Слово *téléphonie* во французскомъ встрѣчается задолго до изобрѣтенія телефона у Берлиоза (*Soirées de l'orchestre* 1853. Paris. P. 321).

²⁾ Ср. объ ученыхъ латинскихъ и греческихъ словахъ французскаго языка A. Darmesteter. *De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la régissent*. Paris 1877. Часть II, главы XI—XVI.

скія различія (ср. фр. *téléphon*, ит. *telefonio*, русск. *t'ylæfon* и т. д.), какъ и любой живой языкъ. Правда, кругъ идей, выражаемыхъ этимъ языкомъ, сравнительно ограниченъ, равно какъ и его употребленіе (преимущественно княжное), но языкъ этотъ постоянно растетъ и развивается, а кругъ его употребленія расширяется вмѣстѣ съ успѣхами науки и цивилизаціи. Польза, приносимая подобнымъ международнымъ языкомъ, очевидна и въ дѣйствительности перевѣшиваетъ далеко пользу, которую могутъ принести различные искусственные суррогаты, въ родѣ *volapük*, *rasilingua*, *langue internationale neo-latine* и т. д.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно новѣйшимъ временамъ и не имѣющимъ себѣ предшественниковъ въ древней исторіи человѣчества.

Претерпѣвъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе (подстановка природныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ) въ самый моментъ заимствованія, чужое слово продолжаетъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ и по своему принятіи въ другой языкъ. Чуждое по своему морфологическому составу, не связанное семансіологическими и прочими ассоціаціями съ другими словами и поэтому непонятное, оно измѣняется легко и разнообразно. Измѣненія его являются или слѣдствіемъ недослышки, ирричемъ слово воспринимается другимъ иначе, чѣмъ было произнесено, или слѣдствіемъ недостаточно твердаго запоминанія говорящимъ, ирричемъ слово измѣняется опять въ его устахъ.

Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣйствія какъ для такъ-называемыхъ „спорадическихъ“ звуковыхъ измѣненій такъ и для народнаго словопроизводства, играющаго при этомъ очень выдающуюся роль. Примѣромъ подобныхъ „спорадическихъ“ измѣненій могутъ служить, на примѣръ:

обще-русское *тминъ* (*t'm'in*) = гр. *ζύμιον*, евр. *куштон*, лат. *суминум*, стел. *кюминъ*, польское *кумін*. Благодаря полной этимологической обособленности этого слова, не имѣющаго въ русскомъ никакихъ родственныхъ словъ, по которымъ можно было бы исправить его произношеніе, произношеніе народа (говорящаго

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: *тислый, дуря, тинуть* и т. д., вмѣсто *кислый, гиря, кипѣть*) перешло и къ образованнымъ классамъ. Образованный русскій никогда не станетъ говорить *тислый, тинуть* и т. д., такъ какъ его поддерживаетъ письменный, книжный языкъ, но говорить и писать *тминъ*; онъ никогда не скажетъ *андель* (án'd'yl) вмѣсто *аниель* (ἄγγελος), потому что въ его языкѣ, находящемся подъ вліяніемъ книжнаго и церковнаго языка, имѣется болѣе „правильная“ форма. у многихъ поддерживаемая еще знаніемъ греческаго или латинскаго слова. Но онъ такъ же, какъ и масса, говоритъ и пишетъ *крендель* (kr'én'd'yl'), такъ какъ происхожденіе этого слова изъ нѣмецкаго Krügel ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ неизвѣстно, или никогда не приходитъ въ голову. Аналогичное измѣненіе *к* въ *т* находимъ въ давнишнемъ заимствованіи *витязь*, стсл. *кнѣзь*, серб. *витез*, ч. *vitez*, н. *zwycięzca*, вл. *vicaș*, =сканд. (исл.) *vikingr*, агс. *wicing*. Фамилія *Акатьевъ* = *Акакіевъ* и народное имя *Авдотья* вмѣсто *Евдокія* (гр. *Εὐδοκία*) такъ же пишутся, какъ и произносятся народомъ, произношенію котораго слѣдуетъ въ данныхъ случаяхъ и образованный человѣкъ, если не желаетъ придавать своей рѣчи характеръ неестественной, манерной изысканности.

Образчиками подобныхъ книжныхъ и народныхъ параллельныхъ формъ одного и того же заимствованнаго слова могутъ также служить нѣмецкія:

Corporal || Kaporal, Sergeant || Scharsant, Gensd'armes || Schandarre, genovieren || rennefiren и т. д. ¹⁾.

Въ приведенныхъ русскихъ случаяхъ измѣненіе *к*, *г* въ *т*, *д* произошло въ устахъ народа, гдѣ оно не имѣетъ „спорадическаго“ характера, а охватываетъ всѣ однородные звуки въ опредѣленныхъ условіяхъ; затѣмъ народныя формы этихъ заимствованій были въ другой разъ заимствованы въ языкъ образованныхъ классовъ, гдѣ ихъ соотвѣтствіе *к*—*т*, *г*—*д* уже является „спорадическимъ“, т. е. не имѣетъ никакой фонетической причины и,

¹⁾ См. Paul. Principien d. Sprachgeschichte ² стр. 313.

слѣдовательно, совершенно чуждо звуковому составу книжнаго языка.

Съ другой стороны фонетическія измѣненія въ заимствованныхъ словахъ наступаютъ вообще скорѣе, чѣмъ въ природныхъ, что объясняется опять уже упомянутымъ отсутствіемъ ассоціативныхъ связей съ другими словами языка, лексической ихъ обособленностью. Такъ, напримѣръ, слово *портулакъ* превращается въ устахъ народа въ *протулакъ* (pʁʲtʲulák, а въ сильно „акающихъ“ говорахъ pʁátulák), *портунѣя* въ *протунея*, хотя природное слово *портмойня* обыкновенно не претерпѣваетъ такого метатезиса въ виду связи съ *порты*, *портки* ¹⁾).

Здѣсь фонетическій процессъ весьма тѣсно соприкасается съ другимъ факторомъ, играющимъ весьма важную роль въ обезличиваніи иностранныхъ словъ и ихъ приурочиваніи къ заимствующему языку, — съ народнымъ словопроизводствомъ (являющимся однимъ изъ видовъ морфологической ассимиляціи или такъ называемой аналогіи). Такъ, форма *протулакъ* имѣетъ уже болѣе „русскій“ видъ, чѣмъ *портулакъ*, такъ какъ здѣсь уже возможно бессознательное этимологическое разложеніе слова на части *про-* и *-тулакъ*, изъ которыхъ первая совпадаетъ съ природнымъ предлогомъ *про-*, а вторая объединяется въ одну морфологическую группу со словами типа *кулакъ*, *буракъ*, *дуракъ* и т. д. Подобный же „метатезисъ“ имѣетъ въ народной формѣ *протунея* вмѣсто книжной *портунея*, болѣе близкой къ своему французскому источнику (*porte-érée*); здѣсь опять привходитъ элементъ народнаго словопроизводства, разлагающаго слово какъ бы на *про-* и *-тунея*, гдѣ чувствуется звуковая близость къ основѣ *тун-*, *тунной* и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ трудно сказать, что собственно является ближайшей причиной измѣненія внѣшней формы слова — фонетическій ли процессъ такъ называемаго метатезиса, или бессознательное стремленіе „осмыслить“ чужое слово, т. е. придать ему болѣе русскій, привычный видъ.

¹⁾ Впрочемъ, въ Дополненіи къ Областному Галикорусскому Словарию находимъ и формы: *протомоя*, *протомыка*.

Примѣровъ подобныхъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ народнаго словопроизводства и морфологической ассимиляціи, мы найдемъ массу во всѣхъ языкахъ.

Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ: *Armbrust* (какъ бы *Arm* и *Brust*) явилось изъ средне-латинскаго *arbalista*, *arcubalista* ¹⁾; въ словѣ *Pilgrim* (дрвн. *piligrim*, взятое изъ средне-лат. *peregrinus*) окончаніе *-grim* вм. *-grin* обязано своимъ *m* морфологической ассимиляціи къ такимъ природнымъ собственнымъ именамъ, какъ *Isegrim* и т. д. ²⁾; латинское *pyrethron* (греч. *πόρεθρον*—растеніе жигунецъ) изъ ср.-нѣмецкаго *birtron* превращается въ *Vertram*, какъ бы собственное имя ³⁾; латинское *betonica* (отсюда срвнѣм. *batónje*) въ *Bathengel* (также растеніе) ⁴⁾; *Karfunkel* = лат. *carbunculus* (срвн. *Karbunkel*), какъ бы отъ глагола *funkeln* ⁵⁾; названіе цвѣта *bleu mourant* превращается въ *Blümerant* (уподобленіе къ *Blume*—цвѣтокъ) ⁶⁾; французское новообразование (книжное) *similor* (похожій на золото) въ устахъ книжно-образованныхъ и знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ принимаетъ форму *semilor* (полузолото) ⁷⁾. Нѣмецкое *Felleisen* = срвн. *velis*, заимствованному изъ фр. *valise*. Слово осмыслено, какъ бы состояло изъ *Fell* и *Eisen* (*Kluge. Etym. Wbuch d. d. Spr.*). Особенно богатъ такими фактами народный языкъ, гдѣ изъ *radikal* дѣлается *rattekaht*, изъ *horribel* — *harübel*, изъ *famos* — *fermos* и даже *vermost*, изъ *justement*—*just am End* и т. д. ⁸⁾; *Stearinlichter* превращаются въ *Sternlichter*, а *unguentum Neapolitanum* въ *umgewendter Napoleon*; *pneumatische Post* (новинка въ Берлинѣ) осмысляется въ *neumodische Post* (газета *Post. 1887. № 120 B. B. Zur Sprachreinigung*) и т. д.

¹⁾ См. *F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch d. deutsch. Sprache. 4 изд. 1889, стр. 11.*

²⁾ См. *Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie. 3 изд. Heilbronn. 1878, стр. 167.*

³⁾ *Kluge. Ibidem, стр. 26. Andresen. Ibid., стр. 156.*

⁴⁾ *Kluge. Ibid. стр. 21. Andresen. Ibid, стр. 158.*

⁵⁾ *Andresen. Ibidem, стр. 160.*

⁶⁾ *Ibidem, стр. 190.*

⁷⁾ *Ibidem, стр. 160.*

⁸⁾ *Ibidem, стр. 75.*

Весьма часты подобныя измѣненія въ географическихъ именахъ: славянскія Branibor и Mezibor, превращаются въ Brandenburg и Merseburg (Andresen. Ueber d. Volksetymologie, стр. 110); ниже-лужицкія Selésna (железная) въ Sellessen ¹⁾, Hussoka (высокая), вѣроятно черезъ болѣе древнюю форму Wysoka въ Weis-sagk ²⁾ подъ вліяніемъ weiss; Luboras въ Lieberose ³⁾; кельтское Vitodurum въ дрвн. Winturdûra, а это въ Winterthur, латинское Claudii forum въ Klagenfurt, Venustus mons въ Finstermünz и т. д. ⁴⁾.

Въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) народныхъ говорахъ Kalinkenbeere (заимствованіе изъ польскаго kalinka, русск. калина) превращаются въ Kalkbeere (Kalk известка) и Kaninchenbeere (кроличьи ягоды) ⁵⁾.

Французскими примѣрами могутъ быть:

Beaurgé, заимствованное изъ голландскаго Bugsprit (какъ бы beau + gré) ⁶⁾; choucroute, заимствованное изъ нѣмецкаго Sauerkraut или, вѣрнѣе, изъ діалектическаго Sûrkrüt и осмысленное, какъ бы состояло изъ chou и croute ⁷⁾, ridicule изъ réticule (лат. reticulum) подъ вліяніемъ прилагательнаго ridicule (лат. ridiculus).

Солдаты ландвера (Landwehr) въ послѣднюю франко-прусскую войну назывались langues vertes ⁸⁾. Sanglier не имѣетъ ничего общаго съ sang и имѣетъ въ основѣ лат. singulus (болѣе позднее, книжное заимствованіе есть singulier), vendredi ничего общаго съ vendre (= Veneris dies) и т. д.

Русскими подобными примѣрами могутъ служить: *расшива* (Reiseschiff) какъ бы отъ *раз-* + *шить*; *филенка* (нѣм. Füllung) съ такимъ же суффиксомъ, какъ *дѣвченка*, *коровенка* и т. д.

¹⁾ См. Buttman. Die deutschen Ortsnamen. Berlin. 1856, стр. 104. Zwahr. I. G. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847, стр. 320.

²⁾ Buttman. стр. 74. Zwahr, стр. 126.

³⁾ Buttman, стр. 91. Zwahr. стр. 194.

⁴⁾ Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie, стр. 113.

⁵⁾ Schuchardt. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches, стр. 65.

⁶⁾ Andresen, стр. 28.

⁷⁾ Ibidem, стр. 27.

⁸⁾ Ibidem, стр. 31.

(морфологическая ассимиляция); *рынду-бей* (морской терминъ = англ. ring the bell); *битенъ* (морской терминъ) въ арханг. говорѣ превращается въ *битвенъ*, *битвенница*; *некрутъ*, народное вмѣсто *рекрутъ*, какъ бы не + *крутъ* въ *крутить*, *крутой* и т. д. *карасинъ* вмѣсто *керосинъ* (народное словопроизводство отъ *карась*); *рубль* едва ли имѣеть что общее съ *рубить* и одинаковымъ образомъ можетъ быть заимствованіемъ съ Востока (рупія); діалект. *докоманно*, *докомонно*, *докоманный* (основательно, точно, подлинно), въ основѣ которыхъ очевидно лежитъ иностранное слово „документъ“ и, можетъ быть, „документально“, превращаются въ *доконно*, *доконный* подъ вліяніемъ *доконъ* = до + *конъ* (ср. *удоконъ* = договоръ: Каз. губ.); *конвой* превращается въ *конбой*, (какъ бы *конъ* и *бой* ¹⁾); *рубка* (каюта на палубѣ) = англ. *goof*, голл. *goef*, и опять не имѣеть ничего общаго съ *рубить*; *налой* = греч. ἀναλόγειον чувствуется какъ на + *лой*; *выбленка* = нѣмецкому *Webeling* чувствуется какъ бы словомъ, сложеннымъ съ предлогомъ *вы-*; *высокосный* = лат. *bissextilis* разлагается какъ бы на *высокій* и *косный*; *Царское село* есть первоначально *Сарское село* (финское *Saari*); *крылосъ* = гр. κλῆρος или лат. *clegus* и съ *крыломъ* не имѣеть никакой связи; народное *великѣтный* = деликатный (*délicat*); *куролесить* также является результатомъ народнаго словопроизводства, которая изъ двухъ этимологій этого темнаго слова (*χύριε-ἔλεισθαι* или *χοραύλης*) и не была бы настоящей ²⁾); *кипарисъ* (*κινάρισσος*) измѣняется въ *капарисъ* или *купарисъ* (Духовные Стихи). *Известка* (діалектическое *извяска* какъ бы изъ + *вязкій*) не заключаетъ въ себѣ никакого предлога *изъ* и заимствовано изъ греческаго ἀσβέστης, ближайшимъ рефлексомъ котораго является форма *известъ*, какъ бы разлагающаяся на изъ + *вѣсть*.

Островъ Голодай около Петербурга и Гороховая улица въ немъ

¹⁾ Оп. Обл. Слов.

²⁾ Ср. однако Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Загадка № 2105. идутъ лѣсомъ, поють куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ. (похороны), или: шли плотники лѣсомъ, пѣли куролесомъ, несли пирогъ съ мясомъ (№ 24695).

по преданію получили свои названія отъ нѣкогда тамъ обитавшихъ англичанина Holyday и нѣмца Гарраха ¹⁾. Солдаты передѣлываютъ фамилію своего генерала *Бистрома* въ *Быстрова* ²⁾. Изъ иностранныхъ фамилій: Пагенкамифъ, Кось фонъ Даленъ, Гамильтонъ, Левенштейнъ, получаютъ русскія: Поганковъ ³⁾, Козодавлевъ ⁴⁾, Хомутовъ, Левшинъ ⁵⁾.

Въ духовныхъ стихахъ Волотоманъ превращается въ Володимира, Володимера съ одной стороны и Малодумора съ другой.

Солдаты, записывая народное чтеніе о землетрясеніяхъ, превращаетъ Лиссабонъ въ Лисадонъ и т. д. ⁶⁾.

Польское *kościół* есть заимствование изъ латинскаго — *castellum*, приуроченное впоследствии къ природному *kość*, *bawełna* (какъ бы *ba+wełna*, гдѣ сдѣлана понятной хотя бы вторая часть) = нѣм. *Baumwolle*.

Obstalować = нѣм. *bestellen*; *makótra* (малорусск. *макитра*, будто для терки маку) = греч. *μάχτρα*; собственное имя *Στέφανος* заимствуется въ видѣ *Szczepan*, лат. *cortex* превращается въ *корек*; *Liebstockel* въ *lubistek* (какъ бы отъ *lubić*) и т. д. ⁷⁾.

Измѣненія заимствованныхъ словъ подъ вліяніемъ народнаго словопроизводства имѣли мѣсто и въ древнихъ языкахъ:

Такъ индійскія рѣки являются у греческихъ писателей въ такомъ видѣ:

Irāvati = Ἰραώτης; *Vipāç* = Ὑφασίς, Ὑπανίς, Βίπασίς, Βιζασίς ⁸⁾; *Vitastā* = Ὑδάσπης, *Hiranyabāhu* = Ἐραυνοβάς.

Зендское *hyperetu* превращается въ *Ἐϋφράτης* и т. д. У Птолемея (*Geogr.* 7. 1) *Chandravati* обращается въ *Σανδράβατις*, а у

¹⁾ См. Карновичъ. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи. 1886, стр. 86 и 42.

²⁾ *Ibidem*, стр. 41.

³⁾ *Ibidem*, стр. 42.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 236.

⁵⁾ *Ibidem*, стр. 65.

⁶⁾ Ср. также другіе аналогичные примѣры въ статьѣ М. Савинова. Народная этимологія на почвѣ языка русскаго. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, т. XXI, стр. 13—58.

⁷⁾ Ср. *Karłowicz. Słoworód ludowy. Kraków. 1878. Passim.*

⁸⁾ *Zimmer. Altindisches Leben. Berlin. 1879, стр. 11*

Диодора Сиц. (17. 93) Chandraguptas и Chandramas въ Σανδρά-
κοπτος и Σανδράμης.

Арамейское dikela заимствуется въ греческій въ видѣ δάκτυ-
λος; еврейское shikomāh въ видѣ συκάμινος, συκόμορος, συχομωρέα;
санскритское pundarikas въ видѣ πάνθηρ, египетское chennuh (из-
вѣстная мѣра) превращается въ συδῖνος и т. д. ¹⁾; латинское
saxifraga въ σαρξίφαγος (пожирающій мясо).

Въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаемъ то же
явление: Оивы (Θῆβαι) = егип. t. аре, финикійскій городъ на
островѣ Кипрѣ—Chamath превращается въ Ἀμαθοῦς (т. е. пес-
чаный городъ отъ ἄμαθος, ἄμμος—песокъ, пыль); финикійскій же
богъ Мелехъ или Молохъ послужилъ источникомъ для Зевса Με-
λίχιος (сладостный); егип. Har re chrat (Гаръ—дитя, ребенокъ)
превращается въ Ἀρποκράτης и т. д. ²⁾.

Въ греческихъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ
латинскаго:

Βίβλος вмѣсто Bibulus, Ἀσύλλιος вмѣсто Asellius (какъ бы
отъ σολάω), Νοῦμήτωρ вмѣсто Numitor (какъ бы Νοῦς+μήτωρ,
какъ Φιλομήτωρ и т. п.), Λεύκουλλος, Λεύχιος, Λευκανία = Lu-
cullus, Lucius, Lucania, Δολαβέλλας, откуда Δολοβέλλας (какъ бы
отъ δόλος) вмѣсто Dolabella и т. д.

Латинскій языкъ заимствовалъ греч. γλοχόρριζα въ видѣ liqui-
ritia (ср. liquere), μηλόφυλλον въ видѣ millefolium, ὀρείχαλκον
въ видѣ aurichalcum ³⁾, ὀψώνιον въ видѣ obsonium (какъ бы
ob+sono), ἐγγυθήκη въ видѣ incitega ⁴⁾ и т. д.

Въ собственныхъ именахъ: Agrigentum = гр. Ἀκράγας (упо-
добленіе къ ager), Maleventum = гр. μαλόεις и т. д. ⁵⁾.

Подвергаясь подобнымъ измѣненіямъ какъ фонетическаго, такъ
и морфологическаго свойства, заимствованное слово въ концѣ-кон-
цовъ перестаетъ чувствоваться чуждымъ и въ представленіи огром-

¹⁾ См. Weise. O. Worten.lehnung und Wortschöpfung. Steinthal. Zeit-
schrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XIII, стр. 244.

²⁾ Ibidem, стр. 243.

³⁾ Weise, O. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1882, стр. 73.

⁴⁾ Ibidem, стр. 69.

⁵⁾ Ibidem, стр. 68.

наго большинства говорящих ничѣмъ не разнится отъ всякаго другаго роднаго, природнаго слова. Въ связи съ этимъ обыкновенно принято различать двѣ категоріи заимствованій: слова усвоенныя или заимствованныя въ тѣсномъ смыслѣ (въ нѣмецкой лингвистической терминологіи *Lehnwörter*) и слова чужія или иностранныя (*Fremdwörter*).

Къ первой категоріи учеными принято относить заимствованія, утратившія свой иностранный видъ въ силу фонетическихъ или морфологическихъ причинъ и уже не чувствуемыя иностранными; если мы обратимъ вниманіе на ихъ исторію, то найдемъ въ большинствѣ случаевъ, что они вошли въ языкъ во времена, болѣе или менѣе отдаленныя. Таковы, на примѣръ, русскія слова:

анисъ, буква, бутылка, витязь, жаловать, жалованье, известка, кадка, кадило, казна, князь, комната, корабль, лошадь, накануне, налаты, плита, попъ, поститься, пушка (дрвн. *buhsa* изъ греческаго *πυξίς*), рубль, сапогъ, стекло, суббота, таможня, тминъ, хлѣбъ царь, церковь, школа, якорь и т. д.

Нѣмецкія: *Abenteuer* (срвн. *âventiure* = фр. *aventure*), *Abt* (срвн. *abt*, *abbet*, дрвн. *abbat* = среднелат. *abbas*, *abbat-*), *Almosen* (дрвн. *alamuosan*, *alamōsan* = греч. *ἐλεημοσύνη*), *Anker* (дрвн. *anchar* = лат. *ancora*), *Armbrust* (срвн. *armbrust* = ср. лат. *arballista*, *arcubalista*), *Arzt* (дрвн. *arzat*, срвн. *arzât*, *arzet* = ср. лат. *archiater* = греч. *ἀρχιατρός*), *Banner* (фр. *bannière*), *Bibel* (гр. лат. *biblia*), *Bischof* (дрвн. *biscof*, срвн. *bischof* = *ἐπίσκοπος*), *Brief* (дрвн. и срвн. *brief* = лат. *brevis*), *Brille* (срвн. *barille*, *berille*, *brille* = лат. гр. *beryllus*), *Butter* (срвн. *buter* = ср. лат. *butyrum* = греч. *βούτυρον*), *Dattel* (срвн. *datel* = итал. *dattilo* = греч. *δάκτυλος*), *dichten* (срвн. *tihten*, дрвн. *tihtōn* = лат. *dictare*), *Drache* (срвн. *trache*, дрвн. *trahho* = лат. *draco*), *Essig* (л. *acētum*), *Estrich* (ср. лат. *astricus*), *Fenster* (срвн. *venster*, дрвн. *venster* = лат. *fenestra*), *Fieber* (срвн. *vieber*, дрвн. *fiemar* = лат. *febris*), *Flaum* (срвн. *phlûme*, дрвн. *pflûma* = лат. *plûma*), *Forst* (срвн. *vorst*, *forest*, дрвн. *forst* = ср. лат. *foresta*), *Insel* (срвн. *insel* = лат. *insula*), *Kaiser* (срвн. *keiser*, дрвн. *keisar* = *caesar*), *Kammer* (срвн. *kamer*, дрвн. *chamara* = лат. *camara* = гр. *καμάρα*),

Kelch (срвн. *kēlch*, дрвн. *chēlih*, *kēlih* = лат. *calix*), Kerker (срвн. *karkære*, *kērkære*, дрвн. *karkâgi* = лат. *carcer*), Kette (срвн. *kēten* = лат. *catena*), kirche (срвн. *kirche*, дрвн. *chirihha* = греч. *κυριακόν*), Münster (срвн. *münster*, дрвн. *münustiri* = лат. гр. *monastērion*), Münze (срвн. *münze*, дрвн. *münizza* = лат. *monēta*), pfeifen (срвн. *pfifen* = лат. *pipare*), Pferd (срлат. *paraverēdus*, *parifredus*), Pfingsten (срвн. *pfingsten* = гр. *πεντεκοστή*), Pfirsich (срвн. *pfērsich* = лат. *persicum*), Pflanze (срвн. *pflanze*, дрвн. *pflanza* = лат. *planta*), Pflaster (срвн. *pflaster*, дрвн. *pflastar* = греч. *ἐμπλαστρον*), Pflaume (срвн. *pflūme* = лат. *prūnum*), Pforte (срвн. *pforte*, дрвн. *pforta* = лат. *porta*), Pfund (срвн. дрвн. *pfunt* = лат. *pondo*), Pilz (срвн. *būlez*, дрвн. *buliz* = лат. *bōlētus*), Segen (срвн. *sēgen*, дрвн. *sēgan* = лат. *signum*), Siegel (срвн. *sigel* = *sigillum*), Stiefel (срвн. *stivel*, *stivâl* = ит. *stivâle* = срлат. *aestivale*), Vogt (срвн. *vogt*, дрвн. *fōgat* = срлат. *vocātus*) и т. д.

Латинскія: *caduceus* = гр. *κηρυκεῖον*, *κηρύκιον*; *canistrum* = *κάναστρον*; *catapulta* = *καταπέλτης*; *cupressus* = *κοπάρισσος*; *funda* = **σφονδα*, *σφενδόνη*; *obsonium* = *ὀψώνιον*; *obsono* = *ὀψωνεῖω*; *incitega* = *ἐγγυθήκη*; *liquiritiae* = *γλυκύριζα* и т. д.

Греческія: *βάλσαμον* (евр. *béshém*), *βύσσος* (евр. *buths*), *δέλτος* (евр. *délét*), *μῶν* (евр. *mánéh*), *νάβλας* и *νάυλας* (евр. *nébél*), *παλλακίς* (*pillegesh*), *σικάμινος* (*shikomáh*) и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ только ученому лингвисту ясно ихъ чужеземное происхожденіе; для природнаго же русскаго, нѣмца, римлянина, грека они не представляютъ (или не представляли) ничего чуждаго.

Ко второй категоріи относятся слова, чуждое происхожденіе которыхъ чувствуется уже и не лингвистомъ; время ихъ заимствованія въ языкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не такъ отдаленно, какъ у словъ предшествовавшей категоріи. Благодаря послѣднему обстоятельству, они не успѣли еще сильно измѣниться, такъ что ихъ иностранное происхожденіе ничѣмъ не замаскировано.

Примѣрами подобныхъ заимствованій могутъ служить рус-

скія слова: *аббатъ, аберрація, аванцена, автографъ, адвокатъ, администраторъ, адресъ, адъютантъ, акцентъ, акціонеръ*, и безчисленное множество подобныхъ словъ, доходящее въ (очень плохихъ и вполнѣ ненаучныхъ) словаряхъ иностранныхъ словъ русскаго языка до 40, 75 и болѣе тысячъ. Словарь иностранныхъ словъ нѣмецкаго языка Loof'a насчитываетъ до 90,000 такого рода заимствованій. Другіе языки не менѣе богаты заимствованиями этой категоріи.

Это раздѣленіе заимствованій на двѣ категоріи—словъ усвоенныхъ и чужихъ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, а именно критеріемъ здѣсь служатъ не какіе-либо внутренніе или вѣшніе признаки разсматриваемаго слова, а субъективное чувство изслѣдователя. Мы напрасно стали бы искать у лингвистовъ, какъ современныхъ, такъ и принадлежащихъ прошедшему времени, иного, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ даваемое Шлейхеромъ въ его книгѣ „*Deutsche Sprache*“ (1874. 3 изд., стр. 115—116):

„Тупость нашего языковаго чутья доходитъ до такихъ размѣровъ, что мы по большей части совсѣмъ не чувствуемъ чуждыми слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ въ раннія эпохи; эти болѣе древнія составныя части (языка) мы называемъ „усвоенными словами“ (*Lehnworte*) въ противоположность новымъ, еще не акклиматизировавшимся и производящимъ на cadaго чуждое впечатлѣніе „чужимъ словамъ“ (*Fremdworte*).

Пауль въ главѣ своихъ *Principien der Sprachgeschichte*, посвященной заимствованію, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о дѣленіи заимствованій на только что помянутыя категоріи ¹⁾. Профессоръ Тоблеръ въ брошюрѣ „*Die Fremden Wörter in der Deutschen Sprache* (Basel 1872, 56 стр.)“ даетъ опредѣленіе „усвоенныхъ“ словъ, ничѣмъ не разнящееся отъ опредѣленія Шлейхера. По его словамъ они... „уже довольно рано проникли въ языкъ, вслѣдствіе этого уже пустили въ немъ достаточно

¹⁾ Попытка установить болѣе точное понятіе «чужаго» слова (*Fremdwort*) была сдѣлана нѣкимъ Strackerjan'омъ въ статьѣ *Ueber das Bürgerrecht der Fremdwörter in d. deutschen Sprache* (*Viator. Zeitschrift für Orthographie* 1880. I Bd. стр. 40 и сл., 67 и сл., 86 и слѣд.), но неудачно.

прочные корни, какъ бы получили права гражданства, натурализировались или национализировались, слѣдовательно большею частью почти потеряли отпечатокъ своего иностраннаго происхожденія, такъ что только историческое языкознаніе, а не общее языковое чутье приносить съ собой сознаніе ихъ происхожденія“ (стр. 12).

Благодаря неопредѣленности критерія, во многихъ случаяхъ неизбежно должны возникать колебанія и сомнѣнія относительно принадлежности слова къ той или другой категоріи.

Трудность рѣшенія, возникающая при этомъ, увеличивается тѣмъ, что дѣйствительно имѣется переходный классъ словъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой категоріи ¹⁾).

Такое слово, напримѣръ, какъ *струбцынка* или *струбцынга* (*Schraubenzwinge*), не можетъ быть причислено ко второй категоріи „чужихъ“ или „иностранныхъ“ словъ, такъ какъ уже далеко отошло отъ своего источника, а къ первой категоріи его трудно отнести въ виду его непонятности и дикости для русскаго уха. Если первая его половина—*струб-* и совпадаетъ съ сложной основой *с+руб-* (народное *струб-*), то вторая—*цынка* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русскомъ языкѣ. Поэтому образованному и необразованному русскому, который никогда не видалъ столярнаго инструмента, носящаго приведенное названіе, оно такъ же мало скажетъ, какъ любое слово чуждаго и незнакомаго языка. Также затруднительна классификація такихъ случаевъ, какъ напримѣръ, *алтынъ*, *амбаръ*, *арканъ*, *кафтанъ*, *казакъ*, *курманъ* (тюркскія слова) или *баржа*, *дьяконъ*, *куполь*, *роза-* (болѣе народная форма—*розанъ*) и т. д. ²⁾, которые представляютъ собой совсѣмъ или почти не измѣненные иностранныя слова. Всѣ эти слова народъ, не колеблясь ни мало, признаетъ своими природными, исконными словами. Какъ иллюстрацію къ

¹⁾ Ср. о трудности различенія въ подобныхъ случаяхъ то, что говоритъ одинъ изъ изслѣдователей заимствованныхъ словъ—Эбель въ рецензии на книгу Köhne. *Werthung der Fremdwörter in d. deutschen Sprache* (Kuhn's Zeitschrift Bd. II. 1853).

²⁾ Фр. *barge*, лат. греч. *διάκονος*, фр. *coupole* или нѣм. *Kuppel*, лат. *rosa*, фр. *rose*, или нѣм. *Rose*.

этому, мы позволимъ себѣ привести небольшой анекдотъ изъ исторіи нашей Академіи Наукъ, слышанный нами отъ академика О. Н. Бётлинга: одинъ изъ академиковъ, авторъ „Общесравнительной грамматики русскаго языка“, давно уже умершій, бывшій противъ иностраннаго слова „шрифты“, желалъ замѣнить его (на листѣ съ образчиками „шрифтовъ“ академической типографіи) славянскимъ словомъ „письмена“, что, въ свою очередь, казалось фактору типографіи неудобнымъ и совсѣмъ неподходящимъ. Тогда этотъ послѣдній нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, предложивъ замѣнить спорное слово кореннымъ, по его мнѣнію, русскимъ словомъ *литеры*, точнѣе передающимъ понятіе иностраннаго *шрифты* и происходящимъ по его глубокому убѣжденію отъ русскаго глагола *лечь*.

Въ виду ненадежности принятаго субъективнаго критерія для различенія словъ заимствованныхъ отъ словъ чужихъ и отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ и рѣзкихъ границъ между этими двумя категоріями, намъ кажется необходимымъ искать объясненія чуждому характеру извѣстныхъ заимствованныхъ словъ не въ болѣе недавнемъ перенесеніи ихъ въ языкъ ¹⁾, а въ какихъ-либо другихъ условіяхъ. Мы видѣли, что есть слова, заимствованныя давно, совсѣмъ не измѣнившіяся (какъ приведенныя выше тюркскія) и все же не производящія чуждаго впечатлѣнія, тогда какъ рядомъ съ ними есть слова, принятыя недавно, уже измѣнившіяся и все же остающіяся непривычными и дикими (какъ *струбцынка*, напримѣръ). Въ то же время отрицать разницу во впечатлѣніи, производимомъ на насъ, положимъ, словами *казна* или *князь* съ одной стороны и словами *параллаксъ* или *дифференциация* съ другой, также не представляется возможнымъ.

Чуждое впечатлѣніе, производимое на насъ „иностранными“ словами, находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: непонятности ихъ корней, не имѣющихъ родичей въ принявшемъ ихъ языкѣ, ихъ обособленнаго положенія, находящагося въ связи съ этимъ, и ихъ болѣе рѣдкаго употребленія. Изъ этихъ трехъ при-

¹⁾ Какъ это дѣлаютъ Шлейхеръ и Тоблеръ въ приведенныхъ выше цитатахъ (стр. 40—41) изъ ихъ сочиненій.

чинъ, несомнѣнно самую главную роль играетъ послѣдняя, а самую незначительную первая (ср. *казакъ*, *курганъ* или *дьяконъ*, *куполъ* и т. д.). Такія слова, какъ *абerrация*, *экваторъ*, *параллаксъ* и т. д. (я нарочно беру рѣдко употребляемые слова), не имѣютъ родичей и не связаны, слѣдовательно, съ другими словами психическими ассоціаціями, которыя у природныхъ словъ или у словъ весьма давно заимствованныхъ въ высшей степени разнообразны и многочисленны. Если мы возьмемъ, на примѣръ, слово *экваторъ*, то въ памяти нашей ему отзовется прежде всего слово *экваторіальный*, затѣмъ, можетъ быть, слово *Эквадоръ*, имя южно-американской республики, уже болѣе отдаленное и связанное съ первыми непосредственной ассоціаціей сходства и болѣе слабымъ представленіемъ, что республика эта находится около экватора (ассоціація смежности). У знающаго же латинскій языкъ семья эта прикнетъ къ *aequus*, *aequalis*, *aequare* и т. п., которыя дадутъ ему основное значеніе для всѣхъ вышеприведенныхъ словъ. Подобныхъ связей у слова *параллаксъ* будетъ гораздо меньше (прежде всего будетъ чувствоваться только связь префикса *пара-* съ другими словами, гдѣ онъ встрѣчается) и т. д. Частота употребленія всѣхъ этихъ словъ очень незначительна и будетъ колебаться сообразно съ родомъ занятій говорящаго: такъ, географъ или астрономъ чаще будетъ встрѣчаться съ подобными терминами и употреблять ихъ, чѣмъ, на примѣръ, средній образованный человѣкъ, музыкантъ и т. д.

Если мы возьмемъ другое, болѣе употребительное иностранное слово, на примѣръ, *сцена*, то сейчасъ же замѣтимъ, что оно производитъ болѣе „русское“, привычное впечатлѣніе, чѣмъ, положимъ, *параллаксъ* или *абerrация*. Причинами этого будутъ: во-первыхъ, случайное звуковое совпаденіе съ нѣкоторыми русскими словами (какъ бы съ *—цѣпа*). Звуковыя сочетанія слова вполне обычны въ русскомъ и могли бы принадлежать коренному русскому слову. Кромѣ того, хотя слово это также не имѣетъ многочисленныхъ родичей (*сцена*, *сценический*), но за то гораздо чаще употребляется и потому привычнѣе, чѣмъ приведенныя выше слова.

Если для сравненія мы обратимся къ какой нибудь природ-

ной семьѣ словъ, какъ, напримѣръ, *свѣтъ*- (свѣт-ать, свѣт-ить, свѣчка, свѣтлый, свѣтелка, свѣтецъ, о-свѣщать, про-свѣщать, освѣтительный, освѣщеніе, просвѣтитель и т. д.) и прослѣдимъ внутри ея всѣ родственныя связи, то увидимъ, какъ онѣ разнообразны и многочисленны въ сравненіи съ подобными же связями какого-нибудь иностраннаго слова. Частота употребленія также будетъ несравненно выше, чѣмъ у самаго употребительнаго иностраннаго слова. Благодаря этимъ многочисленнымъ родственнымъ связямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ психическій законъ ассоціаціи идей, и частому употребленію, каждое слово приведенной семьи намъ привычно и не можетъ поражать своимъ страннымъ видомъ, какъ поражаютъ, положимъ, *аберація* и *параллаксъ*. Между тѣмъ корень *свѣтъ*- въ сущности нисколько не понятнѣе для насъ, чѣмъ корни этихъ иностранныхъ словъ, такъ какъ общее понятіе, имъ означаемое, составляется только изъ всей совокупности видовыхъ, частныхъ понятій, означаемыхъ отдѣльными членами данной этимологической и семасіологической семьи. Уничтожьте всѣ другіе члены этой семьи, оставивъ только слово *свѣтъ*, и оно перестанетъ быть понятнымъ, какъ любое иностранное или русское слово, слышимое впервые и одинокое въ нашей памяти.

Отсюда видна относительность понятій, соединяемыхъ съ терминами *чужое* и *заимствованное* слово. Мы видимъ, что время заимствования и измѣненія, претерпѣвшаго словомъ въ принявшемъ его языкѣ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія. Семасіологическая обособленность можетъ быть также наблюдаема въ одинаковой степени у природныхъ и чужихъ словъ. Наиболее важнымъ факторомъ является т. о. частота употребленія, которая можетъ совершенно замѣнять отсутствіе родственныхъ этимологическихъ и семасіологическихъ связей, вполне парализировать чуждое впечатлѣніе, производимое извѣстнымъ словомъ, хотя бы и сохранившимъ вполне свою иностранную структуру, и придать ему совершенно привычный, знакомый видъ.

Пока не будутъ вполне изучены и сведены къ болѣе или менѣе точнымъ формуламъ ассоціативныя связи между членами

отдѣльныхъ семасіологическихъ и этимологическихъ группъ или гнѣздъ и опредѣлена частота употребленія этихъ членовъ, до тѣхъ поръ дѣленіе заимствованій на двѣ общепринятыя категоріи *усвоенныхъ* и *чужихъ* словъ всегда будетъ страдать субъективизмомъ и неизбежнымъ отсутствіемъ научной точности.

Безспорно, принадлежность заимствованнаго слова къ той или другой категоріи находится въ извѣстной зависимости отъ времени его заимствованія. Мы имѣемъ несомнѣнныя основанія ожидать, что многія изъ словъ, принадлежащихъ теперь къ категоріи чужихъ или иностранныхъ словъ, благодаря разнымъ фонетическимъ и морфологическимъ измѣненіямъ, утратятъ свой иностранный видъ и перейдутъ въ категорію усвоенныхъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и слова этой послѣдней категоріи въ началѣ своей жизни въ заимствовавшемъ ихъ языкѣ должны были чувствоваться чуждыми, иностранными словами, пока не подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ или не стали общеупотребительными. Но было бы ошибочно придавать и времени слишкомъ большое значеніе: такъ, напримѣръ, слово *солдатъ*, ведущее свое начало изъ XVII столѣтія, не раньше, чувствуется совсѣмъ привычнымъ, своимъ словомъ, а какое-нибудь *архіепископъ* или *епитрихиль*, несравненно старѣйшія, до сихъ поръ не усвоились.

И въ процессѣ усвоенія словъ опять, какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, главная роль принадлежитъ распространенности извѣстнаго понятія и отвѣчающаго ему слова и частотѣ употребленія, которая находится въ прямой зависимости уже отъ условий, лежащихъ внѣ самого языка, и именно отъ условій культурныхъ. *Амбаръ*, *сцена*, *генераль*, *солдатъ*, *дьяконъ*—понятія въ силу культурныхъ условій общераспространенныя, тогда какъ понятія *параллаксъ*, *дифференціація*, *интеграль* и т. д. понятія въ силу тѣхъ же условій малораспространенныя. Т. о. при опредѣленіи, къ какой категоріи должно быть отнесено извѣстное заимствованіе, рѣшающее значеніе должны играть не внѣшніе признаки слова, а его внутренніе (значеніе), а также соображенія культурно-историческаго свойства.

Заимствованію подлежатъ не только отдѣльныя слова, но и служебныя части рѣчи—суффиксы и префиксы.

Процессъ заимствованія этихъ послѣднихъ сводится къ заимствованію отдѣльныхъ словъ, въ составѣ основъ которыхъ находятся данныя служебныя части рѣчи. Отъ этихъ отдѣльныхъ словъ суффиксъ или префиксъ переходитъ къ другимъ словамъ при посредствѣ морфологической ассимиляціи (такъ называемой аналогіи).

Такъ, напримѣръ, польскій суффиксъ *-unek* (=нѣмецкому *-ung*) въ словахъ *rosalunek*, *podarunek*, *sprawunek* и т. д. обязанъ своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ такимъ, какъ: *bassarunek* (*Besserung*), *gatunek* (*Gattung*), *kie-runek* (*Kebrung*), *ladunek* (*Ladung*), *rachunek* (*Rechnung*), *gatunek* (*Rettung*), *werbunek* (*Werbung*) и т. д., гдѣ онъ былъ взятъ цѣликомъ вмѣстѣ со словами. Отъ этихъ послѣднихъ случаевъ, гдѣ и корни словъ нѣмецкіе, суффиксъ *-unek* перешелъ и къ чисто славянскимъ словамъ.

Аналогичное явленіе представляютъ такія нѣмецкія слова, какъ *Contrahage*, *Renommage*, *Blamage*, имѣющія французскій видъ, но не встрѣчающіяся въ самомъ французскомъ и образованныя по типу другихъ образованій съ этимъ суффиксомъ *-age*, которыя дѣйствительно были заимствованы изъ французскаго.

Суффиксъ *-ard* (=нѣм. *-hard* или *-hart*) во французскихъ *bavard* или *bâtard* перешелъ отъ такихъ заимствованныхъ словъ, какъ *hagard* (англ. *haggard*, нѣм. *hagart*), *écard* (дрвн. *scarti*. дрсканд. *skard*), *renard* (*Reinhart*) и т. д.

Такого же (германскаго) происхожденія итальянскій суффиксъ *-ardo* въ *falsardo* (рядомъ съ *falsario*), *leggiardo* и т. д.

Русскій суффиксъ *-тѣй* въ словѣ *грамотѣй* есть видоизмѣненіе греческаго *-τεος* въ *γραμματεός*.

По аналогіи къ этой формѣ и такимъ, какъ *злотѣй*, возникаютъ новыя въ родѣ *богатѣй*, *зажитей*.

Заимствованныя слова съ греческимъ суффиксомъ *-инъ* (*-ινος*) въ родѣ *антипининъ*, *нафталинъ*, *хининъ* и т. д. вызываютъ въ мало образованной средѣ аналогичныя образованія: *мозо-*

линъ, одобринъ, свободинъ, антимолинъ (жидкость противъ моли) и т. д.

Русскій префиксъ *пре-* въ словахъ: *преглупый, прекрасный, преумный, претрудный, предурацкій, премилый* и т. д., перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, какъ *преблагій, превратный, превъчный, преблаженный* и т. д.

Греческій префиксъ *архи-* въ русскихъ словахъ: *архиплутъ, архибестія* (архипастыръ было уже въ церковно-славянскомъ) перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, — *архіерей, архидіаконъ, архієпископъ* и т. д. Образованія съ префиксомъ *ἀντι-* въ родѣ *антихристъ* и т. д., вызываютъ формы въ родѣ *анти-воръ*.

Такой же случай перенесенія греческой основы *прото-*, играющей роль префикса, имѣемъ въ словахъ: *протобестія, протоканалія*, гдѣ вторыя части сложений тоже заимствованы (*bestia* — изъ латинскаго, а *canaille* — изъ французскаго), при чемъ образцами служили такія заимствованія изъ греческаго, какъ *протодіаконъ, протопресвитеръ, протопопъ, протоіерей* и т. д.

Въ *распротоканалія* имѣемъ еще сложение основы *прото-* съ русскимъ префиксомъ *рас-* или *раз-*. Изъ этихъ примѣровъ видно съ достаточной ясностью, что чужой суффиксъ или префиксъ чувствуется такой же составной частью рѣчи и также способенъ къ новообразованіямъ, какъ и любой природный.

Префиксъ *наи-* въ русскихъ книжныхъ формахъ превосходной степени также заимствованъ изъ польскаго языка.

На флективные окончанія также распространяется заимствование, хотя это и отрицалось нѣкоторыми учеными, наиримѣръ, Максомъ Мюллеромъ ¹⁾). Хотя заимствованія въ этой области языка сравнительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, но все же найдется не мало примѣровъ, опровергающихъ взглядъ Макса Мюллера.

Такъ въ индо-португальскомъ смѣшанномъ языкѣ (*Manglore*)

¹⁾ Ср. M. Müller. Ueber deutsche Schattirung romanischer Worte. Kuhn's Zeitschrift т. V.

имѣется такой родительный единственного числа: *hombre's casa* вмѣсто *casa de ombre*, для котораго послужило образчикомъ англійское *the man's house* ¹⁾).

Въ подобныхъ случаяхъ въ языкѣ обыкновенно имѣется уже известная поддержка въ видѣ какой-нибудь похожей на заимствованную морфологической особенности, которая и облегчаетъ распространение заимствованной. Такъ, на примѣръ, англійское *-s* множественнаго числа, обыкновенно принято объяснять изъ англосаксонскаго *-as*, но на самомъ дѣлѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ французскому *-s*. Нѣмецкія формы такъ называемаго „*schlechten Plurals*“: *Albums, Leutnants, Rouleaus, Neins, Fräuleins, Vergissmeinnichts* и т. д., сводятся къ французскимъ формамъ: *albums, lieutenants* и т. д., но облегчены существованіемъ ниже-нѣмецкаго *-s* ²⁾).

Точно такимъ же образомъ польскія формы именительнаго множественнаго на *-a* у именъ существительныхъ мужскаго рода: *okręta, urzęda, kłopota* и т. д., вызванныя иностранными (главнымъ образомъ латинскими первично *neutra*), какъ *talenta, interesa, pakta, testamenta, dokumenta, akta, examina, projekta* и т. д., съ другой стороны имѣютъ сильную поддержку въ формахъ, какъ *bracia, księża, szlachta* и т. д. Сверхъ того чисто славянское *-a* имѣется и въ именительномъ множественнаго существительныхъ средняго рода, какъ *dzieła, miasta* и т. д.

Въ русскомъ языкѣ мы можемъ указать на формы фамилій Мертвѣго, Веселѣго, Живѣго, Бѣлѣго и т. д. (рядомъ съ формами: Хитровѣ Добровѣ, Дурновѣ, Благовѣ), гдѣ *-аго* обязано своимъ происхожденіемъ или церковно-славянскому *-аго*, орфографическому окончанію родительнаго надежа ед. числа, или *-аго* тѣхъ русскихъ говоровъ, которые сохранили еще такое окончаніе ³⁾).

¹⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches, стр. 8.

²⁾ Schuchardt. Ibidem.

³⁾ Если *-аго* этихъ фамилій церковно-славянскаго происхожденія, то оно обязано своимъ существованіемъ рабскому чтенію написанной по образцу церковно-славянской графики и непонятной формы, которая уже не чувствовалась какъ родит. надежъ. Тогда мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ случаевъ вліянія письма, графики на языкъ и заимствование черезъ посредство письменности.

Во всякомъ случаѣ формы и въ родѣ *Мертвѣго*, и въ родѣ *Благово* уже вовсе не чувствуются родительными падежами ед. числа, о чемъ говоритъ и ихъ своеобразная акцентуація, совершенно обособляющая ихъ отъ обыкновенныхъ формъ родительнаго падежа ед. числа (только форма *Живѣго* представляетъ „правильное“ удареніе).

Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д.

Заимствованныя изъ такихъ родственниковъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріаль для семасіологическаго развитія.

При условіи родства между заимствующимъ и дающимъ языками весьма легко возникаютъ параллели словъ съ родственнымъ значеніемъ, ничѣмъ, кромѣ своей исторіи, не отличающіяся отъ параллелей, развившихся на той же языковой почвѣ, но уже другимъ, фонетическимъ путемъ.

Небольшія отличія одного изъ словъ такой пары отъ другаго служатъ признаками, къ которымъ языкъ пріурочиваетъ семасіологическую разницу.

Такимъ образомъ рядомъ съ варіаціей корней, вызванной фонетическими (а также и морфологическими) процессами, возникаетъ варіація, представляющая собой результатъ заимствованія.

Такъ, рядомъ съ русскими природными словами: *голова*, *городитъ*, *сторона* имѣются заимствованныя изъ церковно-славянскаго *глава*, *о-градитъ*, *страна*, имѣющія значенія, отличныя отъ природно-русскихъ. Мало того, по образцу такихъ параллелей, могутъ возникать новыя формы, уже не имѣющія ничего общаго съ церковно-славянскимъ.

Такъ отношенія: *голова* || *глава*, *борода* || *брада*, *ворота* || *врата*, *золото* || *злато* и т. д. вызываютъ къ формѣ *калоша* (слово, заимствованное изъ французскаго или нѣмецкаго *galosche*), которая чувствуется въ силу неопредѣленности неударенныхъ русскихъ гласныхъ (сравни *sârókâ* сорока и *kâlóšâ* калоша) какъ бы полногласной формой, параллельную шутивную форму *клáша*, имѣющую болѣе высокопарный и торжественный (въ силу ассоціацій, соединенныхъ съ церковью и ея языкомъ) оттѣнокъ значенія, такой же, какъ и у вторыхъ членовъ вышеприведенныхъ параллелей.

Подобныя же семасіологическія разницы мы имѣемъ также въ парахъ: *горожанинъ* || *гражданинъ*; *городить* || *о-граждать*; *свѣтить* || *о-свѣщать*; *рожать* || *рождать* и т. д.

Ниже мы вернемся къ этимъ отношеніямъ въ русскомъ языкѣ и подробно разсмотримъ ихъ. Приведенныхъ же примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе заимствования какъ фактора, увеличивающаго вариацию корней, столь важную для семасіологическаго развитія языка. По отношенію къ разницѣ значеній, приведенныя параллели совершенно одинаковы съ параллелями, возникшими другимъ путемъ (помощью фонетическаго измѣненія однихъ формъ и морфологическаго возстановленія первичнаго звука въ другихъ при посредствѣ уподобленія къ формамъ, въ силу извѣстныхъ условій не измѣнившимся): *обвязать* || *обязать*, *кануть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинуть* и т. д.

Какъ въ примѣрахъ вышеприведенныхъ семасіологическія разницы были приурочены къ разницамъ, вызваннымъ заимствованиемъ, такъ здѣсь оттѣнки значенія связаны съ разницами, являющимися результатами фонетическаго измѣненія.

Такія параллели, основанныя на заимствovanіи, имѣются во многихъ языкахъ. Подобныя французскія пары были уже приведены выше (стр. 27—28). Только роль церковно-славянскаго въ нихъ занималъ латинскій.

Одинаковыя параллели могутъ возникать путемъ заимствования одного и того же слова въ различныя эпохи. Такъ, мы имѣемъ въ нѣмецкомъ:

Vogt || Advocat (лат. vocatus и advocatus)

Brille || Beryll (лат. beryllus)

Tafel || Tabelle (лат. tabella)

Meister || Magister (лат. magister)

predigen || prädicieren (лат. praedicare)

prüfen || probieren (лат. probare)

dichten || dictieren (лат. dictare) и т. д. ¹⁾.

Въ русскомъ имѣемъ параллельныя формы *цезарь* || *царь*, *викингъ* || *витель* и т. д.

Языкъ поступаетъ и съ этими параллелями такъ же, какъ съ другими, возникшими фонетическимъ путемъ, и пользуется ими для семасіологической дифференціаціи. Въ параллеляхъ: нѣмецкое причастіе *erleuchtet* (морфологическая ассимиляція къ неопредѣленному наклоненію *erleuchten*) || болѣе древняя форма причастія *Erlaucht*; *durchgeleuchtet* (подъ вліяніемъ *durchleuchten*) || *Durchlaucht* разница значеній приурочена къ вариации корня, вызванной фонетическимъ процессомъ съ одной стороны и восстановленіемъ первичнаго вида корня подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ онъ сохранился законнымъ образомъ, съ другой (ср. приведенныя выше русскія параллели: *каннуть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинутъ* и т. д., стр. 51).

Возможенъ еще одинъ родъ параллелей, когда заимствованное слово не вытѣсняетъ исконнаго однозначащаго, и оба продолжаютъ существовать рядомъ, при чемъ значенія ихъ дифференцируются. Такова нѣмецкая параллель: *Ross* рядомъ съ *Pferd* (первое слово исконное, второе латинскаго происхожденія), совершенно тождественная по семасіологическому отношенію съ русской *конь* || *лошадь* (первое исконное, второе татарское). Здѣсь съ исконными словами соединяется высокопарный оттѣнокъ значенія, а заимствованное, напротивъ, имѣетъ обыденное значеніе.

Перечислить всѣ возможныя проявленія процесса заимствования и приурочить ихъ къ извѣстнымъ систематическимъ рам-

¹⁾ Подробно о нѣмецкихъ параллеляхъ: Andresen. K. G. Wortspaltungen auf dem Gebiete der neuhochdeutschen Schrift-und Verkehrssprache. Zeitschr. f. deutsche Philol. 1890. 265—286.

камъ довольно затруднительно въ виду разнообразія и обширности матеріала. Главныя существенныя категоріи указаны нами выше.

Судьба заимствованныхъ словъ также весьма разнообразна и представляетъ часто значительный интересъ (главнымъ образомъ въ виду ихъ историко-культурнаго значенія). Часто слово идетъ изъ глубокой древности (какъ, напримѣръ, приведенное уже выше *μῦα*, русское мина, сводящееся къ аккадійскому *mana*), часто попадаетъ къ отдаленнѣйшимъ народамъ, переходя отъ одного къ другому. Таково, напримѣръ, нѣмецкое слово *Butter*. Въ нѣмецкій оно попало изъ латинскаго (*butyrum*), взявшаго его отъ Грековъ (*βούτυρον*), въ языкѣ которыхъ оно было опять чужимъ, такъ какъ, по свидѣтельству Гиппократа, есть скиѣское слово. Греческая форма обнаруживаетъ несомнѣнное участіе народнаго словопроизводства, какъ бы отъ *βούς*—быкъ и *τύρος* (родственное славянское слово *тварогъ*)—сыръ.

Русское *тминъ* (польское *kmín*, старославянское *кюминъ*) сводится къ греческому *κόμενον*, источникомъ котораго является еврейское *kimnōn* ¹⁾.

Арамейское *dikela* переходитъ въ греческій въ видѣ *δάκτυλος*, откуда ведетъ свое начало латинское *dactylus*, развивающееся въ итальянское *dattilo*, а это послѣднее переходитъ въ нѣмецкій въ видѣ *Dattel*.

Русское *хлѣбъ* сводится къ готскому *hlaibs*, изъ котораго оно заимствовано еще въ общеславянскій языкъ, а въ латинскомъ *clibanus* (печь для хлѣбовъ. Ср. также лат. *libum*, родъ пирога, блина), имѣемъ родственное готскому слово, заимствованное изъ греческаго *κλίβανος* (также хлѣбная печь).

Русское *сакъ* заимствовано изъ нѣмецкаго *Sack* или французскаго *sac* (также заимствовано изъ нѣмецкаго), сводящихся къ латинскому *saccus*; въ основѣ же этого послѣдняго лежитъ греческое *σάκκος*, взятое въ свою очередь изъ еврейскаго *záq*.

Обще-европейское *эликсиръ* (какъ бы отъ лат. *elixare*) за-

¹⁾ Въ русскомъ имѣются и діалектическія формы, болѣе близкія къ первоначальному источнику: *химинъ*, *кминъ*.

имствовано изъ арабскаго el-ixir, а это сводится къ греческому ζύριον (сухое лекарство) ¹⁾.

Французское tambour и итальянское tamburino происходят также изъ арабскаго, который въ свою очередь взялъ свое слово изъ греческаго τούρπανον ²⁾ и т. д.

Часто слово, заимствованное однимъ языкомъ изъ другого, возвращается черезъ извѣстный промежутокъ времени опять въ свой родной языкъ. Такъ, въ Лайбахѣ (въ Австрiи) говорятъ: er sieht kumern aus. Kumern первично есть нѣмецкое kümmerlich, заимствованное въ этомъ видѣ словинцами у нѣмцевъ, которые въ свою очередь взяли свое слово, но уже въ измѣненной формѣ, обратно ³⁾.

Нѣмецкое Banner или Papier заимствовано изъ французскаго bannière, а послѣднее принято объяснять изъ германской основы, заключающейся въ готскомъ bandwa, bandwó=знакъ ⁴⁾. Новонѣмецкое Liste заимствовано изъ французскаго liste, итальянскаго lista, а эти сводятся къ верхненѣмецкому Leiste (срвн. liste) ⁵⁾.

Нѣмецкiя Lotto и Lotterie, заимствованныя изъ романскихъ языковъ (итальянскаго и французскаго), въ этихъ послѣднихъ также не первичны и сводятся къ готскому hlauts (жребiй); нѣмецкое же galoppiren взято изъ французскаго galoper, а это=дрвн. 'gâhlouf; Busch = итал. bosco, а это заимствовано изъ дрвн. būwisc; нѣмецкое Rang = франц. rangue, а это=дрвн. bring; Tanz взято изъ итальянскаго danza, а это изъ дрвн. dansón. Fauteuil, Bouquet, Garde взяты обратно въ нѣмецкiй изъ французскаго, который въ свою очередь еще раньше взялъ ихъ изъ нѣмецкаго: Faltstuhl, Busch, Warte и т. д.

¹⁾ См. L. Geiger. Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft. 1871. Т. I, стр. 287.

²⁾ Ibidem, стр. 288 и слѣд.

³⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches... стр. 70.

⁴⁾ Kluge. Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 изд., 1889, стр. 18.

⁵⁾ Ibidem, стр. 214. Этимологiя Гейгера (изъ русскаго листъ) неправдоподобна.

Въ народныхъ восточно-прусскихъ говорахъ (въ Силезіи) встрѣчаемъ слово *komigke*, заимствованное изъ польскаго (*komigka*), которое въ свою очередь является заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (*Kammer*), нѣмецкая же форма есть заимствование изъ латинскаго (*camera*), который взялъ это слово изъ греческаго (*καμάρα*).

Подобно каждому другому слову, заимствованныя слова въ концѣ концовъ также выходятъ изъ употребленія, причемъ они замѣняются или новыми заимствованиями, или природными словами ¹⁾. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же „выживаніемъ“ заимствованныхъ словъ, подобное которому мы встрѣчаемъ и въ исторіи природныхъ словъ.

Иногда причина этого выживанія лежитъ внѣ языка—въ выживаніи культурномъ, когда самыя понятія исчезаютъ, замѣняясь новыми, иногда въ самомъ языкѣ, хотя и не поддается опредѣленію. Примѣрами перваго рода выживанія могутъ служить, напримѣръ, мало употребительныя, а частью и совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, заимствованныя слова: бостонъ (карточная игра), галера (гребное судно), гаубица (родъ пушки), гродетуръ (матерія), дилижансъ, монимаска (танецъ), роброндъ (нарядъ) и т. д.

Примѣрами втораго рода—исчезновение такихъ эфемерныхъ заимствованій, какъ, напримѣръ, заимствования Петровскихъ временъ — викторія, фортеція, конфузія, сатисфакція и т. д. или нѣмецкія — *durchflorieren*, *überparlieren*, *geruefieren*, *unterordinieren* и т. д., по образцу которыхъ возникали уже: *schimpfieren*, *bildieren*, *schallieren*, *wandellieren* и т. д.

Причины выживанія подобныхъ заимствованій такъ же трудно поддаются опредѣленію, какъ причины выживанія, напримѣръ, латинскаго *caput* или *os* въ романскихъ языкахъ и замѣны ихъ словами *testa* и *bucca*, или нѣмецкаго *Haupt*, вмѣсто котораго говорится теперь *Kopf* и т. д. Исслѣдователь, какъ кажется, можетъ только констатировать данное явленіе и этимъ и удовольствоваться.

¹⁾ Ср. Grünbaum. *Mischsprachen und Sprachmischungen*. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

Синтаксисъ также не остается свободнымъ отъ вліянія чужихъ языковъ. Случаи проявленія этого вліянія имѣютъ въ общемъ значительное сходство съ уже разсмотрѣнными случаями перенесенія чужой внутренней формы слова. Но часты случаи, когда переносится уже синтаксическая структура. Примѣромъ могутъ служить такіе обороты, какъ *accusativus* и *nominativus cum infinitivo* въ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

„Учинилъ слышны быть повсюду мои рыданія“

(Третьяковскій. Ызда въ Островъ Любви).

„Тебя душа моя быть чаеъ“ (Державинъ. Ода Богъ).

„... Имъ печатный всякій листъ быть кажется святымъ“

(И. Дмитріевъ. Сатира „Чужой Толкъ“).

или въ церковнославянскомъ:

кого ма глаголють челоуѣцы быти, Сѣа челоуѣческаго

(М. XVI. 13).

кѣ же кого ма глаголете быти (Ibidem. 15).

Дательный самостоятельный, перенесенный изъ церковно-славянскаго, у нѣкоторыхъ писателей прошлаго столѣтія, какъ, напримѣръ, „Преставшу Годофреду вѣщати, шумъ плесканій даль знати“ и т. д. (Михаилъ Поновъ. Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“. 1772).

Такіе галлицизмы, какъ Пушкинское: „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Выстрѣль) и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчается во всѣхъ новыхъ языкахъ стремленіе къ извѣстному однообразію, сглаживаніе характерныхъ особенностей и появленіе извѣстныхъ международныхъ синтаксическихъ оборотовъ. Это явленіе въ славянскихъ языкахъ имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда говоритъ ¹⁾:

„Способъ выраженія, аналогичный таковому европейскихъ языковъ, отгѣсняетъ постоянно на задній планъ своеобразный славянскій, — явленіе, которое можно наблюдать также и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо извѣстный, если можно

¹⁾ Vergleichende Grammatik der Slaw. Sprachen. Bd. IV. Syntax, стр. 740.

такъ выразиться, новоевропеизмъ стремится какъ бы объединить въ одинъ языкъ языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обращаетъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ извѣстному единообразію, тотъ никогда не будетъ въ состояніи объяснить себѣ постепенное преобразование славянскихъ языковъ. Не все въ языкахъ происходитъ извнутри“.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса.

Первой по времени грамматикой русскаго языка (точнѣе великорусскаго нарѣчія, и именно московскаго говора) является грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, вышедшая въ Оксфордѣ въ 1696 году подъ заглавіемъ: *Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam* и т. д. (8°. VI+97 стр.).

Раньше появившіяся грамматики Лаврентія Зизанія ¹⁾ и Мелетія Смотрицкаго ²⁾, не говоря уже о еще болѣе раннихъ, Виленской (1586 г.) и Львовской (1591 г.) ³⁾, имѣли въ виду только „славенскій“ или церковнославянскій языкъ. Русскіе элементы, принятые составителями за чисто славянскіе и безсознательно введенные въ установленныя въ этихъ попыткахъ грамматическія системы, обязаны своимъ происхожденіемъ не великорусскому нарѣчію, а малорусскому. Кромѣ того дѣло не обходится здѣсь и безъ обычныхъ полонизмовъ. Яснаго представленія объ особенностяхъ русскаго и церковнославянскаго языка и звуковой разницѣ между ними здѣсь нечего и искать.

¹⁾ Грамматика Словѣнска съставленна Лаврѣнтіємъ Зизаніємъ. Вильно 1596.

²⁾ Первое изданіе 1619 г. въ Эвю (близъ Вильны), въ Москвѣ въ 1648 г. слѣдующее (для Москвы первое).

³⁾ См. о нихъ П. Житецкаго. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Часть первая. Кіевъ. 1889. 8°. стр. IV+162+102: стр. 17.

Такъ, Мелетій Смотрицкій (Московское изданіе л. 50) считаетъ формы **внжю** и **молоую** церковнославянскими. На л. 55 встрѣчаемъ также формы **вожю**, **хожю**, приведенныя, какъ церковно-славянскія. Поэтому мы оставимъ эти грамматики въ сторонѣ.

Болѣе точное представленіе объ отличіяхъ русскаго отъ церковно-славянскаго мы находимъ въ „Лексиконѣ Славеноросскомъ“ Памвы Беринды (Кіевъ. 1627. Второе изданіе въ типографіи Кутеинскаго монастыря вышло въ 1653) ¹⁾. Но и онъ имѣетъ болѣе значеніе для малорусскаго, чѣмъ для русскаго языка, такъ какъ составитель руководился первымъ, какъ лучше ему извѣстнымъ. Кромѣ того языкъ лексикона кишитъ полонизмами не только въ „росской“, но даже и въ „славенской“ части.

Тѣмъ не менѣе нельзя отказать составителю въ извѣстномъ языковомъ чутьѣ; такъ, онъ ставитъ рядомъ со „славенскими“ неполногласными формами:

браздѣ, брію брѣду, бремя, вашестранѣ, влажѹ, влекуся, врагѣ, врата, возгласѣ, главѣ, гласѣ, дрѣвянѣ, загражденіе, заграждаю, злато, кладязѣ, крастель, млатобіецѣ, мракѣ и т. д., „росскія“ полногласныя:

борознѣ, голю бѣроду, бѣремя, звѣшеи стороны, отволѣжюю. волокѹся, вѣрогѣ, воротѣ, оголошеніе, головѣ, гѣлосѣ, дрѣвяннѣ. загороженѣе, загорѣжюю, зѣлото, колѣдезѣ, коростѣль, бѹчій (sic!) мблотомѣ, морѣкѣ и т. д.

Но рядомъ съ этими правильно представленными случаями встрѣчаемъ въ „славенскомъ“ отдѣлѣ формы: *голошу* = жалобно плачу и *колоколѣ* = цимбалѣ, дзвонокѣ (п. dzwonek).

¹⁾ Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ, озаглавленным: **ЛЕКСИКОНЪ**, славеноросскій. и мѣнѣя толкованіе, всесечестнѣи ѿцѣмъ кѣ: Памвою бериндою Првтосиггелѣ ѿрѣ: Іерѣалимского, Згрѣмѣженный. И Запозволенѣ старшнѣ, Первей в Квиѣ: с: Кѣ: Ланри Печѣрскія Кіевскія. И тепѣрѣ зъ Тѣпографіи ѿицежителнаго Монастыря: **КУТѢИНСКАГО**. Тѣраніемъ тожде ѿвѣтели Інокѣ, Тѣпомъ издасѣ. Кѣкто: ѿ Рѣтвѣ Хѣа, ахѣнѣ. Мѣца Септѣ: ѿ днѣ. Лист. тѣа (324).

Правильно также понимает Памва соответствие „славенскихъ“ *щ, жд*, „росскимъ“ *ч, ж* въ такихъ сопоставленіяхъ:

вижду = вижу, възмуцаю = замучую, загражденіе = загороженіе, заграждаю — загорожую, междѣ = межа, ношеваю (!) = ночью, помощь = помочь и т. д.

Но рядомъ съ этими сопоставленіями встрѣчаемъ въ качествѣ „славенскихъ“ формъ — *жажелъ* = хоть, *приблужаго*, *единорождъ* = единорощецъ (*unicognis*) и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ „славенское“ *будущій* передано на „росскомъ“ формами *грядущій* и *прійдущій*, *немощный* передано уже полонизмомъ *немощный* и т. д. Такіе же полонизмы передаютъ „славенское“ *власть*: влада, звѣрхность, моць (п. *władza*, *zwiegnosc*, *мос*).

Памва правильно считаетъ форму *предаша* „славенской“, но передаетъ ее полонизмомъ *полтцили*, гдѣ понято только соответствие временъ.

Правильно также различіе „славенскаго“ предлога *разъ* отъ „росскаго“ *роз-*: *разный* = *рѳзный*, *разліяніе* = *розлітьсѣ*, *рѳзумъ* = *рѳзумъ*. Послѣдній примѣръ можетъ быть также и полонизмомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мы должны начать нашъ обзоръ литературы собственно съ помянутой выше грамматики Лудольфа, который является первымъ ученымъ, отличавшимъ великорусскій языкъ отъ церковно-славянскаго и обратившимъ вниманіе на ихъ разницу въ написанной имъ первой грамматикѣ живаго великорусскаго языка. На стр. 2-й мы находимъ у него слѣдующія общія замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ихъ значеніи въ обыденной и общественной жизни московскаго государства.

¹⁾ Ср. также то, что говорятъ Жытецкій о словарѣ Памвы: Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1889. стр. 37—51. Такой же характеръ, какъ Лексиконъ П. Беринды, имѣетъ и «Словарь книжной малорусской рѣчи» (рукопись XVII в.), изданный въ приложеніи къ названному только что труду. Предшественникомъ подобныхъ словарей является «Лексисъ сирѣчь реченія въкратцѣ събранны и изсловенскаго языка, на просты Русскій діалектъ истолкованы», приложенный къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (1596).

Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, rerum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui **уложение** uloschenie vocatur et corpus Juris Russici repræsentat; licet constructiones nonnullae Slavonicam grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur“.

Ниже говорится о Симеонѣ Полоцкомъ, что онъ въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ „quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica et multo vulgo ignota. Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non exstant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adeone apud illos dicitur loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem plerique Russi, qui Idiotae videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum grammaticam Slavonicam scriberi deberent; v. g. scribunt **сегодня** segodnia hodie, cum tamen pronuncient **севодни** sevodni“.

Ниже, на стр. 4—5, находимъ весьма подробныя и точныя для своего времени замѣчанія о различіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ: „sequuntur observationes nonnullae circa differentiam Russicae dialectus a lingua Slavonica.

а Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo о.

Slav.		Russ.
глава	caput	голова

ГРАДЪ	urbs	ГОРОДЪ
ГЛАДЪ	fames	ГОЛОДЪ

ε Slavonicum à Russis saepe mutatur in о

Slav.		Russ.
ѢДИНЪ	unus	ОДИНЪ
ѢСЕНЬ	autumnus	ОСЕНЬ
ѢСЕРЪ	lacus	ОСЕРЪ (sic!)

In declinationibus Slavonicae linguae consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. **ръка** manus in dativo et ablat. singulari facit **ръцѣ**, in lingua Russica vero **ръкѣ**. Sic à **языкъ** lingua est nominativus pluralis **языцы**. Russice vero **языки**. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum **г** in **з** et **ж**, **х** in **с** nonnunquam mutatur.

ψ Slavonicum à Russis frequenter mutatur in у.

Slav.		Russ.
НОЦЬ	nox	НОУЬ
НЕМОЦЬ	morbis	НЕМОУЬ
ХОЦЕТЬ	vult	ХОУЕТЬ

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in **го** sed in lingua Russica in **во**.

		Slav.	Russ.
à ТАКОИ	talis	ТАКОГО	ТАКОВО
ѢДИНЪ	unus	ѢДИННОГО (sic!)	ОДНОВО

In verbis Slavonicis praeteritum desinit in **х**, sed in verbis Russicis in **л**:

ЛЮБИХЪ amavi **ЛЮБИЛЪ.**

Praepositiones nonnullae aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ

Slav. **МЕЖДЪ РЪСКИМИ ЛЮДИ**

Russ. **МЕЖДЪ РЪСКИХЪ ЛЮДЕИ** Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.		Russ.
ГЛАГОЛЮ	loquor	ГОВОРЮ

рѣкъ	dixit	сказалъ
днѣсь (sic!)	hodie	сегоднѣ
вѣкъ	semper	всегда, всегдѣ (sic!)
истина	veritas	правда
тѣмѣ	gratis	даромъ

На стр. 15. „Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonia tradita fuit. ut. **Боже помилуй miserere Deus**“.

На стр. 16: „Quod autem in lingua Slavonica к ante ѣ mutatur in ч. hoc Russi non observant. Dicunt enim **онъ держитъ въ своѣмъ рѣкѣ** tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset **рѣкъ**“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается довольно разносторонняя характеристика русскаго языка въ отличіе отъ церковнославянскаго, для своего времени замѣчательная. Лудольфъ впервые обращаетъ вниманіе на русское полногласіе, на соответствіе начального о старославянскому ю; на русское ч на мѣстѣ старославянскаго шт=тj, кт, гт, т. е. на главныя фонетическія отличія русскаго языка. Пропущено только соответствіе русскаго ж и старославянскаго жд. Въ области морфологій отъ вниманія Лудольфа не ускользнуло въ русскомъ распространеніе (путемъ морфологической ассимиляціи) основъ безъ „смягченія“ заднеязычныхъ и на надежи, гдѣ это „смягченіе“ имѣется въ старославянскомъ („Russice vero **языки**“ и т. д.). Указано также на различіе окончаній родительнаго падежа мѣстоименнаго склоненія въ русскомъ и старославянскомъ, на отсутствіе въ русскомъ звательнаго падежа, на неимѣніе аориста и замѣну его новой, вторичной формой.

Лудольфъ обращаетъ вниманіе и на синтаксическія разницы въ управленіи падежей известными предлогами, хотя и ошибочно въ данномъ случаѣ, а также и на нѣкоторыя лексическія особенности. Имъ первымъ отмѣчено присутствіе церковнославянскаго элемента въ русскомъ языкѣ и вліяніе его на русскую орфогра-

фію (разница между написаніемъ и произношеніемъ слова **сегодня**) и разграничены языки: книжный (церковнославянскій) и устный, разговорный (собственно русскій).

Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ русскаго языка Пухмайера (*Lehrgebäude der russischen Sprache* 1820) приводятся нѣкоторые руссизмы, встрѣчающіеся въ грамматикахъ и букваряхъ начала XVIII-го вѣка. Такіе руссизмы имѣются у Кошіевича въ его „Славенороссійской Грамматикѣ“¹⁾, въ букварѣ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, изданномъ въ Москѣ въ 1701 г. (4°), затѣмъ въ „Лексиконѣ Трехъязычномъ“ Ѳедора Поликарпова (Москва 1704. 4°), но они проскальзываютъ здѣсь случайно, сознательнаго желанія разграничить русскіе элементы отъ старославянскихъ или церковнославянскихъ здѣсь нѣтъ, а потому мы ограничимся только упоминаніемъ.

Слѣдующимъ по времени сочиненіемъ, касающимся того же вопроса, является вторая гимназическая программа ректора одной изъ Берлинскихъ гимназій Іоанна Леонарда Фриша (1666—1743), вышедшая въ Берлинѣ въ 1727-мъ году подъ заглавіемъ: „*Historiam linguae Slavonicae continuat quatuor capitibus I. De origine Characteris Cyrillici speciatim, II. De cultura Linguae Slavonicae, beneficio hujus Characteris III. De Typis novis Slavonico-Moscoviticis. IV. De Dialecto Russica, tanquam filia Linguae Slavonicae etc...*“

Въ четвертой главѣ этой программы отличается русскій языкъ отъ церковнославянскаго и приводятся его характерныя особенности. Но наблюденія Фриша не представляютъ почти ничего существенно новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано было о данномъ предметѣ Лудольфомъ.

Въ началѣ главы читаемъ: „*Dialectus Russica matri suae. linguae Slavonicae in paucis dissimilis est. Retinent etiam Russi*“

¹⁾ Руководеніе въ Грамматыку (*Manuductio in Grammaticam*), Во Славянороссійскую (*in slavonico Rosseanam*), или Московского (*seu Moscoviticam*), по употребленію (*in usum*) учащихъ (*discentium*) языка (*linguam*) Московскаго (*Moscoviticom*). Per Eliam Kopijewitz v. d. m. Adorna anno 1706. 8°. Pag. 80.

Linguam Slavonicam in rebus Theologicis & Ecclesiasticis & quicumque etiam in Politicis purius scribere volunt, amant & imitantur eam⁴.

Дальше приводятся слѣдующія четыре отличія русскаго языка отъ церковно-славянскаго:

„Differt vero Dialectus Russica à Lingua Slavonica quae apud Russos⁵ floret. 1) In verborum quorundam pronunciatione, permutando quasdam vocales et consonantes. Exempli causa pro Slavonico edin dicunt & scribunt odin, pro Segodne, Sewodne; pro togo, towo. &c.

2) Inter Consonantes concurrentes, imprimis quarum posterior est r, interponunt vocalem ut: pro brada dicunt boroda; pro grad, gorod; pro strana, storona.

3) Propria sua vocabula habet per omnes partes Orationis, e. c. pro as (ego) dicunt ja; pro glagoliti, goworiti.

4) In declinationibus & conjugationibus, non habent, exempli causa, numerum Dnalem, nam hunc magistri Graecissantes Russicis Scholis obstruserunt (!!). In Conjugationibus e. c. tantum tria tempora habent Praesens, Praeteritum & Futurum, & Futurum circumscribunt verbo auxiliari budu sive stanu & Infinitivo, sicut nos verbo werden, pro quo Slavonice praepositio vos vel alia Praesenti praepositur, ut, pro budu liuwiti (sic!) Slavonice scribitur woslubliu (amabo, ich werde lieben)⁶.

Въ описаніи фонетическихъ особенностей русскаго языка встрѣчаемъ только нѣкоторые новые примѣры, за то въ смыслѣ полноты и точности, а также обилія примѣровъ Фришъ много уступаетъ своему предшественнику, и его замѣчанія представляются весьма поверхностными. Въ отношеніи морфологическихъ особенностей Фришъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты, не упомянутыя Лудольфомъ,—на отсутствіе двойственнаго числа и меньшее количество временъ, а также на имѣющееся въ русскомъ „будущее составное“.

Нѣкоторыя замѣчанія о различіи языковъ церковнославянскаго и русскаго и о литературномъ употребленіи ихъ, сообразны съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, находимъ у В. К

Тредьяковскаго въ предисловіи къ переводу его „Ѣзда въ островъ Любви“ (Спб. 1730): „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщины), что я оную (книгу) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія книга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ РѢЧЕТОЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать“¹⁾.

Несмотря на высказанное здѣсь намѣреніе писать „почти самымъ простымъ Рускимъ языкомъ“, мы находимъ въ языкѣ перевода большое количество славянизмовъ. Таковы, напримѣръ, ненолпогласныя формы: *бремя* (стр. 654), *гласъ* (*ibidem*), *странны* (стр. 655), *брегъ* (656), *зракъ* (657), *драгая* (660), *младость* (661), *велегласно* (663), *прахъ* (664), *древеса* (671), *престаютъ* (672), *благосердна* (675), *дражайшимъ* (691), *премъннъ* (696), *неизгашать* (702), *престать* (704), *градъ* (709), *премънила* (711), *краткое время* (713) и т. д., хотя рядомъ имѣются: *отъ берегу* (657), *оборотившися* (666), *перестанъ* (674), *холодность* (703), *города* род. ед. ч. (704), *беззвороту* (713), *вороты* (*ibid.*), *перестанъ* (674) и т. д.

Также шатко употребленіе Тредьяковскимъ формъ съ *щ*, *жд*. вмѣсто русскихъ *ч*, *ж*: *пещера* (670), *немоць* (688), *немогуще* (672), *привлеци* (710), *ноць* (724), *вещищи* (725), *ты-*

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторамъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ типогр. Имп. Акад. Наукъ 1819, т. III, стр. 649—650.

сящи (715), зажещи (716), помощи (неопред. накл. 727), нощи (716), хощу (701), возмощи (673) и т. д. рядомъ съ: хочешъ (712), тысячу (720), тысячу (721), свѣчи (710) и т. д.

провождаетъ (665), провождать (703), такожде (653) и т. д. рядомъ съ нахожу (653), такожь (654) и т. д.

Встрѣчаются также морфологическіе славянизмы: род. над. *любве* (708), род. над. *превеликія* (725), *горящія* (710), творит. множественнаго *рѣчьми учтивы* (658), третье лицо ед. ч. *имать* (658) и т. д. лексическія заимствованія въ родѣ *сиче* (685), *понеже* (693), *выну* (696), *вотще* (612), *паки* (709), *зѣло* (714) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Тредьяковскій имѣлъ смутное представленіе о „самомъ простомъ Русскомъ языкѣ“; элементы церковнославянскіе и природно-русскіе, для различенія которыхъ у него не было никакого критерія, мѣшались въ его языковомъ запасѣ и казались ему совершенно равноправными.

Свой взглядъ на отношеніе русскаго и „славенскаго“ языковъ Тредьяковскій выразилъ еще въ „Разговорѣ о правописаніи“, написанномъ въ 1747 г.: „Вся разность, которая находится у нашего съ славенскимъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тѣмъ, что состоитъ она либо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ; либо въ отмѣнныхъ весьма немногихъ словахъ, какъ за славенское *ашче*, у насъ *ежели*; либо въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава*, *голова*, вмѣсто *пити*, *пить*, вмѣсто *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ нимало, быть нашему языку однимъ и тѣмъ же съ славенскимъ ¹⁾. При такомъ пониманіи отношеній между русскимъ и церковнославянскимъ неудивительно, если попытка Тредьяковскаго писать „иростымъ Русскимъ языкомъ“ вышла неудачной.

Въ грамматикѣ, приписываемой Адаурову и изданной въ видѣ приложенія къ нѣмецко-латинско-русскому словарю Вейсманна ²⁾ подъ заглавіемъ „Anfangsgründe der Russischen Spra-

¹⁾ Сочиненія. Изд. Смирдина, т. III, стр. 203.

²⁾ Deutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Grün-

ше“, различаются во флексіи формы русскія и славянскія, причѣмъ указывается и на особенности образованія тѣхъ и другихъ.

Вотъ относящіяся сюда мѣста:

Глава II (стр. 11). Объ образованіи русскихъ степеней сравненія: „Die Slavonier zahlen dergleichen Gradus drey, als den Positivum, Comparativum und Superlativum. Jenen den Comparativum formiren sie vom Positivum dadurch, dass sie dessen Endung *ни* oder *иѣ* das *ш* vorhersetzen und das *ы* in *і* verwandeln, als *честныи* in *Comparativum*, *честнѣиѣ*. Diesen den Superlativum, formiren sie gleichfalls vom Positivum, wenn sie dessen Endigung in *ѣиѣ* verwandeln, als *честныи* Superlativum *честнѣиѣиѣ*, worüber eine Slavonische Grammatic weitläufiger handelt. In der Russischen Sprache aber lassen die Adjectiva keine Comparativum Gradum zu, dahingegen haben sie desto mehrere Superlativa“... и ниже: „Es lassen sich aber die Superlativa in der Russischen Sprache auf dreyerley Art formiren. Die erste Art kömmt darinnen mit der Slavonier Superlativum Gradu überein, dass man die Terminationem des Positivi in *ѣиѣ* verändert, als: *святыи*, heilig, *святѣиѣиѣ*, heiligst, *честныи* ehrlich, *честнѣиѣиѣ*, u. s. w“.

Рядомъ съ очевидными ошибками здѣсь замѣчается все же до извѣстной степени указаніе если не на славянское происхожденіе превосходной степени на *-ѣиѣиѣ*, то на ея отношеніе къ славянской сравнительной степени.

На стр. 13-й говорится объ отсутствіи въ русскомъ языкѣ двойственнаго числа: Die Slavonier haben auch noch den in der griechischen Sprache gewöhnlichen Dualen, der nur zwo Sachen allein anzeigt, aber in der Russischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich.

На той же 13-й страницѣ, въ III главѣ объ образованіи звательнаго падежа единственнаго числа: 1) Der Vocativus in

den der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскія и русскія Лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg. Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731.

beyden Numeris dem Nominatiuo gleich sey. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen. Dann alsdenn ist der Vocatiuus von dem Nominatiuo jezuweilen unterschieden, als: пастырю an statt пастырь, жено an statt жена, Христе, an statt Христось, боже an statt богъ, человекѣ an statt человекъ u. s. w. Звательный на -е признается здѣсь церковнославянскаго происхождения.

На стр. 23-й находимъ замѣчанія о двоякомъ склоненіи словъ *мать* и *дочь*: матерью, дочерью || матерію, дочерію; матерями, дочерями || матерьями, дочерьями: „Es kommt aber diese irreguläre Flexion daher, weil beyde Slavonische Wörter sind, und in derselben Sprache den Nominatiuum auf *мать* und *дочь* formiren. Согласиться однако съ этими замѣчаніями нельзя, въ виду хотя бы того, что *дочь* не можетъ быть славянской формой, затѣмъ того, что именительные падежи *мать*, *дочь* чужды старославянскому языку. Въ данныхъ случаяхъ, имѣется просто сохраненіе первичной основы на г-.

На стр. 24-й говорится о переходѣ *і* въ *е* передъ *ј* въ русскомъ и о сохраненіи его въ церковнославянскомъ, что позволяетъ считать формы, сохранившія это *і*, за церковнославянскія: „Diejenigen Wörter bey welchen gemeldet *й* contracto das *і* vorherstehet, sind Slavonischen Ursprungs, und verwechseln dieses *і* in der Russischen Sprache mit *е*, als: вработій, Russisch, воробей der Sperling. Серпій, Russisch, Сергей, Sergius u. s. w.“.

На стр. 26-й „окончаніе“ Instr. plur. -іями существительныхъ съ суффиксомъ -іе признается природнымъ русскимъ и наоборотъ окончанія -іи и -ьми заимствованными изъ церковнославянскаго: „Es ist hier (въ книгѣ) sowohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *іе* ausgehen auf іями flectiret worden, welches vielleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten (писавшему, очевидно, были извѣстны таковыя) möchte anstössig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit іи oder ьми zu exprimiren. Allein da nunmehr aller Slavonismus vornehmlich eine

solche Art zu decliniren aus der Russischen Sprache exuliret, und einen gresslichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erreget, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist“. Разумѣтся, русскаго въ „окончаніи“ *-іями* только одно *-ами*, заимствованное отъ основъ ж. рода на *-ā*; сохраненіе *i* въ этой формѣ, какъ и въ суффиксѣ *-іе*, есть черта церковнославянская.

На страницѣ 27-й находимъ слѣдующее о склоненіи слова Господь, заимствованнаго изъ церковнославянскаго: „Господь der Herr, ist Slawonisch, und wird irregulair decliniret. Der Singularis davon wird in der Russischen Sprache allzeit für den Heyland Christum genommen, und wird folglich also decliniret: Nom. Господь. Gen. Господа, Dat. Господу, oder Господеви, Acc. Господа, Voc. Господи, Instr. Господемъ. Nar. Господѣ. Der Pluralis Numerus von diesem Worte, ist in der Russischen Sprache, allwo es als ein Nomen Proprium genommen wird, nicht gebräuchlich. Daher wenn es ja in Pluralis vorkommt, solches erstlich Slawonisch ist und denn auch nicht mehr von Bedeutung ist als das teutsche Herr. Es wird aber folgender Maassen von den Slavoniern in Plurali decliniret: Nom. und Voc. господіе, Gen. господей, Dat. господемъ, Acc. господы, Instr. господами und господы, Nar. господѣхъ.

Какъ ни отрывочны и ни поверхностны (подчасъ ошибочны) эти замѣчанія, но они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ историческаго значенія, такъ какъ являются первой попыткой (въ грамматикѣ, составленной русскимъ и изданной въ Россіи) различенія въ составѣ русскаго языка чуждыхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго элементовъ. Составитель грамматики однако обращаетъ преимущественное вниманіе на грамматическія формы въ противоположность Лудольфу, у котораго находимъ, главнымъ образомъ, противоположеніе русскихъ формъ церковнославянскимъ въ фонетическомъ отношеніи. Такъ въ грамматикѣ Ададунова говорится объ образованіи сравнительной и превосходной степеней, объ отсутствіи въ русскомъ двойственнаго

числа, звательнаго падежа, о склоненіи *матерь* и *дочерь*, объ окончаніи творительнаго падежа множ. числа *-іями* у существительныхъ съ окончаніемъ *-іе* и о склоненіи слова *Господь*; фонетическаго характера только одно замѣчаніе о сохраненіи *і* передъ *ј* въ церковнославянскомъ и переходѣ его въ русскомъ въ *е*.

Въ слѣдующей по времени грамматикѣ русскаго языка Грбнинга (на шведскомъ языкѣ) ¹⁾, представляющей во многомъ замѣтное сходство съ грамматикой, приписываемой Ададурову, не находимъ никакихъ почти прямыхъ указаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ составѣ русскаго языка.

Болѣе подробныя, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше работахъ, указанія находимъ у М. В. Ломоносова въ его разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“ (1755) ²⁾ и особенно въ его „россійской грамматикѣ“ (тоже 1755) ³⁾.

Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ находимъ впервые въ русской литературѣ указанія на разницу словъ народныхъ (природныхъ, первично-русскихъ) и заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ семасіологическомъ отношеніи. Послѣ нѣсколькихъ вводящихъ замѣчаній о развитіи языка въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа, о значеніи перевода Священнаго Писанія съ греческаго на славянскій для обогащенія послѣдняго, а также о важности употребленія природныхъ языковъ въ качествѣ языковъ церкви, Ломоносовъ указываетъ на существованіе трехъ „степеней“ „россійскаго языка“ — высокой, посредственной и низкой. Эти три степени находятся въ связи съ употребленіемъ книгъ церковныхъ, а ближайшій ихъ источникъ „три рода реченій російскаго языка“. Къ первому изъ этихъ родовъ Ломоносовъ относитъ слова, общія языкамъ церковнославянскому и русскому: „которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у

¹⁾ Thet år Grammatica Russica, Eller Grundelig Handlending Til Ryska Språket-Utgifwen Af Michael Groening, Koongl. Translator. Stockholm. 1750.

²⁾ Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторвъ. Сочиненія Ломоносова. Издавіе Александра Смирдина Спб. 1847, т. I.

³⁾ Ibidem. Т. III. также Ученыя Записки Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1856. Кн. III, стр. 1—150. №№ параграфовъ приведены у насъ по послѣднему изданію.

россіянь общеупотребительны, на примѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*“. При этомъ слова первично-русскія и заимствованныя изъ церковнославянскаго Ломоносовымъ другъ отъ друга не различаются, и въ этотъ его первый классъ попадаютъ и первично-русскія, какъ *рука*, и заимствованныя, какъ *Богъ, почитаю*. Ко второму классу Ломоносовъ относитъ рѣже употребляемыя, но понятныя каждому *грамотному* русскому: „кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, на примѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣтъ* и снѣгъ подобныя“. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ относилъ къ этому, второму, классу тѣ заимствованія изъ церковнославянскаго, которыя вошли въ книжный, литературный языкъ. Наконецъ, къ третьему роду „относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ“.

Хотя примѣры „реченій третьяго рода“ Ломоносовымъ были выбраны несовсѣмъ удачно (при тогдашнемъ состояніи науки Ломоносовъ не могъ знать, что *говорити* встрѣчается въ Супрасльской рукописи и другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, *который* въ Остромировомъ Евангеліи, *лише* тамъ же и въ Сборникѣ 1076 года), но ясно, что онъ относилъ сюда слова природно-русскія, не заимствованныя изъ церковнославянскаго.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ попыткой извѣстнаго разграниченія словъ первично-русскихъ и словъ церковнославянскихъ, классификаціи русскаго лексическаго матеріала сообразно его употребленію и происхожденію. Разграниченіе это далеко не точно; Ломоносовъ основываетъ его не на данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ (употребленіе или неупотребленіе въ церковныхъ книгахъ).

Цѣль, преслѣдовавшаяся имъ въ данномъ случаѣ, не имѣла ни-

чего общаго съ научными задачами и была чисто практическая — способствовать установленію русской стилистики. Этимъ, конечно, и объясняется случайность основаній классификаціи, такъ какъ для ея цѣли было достаточно и такихъ основаній. На большемъ или меньшемъ употребленіи перечисленныхъ выше трехъ родовъ реченій Ломоносовъ и основываетъ свое извѣстное дѣленіе „штиля“ на три рода: высокій, посредственный и низкій. „Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ... Средній штиль состоятъ долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость... Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода то есть которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій... Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“.

Тутъ же указывается значеніе заимствованій изъ церковнославянскаго языка для обогащенія русскаго языка: „польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“, а также объясняется возвышенный оттѣнокъ въ значеніи словъ, взятыхъ изъ церковнославянскаго языка: „по важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особенное почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинители мысли сугубо украсить“.

Относительно присутствія въ русскомъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ находимъ довольно много отдѣльныхъ указаній касающихся и фонетическихъ, и морфологическихъ особенностей этихъ заимствованій, въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова.

Такъ вліяніемъ церковнославянскаго, точнѣе церковнаго произношенія объясняется здѣсь (§ 99) присутствіе звонкаго задне

язычнаго спиранта *γ* (малорусское *г*) въ формахъ *Бога, богомъ...*, *господь, глась, благо* и производныхъ отъ нихъ *государь, государство, разгласяю, благодать, благословляю* и т. д., въ такихъ говорахъ русскаго языка, которые во всѣхъ первичныхъ, не заимствованныхъ словахъ имѣютъ звонкій заднеязычный взрывной *г*.

Въ § 168-мъ указывается на разницу окончаній р. п. у словъ первично русскихъ и книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. У первыхъ по Ломоносову гораздо чаще имѣется окончаніе *-у*: *размаху, часу, взгляду, визгу, грузу* рядомъ съ *трепета, возраста; розоваго духу, прошлогодняго дому, птичьяго голосу* рядомъ со *Святаго духа, человѣческаго дома, Архангельскаго гласа* и т. д. (ср. также § 167).

Въ § 185-мъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ „высокомъ штилѣ, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится“, преобладаетъ окончаніе предложнаго надежа на *-ть*: *очищенное въ горнѣ злато, жить въ домѣ Бога Вышняго, въ потѣ лица* и т. д. рядомъ съ: *въ горну, въ поту* и т. д.

Въ § 210-мъ говорится о невозможности сравнительной и превосходной степеней на *-шій* (какъ *свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій* у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго) отъ русскихъ первичныхъ („низкихъ“), какъ *прытчайшій, препрытчайшій* и т. д.

Въ § 338-мъ относительно окончанія причастія настоящаго на *-щій* замѣчается, что оно можетъ встрѣчаться только у такихъ глаголовъ, которые „отъ Словенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ“. Наоборотъ подобныя причастія „весьма не надлежитъ производить отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значать“.

Еще яснѣе это формулировано въ § 435-мъ, гдѣ говорится, что причастія на *-щій* производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія — *вънчающій, пишушій, питающій* и „весьма не пристойны произведенныя отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны — *говоряшій, чавкающій*“. Это послѣднее замѣчаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что для современ-

наго языковаго чутья послѣднія формы нисколько не странны или дики. Что здѣсь причиной—чрезмѣрный ли пуризмъ и ригоризмъ Ломоносова или бѣльшее распространеніе даннаго окончанія въ современномъ языкѣ, сказать трудно. Теперь формы причастія на *-щій* возможны у любаго глагола.

Въ связи съ этими §§ находится и § 351-й, въ которомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что „дѣепричастія на *-ючи* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Словенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *-я* употребительнѣе у Словенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ, лутче сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаячи*“. Современное языковое чутье разсудить нѣсколько иначе и склонится и въ первомъ случаѣ къ формѣ „*толкая*“; форма же „*дерзаячи*“ для него совершенно невозможна.

Въ § 437-мъ идетъ рѣчь о причастіяхъ прошедшаго времени на *-вшій* у глаголовъ съ суффиксомъ *-ну-* (*-нж-*), какъ „двигнувшій“ и т. д. Л. замѣчаетъ, что они возможны тоже не у всѣхъ глаголовъ, а только у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, „у Славенскихъ“; русскіе же глаголы это окончаніе „принять не всегда могутъ“, такъ что формы *брякнувшій*, *нырнувшій* и т. д. для уха Л—а кажутся „весьма противными“, между тѣмъ какъ для современнаго онѣ уже вполне привычны.

Въ § 439-мъ окончаніе причастія настоящаго страдательнаго *-мый* Ломоносовъ также допускаетъ только у „глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ“, напр. *вѣнчаемый*, *пишемый*, *питаемый*, *подаемый*, *видимый*, *носимый*. (Современному языковому чутью, напротивъ, совершенно чужды формы, какъ *пишемый*, *подиемый*). Онѣ считаетъ ихъ болѣе умѣстными въ „риторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ штилѣ или въ просторѣчїи“. Наоборотъ, „отъ россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. *трошаемый*, *качаемый*, *мараемый*, весьма дики и слуху несносны“. Относительно послѣднихъ формъ современный

литературный языкъ гораздо болѣе снисходителенъ, чѣмъ былъ Ломоносовъ.

Въ §§ 441 и 442 разграничиваются два окончанія причастій прошедшихъ страдательныхъ на *-ый* и *-ой*, Первое Ломоносовъ считаетъ (основательно) болѣе подходящимъ у глаголовъ „отъ Славенскихъ происшедшихъ“, а вторые у „простыхъ російскихъ“.

Въ § 443-мъ замѣчается, что „славенскіе глаголы“ не имѣютъ причастій „давнопрошедшихъ страдательныхъ“, встрѣчающихся только у „російскихъ глаголовъ“, какъ напр. *смагиванъ, -а, -о*.

Въ § 445-мъ находимъ замѣчаніе, что причастія отъ „возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ“ глаголовъ съ *-ся* болѣе свойственны „глаголамъ Славянамъ извѣстнымъ“.

Въ § 448-мъ указывается, что, если „причастія отъ обыкновенныхъ Російскихъ неупотребительны, можно... взять изъ Славенскаго языка...“ Напримѣръ: „*колдующій, дерущійся*, не принимаются; но вмѣсто ихъ служить могутъ; *волшебствующій, воюющій*“. Современное языковое чутье и къ этимъ формамъ относится совсѣмъ иначе. Ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ его.

Такимъ образомъ и замѣчанія Ломоносова имѣютъ главнымъ образомъ морфологическій характеръ; только одно касается фонетической особенности, обязанной своимъ происхожденіемъ церковнославянскому языку (спирантное произношеніе *ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ), остальные всѣ касаются морфологіи, причемъ особое вниманіе обращено на образованіе причастій и дѣепричастій (въ десяти параграфахъ), два замѣчанія посвящены окончаніямъ склоненій и одно образованію сравнительной степени. Попытки установить какіе либо отличительные признаки церковнославянскихъ словъ и формулировать различіе русскаго отъ церковнославянскаго въ фонетическомъ отношеніи мы не находимъ.

Въ трудахъ по русской грамматикѣ, вышедшихъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, не находимъ никакихъ особенно новыхъ замѣчаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ простымъ повтореніемъ того, что уже было сказано Ломо-

носовымъ. Такъ, грамматика Шлёцера, писавшаяся и частію вышедшая (только первые листы) въ промежутокъ времени между 1762-мъ и 1766 годомъ ¹⁾ и для своего времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ примѣчательная, не представляетъ по занимающему насъ вопросу ничего новаго сравнительно съ грамматикой Ломоносова: § 3, п. 2, § 66, п. III и § 67, п. 3, гдѣ говорится о произношеніи *г* въ словѣ *Богъ* и пѣкоторыхъ другихъ словахъ являются пересказомъ соответствующихъ §§ грамматики Ломоносова, причемъ даже взяты тѣ самые примѣры. Такъ же мало находимъ мы указаній въ другихъ явившихся послѣ выхода въ свѣтъ грамматики Ломоносова работахъ этого рода, въ ряду коихъ болѣе другихъ выдаются грамматика Барсова и Соколова ²⁾).

Больше находимъ вниманія къ занимающимъ насъ отношеніямъ въ академической грамматикѣ, вышедшей въ 1802 г. ³⁾, хотя и она немного прибавляетъ новаго къ наблюденіямъ Ломоносова. Такъ, въ § 18-мъ находимъ утвержденіе, что „буква *Г* произносится двоякимъ образомъ, т. е. иногда какъ *у*, а иногда какъ *h* латинское, а именно:

1) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ Славенскаго языка и высокому слогу свойственныхъ, соответствуетъ по большей части въ произношеніи буквѣ *h*, напримѣръ: *глава*, *погасаю*, *вознѣщаю*, *господствую*, *гортань*, *гумивый* (въ наше время, по крайней мѣрѣ въ произношеніи большинства, всѣ эти случаи имѣютъ взрывное *г* = лат. *g*): напротивъ того въ общемъ языкѣ употребленіи выговаривается по большей части подобно буквѣ *g*, напр.: *галка*, *гвоздь*, *глодать*, *гну*, *грабли*, *грыжа*“.

¹⁾ Напечатана вновь въ Сборникѣ статей, изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Т. XIII. Спб. 1875.

²⁾ *Барсовъ*, А. Краткія правила російской грамматики, собранныя изъ разныхъ Російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Московскаго Университета. Москва. 1771 г. 8°. Слѣд. изд. 1782, 1786, 1797, 1802 гг. *Соколовъ* II. Начальныя основанія Російской грамматики въ пользу учащагося въ гимназій при Императорской Академіи Наукъ юношества. Спб. 1788. 8°, VI+147 стр. Послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808 годовъ.

³⁾ Російская грамматика, сочиненная Императорскою Російскою Академіей. Спб. 1802 г. 8° IV+355 стр. Второе изданіе въ 1809 г. и слѣдующія въ 1819, 1827 годахъ. Мы пользовались вторымъ.

Остальные замѣчанія посвящены только морфологическимъ особенностямъ. Такъ, въ § 79-мъ говорится, что „звательный падежь обоихъ чиселъ подобенъ именительному, исключая слѣдующія слова: *Богъ, Боже; Господь, Господи; Христось, Христе; Исусъ, Исусе; отецъ, отче; владыка, владыко; творецъ, творче; сынъ, сыне; дѣва, дѣво; дщерь, дщи; мать, мати; царь, царю; утѣшитель, утѣшителю*: но такое окончаніе падежей звательныхъ приличествуетъ слогу Славенскому и можетъ иногда по приличію быть употребляемо въ слогѣ важномъ“.

Въ § 177-мъ (примѣчаніе) идетъ рѣчь о заимствованныхъ изъ „славенскаго“ именахъ числительныхъ: „Въ важныхъ предметахъ, такъ же въ слогѣ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ употребляются лучше имена числительныя, по Славенскому правописанію пишемыя, какъ то: *единый, первый, надесять, второй, надесять, третій, надесять, двадесать, двадесатый, тридесать, тридесатый* и проч. поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ второй, на десять*, нежели *двѣнадцатый*; *Людвикъ пятый, на десять*, нежели *пятнадцатый* и проч.“. Замѣчаніе это въ настоящее время утратило значеніе.

Въ § 240-мъ находимъ замѣчаніе относительно употребленія вмѣсто повелительнаго наклоненія „настоящаго или будущаго времени наклоненія изъявительнаго съ частицею *да*, напримѣръ: *да иду, да идешь, да идетъ, да идемъ, да будетъ, да станетъ* и проч. Но поелику такое повелительнаго наклоненія выраженіе свойственно языку Славенскому; то оно употребляется въ высокомъ только стилѣ“.

Въ § 245-мъ (примѣчаніе III) говорится почти то же о русскихъ дѣепричастіяхъ, что у Ломоносова въ § 351-мъ (см. выше стр. 74-я): „...замѣтитъ должно, что дѣепричастія глаголовъ собственно Россійскому языку принадлежащихъ, пристойнѣе оканчивать на *чи*, напротивъ того глаголы, изъ Славенскаго языка заимствованныя, въ дѣепричастіи настоящаго времени лучше употребляются на *а* или *я*, напримѣръ: лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше сказать *держая*, нежели *держаячи*; *держача*, нежели *держачи* и проч. ¹⁾).

¹⁾ () перемѣнѣ, совершившейся въ языковомъ чутьѣ нашего времени, ср. сказанное выше на стр. 74-й о такомъ же мѣнѣи Ломоносова.

Въ § 249-мъ, Примѣч. II. Относительно времени настоящаго страдательнаго залога, какъ *есмь любимъ, бываю любимъ* и пр. говорится: „Вообще же замѣтить надлежитъ, что такое страдательнаго залога настоящее время развѣ въ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ слогѣ бываетъ употребительно. Въ другихъ же случаяхъ вмѣсто онаго употребляется или глаголь возвратный съ приличнымъ страдательному залогу падежемъ, или глаголь дѣйствительный; наприм.: вмѣсто *я есмь, ты еси именуемъ, зовомъ*, или *мы есмы, вы есте именуемы, зовомы*, говорится: *именуюся, именуешься* или *меня, тебя именуютъ, зовутъ; именуемся, именуетесь*, или *насъ, васъ именуютъ*; такъ же вмѣсто *море есть волнуемо вѣтромъ*, говорится *море волнуется вѣтромъ*.

Въ § 259-мъ (примѣчаніе) говорится почти то же о причастіяхъ, что замѣчаетъ Ломоносовъ въ §§ 338-мъ и 435-мъ (см. выше стр. 73): „Вообще замѣтить должно, 1) что причастія, а наипаче настоящаго времени, по большей части употребляются въ высокомъ слогѣ, слѣдовательно отъ простыхъ глаголовъ, каковы суть, *вялю, топчу, барышничая* и проч. причастія не употребляются, а вмѣсто оныхъ глаголы употребляются въ изъявительномъ наклоненіи съ мѣстоименіемъ *который* или *кой*.

Наконецъ въ § 265-мъ (примѣчаніе 3-е) находимъ замѣчаніе о дѣепричастіяхъ прошедшаго времени, которыя: „сугубое имѣющія окончаніе т. е. на *ши* и сокращено на *ъ* съ предъидущею согласною буквою, имѣютъ неодинаковое употребленіе. Первое можетъ быть употребляемо въ слогѣ важномъ и въ просторѣчій, напротивъ того другое, какъ напримѣръ: *возставъ, воздѣвъ, убоявся, прошедъ* и проч. болѣе приличествуетъ слогу высокому“.

Академическій словарь, вышедшій въ 1789—1794 гг. подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской“ (шесть частей in 4°) въ своемъ отношеніи къ лексическому матеріалу церковнославянскаго происхожденія слѣдовалъ по стопамъ Ломоносова. Предисловіе къ словарю, говоря о значеніи „славенскаго“ языка для русскаго, почти буквально повторяетъ цѣлыя мѣста изъ знаменитаго разсужденія Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россій-

скомъ языкѣ“. Составители словаря ¹⁾ такъ же, какъ и Ломоносовъ, не особенно строго отличали русскіе элементы отъ старославянскихъ.

По общераспространенному взгляду XVIII и начала XIX вв., языки „славенскій“ и русскій считаются почти одинаковыми. Поэтому русскій языкъ часто называется „славенороссійскимъ“ — терминъ неясный и употреблявшійся въ разныхъ значеніяхъ: „славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя, впрочемъ, великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ Славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованія, а другія и новый смыслъ получили (Словарь Акад. Росс. 1789, ч. I, стр. VI)“. Въ то же время „языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ“ свою цѣлость, такъ что „народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ (тамъ же, стр. VII)“. Несмотря на это, составители словаря признаютъ „неоспоримую истину“, что „языкъ россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство россійскаго обладанія, сосѣдственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ“... „Такое состояніе языка славенороссійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностью (тамъ же, стр. VIII)“. Т. о. здѣсь какъ бы различаются эти два языка. Въ началѣ же предисловія говорится только о „Славенороссійскомъ“ языкѣ: „Академія поставила себѣ долгомъ сочиненіе Словаря или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго рода вѣщаній въ языкѣ Славенороссійскомъ употребительныхъ (стр. V)“. Нѣсколько ниже: „разсѣянное обліе языка Славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древ-

¹⁾ См. исторію его у Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII и послѣдній 1887 г., стр. 1-я и слѣд.

нихъ, такъ и новѣйшихъ писателей было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи... но сіе самое обиліе, въ единой составъ приведенное, облегчитъ каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка Славенороссійскаго (стр. VI)“. И только затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе „Славенороссійскаго“ языка, приведенное выше. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ словарѣ церковнославянскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ выдѣлены вполне удачно. Признаки, которыми руководствовались при этомъ составители словаря, состояли въ слѣдующемъ: 1) критерій лексико-семасіологической: а) внѣшнее различіе словъ въ томъ и другомъ языкѣ, означающихъ тождественныя понятія (синонимія); б) различіе значеній при внѣшнемъ тождествѣ славянскаго и русскаго слова (гомонимія); 2) критерій морфологической: особенности морфологическаго строенія—употребленіе тѣхъ или другихъ суффиксовъ и т. н. словообразовательныхъ элементовъ; 3) критерій фонетической: различіе звуковыхъ законовъ въ томъ и другомъ языкѣ (полногласіе и отсутствіе его, русское о || стсл. ѣ, начальное русск. о || стсл. ѣ, русское ч, ж || стсл. шт, жд).

1) а. Примѣры отличенія славянскихъ и русскихъ синонимовъ: „якорь, пославенски *кѡтва* (ч. VI, стр. 1044)“; „ротъ—пославенски Уста (?! ч. V, стр. 168)“.

б. Примѣры различенія славяно-русскихъ гомонимовъ: „квасъ—въ славенскомъ значить то же, что *закваски*, умал. *закваска*: „малъ *квасъ* все смѣшеніе квасить“ (Гал. V, 9). Въ обыкнов. росс. язык. *квасъ* значить: Нанитокъ кислый... (ч. III, стр. 495).

2) Примѣры примѣненія морфологическаго критерія. Различіе суффиксальное: Скороходъ—Пославенски же Скороходець (ч. III, 221); Пѣтухъ—Пославенски Пѣтель (IV. 1256); Осель—Послав. *осля* (IV. 646) и т. д.

3) Примѣненіе фонетическаго критерія. А) Полногласіе: „Лакоть—славенск.; просто же локоть (III. 1135); Власъ—Слав. въ общемъ же языка употр. Волось (I. 760); Класъ—Слав. просто же Колось (III. 591); Бразда—Слав. въ общемъ же языка

употребл.—Борозда (I. 312); Стражъ — Слав.; просто же: Сто-рожь (V. 866)⁴ и т. д.

Б) Русское о || стсл. ѣ: „нюю—Слав.; просто же Ною (IV. 573); мою—Послав.: мяю (IV. 282)⁴ и т. д.

В) Сохраненіе въ славянскомъ і = ѣ и исчезновеніе его въ русскомъ: „Бію—Послав.; въ обынов. же разговорѣ сокращенно... Бью (I. 172); Копіе—славенск.; просто же копье (III. 801)⁴ и т. д.

Г) Славянское жд, шт || русск. ж, ч: „Невѣжда—Славянск.; просто же Невѣжа (I. 974); вѣжду—Слав.; просто же: Вижу (I. 675); ночь—Пославенски: Ношь (IV. 555); Мошь—Слав.; просто же Мочь (IV. 206); хощу—Славенск.; просто же Хочу (VI. 577)⁴ и т. д.

Такимъ образомъ составители словаря знали главныя фонети-ческія отличія русскаго языка отъ старославянскаго, хотя и не всегда примѣняли это знаніе, какъ это видно будетъ изъ нижепри-веденныхъ примѣровъ. То же слѣдуетъ сказать и о ихъ примѣне-ніи лексическаго и морфологическаго критеріевъ. Такъ находимъ:

1) Ротъ—Послав.: Уста (?) т. V. 168; Трактиръ—Пославен-ски: Гостинница „Приведе его въ гостинницу“ (Лук. X. 34).

2) Сиротскій—Пославенски: Сиротній (V. 458).

3) Предприемлю — Слав. просто же: Предпринимаю (II. 99); обра-щаю, -ши, -тихъ, -ащати—Славенск.; просто же: Обращаю, -ешь, -иль, -ать (I. 895). Благовременно—Въ слав. же языкѣ: Благовременнѣ (I. 926); Издалече и Издалеча—Славенск. (?); просто же Изда-лека (II. 460); Высоко—Слав.; просто же Высоко (I. 950) и т. д.

Большое количество примѣровъ см. у Сухомлинова (Исторія Россійской Академіи. Вып. VIII. 1887, стр. 76—86).

Относительно ударенія приводимыхъ въ словарь формъ нахо-димъ опредѣленное указаніе въ Предисловіи (I, стр. XIII): „раз-личное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Акаде-мія тщлася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила“. Какъ видно, впрочемъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, составители не могли иногда разобратъся въ томъ, какая акцентуація должна быть признана

русской и какая славянской, тѣмъ болѣе, что и акцентуація славянскихъ книгъ въ концѣ концовъ почти вся русская.

Второе изданіе „Словаря“ (Спб. 1806—1822 въ шести же частяхъ), уже безъ предисловія, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ перваго, и все сказанное выше имѣетъ силу и въ отношеніи его.

Грамматики, выходившія въ послѣдующіе года, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ практическія, школьныя цѣли, мало самостоятельны, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и его обработки и могутъ быть пройдены молчаніемъ. Нанравленіе „обще-грамматическое“, нашедшее себѣ на Западѣ выраженіе въ работахъ De Brosse's'a, Court de Gébelin'a, ученыхъ des Port Royal, Beauzée, Silvestre'a de Sasy, Malmesbury, Hogue Tooke'a, Августа Фридриха Бернгарди и др., и проникавшее мало по малу и къ намъ, было также мало благопріятно для разысканій фактическаго характера, такъ что изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ трудахъ этого рода, представителями котораго у насъ являлись грамматики Орнатовскаго и Тимковскаго ¹⁾).

Первый даже слабо различаетъ русскій языкъ отъ старославянскаго. Такъ на стр. 23 онъ заявляетъ, что будетъ „до нѣкотораго времени разсматривать исторію его (Славяно-россійскаго языка) вмѣстѣ, не раздѣляя на нарѣчія: Славянское и Русское“. Сверхъ этого находимъ у него слѣдующія замѣчанія по данному предмету: на стр. 30-й утверждаетъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „коренной Славянскій языкъ совершенно вышелъ изъ разговорнаго употребленія (?!); и знаніе его начало почитаться удѣломъ однихъ ученыхъ; а Уложеніе царя Алексія Михайловича было написано на общенародномъ Россійскомъ языкѣ, исключая немногія Славянскія выраженія“. На стр. 90-й говорится, что *мать* и *дочь* въ косвенныхъ надежахъ склоняются по образцу Славенскихъ *матерь* и *дщерь*, (что однако не должно значить, что эти формы заимствованы изъ

¹⁾ Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ, сочиненное Иваномъ Орнатовскимъ. Харьковъ. 1810. 8^о (311 стр.).

Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Соч. Ильи Тимковскаго. Харьковъ. 1811 г. 8^о (310 стр.).

церковнославянскаго). На стр. 91-й находимъ замѣчаніе, что звательный падежъ на -е „приличествуетъ собственно слогу Славенороссійскому“, затѣмъ на стр. 103-й утверждается, что „въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высокомъ и близкомъ къ Славенскому употребляются лучше числительныя Славенскія“. На стр. 182-й замѣчается, что глаголы „собственно Славенскіе давнопрошедшаго (т. е. многократнаго вида) не имѣютъ“. Какъ видно, замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками Ломоносова и Россійской Академіи; напротивъ, проходятъ молчаніемъ многое въ нихъ встрѣчающееся. Находимъ у Орнатовскаго и неудачныя „правила“, какъ напр. на стр. 189, гдѣ глаголы въ родѣ *блуждаю* признаются русскими: „кончающіеся на *жу*, коп въ Славенскомъ кончатся на *жду*, *у* перемѣняются на *даю*. Нанримѣръ *блуж-у блуж-даю* (отъ слав. *блужду*), *нуж-у при-нуждаю*, *суж-у рассууж-даю*“. Всѣ эти замѣчанія касаются морфологій; только на стр. 245-й находимъ замѣтку синтаксическаго свойства: „глаголь *воскреснуть* принимаетъ родительный съ предлогомъ *изъ*..... Иногда же по свойству языка Славенскаго вмѣсто предлога *изъ* употребляется съ предлогомъ *отъ*, напр. *воскреснуть отъ гроба*“.

Тимковскій также не дѣлаетъ большаго различія между церковнославянскимъ и русскимъ, устанавливая существованіе „Славенороссійскаго“ языка. При этомъ однако, хотя онъ и утверждаетъ, что „Россійскій удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ (стр. 50)“, но находитъ между ними и нѣкоторыя „разности“, заключающіяся:

„а) въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ:

б) въ прибавкѣ или вынущеніи буквъ и слоговъ и въ грамматическихкихъ перемѣнахъ словъ; въ немъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим.: *градъ городъ*; *дрова, дривеса, дерева, деревья*; *нощю, ночью*; *князи, князья*; *врази, враги*; *чту, читаю*; *предѣль, предѣловъ; предѣлы, предѣлами*; *на чадѣтъ, на чадахъ*; *мя, меня*; *ся, себя*; *идоста, идоша*,

шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже.

в) Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты; иныхъ словъ значеніе переѣнилось.

г) Въ словосопряженіи и управленіи, напр. *солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господѣ* и т. д.

д) Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а найпаче писменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словосопряженія и выговора Славенскаго, не удаляясь впрочемъ къ обветшалому употребленію“.

Несмотря на свою голословность, не подкрѣпленную достаточнымъ количествомъ примѣровъ, эти замѣчанія являются довольно самостоятельной и опредѣленной попыткой формулировать „разности“, имѣющіяся между русскимъ и церковнославянскимъ языками. Но отсутствіе примѣровъ (только пункты б) и г) снабжены ими), а также несовсѣмъ удачный ихъ выборъ (форма *враги* тоже славянская; *читу* и *читаю* могутъ одинаково хорошо принадлежать обоимъ языкамъ; формы *краснѣе* и *позднѣе* совершенно возможны и въ русскомъ) лишаютъ эту попытку почти всякаго положительнаго значенія.

Изъ грамматикъ, появившихся за это время на иностранныхъ языкахъ и принадлежащихъ иноземнымъ ученымъ, можно остановиться на трудахъ Фатера ¹⁾ и Пухмайера ²⁾.

У перваго находимъ довольно обстоятельное замѣчаніе о разныхъ произношеніяхъ русскаго языка, сообразно содержанію и матеріалу рѣчи: „Was die Aussprache betrifft: so muss man die ge-

¹⁾ Vater (Ioh. Sever.). Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre. Leipzig 1808. 8° (XL + 160 стр.). 2 -te vermehrte und umgearbeitete Auflage. Ibidem. 1814. 8° (XII пенум. + 276).

²⁾ Puchmayer (Ant. Jar.) Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des H. Abbé Dobrowsky. Prag. 1820. 8° (XLI + 288 стр.).

wöhnliche Aussprache des Russischen von der feyerlicheren bey dem Vortrage öffentlicher Reden auch selbst der Rollen hoher Personen auf dem Theater oder bey dem Slawonischen, welches die Kirchensprache ist, wohl unterscheiden. Diese feyerlichere Rede weiss von der Aussprache des *r* durch *w*, und den mancherley nachher anzugebenden Veränderungen des *e* in *jo*, des *o* in ein *oa* u. s. w. nichts, sondern spricht *a*, *e*, *o* wie wir (стр. 4).

На слѣдующей (пятой) страницѣ замѣчается о произношеніи *z*, которое „... in vielen, besonders Slawonischen und gottesdienstlichen Wörtern ganz in *h* übergeht, z. B. благословляю blahoslaw'aju (ich segne), und so auch in den Wörtern господъ hospod (Herr), государъ hosudar (Herr), in den Casibus von Богъ (Gott) z. B. Бога boha (Gottes).

На стр. 15—16 говорится о выговорѣ „дифтонга“ *-ей*: „Doch muss man auch den Laut dieser Diphthongen ja aus dem Munde der Nationalen auffassen, und dabey wiederum den Unterschied der Slawonischen und der beym Umgange Gebildeter gewöhnlichen Aussprache wahrnehmen; Slawonisch verhält z. B. bey *iü* das *ü* ganz in *ï*, sie flissen zusammen und der Laut hört fast auf Diphthong zu seyn, aber dasselbe *iï* lautet in der gewöhnlichen Russischen Aussprache, wenn es unbetont ist nach *v*, *n*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, wie *e^j* z. B. средній sredne^j dageden wenn es hinter andern Buchstaben unbetont ist z. B. высокій wie *a^j* und wenn es betont ist, wie bey какій wie *o^j*.

Мы не можемъ уже судить, насколько доступно было Фатеру изученіе русскаго произношенія. Судя по нѣкоторымъ промахамъ (господъ = hospod, государъ = hosudar) въ транскрипціи русскихъ словъ, можно думать, что русское произношеніе не было имъ твердо усвоено. Тѣмъ не менѣе, разница выговора обыкновеннаго, разговорнаго и церковнаго, книжнаго обратила на себя его вниманіе; какъ на особенности послѣдняго онъ указываетъ на сцирантное произношеніе *z*, на сохраненіе удареннаго *é* (въ русскомъ = „*ë*“) и ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ. Какъ понимать замѣчаніе Фатера, приведенное у насъ въ концѣ, сказать трудно. Неясно, хочеть ли онъ сказать, что въ церковномъ выговорѣ произносилось

не *ій*, а *и* (какъ въ малорусскомъ *солодки*), что въ наше время уже не имѣетъ мѣста, или только обратить вниманіе на то, что церковному *ій* (-j въ -ij и такъ будетъ слышенъ весьма слабо) соотвѣтствуютъ въ народномъ языкѣ *-ей* въ неударенномъ слогѣ и *-òй* подь удареніемъ. Этими замѣчаніями ограничивается все, что Фатеръ считалъ необходимымъ указать по данному предмету. Случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы отличать церковнославянскіе элементы отъ русскихъ, но не сдѣлалъ этого, очень много, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ слѣдующему по времени иностранному изслѣдователю русскаго языка—Пухмайеру. Предисловіе къ грамматикѣ послѣдняго, написанное Іосифомъ Добровскимъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ русскихъ грамматикъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ грамматики Лудольфа. (Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren).

Добровскій начинаетъ съ указанія руссизмовъ въ намятникахъ древней русской письменности (считая съ XIII-го вѣка, въ лѣтописяхъ Нестора и другихъ хронистовъ, въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ), которыя въ общемъ все-таки по его мнѣнію написаны славянскимъ языкомъ. Примѣры, приводимые имъ, распадаются на слѣдующія категоріи: полногласныя русскія формы, рядомъ съ неполногласными, предлогъ *вы* вмѣсто *изъ*, начальное *о* вмѣсто *е*. Затѣмъ слѣдуетъ попытка прослѣдить постепенное проникновеніе русскаго природнаго элемента въ письменность и грамматики, пока онъ не вытѣсняетъ окончательно церковнославянскій и въ той, и другой области. При этомъ онъ пользуется приведенными у насъ выше свидѣтельствами Лудольфа и Фриша объ употребленіи двухъ языковъ въ Московскомъ государствѣ, перечисляетъ нѣсколько старопечатныхъ изданій (библія Фр. Скорины, Несвижскій Катехизисъ 1562 года, грамматика Мелетія Смотрицкаго и т. д.), гдѣ болѣе или менѣе даетъ себя чувствовать русскій разговорный языкъ, и разбираетъ въ отношеніи языка отрывокъ изъ „поученія избранна“, написавшихъ „wenigstens 100 Jahre vor Peter dem ersten“, на обычномъ южнорусскомъ, сильно полонизированномъ, книжномъ языкѣ. Въ точное изслѣдованіе и классификацію матеріала Добровскій не пускается и ограничивается общими замѣчаніями

историко-литературнаго и библиографическаго характера. Въ части, принадлежащей Пухмайеру и заключающей въ себѣ собственно грамматику, находимъ въ большинствѣ случаевъ обычныя замѣчанія, извѣстныя намъ изъ предшествующихъ работъ. Такъ на стр. 6-й говорится, что произносится „in der feyerlihen Rede und der feinen Aussprache“ какъ *h*: бѳга, Gottes, Voha; госудáрь, Monarch, hosudár'. На стр. 8-й указывается, что „простыя“ *д* и *т* нерѣдко переходятъ въ *жд* и *щ* („besonders in hohem Style“). Какъ примѣры приведены формы: *суждѹ, суждѣнъ, разсуждáю, умерщвлѹ, умерщвлѣнъ, умерщвлáю, прещѹ, рѳнщѹ*. Это замѣчаніе о *жд* и *щ* вообще встрѣчается рѣдко у предшественниковъ Пухмайера, такъ что оно можетъ быть отмѣчено. На стр. 123-й замѣчается о славянскихъ числительныхъ типа „вторыйнадесять“ и т. д., что они употребляются „bloss im hohen Style bey den Namen der Regenten, und bey den Monatstagen“. На стр. 178-й признаются „славянскими“ дѣепричастія на -я: „Я ist mehr slawenische, ючи mehr russische Form“. На стр. 207-й говорится объ основахъ на -es (при этомъ невѣрно утверждается, что въ славянскомъ всѣ имена средняго рода способны имѣть этотъ „аугментъ“ *es*) и прибавляется, что „im hohen Style und bey Dichtern hat dieses Augment noch seinen Werth“. Относительно остатковъ, въ которыхъ эта основа сохранилась, необходимо замѣтить, что изъ трехъ такихъ остатковъ, приводимыхъ Пухмайеромъ: *небесѹ, чудесѹ, тѳлесѹ*, современный живой и разговорный языкъ сохранилъ только двѣ первыя; формы же *очесѹ* и *тѳлесѹ*, приводимыя также, совсѣмъ не встрѣчаются. На той же 207-й страницѣ говорится, что звательный, какъ самостоятельный падежъ, свойственъ только библіи и церковнымъ книгамъ и „ist bey einigen Wörtern ins Russische übergegangen“. Пухмайеръ приводитъ слѣдующіе примѣры: Бѳже, Гѳсподи, Христе (sic!), Иисѹсе, ѳтче, владыко, учителю, человекѣ, жѣно¹⁾. На стр. 208-й признается -ію въ *мудростію* окончаніемъ „славянскимъ“, которому въ русскомъ соотвѣтствуетъ -ю. На стр. 211-й говорится, что окончаніе род. пад. ед. ч. у именъ существитель-

¹⁾ Ср. также стр. 259, § 47.

ныхъ мужск. рода -а свойственно „mehr dem hohen Style, das *y* aber dem gemeinen Leben eigen“. Въ поясненіе приводятся примѣры: „Духъ hat дѹха, wenn es Geist, дѹху, wenn es Geruch bedeutet. So auch долгъ, Gen. дѹлга der Pflicht, дѹлгу der Schuld. На стр. 222-й формы *уль, оиь* признаются славянскими, русскія же формы будутъ *уоль, оионь*. Объясненіе русскихъ формъ тѣмъ, что „der Russe verbindet nie zwey Consonanten zu eine Sylbe, ohne einen Vocal dazwischen zu setzen“, должно быть, конечно, въ наше время оставлено. На стр. 125-й утверждается, что „der weibliche Genetiv *я, ія* gehört dem hohen Style zu“. На стр. 235-й находимъ указаніе, что нѣкоторые глаголы принимаютъ „den slawenischen Ausgang in венъ: крѹю—закровѣнъ (sic!) мѹю—измовѣнъ (sic!)“. На стр. 236-й говорится, что глаголы на -*дутъ* (-*дуть*?) принимаютъ въ первомъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени *жду* вм. *жу* „besonders im hohen Style“: судить-судѹ, суждѣнъ, суждѣніе“.

Мало успѣха замѣтно и въ грамматикѣ Греча ¹⁾, который вовсе не былъ ученымъ филологомъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній свидѣлствуютъ о не совсѣмъ точномъ представленіи, которое онъ имѣлъ объ отношеніяхъ церковнославянскаго къ русскому, другія не новы.

Въ § 51-мъ читаемъ: „Введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Греческаго писовѣданія имѣло важное вліяніе на тогдашній Русскій языкъ. Вѣроятно, что многія выраженія и обороты Ц. Славянскаго нарѣчія, заимствованныя непосредственно изъ языка Греческаго, были чужды и дикі Россіянамъ того времени. Мало по малу, слыша безпрестанно языкъ сей при отправленіи службы Божіей, они привыкли къ его особеннымъ свойствамъ, и наконецъ стали почитать сіе приобрѣтеніе всегдашнимъ своимъ достояніемъ. Нѣкоторые писатели того времени употребляли въ своихъ сочиненіяхъ, какъ выше сказано, языкъ Церковный; другіе писали на Русскомъ, но всегда болѣе или менѣе сбивались на первый, такъ что весьма трудно опредѣлить тогдашнія границы ихъ нарѣчій“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ долженъ быть

¹⁾ Пространная Русская грамматика, изданная Н. Гречемъ. Спб. Ч. I. 1827 г. 8°. XVI+386 стр. Второе изд. исправленное. Спб. 1830. 8°. XVI+408.

признанъ въ общемъ вѣрнымъ. Тѣмъ страннѣе читать у Греча замѣчанія въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Въ концѣ XVII столѣтія собственно Русскій языкъ началъ освобождаться отъ оковъ Польскихъ (!) и, очищаясь отъ чуждой примѣси, заимствовалъ сильныя и краснорѣчивыя выраженія изъ языка богослужебнаго“ (§ 53. въ концѣ).

„Вообще Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ слова слѣдующаго происхожденія: 1) Славянскія, свойственныя ему вмѣстѣ съ Церковнымъ: оныя составляютъ большее число. Нѣкоторыя изъ нихъ при переходѣ въ Русскій языкъ (!) поизмѣнились, напр. глава, голова; нравій, муравей; яко, какъ; азъ, язь, нынѣ я и т. д.“.

Другія замѣчанія болѣе вѣрны, но мало новы; такъ въ § 131. 5 находимъ слѣдующее: „Т превращается (!) въ измѣненія словъ, непосредственно и безъ перемѣны заимствованныхъ изъ Церковно-славянскаго языка, и въ щ; напримѣръ: обратить, обращу“.

Въ § 239. 2. „Зват. падежъ въ обоихъ числахъ сходенъ съ именительнымъ. Изъ сего исключаются имена, заимствованныя непосредственно изъ Ц. Слав. языка: они имѣютъ въ семъ падежѣ особенное окончаніе, напримѣръ: Госноди, Боже, мати, Владыко, Христе, Сыне, отче и проч.“.

Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ Гречь совсѣмъ не различаетъ слова заимствованныя отъ русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у него совсѣмъ невѣрные выводы и утвержденія. Такъ въ § 244. 3. говорится, что „имена *мать* и *дочь* принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ единственнаго и во всѣхъ падежахъ множественнаго окончаніе Церковно-Славянское (матерь, дщерь) матери, дочери, матерью, дочерью“. Между тѣмъ въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сохраненіе первичной основы. Въ томъ же §, 4-е. утверждается, что слово *дитя* въ единственномъ числѣ склоняется какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: Род. Дат. Предл. дитяти, Тв. дитятемъ (!). Множ. числа И. дѣти, Р. дѣтей и т. д.“.

Въ § 290, примѣч. 98 находимъ невѣрное утвержденіе, что „окончаніе *-мя* или *-ія*, въ род. пад. ед. числа ж. рода, встрѣ-

чается только въ слогѣ высокомъ, принимающемъ формы Слав. языка (напримѣръ: *добродѣтели Великія Государыни*)“ между тѣмъ, какъ это окончаніе вполнѣ обыкновенно въ былинномъ и нѣсенномъ языкѣ, гдѣ его нельзя объяснить церковнославянскимъ вліяніемъ.

Въ § 374-мъ читаемъ: „окончаніе *-ть...* превращается (!) въ *чь* (вечь), а при непосредственномъ заимствованіи глагола изъ Ц. Слав. въ *-щь* (вещь)“.

Въ § 419-мъ перечисляются недостаточные глаголы, заимствованные изъ церковнославянскаго, въ числѣ которыхъ однако находятся нѣкоторые, едва ли могущіе считаться заимствованіями: *блюсти, вечь, лобзать, гонзать; дерзать, единить, жаждать, здравить, зиждить, зіять, звязать, зръть, карать, колебать, личить, коснить, лобзать, мерцать, мнить, нещевальць, крестить, рещи, ристать, рѣять (?), стѣнить, стѣтитъ, творить (затворить?), тязать, ухать, хранить, царить, цѣлить, чаять (?).* Ниже за то приводится много глаголовъ также „недостаточныхъ“, но безъ обозначенія ихъ заимствованія, какъ напримѣръ: *алничать, бѣдствовать, блистать, владѣть, вредить, касаться, расти, тѣшиться* и т. д.

Замѣчанія, заключающія въ „Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ“¹⁾ Греча же, слишкомъ ничтожны, чтобы стоило ихъ приводить.

Ближайшими по времени трудами являются краткая и полная грамматикѣ Востокова²⁾. Однако, несмотря на выдающіяся дарованія и знанія автора, несмотря на то, что Востоковъ первый далъ въ свое время научную характеристику старославянскаго языка въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“³⁾, мы

¹⁾ Часть 1—2-я. Спб. 1840 г., 8° (VI. 336+404 стр.).

²⁾ Сокращенная Русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная А. Востоковымъ. Спб. 8°. 207 стр. Последующія изданія: 1833, 1835, 1837 (этимъ мы пользовались), 1839 и т. д.

Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматикѣ полнѣе изложенная. Спб. 1831. 8° XXIV+408. Последующія изданія: 1835 (мы пользовались этимъ), 1838, 1839, 1842 и т. д.

³⁾ Труды Московскаго Общества Любителей Словесности 1820, т. XIX, а также Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Издавъ по порученію 2-го отдѣленія Академіи Наукъ И. Срезневскій. Спб. 1865. 8°. LXXXIII + 216+114: стр. 1—27.

встрѣчаемъ въ этихъ грамматикахъ слишкомъ мало по интересующему насъ предмету въ сравненіи съ тѣмъ, чего слѣдовало бы ожидать. Происходило ли это дѣйствительно отъ той осторожности, о которой говоритъ Срезневскій въ своемъ предисловіи къ изданію Филологическихъ Наблюденій (стр. XLIX: „Осторожность заставляла его въ Русской грамматикѣ дать маловидное мѣсто языку простонародному и языку древне-Славенскому“ и т. д.), или отъ низкой оцѣнки Востоковымъ церковнославянскихъ элементовъ относительно ихъ значенія въ общемъ составѣ языка, а можетъ быть и отъ какихъ либо другихъ причинъ, мы не будемъ разбирать, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса представляется намъ едва ли возможнымъ въ наше отдаленное больше, чѣмъ на полвѣка, время.

Въ „Сокращенной Грамматикѣ“ находимъ слѣдующія замѣчанія:

Стр. 34. 5. „Притяжательныя *божій, вражій*, во всѣхъ падежахъ и въ окончаніяхъ женскаго и средняго рода имѣютъ *і* вмѣсто *ь*: *божія, вражія, божіихъ* и пр. Такъ и числительное *третій*, въ важной рѣчи можетъ склоняться *третіяю*, вмѣсто *третьяю* и проч.“.

На стр. 66-й читаемъ, что предъ окончаніями изъявительнаго наклоненія „въ глаголахъ изъ церковнаго языка заимствованныхъ... (измѣняется)... также и *д* на *жд*, а *т* на *цу*: *страдать, -жду, клеветать, -цу*“.

На стр. 68-й находимъ аналогичное замѣчаніе, что въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ съ основами на *г* и *к*, „заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, *ч* замѣняется буквою *щ*, а *ь* буквою *и*; напр. *реши, реку; нещись, некусъ*“.

На стр. 78-й говорится, что многократнаго вида „не имѣютъ заимствованные изъ церковныхъ книгъ и въ важной рѣчи употребляемые глаголы, первообразные и производные. Таковы суть: *вѣщаю, дерзаю, желаю, караю, класаюсь, лишаю, глаголю, жажду, стражду, клеветую, ропщу, вопію, творю, томлю* и многіе другіе“.

Въ „Полной Грамматикѣ“ немногимъ больше замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго на русскій. На стр. 7. 4

говорится, что слова „съ суффиксами *ійца, дца* заимствованы изъ Церковнословенскаго языка“. На стр. 22. 3. указывается, что звательные падежи: *Боже! Господи! Иисусе Христе! Владыко! Отче!* также заимствованы „изъ церковнаго Словенскаго языка“.

На стр. 39-й II а) замѣчается, что „заимствованныя изъ старинныхъ книгъ имена народовъ *Варягъ, Срацинъ*, сохраняютъ въ родительномъ множ. числа сіе же окончаніе, напр. *родомъ изъ Варягъ, изъ Срацинъ*“.

На стр. 114-й VII. г. указывается на измѣненіе *г, к* въ неопредѣленномъ наклоненіи въ *ч*, которое „въ глаголахъ, заимствованныхъ изъ Церковнославенскаго языка, замѣняется буквою *щ*, напр. *рещи, реку: пещись, пекусь* (то же замѣчаніе, что на стр. 68-й краткой редакціи).

На стр. 144. 1. говорится, что „предлогъ *воз* (вз) въ языкѣ важномъ и въ Церковнословенскомъ имѣетъ ту же силу, какую имѣетъ *за* въ обыкновенномъ языкѣ и въ просторѣчии... напр. *воспылатъ, вострепетать...*“

На стр. 352-й находимъ замѣчаніе о согласномъ *г*, который „по двоякому произношенію своему (*g* и *h*) принадлежитъ также къ буквамъ, выражающимъ по два звука. Второй изъ сихъ звуковъ имѣетъ буква *г* не только... въ иностранныхъ словахъ; напр. *Гамбургъ, Богарне*: но въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, особенно важной рѣчи принадлежащихъ; напр. *Гласъ Господа Бога*, выражено бы было Латинскими буквами: *Hlas Hospoda Boga*, а не *Glas Gospoda Boga*“. Относительно сказаннаго здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ произносятся и съ взрывнымъ *г* (лат. *g*). Такъ *Богарне* многіе (даже знающіе французскій языкъ) выговариваютъ не со спирантнымъ *г*, а съ взрывнымъ *г*, тоже должно сказать и о примѣрѣ *Гласъ*, гдѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, иереди слѣдующимъ за *г* согласнымъ, спирантное произношеніе не имѣетъ мѣста.

На стр. 360-й находимъ еще одно замѣчаніе о существительныхъ *вѣдѣніе, свѣдѣніе, мнѣніе, прѣніе*, которыя Востоковъ признаетъ „произведенными отъ глаголовъ Церковнаго Словенскаго языка: *свѣдѣти, свѣдѣти* и т. д.“.

Изъ приведенныхъ замѣчаній нетрудно убѣдиться, что Востоковъ, хотя и понималъ хорошо взаимныя отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ, однако отвелъ церковнославянскому вліянію очень немного мѣста въ своихъ грамматикахъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ и теперь оесма цѣнныхъ.

Мало обращаетъ вниманія на это вліяніе и Калайдовичъ въ своей грамматикѣ ¹⁾, вышедшей три года спустя послѣ появленія въ свѣтъ грамматики Востокова. И у него находимъ въ общемъ все тѣ же замѣчанія, что въ грамматикахъ его предшественниковъ. Такъ на стр. 8-й ² названо „твердымъ дыханіемъ“ („въ словѣ *Господь*, а въ Малороссійскомъ всегда“); на стр. 30-й читаемъ, что „въ нѣкоторыхъ страдательныхъ причастіяхъ, изъ Славянскаго языка взятыхъ, удерживается двойное *и* вездѣ, кромѣ муж. рода, напр. *вдохновенный, вдохновенъ, вдохновенна, вдохновенно, вдохновенны* (замѣчаніе новое и принадлежащее Калайдовичу).

На стр. 32-й замѣчается, что звательный падежъ „окончаніемъ своимъ одинаковъ съ именительнымъ, по слова *Господь, Богъ, Исусъ, Христосъ* почти всегда удерживаютъ Славянскія окончанія: *Господи! Боже! Исусе! Христе!* На стр. 39. 3. „окончаніе *-ья*“ вмѣсто *-ія* признается „разговорнымъ“: „Имена на *-ія* оканчиваются въ дат. и предложномъ падежахъ единств. числа на *-ии*, напр. *молнія, молніи, о молніи, судія, судіи, о судіи*. Но если окончаніе *ія* замѣняется разговорнымъ *ья*, то слѣдуетъ общему правилу, напр. *судья, судьтъ, о судьтъ*“. На стр. 40. 3 находимъ примыкающее къ этому замѣчаніе, что „творительный единственнаго *-ію*, можетъ сократиться въ *-ю*“, причемъ однако не сказано, что первая форма имѣетъ книжный оттѣнокъ и поддерживается церковнославянскимъ. Также ничего не говоритъ объ этомъ Калайдовичъ и на стр. 41. 3, гдѣ идетъ рѣчь объ именительномъ падежѣ на *-іе, -ье* и предложномъ на *-ии, -ьи, -ьъ*, равно какъ на стр. 42. 5, гдѣ замѣчается, что „имена

¹⁾ Грамматика языка русскаго. Часть I, познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Θεодоровича). Москва. 1834. 8°. 102 + X + 2 ненумерованныхъ.

на *-ie*, перемѣняются на *-ій*“ въ род. пад. множ. числа: *оружіе*, *оружій* и т. д.

На стр. 43. 4. род. п. ед. ч. женскихъ прилагательныхъ на *-ья*, *-ія* признается Славянскимъ. На стр. 65. 5. указывается, что „прошедшее страдательное причастіе на *тый*, въ высокомъ слогѣ имѣетъ и другое окончаніе, Славянское на *овѣнный* (спрягаемое *овѣнь*), напр. *отрѣну*, *отрѣнутый* и *отриновѣнный*. На стр. 68. 5 признаются Славянскими обороты въ родѣ: „*да научь творить угодное Тебѣ*“. На стр. 87-й указывается, что „усиливательное нарѣчіе *пре* можно найти только въ Славянскихъ гласныхъ, напр. *превосхожу*, *пребуду*; а въ другихъ, *пре* есть предлогъ, одного значенія съ предлогомъ *пере*“. Наконецъ на стр. 102. 6. говорится о глаголахъ, измѣняющихъ „окончаніе перваго лица наст. вр. ед. ч. *-щу*“ на *-тишь* во второмъ лицѣ и присовокупляется, что „почти все сіи глаголы Славянскаго окончанія *щу*, въ Русскомъ имѣютъ соотвѣтственное окончаніе *чу*“.

Нѣкоторыя замѣчанія о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ затѣмъ въ работахъ кievскаго профессора Максимовича. Въ его „Критико-историческомъ изслѣдованіи о русскомъ языкѣ“¹⁾ элементы церковнославянскій и природный разграничиваются другъ отъ друга въ общемъ очень ясно и вѣрно. Указывается на русскую первичность полногласія въ противоположность распространенному тогда мнѣнію о первичности старославянскихъ *рл*, *лл*, *рѣ*, *лѣ*; въ связи съ этимъ обращается вниманіе на параллелизмъ формъ предлога *разъ* и *розъ*, и приведены примѣры, хотя все формулировано нѣсколько неясно и сбивчиво. Ниже находимъ указаніе на книжное происхожденіе русскихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ *изъ* (*избрать*, *исходъ*, *изнать* рядомъ съ *выборъ*, *выбрать*, *выходъ*, *выгнать* стр. 14). На стр. 22-й указывается, что, хотя „въ великорусскомъ языкѣ и господствуютъ вообще примѣты Югозападныхъ, но иногда (?) сіе зависить отъ позднѣйшаго вліянія Церковнославянскаго языка“.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1838, т. XVII. № 3. Стр. 531—562. Отд. оттискъ. Спб. 1838. 8°. Стр. 33. См. также Собраніе Сочиненій, т. III. 1880. Кіевъ (Цифры страпца, цитируемыя въ текстѣ, относятся именно къ послѣднему изданію).

Въ вышедшей въ слѣдующемъ году „Исторіи древней русской словесности“ ¹⁾ находимъ также частыя замѣчанія по интересующему насъ предмету. Въ VI-й главѣ, трактующей о русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западнославянскимъ, въ отдѣлѣ „о полногласіи Русскаго языка“ (стр. 419 — 425) указываются различныя заимствованія изъ церковно-славянскаго (стр. 422, примѣчаніе 1). Церковнославянскому языку и его вліянію на русскій посвящена вся VIII глава (стр. 440 — 449), озаглавленная: „О письменномъ употребленіи церковнословенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народъ русскій“. Здѣсь (въ примѣчаніи первомъ на стр. 441) приводятся примѣры природно-русскихъ формъ въ памятникахъ древней русской письменности. Критеріемъ для ихъ отличенія служатъ Максимовичу слѣдующія звуковыя соотвѣтствія: р. *оро, ере, оло* || стсл. *рл, рѣ, лл, лѣ*; р. *ж* и *ч* || стсл. *жд, шт*. Второй отдѣлъ этой главы „Вліяніе Церковно-словенскаго языка на народный русскій“ указываетъ на условія, способствовавшія смѣшенію этихъ двухъ языковъ и на значеніе заимствованныхъ элементовъ для лексическаго и семасіологическаго богатства русскаго языка. Несмотря на отсутствіе матеріальныхъ данныхъ (примѣровъ) и вполнѣ общій характеръ изложенія, этотъ отдѣлъ представляетъ очень полную общую картину даннаго вопроса и заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у духовенства, которое привыкло къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Ц. Словенскому языку смѣшиваться съ народной Русской рѣчью и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало по малу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между, книжнымъ и просто-народнымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣ-

¹⁾ Кіевъ, 1839. 8°. 226, а также Собр. Сочин. Т. III. стр. 346—472.

ненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженія и въ разговоръ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которые приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

„Итакъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. Живою силою своею она воспринятымъ стихіямъ даетъ собственный образъ, передѣляетъ ихъ на свой ладъ.

„Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состояція въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико. Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служація выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напимѣръ о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя но своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — *злато*, *мракъ*, *прахъ*, *млеко* и проч.

„По мѣрѣ того, какъ усвоились намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую окраску или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получили другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы въ нашего языка словами Церковно-Словенскими.

„Нерѣдко и сами Русскіе, какъ бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку (?) измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ (?!), слово *крестить*, — по древнему правописанію *кръститъ*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится—*кститъ* (Причемъ тутъ „примѣненіе“ къ церковнославянскому языку и какимъ образомъ могъ онъ служить въ данномъ случаѣ, непонятно).

„Такимъ то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ, — не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла та же двойкость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ, — то же смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и то же слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того же корня, одни образованы по чисто Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской.

„При такой двойкости формъ одного и того же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенный тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*“.

Такой полной картины занимающаго насъ явленія мы не встрѣчаемъ ни у одного предшественника Максимовича. За исключеніемъ одного абзаца (о глаголѣ *крестить*—*кститъ*), весь отрывокъ является результатомъ яснаго научнаго мышленія, основаннаго на извѣстномъ знаніи предмета, тонкой наблюдательности и свѣтломъ умѣ.

Больше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ, Максимовичъ обращаетъ вниманіе на семасіологическую сторону вопроса, указываетъ категорически на существованіе славяно-русскихъ и лексико-сематическихъ параллелей и опредѣляетъ оттѣнокъ значенія, принадлежащій членамъ этихъ параллелей. Замѣчаніе о формахъ *шлемъ* и *шеломъ* свидѣтельствуетъ уже о такой тонкости наблюденія,

которую мы тщетно искали бы раньше. Въ другихъ, позднѣйшихъ своихъ трудахъ Максимовичъ еще не разъ затрогиваетъ данный вопросъ, хотя новаго послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ въ нихъ найдется мало. Чтобы не разбивать вниманія читателя, мы приведемъ выдержки изъ нихъ здѣсь же, хотя они и принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени.

Въ „Начаткахъ русской филологіи“ (1845 г. „Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою“, Кіевъ) объясняется (Собр. Сочин., т. III, стр. 67) уменьшеніе случаевъ „первороднаго полногласія“ (Максимовичъ, какъ извѣстно, считалъ полногласныя русскія формы болѣе древними и первичными, чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ) „вліяніемъ церковнаго языка на языкъ Руси въ христіанскую пору ея жизни“.

„Въ главѣ „объ отношеніи церковнославянскаго ¹⁾ языка къ русскому“, Максимовичъ совершенно основательно полемизируетъ съ Шишковымъ, Калайдовичемъ, Давыдовымъ и Павскимъ, доказавшими тожество старославянскаго и старорусскаго языка. Взглядъ Максимовича на взаимное отношеніе этихъ языковъ является вообще во многихъ отношеніяхъ вполне здравымъ и основательнымъ, составляя этимъ выдающееся исключеніе среди современной ему русской научной литературы. Рядомъ съ вѣрнымъ мы находимъ, разумѣется, также не мало произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ и недоказуемыхъ допущеній и предположеній, что впрочемъ является вполне естественнымъ при тогдашнемъ состояніи науки не только у насъ, но и на Западѣ. О вліяніи церковнославянскаго на русскій говорится въ общихъ чертахъ въ § 45 (стр. 78 — 79) и между прочимъ такъ: „въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній русскій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполне прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковно-

¹⁾ Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются (см. ниже, гл. II, § 1).

славянскіе, которыхъ прежде не было на Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣ же слова народной формы. Языкъ русскій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, приобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ“. Объясненія „двойственности полногласныхъ и сокращенныхъ формъ“ въ русскомъ языкѣ церковнославянскимъ вліяніемъ находимъ на стр. 81 — 82, 97 (Собр. Сочин. т. III), гдѣ признаются церковнославянскими формы *сладкій, преставилсѣ, хранитъ, храмъ, предѣ, шлемъ* и на стр. 102; на стр. 120 и 121 указывается на церковнославянское происхожденіе предлоговъ *разъ* (разумъ) и *изъ*. Позже, въ 1856-мъ году въ Филологическихъ Письмахъ къ Погодину ¹⁾ Максимовичъ опять возвращается къ вопросу о языкѣ нашей древней письменности, высказываясь опять въ одномъ мѣстѣ (Сочин. Т. III, стр. 188) противъ мнѣнія Срезневскаго (о которомъ см. ниже), о тождествѣ старославянскаго и старорусскаго и выдѣляя русскіе природные элементы изъ памятниковъ X—XIII вѣка (письмо IV, стр. 199 и слѣд.). Критеріемъ при этомъ выдѣленія Максимовичу служатъ; полногласіе, начальное *о-* (*осень, одинъ...*) *ж* и *ч* вмѣсто *жд* и *шт* (*по нужи, межи вами, утвержаю... хочу, ночь...*). На стр. 228, 229, 234 и др. (Сочин. Т. III) замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (напр. *разно* || *розно* и т. д.). Въ отвѣтныхъ письмахъ Погодину ²⁾, равно какъ въ Новыхъ

¹⁾ Русская Бесѣда 1856, № 3, стр. 78 — 139 или Сочиненія, Т. III, стр. 183—243.

²⁾ Русская Бесѣда 1857, № 2, стр. 80—104 или Сочиненія, Т. III; стр. 244—272.

Письмахъ къ Погдину о старобытности Малорусскаго нарѣчія ¹⁾ встрѣчаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній мимоходомъ, не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ приведенными выше образчиками.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ наша филологическая научная литература начинаетъ нѣсколько оживляться. Мѣсто обыкновенныхъ школьныхъ грамматикъ, какими были цитированныя выше работы Ломоносова, Академіи, Орнатовскаго, Тимковскаго, Греча, Востокова, Калайдовича и т. д., начинаютъ занимать монографіи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ исторіи русскаго языка. Сюда принадлежатъ уже указанная выше работы Максимовича, Буслаева ²⁾, Аксакова и другихъ, къ разсмотрѣнію которыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи мы теперь и переходимъ. Буслаевъ касается вопроса о присутствіи церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ народномъ и литературномъ языкѣ лишь слегка, мимоходомъ. На стр. 168-й читаемъ: „... съ распространеніемъ Христіанства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницей, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковнославянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется“.

Далѣе, на стр. 220-й находимъ слѣдующее о смѣшеніи двухъ стихій—церковнославянской и русской: „вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтписи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссизмовъ. Отдѣливъ же языкъ отъ русскаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія (дальше слѣдуютъ цитаты изъ

¹⁾ Газета «День» 1803, №№ 8, 10, 15, 16. Отдѣльно 16^о, стр. 70 и Сочин. Т. III, стр. 273—311.

²⁾ О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Федора Буслаева и т. д. Москва 1844. Часть I и II-я. 8^о. VI+335, III+375.

„Россійской Грамматики“ Ломоносова, приведенныя у насъ выше)“. Затѣмъ Буслаевъ разсматриваетъ архаизмы, сначала дѣйствительныя, потомъ церковнославянскіе, которые слѣдовало бы отнести къ варваризмамъ, но, какъ мы уже видѣли выше, Буслаевъ дѣлаетъ уступку обычаю и привычкѣ и продолжаетъ считать славянизмы архаизмами. Ихъ исторіи посвящено шесть страницъ въ книгѣ почтеннаго ученаго (стр. 303—309). Мы не встрѣчаемъ здѣсь попытки дать хоть какой нибудь критерій для отличенія славянскихъ заимствованій отъ русскаго природнаго матеріала. Буслаевъ указываетъ только, что „какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы“, и затѣмъ пачинаетъ перечень ихъ по различнымъ памятникамъ русской словесности. Перечень этотъ начинается съ „Древнихъ Русскихъ Стихотвореній“. Указаны здѣсь славянизмы въ области фонетики: „звуки: е вм. о: *единъ*, я вм. ѣ: *ясти*, щ вм. ч: *хоцетъ*, и пр.“ (стр. 303), въ области морфологій: „Склоненія: ед. им. мати (373). ед. род. женск. со тыя горы со высокія (210); только ты дай миѣ загонъ земли, „непаханья и неоранья“ (5). Цс. зват. вм. имен., и Цс. вишительн.“ и т. д. (стр. 303). „Спряженія: неокончат. наклоненіе, весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохладатися 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще ималл были свои добрые кони 404. а ноѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ *ibid.* Цс. безличн.: не подобаеть тебѣ въ деревнѣ жить 163“ и т. д.; въ области лексическаго заимствованія: „Архаизмы въ частицахъ: и паче миѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбился, „а Княгинѣ напаче того 5 почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78 и т. д.“.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь выдержекъ изъ книги Буслаева, его уступка привычкѣ считать славянизмы только архаизмами сказалась смѣшеніемъ воедино разнороднаго матеріала.

Рядомъ съ дѣйствительными славянизмами приводятся и формы, могущія одинаково хорошо принадлежать старому русскому языку, какъ родит. падежи *со тья горы, со высокія*, неопредѣл. наклоненіе на *-ти*, прошедшее описательное *поѣхали были* или частицы въ родѣ *почто, буде* и т. д.

Далѣе находимъ у Буслаева примѣры славянизмовъ, подобранные изъ разныхъ писателей: Ломоносова, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), причемъ опять (особенно у послѣдняго) настоящіе славянизмы приводятся рядомъ съ особенностями старорусскими и просто народными, какъ эпитеты—*сабли свѣтлыя*, тавтологія—*возитъ навозъ или судитъ и рядитъ землю*, обычныя выраженія—*отъ мала до велика* и т. д., какъ народное слово приведено даже *прохлада* (стр. 307). Точное разграниченіе и классификація матеріала просто и не входили въ задачи Буслаева, желавшаго только показать, какъ можно утилизировать имѣвшійся уже тогда матеріалъ при обученіи отечественному языку. Глава „Исторія архаизмовъ“ заключается слѣдующимъ общимъ выводомъ относительно ихъ роли въ литературномъ языкѣ въ разныя времена: „если мы сравнимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренились они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью“.

Несмотря на свою поверхностность и недодѣланность, указанная замѣчанія Буслаева являются интересными, какъ первая попытка прослѣдить исторически судьбу и значеніе славянизмовъ въ русскомъ народномъ и особенно литературномъ языкѣ.

Хотя, со времени появленія въ свѣтъ книги Буслаева, прошло уже 47 лѣтъ, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ни одного труда, который разработалъ бы лишь отчасти набросанный имъ здѣсь планъ.

Въ ноявившемся спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Буслаева, пзвѣстномъ пзслѣдованіи Аксакова „Ломоносовъ въ

исторіи русской литературы и русского языка“¹⁾ идетъ весьма часто рѣчь о церковнославянскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому. Правда, разсужденія Аксакова страдаютъ извѣстной абстрактностью, оторванностью отъ реальныхъ фактовъ языка, но до него никто еще не посвящалъ такъ много вниманія данному вопросу въ смыслѣ его общаго, національнаго, литературнаго и психическаго значенія. Цѣль Аксакова была показать постепенное образованіе современнаго русскаго. главнымъ образомъ литературнаго, языка путемъ проникновенія народныхъ элементовъ въ книжный церковнославянскій языкъ; всю исторію русскаго литературнаго языка, которой посвящена большая часть книги, онъ разсматриваетъ какъ извѣстный подготовительный періодъ; дѣятельность Ломоносова завершаетъ этотъ періодъ и придаетъ русскому языку ту окончательную форму и отдѣлку, которая даетъ ему право считаться самостоятельнымъ, самобытнымъ цѣлымъ. Но научныя убѣжденія Аксакова были слишкомъ неопредѣленны, ему недоставало строгой филологической выправки и систематическихъ знаній. Поэтому мы наталкиваемся у него на необъяснимыя противорѣчія. Самая цѣль Аксакова была совершенно противоположна нашей цѣли — показать значеніе славянизмовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Указать руководящія взгляды Аксакова на отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ не совсѣмъ легко; такъ разбросано ихъ изложеніе, изобилующее, какъ мы уже сказали, слишкомъ оторванными отъ реальной основы разсужденіями. На стр. 40-й Аксаковъ указываетъ, что „церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкъ церковно-Славянскомъ (въ примѣчаніи Аксаковъ отказывается входить въ изслѣдованіе, „къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги“; онъ утверждаетъ только, „что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе“, и надѣется доказать это отчасти въ послѣд-

¹⁾ Москва. 1846. 8°. 517 стр. + IV нумерованныхъ

ствѣи), языкѣ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ сокровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нея, гремѣвшій для нея въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него, — и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ¹⁾; всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное (?) языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимолетныхъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣи и намѣреній (слѣдуетъ сравненіе съ прекрасными, но недоступными небесами)⁴ и т. д. Немного дальше: „По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. е. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено присутствіемъ безпечнаго божества и т. д.“ Мы нарочно дѣлаемъ эту длинную цитату, могущую служить образчикомъ разсужденій Аксакова. Дальше, на стр. 43-й находимъ нѣсколько болѣе определенное замѣчаніе о смѣшеніи элементовъ природнаго и церковнославянскаго: „Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовной письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь

¹⁾ Аксаковъ упускаетъ здѣсь совсѣмъ изъ виду тѣ глубокія измѣненія, которымъ съ теченіемъ времени подвергся старославянскій языкъ подъ влияніемъ народныхъ языковъ—новоболгарскаго, сербскаго, русскаго.

нестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ“. Едва ли однако это замѣчаніе можно признать основательнымъ во всемъ его значеніи; несомнѣнно, что извѣстные славянизмы укоренились и пріобрѣли права гражданства въ разговорномъ языкѣ еще очень давно, такъ что никакъ не могли считаться и чувствоваться „какъ бы цитатами“. Взглядъ Аксакова, выраженный въ приведенной выше выдержкѣ о родственности, понятности, но недоступности церковнославянскаго языка, повторяется въ его книгѣ весьма часто. То же, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, читаемъ на стр. 75, 247—248, 393 и т. д. На стр. 76-й и слѣд. находимъ разсмотрѣніе случаевъ, въ которыхъ употреблялись языки церковный и природный, имѣющее значеніе главнымъ образомъ историко-литературное. Указывается, что „на языкѣ церковномъ выразилась вся религіозная письменность“, все религіозное содержаніе, все, что входило въ область церкви: Евангеліе и другія священныя книги, писанія святыхъотцовъ, благочестивыя поученія и размышленія, а также и лѣтописи, ибо и онѣ входили „въ міръ религіознаго созерцанія“ и были „проникнуты духомъ церкви“. Только „иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь (въ лѣтописи), языкъ на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе“... „Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше (см. цитату изъ стр. 43-й) и, надеясь, объяснили это“ (стр. 77). На стр. 79-й находимъ опять приведенное уже выше мнѣніе о различіи русскаго и старославянскаго языковъ: „языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога (на церковный и народный), были два разные языка или два разныя нарѣчія, если называть

такъ языки одной вѣтви“. Аксаковъ опять уклоняется далѣе отъ рѣшенія вопроса, какому именно славянскому народу принадлежалъ языкъ церкви (едва ли онъ и имѣлъ тогда какое нибудь опредѣленное мнѣніе по этому предмету), и переходитъ къ доказательству различія старославянскаго отъ русскаго, насколько это кажется ему нужнымъ. Это доказательство, однако, очень неопредѣленно и голословно. Аксаковъ утверждаетъ только: „языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою, это видно съ перваго взгляда и при поверхностномъ вниманіи“ (стр. 79—80). Представленіе отличительныхъ признаковъ дѣйствительно весьма „поверхностно“: „разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на различіе этихъ двухъ языковъ“. Примѣрами служитъ Аксакову: *плечо, ramo; очи, глаза*. Такая „двойственность“, по мнѣнію Аксакова, „говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Русскіе говорили въ старину по-церковно-Славянски“. Приведенныя выдержки характеризуютъ научные приемы Аксакова. „Прежде всего“ онъ беретъ за самый ненадежный и несущественный признакъ—лексическое различіе, по его убѣжденію говорящее „прямо“ въ пользу различія и народовъ, и языковъ. Напротивъ, единственный надежный критерій—фонетическій, оставляется имъ безъ вниманія: „Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго (?) различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова*, *брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится (?); достаточно просто одного очевиднаго признанія этого различія“ (стр. 80—81). Больше вниманія посвящаетъ Аксаковъ различіямъ морфологическимъ, опять критерію не вполне надежному, что онъ признаетъ и самъ, находя отношенія „болѣе измѣняемыми, болѣе неопредѣленными и потому болѣе подверженными сомнѣнію“ (стр. 81). Но и здѣсь приемы Аксакова страдаютъ недостаткомъ настоящей научной строгости. Онъ сравниваетъ формы старославянскія съ формами новорусскими и приходитъ на этомъ

основаніи къ убѣжденію объ исконномъ различіи русскаго отъ старославянскаго, забывая, что между тѣми и другими формами лежитъ по меньшей мѣрѣ тысяча лѣтъ. „Настоящій Русскій языкъ“ Аксаковъ ищетъ только въ пѣсняхъ и въ сказкахъ; попытки поискать его въ памятникахъ нашей древней письменности у него не находимъ, да онъ и не былъ въ состояніи разобраться въ матеріалѣ, даваемомъ ими. Такимъ образомъ, если его выводъ о различіи русскаго и старославянскаго языковъ и вѣренъ, то это совершенно случайно, и результатъ этотъ полученъ помимо приводимыхъ доводовъ. Какъ однако ни поверхностно представленіе о различіяхъ между этими двумя языками, находимое нами у Аксакова, но все-таки оно у него было. Поэтому въ высшей степени неожиданнымъ является встрѣчаемое нами на стр. 119-й утвержденіе, что Остромирово Евангеліе представляетъ собой самый чистый старославянскій языкъ: „чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ церковно-Славянскій языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ“. Но сейчасъ же, однако, Аксаковъ замѣчаетъ, что „и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда исключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющіяся, — ошибки, если смѣтъ такъ сказать (!!); это были можетъ быть видоизмѣненія. можетъ быть, вслѣдствіе особыхъ правилъ и основаній“. Единственный „руссизмъ“ находитъ Аксаковъ только въ припискѣ къ Остромирову Евангелію: „здѣсь вдругъ встрѣчается намъ употребленіе, несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому“ (стр. 120). Но указанная особенность

никакъ не можетъ считаться исключительно русскою, такъ что въ данномъ случаѣ А—въ опять сдѣлалъ ошибку. Также ошибочно утверждение (стр. 126), что „форма именительнаго падежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться (въ разсматриваемыхъ А—вымъ памятникахъ)“. А—въ былъ введенъ въ заблужденіе такими случаями, какъ былинное „голова рубить“ и т. д., и распространилъ понятіе и на основы мужскаго рода (стр. 124). Такихъ ошибокъ можно указать у А—ва массу, но уже приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ мало было у него строгой школы и основательнаго знанія предмета. Аксаковъ только намѣтилъ себѣ планъ широкаго историческаго изученія отношеній между обоими языками—письменнымъ—старо-или церковнославянскимъ и народнымъ—русскимъ. Для выполненія этого плана ему не хватило научныхъ средствъ. Оттого положительная часть разсужденія Аксакова имѣетъ только значеніе и цѣнность конспекта, черноваго наброска, сдѣланнаго изслѣдователемъ для собственнаго употребленія, но такъ и не приведеннаго въ исполненіе. Задуманъ этотъ планъ широко и смѣло, но онъ превышалъ силы исполнителя и въ силу условій времени, и въ силу недостаточности и беспорядочности его познаній. Планъ, начертанный Буслаевымъ въ его книгѣ „Объ обученіи отечественному языку“, (см. выше стр. 102) слѣдовательно такъ и остался не выполненнымъ, хотя задачи Аксакова были очень близки къ задачамъ этого плана.

Годомъ раньше книги Аксакова вышло другое разсужденіе „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ М. Н. Каткова¹⁾. Работа эта, представляющая для своего времени не мало дѣльных замѣчаній и мыслей, по занимающему насъ вопросу даетъ скудный матеріалъ. Нѣкоторыя утвержденія представляютъ положительный шагъ назадъ не только относительно Востокова или Булаева, но даже сравнительно со взглядами грамматикъ прошлаго вѣка. Такъ на стр. 111-й читаемъ: „Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы (полногласная и неполногласная), изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою и принимается

¹⁾ Москва. 1845. 8°. 257 стр.+11.

за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную коренную форму Русскую“; тѣмъ не менѣ Каткову „кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ и равно ему принадлежатъ“. На стр. 216-й читаемъ также: „у насъ еще доселѣ (не надо забывать, что это писано 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Востоковскаго „Разсужденія о древнеславянскомъ языкѣ“, дававшего вполнѣ достовѣрныя средства для отличенія формъ славянскихъ отъ русскихъ) не найдено мѣрила для различія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго (были у Каткова предшественники, лучше, чѣмъ онъ, различавшіе однимъ языковымъ чутьемъ). Послѣднее такъ сопряжилось съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту“. Ниже мы читаемъ: „почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи... непременно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, по Русскому же“.

Впослѣдствіи, черезъ 40 лѣтъ, при совсѣмъ иномъ уже положеніи славянской филологіи вообще и русской въ частности, это неясное представленіе о границахъ и отличіяхъ русскаго и старославянскаго (или „Церковнаго“ по Каткову) языковъ сказалось въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей (1885 г., № 93) по поводу юбилея Славянскихъ Первоучителей, гдѣ поддерживалось самымъ категорическимъ образомъ мнѣніе, едва ли могущее найти себѣ представителя между современными учеными, что языкъ перваго славянскаго перевода Священнаго Писанія былъ не что иное, какъ древнерусскій языкъ ¹⁾. Подобный взглядъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ 1856 году въ статьѣ о Пушкинѣ (Рус-

¹⁾ Мы не сомнѣваемся, что языкъ этотъ (языкъ Перевода Св. книгъ) былъ первоначальный славянскій, еще не раздѣлившійся на діалекты, хотя заключавшій въ себѣ всѣ сѣмена ихъ, какъ языкъ гомерическій слитно заключалъ въ себѣ элементы еще не обособившихся діалектовъ греческихъ (?!). И ниже: «славянскій языкъ есть также русскій, только въ его древнѣйшемъ состояніи. Всѣ древніе памятники нашей письменности писаны на этомъ языкѣ; славянскій языкъ есть славянорусскій и т. д.

скій Вѣстникъ 1856, № 2) Катковъ вполне основательно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, разграничивалъ церковно-славянскій языкъ, языкъ древней русской письменности, отъ народнаго и говорилъ, что по его „убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства“ (стр. 320) ¹⁾.

Замѣчаній, которыя можно признать вѣрными, у Каткова немного. Такъ на стр. 48-й находимъ замѣчаніе о принадлежности разнымъ языкамъ окончаній прилагательныхъ *-ій* и *-ей*: „извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса (!) между *e* и *i*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ь* -ѣ. Мѣстоименіе *сь*, опредѣляясь, становится въ Церковно-Славянскомъ *сій*, въ Русскомъ—*сей*. Ср. Церковно-Славянскія и нынѣ употребляемыя формы — *Василій*, *бывшій* и пр. со Старо-Русскими *Василей*, *бывшей* и пр.“.

На стр. 97—98 читаемъ: „*жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчій, но и перешло отчасти въ общепринятое Русское“. Ниже: „общепринятое Русское нарѣчіе допустило (!) звукъ (!) *щ* въ большей части (?) случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное“. Общій очеркъ исторіи образованія народнаго и книжнаго русскаго языка въ связи съ исторіей видоизмѣненія старославянскаго въ новый церковнославянскій (языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ) находимъ у И. И. Срезневскаго въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ ²⁾. Указаній на факты языка здѣсь немного (два, три лексическихъ замѣтванія—*понеже*, *поелику*, *щ* и *жд* смѣ-

¹⁾ «То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковнославянское. Не менѣе извѣстно, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго... едва ли кто видитъ теперь въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействахъ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства». Ниже на стр. 323: «русскій языкъ не состоитъ ни въ простонародной, ни въ церковнославянской рѣчи, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ».

²⁾ Гл. VI, стр. 92—102 отдѣльнаго изданія (Спб. 1850. 8°, стр. 210); гл. VI, стр. 152—162 перваго изданія (Актъ въ Императорскомъ С.-Петербур. Университетѣ 1849 г. 8°).

сто ч и ж и ре, ле вмѣсто ере, оло). Между прочимъ Срезневскій исходитъ изъ едва ли вѣрнаго и во всякомъ случаѣ трудно доказуемаго положенія, что древній русскій языкъ былъ гораздо ближе къ старославянскому, чѣмъ всѣ остальные славянскія нарѣчія „и по составу, и по строю“. Между тѣмъ достаточно указать хотя бы на такія коренныя отличія, какъ разница между старославянскими и русскими соотвѣтствіями первичныхъ сочетаній *Vocalis + cons. liquida* (разница, отсутствующая въ чешскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ) или первичныхъ *tj, dj* (отсутствующая въ болгарскомъ), чтобы поколебать это положеніе. Въ связи съ этой мыслью Срезневскій утверждаетъ, что „отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда... не проникалъ въ него... элементъ Греческій“. Едва ли также кто согласится съ Срезневскимъ, что первой причиной удаленія языка письменнаго отъ народнаго были нѣкоторыя „уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка, обязанныя своимъ происхожденіемъ греческому вліянію и касавшіяся сначала только слога, а потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія“. Ниже однако встрѣчаемъ оговорку, хотя и неясную по смыслу, благодаря отсутствію примѣровъ: „впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое“.

Болѣе всего матеріала встрѣчаемъ у Буслаева въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка ¹⁾, хотя освѣщеніе его далеко не всегда правильно. Такъ, въ § 10 (стр. 14) находимъ замѣчаніе о формахъ *прежній* и *преждній*: „по закону смягченія *д* въ *жд* и въ *ж*, *преждній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской—*прежній* (NB): а *преже* (NB) и *перезе* формы русскія вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго

¹⁾ Первое изданіе: Москва 1858. 8°; второе, съ вполне передѣланной первой частью, Москва 1863. 8°, 259+374, третье М. 1868, четвертое М. 1875 и т. д. Мы пользовались вторымъ изданіемъ.

(§ 36)“. Въ приведенной выдержкѣ невѣрно опредѣленіе формъ *прежній* и *преже* какъ русскихъ формъ. Форма *прежній* легко можетъ быть дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ формы *преждній* въ силу исчезновенія *д* между согласными (ср. *поздній*, *празднѣй*, которыя произносятся *рѡз'п'ѣј*, *рѣзпѣј*), такъ что *ж* въ этомъ словѣ не есть еще непременно русское соотвѣтствіе первичнаго *дј* и одинаково можетъ быть результатомъ вторичнаго фонетическаго процесса (исчезновеніе одного изъ членовъ согласной группы). Кромѣ того мы находимъ въ этомъ словѣ, вмѣсто ожидаемой русской вокализации *пере-*, старославянскую форму плавнаго сочетанія *пре* (*прѣ*), имѣющуюся и въ *преже*. Последняя форма представляетъ какъ бы компромиссъ между славянской и русской формами: *жд* замѣнено здѣсь *ж*, а *пре-* осталось.

Въ слѣдующемъ § 11-мъ (стр. 15) встрѣчаемъ аналогичное замѣчаніе о параллелизмѣ формъ *между* и *межъ*, изъ которыхъ первая признается Буслаевымъ за церковнославянскую. Общія замѣчанія объ отличіи русскаго языка отъ церковнославянскаго и отношеніи нашихъ писателей: Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и Крылова къ славянизмамъ находимъ въ § 17 (п. 4, стр. 23).

Параллелизмъ предлоговъ *раз-* и *роз-*, имѣющійся только въ литературномъ или книжномъ русскомъ языкѣ, не понятъ Буслаевымъ (§ 24. 2, стр. 29). Вмѣсто того, чтобы искать ему объясненія въ заимствованіи первой формы изъ церковнославянскаго, онъ даетъ фонетическое объясненіе, выводя *о* формы *роз-* изъ *а* формы *раз-* и признаетъ первую за вторичную, что совершенно невѣрно. Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому же § (стр. 29) также невѣрно объясненіе формъ *ровный* и *розный* рядомъ съ формами *равный* и *разный*. Хотя еще Максимовичъ (см. выше, стр. 94) объяснялъ подобныя формы совершенно правильно, Буслаевъ видитъ здѣсь опять фонетическое явленіе и выводитъ *о* русскихъ формъ изъ *а* славянскихъ: „а переходитъ въ о въ словахъ...“ Кромѣ того здѣсь находимъ также смѣшеніе разнороднаго матеріала; такъ формы *дубрава* и *дуброва* принадлежатъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ формы *равный* и *ровный* или *разъ* и *розъ*.

Въ § 29. 4 (стр. 51), посвященномъ явленію такъ наз. русскаго полногласія, встрѣчаемъ довольно полное, хотя нѣсколько сбивчиво и неясно сформулированное представленіе взаимныхъ отношеній между церковнославянскими заимствованными, неполногласными и природными русскими, полногласными формами. Буслевъ различаетъ въ книжномъ и литературномъ русскомъ языкѣ три категоріи: 1) церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскіхъ: *владѣть*, *прежде* и т. д., 2) русскія формы, употребляемыя вмѣсто церковнославянскихъ (?!): *корова*, *ворона* и т. д., 3) параллельныя полногласныя и неполногласныя формы („и тѣ и другія“): *пламя* и *поломя*, *младшій* и *моложе*. Въ этомъ дѣленіи удивляетъ своей ненужностью и нелогичностью вторая категорія; выраженіе „вмѣсто церковнославянскихъ“ заставляетъ предполагать, что Буслевъ считаетъ русскія формы *корова*, *ворона* вторичными и ожидалъ бы видѣть на ихъ мѣстѣ церковнославянскія. Между тѣмъ онѣ искони были въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ не появлялись „вмѣсто“ какихъ либо формъ. Очевидно, категорія эта придумана только для симметріи.

Ниже находимъ попытки установить критерій для отличенія русскихъ формъ отъ славянскихъ. Главный наиболѣе надежный и положительный критерій — сравнительно-фонетическій оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Буслевъ принимаетъ только два признака: 1) значеніе, напр. *норовъ* и *нравъ*, *порожній* и *празднѣй*... и 2) употребленіе „въ рѣчи книжной и вѣтвевой: *берегъ*, *глава*“... и въ „разговорной: *берегъ*, *голова*“. Указывается также на значеніе этихъ заимствованій въ семасіологическомъ отношеніи: „слова нравственнаго значенія, напр. *бремя*, *владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей*, *горохъ*, *корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: „*здравствуйте*“, „*здравія желаю*“ и „*здорово живешь*“, употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи“.

Въ слѣдующемъ, нятѣмъ пунктѣ (стр. 51—52) указывается на постепенное исчезновеніе неполногласныхъ славянскихъ формъ

изъ русскаго литературнаго языка: „въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы *брегъ, глава, младъ* и проч., но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя чисто русскія“.

Въ шестомъ пунктѣ (стр. 52) указывается на присутствіе неполногласныхъ формъ въ народномъ языкѣ, которыя однако Буслаевымъ принимаются за „остатки старины“ (а не заимствованія?): „.... нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „злато-серебро“, „младъ ясенъ соколъ“, „я млада-младенька“ — „молодой-младой Солодовниковъ“. Рыбн. I. 86“.

На стр. 61-й въ § 32 признаются остатками церковнаго языка, болѣе употребительными въ книжной рѣчи, формы *одъяніе, даяніе*. Признакомъ ихъ чуждаго происхожденія для Буслаева служитъ „вставное для благозвучія“ *ј*, которое онъ считаетъ явленіемъ только церковнославянскимъ, тогда какъ въ русскомъ должно бы ожидать вмѣсто *ј*—*в*. Но съ этимъ трудно согласиться въ виду природныхъ русскихъ формъ со „вставнымъ“ *ј*, какъ *въпять, съпять, таятъ* и т. д. Тѣмъ не менѣе формы *одъяніе* и *даяніе* должны быть признаны церковнославянскими, но на основаніи суффикса *-ніе*, вмѣсто котораго въ русскомъ языкѣ должно бы быть *-нье*.

Не совсѣмъ вѣрно также противопоставленіе формы *вострый*, какъ исключительно народной, будто бы книжной формѣ *острый*, а также утвержденіе, что *вострый* „преимущественно имѣетъ значеніе вещественное (а *вострѹха, вострѹшка?*), а *острый* — нравственное“ (тамъ-же § 32. 2. стр. 61).

Церковнославянскія формы съ *жд* и *шт*, вмѣсто русскихъ *ж* и *ч*, разсматриваются въ § 36 (стр. 67 и слѣд.). Указывается въ началѣ § на необходимость „при изученіи русскаго языка.... вникать въ отличіе смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, пропикающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр. въ образованіи прилагательныхъ: *надежн-ый, нуж-ный, презж-ній* (а не *надеж-дный, нуж-дный, презжд-ній*) отъ русскихъ формъ: *надежа, нужда, прежде* (ср. относительно

послѣдней формы сказанное выше на стр. 112); въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій настоящаго времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ цел. причастію наст. времени женскаго рода, на *-щи*; напр. *творящи, дѣлаючи* и проч.“.

Далѣе довольно подробно разсматриваются формы церковно-славянскія и русскія, сообразно ихъ распредѣленію по различнымъ эпохамъ и памятникамъ русской письменности, а также разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ: въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ приводятся примѣры русскихъ *ж* и *ч* въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ русской рецензіи. При этомъ обращается вниманіе на присутствіе въ этихъ памятникахъ такихъ формъ, которыя въ настоящее время въ книжномъ или литературномъ языкѣ вытѣснены совсѣмъ церковнославянскими, какъ напримѣръ *вожь* вм. *вождь*, *перезе* вм. *прежде*, *межю* и *межу* вм. *между*, *нужа* вм. *нужда*, *жажа* вм. *жажда*, *въчати*, *объчати*, вм. *въщати*, *объщати* и проч.

Въ пунктѣ 3-мъ (стр. 69) указывается на тотъ фактъ, что „областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смягченію зубныхъ въ шипящія, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному; напр. *межу* или *межи*, *перезе* или *перѣжь*, *нужа*, *собча*, вм. *между*, *прежде*, *нужда*, *сообща*.“

Въ пунктѣ 4-мъ (стр. 69) указывается на присутствіе и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ формъ съ русскими рефлексамъ *дж*. Форма *чуждый*, представляющая собой компромиссъ между русской формой *чужой* и старославянской *штоѹждь*, даетъ поводъ Буслаеву находить, что „какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смягченія иногда оказываются даже въ одномъ и томъ же словѣ“ (!) и что *д* здѣсь „смягчилось въ *жд*, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* по русскому“. Въ дѣйствительности же, какъ форма *чуждый*, такъ и приводимая Буслаевымъ форма изъ Остромирова Евангелія *щоѹжни* обяваны своимъ происхожденіемъ недоведенной до конца передѣлкѣ старославянской формы *штоѹжди* на русскій ладъ. Такія неполныя передѣлки не рѣдкость.

въ нашихъ древнихъ памятникахъ (*млажйшии* вм. *моложайшій* или *млаждайшии*).

Въ пятомъ пунктѣ (стр. 69—70) обращается вниманіе на присутствіе въ составѣ современнаго литературнаго языка параллельныхъ формъ съ церковнославянскими и съ русскими соотвѣтствіями первичнымъ *dj, tj*.

Буслаевъ дѣлптъ относящійся сюда матеріалъ на такія же три категоріи, какія мы видѣли выше, когда дѣло шло о формахъ полногласныхъ и неполногласныхъ. Къ первой категоріи онъ относитъ церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже* (должно бы быть *перезе*), *между* вм. *межу*, *въжди* вм. *въжи*, *нужда* вм. *нужа*, *въщатъ* вм. *въчатъ*, *смущеніе* вм. *смущеніе*; *общій*, *община* вм. народныхъ *обчій*, *обчина*. Замѣчая при этомъ, что „впрочемъ въ просторѣчій, напр., въ иск. твер. говорится и *обчій* и *общій*, *общуха*, купленное что либо съобща, арханг. *общитъся*—соединяться, сообщаться“, Буслаевъ, однако, ни слова не говоритъ о томъ, какими онъ считаетъ эти формы—природными или заимствованными изъ церковнославянскаго. Вторая категорія Буслаева—русскія соотвѣтствія вмѣсто церковнославянскихъ (напр. *вижу* вм. *вижду*, *клажа* вм. *клажда*, *кража* вм. *кражда*, *хочу* вм. *хощу*, *отвѣчатъ* вм. *отвѣщатъ* и проч.) такъ же излишня, какъ и разсмотрѣнная выше (стр. 113) категорія полногласныхъ формъ вмѣсто неполногласныхъ, и создана только для симметріи, а не изъ научной необходимости. Къ третьей категоріи Буслаевъ относитъ параллели формъ церковнославянскихъ и русскихъ, напр. *между* и *межъ*, *тождество* и *тожество*, *невъжда* и *невъжа*, *чуждый* („форма полурусская“, замѣчаетъ Буслаевъ) и *чужой*, *со-кращатъ* и *у-корачиватъ*, *помощь* и *помочь* и пр.

Такъ же, какъ выше при разсмотрѣніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, Буслаевъ устанавливаетъ отличительные признаки заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ: „смягченныя формы церковнославянскія большею частью отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ*, *невъжда* и *невъжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онъ болѣе

приличны рѣчи искусственной; напр. *въщатъ, услаждать, чуждый, поглощатъ* (при русской формѣ: *проглоту*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще; каковы напр. *жажда, нужда, между*; причастія на *-щій*; напр. *дѣлающій, говорящій* и др.“.

Выборъ признаковъ, а также и распредѣленіе матеріала сообразно имъ, страдаютъ здѣсь тѣмъ же недостаткомъ, который мы нашли выше въ формулировкѣ Буслаева различій между природными полногласными и заимствованными неполногласными формами (стр. 112),—неточностью и сбивчивостью. Такъ оставленъ совершенно безъ вниманія критерій фонетическій; формы *въщатъ, услаждать, чуждый* и т. д. отличаются не однимъ употребленіемъ отъ соотвѣтствующихъ природныхъ формъ, а также и значеніемъ.

Въ примѣчаніи четвертомъ (стр. 70) неправильно приведено слово *дождь*, въ которомъ будто бы „*д* смягчается въ *ж* и *ч*“ (!).

Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 70—71) утверждается, что смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго“. Приводимые примѣры однако всѣ объясняются, хотя и не непосредственнымъ заимствованіемъ, но все же удобообляющимъ вліяніемъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ; *жд* въ арханг. *урождай*, псковск. тверск. пенз. *забиждать*, тверск. *псваждать*, сибирск. *прихождане, неурождай*, рязанскомъ *обижда, обиждать* вовсе не фонетическаго происхожденія и является результатомъ морфологической ассимиляціи (аналогіи). Ничего общаго съ церковнославянскимъ не имѣетъ „особенно любопытный остатокъ ранняго церковнославянскаго смягченія *жд* вм. *жж* въ олон. *прѣждяль, прѣждяль* и т. д. Рыбниковъ. II. 253. 255“, такъ какъ написанія Рыбникова представляютъ собой только несовершенную попытку передать средствами обыкновеннаго русскаго алфавита усиленное палатальное произношеніе сочетанія согласныхъ *й* и *з* (*ж'д'ж'*).

Въ § 37. В (стр. 71) находимъ невѣрное утвержденіе, что „на второй ступени смягченія, *т* переходитъ въ *щ*; напр. *запрещать*“, такъ какъ форма эта заимствована изъ церковнославянскаго. Перечисленными замѣчаніями исчерпывается матеріалъ, находимый нами

въ первой главѣ грамматики г. Буслаева, трактующей о „звукахъ и соотвѣтствующихъ имъ буквахъ“. Вторая глава, посвященная „образованію словъ“, даетъ также не мало матеріала, не всегда однако правильно освѣщеннаго. Такъ слишкомъ категорично признаніе церковнославянскими звуковъ *-ес-* въ основахъ косвенныхъ падежей отъ *тѣло, слово* (§ 44. 1. 2. стр. 89), потому что присутствіе основъ на *ес-* въ русскомъ языкѣ несомнѣнно въ виду формъ въ родѣ *колѣса, колѣсный* и т. д., если и вѣрно, что основы *тѣло, слово, чудо, небо*, въ ихъ полномъ видѣ чужды русскому языку, такъ какъ очень рано совпали съ основами ср. рода на *о-*.

Въ § 55. 1. (стр. 104—105), трактующемъ о причастіяхъ, указывается на церковнославянское происхожденіе ихъ суффикса *-щій*, которому въ русскомъ народномъ языкѣ должно отвѣчать *-чій*. Но въ примѣчаніи 1-мъ къ этому § (стр. 105) утверждается (совершенно невѣрно), что, рядомъ съ прилагательными на *-чій*, „народный языкъ сохранилъ значительное число со звукомъ *щ* вм. *ч*, напр. *завидушій, загребушій, распадушій, некладушій, трепушій, умирающій, бдѣющій, бдющій, бодушій, забыдѣющій, забудушій* и т. д.“.

Во второмъ отдѣлѣ этого §, пунктъ 1 (стр. 106) находимъ замѣчаніе о формахъ причастія прошедшаго *надшій* и *навшій*, изъ которыхъ первая признается церковнославянской.

Церковнославянское происхожденіе признаетъ Буслаевъ и за причастіями настоящаго времени страдательнаго залога (стр. 108. Примѣч. 5): „причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ“.

Въ § 60-мъ (стр. 126) находимъ различеніе окончаній *-ѣе* и *-іе*; первое Буслаевъ признаетъ природнымъ русскимъ, а второе церковнославянскимъ, усвоеннымъ въ книжной рѣчи.

Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому § (въ концѣ, стр. 127) рекомендуется отличать отъ народныхъ формъ въ родѣ *замужье, пабѣдьѣ, полусотѣ* и т. д. „неорганическія, позднѣйшія, составленныя въ духовныхъ стихахъ съ видною цѣлью поддѣлаться подъ

книжный ладъ; напр. *словіе, желміе*, вм, слово, желчь. Кал. I. 72. V. 203“.

Въ § 62 п. 4 (стр. 130) признаются церковнославянскими прилагательныя *древесный, словесный, тѣлесный*: „образовавшись отъ церковнослав. формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ отгѣнкомъ книжной рѣчи“. Далѣе Буслаевъ указываетъ на невозможность произведенія такихъ прилагательныхъ отъ русскихъ формъ, напр. *деревесный*, и приводятся соответствующія, чисто-русскія, природныя прилагательныя: *деревянный, словный* (откуда *словно*), *небный, чудный*.

Въ § 63-мъ (пунктъ 5, стр. 133—134) указывается на ограниченіе числа „уменьшительныхъ“, „ласкательныхъ“, „увеличительныхъ“ и „унизительныхъ“ именъ въ книжной рѣчи въ силу ея приближенія „къ складу церковнославянскаго языка“.

„Приставка“ *пре-*, употребляемая, между прочимъ, для образованія превосходной степени: *пре-умный, пре-добрый* и т. д., о которой идетъ рѣчь въ § 69. Б. (стр. 143)—церковнославянскаго происхожденія, но Буслаевъ объ этомъ не говоритъ ничего.

Въ § 69, III. (стр. 147) признаются „остаткомъ“ (что не точно) церковнославянскаго языка и свойственными рѣчи книжной и образованной такія формы превосходной степени, какъ *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій*.

Въ § 72, II. (стр. 154) не выдѣлено изъ другихъ нарѣчій, „замѣчательныхъ потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ исказились, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава“—нарѣчіе *ократить*, хотя и замѣчено, что оно имѣетъ церковнославянское смягченіе *к* въ *ц*. Немного ниже (стр. 155) встрѣчаемъ также въ числѣ другихъ русскихъ нарѣчій *впередъ* безъ оговорки, что оно церковнославянскаго происхожденія. То же должно сказать относительно „внезапу“ (стр. 155) или *предъ, прежде* (§ 73 стр. 157), *едва, развѣ* (стр. 158), *единожды, дважды, трижды* (§ 74, 159).

Въ § 76 (стр. 161) отдѣляются формы предлоговъ *пре-, предъ, чрезъ*, какъ церковнославянскія, отъ русскихъ: *пере-, передъ, че-*

резь. Во второмъ пунктѣ а) этого § (162 стр.) указывается на церковнославянское происхожденіе префикса *из-* въ значеніи р. *вы-*: „церковнославянскія формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто русскыхъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный*, *изложить* и *выложить*, *излить* и *вылить* и проч.“. Указано также на разницу въ значеніи природнаго *изъ*, напр. въ формахъ *износить*, *извести*. Въ пунктѣ б) находимъ также правильное представленіе взаимнаго отношенія между предлогами *розъ* и *разъ*, изъ которыхъ послѣдній признается церковнославянскимъ. Но рядомъ съ этимъ не объяснено правописаніе *раз-* въ формахъ: *разбирать*, *раздирать*, *разливать*, *разумѣть*, которыя Буслаевъ признаетъ „равно принадлежащими какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку“ (что не совсѣмъ вѣрно).

Въ пунктѣ 3-мъ этого § (стр. 163) указано на книжное происхожденіе предлога *со-* и на принадлежность народному языку параллельной формы *су-*; но невѣрно мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *сутулый*, *сукотый*, *супоросый* и т. д., книжная рѣчь удержала церковнославянскую форму *сж-*, *су-*. Церковнославянскимъ *су-* можетъ быть признано только въ немногихъ формахъ въ родѣ *супругъ*, *сумракъ*, въ другихъ же случаяхъ оно обыкновенно природно (какъ напр. народныя *сусѣдъ*, *сусѣкъ*, *суполока* и т. д.).

Въ § 77. Примѣч. 5 (стр. 166) перечисляются союзы, употребляющіеся въ книжной рѣчи: *бо*, *да* (въ повелительномъ значеніи), *зана*, *ибо*, *поелику*, *понеже* и т. д.

Въ § 81, 6 (стр. 174) находимъ замѣчаніе, что „въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена“. Выше въ примѣчаніи 7-мъ (стр. 173) приводятся примѣры такихъ сложений новѣйшаго происхожденія, созданныхъ по образцу церковнославянскихъ Жуковскимъ въ переводѣ Одиссея.

Какъ видно, не всѣ замѣчанія, отмѣченныя нами во второй главѣ Буслаева, посвящены словообразованію въ тѣсномъ смыслѣ;

нѣкоторыя (о предлогахъ *изъ* и *вы-*, *розъ* и *разъ*) затрагиваютъ область семасіологіи, или фонетики (о предлогахъ *пре-*, *предъ*, *чрезъ* и т. д.).

Въ третьей главѣ книги г. Буслаева, заключающей въ себѣ ученіе объ измѣненіи словъ, находимъ гораздо менѣе матеріала, чѣмъ въ предшествующихъ двухъ. Формы церковнославянскія здѣсь далеко не всегда отличаются отъ русскихъ, и новаго, сравнительно со своими предшественниками, Буслаевъ даетъ немного.

Въ § 96 с) (стр. 227) указывается, что „въ витіеватой рѣчи наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церк.-сл. окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *-ес-*: *словеса* вм. *слова*: у Пушкина: „и полныя святыни словеса“ IX. 172; двойств. число *крыль* (вм. *крылья*) неоднократно у Жуковского“.

Въ § 97-мъ (стр. 229) говорится о двойкомъ склоненіи слова *кольно*, но не указано, что склоненіе *кольна*, *кольнъ* книжнаго происхожденія.

Въ § 101-мъ (стр. 246) находимъ замѣчаніе объ употребленіи краткой формы именъ прилагательныхъ и причастій: „нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнослав. языка, такъ и древнерусскаго и областного. Старинные писатели весьма богаты этими формами (слѣдуютъ примѣры изъ Оды на взятіе Хотина Ломоносова: „*Молдавски горы*“, „*чужи поля*“, „*перо злато*“ и т. д.); ниже: „писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи витіеватой; напр. Пушкинъ въ Борисѣ Годуновѣ: „къ его одру, Царю едино зримый, явился мужъ необычайно *свѣтелъ*“ (I. 278) или же въ рѣчи разговорной, пользуясь нѣкоторыми народными выраженіями; напр. „до *бѣла* дня“.

Въ § 102, и. 3 (стр. 247) указывается на церковнославянское происхожденіе окончанія род. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода *-ья*, *-ія*, которое „встрѣчается и у позднѣйшихъ писателей въ книжномъ, тяжеломъ слогѣ, и даже иногда рядомъ съ окончаніемъ собственно русскимъ; напр. у Жуковского „блещетъ куполь *соборныя*, *величественныя* церкви“; „онъ *слабыя*, земной руки созданье“ 2, 196, 213.

Въ § 103-мъ (стр. 248) встрѣчаемъ указаніе на „сокращеніе“

окончанія прилагательныхъ *-ий* въ русскомъ разговорномъ языкѣ и сохраненіе его въ цѣлости въ языкѣ книжномъ: „сокращеніемъ звука *и* на *ь* отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ *ь* вм. *и*. Напр. *рыбій рыба рыбе, рыбаго, рыбей, рыбы* и проч. (вм. *рыбія, рыбіе, рыбіяго, и проч.*)“.

Приведенными замѣчаніями ограничивается все, что можно найти у Буслаева относительно морфологическихъ элементовъ церковнославянскаго происхожденія, перешедшихъ въ русскій книжный и разговорный языкъ. Въ ряду этихъ заимствованій Буслаевымъ пропущено очень много, даже сравнительно съ грамматикой Ломоносова.

Замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго языка на синтаксическій строй современнаго русскаго языка, какъ и слѣдовало ожидать по сущности самаго предмета, находимъ еще меньше.

Въ § 136 п. 2. (часть II, стр. 40) указывается на сохраненіе глагола вспомогательнаго подъ вліяніемъ строя церковнославянской рѣчи: „въ книжной рѣчи, равно какъ и въ церковномъ языкѣ, удерживается *есть* и *суть*: напр. „Грамматика есть наука“, „Грамматика и Ариметика суть науки“ (§ 202 [стр. 161]: „въ книжной рѣчи хотя и допускаются всѣ формы настоящаго времени: *есмы, еси* и проч.; но въ разговорной употребляется только *есть* напр., *есть легче, есть городъ*, въ которомъ...“).

Въ § 146-мъ (стр. 51—52 второй части) находимъ очеркъ взаимныхъ отношеній между синонимами разнаго (русскаго природнаго и церковнославянскаго) происхожденія: „Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

„1) Слова русскія и церковнославянскія, или русскія общеупотребительныя, книжныя—и народныя, областныя,—напр. *лобъ* и *чело*, *глаза* и *очи*, *щеки* и *ланыты*, *шея* и *выя*, *недѣля* и *седьмица*. *отдохнуть* и *опочить* и мн. друг. (въ примѣчаніи 1-мъ приводятся примѣры изъ древнерусскихъ памятниковъ).

„2) Различныя формы одного и того же слова, или русскія,

напр. *берегъ, вѣтеръ, золото, серебро, одежда* (sic! Должно бы быть *одежа*) и друг., или соотвѣтствующія имъ церковнославянскія: *брегъ: вѣтръ, злато, сребро, одежда* и друг.

„Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи; какъ-то:

„а) Въ рѣчи книжной, витѣватой, употребляются слова и формы церковнославянскія, каковы: *брегъ, чело, глаголъ, усопшій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто русскія, каковы: *берегъ, лобъ, слово, умершій* и проч.

„Примѣчаніе 2. Впрочемъ, въ народной рѣчи употребляются и слова общія съ церковнославянскимъ, напр. *очи, уста* и друг.“.

Въ § 156-мъ (стр. 76—77) указывается на общій законъ семасіологическаго развитія языковъ — переходъ отъ конкретнаго значенія къ абстрактному, на появленіе абстрактнаго представленія въ церковнославянскомъ языкѣ, откуда оно перешло и въ современный литературный языкъ: „Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи, оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ.

„Возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у Славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.

„Отвлеченность церковнославянскаго языка завлечтъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ; напр. *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго

языка; напр. *іерей*, *діаконъ*, *литургія*, *ангелъ* (но вѣдь эти понятія конкретны?!) и др.; и наконецъ 3) большею частію отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; *благочестіе* (εὐσεβεία), *благородіе* (εὐγένεια), *благодушіе* (εὐφροσύνη) и проч.

„Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерусскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ повѣйшее время, отличается отъ пароднаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Въ слѣдующемъ, 157-мъ § (стр. 77—78) между прочимъ: „господство отвлеченнаго мышленія надъ этимологическою формою и надъ живымъ представленіемъ, выражаемымъ въ словѣ, оказало свое дѣйствіе на словосочиненіе преимущественно въ томъ, что подвело подъ одинаковыя общія правила множество частныхъ случаевъ, которыя нѣкогда, по богатству стариннаго языка, представляли значительное разнообразіе. Такъ, напр., разнообразное значеніе и употребленіе залоговъ древнѣйшаго глагола подведены теперь подъ болѣе общія правила, по которымъ глаголь не такъ уже свободно можетъ переходить изъ одного залога въ другой, какъ это было въ старину (§ 176). вмѣстѣ съ этимъ самое управление глаголовъ, нѣкогда весьма разнообразное, подведено теперь къ большому единству (§ 256). Равномѣрно и согласованіе словъ, нынѣ принимаемое въ рѣчи книжной, гораздо однообразнѣе и стѣснительнѣе для свободы языка, нежели согласованіе древняго и пароднаго синтаксиса“.

(Далѣе указывается еще на иностранное вліяніе: „русская

рѣчь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствам нѣмецкой грамматики“)... „Впрочемъ единообразіе и отвлеченность, возникшія въ языкѣ позднѣйшемъ, и преимущественно въ книжномъ, постоянно встрѣчаются въ нашей рѣчи съ формами древнѣйшими, живыми и разнообразными, доселѣ господствующими въ устахъ народа“.

Въ § 199-мъ, примѣч. 3 (стр. 151) находимъ замѣчаніе объ употребленіи причастій и дѣепричастій многократнаго вида въ литературномъ языкѣ: „причастія и дѣепричастія многократнаго, въ образованной, книжной рѣчи, мало употребительны; но въ народной—*пѣвючи, пѣдаючи* и нѣкоторыя другія дѣепричастія употребляются“.

Въ § 204-мъ (стр. 167) указывается, что „мѣстоименіе *оний* употребляется только въ книжномъ языкѣ“.

Въ § 213, прим. 3 (стр. 181): „*многій, многая, многое*, было весьма обыкновенно въ церковносл., откуда заимствовано и въ нашу книжную рѣчь. Напр. *многая правда, многое благо* и т. п. Въ разговорномъ же языкѣ оно употребляется въ единственномъ числѣ, только въ именит. и винит. пад. средняго рода, и притомъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Что же касается до множ. числа *многіе, многихъ* и т. д., то хотя эти формы въ рѣчи употребительнѣе косвенныхъ падежей ед. числа, но принадлежатъ болѣе языку образованному, нежели просторѣчію. *Многій, многая* и пр., нынѣ могутъ быть употреблены только въ рѣчи витіеватой; напр. у Пушкина „присмотрѣла имъ *многая* неправда“ 5. 18“.

Въ § 243 г.) (стр. 245): „эпитетъ, выраженный только однимъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ, безъ опредѣленія, принадлежитъ рѣчи книжной и слогу витіеватому. Напр. *мужъ совѣта, народы Сѣвера*“.

Въ § 244. 5 находимъ замѣчаніе о дательномъ самостоятельномъ, который считается Буслаевымъ принадлежащимъ только церковному. Попытки нѣкоторыхъ писателей (Буслаевъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова и Жуковскаго) ввести этотъ оборотъ въ книжную рѣчь признаются тщетными.

Въ § 254-мъ (стр. 288—289) между прочимъ идетъ рѣчь о

двойкомъ управленіи „глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами *до-, из-, от-, с-* и съ нѣкоторыми другими“. Буслаевъ отмѣчаетъ при нихъ древнѣйшее и позднѣйшее управленія. „По древнѣйшему они требуютъ родительнаго безъ предлога, по позднѣйшему—съ предлогами *до, изъ, отъ, съ...* Это древнѣйшее словосочиненіе сохранилось какъ въ языкѣ разговорномъ, такъ и у писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до нашихъ временъ; но при немъ постоянно встрѣчается уже и позднѣйшее; напр. *отрещись чего и отъ чего, достигнуть чего и до чего* и т. п.“.

Въ § 256. п. 3 (стр. 295 и слѣд.), гдѣ разсматриваются управленія различныхъ глаголовъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчанія относительно слѣдующихъ глаголовъ: *внимать* съ дат. лица и винит. вещи, *клеветать*—кого, *насладиться*—чѣмъ въ разговорномъ языкѣ—и *чего* въ книжномъ, *презирать, пренебрегать, принадлежитъ, удовлетворить, удостоить*.

Въ § 258. II (стр. 304) находимъ замѣчаніе, имѣющее связь съ приведеннымъ выше изъ § 243 г.): „иногда, вмѣсто глагольнаго управленія, писатели употребляютъ пменное: напр. *любовь славы* (вм. *къ славы*), *воспоминаніе прошлыхъ дней* (вм. *о прошлыхъ дняхъ*)... Это нововведеніе чуждо народнои рѣчи“.

Далеко не всѣ приведенныя здѣсь замѣчанія Буслаева относятся къ области синтаксиса въ собственномъ смыслѣ. §§ 146, 156 и 157 имѣютъ своимъ предметомъ семасіологическія отношенія, возникшія подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка, §§ 199, 204 и 213 указываютъ на лексическія или морфологическія заимствованія. Вліянію церковнославянскаго языка на синтаксисъ русскаго языка въ собственномъ смыслѣ посвящены только немногочисленныя и небольшія по объему замѣчанія въ §§ 136, 243, 244, 254, 256 и 258.

Какъ бы то ни было, грамматика Буслаева представляетъ наиболѣе полную разработку занимающаго насъ вопроса въ русскои филологической литературѣ до начала 70-хъ годовъ. Да и послѣ вплоть до настоящаго времени мы не встрѣчаемъ, за однимъ исключеніемъ, ничего, что бы могло остановить на себѣ вниманіе. Направленіе, господствовавшее въ нашей отечественнои филологіи въ

теченіє послѣднихъ 25 лѣтъ, носило главнымъ образомъ характеръ палеографическій. Наши филологи посвящали свои силы главнымъ образомъ изданію и описанію памятниковъ древней русской и славянской письменности; изслѣдованій собственно грамматическихъ за этотъ періодъ мы находимъ сравнительно немного, и они частью касались слишкомъ специальныхъ и мелкихъ вопросовъ, частью разрабатывали такіе отдѣлы науки, которые лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ занимающаго насъ вопроса.

Въ литературѣ русской научной грамматики съ начала 70-хъ годовъ мы встрѣчаемъ только одну, весьма сжатую, но отличающуюся точностью и полнотой, обработку изслѣдуемыхъ нами отношений, принадлежащую извѣстному слависту И. А. Бодуэну де Куртенэ. Уступая Буслаеву въ количествѣ матеріала (что является вполне естественнымъ въ виду цѣли труда, въ которомъ мы находимъ эту обработку), характеристика проф. Бодуэна де Куртенэ стоитъ гораздо выше въ отношеніи научныхъ строгости и точности. Мы позволимъ себѣ привести эту характеристику цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что при всей ея содержательности, она очень невелика по объему.

И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Подробная программа лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. „Глава 8¹⁾). Вліяніе старословянской (церковнословянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старословянскій элементъ в русской фонетикѣ:

Вліяніе на *произношеніе*.

γ (звонкое *х*) рядомъ съ г (звонкое *к*). Вліяніе кіевское и вообще малорусское.

é (é') (=стсл. ѣ, ѣ) вм. ó.

ij, ij (ъj) вм. éj (é'j) ej (é'j) и т. д.

Вліяніе на *звуковой составъ*. Замѣна русскихъ развѣтвленій звуковъ и сочетаній звуковъ старословянскими.

шч (*ш*): ш, жд: д (*шч, жд* вм. ч, ж); жд: жж (*жд* вм. жж или ждж).

Слоги *ра, ла, ре* (р'е, р'е), *ле* (л'е, л'е) вм. русскаго полногласія (*оро, оло, ере, оло* или *еле*).

¹⁾ Казань. В университетской типографіи 1878. 8°. 92 стр. Стр. 62—63.

Различіе значенія тѣх же словъ в русской и старословянской формѣ.

Форма, внѣшній видъ извѣстнаго слова, усвоенный из старословянскаго, в противоположность настоящей русской формѣ. Между прочимъ, это доказывается удареніемъ формъ (не говоря в нѣкоторыхъ случаяхъ о значеніи): *грѣб-грѣба* вм. *грѣбá* и т. п. (ср. *виноград* и т. п.).

Суффиксы и окончанія, усвоенные из старословянскаго, рядомъ с тѣми же суффиксами и окончаніями в чисто русскомъ видѣ (или с разнымъ значеніемъ, или же с тѣм же значеніемъ).

Суффиксъ *-ъj-ǣ* (*-ie*) р. съ его русскою формою *-'jó* (*-ьё*).

Суффиксы причастій и прилагательныхъ отрицательныхъ: *-ущ-*, *-ащ-* р. с *-уч-*, *-ач-*.

Старословянское вліяніе только на *письменность*, хотя отчасти тоже и на произношеніе (ср. главу 2-ю).

Nom. s. m. adj. проп. *-ый, -ій*.

Gen. s. m. n. adj. проп. *-аго, -яго, -ого, -его*.

Nom. pl. f. n. adj. *-ья, -ія*.

Gen. s. f. *ея* (произнос. *ъjó*)“.

Какъ видно уже изъ самаго заглавія главы, главное вниманіе здѣсь обращено на сторону фонетическую, затронуты также элементы словообразовательные и морфологическіе, указаны слѣды вліянія церковнославянскаго правописанія на русское, а также послѣдствія принятія въ русскій языкъ старославянскихъ элементовъ въ отношеніи семасіологическомъ.

Оставлена совсѣмъ безъ вниманія только одна синтаксическая сторона нашего вопроса.

Послѣдней характеристикой мы заканчиваемъ обзоръ литературы вопроса.

Подводя итогъ всему вышерассмотрѣнному, приходится признать отсутствіе сколько нибудь дѣйствительной полной разработки нашего вопроса. Мы имѣли дѣло или съ отрывочными, отдѣльными замѣчаніями, разсѣянными по болѣе или менѣе научнымъ грамматикамъ русскаго языка, или съ конспектообразными набросками (какъ послѣдняя характеристика), а также съ полнымъ отсутствіемъ работъ, посвященныхъ нашему предмету исключительно:

все, что можно было найти въ нашей и иностранной филологической литературѣ, почти не уменьшаетъ работы изслѣдователю даннаго вопроса, не облегчая ему даже собираніе относящагося сюда матеріала.

Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія. Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ.

Г Л А В А II.

Церковнославянскій языкъ.

§ 1. Языки старославянскіи и церковнославянскіи. Въ продолженіи всего послѣдующаго изслѣдованія понятія церковнославянскаго и старославянскаго строго отличены другъ отъ друга. Подъ первымъ здѣсь разумѣется языкъ русскихъ богослужебныхъ печатныхъ книгъ, представляющій позднѣйшее, подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, видоизмѣненіе такъ называемаго старославянскаго языка, Въ основѣ этого, главнымъ образомъ, книжнаго языка лежитъ языкъ старославянскихъ намятниковъ, такъ называемой „русской“ рецензій, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ проникшійся сильно новыми, русскими элементами. принявшій многія фонетическія и морфологическія русскія особенности и утратившій многія старославянскія.

Что нужно подразумѣвать подъ старославянскимъ языкомъ, вопросъ для цѣли даннаго изслѣдованія достаточно второстепенный. Но во избѣжаніе недоразумѣній необходимо пояснить, что подъ этимъ терминомъ здѣсь разумѣется языкъ перваго славянскаго перевода Св. Писанія, ближайшимъ родичемъ или потомкомъ котораго, какъ свидѣлствуютъ несопоримыя языковыя данныя, можетъ быть признанъ только современный болгарскій языкъ, каковы бы ни были измѣненія, постигшія его въ теченіе вѣковой ея исторіи.

Едва ли разрѣшенный вопросъ о томъ, какой собственно народъ говорилъ этимъ языкомъ, въ сущности не имѣетъ большаго значенія для лингвиста, въ виду общеизвѣстнаго факта, что понятія языкъ

и народа (т. е. понятія лингвистическое и этнографическое) не совпадаютъ одно съ другимъ. Достаточно напомнить только, что напр. значительныя части русскаго населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ финскому или другимъ племенамъ, хотя языкъ ихъ уже довольно давно русскій, т. е. индоевропейскій. Не имѣетъ также особаго значенія для лингвиста и вопросъ о томъ, гдѣ жилъ народъ, говорившій „старославянскимъ“ языкомъ—въ Панноніи, Болгаріи, Македоніи или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Его дѣло только констатировать совпаденіе извѣстныхъ „старославянскихъ“ языковыхъ особенностей (прежде всего фонетическихъ) съ таковыми же новоболгарскими и отсутствіе такого совпаденія въ языкахъ „старославянскомъ“ и „новословинскомъ“ (Altslovenisch и Neuslovenisch Миклошича). Отыскивать родину даннаго языка—дѣло историка, но отнюдь не лингвиста, который со своей стороны даетъ первому извѣстныя неоспоримыя лингвистическія данныя. Мы полагаемъ, что эти замѣчанія достаточно опредѣляютъ наше отношеніе къ вопросу о родинѣ или происхожденіи „старославянскаго“ языка, и переходимъ къ ближайшему предмету нашего изслѣдованія.

§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.

1. *Вокализмъ. Живое произношеніе.* Какъ языкъ до извѣстной степени живой, т. е. произносимый, церковнославянскій языкъ встрѣчается главнымъ образомъ и прежде всего въ православной церкви во время богослуженія; въ церкви несравненно рѣже, но во всякомъ случаѣ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ церковью, богослуженіемъ или религіей вообще.

Сообразно съ мѣстомъ употребленія, мы можемъ установить три вида современнаго церковнославянскаго произношенія: два „церковныхъ“ или „богослужебныхъ“—1) чтеніе священника или дьякона (евангеліе, ектеніи и т. д.) 2) чтеніе дьячка (апостоль, часы и т. д.) и одинъ, если можно такъ выразиться, „мірской“, въцерковный (произношеніе текстовъ св. Писанія и различныхъ церковнославянскихъ отрывковъ въ церкви).

Первые два вида въ высшей степени искусственны и съ обыч-

нымъ способомъ русскаго произношенія не имѣютъ ничего общаго. Послѣдній, „мірской“, обыкновенно не отличается ничѣмъ особымъ отъ обычнаго живаго русскаго произношенія, и потому въ разсмотрѣніе его мы не будемъ входить.

Первые два вида представляютъ между собой рѣзкія противоположности. Одинъ видъ (чтеніе священника и дьякона)—протяжнаго и торжественнаго характера, является потенцированной рѣчью, переходною ступенью отъ обычнаго говора къ пѣнью и болѣе близокъ ко второму, чѣмъ къ первому, такъ что можетъ быть нотированъ совершенно опредѣленными музыкальными нотами (обычная рѣчь не всегда поддается точной музыкальной нотаціи въ силу извѣстной неопредѣленности, фальшивости представляемыхъ ей музыкальныхъ интерваловъ); второй — есть увеличенная скороговорка, при которой неударенные гласные и даже цѣлые слоги почти совершенно проглатываются, такъ что произносимыя слова принимаютъ почти неузнаваемый видъ.

Такъ извѣстное предложеніе „Господи, помилуй!“, повторенное нѣсколько разъ сряду, принимаетъ въ этомъ произношеніи видъ, который можетъ быть выраженъ фонетической транскрипціей приблизительно такимъ образомъ:

$$\begin{array}{l} \underset{\circ}{\gamma} \underset{\circ}{\text{с}} \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{ъ}} \underset{\circ}{\text{д}} \underset{\circ}{\text{ь}} \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{о}} \underset{\circ}{\text{с}} \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{о}} \underset{\circ}{\text{с}} \dots \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{ь}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{ѣ}} \end{array}$$

$$\begin{array}{l} \underset{\circ}{\gamma} \underset{\circ}{\text{с}} \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{о}} \underset{\circ}{\text{с}} \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{о}} \underset{\circ}{\text{с}} \dots \underset{\circ}{\text{р}} \underset{\circ}{\text{ь}} \underset{\circ}{\text{н}} \underset{\circ}{\text{л}} \underset{\circ}{\text{ѣ}} \end{array}$$

Этотъ второй видъ церковнаго или богослужебнаго чтенія или произношенія церковнославянскаго языка (чтеніе дьячка) мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ представляетъ собой, такъ сказать, утрировку обычныхъ отношеній великорусскаго вокализма, въ которой слова такъ быстро скользятъ мимо ушей слушателя, что допустить возможность перехода церковнославянскихъ элементовъ, какъ фонетическихъ, такъ и лексическихъ, въ живой русскій языкъ именно этимъ путемъ, едва ли позволительно.

Поэтому мы представимъ общую картину церковнославянскаго произношенія, основываясь только на первомъ видѣ богослужебнаго чтенія (дьякона или священника). Какъ было уже замѣчено

выше, этотъ способъ произношенія есть родъ потенцированной декламациі, псалмодіи, которая можетъ быть нотирована музыкально и имѣеть извѣстное число неизмѣнныхъ музыкальныхъ формулъ или напѣвовъ.

Принятые въ нашемъ богослуженіи традиціонные способы чтенія передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и есть основаніе полагать, что они ведутъ свое начало, если и не отъ первыхъ временъ христіанства на Руси, то во всякомъ случаѣ изъ сѣдой старины. Какой нибудь нотациі этихъ способовъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, и изученіе ихъ происходитъ исключительно путемъ практическаго перениманія. Подробное изслѣдованіе особенностей нашего богослужебнаго чтенія на распѣвъ въ музыкальномъ отношеніи завело бы насъ слишкомъ далеко и лежитъ за предѣлами цѣли настоящаго изслѣдованія. Для этой цѣли, однако, указаніе на этотъ особый способъ чтенія является необходимымъ, такъ какъ отъ него зависятъ характерныя особенности церковнославянскаго вокализма, отличнаго въ своемъ принципѣ отъ русскаго, какимъ этотъ послѣдній является въ обыкновенномъ, непринужденномъ говорѣ. Всего вѣроятнѣе, что церковнославянскіе (особенно фонетическіе) элементы переходили (при устномъ, не книжномъ, заимствованіи) въ русскій языкъ именно при помощи этого протяжнаго чтенія на распѣвъ, которое особенно замечательвало въ памяти слушателей извѣстныя формы или фонетическія особенности языка. Съ этимъ способомъ чтенія связаны извѣстныя характерныя черты церковнославянскоі звуковой системы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Какъ необходимое слѣдствіе музыкальной декламациі, чтенія на распѣвъ, мы должны отмѣтить вполне опредѣленное, ясное произношеніе всѣхъ гласныхъ, при которыхъ отсутствуетъ рѣзкая разница между гласными ударенными и неударенными, свойственная обычному русскому произношенію ¹⁾. Другимъ факторомъ,

¹⁾ Представленіе этихъ отношеній можно найти въ работахъ: В. Богородицкаго. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань 1884. 8°. стр. 144 и Бодуэна де Куртена. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ 1882. 8°. стр. 88+VI.

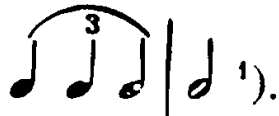
способствующимъ этому отчетливому произношенію, является, конечно, и то обстоятельство, что церковнославянскій есть языкъ книжный, мертвый, вдобавокъ богослужебный, требующій уваженія къ своей „буквѣ“.

Въ связи опять съ чтеніемъ на распѣвъ является иной, отличный отъ общерусскаго, способъ слоогобразованія, при которомъ гласные всѣхъ неударенныхъ слоговъ болѣе или менѣе равнозначны въ метрическомъ отношеніи, и удареніе не имѣетъ той энергій, какъ въ русскомъ слоогобразованіи. Разница станетъ для насъ очевидна, если мы возьмемъ одно и то же слово, напр. *благословенъ*, произнесенное „по русски“ и „по церковнославянски“:
blǫgъslāv'ǣn || blaγoslov'ǣn.

Какъ видно изъ приведеннаго примѣра, гласные ударенные даже обладаютъ въ церковнославянскомъ произношеніи качествомъ, отсутствующимъ у таковыхъ же русскихъ — долготой, обусловленной, разумѣется, музыкальными причинами.

Кромѣ разницы въ слоогобразованіи имѣется разница въ темпѣ и ритмѣ произношенія. Первый, „русскій“ примѣръ произносится быстрѣе, второй, „церковнославянскій“ — медленнѣе. Нагляднѣе всего передать графически эту разницу можно было бы въ музыкальныхъ знакахъ такимъ образомъ:

русскій примѣръ: $\frac{2}{4}$ z 7

церковнославянскій: $\frac{2}{4}$ 1).

¹⁾ Вполнѣ точно передать затронутыя нами отношенія въ графическихъ знакахъ очень трудно. Показать на практикѣ, какъ извѣстное слово или звукъ произносятся, легко, но нотировать вполнѣ точно и притомъ наглядно, чтобы читатель безъ посторонней помощи могъ самостоятельно и точно воспроизвести извѣстное произношеніе, почти невозможно при наличныхъ средствахъ. Поэтому приведенныя попытки графическаго обозначенія имѣютъ только приблизительное значеніе. Не надо забывать, что и въ музыкальной нотациі, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи болѣе точныхъ отношеній, не обозначается и не можетъ быть обозначено и половины того, что имѣется въ дѣйствительно живомъ и музыкальномъ исполненіи. Отсюда деревянный и бездушный характеръ исполненія начинающихъ, пока, путемъ практическаго перениманія, они не научатся передавать не обозначаемое никакими нотами и другими музыкальными знаками.

Благодаря особому принципу слогаобразованія, обусловленному музыкальнымъ характеромъ чтенія, церковнославянскій вокализмъ не представляетъ такихъ чередованій гласныхъ въ зависимости отъ ихъ мѣста въ словѣ относительно удареннаго слога, какія мы имѣемъ въ обычной русской рѣчи.

Гласные ударенные отъ неударенныхъ отличаются только ббльшей энергіей произношенія (а также часто и долготой), но и въ этомъ отношеніи разница между ними не такъ сильна, какъ между русскими гласными.

Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ, такъ что церковнославянскіе *a* (а, ѡ, ѡа), *e* (ѣ, є), *o*, *u* (ѹ, оу, ю), *y* (ы), *z* (и, і) ничѣмъ не разнятся въ отношеніи фізіологической артикуляціи отъ соотвѣтствующихъ русскихъ, что вполне естественно, такъ какъ церковнославянскій и въ церкви произносимъ *русскими* же, которые могутъ подставлять только свои звуки, привычные имъ съ дѣтства.

Въ свою очередь церковное чтеніе на расиѣвъ съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія, можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (московскаго) и называемое въ просторѣчій говоромъ на „о“. Въ члелѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ тина „семивариста“, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непременно присутствуетъ и это произношеніе.

Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное „оканье“ можетъ объясняться также принадлежностью говорящаго къ такъ называемымъ „окающимъ“ говорамъ, но съ другой стороны нельзя отрицать и существованія извѣстной, такъ сказать, „семинарской“ манеры произношенія, по которой въ обществѣ узнаютъ „семинариста“. Манера эта въ сущности и заключается въ болѣе равномерномъ слогаобразованіи и связанномъ съ нимъ яснымъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ.

Едва ли можно сводить ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ, характеризующее церковнославянскій вокализмъ, къ особен-

ностямъ произношенія малорусскаго, подобно тому, какъ это дѣлается относительно снирантнаго γ (г), вмѣсто общерусскаго γ . Во всякомъ случаѣ, если и допустить малорусское происхожденіе яснаго произношенія гласныхъ, необходимо будетъ признать, что музыкальный характеръ церковнаго чтенія главнымъ образомъ способствовалъ сохраненію этой особенности, и она, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно при отсутствіи такого сохраняющаго фактора.

Можно указать только одинъ случай, свидѣтельствующій о пеяномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: ѡскоменѣтсѧ (Іер. XXXI. 30. Остр. библ. ѡскоминѣтсѧ, Первопеч. ѡскѡминѣтсѧ) рядомъ съ ѡскѡминишасѧ (ibidem 29. Остр. ѡскѡминишасѧ, Первоп. ѡскѡминишасѧ), хотя, вѣроятно, и онъ объясняется опечаткой.

Обращаясь къ историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго вокализма, мы находимъ, что онѣ сильно видоизмѣнены русскимъ вліяніемъ.

Носовые гласные исчезли, какъ и въ русскомъ: ж измѣнилось въ и; ж—въ а (которому предшествуютъ согласные палатальные или прошедшіе путемъ палатализаціи). Такимъ образомъ гласный ж, какъ и въ русскомъ, совпалъ съ гласнымъ оу, и для обозначенія обѣихъ этихъ, первично различныхъ, гласныхъ церковнославянская графика имѣетъ только знаки Ѹ или оу (слогъ ж=ј+а измѣнился въ ји, обозначаемое посредствомъ ю).

Изъ нихъ Ѹ употребляется въ современной церковнославянской графикѣ въ серединѣ и концѣ слова, а оу въ началѣ: иѸтъ (М. III. 3), рѣзѸ (М. III. 4), но оуча (Лук. V. 17) — приемъ чисто виѣшній. Въ Острожской библіи оу употреблялось и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: іоудѣиска (1 Макк. XIV. л. 14; Нов. Іоудѣйска), саоуѣж (1 Царств. XXXI. л. 139 об. Нов. СаѸж) и т. д. Первопечатная Московская библія въ этомъ отношеніи согласуется съ Новой.

Примѣры. Въ корнѣ: иѸтъ (М. III. 3), бѸди (М. II. 13), свѸдѣтсѧ (М. II. 15. XXI. 4), зѸвъ (М. V. 38), лѸкавагѡ (М. VI. 13), мѸжъ (М. I. 91), смѸтѣсѧ (М. II. 3) и т. д.

Въ окончаніи: Асс. s. f. пшеиѣѸ (М. III. 12). въ хрѸминѸ

(М. II. 11), смѣрнѹ (М. II. 11), рѣзѹ (М. III. 4), въ зѣмлю (М. II. 20) и т. д.

Jnstr. s. f. водѡю (М. III. 11), радѡстію (М. II. 10), вѣлією (М. II. 10), Мрїєю (ibid.) нѡщїю (М. II. 14) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. множ. ч.: сѹтъ (М. II. 18), ѣмѹтъ (М. XXVI. 4), вѡзмѹтъ (М. IV. 6), вѣдѹтъ (М. IV. 3), ѣждѹтъ (М. V. 11) и т. д.

Въ окончаніи 1 л. ед. ч.: послѹ (М. XXIII. 34), глѹ (М. III. 9), крѣщѹ (М. III. 11) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. imperfecti.: слѹжѹхѹ (М. IV. 11), крѣщѹхѹсѹ (М. III. 6) и т. д.

Въ суффиксѣ -нж-: возавѣнжѹти (М. III. 9), и т. д.

Такъ же точно исчезъ гласный ѡ, перешедшій, какъ въ русскомъ, въ гласный а, передъ которымъ обыкновенно (за исключеніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаевъ) имѣется палатальный согласный.

Но если церковнославянская графика утратила знакъ ѡ, то знакъ ѡ она сохранила, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуютъ ж, ш, ч, ц: нсѡко (М. III. 10), скѡѡ (М. III. 6), ѣскреннѡго (М. V. 43), паречѣтсѡ (М. II. 23), сѣдѡщїи (М. IV. 16), проповѣдѡ (М. IV. 23), ѣсцѣлѡѡ (ibidem); но: жѡтва (М. XXIV. 32), чѡда (М. X. 21), зачѡло (М. I. 1), зачѡтъ (Л. I. 24), ѡдѣлѡша (М. XXVII. 28), ѣзомрѡша (М. II. 20), ѣдѡша (М. II. 9), рѣкѡша (М. II. 5), вѣдѡша (Мр. II. 9), Ѡтрѡчѡ (М. II. 9), Ѡтрѡчѡти (М. II. 8), ѡучѡ (Лук. V. 17) и т. д.

Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается еще часто ѡ на концѣ словъ послѣ ш, хотя и рядомъ съ а: прїидѡшѡ но рѣкѡша, ѣдѡшѡ, но Ѡтрѡчѡ (М. II) и т. д.

Изрѣдка и въ Новой встрѣчаются написанія въ родѣ ѡѹжѡ (Ис. XXXIII. 23).

Что знакъ ѡ не обозначалъ никакого другаго звука, кромѣ а (въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣлаго слога ja, напр. проповѣдѡ М. IV. 23), свидѣтельствуя, напримѣръ, такія написанія, какъ: г. с. кораблѡ (М. V. 2. старослав. корабля), црѡ (М. II. 1. стел. царя), гдѣ ѡ обозначаетъ несомнѣнное а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

Орфографическое употребленіе ѡ и ѡа, выработавшееся въ церковнославянской графикѣ, не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительныхъ фонетическихъ особенностяхъ языка и является такимъ образомъ приемомъ вполне искусственнымъ, служащимъ для различенія гомонимовъ на письмѣ, почему мы и оставимъ его безъ вниманія.

Такъ же, какъ и въ русскомъ, исчезли на концѣ словъ и слоговъ гласные ѣ и ѡ.

Первый исчезъ безслѣдно: зѣвъ М. V. 38. (zup), заповѣдѣхъ Л. I. 6 (zârov'ed'æx), вшѣднѣ Л. I. 9 (стел. въшьдшоу), вшѣдъ Л. I. 28 (стел. въшьдъ), дщѣнѣ Л. I. 63 (стел. дъштицъ), дщѣрей Л. I. 5. стел. дъштеръ) видѣвши Л. I. 29 (стел. видѣкъши), съѣдѣтъ М. I. 22 (стел. съждѣтъсѣ), послѣкъ М. II. 8, послѣ М. XXIII. 34 (стел. послѣкъ), ѣзнемѣтъ Л. I. 37, ктѣ М. III. 7 (стел. кѣто), и т. д. На концѣ словъ онъ является только знакомъ неналатальности предшествующаго согласнаго.

Встрѣчаются даже написанія: ктѣмѣ М. V. 13, ѣхѣ М. VI. 8. Результатомъ исчезновенія ѣ являются формы и написанія, совершенно невозможныя въ стслав., какъ ѣзсѣша (Ис. LI. 12 Остр. и Первон. посѣша), ѣздѣтъ (Иезек. XXI. 7 Остр. ѣдѣше, Первон. какъ въ Новой).

Второй исчезъ, въ извѣстныхъ случаяхъ сообщивъ палатальность предшествующему согласному: въ этихъ случаяхъ ѡ имѣется и есть только знакъ помянутой палатальности: ѡѣтъ М. III. 3, ѣсѣ М. XXVII. 43, дѣбрь Л. III. 5, ѣсть М. XXVI. 66, кадѣльнаго Л. I. 11, М. XXVIII. 12, гѣрькъ М. XXVI. 75, Написанія: прѣселникъ Быт. XXIII. 4, сѣлѣи ѡ. 19, вѣлѣликъ М. IX. 3, доѣлни Л. III. 14, доѣлны М. XXVIII. 12, весьма часты и объявляются, вѣроятно, такъ же, какъ и современныя неграмотныя написанія этого рода: палатальность ѡ казалась такой ничтожной звуковой разницей, что обозначеніе ея представлялось излишнимъ.

Тамъ, гдѣ извѣстный палатальный согласный находился передъ гомоорганнымъ согласнымъ, палатальность его исчезла (какъ и въ русскомъ), и знакъ ѡ въ такихъ случаяхъ опускается: тѣснѣ М. VII. 14, ѣзнѣтнѣ М. II. 8, прѣкѣднѣхъ Л. I. 17, дѣше

Л. I. 23, сокращённымъ, пѣннѣннымъ Л. IV. 18, неѣрными М. XXIV. 51 и т. д. (стел. тѣсьнѣ, нзѣвѣстьно, дѣннѣ и т. д.).

Послѣ ч передъ слѣдующимъ согласнымъ ѣ также опускается¹⁾: зачнѣши Л. I. 31.

Всѣ эти написанія встрѣчаемъ уже въ Острожской библии.

Послѣ губныхъ внутри слова передъ согласными и въ концѣ слова ѣ также не пишется, или замѣняется знакомъ ѣ, что совпадаетъ съ исчезновеніемъ палатализации въ этихъ случаяхъ и въ русскомъ языкѣ (русскіе губные вообще мало склонны къ палатализации).

пшеницѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же), всѣ М. I. 22 (Остр. всѣ, Первоп. какъ въ Новой), сокращѣ М. II. 4 (Остр. събраѣ, Первоп. какъ въ Новой). мзда М. V. 12 (Остр. мзда, Первоп. какъ въ Новой), слѣнца М. XV. 14 (Остр. слѣнца, Первоп. какъ въ Нов.), гѣмнѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. (стел. пышенница; вѣсе, събраѣ, мзда и т. д.).

Гласный ѣ измѣняется въ о, какъ въ русскомъ, въ закрытомъ слогѣ:

а) внутри слова между согласными: на сѣмнищаѣ М. IV. 23, вѣровѣ М. XXVI. 28, дѣждѣ М. VII. 25, сѣла М. V. 11 и т. д. (стел. съмниште, дѣждѣ, сѣла); такъ уже и въ Острожской библии.

б) въ префиксахъ вѣз- и сѣ, сложныхъ съ различными словами: вѣзвѣстите М. II. 8, на вѣстоѣ М. II. 2, вѣзвѣѣ М. II. 15, вѣзвѣгнѣти М. III. 9, вѣзмѣти М. IV. 6 и т. д. (стел. вѣзвѣстите; на вѣстоѣ и т. д.); въ Острожской библии вѣзвѣстите, вѣстоѣ, вѣзвѣ, вѣзвѣгнѣти, но вѣзмѣти. Первопечатная согласуется съ Новой.

в) въ предлогахъ вѣ, кѣ передъ словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ:

во етраѣ (М. II. 12), во днѣ (М. II. 1), во чрѣвѣ (М. I. 23) во всѣѣ (М. II. 16), во тмѣ (Матѣ. VIII. 12). Но рядомъ вѣ

¹⁾ Согласный ѣ (ч) въ русскомъ всегда палаталенъ, и потому обозначеніе его палатальности посредствомъ ѣ представлялось излишнимъ. Непалатального параллельного согласного не имѣется, и различіе, имѣющее мѣсто въ другихъ случаяхъ, здѣсь не имѣло практическаго значенія.

хрѣминѸ (М. II. 11), въ слѣдѣ (М. VIII. 1). Остр. въ странѸ, въ днѣ, въ чревѣ, въ вѣхѸ, въ тмѸ, Первон. какъ въ Новой. Встрѣчаются и вторичные случаи о=ъ передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова: ѡзо оуѣсть (М. IV. 4. Остр. ѡзъ оуѣсть, Первон. ѡзоуѣсть) и т. д.

Написанія съ о на мѣстѣ старославянскаго ѡ принадлежатъ сравнительно новѣйшему времени. Въ богослужебныхъ и вообще церковнославянскихъ книгахъ XVI-го вѣка еще находимъ написанія съ ѡ въ такихъ случаяхъ, которые имѣютъ въ современномъ русскомъ и церковнославянскомъ уже о или отсутствіе всякаго гласнаго. Такъ въ заглавіи грамматики Лаврентія Зизанія (1596) находимъ написаніе съѡставленна. Въ Острожской библии 1581 г. часты написанія съ ѡ: съѡдѣни, съѡвершеніе, възѡвѣстѣти, съѡгласно (стр. 1-я Предисловія Константина, воеводы Острожскаго), съѡрженіе. съѡвыше въздакайте (стр. 2), но свѣрою; сътворѣ, съѡрѣтсѡ, съѡрасѡ (Бытія I), но съѡтавы (ibid.) и т. д.

Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ уже книги съ правописаніемъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнящимся отъ правописанія современныхъ богослужебныхъ книгъ. Таковы напр. Грамматика Мелетія Смотрицкаго (Московское изданіе 1648 г.) или московская перепечатка Острожской библии (1663 г.), гдѣ имѣемъ уже свѣдѣній, съѡвершеніе, възѡвѣстѣти, съѡгласно, въздакайте, сотворѣ, съѡрѣтсѡ, съѡрасѡ и т. д.

Своего фонетическаго значенія, конечно, ѡ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно и писалось, уже не имѣло.

Поэтому нельзя придавать точнаго значенія свидѣтельству Смотрицкаго, у котораго читаемъ: „ѡ, егда в' средѣ полагается, тогда слоѡ краткій составляетъ; яко, съ человѣки. егда же на концѣ, тогда не составляетъ слога, но гласъ дебело вѣщати творить: яко, человѣкъ, законъ“ (М. Смотрицкій. Грамматика. Московское изданіе 1648-го года, л. 54). Тѣ случаи, въ которыхъ ѡ писалось, представляютъ собой просто удержаніе традиціонныхъ написаній, встрѣчаемыхъ въ болѣе древнихъ памятникахъ.

Тѣ же отношенія, что и въ русскомъ, представляетъ исто-

рія гласнаго ъ, измѣняющагося въ закрытомъ слогѣ въ є: внутри словъ между согласными:

а) въ корнѣхъ: вѣсь М. II. 3, шѣдзъ, шѣдше М. II. 8, дѣврѣ Л. III. 5, стѣзѣ Л. III. 4, дѣнми М. XXVII. 40 и т. д.; Остр. нѣше, шѣ, дѣврѣ, стѣзмъ, дѣнми; Первоп. шѣдзъ, шѣдше, дѣврѣ, стѣзѣ, дѣнми.

б) въ суффиксѣхъ: вѣнѣцъ М. XXVII. 29, младѣнецъ Л. I. 41, нѣтѣмъ М. II. 12, двѣремъ Мр. I. 33, ѡгнѣмъ М. III. 11, прѣздѣнъ М. XII. 44, протѣвенъ М. XIV. 24 и т. д. Такъ уже въ Острожской библіи.

Въ концѣ словъ ъ является, какъ и въ русскомъ, только показателемъ палатальности предшествующаго согласнаго: „ъ же, выну на концѣ полагается, и тонкимъ гласомъ вѣщается. яко, конь, кость (Мелетій Смотрицкій. Грамматика. Л. 54)“.

Вокализация плавныхъ сочетаній рѣ, лѣ, рѣ, лѣ представляетъ тѣ же особенности, какія находимъ въ русскомъ языкѣ.

Сочетаніе рѣ=ор: гѡрличница Л. II. 24 (Остр. такъ же), на тѡржищахъ М. XI. 16 (Остр. такъ же). XXIII. 7 (Остр. трѣжницѣхъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Сочетаніе лѣ=ол: нѡлны Мр. IV. 37, должникѡмъ М. VI. 12, дѡлги ibidem, испѡлнити М. V. 17, вѡлцы М. VII. 15, волкѡнъ М. X. 16, молчѡхъ Мр. III. 4, надѡлзѣ Мр. XII. 40, молкѡ М. XXVI. 5 и т. д. Остр. вѡлны, (Первоп. вѡлны) дѡлгы, дѡлжникомъ, испѡлнити, вѡлцы (Первоп. какъ въ Новой), вѡлковъ (Первоп. волкѡв) млѡчѡхъ (Первоп. какъ въ Новой), мѡлѡва (Первоп. какъ въ Новой).

Сочетаніе рѣ=єр: ѡнѣрзше М. II. 11, сѣрнъ Мр. IV. 29, нѣрвенца М. I. 25, совершѣнъ М. V. 48, сопѣрникомъ М. V. 25, чѣрна М. V. 36, оумѣртѡмъ М. II. 15, чертѡ М. V. 18 и т. д.

Остр. ѡврѡзше, срѣпъ, первенца, свѣршѣнъ, сопѣрникомъ, черна, оумѣртѡ, чрѡта; Первоп. такъ же, какъ въ Новой: єр на мѣстѣ старосл. рѣ.

Но если старославянскія сочетанія плавныхъ съ з, ѣ были замѣнены въ церковнославянскомъ русскими соотвѣтствіями, то сочетанія рѡ, лѡ, рѣ, лѣ остались нетронутыми. Хотя полногласныя

русскія формы встрѣчаются довольно часто на мѣстѣ старославянскихъ неполногласныхъ уже въ наиболѣе древнихъ старославянскихъ памятникахъ русской рецензіи, но съ теченіемъ времени онѣ исчезаютъ почти совершенно, что представляетъ своеобразное явленіе въ виду правильной подстановки русскихъ соотвѣтствій на мѣсто сочетаній **рѣ, рь, лѣ, ль**.

Приводить церковнославянскіе примѣры сочетаній **рл, лл** является излишнимъ въ виду ихъ обыкновенности.

Формы полногласныя, заимствованныя изъ русскаго, встрѣчаются, но крайне рѣдко. Такъ на весь Новый Завѣтъ мы имѣемъ только два случая:

кѡнь кѡронѣ Анокал. VI. 5 (Остр. и Первоп. такъ же)

молотѣща Тимоѡ. V. 18 (Остр. и Первоп. нѣрхѣща)

молотѣѣ (3 Ездры IV. 32 Остр. и Первоп. другой текстъ: пожатіе), но млаченіе (ibid. 30), 3. s. Аог. ѣзмлати (Руѡв II. 17), почерѣдиш (1 Паралип. IX. 33 Остр. и Первоп. другой текстъ).

Что касается сочетаній **рѣ, лѣ**, то необходимо отмѣтить извѣстную особенность ихъ передачи въ церковнославянской графикѣ, находящуюся въ зависимости отъ особенностей русской фонетики.

Какъ извѣстно, русскія соотвѣтствія основославянскихъ \bar{e} и e совпали въ современномъ языкѣ совершенно. Такъ какъ это совпаденіе произошло уже довольно рано ¹⁾, то и въ церковнославянскомъ произношеніи разница между \bar{e} и e уже не могла быть соблюдаема, хотя иногда въ Остр. библии и встрѣчаемъ написанія какъ **пѣсѣ** (Ис. XLVIII. 19 Нов. и Первоп. пѣсѣкѣ), **пѣсѣѣ** (М. VII. 26. Нов. и Первоп. пѣсѣѣ). Слѣдствіемъ этого безразличнаго произношенія являются написанія: **мрѣжи** М. IV. 18, **прѣднѣ** М. IV. 12, **стрѣжѣхѣ** М. XXVII. 36, **прѣткнѣши** М. IV. 6, **прѣсѣ** М. VIII. 32, **прѣмѣ** М. XI. 30, **прѣшѣлѣ** М. VIII. 34, **прѣжде** М. I. 18, **прѣселѣнѣ** М. I. 17, **ѡвлечѣсѣ** М. VI. 29,

¹⁾ Приблизительно въ концѣ XII-го вѣка, къ началу XIII в. (Ср. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб. 1891 г. Изд. 2-е, стр. 68—69.)

дрѣво М. III. 10, чреслѣхъ М. III. 4 и т. д. Подобныя написанія находимъ уже въ Острожской библии 1581 г.: дрѣво (Бытія II), преподсаніѣ (ibid.), посредѣ (ibid.), вредѣ (Исходъ гл. VI), потревишиша (Исходъ гл. IX) и т. д. рядомъ съ оумрѣти (Перем. XXXVIII. 26. Нов. оумрѣти, Первоп. оумрети) и пожрѣти (I. Цств. I. 3. 21. Нов. жрѣти, пожрѣти, Первоп. пожрѣти).

Но: грѣхѣвъ М. XXVI. 28, срѣтеніе М. XXV. 1, крѣиокъ М. XIV. 30, ѡврѣтаѣтъ М. VII. 8 и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, е послѣдовательно пишется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порядокъ Liquida + Vocalis вториченъ, и въ русскомъ имѣется „полногласіе“, отвѣчающее праязыковому Vocalis + Liquida. Въ случаяхъ же, гдѣ сочетанія рѣ, лѣ сохранили праязыковой порядокъ звуковъ — Liquida + Vocalis, мы встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ послѣдовательно ѣ.

Эта особенность церковнославянской графики перешла и въ русское правописаніе.

Исключеній изъ этой послѣдовательности немного, и мы коснемся ихъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи церковнославянскихъ элементовъ въ русской графикѣ.

Послѣдовательное проведеніе написаній съ е во всѣхъ случаяхъ съ первичнымъ порядкомъ Vocalis + Liquida объясняется, конечно, только тѣмъ, что писавшіе имѣли надежное руководство въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Какого нибудь фонетическаго значенія такія написанія, разумѣется, не имѣли. Какъ аналогичный фактъ можно привести, напримѣръ, известное явленіе, что поляку легче научиться употреблять въ русскомъ письмѣ букву ъ, чѣмъ русскому, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ имѣетъ возможность сообразоваться съ формами своего языка, въ которомъ первичныя \bar{e} и e имѣютъ различныя соотвѣтствія -а (-ia) и е.

Какъ другую характерную черту церковнославянскаго вокализма мы должны еще отмѣтить сохраненіе \acute{e} передъ слѣдующимъ непапалатальнымъ (твердымъ) согласнымъ, тогда какъ въ русскомъ это \acute{e} пзмѣнилось въ \acute{o} . Напримѣръ:

цслав. тѣплѣ || русск. тѣплый (t'æpl̥ || t'ópl̥j)

цслав. слѣзы || русск. слѣзы и т. д. (slæ'zy || sl'ózy).

Эта особенность съ известной вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ малорусскаго произношенія, хотя одинаково возможно, что она вытекаетъ изъ вполне въ данномъ случаѣ естественнаго стремленія сохранить въ точности „букву“. Единственный примѣръ $\acute{o} = \acute{e}$: шóгла (Ис. XXXIII. 23. Остр. и Первоп. другой текстъ).

Различеніе въ новой печатной церковнославянской орфографіи между \acute{e} и ϵ , встрѣчающееся уже въ Первопечатной библии (въ Острожской одно ϵ), такой же внѣшній пріемъ, какъ и рассмотрѣнное выше употребленіе \mathcal{U} , ou , \mathfrak{A} и \mathfrak{a} , и фонетическаго значенія не имѣетъ.

Характерная особенность старо-славянскаго вокализма — сохраненіе i (= \mathfrak{b}) передъ слѣдующимъ j — въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена вліяніемъ русскаго языка. Такъ мы имѣемъ формы:

днѣй... и нóцнй... М. IV. 1, мнѣй М. V. 19, двѣрѣй М. XXVIII. 2, сѣлѣй Мр. IV. 32, днѣй Л. II. 21, согрѣшѣнѣй М. VI. 15, свннѣй М. VIII. 30, пов. нѣй Быт. XXIV. 18.

Но рядомъ: г. рl. дѣтѣй М. XV. 38, мѣжѣй М. XV. 38, XIV. 21, господѣй М. XV. 27, зáповѣдѣй М. V. 19, пѣтѣй М. XXII. 9, дщѣрѣй Л. I. 5, людѣй Л. II. 31, свннѣй Л. VIII. 32, пáстырѣй Л. II. 18, ѿ днѣй сѣдѣй (4 Цств. XXIII. 22), бнсерѣй М. XIII. 45. Кромѣ того въ причастіи рождѣйсѣ М. II. 2, прилагательномъ оўтрѣй М. VI. 34, и въ мѣстоименіи сѣй Л. II. 34, Мр. XII. 7, 10. но сѣй Мр. XII. 16 и т. д.

Въ Острожской библии въ большинствѣ случаевъ находимъ i : дѣтѣн мѣжѣн (bis), господѣн, зáповѣдѣн, пѣтѣн, дщѣрѣн, людѣн, свннѣн, пáстырѣн, ѿднѣн сѣдѣн, рожѣнсѣ, оўтрѣн (какъ въ Остромъ Еванг.), сѣн и т. д. Первопечатная занимаетъ среднее мѣсто: дѣтѣй, мѣжѣй, (bis), зáповѣдѣй, рождѣйсѣ, сѣй, но господѣй, пѣтѣй, дщѣрѣй, людѣй, свннѣй, пáстырѣй, оўтрѣй.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда i передъ слѣдующимъ j въ русскомъ исчезаетъ, въ церковнославянскомъ оно сохраняется: оўбѣіши М. V. 21 || русск. убьешь (ub'jós), чѣдъ Быт. XXIV. 23 || русск. чья и т. д.

Какъ въ русскомъ, *зи* послѣ заднеязычныхъ *г к х* замѣнилось и въ церковнославянскомъ посредствомъ *и* (Прим. см. ниже на стр. 145—46, 160).

Перечисленными особенностями исчерпываются характерныя черты церковнославянскаго вокализма сравнительно съ русскимъ и старославянскимъ.

2. *Церковнославянскій консонантизмъ* въ своихъ современныхъ особенностяхъ представляетъ нѣкоторыя характерныя черты русскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить такую же точно палатализацию согласныхъ передъ палатальными гласными, какъ и въ русскомъ.

Передъ гласными *е* (обознач. *є и ѣ*) и *і* (*и, і*) почти всѣ согласные (за исключеніемъ *ж, ш, ц*) произносятся палатально, какъ въ русскомъ. Кромѣ этого рода палатальности, находящейся въ зависимости отъ наличныхъ, дѣйствующихъ и теперь причинъ (вліяніе палатальнаго гласнаго), имѣются и случаи палатальности унаслѣдованной, являющейся результатомъ условій, теперь уже не существующихъ.

Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ палатальность согласныхъ передъ гласнымъ *а* (обозначаемымъ посредствомъ *ѡ, ѡа, ѡ*) объясняется, какъ и въ русскомъ, исторически — вліяніемъ нѣкогда существовавшаго на его мѣстѣ палатальнаго носоваго гласнаго *ѣ* (*ѡ*).

Палатальность согласныхъ, имѣющаяся въ извѣстныхъ случаяхъ передъ *и* (*ю*), объясняется вліяніемъ *ј*, въ настоящее время уже исчезнувшаго.

Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализации согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской.

Какъ въ русскомъ, область палатализации расширяется привлеченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ *к г х* передъ *зи*, которое переходитъ въ *и*:

Асс. рл. прорѣки М. II. 23 (Остр. еще прѣоки, Первоп. прѣоки), саногѣ М. III. 11 (Остр. и Первоп. такъ же), дрѣги М. V. 47 (Остр. дрѣгы, Первоп., какъ въ Новой), мѣгки М. XI. 8 (Остр. мѣкки, Первоп. мѣкки), мѣхи вѣтхи (Остр. мѣхи вѣтхи, Первоп.

какъ въ Новой), Мр. II. 22, пекійсѣ М. IV. 27 (Остр. пекіисѣ, Первоп., какъ въ Новой) и т. д.

Какъ въ большинствѣ русскихъ говоровъ согласные ж, ш, ц, непалатальны и вообще къ палатализаціи неспособны, что вызываетъ такія написанія: ѿшѣдшымъ (М. II. 13. Остр. ѿиѣшил, Первоп. какъ въ Новой), влѣзнымъ (М. XIV. 32. Остр. и Первоп. двойств. число), вѣшъ (Мр. XII. 29. Остр. вѣшъ, Первоп. какъ въ Новой), нѣшъ (М. VI. 9. Остр. и Первоп. такъ же), бѣшымъ (М. XI. 21. 23. Остр. бѣшамъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣшымъ М. XI. 29. Остр. вѣшимъ, Первоп. какъ въ Новой), нѣшымъ (М. VI. 12. Остр. нѣшѣ, Первоп. какъ въ Новой), бѣшымъ Мр. XVI. 10. Остр. бѣшимъ, Первоп. какъ въ Новой), ѿспрошъ (Л. I. 63. Остр. ѿпрошъ, Первоп. какъ въ Новой), оужы (Instr. pl. Мр. V. 4. Остр. южи, Первоп. оужи), оустьци (М. V. 30. Остр. оустьци, Первоп. какъ въ Новой), въ срдци (М. XII. 40. Остр. срдци, Первоп. срдци, Л. II. 19. Остр. и Первоп. срдци, тамъ же 51: Остр. срдци, Первоп. срдци), праведницы (М. XXV. 46. Остр. правѣдницы, Первоп. какъ въ Новой), нецѣтесѣ (М. VI. 25. Остр. нецѣтесѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Рядомъ имѣются и написанія, сохранившія старославянское и: мѣншихъ (М. XXV. 40, 45. Остр. мѣнихъ, Первоп. какъ въ Новой), N. s. f. оугождши (Мр. VI. 22. Остр. оугожши, Первоп. какъ въ Новой), N. pl. лѣчи (М. VI. 26. Остр. и Первоп. такъ же), N. s. f. бѣчи (М. VI. 25. Остр. бѣчи. Первоп. какъ въ Новой), оушю (Л. IV. 21. Остр. оушю, Первоп. какъ въ Новой), слѣните (М. X. 27. Остр. и Первоп. такъ же), мрѣжи (М. IV. 18, 20, 21. Остр. очевидная опечатка мѣржю, мрѣжѣ, мрѣжю, Первоп. Ass. pl. мѣжи и мѣжи (Суд. VIII. 16. мрѣжю, мрѣжа, мрѣжю), 17. Остр. мѣжа, Первоп. мѣжа, мѣжи). N. pl. мѣжи (Мр. XIII. 8. Остр. и Первоп. такъ же), оужики (Л. I. 58. N. pl. Остр. оужики, Первоп. какъ въ Новой), вѣжихъ (М. IV. 4. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжи (М. II. 13. Остр. вѣжи, Первоп. какъ въ Новой), възложъ (Л. IV. 40. Остр. възложъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Случаевъ написанія ю послѣ ж, ш въ Новой Библии не встрѣчается, хотя они не рѣдки въ Острожской и Первопечатной: мрѣжю (М. 18, 21. Остр. и Первоп.), сѣжю (Перем. XL. 10. Первоп., въ Остр.—8), но сѣжѹ (Апок. XVIII. 7.), вѣжѹ (Иоа. XX. 24.). Ср. также написанія въ родѣ: взпроєишѹ (Остр. М. XII. 10. Нов. и Первоп.—а), ѳдошѹ (Остр. М. XII. 15. Первоп. и Нов.—а), рядомъ однако съ сѣтвориша и. т. д. *ibid.* 14).

Такія написанія, какъ влѣзшымъ, бѣвшымъ в т. д. (см. выше), вызвали въ свою очередь написанія: нѣцымъ (М. XXVI. 9. Остр. нѣцимъ, Первоп. какъ въ Новой), сплѣцымъ (М. XXVIII. 13. Остр. сплѣцѹ, Первоп. сплѣцѣ), сѣдѣцымъ, возглашѣцымъ (М. XI. 16. Остр. сѣдѣцимъ, возглашѣцимъ, Первоп. какъ въ Новой), плѣчѣцымъ, рыдѣцымъ (Мр. XVI. 10. Остр. и Первоп. плѣчѣцимъ, рыдѣцимъ), болѣцымъ (Л. IV. 40. Остр. болѣциѹ, Первоп. болѣциѹ) и т. д. Кромѣ стремленія провести однообразіе въ правописаніи ѹ послѣ „шипящихъ“, здѣсь очевидно имѣлось и уподобляющее вліяніе такихъ, вполне законныхъ фонетически, написаній, какъ, напримѣръ, дѣбрымъ, дѣбрыѹ и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, ѹ послѣ ш является лишь въ Новой библии, въ Острожской мы имѣемъ б. ч. и. Первопечатная занимаетъ среднее положеніе между обѣими.

Едва ли можно думать, чтобы подобныя написанія были вызваны произношеніемъ (въ современномъ церковномъ произношеніи, какъ и въ русскомъ ч палатально(=č'), и ш =š'č'). Въ другихъ формахъ мы встрѣчаемъ правильное и: Асс. du. нѣци М. XII. 40, N. s. f. ѳмѣци М. I. 18, G. pl. нѣциѹ М. IV. 1. и т. д.

Съ другой стороны послѣ ч мы чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ ѹ, что навѣрное случалось бы чаще, если бы ч означало собой согласный непалатальный. О палатальности ч свидѣтельствуютъ также частые случаи ю послѣ ч, вмѣсто ѹ, имѣющіеся въ Острожской и Первопечатной библияхъ: чѣжи (Ефес. II. 12), чѣжимъ (Дѣян. XVII. 18) и. т. д. Въ Новой послѣдовательно проведено ѹ. Случаи такого ѹ послѣ ч объясняются ассимиляціей на нисѣмъ къ другимъ формамъ, гдѣ ѹ было законно, наир. X. pl. f. прѣчѹѹ (М. XXV. 11. Остр. прѣчаѹ, Первоп. прѣчѹѹ) подъ вліяніемъ мѣдрыѹ и т. п.

формъ (тамъ же), D. pl. прѣчимъ (Mr. XVI. 13. Остр. и Первоп. прѣчимъ) подѣ вліяніемъ такихъ, какъ мѣдримъ; мечи (Ass. pl. Ис. XLI. 2. Остр. мечѣ, Первоп. мечи) подѣ вліяніемъ такихъ какъ раби и т. д. Такъ какъ въ сочетаніи ѿ (š'č') ѣ очевидно ничѣмъ не отличалось отъ ѣ независимаго, то есть основаніе думать, что написанія съ ѿ послѣ ѿ въ родѣ вышеприведенныхъ (нищимъ и т. д.), суть только слѣдствія морфологической ассимиляціи (аналогіи), попытка провести на письмѣ вездѣ одинъ орфографическій пріемъ, причемъ удобообляющими типами были формы, подобныя мѣдримъ, нѣзшимъ и т. д.

Историческія же отношенія церковнославянской палатализаціи сохраняютъ характерныя старославянскія черты. Такъ сохранилось такъ называемое „переходное смягченіе“ заднеязычныхъ г к х въ з ц с, имѣющее мѣсто въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ старославянскомъ: бѣзи (Исходъ XX. 3), прѣрѣцы (Луки XVI. 16) и т. д.

Старославянскія соотвѣтствія нервичныхъ *tj, dj (kt, gt, χt)* сохранились также, хотя и съ измѣненнымъ произношеніемъ.

Случаевъ замѣны церковнославянскихъ ѿ и жѣ русскими соотвѣтствіями и и жѣ немного. Примѣрами могутъ служить: сѣжѣ (Перем. XI. 10. Остр. сѣжѣ, Первоп. сѣжѣ), прѣжнѣ (Тов. VI. 15. Остр. и Первоп. друг. текстъ), нѣжнаго (Прем. Солом. XVI. 3. Остр. и Первоп. такъ же), оутвержѣмѣ (Амосъ IV. 13. Остр. и Первоп. оутвержѣтъ), юницѣ рѣжѣ Числ. XIX. 2. (Остр. и Первоп. такъ же), благонадѣженѣ (Притчи XIX. 18. Остр. и Первоп. друг. текстъ), говѣжа (Лев. VII. 23. Остр. и Первоп. такъ же), оутвержѣ (Лев. XVII. 10. Остр. и Первоп. друг. текстъ), стѣжею (Второзак. XXVIII, 22. Остр. и Первоп. друг. текстъ), сѣжѣ (Апок. XVIII. 7. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжѣ (I. XX. 25. Остр. и Первоп. такъ же), процѣжѣное (Амосъ VI. 6. Остр. цѣжѣное, Первоп. цѣжѣное), конѣ рѣжѣ (Апок. VI. 4. Остр. и Первоп. такъ же), возѣжѣ (I. XI. 11. Остр. и Первоп. возѣжѣ), вѣжѣніе (1 Коринѣ. V. 1. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжѣніа (Римл. I. 29. Остр. вѣжѣніа, Первоп. какъ въ Новѣй), нещажѣ (Іова VI. 10. Остр. нестыжѣсѣ, Первоп. не по-

стыжѹса), постыжѹса (2 Коринѹ. X. 8. Остр. постыжѹса, Первоп. какъ въ Новой), такоже (Галат. IV. 3. Остр. такоже, Первоп. какъ въ Новой), ѡбнадѣживаеѹъ (4 Цств. XVIII. 30. Остр. и Первоп. другой текстъ), невѣжество (Ефес. IV. 18. Остр. невѣжество, Первоп. какъ въ Новой), нѣжнѣйше (Филип. I. 24. Остр. и Первоп. такъ же), невѣжествѹющими (Евр. V. 2. Остр. невѣжествѹющихъ, Первоп. невѣжествѹющихъ), невѣжествѹиныхъ (Евр. IX. 7. Остр. и Первоп. другой текстъ) и наоборотъ въ Новой библіи нѣждахѹ (Евр. IX. 6. Остр. нѣжахѹ, Первоп. вѣждахѹ), стыжаѹса (2 Тимѹ. I. 12. Остр. и Первоп. постыжѹса), тожде (М. V. 46. Остр. тоже, Первоп. какъ въ Новой), такоже (М. V. 47. Остр. такоже, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. жа=зж также не всегда сохраняется. Часто находимъ формы съ восстановленнымъ зж: ѡзженѹтъ (Л. XI. 49. Остр. ѡженѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѹхъ (Л. XXII. 15. Остр. нѣжелѹхѹ, Первоп. вожелѹхъ), ѡзженѹ (I. VI. 37. Остр. ѡженѹ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѹющихъ (2. Коринѹ. IX. 14. Остр. нѣжелѹющеи, Первоп. вожелѹющеи), разжизаюса (ibid. XI. 29. Остр. разжизаюса, Первоп. разжизаюса), ѡзженіи (Галат. IV. 30. Остр. и Первопеч. такъ же) и т. д., но прѣждивѣши (Л. X. 35. Остр. такъ же, Первоп. прѣждивѣши), ѡзженіѹ (I. X. 4. Остр. такъ же; Первоп. ѡзженіѹ), ѡзжнѣи (Дѣянїя Ап. XXI. 24. Остр. и Первоп. такъ же), ражеженіѹ (Апок. XVIII. 18. Остр. ражеженіѹ, Первоп. какъ въ Новой), разжегѹсте (Ис. L. 11. Остр. ражегѹсте, Первоп. разжегѹсте), хотя рядомъ ражизаеѹте (тамъ же. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, Острожская библія нѣсколько лучше сохраняетъ первичныя старославянскїя отношенїя, тогда какъ Первопечатная въ этомъ отношенїи приближается къ Новой, исправленной. Смѣшанную форму ѡзженіи находимъ I. Сир. VII. 28. (Остр. ѡзженіи, Первоп. какъ въ Новой). Случаи замѣны цслав. щ посредствомъ русскаго ч рѣже; большая часть ихъ приходится на различныя формы прилагательнаго чуждый: чуждїихъ (Дѣянїя XVII. 18. Остр. чужїи, Первоп. чужїи), чуждемѹ (Римл. XIV. 4. Остр. чуждемѹ, Первоп. чуж-

дѣмѹ), чѹжди (Ефес. II. 12. Остр. и Первоп. чѹжи), чѹжымъ (Быт. XXXI. 15. Остр. и Первоп. чѹжди), чѹжнхъ (М. XVII. 26. Остр. чѹжнхъ, Первоп. чѹжднхъ), млачѣнїе (Лев. XXVI. 5. Остр. млачѣнїе. Первоп. какъ въ Новой), плечѣ (1 Цств. IX. 24. Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡзверчѹ (1 Цств. XI. 2. Остр. и Первоп. такъ же), оѹкрочаѣши (Псал. 88. 10. Остр. оѹкрестиши, Первоп. какъ въ Новой), ѡзмлачѣнны (Перем. II. 33. Остр. млачѣнїа, Первоп. млачѣнїа), млачаѣше (Суд. VI. 11. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

Что касается произношенїя согласныхъ сочетанїй жд и щ, то оно разнится отъ новоболгарскаго и, вѣроятно, и старославянскаго. Въ то время какъ въ новоболгарскомъ щ=št и жд=žd, церковнославянское щ въ общераспространенномъ произношенїи =š'č' во всѣхъ случаяхъ, а жд только передъ непалатальными гласными вмѣстѣ то же звуковое значенїе, что въ новоболгарскомъ (žd); передъ палатальными же оно является звонкой параллелью щ и произносится какъ ž'ž' (въ произношенїи тѣхъ лицъ, которыя и въ русскомъ вмѣютъ š'č', не (š̄))=ждж. На чемъ основано такое произношенїе? Тредьяковскїй въ своемъ „Разговорѣ о правописанїи“¹⁾, указывая на различїе нашего выговора отъ южнославянскаго (*ilirineskixъ славянъ*), говоритъ о произношенїи щ: „я не знаю, отъ кого мы сперва научились произносить ея за (шч), развѣ токмо отъ малороссіанъ“.

Какъ ни вѣроятно вообще вліяніе малорусскаго выговора на традиціонный церковнославянскїй, но въ данномъ случаѣ ссылка на малорусскїй намъ ничего не объясняетъ. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ, будетъ на мѣстѣ первичнаго tj—ч, а щ(=шч) вмѣсто этого сочетанїя только и можетъ быть церковнославянскаго происхожденїя.

Намъ кажется, что для объясненїя церковнославянскаго произношенїя щ (стл. шт) = шч должно исходить отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старославянское шт является корреспонден-

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собранїе Сочиненїй Русскихъ Авторовъ. Сочиненїя Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1849, т. III, стр. 136.

томъ первичнаго сочетанія *skj*, напр. **врътнште**, **влаглнште**, **жн-
лнште** и т. д. и которыя, въ виду русскихъ *городище*, *логовище*,
топорнще и т. д. легко могли принять произношеніе $\psi = шч$.
Также должны были, навѣрное, имѣть значеніе въ этомъ случаѣ
русскія формы: *пущу*, *прощу* и т. д., гдѣ сочетаніе *шч* объяс-
няется изъ **пустју* = **пусчу* = **пушчу* и т. д., а также *ищу*,
трещу и т. д., гдѣ *шч* = опять *skj*. (Въ старославянскомъ во
всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ *шт*). Въ виду соотвѣтствія старо-
славянскаго и церковнославянскаго *знаковъ* ψ (*шт*) русскимъ со-
четаніямъ *звуковъ* *шч* въ вышеприведенныхъ случаяхъ, знакъ ψ
легко могъ получить звуковое значеніе сочетанія *шч* и въ такихъ
случаяхъ, какъ *снѣща*, *пѣща*, *пращати* и т. д., *нощъ*, *мощъ*,
рещи и т. д., гдѣ русской языкъ представляетъ уже совсѣмъ
другой рефлексъ первичныхъ *tj*, *kt*, *gt*, а именно *ч*.

Въ пользу вторичности произношенія ψ передъ непалаталь-
ными гласными какъ *шч* (не *шт*) говоритъ и то обстоятельство,
что *жд* сохранило передъ ними свое первичное звуковое значе-
ніе. Не безъ вліянія на звуковое значеніе этихъ графическихъ
знаковъ осталось, конечно, и то, что въ церковнославянской гра-
фикѣ сочетаніе *шт* давно уже вывелось изъ употребленія и усту-
пило мѣсто лигатурѣ ψ , составныя части которой замаскированы
и не кидаются въ глаза, тогда какъ сочетаніе *жд* своей ясностью
не давало никакого повода къ недоразумѣнію.

Если и допустить, что знакъ ψ первично обозначалъ соче-
таніе *звуковъ* *št* и передъ непалатальными, и передъ палаталь-
ными гласными, и только впоследствии *št* передъ палатальными
измѣнилось въ *š'č'* (ср. колебанія въ русскихъ говорахъ между
формами *шти* и *щи*), все же придется признать, что распростра-
неніе произношенія *š'č'* и на ψ передъ непалатальными глас-
ными есть явленіе вторичное и обязанное своимъ происхожденіемъ,
во-первыхъ, сбивчивости самой лигатуры ψ , во-вторыхъ, безсозна-
тельной подстановкѣ имѣвшагося въ языкѣ сочетанія *š'č'*, кото-
рое въ известныхъ случаяхъ совпадало со старославянскимъ *шт*,
во всѣ случаи, гдѣ писалось въ церковнославянскомъ ψ .

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ вліянія графики на

фонетическую сторону языка, которое въ свою очередь опиралось на извѣстныя звуковыя особенности.

Въ то время какъ *щ* во всѣхъ случаяхъ имѣетъ звуковое значеніе *š'č'*, *жд* выражаетъ собой три сочетанія согласныхъ: *ž'd* передъ гласными неаллаторными и *ž'ž'* или *žd'* передъ гласными палаторными. Первое и послѣднее произношеніе *жд* (*žd* и *žd'*) являются результатами строгаго соблюденія „буквы“, точнаго чтенія написаннаго. Такъ какъ графическое обозначеніе было совершенно опредѣленно, то первичное звуковое значеніе *жд* (если руководиться новоболгарскимъ) сохранилось въ церковнославянскомъ произношеніи и изъ него перешло и въ русскій языкъ. Для того, чтобы найти исходный пунктъ для произношенія *жд* = *ž'ž'* (передъ палаторными гласными), должно, мнѣ кажется, обратиться къ случаямъ русскаго *ž'ž'*, возникшаго на русской почвѣ изъ сочетаній *zdj* и *zg'* - (*i*), *zgj*, каковы, на примѣръ: *дождь* (*dōš'č'*, *dāž'ž'á*), *пзжать* (*jčž'ž'á't'*), *можжить* (*māž'ž'it'*) и т. д. и которымъ въ старославянскомъ (и церковнославянскомъ) должны отвѣчать формы съ *жд*. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи эти довольно рѣдки, и подходящихъ церковнославянскихъ формъ съ *жд* сохранилось еще меньше, такъ что вѣроятность такого объясненія не особенно велика. Возможно еще предположеніе, что *ž'ž'* въ заимствованныхъ изъ цел. словахъ развилось уже на русской почвѣ изъ *žd'* такъ, какъ развилось *щ* изъ *шти* (*š'č'í* || *št'í*). Въ самомъ дѣлѣ въ говорѣ нѣкоторыхъ можно слышать *подождѣ* какъ *рѣdāž'ž'í*, или *ждешь*, какъ *ž'ž'óš*. Но съ другой стороны необходимо замѣтить, что произношеніе *жд* передъ палаторными гласными въ церковнославянскихъ словахъ какъ *ž'ž'* (напр. *гъž'ž'æstvó* = рождество) встрѣчается въ говорѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя произносятъ *жд* въ *подождѣ* и тому подобныхъ формахъ какъ *žd'*. Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, особенно въ виду почти полнаго отсутствія дѣйствительно научной разработки русскіхъ говорѣвъ въ фонетическомъ отношеніи, которая могла бы пролить свѣтъ на нѣкоторые побочные вопросы. Произношеніе *щ* = *š'č'* и *жд* (передъ палаторными гласны-

ми) = ž'ž' въ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго словахъ, разумѣется, имѣеть мѣсто только въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которымъ свойственны эти сочетанія согласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ, вмѣсто *шч* (š'č') и *ждж* (ž'ž') встрѣчаемъ *шш* (š) *жж* (ž), имѣется безразлично *р'іш̄а* (*пишша* = цслав. пища) и *рб̄ш̄а* (*рошша* = русск. роша), *рг'ѣ̄ж̄е* (*прежже* = цел. прѣжде, стел. прѣжде) и *вб̄жу* (русск. вожжи). Возможно, что произношеніе *жд* какъ *ž'ž'* (*ждж*) отразилось въ такихъ написаніяхъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ *въжчелъша* (Евангеліе Моск. Типогр. Библ. № 6. XII — XIII в. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русск. языка. Ч. I. Кіевъ 1884. Стр. 16), *ижчenu*, *дожчъ*, *въжчиизаетъ* (Галицкое Евангеліе Имп. Публ. Библиот. 1266—1301 г. Тамъ же. Стр. 25) и т. д.

Въ этомъ *жч* надо видѣть попытку изобразить наличными средствами графики сочетаніе *ž'ž'* (*ждж*, польск. *żdź*). Особенно часто встрѣчаются такіа написанія въ южно-русскихъ памятникахъ (Ср. цитированное сочиненіе, стр. 110 и Владимірова. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890. Passim). Кромѣ южно-русскихъ памятниковъ, подобныя написанія имѣются и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ рукописяхъ, а именно въ Псалтыри 1296 г. *дъжчѣвнымъ* и въ Прологъ XIII в. — *привожчено* (Archiv für Slav. Philologie. VII. 70). Встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ написанія съ *жч*, въ родѣ *дожчя*, *приважчя* и т. д. (Соболевскій. Очерки и т. д. стр. 126) представляются загадочными (ср. цитир. сочиненіе, стр. 153).

Изрѣдка находимъ написанія съ *ю* послѣ *жд*, свидѣтельствующія о палатальномъ его произношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ: *надождю* (I. s. Praes. Ам. IV. 7. Нов. и Первопеч.; Остр. *надождŷ*), *ѡдождю* (Исх. XVI. 4. Остр. *ѡдождŷ*, Первоп. *ѡдождю*; Іезек. XXXVIII. 22. Остр. *ѡдождŷ*, Первоп. какъ въ Новой), хотя рядомъ встрѣчаемъ *ѡсŷждŷ* (Іезек. XXXVIII. 22) и т. д. Вліяло здѣсь очевидно русское произношеніе: *сужю* = *sužü*, — *дождю* = *daž'ž'ü*. Такъ какъ въ первой формѣ *ž* непалатально въ русскомъ, то и въ церковнославянскомъ находимъ — *ŷ*, тогда какъ

формы *дождь, дожда, дождю* представляют сочетаніе налательных согласныхъ *ж'з'*. Палатальность эта передана въ церковнославянскій текстъ съ—ю.

Другой особенностью церковнославянскаго консонантизма, отличающей его отъ русскаго, а также, вѣроятно, и старославянскаго, является и произношеніе *г* какъ заднеязычнаго спиранта (*ɣ*), а не какъ эксплозива (*g*, какъ въ русскомъ). Съ которыхъ поръ произносится такимъ образомъ *г*, сказать трудно, за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ. Мелетій Смотрицкій въ своей грамматикѣ помѣщаетъ *г* не въ разрядъ *полгласныхъ*, которыя „кóлєє гласѣтъ“ (*ж, з, л, м, н, р, с, ц, ч, ш, щ, ѓ, ѱ*), а въ разрядъ *безгласныхъ* (*Mutae?*). Но его классификація звуковъ не можетъ дать никакихъ указаній въ виду того, что въ томъ же разрядѣ „безгласныхъ“ мы находимъ и несомнѣнные спиранты, какъ *ѣ, х*, в и т. д.: „безгласна соуть *б в г д к н т ѣ х ѣ*“ (л. ѱ). Въ другомъ мѣстѣ онъ причисляетъ *г* вмѣстѣ съ *з ѣ ѓ ѱ ѣ* къ буквамъ „страннымъ“, которыя „ѡ грѣкѡмъ привзѣта“, не упоминая однако о многихъ другихъ знакахъ также греческаго происхожденія.

Такимъ образомъ никакихъ полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи Смотрицкій не можетъ дать; зато у Лавр. Визанія въ глоссаріи, приложенномъ къ грамматикѣ, находимъ глоссу: *ѣгда—вгда*, которая указываетъ на противоположеніе имъ церковнославянскаго *г=ɣ* (звонкій заднеязычный спирантъ) польскому *g* (звонкій заднеязычный взрывной), заимствованному въ данной частицѣ и въ югозападный русскій языкъ. Отсюда можно заключать, что въ концѣ XVI в. (разумѣется и раньше) церковнославянское *г*, по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси, означало собой звонкій заднеязычный спирантъ, имѣющійся и донинѣ въ традиціонной церковнославянской звуковой системѣ. Спирантное произношеніе *г*, перешедшее, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ, отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ, хотя бы по мѣсту своего рожденія они и принадлежали къ такимъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ этотъ спирантъ въ независимомъ положеніи

вовсе не встрѣчается. Есть основаніе думать, что эта особенность малорусскаго происхожденія, какъ это было уже предполагемо и другими учеными ¹⁾. Хотя профессоръ Ягичъ въ своемъ разборѣ русской грамматики г. Богородицкаго (Jagic. Archiv f. sl. Philologie Bd. XI. 1888, стр. 458) и отрицаетъ возможность малорусскаго вліянія на церковнославянское произношеніе, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ, въ виду весьма правдоподобныхъ соображеній историческаго характера. Главнымъ аргументомъ противъ возможности такого вліянія проф. Ягичъ выставляетъ сильное нежеланіе малорусскихъ грамматиковъ признавать какое-либо соприкосновеніе малорусскаго и церковнославянскаго: „dass die neuere Kirchenslavische Sprache unter grossem Einflusse gerade der Kleinrussischen sich herausgebildet habe, das wird man nicht nachweisen können. Perhorresciren ja doch selbst in neuester Zeit manche Kleinrussische Grammatiker jeden Contact mit dem kirchenslavischen. Das würden sie kaum thun, wenn sie in der üblichen kirchenslavischen Sprache viele kleinrussische Anklänge finden zu können hofften“. Между тѣмъ, если мы взвѣсимъ тѣ общезвѣстные факты, что все относящееся до обрядности, до богослуженія и т. д. сохраняется съ большимъ постоянствомъ и точностью (преданностью традиціонной буквѣ), что русская церковь имѣла свою колыбель въ Кіевѣ и оттуда распространилась по всей Руси, что въ XVII вѣкѣ мы опять встрѣчаемся въ исторіи русскаго просвѣщенія съ сильнымъ приливомъ въ Москву югозападныхъ, кіевскихъ ученыхъ (которые, между прочимъ, имѣли немало дѣла и съ богослужебными книгами, а также учили въ школахъ для духовенства), то предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковнославянское произношеніе пріобрѣтаетъ вполне правдоподобный характеръ. Объяснить иначе, какъ изъ малорусскаго, спирантное произношеніе цел. г (=γ) не представляется возможнымъ. Какъ другой остатокъ малорусскаго вліянія можно разсматривать (съ меньшей вѣроятностью) упомянутое выше (стр. 143) сохраненіе удареннаго *с* передъ слѣдующимъ неналатальнымъ согласнымъ.

¹⁾ Ср. Водуэнъ де-Куртенэ. Подробная Программа Лекцій. 1878 г. Стр. 62.

Изъ другихъ особенностей церковнославянскаго консонантизма можно указать на возникновеніе (въ силу исчезновенія ъ и ь въ открытыхъ слогахъ) невозможныхъ для старославянскаго сочетаній согласныхъ, которыя еще поддерживаются (точнѣе возстановляются) чутьемъ этимологическаго состава слова. Таковы случаи: зсх — ѡзсхѡша (Іерем. XXIII. 10. Остр. ѡсѡшена бы, Первон. ѡсѡшенъ бысть), зжг — нозжгѸ (Іерем. XXI. 14. Остр. възжгѸ, Первон. вожжѸ, *ibid.* L. 32. Остр. възжгѸ, Первон. вожжѸ), зжж (zz'z') — разжжѣнный (Іезек. XX. 47. Остр. и Первон. ражжѣнный). Точно такъ же возстановляется сочетаніе зш: возшѸмѣша (Іерем. XXXI. 36. Остр. възшѸмѣша, Первон. возшѸмѣша) и т. д. Слѣдовъ діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного: образчиками могутъ служить случаи ч вмѣсто ц, встрѣчающіеся изрѣдка, напр. ченѣй (Суд. VIII. 26. Остр. и Первон. грѣненъ) чѣни, ченѡчки (Исх. XXVIII. 24. 25 Остр. и Первон. другой текстъ) и т. д. Особенности эти внесены уже въ текстъ Новой Библии, какъ видно изъ примѣровъ.

Морфологическія особенности церковнославянскаго языка.

А. Склоненіе.

§ 3. Характерныя особенности церковнославянскаго склоненія, отличающія его отъ старославянскаго и часто совпадающія съ особенностями русскаго, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: а) особенности, являющіяся слѣдствіемъ различныхъ фонетическихъ измѣненій спонтаническихъ и комбинаторныхъ, свойственныхъ русскому языку и перенесенныхъ въ церковнославянскій; б) особенности, обусловленныя чисто морфологическими процессами (морфологической ассимиляціей или аналогіей).

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтаническими.

Въ ряду особенностей первой категоріи отмѣтимъ измѣненія старославянскихъ формъ влѣдствіе измѣненія краткихъ гласныхъ ъ и ь, одинаковаго съ русскимъ:

Творит. ед. числа на о - мѣ вмѣсто стел. ъ - мѣ у основъ на и - : дѡмомѣ Мат. XXIV. 45. сѣномѣ (Мелет. Смотрицкій л. 113) и т. д.; съ другой стороны формы эти однако совна-

даютъ съ соотвѣтствующими формами основъ на о-, гдѣ о первоначально, и могли быть вызваны вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Творит. ед. числа на *ε*-мъ вмѣсто стел. *ь*-мъ у основъ на *i*- или на согласный: *Ѡгнѣмъ* (М. Ш. 11), *пѠтѣмъ* (М. VIII. 28), *ѣменемъ* (М. VII. 22), *небесѣмъ* М. XXIII. 22 и т. д. Дат. и твор. двойств. ч.: *ѣменема* (М. Смотр. л. 115), *Ѡтрочѣтема* (*ibid.* л. 114). Дательный и предложный множ. у тѣхъ же основъ: *болѣзнемъ* М. XXIV. 8, *днѣремъ* Мр. I. 33. *пѠтѣмъ* (Ис. LV. 3), *словесѣмъ* (Л. I. 20) и т. д. *днѣрехъ* (М. XXIV. 33), *ѣслехъ* (Л. II. 7. 12), *пѠтѣхъ* (Ис. XLII. 24), *ѣменехъ* (Дѣянія XVШ. 15) и т. д. ¹⁾.

Измѣненіе краткаго гласнаго *ь*, видоизмѣняющее обликъ старославянскихъ формъ, имѣетъ мѣсто еще въ родительномъ множ. основъ на *-i* муж. и женскаго рода: *лктѣй* Быт. VI. 15. *звѣрѣй* *ib.* 19. *пѠтѣй* (М. XXII. 9), *зѣповѣдѣй* (М. V. 19) русск. *путьей*, *костей*, стел. *пѣтъй*, *пѣтнй*; *костый*, *костнй*.

Также въ родит. множ. основъ на *ѣ*-: *церкѣй* II. Коринѣ. VIII. 19. Апок. I. 20. (р. *церквѣй*, стел. *крѣкѣй*, *крѣкнй*), основъ на *г*-: *днѣрѣй* Л. I. 5, которыя идутъ въ церковнославянскомъ по типу основъ на *i*- (русск. *дочерей*, стел. *дѣштерѣ*).

Случай съ сохраненіемъ старославянскаго *н=ь* имѣются рядомъ съ приведенными формами: *днй* (Л. XIII. 14) и *днѣй* (М. XI. 12). См. другіе примѣры выше: стр. 144).

Въ образованіи нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ могла играть роль и морфологическая ассимиляція къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ основъ. Кромѣ основъ на о-, которыя, какъ было сказано, могли повліять на склоненіе основъ на *и*-, на формы въ родѣ тв. *Ѡгнѣмъ*, дат. мн. *пѠтѣмъ*, могли вліять формы основъ на *jo*-, гдѣ *-ю-мъ* и *-ю-мъ* являлись вполне законными въ смыслѣ фонетическомъ.

Измѣненіе носовыхъ гласныхъ *ж*, *л* въ простое *и*, *а* (съ

¹⁾ Написанія съ *-ѣхъ*, встрѣчающіяся также у этихъ основъ, объясняются морфологической ассимиляціей на письмѣ къ соотвѣтствующимъ формамъ основъ на о- (См. ниже § 12-й въ концѣ).

предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ въ известныхъ случаяхъ) отразилось также въ церковнославянскомъ склоненіи на различныхъ окончаніяхъ, въ составѣ которыхъ имѣлся тотъ или другой изъ этихъ гласныхъ.

Въ винительномъ падежѣ ед. ч. бывшихъ основъ муж. и женск. рода на *ā-* и *jā-*, вмѣсто старославянскаго *ж*, находимъ *-и*, какъ въ русскомъ (*Ѹ, ю*): странѸ М. II. 11, зѣмлю М. II. 20, ѿношѸ Дѣянія Ап. XXIII, 17, 18, сѣдѿю Д. Ап. VII. 27 и т. д.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. тѣхъ же основъ, а также основъ ж. р. на *ū-*, *i-* и на *г-*: водѿю М. III. 11. крѣнѿю Римл. V. 9 мѣрѿю М. II. 11 и т. д. вмѣсто старославянскаго *ж* имѣется *-ји* (*ю*).

Въ именительномъ и винительномъ падежѣ ср. р. на *п-* (*сп-*, *мен-*), *пт-*, вмѣсто старослав. *л*, имѣется, какъ въ русскомъ *-а* или *-а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ), обозначаемое посредствомъ *ѡ* и *а*: ѿмѡ М. I. 21, 25, врѣмѡ М. II. 7, ѡтрѡчѡ М. II. 9, 11 и т. д.

Въ отглагольныхъ именахъ прилагательныхъ (причастіяхъ) вмѣсто старосл. *-л*, *-лѡ* такъ же, какъ въ русскомъ, имѣется *а*, *-а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ) или *-ја*, обозначаемыя посредствомъ *ѡ* или *а*: просѡй, ницѡй М. VII. 8. гѡгѡлѡ М. I. 19, исцѣлѡлѡ М. IV. 23, оучѡ Д. V. 17. лежал. XI. 41, скачал. Д. Ап. III. 8.

Въ мѣстоименномъ склоненіи; у основъ на *о-*: въ родит. падежѣ ед. ч. ж. р. мѣстоименія указательнаго *тѡ*, *та*, *то*: тѡдѡ (стел. тоѡ) Д. VI. 49. тѡлѡ книги Евр. IX. 19; въ винит. падежѣ ед. числа того же рода: тѡю Іерем. XXV. 12. Быт. III. 17. (Московская библія 1663 — тѡѸ, стел. тѡж); въ творит. падежѣ ед. числа тѡю (стел. тоѡж).

Во множественномъ числѣ: винит. ж. р. тѡлѡ (стел. ты) I. X. 16, тотъ же падежъ м. р. тѡлѡ (стел. ты) Апок. IX. 6.

Въ винит. падежѣ ед. ч. мѣстоименія личнаго: *мѡ*, *тѡ* (стел. мѡ, тѡ) Іоа. II. 48; въ творительномъ ед. ч. мнѡю Іоа. VIII. 29 (стел. мѡноѡ), тоѡю (стел. тоѡѡж) Іоа. IV. 27.

У основъ на *јо-*: въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. указатель-

наго мѣстоименія стел. **н, ѡ, ю**: **ѣ̀** (стел. **юѡ**) М. I. 19, притяжательныхъ мѣстоименій: **моѣ̀** (стел. **моѡѡ**) I. VIII. 43, **твоѣ̀** М. I. 20, **своѣ̀** М. X. 10. **вашѣ̀** Д. Ап. III. 22.

Въ винит. падежѣ ед. ч. ж. рода: **ю̀** (стел. **ѡ**) М. IX. 22. I. 19, **мою̀** (стел. **моѡ**) I. VI. 54, **твою̀** I. IV. 42, **свою̀** М. I. 24.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. **ѣю** (стел. **юѡ**) I. XVII. 26, **нѣю** I. XI. 51, **своѣю** Д. Ап. III. 12 и т. д.

Во множественномъ числѣ: въ именительномъ и винительномъ ж. р. **ѡ̀** (стел. **ѡ**) Апок. XII. 4. **на̀шѡ** I. X. 24. **мо̀** (стел. **моѡ**) I. X. 27, **сво̀** I. XIII. 12. Д. Ап. V. 18, **тво̀** М. V. 33. и т. д., въ винительномъ множ. муж. рода указат. мѣстоименія стел. **н, ѡ, ю**: **ѡ̀** (стел. **ѡ**) Апок. XIII. 7. мѣстоименій притяжательныхъ: **ва̀шѡ** М. V. 44, **сво̀** М. I. 21, **мо̀** М. II. 6. и т. д.

Въ склоненіи мѣстоименій стел. **всь** и **сь**, первично основъ на **i-**: въ родит., винит. и творит. ед. ч. ж. рода: **всѐ** Апок. XVI. 14, **сѐ** *ibid.* XVII. 7 (стел. **всьѡ, сьѡ**), **всю̀** (стел. **всьѡ**) Л. II. 1. **сію̀** (стел. **сьѡ**) Іоа. II. 19, **нсѐю** (стел. **всьѡѡ**) Мр. XII. 33, **сѐю** (стел. **сьѡ**). Во множественномъ числѣ: въ именит. и винит. ж. рода и винит. м. рода: **всѡ̀** (стел. **всьѡ**) Д. Апост. II. 47, **сѡ̀** (стел. **сьѡ**) Д. Апост. III. 24.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ: въ род. п. ед. ч. ж. р. **смѣртныѡ** (стел. **сьмьртныѡ**) Д. Ап. II. 24; въ винит. пад. ед. ч. ж. р. **деснѣю** (стел. **деснѡѡ**) Д. Ап. III. 7; въ тв. п. ед. ч. ж. р. **чистою** (стел. **чнстоѡ**) М. XXVII. 59; въ имен. и винит. падежахъ мн. ч. ж. р. и винит. мн. муж. р.: **дѡбрыѡ**. **слѡѡ** (стел. **дѡврыѡ**) М. XIII. 48.

Въ винит. пад. ед. ч. ж. р. основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: **кромѣшнюю** (стел. **кромѣшьнѡѡ**) М. VIII. 12; въ творит. п. ед. ч. ж. р. **домашнюю** (стел. **домашньнѡѡ**) I. Коринѡ. XVI. 19. въ именит. и винит. мн. ч. ж. р. и винит. муж. **нѡщѡѡ** (стел. **вѡшьнѡѡ**) М. XXVI. 11.

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными. Свойственное русскому языку

измѣненіе *ы* послѣ заднеязычныхъ согласныхъ *г, к, х* въ *и* отразилось также и на окончаніяхъ церковнославянскихъ. Такъ въ вин. множ. бывшихъ основъ муж. р. на *о-* имѣемъ: мѣхѣи кѣтхѣи (стел. мѣхы кѣтхы) М. IX. 17, грѣхѣи (стел. грѣхы) М. IX. 6, прѣрѣки (старослав. пророкы) М. V. 12, книжники (стел. кнѣжники) М. II. 4 и т. д. То же имѣется въ творительномъ надежѣ данныхъ основъ, во множ. числѣ: ѡврѣки Л. III. 14, грѣшники М. IX. 11. оученики М. IX. 10; пастѣхѣи Быт. XII. 7; въ родительномъ надежѣ ед. ч. и именит., винит., звательномъ множественнаго у бывшихъ основъ муж. и ж. рода на *а-*: асс. рл. владыки М. X. 18, г. с. рѣки Апок. VIII. 4 (стел. владыкы, рѣкы), рѣки Н. рл. Быт. XVI. 12.

Въ Н. А. рл. прилагательныхъ краткой формы ж. р.: мѣгки М. XI. 8; въ опредѣленномъ склоненіи: N. s. m. великій Апок. VI. 4., Instr. s. великимъ Апок. XIV. 7., G. f. великіа Апок. XVII. 1, Dat. рл. зѣмскимъ Апок. XVII. 5 и т. д.

Неспособность согласныхъ *ц* и *ш* палатализироваться, свойственная русскому языку, вызываетъ измѣненіе слѣдующаго за ними и въ *ы*: N. рл. вѣлцы хѣицицы М. VII. 5 (Остр. вѣлцы хѣицицы, Первоп. какъ въ Новой), оученицы, оучѣицы М. IX. 14 (Остр. оученицы, оученицы, Первоп. оучѣицы), Асс. рл. сопцы М. IX. 23 (Остр. сопца. Первоп. сопца), члѣвцы М. XVI. 13 (Остр. и Первоп. члѣвцы), А. рл. ѡвцы М. X. 16 (Остр. ѡвца, Первоп. ѡвцы), птицы М. X. 29 (Остр. птици, Первоп. какъ въ Новой), дѣшы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14. Остр. дѣша, Первоп. дѣшы), кѣношы (Дѣян. V. 10. Остр. кѣноша, Первоп. -ы) и т. д.

Этой же неспособностью *ц, ш, ж* къ палатализациі объясняются написанія: Асс. s. N. sing. Сѡцъ М. XI. 27 (Остр. ѡцъ, Первоп. ѡцъ), род. множ. концѣа М. XII. 42 (Остр. и Первоп. концѣа), старѣецъ М. XV. 2 (Остр. старѣецъ, Первоп. какъ въ Новой), N. s. слѣпѣецъ М. XV. 14 (Остр. слѣпѣецъ, Первоп. какъ въ Новой), G. рл. рѣбницъ М. XV. 34 (Остр. рѣбницъ, Первоп. какъ въ Новой), дѣшъ (Прем. Сол. III. 13, Быт. XLVI. 22. 25, Остр. и Первоп. такъ же), кѣжъ (Исх. XXVI. 14. Остр.

и Первоп. творит. надежь), ѣношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Въ появленіи приведенныхъ написаній играло также навѣрное извѣстную роль уподобленіе на письмѣ къ однороднымъ формамъ, гдѣ *ы* или *ѣ* были вполнѣ законны.

Въ ряду прочихъ фонетическихъ измѣненій, замѣчаемыхъ въ области окончаній церковнославянскаго склоненія, укажемъ на замѣну въ церковнославянскомъ старославянскаго окончанія твор. и пред. п. ед. ч. -мь (именнаго и мѣстоименнаго склоненія) окончаніемъ -мъ, т. е. просто -*т*, вмѣсто ожидаемаго -*т'* (какъ въ русскомъ). Эта утрата палатальности объясняется тѣмъ, что русскіе губные согласные вообще мало склонны къ палатализациі и въ нѣкоторыхъ говорахъ ее совершенно утратили на концѣ словъ (въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ *krōf* вм. *krōf'* = кровь, *ostáf* вм. *ostáf'* = оставъ и т. д.).

Уже въ Острожской библии имѣется окончаніе -мъ, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ огромномъ большинствѣ: нилъ, глѣмъ, вѣмъ твоимъ, насиліемъ, твоимъ, нанемже и т. д. Второзаконіе, гл. XXIV. дѣломъ, срѣцемъ, поспѣдомъ, нѣнемъ, ѡлтаремъ, соперникомъ своимъ и т. д. Матѳ. гл. V.

Въ первопечатной Московской библии замѣчается то же самое явленіе. Что касается грамматики Мелетія Смотрицкаго, то у него въ парадигмахъ вездѣ почти находимъ еще окончаніе -мь: клеветомъ (л. 105), вѣномъ (л. 106), юродомъ (107), дрѣвомъ (108), дрѣугомъ (109), прорѣкомъ (л. 109 на обор.), грѣхомъ (110), чкѣнцемъ (л. 111 на об.), сыномъ (113), отрочѣтемъ (114 на обор.), ѣменемъ (115), словесемъ (116), рѣмлинномъ (117), братомъ (118 на об.), пастыремъ (123), мѣтежемъ (124), свидѣтелемъ (124 на обор.), ходѣтаемъ (125 на обор.), ѣрсемъ (126), мрѣвиемъ (*ibid.* на оборотѣ), знѣемъ (127 на обор.), крагоуемъ (128), люводѣемъ (128 на обор.), дрѣводѣлемъ (129) и т. д., но ѣрмомъ (106), ѡтцемъ (111), срѣцемъ (112 на об.), дѣмомъ (118), дрѣугомъ (120) и т. д.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ: м. и ср. тѣмъ стѣмъ (133, 134 на обор.), м. и ср. благимъ благомъ (135, 136),

м. р. ницимь (137), м. р. сїовнимь (140) и т. д., но ср. р. тѣмъ сїовнимъ (141 на обор.), м. и ср. р. тѣмъ вѣимъ (142, 143) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, правила относительно употребленія М. Смотрицкимъ окончаній -мъ и -мь (т. е. -*m* и -*m'*) установить нельзя.

Окончаніе -мъ (-*m*) однако встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ -мь (-*m'*) и чаще у именъ прилагательныхъ ср. рода, чѣмъ у таковыхъ же мужескаго.

Едва ли, впрочемъ, можно видѣть въ этомъ употребленіи -мъ и -мь попытку (хотя бы и не проведенную послѣдовательно), дифференцировать на письмѣ схожія формы разныхъ родовъ.

Въ мѣстоименномъ склоненіи наоборотъ гораздо чаще имѣется -мъ: м. р. всѣмъ (152), но ср. р. всѣмъ (на обор.), м. и ср. р. предлож. только всѣмъ (ibid.), м. и ср. р. ѡбоимъ, ѡбоемъ (152 на обор. и ѡбоимъ, ѡбоемъ 153), м. и ср. творит. ѣдинѣмъ (154, 155), но предл. ѣдиномъ или ѣдинѣмъ въ обоихъ родахъ и т. д.

Въ текстѣ, напротивъ, находимъ почти исключительно -мъ: желаніемъ (2), оученіемъ (3), витійствомъ (4), ѡгнемъ (ibid.), невесемъ (5 на оборотѣ), оумомъ (6), ѡбразомъ (7), переходеніемъ, показаніемъ (7 на оборотѣ), трудомъ (9), молчаніемъ (9 на обор.), естествомъ (10), родомъ (ibid.) и т. д., но лицемъ (11), простымъ ѡбичаемъ и краткимъ глаголомъ (тамъ же на обор.), четцсмъ (тамъ же), токиемъ глаголомъ (листъ 54) и т. д.

Во всякомъ случаѣ эти написанія свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что въ живомъ произношеніи писавшаго имѣлось только окончаніе -*m* (-мъ), написанія же съ -мь фонетическаго значенія очевидно вовсе не имѣли и должны быть сведены просто къ остаткамъ старославянской графики, если не къ типографскимъ погрѣшностямъ (въ извѣстныхъ случаяхъ).

§ 4. Въ исторіи церковнославянскаго склоненія играла важную роль морфологическая ассимиляція (аналогія), проявленія которой часто совершенно одинаковы съ проявленіями ея въ русскомъ склоненіи. Какъ и русское склоненіе, церковнославянское утратило различеніе многихъ первичныхъ основъ, еще имѣвшееся

въ старославянскомъ. Образованія, первично чужды извѣстнымъ основамъ и вызванныя морфологической ассимиляціей къ другимъ типамъ, встрѣчаются и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, такъ что многія изъ новообразованій церковнославянскаго склоненія ведутъ свое начало издалека, только они болѣе распространились и упрочились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ.

Лучше всего сохранилось склоненіе болѣе многочисленныхъ основъ муж. и ср. рода, соотвѣтствующихъ первичнымъ на о-, јо-, ж. р. на ā-, jā-, еі- (і-). Прочія основы болѣе или менѣе тѣсно примкнули къ тѣмъ или другимъ изъ только-что названныхъ, послужившимъ уподобляющими типами.

§ 5. Такъ почти совсѣмъ исчезло самостоятельное склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еі- (і-), которыя примкнули къ основамъ того же рода на јо-.

У Смотрицкаго первичныя основы на еі- (і-): поуть, ѡгнь, оўгль, дрекѡль, гортань приводятся вмѣстѣ съ несомнѣнными основами на јо-: какъ кѡпль, клѣчь и т. д. и склоняются по образцу матѣжь—основы на јо- (л. 124 на обор.). Въ еванг. Мато. XXIII. 33 находимъ родит. надежь ед. ч. Ѡгниѧ, лѧктаѧ (3 Цств. VII. 35. Такъ уже въ Остр.) и т. д. дат. ед. Ѡгниѡ (Иезек. XXI. 32. Остр. ѡгниѡ, Первон. ѡгниѡ). Склоненіе слова Господь, приведенное у Смотрицкаго (л. 132), сохранило въ единств. числѣ только одну несомнѣнную форму основъ на і-, звательный надежь—Гѧи (См. также М. XVШ. 26 и т. д.). Творительный ед. гѧемь (Л. II. 22 Гѧемь, Остр. гѧь, Первон. какъ въ Новой) одинаково можетъ принадлежать и основамъ на јо- (съ ѣ, равнымъ -јо-), и основамъ на еі- (со вторичнымъ ѣ, развившимся изъ ѡ). Сверхъ того вполне возможна форма творит. единственнаго Гѡснодемь по типу основъ на о-, свойственная и современному русскому языку.

Родительный, дательный и предложный надежи единств. числа идутъ по типу основъ на о-: гѧа (Исаин II. 12. Остр. гѧа. Первон. какъ въ Новой), гѧѡ (ibid. XIX. 20. Остр. гѧи. Первон. гѧни), гѧѣ (Исал. XXXI. 11). Дательный встрѣчается и съ весьма

распространеннымъ окончаніемъ -єви, получившимся изъ окончанія -ови, заимствованнаго отъ основъ на eu- (u-): г̃д̃ви, г̃д̃єви (М. I. 17, II. 23, М. XXII. 44. Остр. г̃ви. Первоп. г̃д̃ви), Ѡгнєви (Иезек. XV. 6. Остр. Ѡгнєви, Первоп. Ѡгнєви) и т. д. Въсто винит. падежа, какъ у всѣхъ именъ существительныхъ, означающихъ одушевленныхъ существъ, находимъ форму родит. падежа по типу основъ на o-: г̃д̃а (Псал. CII. 1. Остр. г̃а, Первоп. какъ въ Новой).

Что касается двойственнаго числа, то, въ виду его неупотребительности, мы ограничимся приведеніемъ формъ изъ грамматики Смотрицкаго. Хотя онѣ и не могутъ считаться достовѣрными, все же извѣстное значеніе у нихъ есть, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ отношеніи къ нимъ хотя бы и искусственнаго языковаго чутья. Мы находимъ первичную форму только для твор. и дат. двойств.: г̃д̃єма или г̃д̃ьма. Первая—т̃ьма г̃д̃єма стоитъ у Смотрицкаго для дат. пад., вторая т̃ьма г̃д̃ьма для творительнаго. Эта дифференціація, разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частыхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій. Такая дифференціація твор. и дат. дв. ч., приуроченная къ параллелизму окончаній—ьма и -єма, проведена у Смотрицкаго во всѣхъ основахъ муж. и женск. рода на i- и jo- (съ -ь въ именит. единственнаго). Для И. В. З. и Р. и Пр. двойственнаго Смотрицкій беретъ формы отъ основъ на o-: г̃д̃с-нода, г̃д̃Ѹ. Ср. также: дв̃а л̃акт̃а (Числ. XI, 31. Остр. и Первоп. еще правильно л̃акти).

Множественное число сохранило лучше первичное склоненіе основъ на i-, хотя рядомъ съ правильными формами и здѣсь встрѣчается не мало новообразованій. Именительный падежъ идетъ правильно: г̃д̃єп̃д̃іє (Ефес. гл. VI. 9 какъ зват. падежъ, Дѣян. Апост. IV. 34. Остр. и Первоп. такъ же). Винительный падежъ въ Новой библии = род. множ. г̃д̃єп̃д̃ій (1 Тимоѳ. VI. 1). Въ Острожской и Первопечатной находимъ форму, образованную по типу бывшихъ основъ на o-: г̃д̃сноп̃д̃і въ Остр и г̃д̃сноп̃ды въ Первопечатной. Родительный, дательный и предложный множе-

ственного разнятся отъ ожидаемыхъ старославянскихъ формъ только переходомъ ѣ въ с, свойственнымъ русскому и церковнославянскому. Въ родительномъ однако встрѣчается и старинная форма: господѣй (Псал. СХХІІ. 2, Остр. господѣи, Первоп., гдѣй. 1 Тимоѣ. VI. 1. Остр. винит. пад.), рядомъ съ господѣй (Псал. СХХХV. 3. Остр. дат. мн. господѣмъ, Первоп. господѣй. Второзак. X. 17. Остр. дат. гдѣ. Первоп. господѣмъ), дат. множ. имѣеть также двѣ формы — „правильную“ господѣмъ (Ам. IV. 1. Остр. господѣмъ, Первоп. господѣмъ. Посл. къ Титу II, 9. Остр. какъ въ Новой), рядомъ съ господѣмъ (Тов. II. 12, 13, 14. Остр. и Первопеч. другой текстъ), которая представляетъ собой образованіе отъ основы именит. пад. множ. ч. господѣе (чувствовавшаяся какъ собирательная форма) съ морфологической ассимиляціей къ основамъ женск. рода на ā-. Предложный падежь, приведенный у Смотрицкаго (л. 132 на обор.), — гѣсподѣхъ отвѣчаетъ стел. формѣ *гѣсподѣхъ. Относительно дательнаго падежа надо еще замѣтить, что его форма совпадаетъ также съ дат. множ. основъ на jo-, гдѣ—емъ (стел. -емъ) имѣеть другое происхождение (с = jo). Для творительнаго множественнаго имѣется нѣсколько формъ: правильная гѣсподѣми (Смотр. л. 132 на обор.), гѣсподы (ibidem) по типу основъ на o- и господѣми (Маккав. кн. I, гл. IX. 25 ¹), образованная такъ же, какъ и вышеприведенная форма дат. множ. господѣмъ, подъ двойнымъ вліяніемъ формы именит. множ. и основъ на ā-.

Склоненіе основъ гѣртѣни и пѣтъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій. У Смотрицкаго находимъ замѣчаніе (л. 131 на оборотѣ), что пѣтъ въ родит. ед. и винит. множ. имѣеть пѣти, каковая форма, „чистѣе, нежели пѣтѣ“.

Лучше всего сохранилось ед. число, не представляющее уклоненій отъ старославянской нормы. Род. пад. гѣртѣни (Іова XX.

¹) Въ Острожской библіи вмѣсто этой формы находимъ творит. множ. гѣсподѣи, превращенный въ Первопечатной въ гѣсподѣй (р. множ.). Эта форма есть образованіе по типу основъ на jo-, съ суффиксомъ -нѣ, какъ стел. змаменни. По аналогіи съ людѣми (Луки VIII. 48) можно было бы также ожидать и формы *гѣсподѣми.

13), дат. ед. также (Псал. XXI. 16, Иезек. III. 26), пѹти (Матѹ. XXII. 16), вин. горѹтѹнь (Притчи V. 3), предл. горѹтѹни (Пѣснь Пѣсней II. 3. Пс. CXLIX. 6), пѹти (Матѹ. XXI. 19), тв. горѹтѹнемъ (Пс. CXIII. 15. Остр. и Первоп. такъ же), пѹтѹмъ (съ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадающимъ и съ $\epsilon = \text{jo}$ основъ на jo-) Матѹ. XXI. 32 (Остр. пѹтѹмъ, Первоп. какъ въ Новой). Множ. число, кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, также не представляетъ особыхъ отклоненій отъ старославянскаго. Именит. множ. имѣетъ правильную форму отъ основъ на i-: пѹтѹиѣ (Ис. XXXIII. 8, LV. 8, Остр. пѹтѹиѣ, Первоп. пѹтѹиѣ). Родит. имѣетъ пѹтѹей (Матѹ. XXII. 9, Ис. LV. 9, Остр. пѹтѹин, Первоп. пѹтѹий и пѹтѹей). Дат. пѹтѹемъ (Исаія LV. 3, Остр. пѹтѹемъ, Первоп. пѹтѹемъ), гдѣ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадаетъ также съ ϵ основъ на jo- ($= \text{jo}$). Винит. пѹтѹи (Ис. LV. 7, 11, Остр. и Первоп. такъ же), твор. пѹтѹми (Ис. LVII. 10. Остр. и Первоп. такъ же), людми (Второз. X. 11, Суд. I. 16. Остр. люми, Первоп. какъ въ Новой), пѹтми (Второз. XXVIII. 7, Остр. пѹтми, Первоп. пѹтми, какъ выше твор. мн. госпѹди), предложный пѹтѹхъ (Ис. XLII. 24. Второзак. VIII. 6, Остр. и Первоп. вин. множ.). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ, напр. р. мн. тѣстѣвъ (Тов. XIV. 13. Остр. др. текстъ) по типу основъ на eu- и т. д.

Основы женскаго рода на i- (ei-) въ единственномъ числѣ не представляютъ почти никакихъ уклоненій отъ старославянскаго склоненія, если не принимать въ расчетъ фонетическихъ измѣненій, характеризующихъ церковнославянскій (исчезновение -ь, переходъ ж въ ѹ и т. д.). Въ именительномъ единственнаго встрѣчаемъ написанія въ родѣ лѹжъ ¹⁾ (Іоан. VIII. 44, Остр. лѹ, Первоп. какъ въ Новой), невозможныя въ старославянскомъ и свидѣтельствующія о томъ, что согласные ж и ш, какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ, произносились непалатально. Въ формахъ д. ед. Ѣсѹириѣ (Есѹ. V. 6. VIII. 1. Остр. ѣсѹири, Первоп. какъ въ Новой), Рѹѹѣ (Руѹъ I. 15. Остр. рѹѹѣ, Первоп.

¹⁾ Встрѣчается и форма лжѹ (Іов. XVI. 8. Остр. и Первоп. такъ же I. Сир. XX. 24. Остр. лжа, Первоп. лжѹ, образованная по типу основъ на ѡ-

какъ въ Новой) имѣемъ примѣръ морфологической ассимпляции къ основамъ на \bar{a} -. Рядомъ однако Ěсѡири (Эсѡ. II. 12. Остр. и Первоп. такъ же). Встрѣчается и родительный по типу основъ на \bar{a} -. Рѹѡы (Р. IV. 5. Остр. рѹѡъ , Первоп. рѹѡь — винит. ед.). Въ винит. падежѣ ед. ч. отъ этой же основы имѣемъ форму, образованную по типу основъ на \bar{a} -. лжѸ (ibidem. Остр. лжѸ , Первоп. какъ въ Новой). Такія образования, однако очень рѣдки. Единственное общее уклоненіе отъ старосл. имѣется въ звательн. падежѣ единств. числа, гдѣ вмѣсто формы, схожей съ родит., дат., предложн. (напр. стсл. кости) имѣемъ образование по типу основъ ж. р. на $\bar{j}\bar{a}$ -. Ěсѡире (Эсф. V. 1. 2. Остр. ѣсѡиръ , Первоп. какъ въ Новой), радосте (Филипп. IV. 1, Остр. и Первоп. радость), помоще (Великое Повечеріе. Молитва Богородицѣ), крѣпосте (Псал. XVII. 2. Остр. крѣпости , Первоп. какъ въ Новой). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что зват. на $-e$ принадлежитъ уже позднѣйшему языку; въ Острожской библ. находимъ или старинный звательный, или форму именит. падежа. Первопечатная, какъ всегда, занимаетъ среднее мѣсто. Въ творительномъ имѣется только позднѣйшая форма съ долгимъ \bar{i} ($-i\bar{u}$), вмѣсто старославянскаго $-ь$ ($-ьж$) и русскаго о (нуль гласнаго) — $\bar{j}u$ ($-i\bar{u}$): трѡстію (Мр. XV. 19. Остр. трѡстью , Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Двойственное число не представляетъ уклоненій. И. В. З. части (Перем. XXXIV. 18 на двѣ...), скрижамъ (Второз. IX. 10. 15), Р. Пр. заноуѣдію (М. XXII. 40). Дат. и Твор. должны бы имѣть $-e\bar{m}\bar{a}$, гдѣ $e = \bar{ь}$ (стсл. костьма): у М. Смотрицкаго имѣемъ произвольную дифференціацію окончаній $-e\bar{m}\bar{a}$ и $-ь\bar{m}\bar{a}$ (въ сущности $-e\bar{m}\bar{a}$ и $-ь\bar{m}\bar{a}$): дат. заноуѣдема и твор. заноуѣдьма (л. $\bar{r}\bar{k}$ на обор.). У Зизанія ноуѣема , кѡстема (л. 28 на об.).

Множественное число. И. В. правильно: болѣзни (М. VIII. 17). У основъ съ послѣднимъ согласнымъ „шипящимъ“ въ написаніи встрѣчается уиодобленіе къ основамъ на твердый согласный: вѣщы (З. Ездры IV. 21; винит. мн. Остр. вѣщи , Первоп. вѣщи). Род. также правильно, но съ $e = \text{стсл. } \bar{ь}$: ноуѣей (Быт. VII. 12. 17, Остр. ноуѣи , Первоп. ноуѣи и ноуѣи), заноуѣдей (М.

V. 19), двѣрѣй (Неем. VI. 1); въ Острожской библии еще заповѣдѣи, двѣрѣи, въ Первопечатной уже заповѣдѣй, двѣрѣй. Тѣмъ не менѣе и въ современныхъ церковныхъ книгахъ формы съ *i* не исчезли: двѣрѣй (М. XXVIII. 2), заповѣдѣй (Мр. XII. У Зизанія нѣщій, кѣстѣй, рядомъ съ нѣщѣй, кѣстѣй (л. 28 на об.). Дат. правильно, но съ $\epsilon = \text{стсл. } \text{ь}$: двѣрѣмъ (Мр. I. 35, Остр. и Первоп. такъ же), волѣзнѣмъ (Матѣ. XXIV. 8, Остр. волѣзнѣмъ, Первоп. болѣзнѣмъ), вѣснѣмъ (1. Тим. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. вѣснѣмъ). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ ж. р., напр. вѣтвѣмъ (Исх. XXV. 35, Остр. вѣтвѣмъ, Первоп. вѣтвѣмъ), лжѣмъ (Притчи XXIV. 2, Остр. и Первоп. такъ же). Творительный представляетъ два написанія съ *ь* (-ьми) и безъ него (-ми): въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ¹⁾ печѣльми (Л. XXI. 34, Остр. печѣльми, Первоп. печѣльми), страстьми (М. IV. 24, Остр. страстьми, Первоп. страстьми), въ другихъ ²⁾ печѣльми, страстьми, вѣтвѣми (Исх. XXV. 35, Остр. и Первоп. двойств. ч. вѣтвѣма), болѣзнями (3. Ездры VIII. 30, Остр. и Первоп. другой текстъ), и т. д., но частьми (Лев. IV. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Зависѣло ли это отъ того или другого произношенія, сказать, конечно, трудно. Вѣроятно же всего здѣсь просто опущеніе знака *ь*, который представлялся излишнимъ для обозначенія палатальнаго оттѣнка *л'*, *т'*, *в'*, и безъ того неизбѣжнаго. Образованіе по типу бывшихъ основъ на *а*-имѣемъ въ формѣ: мѣшами (1 Цств. VI. 1, Остр. мѣшами).

Предложный множественнаго представляетъ два написанія: правильное -*сѣхъ*, гдѣ $\epsilon = \text{стсл. } \text{ь}$ и -*ѣхъ*, обязанное своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію соответствующаго падежа основъ м. р. на *о*:- персѣхъ (Апок. XV. 6, Остр. персѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), юдѣхъ (1 Паралип. XII. 15, Остр. юдѣхъ, Первоп. юдѣхъ), вѣсѣхъ (Мр. VI. 36, Остр. вѣсѣхъ, Первоп. вѣсѣхъ), рядомъ съ іаслѣхъ (Л. II. 7. 12. 16, Остр.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи, изданномъ въ Москвѣ, въ 1838, in-4°. Январь.

²⁾ Такъ въ изданіи Библии. Москва 1879 г. Ноябрь. Мал. 8. которымъ мы пользовались для новаго періода.

áслєχъ, Первоп. áслѣχъ и íаслѣχъ), скóрвєχъ (2. Солун. I. 4. Остр. такъ же, Первоп. скóрвєχъ), сластєχъ (Посл., Iак. IV. 3. Остр. слáстєχъ, Первоп. сластєχъ), зáповѣдєχъ (Л. I. 6, Остр. такъ же, Первоп. -ѣχъ), вѣтвєχъ (М. XIII. 32, Остр. вѣтвѣχъ, Первоп. вѣтвѣχъ), днєрєχъ (М. XXIV. 33, Остр. такъ же, Первоп. днєрєχъ), вєщєχъ (Л. I. 1, Остр. такъ же, Первоп. вєщєχъ), напáстєχъ (1 Петр. I. 6, Остр. напáстѣ, Первоп. напáстєχъ) и т. д. У Зизанія находимъ только формы съ -єχъ: нѡщєχъ, нѡстєχъ (л. 28 на обор.). Фонетическаго значенія (въ печатномъ церковнославянскомъ) такая двойственность написаній, разумѣется, не имѣла. Въ Острожской Библии чаще формы на -єχъ, въ Первопечатной на -ѣχъ. Новая Библия ближе къ Острожской.

Изрѣдка попадаются и формы, вызванныя вліяніемъ бывшихъ основъ ж. р. на ā-: лжáχъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), двєрáχъ (3 Царствъ VI. 34, Остр. и Первоп. друг. текстъ), влгостѣχъ (Осія III. 5, Остр. и Первоп. блгостѣχъ), въ Остр. б. вєщѣ (3 Ездры IV. Первоп. вєщєχъ: Нов. другой текстъ) и т. д.

§ 6. Болѣе измѣненій претерпѣло склоненіе бывшихъ основъ на согласный. Какъ и у основъ на і- (ei-) уподобляющими типами здѣсь являются основы на јо-.

У бывшихъ первичныхъ основъ м. р. на п- исчезъ почти совершенно древній именительный п. ед. ч. (какъ стел. кмпы), вмѣсто котораго находимъ новѣйшее образованіе отъ основы косвенныхъ надежей (съ -en-) по типу основъ на јо- или на і- (камень). Остатокъ древняго именит. надежа—плáмы (Іова XII. 12, II. пѣсней VIII. 6, Остр. и Первоп. плáмы), но плáмень (2 Макк. I. 32. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), камень (Ис. V. 28, Остр. и Первоп. такъ же).

Смотрицкій причисляетъ эти основы къ своему четвертому склоненію (съ именит. ед. на -ь), главный контингентъ котораго составляютъ первичныя основы на јо- (л. 123 на обор). Но на л. 131 (на обор.) онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „вся (?) на ь кончающаяся склоненія сего имена чистѣе родительныи единственныи сходити творять на є, нежели на ѡ. яко, кóрєнь, ко-

рѣне. степѣнь, степѣне. кáмень, не. дѣнь, днѣ. пламень, пламене. и прочая“.

Образчики стараго род. ед. на -е: кóрѣне (М. XIII. 21), пламене (3 Ездры XIII. 10), кáмене (Мр. XV. 46, Исх. XVII. 6), гáчмѣне (Аггея II. 17) и т. д.

Имѣющіяся рядомъ формы кáмениѡ (Быт. XXVIII. 11, Апок. XVIII. 12, Остр. каменіа, Первоп. какъ въ Новой), корѣниѡ (М. XIII. 6, Остр. кореніа, Первоп. корѣниѡ), кремѣниѡ (Иова VIII. 17, Остр. кáмениа, Первоп. кáмениѡ) и т. д. вызваны такими собирательными, какъ лѣстїе и т. д. (первичныя основы на jo-). Имѣются и формы р. п., образованныя по общему типу основъ на jo-: гáчмѣниѡ (Быт. XXVI. 12, Остр. гáчменю, Первоп. гáчмѣню дат., Іезек. XIII. 19, Остр. гáчмѣнны), кáмениѡ (3. Ездры I. 20, Остр. друг. текстъ), пламениѡ (Остр. б., Первоп. пламене, Новая Сѣгид. II. пѣсн. VIII. 6). Эти послѣднія формы внесены уже въ Новый текстъ, а въ текстъ Остр. библии не встрѣчаются.

Въ дательномъ единственнаго числа правильная форма кáмени въ Библии встрѣчается только два раза (Ис. Сир. XXII. 1, Іерем. II. 27). Въмѣсто нея болѣе употребительны формы: кáменю (Суд. XX. 45, 47, Остр. камыкѡ, Первоп. камыкѡ, Прем. Сол. VIII. 9, Остр. кáмени, Первоп. какъ въ Новой), образованная по типу основъ на jo-, и кáменєви (Луки IV. 3, такъ уже въ Остр.), по типу основъ на eu- (u-). У Смотрицкаго, кромѣ этихъ трехъ формъ, встрѣчаемъ еще четвертую форму кáмению (также Апок. VI. 16, Остр. и Первоп. такъ же. Аввак. II. 19, Остр. и Первоп. камыкѡ), по типу собирательныхъ.

Винит. надежъ кáмень (М. XXVII. 60, Исх. XVII. 6, Остр. такъ же).

Звательный падежъ, образованный по типу основъ на jo-, кáменю находимъ во 2-й книгѣ Царствъ XXII. 2 (Остр. и Первоп. кáмень). Предложный падежъ совершенно утратилъ древнюю форму (стел. камене) и представляетъ образованія по типу основъ на i- (частыя и въ старославянскомъ): кáмени (М. XXVII. 60; XXI. 44; XXII. 2), кóрєни (М. III. 10). Имѣется и случай обра-

зованія по типу бывшихъ основъ на о-: ꙗчмѣнѣ (Иоиль I. 11, Остр. ꙗчмѣни, Первоп. уже какъ въ Новой). Творительный имѣется чаще по типу собирательныхъ: кáменіємъ (Ис. Сир. XLVI. 6, М. XXIII. 37, Мр. V. 5. Такъ уже въ Острожской б.).

Рядомъ имѣется и форма кáменємъ, отвѣчающая старосл. каменымъ (Ис. Сир. XXIX. 13, Плачь Іерем. III, 16, Остр. и Первоп. такъ же). И. В. Зв. двойств. ч. идетъ по типу основъ на јо-: кáменѣ (Исх. XXVIII. 9. 12, Остр. и Первоп. кáмени, кáменѣ).

Именительный множественнаго представляетъ двѣ формы: по типу основъ на јо-: плáмени (Прем. Солом. XVIII. 5, Остр. и Первоп. родит. ед.) и по типу основъ на і-: кáменіе сотрѣшасѣ (Наумъ I. 6. Остр. кáменіе еѣтресѣ, Первоп. кáменіе сотрѣсѣ).

Старинный именительный множественнаго на -е, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ уже отсутствуетъ, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ.

Родительный множественнаго представляетъ двѣ формы; обѣ по типу основъ на і-: кáменей (Юдиѣ I. 2, Остр. кáменїи, Первоп. кáменїи, Второзак. XXIV. 6, Остр. друг. текстъ, 3-я кн. Царствъ VII. 9, Остр. друг. текстъ) и кáменїи (Исх. XXIV. 4. 1 кн. Цств. XVII. 40) съ обычной мѣной старослав. и и русско-церковнославянскаго -е=ї (ь); корѣнїи (Премудр. Солом. VII. 20, Остр. кóренїи, Первоп. кóренїи и т. д.

Дат. кáменємъ (Іезек. VI. 3, Остр. и Первоп. друг. текстъ) одинаково можетъ отвѣчать дат. мн. первичныхъ основъ на јо- (какъ коніемъ), первичныхъ на і- (какъ пжтымъ) и первичныхъ на и- (какъ каменымъ). У Смотрицкаго есть еще форма кáменіємъ (листъ 132, на обор.), образованная по типу такихъ основъ ср. р. на јо-, какъ стсл. знаменнїе.

Винительный множественнаго представляетъ преимущественно одну форму, отвѣчающую первичной старославянской, но тождественную и съ винительнымъ множ. основъ на і-: кáмени: (Исх. XXXV. 27; Іерем. XLIII. 9). Въ книжномъ, церковнославянскомъ языкѣ эта форма совпадала и съ именит. винит. надежомъ основъ муж. рода на јо- (какъ напр. царї: Прем. I. с. Сирах. XLVIII.

б, с, Остр. и Первоп. ѿрѣ), представляющимъ въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи къ винительному множ. основъ м. р. на о- (какъ равѣи и т. д.). Рядомъ имѣются и собирательныя формы: корѣнѣмъ (Ис. Сир. X. 18, Остр. вин. ед. кѣрѣнь), кѣменѣмъ или кѣменѣмъ (Ис. LIV. 12, Остр. вин. ед. ч. камыкъ).

Творительный падежъ имѣетъ собирательную форму (первичныя основы на јо- ср. р.): кѣменѣи (Ис. Сир. XLV. 13, Остр. и Первоп. такъ же; старосл. кменьми). У Смотрицкаго есть и форма кѣменьми (л. 132 на обор.). Форма предложнаго множ. ч. кѣменѣхъ (2-е Коринѣ. III. 7, Остр. предл. единств., Второзак. XXVII. 3, Остр. кѣмыцѣхъ, Первоп. -ѣхъ, Иерем. XVIII. 3 и т. д., Остр. другой текстъ), подобно дат. множ., одинаково можетъ отвѣчать первичной стел. формѣ кменьхъ или представлять собой образованіе по типу основъ на і-.

Форма кѣменѣхъ (Исх. VII. 19, Остр. друг. текстъ, Иерем. XIV. 6, Остр. скаля, Второз. XXVII. 8, 1; Остр. камыцѣ; 1. Цств. XIII. 6 и т. д., Остр. такъ же, Первоп. кѣменѣхъ), развившаяся очевидно изъ кѣменѣихъ (отъ собирательной основы ср. р. на јо-), представляетъ собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ѧ-, јѧ-. У Смотрицкаго есть и третья форма: кѣменѣхъ (л. 132 на обор.), являющаяся плодомъ сѣшенія основъ собирательныхъ на јо- съ церковнославянскими основами, отвѣчающими первичнымъ на і- (пѣтѣхъ=стел. пѣтьхъ).

Основы средняго рода на п-, какъ нма, сохранили свое склоненіе лучше въ единственномъ числѣ. Встрѣчается правильный родительный падежъ: ѣмене (Матѣ. XXIV. 9, Первоп. такъ же, Остр. ѣмени, XIX. 29, Остр. и Первоп. ѣмени), рѣмене (Ис. X. 27, Остр. и Первоп. такъ же), вѣмене (М. XXVI. 16, Остр. вѣмене, Первоп. такъ же, Луки IV. 13, Неем. II. 6, Остр. вѣмени, Первоп. какъ въ Новой), нѣмене (Римл. VII. 6, Остр. и Первоп. нѣмени), сѣмене (М. XXII. 25, Остр. сѣмене, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Рядомъ имѣется болѣе рѣдкая форма по типу основъ на і-: вѣмени (Апок. XII. 14, Остр. вѣмени, Первоп. какъ въ Новой), какъ въ современномъ

русскомъ, ѣмени (ѣмени Остр. библ. М. XXIV. 9; въ Первопечатной и современныхъ книгахъ имене). Въ Остр. и Первон. эта форма, какъ видно изъ цитатъ, чаще встрѣчается, чѣмъ въ Новой, гдѣ она замѣнена болѣе древнею, вѣроятно, вполне сознательно.

Дательный правильно: ѣмени (1 Парал. XXII. 8, Остр. и Первон. такъ же), плѣмени (Апок. XIV. 6, Остр. племению, Первон. плѣмени) и т. д.; по типу основъ ср. р. на о-: ра́мѹ (Числ. XVIII, 18, Остр. другой текстъ: ра́мо и. ед.). У Зизанія врѣмению по типу основъ на јо- и врѣмени (л. 30). Какъ и въ родит. ед., Остр. и Первонеч. библія представляютъ чаще вторичную форму (по типу основъ на јо-), въ Новой замѣненную болѣе древней.

Творительный можетъ отвѣчать и первичной формѣ на -ьмь, и формѣ основъ на јо- (-юмь): ѣменемъ = етел. именьмь (М. XXVII. 57, Остр. и Первон. такъ же, Л. I. 59, Остр. ѣменемъ), сѣменемъ (Апок. XII. 17, Остр. сѣменемъ, Первон. какъ въ Новой). У Смотрицкаго ѣменемь (л. 115).

Предложный по типу основъ на јо- или основъ на і-: ѣмени (Г. X. 25, Остр. ѣмени), врѣмени (М. XXV. 19, Остр. врѣмени).

Въ двойственномъ числѣ: И. В. 3. ра́мѣ (Г. XV. 5, Быт. IX. 23, Остр. рамѣ, Первон. какъ въ Нов.) по типу основъ ср. р. на о- или ж. р. на а-. Встрѣчаются и образованія по типу основъ м. р. на о-: ѡва ра́мена (Исх. XXVIII. 12, Остр. и Первон. ѡвѣ ра́мѣ), два племѣна (Г. Н. XIV. 4). Остр. племѣни. Въмѣсто формы двойств. числа, встрѣчается и форма винит. над. множ. ч. по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Быт. XIX. 15, Остр. рамѣ, Первон. ра́мѣ). Другія формы дв. числа также часто замѣняются формами множ., нир. предложный: двѣ ра́менахъ (Исх. XXVIII. 12, 21; Остр. и Первон. ра́мѣ; винит. на ра́мѹ по типу основъ на о-).

Дательный: двѣ племѣнѣмъ (Г. Нав. XIV. 3, Остр. днѣмѣ племѣнѣ, Первон. днѣмѣ племѣнѣмъ). У Зизанія И. В. 3. времѣна = имен. множ., Р. П. врѣменѣ, Д. Тв. врѣменема и врѣменѣма (по типу основъ на і- (л. 30)).

Во множественномъ числѣ именит. и винительный падежи правильно: вре́мена (М. XXIII. 4, Остр. времена), ра́мена (Суд. XVI. 3, Остр. двойств.: ра́мѣ). Винит. множественнаго есть и по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Исх. XII. 34, Остр. такъ же).

Родительный множ. правильно: ѿме́нъ (Апок. XVII. 3, Остр. такъ же), пле́менъ (Апок. V. 9, Остр. племенъ), вре́менъ (ibid. XVIII. 12, Остр. временъ), также и съ другимъ удареніемъ сѣменъ (М. XIII. 32, Остр. сѣменъ, Первоп. сѣменъ), ра́менъ (1 Цств. X. 23, Остр. друг. текстъ, Ис. X. 27, Остр. друг. текстъ).

Дательный множественнаго представляетъ нѣсколько формъ: „правильную“ илеме́нъ (Ис. XIX. 13, Остр. пле́менъ, Первоп. пле́менъ), которая отвѣчаетъ стел. пле́менъ и совпадаетъ также съ формой д. мн. ч. отъ основъ ср. и м. р. на јо-; встрѣчается и другая акцентуація — илеме́нъ (1 Царствъ X. 19, Остр. пле́менъ, Первоп. какъ въ Новой), подобная акцентуаціи русскихъ формъ. Рядомъ имѣются формы, образованныя по тину основъ на о-: ѿменѡ́мъ (Быт. XXV. 13, Остр. ѿмени, Первоп. ѿмени — ед. число), пле́менѡмъ (1 Парал. XXVII. 23, Остр. друг. текстъ), вре́менѡмъ (М. XVI. 3, Остр. вре́менъ, Первоп. вре́менъ), которыя свойственны Новой библіи, а также и формы по тину основъ на а̄-: пле́мена́мъ (1. Цств. X. 21, Остр. друг. текстъ, Второз. XVI. 18, Остр. илеме́нъ, Первоп. илеме́нъ), ѿмена́мъ (Быт. XXVI. 18, Остр. другой текстъ; Исх. XXVIII. 21, Остр. ѿменѣ, Первоп. ѿменѣмъ). У Зизанія только вре́менѡмъ (л. 30 на об.).

Творительный множ. числа: „правильная“ форма — вре́менѣ (1 Тимоѳ. II. 6, Остр. времена, Первоп. какъ въ Новой), пле́менѣ (Второз. XXXIII. 5, Остр. им. множ.); рядомъ съ ними по типу основъ на а̄-: вре́мена́ми (3. Цств. XI. 28, Остр. другой текстъ), зна́мена́ми (1. Маккав. VII. 45, Остр. твор. мн. зна́менѣи). У Зизанія вре́менѣ по типу основъ на о- и вре́менѣми (л. 30 на об.), по тину основъ на і- или на и-.

Предложный мн. представляетъ въ сущности два окончанія:

-æх, которое передается въ цел. графикѣ какъ -εхъ и -ѣхъ (первое „правильно“, или явилось по типу основъ на і-, гдѣ ъ измѣнилось въ ε, второе по типу основъ на о- мн. и ср. р.) и -ахъ (-ахъ), отъ основъ на ā-: племѣнѣхъ (Второзак. I, 13, Остр. племѣнѣхъ, Первоп. племѣнѣхъ), ѣменѣхъ (Дѣянiя. XVIII. 15, Остр. ѣменѣ, Первоп. ѣменѣхъ), рѣменѣхъ (Иезек. XII. 6, Остр. вин. дв. рѣмѣ) и временѣхъ (1. Солун. V. 1, Остр. временѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), племѣнѣхъ (Апок. X. 11, Остр. племѣнѣхъ, Первоп. племѣнѣхъ, Суд. XX. 10, Остр. племѣнѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), рѣменахъ (Исх. XXVIII. 21, на двѣ...: 2. Парал. XXXV. 3, Остр. двойств. ч.), времѣнахъ (Исх. Сир. XXXIX. 38, Остр. вин. ед.). У Зизанiя времѣнахъ (л. 30 на об.).

§ 7. Склоненiе первичной основы на согласный п-, дѣнь (стсл. днь). Родительный единств. ч.: двѣ формы — правильная днѣ (стсл. дньє): М. XI. 23, XXVI. 29, XXV. 13, XXIV. 38 и т. д. и по типу основъ на јо-: днѣ (Эккл. VII. 2, Остр. днѣ, Первоп. какъ въ Новой).

Дательный правильно — днѣ (стсл. дньн): Пс. XVIII. 3 (Остр. днѣ); по типу основъ на јо-: дню (Дѣянiя II. 20, Иерем. XXXIII. 20, Такъ уже въ Остр. Библии: дню), полудне (2 Парал. XXXII. 30, Такъ уже въ Остр.); по типу основъ на и-: днѣн (М. VI. 34, Остр. такъ же: днѣн, Первоп. какъ въ Новой).

Винительный: дѣнь (стсл. дньь): М. XI. 24, XXVI. 17, XXIV. 50 (Остр. днѣ, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: днѣмъ (Иерем. XXXIII. 25, Остр. днѣмъ, Первоп. какъ въ Новой, стсл. дньмь), совпадаетъ и съ творит. надежомъ основъ на јо- и на і-.

Предложный падежъ, рядомъ съ болѣе частой формой по типу основъ на і- — днѣ (М. XXIV. 36, Мрк. XIII. 32, Остр. днѣ, Первоп. какъ въ Новой), представляетъ и болѣе древнюю форму днѣ (стсл. дньє): воднѣ (Остр. библ. Иоа. XI. 9, также въ Первоп. воднѣ. Въ новыхъ изданiяхъ уже днѣ), въ полуднѣ (Суд. V. 10, Остр. друг. текстъ, Пѣнь Пѣсн. I. 6, Остр. полуднѣ, Первоп. какъ въ Новой, Исх. Сир. XXXIV. 16, Остр. полуднѣ, Первоп.

какъ въ Новой), но полѣдни (Софон. II. 4, Остр. друг. текстъ: месамѣрю).

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: дни (на двѣ дни, Исх. XVI. 29, Остр. дѣни, стел. дѣни). Р. Пр. двою днѡ (М. XXVI. 2, Иоа. IV. 43, Остр. дѣю, Первоп. какъ въ Новой) по типу основъ на jo- и днѣю (Мр. XIV. 1, Остр. дѣю, Первоп. какъ въ Новой), по типу основъ на i-: стел. дѣноу. Другіе падежи не встрѣчаются.

Множественное число. Въ именит. п. только позднѣйшая форма по типу основъ на i-: днѣе (стел. дѣне): М. XXIV. 22, Л. II. 6, Остр. днѣе, Первоп. днѣе.

Родительный п. по типу основъ на i-: днѣи (М. IV. 2, XXIV. 29, Остр. дѣи, Первоп. днѣи, Мр. XIII. 20, Остр. дѣи, Первоп. днѣи, Л. XIII. 14 и т. д. Остр. дѣи, Первоп. днѣи), съ сохраненіемъ (или возстановленіемъ) старославянскаго \ddot{i} = ѣ и днѣи (Дѣян. XXI. 26, Остр. дат. мн. Быт. VII. 12, 17, XXIV. 55, Остр. дѣи, Первоп. днѣи) съ русскимъ е (стел. дѣи).

Дательный мн. отвѣчаетъ стел. дѣимъ:—днѣмъ (Зах. VIII. 11, Осія II. 15, Остр. дѣимъ, Первоп. днѣмъ).

Винительный: дни (стел. дѣни): М. XXIV. 19, II. 1 (Остр. дѣни, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: дѣими (стел. дѣими); Иова XV. 10 (Остр. и Первоп. дѣими), М. XXVI. 61 (Остр. дѣими, Первоп. дѣими).

Предложный: днѣхъ (стел. дѣихъ): М. XXVII. 63 (Остр. дѣихъ, Первоп. днѣхъ), XVII. 1, (Остр. дѣихъ, Первоп. какъ въ Новой), Мр. I. 9 (Остр. дѣихъ, Первоп. днѣхъ), Л. II. 36 (Остр. днѣхъ, Первоп. днѣхъ).

§ S. Въ склоненіи основъ на г- лучше сохранилось единственное число. Именительный ед. мѣти, какъ въ старославянскомъ (Л. XII. 53, Мр. III. 31—35, Остр. мѣти) и мѣть (М. Смотрицкій л. 121 на обор.), днѣрь (Тов. VII. 8, Остр. днѣрь, Первоп. днѣрь)—образованія отъ основы косвенныхъ падежей, но днѣи (М. IX. 18, Остр. днѣи, Л. II. 36, Остр. днѣи). У Визанія мѣти (л. 38), но днѣрь (л. 39) подъ вліяніемъ западно-русск. произношенія, не знающаго г'.

Родительный, какъ въ старославянскомъ: мѣтере (М. XV. 6, Остр. такъ же, Первоп. мѣрь вин. ед. Быт. XXIV. 67, Остр. и Первоп. мѣри по типу основъ на i-), дщѣре (Суд. XI. 34, Мр. VII. 26, Остр. и Первоп. такъ же): стел. матерѣ.

Дательный также „правильно“: мѣтери (2 Парал. XXV. 1, М. I. 18, Остр. мѣри), дщѣри (М. XXI. 5, Остр. такъ же): стел. мтери.

Винительный только мѣтерь (М. XIX. 29, Остр. и Первоп. мѣтере, П. 13, 14, 21, Остр. и Первоп. мѣре М. X. 35. 37, Остр. мѣре, Первоп. мѣрь), дщѣрь (М. X. 35. 37, Остр. и Первоп. дщѣре): стел. матерь. Въ Остр. имѣются еще стел. формы в. ед. мѣтере, дщѣре (Л. XII. 53). Въ Первоп. уже мѣтерь, дщѣрь, какъ въ Новой). У Зизанія мѣтеръ вмѣсто мѣтерь подъ вліяніемъ западнорусскаго произношенія.

Творительный: мѣтерію (М. II. 11, Остр. такъ же), дщѣрію (Иезек. XLIV. 25, Остр. вин. ед. дщѣре): стел. матернж.

Предложный: мѣтери (М. Смотр. л. 121 на обор.) и по типу основъ на ā-: дщѣрѣ (Зах. II. 7, Остр. дщѣре. Первоп. уже дщѣрѣ): стел. мтери.

Звательный: мѣти (М. Смотр. л. 121 на обор.), дщѣи (Суд. XI. 35, Остр. такъ же), какъ въ старославянскомъ — мати.

Формы двойственнаго числа, приводимыя Смотрицкимъ (л. 121 на обор.), построены очевидно имъ самимъ по разнымъ типамъ: И. В. З. мѣтерѣ (стел. *матери), по типу основъ на ā-; Р. П. мѣтерію (стел. *матероу), дщѣрію (1 Цств. XIV. 49, Остр. и Первоп. дщѣрію), вмѣсто предполагаемой стел. формы *матероу, по типу основъ на i-; Д. мѣтерема и Тв. мѣтерьма съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей одного окончанія на два; въ основѣ второй могла лежать старосл. предполагаемая форма *матерьма, совпадающая и съ соотвѣтствующей формой бывшихъ основъ на i- У Зизанія И. В. Зв. мѣтерь, Р. мѣтерію, Д. Т. мѣтерема (л. 38); дщѣрѣ, дщѣрію, дщѣрема (л. 39).

Множественное число. И. В. Зв. мѣтери (Смотрицкій л. 121 на обор.), дщѣри (Быт. XXVII. 8, Остр. дщѣри; Суд. III. 6.

Иезек. XIV. 16, Остр. дцѣрѣи): стсл. мѣтерн. У Зизанія мѣтерн (л. 38), но дцѣрѣѣ (л. 39).

Родительный падежъ только по типу основъ на i-: мѣтерей (Плачь Иер. II. 12. Остр. и Первоп. родит. ед. мѣре), матерей и мѣтерій (Смотрицкій; л. 121 на обор.), дцѣрей (Л. I. 5, Суд. I. 27, Иезек. XIV. 18): стсл. мѣтеръ. (Въ Острожской библии еще дцѣрѣѣ—Иезек. XIV. 18, но дцѣрѣи Л. I. 5. Въ Первопеч. дцѣрѣи Л. I. 5 и дцѣрей Иезек. XIV. 18). У Зизанія мѣтерѣ (sic) и мѣтерій (л. 38), но дцѣрей (л. 39).

Дательный мѣтеремъ (Плачь Иерем. II. 12, Остр. мѣремъ. Первоп. мѣремъ, у Смотрицкаго матеремъ съ акцентуаціей, подобной русской: л. 121, на обор.), дцѣремъ (Исх. II. 20, Остр. и Первоп. такъ же) отвѣчаетъ старосл. формѣ мѣтеремъ. У Зизанія мѣремъ (л. 38), по дцѣрѣѣ по типу бывшихъ основъ на ā- и дцѣрѣѣ (л. 39).

Творительный мѣтерми (Смотрицкій л. 122) также отвѣчаетъ стслав. формѣ. У Зизанія мѣтерми (л. 38), но дцѣрѣми рядомъ съ дцѣрѣми (л. 39): стсл. мѣтерми.

Предложный мѣтерехъ (Смотрицкій л. 122), дцѣрехъ (1. Цсти. XXX. 6, Остр. и Первоп. другой текстъ) также восходитъ къ стсл. формѣ (мѣтерехъ). У Зизанія мѣтерехъ по типу основъ на ā- (л. 38), дцѣрехъ (л. 39).

§ 9. Склоненіе основъ на es-сохранило въ большинствѣ надежъ свой старославянскій видъ. Рядомъ довольно часты различныя образованія вторичнаго происхожденія, объясняющіяся морфологической ассимиляціей, прежде всего къ первичнымъ основамъ ер. р. на o-, а также и къ первичнымъ основамъ на ā-.

Единственное число. Именит. надежъ; правильныя формы: тѣло (1. XX. 12), коло (Цс. LXXXII. 14, Остр. коло, Иезек. X. 9. 10, Остр. кóло). Рядомъ встрѣчаются образованія отъ основы косвенныхъ надежъ: колесò (Экклес. XI. 6. Въ Острожской и Первопечатной библияхъ еще кóло). У Смотрицкаго (л. 116 на обор.) приводятся также формы несесò, чодесò, тѣлссò, зѣдесò, бчссò, зѣшссò, дркссò и т. д., построенныя имъ чвсто теоре-

тически, но съ оговоркой, что въ И. В. З. вмѣсто нихъ употребляются формы: нѣво, чюдо и т. д.: стел. нѣво.

Родительный п.; правильныя формы: тѣлесѣ (М. XXVII. 58. Остр. тѣлассе), небесѣ (М. XXIV. 29, XXI. 25, Остр. нѣсе), словесѣ (М. XXII. 46. V. 32, Остр. такъ-же), ѿчесѣ (М. VII. 4. 5, Остр. ѿчесе), оушесѣ (Иех. XXIX. 20, Остр. оушесѣ), колесѣ (Ис. XXIX. 5. Остр. винит. множ. по типу основъ муж. р. на о- или на и- колы). Рядомъ образованія по типу основъ ср. рода на о-: тѣла (Иоа. II. 21. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ), оуѣха (Иерем. XXXIV. 14. Такъ въ Остр. и Первоп.). У Л. Зизанія рядомъ нѣва и небесе (л. 29 на обор.): стел. небесе.

Дательный п. правильно: словесѣ (Пе. CV. 12, 24, Остр. слонеси, слонесѣ), небесѣ (Дѣян. III. 21, Остр. нѣси). У Л. Зизанія нѣвѣ, по типу бывшихъ основъ на о-(л. 29 на обор.), а рядомъ нѣси и нѣѣ (предл. вм. дат.): стел. небеси.

Винительный п.: тѣло (М. XXVII. 58).

Творительный „правильно“: небесѣмъ (М. XXIII. 22, стел. небесымъ); рядомъ по типу бывшихъ основъ на о-: словомъ (М. XXII. 15. Такъ уже въ Остр. и Первоп. библіяхъ), ѿкомъ (М. XVIII. 9. Остр. и Первоп. ѿкомъ), нѣвомъ (М. V. 34, Остр. нѣвомъ, (Иак. V. 12, Остр. нѣомъ), дрѣвомъ (3 Цств. VI. 10, Остр. и Первоп. уже такъ-же), у Л. Зизанія нѣвомъ и небесѣмъ (л. 29 на обор.). Какъ видно изъ цитатъ, образованія по типу основъ на о- встрѣчаются уже въ Остр. б. тамъ же, гдѣ и въ Новой.

Предложный идетъ большею частію по типу основъ на і- вмѣсто стел. на -е (небесе); тѣлесѣ (2 Петра I. 13, Остр. такъ-же), колесѣ (Пе. LXXVI. 19. Остр. вколеси, Первоп. какъ въ Новой, Иезек. X, Остр. вколеси, Первоп. какъ въ новой), небесѣ (М. XXVIII. 18, Остр. нѣси), ѿчесѣ (Луки VI. 41, 42. Остр. ѿчеси, ѿчесѣ, Первоп. ѿчесѣ); по типу бывшихъ основъ ср. р. на о-: во ѿцѣ (Матѣ. III 3, 4. Остр. также ѿцѣ, ѿцѣ).

Двойственное число представляетъ очень скудное количество примѣровъ. И. В. З. образованы по типу основъ ж. р. на а-: двѣ ѿцѣ

(винит. и. М. XVIII. 9, Остр. и Первоп. ѓцѣ), по типу основъ на і-: ѐчи (вин. п. Ис. I. 15, Остр. и Первоп. также ѓчи). У Смотрицкаго имѣется имъ построенная форма словеса (л. 116), тождественная съ им. множ. числа.

Соотвѣтствій старославянскимъ формамъ, какъ тѣлесъ, не встрѣчается. Формы, попадающіяся въ Остр. и Первоп., какъ ѓвѣ ѣстѣсѣ (Исх. XXIX. 13, Лев. IX. 10. ѣстѣси) въ Новой библіи замѣнены другими: ѐвѣ пѓчки. У Л. Зизанія вм. И. В. Зв. дв. ч. находимъ только форму им. множ. нѣса (л. 29 на об.).

Родительный и предложный: во оушю (1 Цств. XV. 14, Остр. въ оушю, Первоп. воушю) по типу основъ на і-, ѐчию (р. п. Тов. X. 5, Остр. и Первоп. очю). Только у Смотрицкаго (л. 116) находимъ форму, отвѣчающую старославянской: словесоѸ.

Дательный и творительный: ѐчимъ (твор. I. Цств. I. 18). оушимъ (твор. М. XIII. 15) какъ въ старославянскомъ по типу основъ на і-. У Смотрицкаго находимъ дифференціацію (разумѣется, чисто теоретическую и произвольную): для дат. словесема, что можетъ отвѣчать старосл. словесьма или также стел. поиема, для твор. же форму, образованную по типу основъ на ā- — и въ библейскомъ текстѣ не встрѣчающуюся: словесама (л. 116). У Зизанія по типу основъ на о-: нѣсома (л. 29 на об.).

Множественное число; именительный и винительный п.; правильныя формы: дресеса (Иезек. XXXI. 9, 14, Остр. такъ же, но дрѣва ibid. 15, Нов. дресеса), тѣлесса (М. XXVII. 52), колѣса (Иез. X. 9, 12, 16, 19; Остр. кѓлеса, колеса, колеса, Первоп. колѣса, колѣса), словеса (М. XXVI. 1), чѸдеса (М. XXIV. 24), оушеса (1 Цар. III. 17), ѐчеса (Мр. XIV. 40): стел. тѣлеса. Рядомъ формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о- и встрѣчающіяся уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой: дрѣва (Исх. IX. 25, Остр. и Первоп. ед. число дрѣво, Ис. XIV. 8, Остр. друг. текстъ, Суд. IX. 8; Остр. дрѣва, Первоп. какъ въ Новой). У Зизанія нѣа и нѣса (л. 30); по типу основъ муж. р. на о-: оушы (1 Цств. XI. 4), гдѣ морфологическая ассимиляція сказывается только въ написаніи съ м- (въ Острожской и Первопечатной библіяхъ находимъ здѣсь обычное написаніе оуши, но

типу И. В. Зв. дв. ч. основъ на i-). Встрѣчаются и собирательныя формы: дрѣвіе (Мр. VIII. 24. Такъ уже въ Остр. б.).

Родительный падежъ правильно: словѣсз (М. X. 14), колѣсз (Иез. X. 2, 6, 9, 12, Остр. колесз, колѣсз, колѣсз, Первоп. колѣсз), небѣсз (М. XXIV. 31), тѣлѣсз (Апок. XVIII. 13), дрѣвѣсз (Апок. VII. 3), оушѣсз (Исх. XXIX. 20). У Зизанія по типу основъ на o-: нѣз и правильно нѣсз (л. 30): стел. тѣлѣсь.

Въ дательномъ падежѣ преобладаютъ формы правильныя: словсѣмз (1 Тимоѳ. VI. 3, Остр. словесемз. Первоп. какъ въ Новой, стел. словесъмз), ѡчесѣмз (1 Цств. II. 33, Остр. друг. текстъ), чѣдесѣмз (Дѣян. IV. 30, Остр. другой текстъ). Рядомъ встрѣчаются формы, образованныя по типу основъ на ā-: колѣсамз (Иезек. X. 12, Остр. имен. мн.), а также и по типу вторичныхъ формъ дат. множ. основъ ср. р. на o-, которыя въ свою очередь обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-,—дрѣвѣамз (Суд. IX. 15. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ). У Зизанія по типу основъ на o- и на ā-: нѣсѡ и нѣсамз (л. 30).

Творительный представляетъ старинную форму: словесы (Римл. XVI. 18, Остр. такъ же). Рядомъ формы съ полной основой косвенныхъ надежей, но съ окончаніемъ по типу основъ ж. р. на ā-: дрѣвѣсамы (Иезек. XXXI. 18, Остр. р. мн. дрѣвѣсѣз), словесамы (Притчи VI. 2. Въ Остр. и Первоп. оустнамы). Имѣются и образованія по типу основъ ср. р. на o-: дрѣвы (3 Цств. IX. 11, Остр. такъ же), колы (Острожская и Первопечатная библіи Ис. XXIX. 5, въ Новой р. ед. колесѣ); а также образованія по типу основъ на ā- отъ основы им. ед.: дрѣвѣамы (Суд. IX. 9, 11. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Иезек. XLI. 26, Остр. друг. текстъ). У Зизанія нѣсы и нѣамы (л. 30): стел. тѣлѣсы.

Предложный падежъ; „правильное“ написаніе окончанія этого падежа -сѣхъ, отвѣчающее старославянскому -ьхъ (тѣлѣсѣхъ), встрѣчается только въ Острожской библіи: словесѣхъ (1. Маккав. IX. 37, Л. IV. 22), но словесѣхъ Мр. X. 24, дрѣвѣсѣхъ Иез. XXXI. 18; въ Первопечатной и современныхъ находимъ графическую ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на o-: словесѣхъ (Л. IV.

22), дрѣвѣѣхъ (I. Нав. гл. X. 26), оушѣѣхъ (Быт. XXXV. 4), чюдѣѣхъ (Остр. чудѣѣхъ. 2 Коринѣ. XII. 12). У Смотрицкаго также словѣѣхъ (л. 117 на обор.). Звуковое значеніе окончаній -ѣхъ и -ѣхъ, конечно, совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ. Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на ā- отъ основы косвенныхъ падежей: оушѣѣхъ (2. Цств. XVІІІ. 12. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ... во оушн...); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на o-: дрѣвѣѣхъ (Суд. VI. 26. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XV. 6, Остр. дрѣвѣѣхъ, Первоп. дрѣвѣѣхъ), а также по типу основъ ж. р. на ā-: дрѣвѣѣхъ (3 Цств. V. 8, Остр. другой текстъ) и дрѣвѣѣхъ (I. Нав. X. 26, Остр. другой текстъ). У Зизанія (вмѣсто дат.): нѣѣхъ и нѣѣхъ (л. 30).

§ 10. Приблизительно подобныя отношенія представляетъ склоненіе основъ на nt-, сохранившее многія старинныя формы.

Единственное число. Именит. и винит. п. Ѡтрочѣ (М. II. 9. 11. XVІІІ. 4), съ а=стел. ѣ (такъ уже въ Острожской б.), Ѡслаѣ, жрѣѣѣ (М. XXI. 2, Остр. Ѡслаѣ, жрѣѣѣ, Первоп. Ѡслаѣ, жрѣѣѣ), Ѡвчѣ (М. XII. 11, Остр. Ѡвчѣ, Первоп. Ѡвчѣ): стел. отроуѣ.

Родительный падежъ правильно: Ѡтрочѣте (М. II. 13, 20, Остр. Ѡтрочѣте), Ѡвчѣте (М. XII. 12, Остр. Ѡвчѣте), козлѣте (Л. XV. 29, Остр. козлѣте): стел. отроуѣте.

Дательный падежъ правильно: Ѡтрочѣти (2 Цств. XII. 21): стел. отроуѣти. У Зизанія также Ѡтрочѣти, но типу бывшихъ основъ на jo-, (л. 29 на об.), рядомъ съ правильной формой.

Творительный также отвѣчаетъ старосл. формѣ: Ѡтрочѣтемъ (Быт. XXI. 20), съ а=стел. ѣ. Такое правописаніе уже въ Остр. б.: Ѡтрочѣтемъ. У Смотрицкаго Ѡтрочѣтемъ (л. 114 на обор.)=стел. отроуѣтемъ. Окончавіе -ѣма совпадаетъ и со стел. окончаніемъ основъ на jo-: -ѣемъ.

Предложный: Ѡтрочѣти (М. II. 8, Л. II. 17, Остр. Ѡтрочѣти) по типу основъ на i-: стел. отроуѣте.

Двойственное число можетъ быть представлено только въ фор-

махъ, приведенныхъ у Смотрицкаго. И. В. Зв. у него образованъ по типу основъ м. р. на о-: ѿтрочáта (л. 114 на обор.): стел. отроуáтъ. Р. П. правильно: ѿтрочáтъ: стел. отроуáтоу.

Дательный и творительный съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей; для перваго правильная форма ѿтрочáтѣма (стел. отроуáтъма), которая въ церковнославянскомъ совпадаетъ также съ Д. Т. отъ основъ на јо- (какъ стел. поіѣма), а для втораго форма ѿтрочáтама, образованная по типу основъ на ā-. Такія же формы находимъ у Зизанія (л. 29 на об.), за исключеніемъ дат. и творит. ѿтрочáтома по типу основъ на о-.

Множественное число. Им. В. Зв. правильно: ѿслáта (1 Цств. IX. 5, Остр. ѿслáта), у Смотрицкаго ѿтрочáта (стел. отроуáта). Существительное дѣтъ идетъ по типу основъ на і-, какъ въ русскомъ: Им. дѣти (М. XVIII. 3), Вин. дѣти (Мр. X. 13); такъ уже въ Острожской библии (дѣти).

Родительный правильно: ѿтрочáтъ (Мр. IX. 37), телáтъ (1 Цств. VI. 7): стел. отроуáтъ. По типу основъ на і-: дѣтѣй (вмѣсто винит. п. Мр. X. 14, Остр. дѣтін; Первопеч. уже дѣтѣй).

Дательный правильно у Смотрицкаго (л. 114 на обор.): ѿтрочáтѣмъ (стел. отроуáтъмъ), каковая форма совпадаетъ также съ дат. мн. отъ основъ м. и ср. р. на јо-. Кроме того имѣются формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о-: ѿслáтѣмъ (Суд. XIX. 19, 21. Такъ уже въ Остр. библии) и по типу основъ на і- или на јо-, какъ: дѣтѣмъ (Быт. XLV. 19. Такъ уже въ Остр. б.—дѣтѣмъ). У Зизанія ѿтрочáтъѡ и ѿтрочáтѣ по типу основъ на о- и на ā- (л. 30).

Творительный п. у Смотрицкаго правильно: ѿтрочáты (л. 114, стел. отроуáты). У Зизанія ѿтрочáты и ѿтрочáтами по типу основъ на ā- (листъ 30).

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: правильное — 'а́х, передаваемое въ цел. графикѣ то -сѣхъ (стел. -вхъ), то -ѣхъ (графическое уподобленіе къ основамъ на о-) и -а́х (-аѣхъ), представляющее собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-: ѿслáтѣхъ (1 Цств. X. 2), рядомъ съ ѿслáтѣхъ (1 Цств. IX. 20. Въ Острожской ѿслáтѣхъ, въ Первопечатной

уже *ѡслѡтѣхъ*). У Смотрицаго: *ѡтрѡчѡтѣхъ* (стел. *отроуатьхъ*). Рядомъ по типу основъ на *ѡ-*: *ѡслѡтахъ* (Суд. V. 10. Такъ уже въ Остр. и Первопечатн. библияхъ). У Зизанія *ѡтрѡчѡтахъ* и *ѡтрѡчѡтѣхъ* (л. 30).

§ 11. Основы на *ѡ-* сохранили только въ нѣкоторыхъ формахъ свое первичное склоненіе. Въ другихъ же замѣчается вліяніе основъ на *і-*.

Единственное число. Именительный п. въ большинствѣ случаевъ утратилъ первичную форму съ *-ы* (стел. *-ы*) и представляетъ собой обыкновенно тождественное съ винит. ед. образованіе отъ основы косвенныхъ падежей по типу основъ на *і-*: *ѡтровъ* (Руѡ I. 15. Въ Остр. и Первоп. *ѡтрѣ*, — образованіе по типу основъ на *і-*), *свекрѡвъ* (Руѡ II. 18. Въ Остр. *свѣкры*, въ Первоп. *свекрѣ*), *крѡвъ* (М. XXIII. 35. XXVII. 25. Такъ уже въ Остр. б.), *любѡвъ* (Эккл. IX. 6. Такъ уже въ Остр.), *смѡкъвѣ* (Пѣснь Пѣсн. II. 13; въ Остр. смѣшанная форма *смѡкъвѣ* = *смѡкъвѣ* + *смѡкъвѣ*). Старинный именительный сохранился въ слѣдующихъ случаяхъ: *любѣ* (1 Кор. XIII. 4, М. XXIV. 12, Остр. такъ же), *свекрѣ* (Л. XII. 53, Остр. такъ же въ противоположность вин. ед. *свекрѡвъ* — тамъ же), *неплѡды* (Л. I. 7, Остр. такъ же).

Родительный падежъ правильно: *крѡвѣ* (стел. *крѣвѣ* М. XXIII. 35), *любвѣ* (стел. *любѣвѣ* Л. XI. 42. Острожск. и Первопечатн. б. Въ Новой б. *любѡвъ* вин. пад.), *ѡтровѣ* (Руѡ I. 15, Остр. такъ же), *цѣрквѣ* (М. XXIV. 1, стел. *црѣкѣвѣ*). Въ Острожской и Первопечатной библияхъ встрѣчается также форма именит. ед. вмѣсто родит.: Остр. *изслѣдъ свѣкры* (Первоп. *свекрѣ*) *своѣмъ* (Руѡ I. 14. Въ Новой друг. текстъ). Форма эта свидѣтельствуетъ о томъ, что именит. п. уже пересталъ чувствоваться таковымъ, такъ какъ въ языкѣ писавшаго былъ уже вытѣсненъ новообразованіемъ. Въ Острожской б. еще встрѣчается р. п. по типу основъ на *і-*: *крѡви* (3 Цств. XVIII. 28). Въ Первоп. и Новой уже исправлено *крѡвѣ*.

Дательный правильно: *цѣрквѣ* (1 Кор. I. 2, стел. *црѣкѣвѣ*), *свекрѡвѣ* (Руѡ II. 18).

Винительный п.; правильныя формы: *цѣркѡвѣ* (М. XXI. 23,

Остр. такъ же), крѡвь (М. XXVII. 4, Остр. кровъ, Первоп. какъ въ Новой), свекрѡвь (Л. XII. 53, Остр. такъ же), любѡвь (2 Петр. I. 7. 1, Иоа. III. 1, Остр. такъ же), неплѡдовь (Ис. CXII. 9, Остр. р. ед. неплѡдове, Первоп. какъ въ Новой): стел. црѣкъвь, крѣвь и т. д. Форма именит. п. вмѣсто винит.: любѡи творѣти (Апок. II. 14, Остр. любви), что встрѣчается уже въ древнѣйшихъ стел. памятникахъ.

Творительный п. правильно: цѣрковѡю (М. XXIII. 16), крѡвию (Римл. V. 9), свекрѡвию (Рувь II. 11), любѡвию (1 Кор. XVI. 14): стел. црѣкъвиж, крѣвиж и т. д.

Предложный п. утратилъ древнюю форму (стел. црѣкъвѣ) и пошелъ по типу основъ на і-: любѡи (1 Иоа. IV. 16. 18. Такъ уже въ Остр. б.), цѣркви (М. XXVI. 55. XXI. 14), въ крѡви (М. XXIII. 30, Остр. крови, Первоп. крѡви, Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѡи), рядомъ изъ кровѡи (Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѡи).

Множественное ч. Именительный и. правильно: смѡкви (Иер. XXIV. 3, 5, Иоиль II. 22, Остр. смѡкви, смокви, Первоп. какъ въ Новой), цѣркви (Римл. XVI. 4, Остр. црѣкви): стел. црѣкъки.

Родительный п., по типу основъ на і-: смѡквиѡи (Иер. XXIV. 1, Остр. смоквиѡи, Первоп. смѡквиѡи, Ис. XXXVIII. 21, Остр. смѡквиѡи, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ: смѡквиѡей (ibid. 2, Остр. винит. мн. смѡкви), кровѡей (2 Цств. XVI. 7, 8, Остр. ед. ч. крѡви), цѣрквиѡей (2 Кор. VIII. 19, Остр. р. ед. црѣкви). Чередованіе і и ѣ объясняется вліяніемъ русскаго языка: стел. црѣкъкъ.

Дательный п., какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: смѡквиамъ (Иер. XXIV. 2, Остр. смѡквиамъ по типу основъ на і-, Первоп. какъ въ Новой), хорѡгвамъ (1 Цств. X. 19, Остр. хорѡгвѡ); цѣрквиамъ (2 Кор. VIII. 18, Остр. црѣквиѡ, Первоп. црѣквиамъ): стел. црѣкъвамъ.

Винительный по типу основъ на ā-: смѡквы (Осія II. 12. Остр. смоквиѡ), смѡквы (Иер. XXIX. 17. Такъ уже въ Остр.: смѡквы, Первоп. такъ же): стел. црѣкъки.

Творительный по типу основъ на і-: кровѡи (Апок. XVII. 6, Остр. и Первоп. крѡви. Осія IV. 2, Остр. крѡми, Первоп.

крѡвми), кровьми (Пс. CV. 38, Остр. крѡвми, Первоп. какъ въ Новой), вровьми (Инс. Сир. XXVI. 11, Остр. дв. ч. вровма, Первоп. врѡвма); стел. цръкѡвми.

Предложный, какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: лювв́ахъ (Посл. Іуд. I. 12, Остр. любв́а), цѣркѡвахъ (Пс. XXV. 12, Остр. и Первоп. цѣрѡвахъ): стел. цръкѡвахъ.

§ 12. Основы муж. р. на и- въ большинствѣ падежей пошли по типу болѣе многочисленныхъ основъ на о-. Въ свою очередь, нѣкоторыя ихъ падежныя формы въ силу своего звуковаго богатства и характерности послужили источникомъ новообразований. Окончанія дат. ед. -ови, им. множ. -ове и род. -овъ (во всѣхъ этихъ случаяхъ -ов- принадлежитъ основѣ и отъ нея абсорбировано окончаніями, такъ что уже не чувствуется частью основы) перешли къ различнымъ другимъ основамъ, которымъ первично никогда не были свойственны.

Единственное число. Именительный п.: сѣиъ (Л. I. 32 и т. д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на о-: стел. сынъ.

Родительный п. по типу бывшихъ основъ на о-: сѣина (М. XXI. 37, XXIV. 30, Остр. сѣа, М. Смотрицкій, л. 113. Въместо винит. ед. ч. М. XXI. 5, Остр. сѣа, XXIV. 30 и т. д.), дѡма (Л. XI. 20, Остр. такъ же), что встрѣчается, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи. Рядомъ имѣются и старья, правильныя формы: дѡмъ (М. XXIV. 43, Мр. XIII. 35, Евр. XI. 7, Остр. такъ же. М. Смотрицкій л. 118 только дѡмъ), нѡлъ (Л. II. 23, Остр. такъ же), дѣлъ (2 Кор. III. 6, Остр. такъ же), нсрѣлъ (Л. IV. 29, Остр. врѣлъ, Первоп. какъ въ Новой), но верѣла (Іоа. II. 7, Остр. такъ же): стел. сыноу, домоу.

Дательный падежъ по типу основъ на о-: сынъ (М. XXI. 15, Остр. сѣлъ, Инс. Сир. XXX. 7, Остр. испорч. текстъ), дѡмъ (Л. XIX. 9, Остр. такъ же, Цств. II. 28, Остр. домъ); старая форма: сѣови (Л. V. 22, Остр. такъ же), дѡмови (М. Смотр. л. 118, гдѣ имѣется также и дѡмъ): стел. сынови.

Винительный, какъ у бывшихъ основъ на о-, у именъ одушевленныхъ замѣняется формой родительнаго падежа (явленіе синтактическое): сѣина (М. XXIV. 30, XVI. 28, XXI. 5, Остр. сѣа. Быт. XIX.

37. 38, Остр. сѣз, Первон. сѣа. 1. Спр. XXI. 1, Остр. сѣа. 2. сѣз, Первон. сѣа, 3. О. сѣз, Перв. сѣа, 13. О. сѣз, Перв. сѣа. М. Смотрицкій 113, только эта одна форма), волà (Дан. V. 21, Остр. такъ же), но у неодушевленныхъ: дѣмъ (Л. X. 38, Остр. домъ. М. Смотрицкій, л. 118). Последняя форма одинаково можетъ быть винит. п. отъ основъ на и- и отъ основъ на о-: стел. сынъ.

Какъ видно изъ цитатъ, старинный винит. п. ед. ч., тождественный съ имен., лучше сохраняется въ Остр. библіи, хотя и тамъ уже встрѣчается форма род. п. Въ Первопечатной на мѣстѣ старинныхъ формъ вин. п., находимъ уже родит. ед. ч.

Звательный по типу основъ м. р. на о-: сынѣ (М. XX. 30. 31, Остр. сѣе. М. Смотрицкій, л. 113), дѣме (Дѣянїя VII. 42, Остр. такъ же. М. Смотрицкій, л. 118); стел. сыноу и т. д.

Творительный п. одинаково можетъ отвѣчать исконной формѣ или представлять собой образованіе по тину основъ на о-: сѣномъ (2 Цств. XVI. 19, М. Смотрицкій, л. 113, стел. сынъмъ), дѣмомъ (М. XXIV. 45. М. Смотрицкій, л. 118), дѣомъ (М. III. 11).

Предложный п. по тину основъ на о-: сѣнѣ (Евр. I. 2, Остр. сѣнѣ, М. Смотрицкій, л. 113), дѣмѣ (1 Цств. III. 13. Такъ уже въ Остр. б.), на керсѣ (1 Цств. XXVI. 13, Остр. такъ же), но правильно—домѣ (М. XXVI. 6, XXIV. 17, Остр. домѣ, IX. 10, Остр. домѣ, М. Смотрицкій, л. 118), керхѣ (нарѣчіе М. II. 9, Остр. керхѣ), воздѣхѣ (Притчи XXX. 19, Остр. воздѣхѣ), чинѣ (1 Кор. XV. 23, Остр. чинѣ): стел. сыноу, домоу.

Двойственное число. И. В. 3. Большая часть случаевъ по тину основъ на о-: два сына (М. XXI. 28. 1, Макк. XIII. 16, Остр. два сѣа), ѣва сына (М. XX. 21, Остр. сѣа), два вола (3 Цств. XVIII. 23, Остр. ѣнца), у М. Смотрицкаго только дѣма (л. 118), сѣа (л. 113). Рядомъ встрѣчаются изрѣдка старыя формы: в. п. два сыны (Быт. XLVIII. 1. 13, Остр. ѣва сѣа, 1 Макк. XVI. 2, Остр. множ. ч. дѣсѣвъ), два дѣмы (3 Цств. IX. 10, Остр. два домѣ, Первон. два домѣ); ѣва помы (Иезек. XLVII. 12, Остр. ѣва помы), Въ данныхъ случаяхъ эти винит. надежи могутъ быть просто формами вин. множ., употребленными вмѣсто вин. двойств. ч.: стел. сыны, домы.

Р. П., судя по формамъ, приведеннымъ у Смотрицкаго (л. 113, 118): сынѸ, дѸмѸ (стел. сыновоу) пошелъ по типу основъ м. р. на о-. Въ исправленной, Новой библии, вмѣсто р. дв., встрѣчаемъ форму р. мн.: ѸбѸнѸхъ сынѸвъ (РуѸ I. 5) — въ Острожской б. по ѸбѸю снѸ.

Дательный и творительный идутъ по типу основъ м. р. на о-: двѸмѸ сынѸма (РуѸ I. 2, такъ же и въ Остр. б.), рядомъ сынѸма (М. XX. 20, Остр. такъ же) съ удареніемъ на окончаніи: стел. сынѸма. Старинный Д. Тв. дв. сохранился въ нарѣчій полмѸ (Дан. XIII. 59, Остр. пѸльма, Первоп. пѸлма, стел. полѸма). У Смотрицкаго обычная педантичная дифференціація: дат. сынѸма (л. 113), дѸмома (л. 118) и твор. по типу основъ на Ѹ-: сынѸма, дѸмама (ibid.).

Множественное число. Именит. и. представляетъ разнообразіе формъ: правильныя формы—сынѸве (М. V. 9, XVII. 26, Остр. снѸве), дѸмѸве (2 Цств. II. 3, Остр. домѸве), волѸве (Быт. XXX. 43, Остр. влѸве): стел. сынѸве, домѸве. У Смотрицкаго находимъ форму дѸми (л. 118 на обор.), образованную по типу им. мн. основъ м. р. на о- (см. также Числ. XXIV. 5, Остр. еще дѸмѸве, Первоп. дѸмѸве). Встрѣчается также и винит. и. вмѣсто именит.: дѸмы (Перем. VI. 12, Остр. домѸ, Первоп. дѸмы), сынѸы (М. Смотри., л. 113 на обор.).

Родительный правильно: сынѸвъѸ (М. XVII. 25, XXVII. 9). волѸвъѸ (3 Цств. XIX. 19. 21), домѸвъѸ (Мр. X. 30). У Смотрицкаго приводятся формы, образованныя по типу основъ на о-: сынѸ (л. 113 на обор.), дѸмѸ (л. 118 на обор.), въ новомъ библейскомъ текстѣ однако не встрѣчающіяся: стел. сынѸкъ.

Дательный надежъ какъ у основъ на о-: сынѸмѸ (Суд. III. 6, Мр. III. 28, Остр. снѸмѸ, М. Смотри. л. 113 на обор.), домѸмѸ (ДѸянїя II. 46, Остр. предлож. домохѸ, Первоп. домѸхѸ, XX. 20, Остр. домѸ, Первоп. домѸмѸ, М. Смотри. л. 118 на обор.): стел. сынѸмѸ вмѣсто ожидаемаго *сынѸмѸ. Рядомъ съ этими формами имѣются образованныя отъ сильной основы косвенныхъ надежей: сынѸнѸмѸ (2 Парал. XIII. 5, Ис. LXXXII. 9. Такъ и въ Остр. б. снѸнѸмѸ, М. Смотри. л. 113 на об. Евр.

ХІІ. 7, Остр. сїѡ), дѣховѡмъ (Л. ІV. 36, Остр. дѣховомѣ, Первоп. какъ въ Новой, Мр. І. 27, Остр. дѣховомъ, Первоп. какъ въ Новой, 1 Кор. ХІІ. 10, Остр. дѣховомѣ, Первоп. дѣховѡмъ), домѡмъ (Дѣянїя ІV. 34, Остр. домовомъ, Первоп. какъ въ Новой. М. Смотр. только домѡмъ).

Винительный п. правильно: сїны (Іерем. ХХІХ. 6, Быт. V. 4. 3 Ездры І. 28, Ис. ХLІХ. 22, Остр. сїны, М. Смотр. л. 113 на об.), дѡмы (Ис. Сир. ХLІХ. 15, Остр. другой текстъ, 1 Тимоѡ. ІІІ. 12, Остр. такъ же, М. Смотрицк. л. 118 на об.). Формы эти совпадаютъ съ винит. падежемъ основъ м. р. на о-, что увеличиваетъ сходство склоненїя этихъ двухъ основъ. М. Смотрицкїй приводитъ еще не встрѣчающуюся въ библіи (исправленной) форму: сїновы, но только отъ одной этой основы. Въ основѣ ея лежитъ сильная форма темы; окончанїе -ы одинаково можетъ принадлежать основамъ на о- и основамъ на и-: стел. сїны.

Творительный представляетъ обилїе формъ. Формы, отвѣчающїя первичному старославянскому твор. мн., рѣдки: сїнми (стел. сїнѡми): Ис. Нав. ІІІ. 7, Быт. ХХХVІІ. 2, Дѣянїя ІХ. 15 (стел. сїнѡми), въ Остр. библіи сїнѡми и сїнѡми. Рядомъ имѣются формы по тину основъ м. р. на о-: сїны (І. Нав. V. 1. Такъ въ Остр. и Первопеч. б.; М. Смотр. л. 113 на об.); по тину основъ на и-: сїнѡми (2 Цств. ХІІ. 3. Въ Остр. и Первоп. сїнѡмъ, сїнѡмъ — ед. ч. 3 Цств. VІІІ. 9. Въ Остр. и Первоп. древняя форма сїнѡми. М. Смотр. л. 113 на об.), домѡми (М. Смотр. л. 118 на обор.).

Предложный падежъ представляетъ собой образованїе по типу основъ на о-: версѣхъ (Осія. ІV. 13, Остр. другой текстъ), сїнѣхъ (Ефес. ІІ. 2, Остр. сїноѣхъ, Первоп. сїнѡхъ = стел. сїнѣхъ; 1 Цств. ІХ. 2, ХІV. 47, Остр. сїѣхъ, Пс. LXXXVІІІ. 7, Остр. сїноѣхъ, Первоп. уже сїѣхъ). У М. Смотрицкаго сїѣхъ, т.-е. сїнѣхъ съ другимъ ударенїемъ. Также: домѣхъ (М. ХІ. 8. Въ Остр. еще домѡхъ = стел. домѣхъ. Ис. ХІІІ. 22, Остр. домѡхъ, Первоп. домѡхъ. Быт. ХХХІV. 29. Дѣянїя V. 42; въ Остр. и Первопеч. также домѣхъ и домѣхъ); у М. Смотр. другое ударенїе—дѡмѣхъ (л. 118 на обор.). Образованїя по типу основъ на

о- въ Острожской б., какъ видно изъ примѣровъ, рѣже, чѣмъ въ Первопечатной и въ Новой. Эта послѣдняя въ свою очередь совсѣмъ не имѣетъ старинныхъ формъ на -оуъ = стел. -ъхъ. У Смотрицкаго приводится также не встрѣчающаяся въ исправлен. библии форма сынѡвъхъ, въ основѣ которой лежатъ сильная тема (л. 113 на обор.).

§ 13. Основы на ā- и jā-. Лучше сохранили свое склоненіе бывшія основы на ā-, если не считать обычныхъ фонетическихъ измѣненій (ж = ѝ, ж = ю, ты послѣ заднеязычныхъ = и) и нѣкоторыхъ единичныхъ продуктовъ морфологической ассимиляціи. Им., род., вин., зват. и твор. единств. числа ничѣмъ не разнятся отъ старославянскихъ формъ въ морфологическомъ отношеніи. Уклоненія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основѣ перечисленныхъ надежей, сказываются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ въ дательномъ и предложномъ единственнаго числа возстановленіемъ этого согласнаго. Въ этомъ отношеніи церковнославянское склоненіе бывшихъ основъ на ā- совпадаетъ съ русскимъ, что объясняется вліяніемъ русскаго языка. Отношенія ударенія часто своеобразны въ сравненіи съ русскимъ.

Единств. число. Именительный и.: слáва (Л. II. 9), нѡгá (Пс. XXV. 12), рѣкá (Пс. XXXI. 4. М. Смотр. л. 97), влáга (М. Смотр. л. 96 на обор.).

Родительный: жѣртвы (Пс. XXXIX. 7.), главы́ (ibid. 13), рѣкѣ́ (Пс. XXXVIII. 11.), рѣкѣ́ (Дан. XII. 5), влáги (М. Смотрицкій, л. 96 на об.) и т. д. У Визанія лѣвы и рѣкѣ́ (л. 31, 32): стел. глвкы, ржкы, влггы.

Дательный: женѣ́ (Руѡв. IV. 11), рѣцѣ́ (М. Смотр. л. 97), влáзѣ́ (ibid. л. 96 на об.) по сноухѣ́ (Руѡв II. 22. Такъ уже въ Остр. и Первопеч. б.): стел. снѣсь.

Винительный: силѣ́ (Юднѡв. II. 22), нѡгѣ́ (Эккл IV. 17). рѣкѣ́ (Пс. LXXIII. 11. М. Смотр. л. 97: роу́кѣ́), влáгѣ́ (М. Смотр. л. 96 на об.): стел. силѣ́ и т. д.

Звательный: жéно (М. XV. 28. Л. XXII. 57), рѣкѣ́ (М. Смотр. л. 97). Рядомъ встрѣчаются формы именит. и., какъ въ русскомъ: сатаиá (Л. IV. 8. Такъ уже въ Острожской б.): стел. жéно и т. д.

Творительный: женюю (Эккл. IX. 9), влагою (М. См. л. 96 на об.), рѹкюю (ibid. л. 97): стел. рѹкоѹ, женоѹ и т. д.

Предложный: злѹбѣ (Эккл. VII. 16), рѹцѣ (ibid. V. 13. 14. М. Смотр. 1. с.), влѹзѣ (М. См. 1. с.) и рядомъ во влѹгѣ (Иерем. XVII. 8. Въ Остр. и Первоп. мокротѣ), на дскѣ (Ис. XXX. 8. Въ Остр. и Первоп. вѹдскѹ, во дскѹ. Аввак. II. 2. Въ Остр. и Первоп. во дскѹ): стел. рѹцѣ.

Двойственное число. И. В. Зв. рѹцѣ (Эккл. II. 11. М. Смотр. 1. с. роуцѣ), ланитѣ мой (Ис. I. 6), сестрѣ (Иоан. XI. 3), нѹзѣ краси (!) (Ис. Сир. XXVI. 23, Остр. такъ же): стел. рѹцѣ.

Рядомъ встрѣчаются и формы и. множ.: ѿбѣ сноуи (Руов. I. 6. 7. Такъ уже въ Остр. б.), ѿбѣ страны (Иезек. XXXV. 10: ѿба ѣзыка и ѿбѣ страны моѣ бѹдѹтъ. Въ Остр. ѿбѣ странѣ и ѿбѣ земли моѣ бѹдетъ, Первоп. странѣ, земли); винит. дв. нѹзѣ (Пс. CIV. 18, Остр. нѹзѣ, Первоп. какъ въ Новой, Иерем. XIV. 10, Остр. нѹзѣ, Первоп. нѹзѣ) и рядомъ совершенно невозможная форма им. мн. нѹзи твоѣ текѹтъ (Иерем. XII. 5. Въ Остр. и Первопеч. б. это мѣсто имѣеть совсѣмъ другой текстъ), въ основѣ которой лежатъ очевидно форма И. В. З. двойств., видоизмѣненная по типу имен. множ. цслав. основъ, соответствующихъ первичнымъ на jā- (земли—въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи), на i- и б. м. основъ м. р. на о-. У Зизанія находимъ невозможную форму на -а: лѹкѹ, дѣва, тождественную съ им. ед. бывшихъ основъ на ā- и вызванную, вѣроятно, вліяніемъ им. дв. основъ на о-.

Родит. и предл. и. правильно: рѹкѹ (Пс. XXX. 16, М. Смотр. роуку, 1. с.), нѹгѹ (Пс. XCVIII. 5): стел. рѹкоу.

Дат. и твор. правильно: лѣмѹ стѣнѹма (Иерем. LII. 7. Пс. XXII. 11. твор.), рѹкѹма (М. XV. 20. твор.), ногѹма (Ис. XXIII. 3), сноуѹма (Руов. I. 8. дат.). У Смотрицкаго рѹкѹма (л. 97).

Рядомъ въ новой библии встрѣчается форма твор., образованная по типу бывшихъ основъ на о-: вѣждома, (Притчи VI. 4. Въ Остр. и Первоп. вѣкомома). Ниже твор. множ. вѣждами (ibid. 25. Въ Остр. ѿ вѣи). ланитема (Иоан. XIX. 3. Остр. ланитема: I.

Сир. XXXV. 15. Остр. ланитама, Первоп. какъ въ Новой): стел. ржкамл, стънама.

Множественное число. Именительный правильно съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго: воды (Иерем. LI. 16. Въ Остр. и Первоп. вóды, вѡды), жены (Иерем. XVIII. 21. Въ Остр. б. жéны; въ Первоп. жены; Иерем. VI. 12, Остр. жéны, въ Первоп. жены), вдовы (Плачь Иерем. гл. V. 3. Такъ и въ Первопеч., Остр. безъ ударенія), но воды, горы (Пс XLV. 4). Послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ты: рѣки (Ис. I. 15, Остр. такъ же), роуки (М. Смотр. л. 97), енохѣ (Руоф I. 6. 7, Остр. снѡхѣ, снѡсѣ, Первоп. снѡхѣ), слѣгѣ (Иоа.. XVIII. 18, Остр. и Первоп. еще слѣгѣ): стел. ржки. У Зизанія вмѣсто им. мн. находимъ форму И. В. Зв. дв.—рѣцѣ (л. 32).

Родительный не представляетъ никакихъ особенностей: рѣкѣ (Эккл. V. 5. М. Смотр. роука л. 97); стел. ржкѣ.

Дательный правильно: женама (Ис. Сир. XLVII. 22. Такъ и въ Остр. и въ Первоп.), ногама (Пс. XXXVII. 17), горама (Ис. XXII. 5) и т. д. М. Смотр. роукама (л. 97), дѣвама (л. 94 на об.): стел. жснама и т. д.

Винительный: главы (Посл. Иерем. 8), раины (Ис. Сир. XXI. 1), страны (Ис. X. 9. Такъ и въ Остр.); послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ты: рѣки (Пс. XL. 3. Остр. рѣки, Первоп. какъ въ Новой, Осія VII. 5, Остр. такъ же), ноги (Дан. VIII. 18, Остр. и Первоп. предл. дв. ч. нѡгѣ): стел. глвкы, ржки и т. д.

Творительный, безъ всякихъ отличій: ногами (Дан. VII. 7. Въ Остр. и Первоп. ногама); М. Смотр.: дѣвами (л. 94 на обор.), рѣками (л. 97 на обор.): стел. ржками.

Предложный. рядомъ съ правильными формами, какъ: рѣкама (Пс. XXX. 9). влагама (М. Смотр. л. 96 на обор.) и т. д., представляетъ изрѣдка и образованія по тину основъ м. р. на о-: слѣвѣма (Иезек. VI. 9. Въ Остр. и Первоп. ед. ч. слѣвѣ), ланитѣма (Плачь Иер. I. 2. Остр. и Первоп. дв. ч. ланитѣ), нѣргѣма (гр. πῶργος: Иезек. XXVII. 11. Остр. всѣнѣма; Первоп. въ текстѣ нѣнѣма. на полѣ нѣнѣма; 1. Макк. V. 5. Остр. въ нѣнѣма, Первоп. въ нѣнѣма; 2. Макк. X. 20. Остр. въ стѣнѣма, Первопеч. въ

столиѣхъ. Въ Остр. и Перв. б. иургъ мужеск. рода: два иурги, въ новой дкѣ иѣрги: 2 Макк. X. 18). Уподобленіе здѣсь основывается скорѣе на недоразумѣніяхъ, иногда, можетъ быть, и случайнаго характера, какъ на примѣръ злѣвѣхъ, у формы иѣргѣхъ оно только кажущееся, такъ какъ первично основа эта муж. рода. Форма Острожской б. иѣргехъ представляетъ графическое уподобленіе къ основамъ на і-. Форма иѣргѣхъ вмѣсто ожидаемой *иургехъ замѣчательна еще возстановленіемъ первичнаго г подѣ вліяніемъ основъ такихъ надежъ, гдѣ г оставалось въ силу фонетическихъ условій (морфологическая ассимиляція).

Основы на jā- сохранились хуже и въ извѣстныхъ надежахъ подверглись уподобляющему вліянію основъ на ā-, а также и основъ на і-.

Тѣ изъ основъ, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, особенно легко подпали вліянію основъ на ā- и почти совпали съ ними.

Единственное число. Именительный не представляетъ никакихъ особенностей: зсмлѣ (Варуха II. 15), ты́сѣца (1 Макк. XIV. 24), дѣшѣ (М. XXVI. 38), дѣшѣца (Мр. VI. 28), ѿдѣжда (Дан. VII. 9).

Родительный, вмѣсто того, чтобы оканчиваться на -'а (-ja) = стел. ѡ (ѡ), имѣетъ своимъ окончаніемъ послѣ палатальныхъ согласныхъ -і (и), послѣ утратившихъ палатальность согласныхъ (ц, главнымъ образомъ) -у (ы), что объясняется уподобленіемъ къ основамъ на ā-, у которыхъ р. и. ед. ч. оканчивался на -ы: зсмлі (4. Цств. XV. 5. Въ Остр. еще зсмлѣ, но зсмлі: Іов. XII. 17. 19, въ Первонеч. уже зсмлі), ты́сѣци (Іов. IX. 3, Остр. другой текстъ), шѣци (Прем. Сол. XIX. 20. Остр. шѣца, Первон. -и), вѣци (Суд. IV. 20. Остр. -а. Первон. -и), дѣши (Іов. X. 1. XXI. 25. Остр. дѣи), кѣжи (Іов. XI. 26), мѣшци (Ис. LXXVIII. 11. Остр. еще мѣшца, Первонеч. мѣшци), лѣжци (Юд. XIII. 3. Въ Остр. стихъ 1: лѣжца, Первонеч. лѣжци), цѣшци (Эср. VII. 6. Въ Остр. въ ст. 8. цѣши), шѣшци (Іов. XXXI. 40. Въ Остр. также шѣшци, но Ис. IV. 8 шѣшца). У М. Смотр. мѣшци (л. 98), свѣци (л. 98 на об.), шѣшци (л. 99 на обор.). У Визанія, рядомъ со стар. формой шѣшца, имѣется и родит. на -ѣ (л. 32 на об.),² по

только сѣдѣ (л. 33), юноши (Дѣянїя VII. 58. Въ Остр. еще юноша, Первоп. юноши, М. Смотр. л. 99).

Какъ видно, Острожская библія еще представляетъ болѣе древнее окончаніе, которое уже въ Первопечатной замѣняется вторичнымъ, позднѣйшимъ.

Послѣ жд, которое въ церковнославянскомъ произношенїи утратило палатальность, встрѣчаемъ то -и, то -ы. Первое написаніе объяняется остатками старославянской орѳографїи, требовавшей небнаго гласнаго послѣ жд, второе, встрѣчающееся уже въ Острожской б., вліяніемъ живаго произношенїа: и҃жды (3 Ездры IV. 42 Евр. VII. 27. Въ Остр. и Первоп. это мѣсто пропущено. Тов. IV. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), жа҃жды (Юд. VII. 22, Остр. и Первоп. жа҃жди), вра҃жды (Притчи VI. 35, Остр. вра҃жды, Перв. вра҃ды), на҃дежды (Ис. XXVIII. 4. Остр. на҃дежа, Первоп. на҃дежди), но жа҃жди (Ис V. 13. XII. 17, такъ и въ Остр. и Перв.), на҃дежди (Іов. II. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ): стел. земла, до҃ша и т. д.

Дательный, рядомъ съ правильнымъ окончаніемъ -і (-и), отвѣчающимъ старосл. -и, у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, имѣетъ и окончаніе -ѣ (-ѣ) = стел. -ѣ, которое обязано своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію основъ на ѣ-: вдовѣицѣ (І. IV. 26. Остр. еще вдовѣици, но Юд. XIII. ѡтровокиѣци. Первопеч. уже вдовѣицѣ), десниѣцѣ (Ис. XVI. 7. Остр. десници, Первоп. десниѣцѣ), двѣиѣцѣ (М. XIV. 11, Остр. двѣици, Первоп. двѣиѣцѣ), госноѣѣ (2 Іоа. I. 1, Остр. и Первоп. госнодѣици), рѣѣ (Ис. LXXVII. 46. Такъ и въ Остр. и Первоп.), но двѣиѣ (Ис. III. 3, XXXIV. 7. Такъ и въ Остр. и Первоп.), стѣѣ (Юд. XIV. 2. Остр. и Первоп. иной текстъ), на҃дежди (Ис. XXVIII. 10, 13), У М. Смотр. ѡиѣѣ (л. 98 на об.), иѣѣицѣ (л. 100), но мѣѣѣ (л. 98), юноши (99), сѣѣи (102 на об.) и т. д.: стел. змиѣ, землѣи, до҃ши. У Визанїа: пѣѣици (л. 32 на об.), сѣѣи (л. 33). У именъ собственныхъ съ основами на ја- встрѣчается изрѣдка д. и. но тину основъ на и-: ѣзекѣи (2 Пар. XXXII. 27. Остр. ѣзекѣи), Хсавѣи (ibid. XXXIV. 20. Остр. хсавѣи).

Винительный надежь не представляет особенностей. Окончаниємъ является -и или -'и (-ŷ, -ю) съ предшествующимъ согласнымъ палатальнымъ или утратившимъ палатальность: зѣмлю (4 Цств. VIII. 6), змию (ibid. XVIII. 4), лжŷ (Іоа. VIII. 44), жáждŷ (Пс. LXVIII. 22), дŷшŷ (Тов. XIV. 11): стел. доушá, землж, змиж. У М. Смotr. мрѣжю (л. 98), но ѡношŷ (л. 99), ѡицŷ (л. 98 на обор.) и т. д.

Звательный надежь чаще имѣетъ правильное окончаніе -æ (-ε) = стел. -ε: царіце (Эсф. V. ε), дŷше (3 Ездры. VIII 4), ѡноше (Л. VII. 14), Ѡтроковице (Л. VIII. 54), землѣ (М. II. 6) и т. д.: стел. землѣ, доуше, но надѣждо по тину основъ на ā- (Акао. Іисусу, нкосъ 5).

Творительный б. ч. отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: дŷшію (Тов. XIII. 6), вóлю (Пс. LIII. 8). Даже въ основахъ съ сочетаніемъ жд-, которыя въ нѣкоторыхъ надежахъ подпали влінію основъ на ā-, имѣется также -єю, не -ою: Ѡдѣждю (Суд. IV. 18. Такъ и въ Остр.), иŷждю (Дѣян. V. 26, Ис. XVII. 13. Въ Остр. русская форма иŷжею, въ Первоп. уже иŷждю), жáждю (Суд. XV. 18. Такъ и въ Остр., и въ Первоп. Прем. Сол. XI. 9. 15. Остр. друг. текеть), надѣждю (Суд. XVIII. 27, Пс. XXXII. 9, Остр. надѣжею, Іез. XXVIII. 26, Остр. надѣжею); изрѣдка встрѣчаются формы по типу основъ на ā-: жáждю (Юд. VII. 25. Въ Остр. и Первоп. другой текеть), Ѡдѣждю (Числ. IV. 13, Остр. ѡдѣжею, Первоп. ѡдѣждю, Пс. CVIII. 29, Остр. ѡдѣжею, Первоп. ѡдѣждю, Прем. I. Сир. XLV. 8. Остр. ѡдѣждю, Первоп. ѡдѣждю): стел. доушеъ, колшеъ. У нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, принадлежащихъ къ основамъ муж. р. на ja-, встрѣчается форма твор. ед., образованная по типу основъ м. р. на jo- (или на i-): Исáемъ прѣрѣкомъ (М. III. 3. Въ Остр. также ісайемъ), Іереміемъ прорѣкомъ (М. II. 17. Остр. иѣреміемъ). Ассоціаціи, вызвавшія это уподобленіе, поддерживались и сосѣдними по контексту формами твор. надежа основъ м. р. на o-.

Предложный надежь представляетъ два окончанія: одно правильное -і (-и) = стел. -и, другое, перешедшее, какъ и въ русскомъ, отъ основъ на ā-, -а (-ъ) = стел. ѣ. Примѣры перваго: из дŷши

(Пс. XII. 3), на землѣ (Пс. XXVI. 13), въ воли (Пс. XXIX. 6), во мрѣжи (2 Парал. IV. 13), стражи (Юд. XII. 5) и т. д.

Второе окончаніе имѣется главнымъ образомъ послѣ согласнаго ц: въ темни́цѣ (М. XXV. 39, 43. Остр. темни́ци, Первоп. одинъ разъ темни́цѣ, другой ѣ темницы), въ коши́нцѣ (Дѣян. IX. 25, Остр. въ кошиницы, Первоп. -ѣ), въ оу́треницѣ (Дѣян. V. 21, Остр. оу́треници, Первоп. -ы), въ мѣ́шцѣ (Юд. IX. 7, Ис. Сир. XXI. 24. Въ Остр. и Первоп. другой переводъ), въ дѣ́нцѣ (Іов. XIX. 24. Другой текстъ въ Остр. и Первоп.), въ лѣ́жнцѣ (Юд. XIII. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), въ мѣ́тнцѣ (М. IX. 9, Остр. мѣ́тници, Первоп. -ѣ), въ скѣ́дѣлнцѣ (Мр. XIV. 13. Остр. ѣскѣдѣлнцѣ, Первоп. также -ѣ) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что окончаніе -ѣ послѣ ц въ Острожской библіи встрѣчается очень рѣдко, преобладаетъ -и, рядомъ съ которымъ, также рѣдко, встрѣчается -ы. Разницы между -и и -ы послѣ ц въ произношеніи по всей вѣроятности не было, и -и объясняется традиціями старославянской орфографіи. Написанія съ -ы принадлежатъ къ одной категоріи съ написаніями въ родѣ предл. ед. ч. сердца́, лица́, им. мн. оучени́цы и т. д., обычными въ новой церковнославянской орфографіи. Окончаніе -ѣ, весьма рѣдкое въ Острожской б., въ Первопечатной уже вытѣсняется -ы (-и), а въ новой, исправленной библіи господствуетъ исключительно. У М. Смотр. встрѣчаемъ также -ѣ послѣ ц: ѡвѣ́цѣ (л. 98 на об.), пѣ́нцѣ (л. 100), во мрѣ́жи (л. 98), ю́ноши (л. 99 на об.) и т. д.

Послѣ жд въ новой, исправленной библіи встрѣчаемъ и -и, и -ѣ. Первое, „правильное“ окончаніе чаще, второе, заимствованное отъ основъ на ѧ-, рѣже: въ жа́жди (Пс. LXI. 5, 2 Кор. XI. 27. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ и́жди (Посл. Іерем. 36), въ ѡдѣ́жди (Дѣян. I. 10, Л. VII. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ жа́ждѣ (Ам. VIII. 13, Остр. друг. текстъ), въ надѣ́ждѣ (Іов. VII. 6. Въ Остр. русская форма имен. надежа, Первоп. также имен. надѣжда—церковнославянская), въ и́ждѣ (3 Макк. I. 14. Остр. и Первоп. и́жди, 1. Цств. XXII. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ), въ жа́ждѣ (Плачь Іер. IV. 4. Остр. другой текстъ, не

Юд. VII. 25, въ жáждѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ въ Острожской и Первопечатной почти не встрѣчается и свойственно главнымъ образомъ новому исправленному тексту.

Двойственное число насчитываетъ немного формъ въ текстѣ Библии. И. В. Зв. у М. Смотрицкаго идетъ по типу основъ на ā-: мрѣжѣ (л. 98), ѓвцѣ (л. 99), пѣ́ницѣ (л. 100) у основъ ж. рода, но ѣноша (л. 99 на об.), сѣдѣ̀ (л. 102), пѣ́ница (л. 100), по типу основъ на о-; рядомъ имѣются правильныя формы: лодіи (л. 102), сѣдѣ̀и (л. 102 на об.). Формы, могущія быть И. В. Зв. дв. и встрѣчаемыя въ текстѣ Библии, представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ: вѣжди... ѣспытáетѣ (Псал. X. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), двѣ дѣши (вин. дв. 3 Ездры VI. 49. Такъ и въ Остр.); иногда замѣчается графическое уиодобленіе къ именит. вин. падежу множ. ч. основъ на ā-: двѣ ты́сѣци (вин. дв. 1 Макк. XV. 26, 4. Цств. XVIII. 23, Первоп. ты́сѣци), но три ты́сѣци (им. дв. Дѣян. II. 42): стел. зема́и доуши. Въ Острожской и Первопечатной б. встрѣчаются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ непапалатальнымъ и образованія по типу основъ на ā-: дѣицѣ (Эсф. V. 1), ѓтрокѡвицѣ (Первоп. Дан. XIII. 19, Остр. и Нов. -ы), въ Новой: двѣ ѓвцѣ (Ис. VII. 21). У Зизанія находимъ формы пѣ́ница, сѣдѣ̀, тожественныя съ им. множ. пѣ́ница, сѣдѣ̀ (л. 33).

Родит. и предложный въ парадигмахъ Смотрицкаго отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: мрѣжю (л. 98), ѓвцѣ (л. 99), ѣношѣ (л. 99 на об.), пѣ́ницѣ (л. 100), лодію (л. 102), сѣдѣ̀ (л. 102 на об.), хотя, разумѣется, формы эти построены составителемъ главнымъ образомъ теоретически: стслав. зема́ю, доушоу.

То же надо сказать и о формахъ дательнаго и творительнаго: мрѣжама (л. 98 на об.), ѓвцама (л. 99), ѣношамма (л. 99 на об.), пѣ́ницамма (л. 100), лодіама (л. 102.), сѣдѣ̀ама (л. 102 на об.) и т. д.: стел. зема́ма, доушамма.

Въ Новой библии формы двойств. числа обыкновенно замѣняются уже формами множ.: со двѣма ѓтрокѡвицама (Дан. XIII. 15, Остр. и Первоп. -ма), дат. ѓтрокѡвицама (ibid. 17, Остр. и Первоп.

-ма); форма мрѣжема (З Цств. VII. 42. Такъ уже въ Остр.) образована по типу основъ на і- (стсл. костьма). По типу основъ на о-: твор. вѣждама (Притчи VI. 4. XXX. 13, Остр. вѣкома, Первоп. нѣкома). У Зизанія по типу основъ на і- или на јо-: пѣницема, сѣдіема (л. 33).

Множественное число: именительный падежъ, какъ въ русскомъ, подпалъ уподобляющему вліянію основъ на а-. Въмѣсто окончанія -'а (а съ предшествующимъ палатальнымъ или нѣкогда палатальнымъ согласнымъ), отвѣчающаго старосл. а въ земля, доша, является окончаніе -і (-и), отвѣчающее стсл. -ы формъ рыкы, жены и т. д., которое послѣ палат. согласнаго должно дать -и. Болѣе отдаленнымъ типомъ, имѣвшимъ также уподобляющее вліяніе, должны были служить и основы ж. р. на і-, именит. множ. которыхъ оканчивается на -и: кóсти, чáсти и т. д.

Послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, вмѣсто и, мы находимъ -ы: дѣи́цы (Эсѣ. II. 8. Въ Остр. форма вин. мн. дѣица. Въ Первоп. также вин. дѣи́цы), пти́цы (Иезек. XXXI. 13, Остр. птица, Первоп. -ы), колесни́цы 4. Цств. X. 2, Остр. колесни́ца, Первоп. -ы), мыш́цы (Ис. XXXVI. 17. Остр. мышца, Первоп. -ы), юнош́ы (Дѣян. V. 10. Остр. юноша, Первоп. -ы), дѣш́ы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14, Остр. дѣша, Первоп. дѣшы), но юнш́ини (Іов. XXIX. 8, Остр. юноша, Первоп. -и), мрѣ́жи (4. Цств. XXV. 17, Остр. мрѣжа, Первоп. -и), вслмѣ́жи (Апок. VI. 15, Остр. и Первоп. также -и) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что -ы, вмѣсто -и, встрѣчается постоянно только послѣ ц; послѣ же другихъ согласныхъ, утратившихъ палатальность, — ж, ш, чаще встрѣчается -и. Едва ли однако изъ этого можно сдѣлать выводъ, что во время устанавленія такой орфографіи согласные ж, ш обладали большей степенью палатальности, чѣмъ ц, тѣмъ болѣе, что въ винит. множ., какъ мы увидимъ ниже, и послѣ ж, ш встрѣчается какъ правило -ы. Для установленія точнаго вывода необходимо всестороннее и полное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда церковнославянскихъ написаній, которое завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ непосредственной задачи этого изслѣдованія.

Трудность въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи подобныхъ написаній играли роль не только извѣстныя звуковыя свойства данныхъ согласныхъ, но и стремленіе провести одинаковость написанія въ цѣлой категоріи однородныхъ морфологическихъ формъ (графическая ассимиляція или морфологическая ассимиляція въ написаніи). У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ -и: мрѣжи (л. 98, на об.), ѡвци (л. 99), ѡноши (ib. па об.), пѣници (л. 100), лѡдѣи (л. 102), сѡдѣи (л. 102 на об.); у Зизанія „правильныя“ формы имен. зват, пѣницѣ, сѡдѣѣ (л. 33), рядомъ съ формой пѣницѣ (ibid.).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ имѣется -и, вмѣсто ожидаемаго -а, какъ это уже сказано выше: пѣтли (Исх. XXXVII. Въ Остр. другой текстъ), стѣзи (Притчи Сол. II. 15, Остр. пѣти. III. 17, Остр. стѣзм. Первоп. -и), прѣтчи (Пр. Солом. I. 1, Остр. прѣтча) и т. д. Въ Острожской б. еще встрѣчается болѣе древнее -а.

Послѣ ш, произносимаго какъ $\check{s}\check{c}$, находимъ однако часто -и, въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть вліяніе такихъ написаній, какъ дѣши, ѡноши, (им. множ. см. выше): кѣши (Быт. XIII. 5. Остр. другой текстъ, Числ. XXIV. 5. 6, Остр. и Первоп. -а), свѣщи (Быт. XV. 17, Остр. свѣщѣ, Первоп. -и), но свѣщѣ (Дѣян. XX. 8, Остр. -а, Первоп. -и), тыщѣ (Числ. XXVI. 47. Въ Остр. цифрами, Первоп. -и), но тыщѣ (Апок. VII. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д. Остатки правильнаго именит. мн. съ -'а = стел. -а, -ѣ, имѣются въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ: вѣнѣ (Апок. IX. 9, Остр. такъ же), змѣѣ (Зв. п. М. XXIII. 33, Остр. змѣа, Первоп. змѣѣ) и змѣѣ (имен. мн. Матѣ. X. 16, Остр. змѣа, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный падежъ отвѣчаетъ старославянскому въ большинствѣ формъ.

На мѣстѣ старославянскаго -ѣ встрѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, нуль гласнаго.

Послѣдній согласный основы или остается палатальнымъ, что обозначается посредствомъ -ѣ, или утрачиваетъ палатальность, въ каковомъ случаѣ въ церковнославянской графикѣ находимъ -ѣ.

Послѣдній знакъ имѣется однако и въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы -ь, такъ какъ послѣдній согласный основы сохраняетъ свою палатальность. Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы палатальнымъ (написанія въ -ь): стѣзь (Притчи I. 15, Ис. XVII. 46), земѣль (Иезек. XXXVI. 24. Въ Остр. другой текстъ, стел. зсмль), капель (Иѣнь II. V. 2. Въ Остр. другой текстъ), ты́сѣць (М. XIV. 21, Остр. тысѣць, Первоп. ты́сѣць. Дѣян. IV. 4, Остр. и Первоп. ты́сѣць, Апок. VII ubique, Остр. и Первоп. ты́сѣць) и т. д.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы неналатальнымъ (написанія съ -ъ): Ѡвѣць (Иов. I. 3. Такъ и въ Остр., и у М. Смотрицкаго: л. 99), дѣвѣць (Эсѣ. II. 9, Остр. дѣць, немного ниже дѣць, Первоп. -ъ), колесѣнь (Числ. VII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.), ѡгниць (ibid. VII. 35, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. дѣшь (Прем. Сол. III. 13. Быт. XLVI. 22. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), ко́жь (Исх. XXVI. 14, Остр. и Первоп. творит. надежь), ѡнонь (1 Парал. XIX. 10, Остр. другой текстъ) и т. д. нѣждь (Ис. XXX. 8, Остр. бѣдь, Первоп. нѣждь), Ѡдѣждь (4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. другой текстъ; ibid. VII. 15, Остр. также -ъ, Первоп. -ь. Исх. XXI. 10, Остр. друг. текстъ, Плачь Иерем. IV. 14, Остр. др. текстъ) и т. д.

Рядомъ съ этими формами, отвѣчающими старославянской неконной формѣ р. ми., имѣется извѣстное количество формъ, вызванныхъ унодобляющимъ вліяніемъ основъ на і-: вѣщѣй (Иѣнь II. I. 7. Такъ и въ Остр. 1 Ездры III. 4, Остр. и Первоп. другой текстъ), пѣщѣй (Притчи С. XXIII. 6, Остр. и Первоп. пѣщамъ, Лев. XXV. 37, Второз. XXIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ты́сѣщѣй (2 Парал. XIV. 9, Юд. II. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ), пѣтлѣй (Исх. XXVI. 10. Такъ и въ Остр.), пѣздѣй (Иов. XLI. 11, Остр. пѣздѣи, Первоп. пѣздѣи) и пѣздѣй (Числ. XI. 20. Такъ и въ Остр. и Первоп.), мѣщѣй (2 Пар. IX. 18. Такъ въ Остр. и Первоп., Быт. XLIX. 24, Остр. р. ед. мѣщѣца, Перв. -ы, Второзак. XXXIII. 27, Остр. и Первоп. р. ед.) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ

примѣровъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основа имѣетъ передъ окончаніемъ не одинъ, а два согласныхъ.

Посредствующимъ звеномъ между основами на *jā-* и основами на *i-* въ данномъ случаѣ служили такія формы р. мн., какъ сѣдѣй (Суд. II. 17, 18 и т. д. Такъ и въ Остр.), которая отвѣчаетъ старосл. сѣднн; свинѣй (Л. VШ. 32, Остр. свиннн, Первон. свинннй). У Зизанія сѣдѣй, ѣй (л. 33 на об.). По типу этихъ и вышеприведенныхъ формъ, вѣроятно, уже послѣ образовались формы какъ мрѣжсѣй (Иезек. XXVI. 5, Остр. и Первон. другой текстъ), продѣжсѣй (4 Цств. XII. 7. Въ Остр. и Первон. р. ед.), гдѣ были только одинъ согласный.

Дательный множественнаго не представляетъ морфологическихъ особенностей сравнительно со старославянскимъ: землѣмъ (4 Цств. XIX. 11. Такое удареніе и въ Остр. б.) = стел. землѣмъ, птицамъ (Быт. II. 20), лѣсамъ (Притчи С. XXIV. 2) и т. д.

Винительный множ. ч. въ общемъ представляетъ тѣ же особенности, что имен. множ. Въмѣсто окончанія *-а* (стел. *-я, -я*) встрѣчается *-и* или *-ы*, представляющееся результатомъ морфологической ассимиляціи къ вин. мн. основъ на *ā-*; первое окончаніе имѣется обыкновенно послѣ согласныхъ палатальныхъ, второе послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ (написанія съ *-и*): дѣи (Числ. XI. 5. Такъ уже въ Остр.), бѣи (Юд. VII. 32, Остр. другой текстъ), нѣи (Іов. XI. 19, 21. Такъ уже въ Остр. б.), стезѣи (Притчи С. II. 20, Остр. стезѣ, Первон. *-и*), сѣдѣи (Суд. II. 16, 2 Цств. VII. 11, Остр. сѣдѣ, Первон. *-и*), верѣи (Ис. CVI. 16, Остр. верѣ, Первон. *-и*), землѣи (4 Цств. XVIII. 35, Остр. землѣ) и т. д. стел. землѣ.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ (написанія съ *-ы*): птицы (Быт. II. 19. Такъ уже въ Остр. б.), ѣицы (Ис. XIII. 12, Остр. ѣица, Первон. *-ы*) и т. д., дѣицы (Іов. XXXVIII. 39, Остр. гл. XXXIX. дѣи, Первон. *-ы*; Юд. IV. 9, Остр. другой текстъ; Ис. XCVI. 10, Остр. дѣи, Первон. *-ы*), чѣицы (Исх. XXV. 29, Остр. чѣи, Первон. *-ы*, Притчи С. XXIII. 31, Остр. вин. ед. ч.). ѣицы (Юд. II. 27, Остр. другой текстъ),

но юншши (2 Макк. V. 24. Такъ и въ Остр.), лжи (Притчи С. VI. 19, Остр. лжа, Первоп. лжи), велмóжы (4 Цств. X. 11, Остр. велмóжа, Первоп. велмóжи), мрѣжы (Пѣснь П. II. 9, Остр. в. ед.), но мрѣжи (Л. V. 2. 4, Остр. мрѣжа, мрѣжа, Первоп. мрѣжи), кóжы (Исх. XXV. 5, Остр. и Первоп. кожа. Сохраненіе -а въ Первоп., вездѣ уже имѣющей -и, -ы, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ форма могла быть принята за им. ед.), но кóжи (Мих. III. 2. 3, Остр. кóжа, Первоп. -и), ѡдѣжды (1 Цств. XVIII. 4, Остр. ѡдѣжи, Первоп. ѡдѣжи; 4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. ед. ч., 2 Макк. V. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ, 4 Цств. VII. 8, Остр. ѡдѣжа, Первоп. ѡдѣжи, Дѣян. IX. 39, Остр. ѡдѣжа, Первоп. ѡдѣжи) и т. д.

Сравнительное преобладаніе формъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и вліяніе винит. множ. основъ на ā- вызываетъ написанія съ -ы послѣ ш=š'č', гдѣ мы ожидали бы -и, согласно произношенію.

Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ удобоудобленіемъ одного написанія другимъ, болѣе частымъ. Фонетическаго значенія подобнаго написанія не должны были имѣть, тѣмъ болѣе, что происхожденія они сравнительно новѣйшаго, и въ Острожской и Первопеч. преобладаютъ написанія съ а- и -и: тѣсѣны (1 Парал. XVI. 15, Остр. и Первоп. тѣсѣна), нѣны (1 Макк. XIII. 33, Остр. нѣна, Первоп. нѣни), прѣны (2 Парал. XXVI. 14, Остр. и Первоп. прѣни, 1 Макк. VI. 51, Остр. и Первоп. другой текстъ), кѣны (Прем. Сол. XI. 2, Остр. кѣна, Первоп. кѣна. Числ. XVI. 30, Остр. кѣна, Первоп. кѣни), свѣны (Суд. VII. 16, Остр. свѣна, Первоп. свѣни, 20: Остр. и Первоп. свѣни, XV. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго вездѣ въ винит. мн. послѣ согласныхъ непалатальныхъ -ы: мрѣжы (л. 98), ѡвцы (л. . 9), юношы (л. 99 на обор.), пѣдницы (л. 100); послѣ же согласныхъ палатальныхъ -и: лóди (л. 102), сѣдѣи (л. 103), но ѡвѣдѣны (л. 101).

Остатки правильной формы винит. мн. съ окончаніемъ -а (=стел. -а, -я) встрѣчаются изрѣдка и въ новой, исправленной Библии (въ Острожской это окончаніе преобладаетъ, въ Первопечат-

ной уже вытѣснено, за немногими исключеніями, новымъ, представляющимъ собой результатъ морфологической ассимиляціи): *вѣд* (Пс. СХХVІІІ. 4, Остр. и Первоп. *вѣд*), *врснѣ* (Апок. ІХ. 9. Также въ Остр. и Первоп., Іер. XLVІ. 4, Остр. и Первоп. *врснѣ* съ другимъ удареніемъ, Прем. Сол. V. 18, Остр. *врснѣ*, Первоп. *врснѣ*). *мрѣжа* (Мр. I. 19, Остр. и Первоп. *мрѣжа*), *синиѣ* (Л. VІІІ. 33).

Творительный не представляетъ значительныхъ уклоненій. Преобладаютъ формы правильныя, изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на *i*-. Правильныя формы: *пѣтлѣми* (Исх. XXVІ. 11), *конѣми* (Ам. VI. 6), *бѣжѣми* (1 Пар. XVІІ. 1), *верѣѣми* (Суд. XVI. 3), *тысѣцѣми* (2 Макк. XII. 34. Также въ Остр. и Первоп.), но *тысѣцѣми* (2 Макк. V. 24, 3 Ездры XIII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.; 1 Макк. VII. 40. Такъ же въ Остр. и Первоп.). Последняя форма дополняетъ собой приведенныя выше формы р. мн., какъ *тысѣцѣй*, возникшія также подъ вліяніемъ основъ на *i*-. Такъ какъ почти все другіе надежи совпадали съ формами склоненія основъ на *i*-, то такимъ образомъ получалось почти полное уподобленіе всей системы.

Предложный надежъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ законное соотвѣтствіе старославянской формѣ: *стѣзѣхъ* (Пс. XVI. 5), *зѣмлѣхъ* (Пс. LXVІІІ. 12), *кѣплѣхъ* (Пс. LXIV. 11); *тысѣцѣхъ* (Мих. V. 2), *кницѣхъ* (Пс. LXVІІ. 31), *дѣшѣхъ* (Числ. XVI. 37. Съ такимъ удареніемъ и въ Остр.) и т. д. Рядомъ изрѣдка встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ъех*, которое въ цслав. графикѣ обозначается написаніемъ *-ѣхъ*: *жѣждѣхъ* (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. *жѣждахъ*), *нозарѣхъ* (Іов. XL. 20, Остр. и Первоп. *нозарѣхъ*), *колѣсницѣхъ* (Пѣснь II. I. S. Остр. и Первоп. предл. ед. *колѣсницѣ*). Въ этихъ формахъ надо видѣть продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на *i*-, имѣющимъ въ предл. мн. *-ѣхъ* = стел. *-ѣхъ* и графической ассимиляціи написаній съ *-ѣхъ* къ написаніямъ основъ муж. р. на *o*-, гдѣ *-ѣхъ* отвѣчаетъ стел. *-ѣхъ*. Формъ съ такимъ окончаніемъ немного, но онѣ встрѣчаются уже въ Острожской библии, хотя все таки рѣже, чѣмъ въ Новой, исправленной.

Съ основами на *jā-* совершенно совпали и первичныя основы съ *-ī* въ именительномъ единственнаго (т. н. основы на *ī-*); совѣщъ исчезъ им. ед. на *-и*: *гордына* (Прем. Сол. V. 8. Такъ уже въ Остр.), *равына* (Юд. XI. 5), *милостына* (Ис. Сир. XVII. 18, Остр. еще *мѣтыни*, Первоп. *милостына*), *Самаранына* (I. IV. 9, Остр. еще *-и*, Первоп. *-а*) и т. д.; у М. Смотрицкаго *самаранына* (л. 103), *стына* (л. 103 на об.), *гордына*, *равына*, *милостына* (л. 104). Остаткомъ первичнаго склоненія можно считать форму зват. п. ед. ч. *стыни* (М. Смотриц. л. 104); обычное же окончаніе зв. ед. у М. Смотрицкаго такое же, какъ и у основъ на *jā-*, т. е. *-е*: *самараныне*, *стыне*. Иногда встрѣчается и форма им. п. *стына* (Ис. XXXV. 1, Остр. *-и*, Первоп. *-а*). Какъ видно, Острожская библ. сохраняетъ еще болѣе древнюю форму им. и зв. ед. на *-и*, тогда какъ уже Первопечатная представляетъ то же окончаніе, какое встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ, т. е. *-а*.

Родительный ед. *стыни* (Юд. II. 23. Такъ уже въ Остр.), *гордыни* (Ис. XXXV. 12, Остр. *-а*, Первоп. *-и*), *равыни* (Эс. V. 1, Остр. другой текстъ, Іов. XXXI. 13, Остр. другой текстъ, Ис. Сир. XII. 26, Остр. другой текстъ, Исх. XXI. 26. Такъ же въ Остр. и Первоп. Въ Остр. однако чаще окончаніе *-а*: *равына*: Исх. во главѣ XI, 6, и т. д.), *Самараныни* (Іоа. IV. 9, Остр. *-и*): стил. *равына*.

Дательный по типу основъ на *ā-*: *равыни* (Юд. X. 5, Остр. другой текстъ, XIII. 9, Остр. и Первоп. *-и*. Ам. II. 7, Остр. и Первоп. *равѣ*), у М. Смотрицкаго *самараныни* (л. 103), но *стыни* (тамъ же на обор.): стил. *равыни*.

Винительный правильно: *стыню* (Ис. XXVIII. 8), *равыню* (Юд. VIII. 10, X. 2), *стыню* (М. Смотриц. л. 103 на обор.), *самараныню* (М. См. л. 103): стил. *равыни*.

Творительный также отвѣчаетъ старославянской формѣ: *равынсю* (Юд. VIII. 33), *самаранынсю* (М. Смотриц. л. 103), *стынсю* (*ibid.* л. 104): стил. *равынсю*.

Предложный также правильно: *стыни* (Ис. LXVII. 8, Быт. XII. 9, Дѣян. XIII. 18. Такъ и въ Остр.), *самараныни* (М.

Смотр. л. 103), с̄т̄ыни (ibid. л. 104) или по типу основъ на ā-: с̄т̄ынѣ (М. Смотр. тамъ же): стел. рлкънн̄.

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: днѣ рав̄нни (внн. дв. Эсѳ. V. 1, Остр. днѣцѣ по типу основъ на ā-, Первон. также дѣвнѣцѣ). Формы, приводимыя въ парадигмахъ М. Смотрицкаго, построены по типу основъ на ā-: самарянн̄нѣ (л. 103), с̄т̄ынѣ (л. 104): стел. рлкънн̄.

Остальные надежи не представляютъ особенностей: р. и пр. самарянн̄ию (М. Смотр. л. 103), с̄т̄ыню (ibid. л. 104), д. и тв. самарянн̄инама (л. 103 на об.), с̄т̄ынама (л. 104).

Множественное число, какъ и слѣдовало ожидать, тождественно по формамъ съ вышеразсмотрѣннымъ склоненіемъ основъ на jā-. Им. надежъ: рав̄нни (Быт. XXIV. 61, Остр. рав̄нина, Первон. -и, ibid. XXXII. 5, Остр. -а, Первон. -и, Іов. XXXI. 31, Остр. -а, Первон. -и), м̄л̄т̄ыни (Притчи С. III. 3, Остр. и Первон. -а), самарянн̄ини (М. Смотр. л. 103 на обор.), с̄т̄ыни (ibid. л. 104), книг̄ини (2 Парал. XXXV. 25, Остр. книг̄ини, Первонеч. книг̄ини) и т. д. Острожская біблія представляетъ еще болѣе древнее окончаніе -'а (= стел. ѡ), хотя и не во всѣхъ случаяхъ; Первонечатная уже чаще имѣетъ -и, тогда какъ въ Новой находимъ только -и.

Родительный правильно: рав̄ннѣ (Эсѳ. II. 9), самарянн̄нѣ (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ынѣ (ibid. л. 104).

Дательный также: самарянн̄инамъ (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ынама (ibid. л. 104).

Винительный, какъ вообще у основъ на jā-, представляетъ морфологическую ассимиляцію къ основамъ на ā-: п̄с̄т̄ыни (Іис. Сир. XIII. 23, Остр. -а, Первон. -и), самарянн̄ини (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ыни (ibid. л. 104): стел. рлкънн̄.

Творительный правильно: самарянн̄инами (М. Смотр. л. 103 на об.), с̄т̄ынами (ibid. л. 104), а также и предложный: самарянн̄инамъ, с̄т̄ынамъ (l. c.).

§ 14. Основы мужескаго и ср. рода на о-. Въ общемъ склоненіе этихъ многочисленныхъ основъ сохранилось довольно прочно и даже послужило уподобляющимъ типомъ для разныхъ другихъ

менѣе многочисленныхъ и рѣже встрѣчающихся основъ муж. и ср. рода. Въ свою очередь оно также подпадало въ нѣкоторыхъ падежахъ вліянію главнымъ образомъ основъ на *ā*- (какъ въ русскомъ языкѣ) и основъ на *u*-. Въ написаніяхъ изрѣдка замѣчаются слѣды вліянія и основъ на *i*-, которое, конечно, имѣетъ только графическій характеръ.

Основы муж. рода. Падежи именительный и родительный представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ формъ: *рѣкъ* (Іов. VII. 2, стел. *рѣкъ*), *наѣмникъ* (*ibid.* стел. *наѣмникъ*), *скаѣ* (Исх. XX. 17, стел. *скаѣ*), *скотѣ* (*ibid.*) и т. д.

Дательный падежъ или правильно: *Богѣ* (І. XIII. 3, Варуха II. 5. 6, IV. 4. 21 и т. д.), или по типу основъ на *u*- съ окончаніемъ *-ov'i* (-ови), гдѣ *-ov-*, принадлежащее основѣ, абсорбировано окончаніемъ. Окончаніе это, какъ и другія окончанія (мы увидимъ это ниже), заимствованныя отъ основъ на *u*-, имѣется прежде всего у основъ односложныхъ: *Бгови* (М. XXII. 21, Л. XXI. 4. Такъ и въ Остр.), *мірови* (Іоа. III. 17, Остр. *мірови*. Первоп. *мірови*), *кѣгови* (Іоа II. 11, Остр. *кѣгови*), *дрѣгови* (Исх. Сир. XX. 23, Остр. *дрѣгови*), *Петрови* (Мр. XIV. 37, 66, Остр. *петрови*, 70, Остр. *петрови*, Матѣ. XVI. 23, XXVI. 40, Остр. *петрови*) и т. д. Появленіе окончанія *-ови* у этихъ основъ объясняется тѣмъ, что первичныя основы на *u*- въ именительномъ ед. ч. случайнымъ образомъ также веѣ односложны (въ старославянскомъ двухсложны: *сынъ*, *домъ*, *медъ* и т. д.): *syn*, *dom* || *mir*, *druk* и т. д.

Отъ этихъ односложныхъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія, главнымъ образомъ заимствованныя, иностранныя слова, къ которымъ надо отнести и имена собственныхъ: *Архитриклинѣ* (Іоа. II. 9, Остр. *архитриклинѣ*), *архисинагѣ* (Мр. V. 36, Остр. *архисинагѣ*), *сардинѣ*, *смарѣ* (Апок. IV. 3, Такъ и въ Остр.). *Фараѣ* (Римл. IX. 17, Остр. *фараѣ*), но *Фараѣ* (Исх. III. 10. 11. 18, IV. 22, V. 1. 15. 23, VI. 1. 11. VII. 1. 2. 7. 15 и т. д.). *іаснѣ* (Апок. IV. 3), *игемѣ* (М. XXVII. 2) и т. д.: въ именахъ собственныхъ: *Іоаннѣ* (М. XI. 4, Остр. *іоаннѣ*), *Ефремѣ* (Ис. VII.

9, Остр. ἐφρέμωνι, Ос. V. 12. 14, Остр. ἐφρέμωνι), Ἰρῶδωνι (М. XIV. 6, Остр. Ἰρῶδωνι), Βαάλωνι (Ос. XIII. 1, Остр. βαάλωνι), Ἰωσιφῶνι (М. I. 18, Mr. XV. 45, Остр. Ἰωσιφῶνι), Βαρύχωνι (Перем. XXXII. 12, Остр. βαρύχωνι), по Βαρύχῳ (ibid. 13), Γίμωνωνι (Л. V. 10, Остр. σίμωνωνι, рядомъ къ Γίμωνῳ), ко Ἰῆσωνι (М. XIV. 29, XV. 1, XXVI. 49, Mr. V. 15, Остр. ἰῶνι) и рядомъ ко Ἰῆσῳ (М. XVIII. 1), прешэдшῳ Ἰῆсῳ (Mr. V. 21), ко Ἰρῶδῳ (М. II. 12), Γομορώωνῳ (Ис. VII. 9) и т. д.

Какъ на характерную черту формъ на -они можно указать на известный типъ акцентуаціи: удареніе въ именит. ед. на послѣднемъ слогѣ и въ родительномъ на третьемъ, какъ и въ нервичныхъ основахъ на и- (δόμῃ—δόμωνι, σμαράγδῃ—σμαράγδωνι, по ἰάσπιδῃ—ἰάσπιδῳ).

Впрочемъ послѣдовательно эта черта не проведена. Въ соединеніи съ предлогомъ къ также чаще правильныя формы дат. ед. отъ основъ на о-, формы съ -ови, напротивъ, чаще въ независимомъ употребленіи.

И та, и другая черта однако находятся только въ зачаточномъ состояніи, до полной послѣдовательности онѣ не доведены; это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цслав. языкъ былъ языкъ главнымъ образомъ писанный, такъ что ассоціаціи между различными его формами не могли имѣть такой силы и яркости, какъ ассоціаціи языка живаго, „говорямаго“.

Формы винит. падежа въ синтактическомъ употребленіи, какъ и въ русскомъ, сохранились только у именъ неодушевленныхъ и именъ собственныхъ неодушевленныхъ (географическіе термины): во гра́дѣ (М. VIII. 33), во Ἱερὺσαλίμῃ (М. II. 1), сотворíte плáдѣ (М. III. 8), на Ἱερὺδάνῃ (М. III. 13), Назарétѣ (М. IV. 13), сифтѣ (М. IV. 16), неáѣгѣ (ib. IV. 23), глаго́дѣ (ib. V. 11), дáрѣ (ib. V. 23) и т. д.

Имена же собственные одушевленныхъ существъ и имена одушевленныхъ, какъ въ русскомъ, утратили собственно винит. н. ед. числа, вмѣсто котораго употребляется форма р. ед. (явленіе синтактическое): Ἰωάννα (М. XIV. 10), врагὰ твоєгò (М. V. 43, Такъ уже въ Остр.), ὄστρεκα (Л. I. 54), чловѣка (М. X. 35,

XV. 11, 18), Авраама (М. III. 9), на брата (М. V. 22), Пѣа (М. IX. 8), прѣрока (ib. X. 41), вѣса (ib. XI. 18) и т. д.

Эта особенность, замѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ уже съ полной послѣдовательностью, такъ что исключеній не встрѣчается.

Звательный падежъ отвѣчаетъ старославянскаго формѣ: Сіѡис (Ис. III. 1), рабе (ib. XII. 8), Кіже (Ис. CIII. 1) и т. д. Случаевъ замѣны формы зват. надежа формой именительнаго не имѣется.

Творительный падежъ также является продолжателемъ старославянскаго формы. Единственная особенность—замѣна суффикса -мь, которому въ целав. должна была бы соответствовать форма -м' (цел. -мь),—суффиксомъ -мъ (цел. -мъ), о чемъ уже сказано выше (стр. 161): котломъ (Ис. Сир. XIII. 3), рѣзомомъ (ib. XLIV. 3), Кігомъ (Иоа. VI. 45) и т. д.: стел. когомъ.

Предложный падежъ также отвѣчаетъ старославянскаго формѣ. У основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ изрѣдка встрѣчаются образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ тѣхъ надежей, гдѣ заднеязычный согласный сохранялся: изъ смѣхѣ (Ис. Сир. XXI. 23, Остр. и Первон. смѣхъ), при Антиохѣ (3 Макк. I. 1, Остр. и Первон. ѿ А—ха), въ прѣхѣ (Плачъ Иер. III. 29, Остр. и Первон. въ прѣхъ), но на прѣсѣ (Ам. II. 7. Такъ и въ Остр.), ѿ грѣсѣ (Ил. Иер. III. 39, такъ же и въ Остр.), въ дѣхѣ (II Кор. VI. 6. Остр. и Первон. дѣхъ), ѿ всѣдшкѣ (Юд. IX. 7, Остр. и Первон. другой текеть), но ѿстрѣгѣ (Иезек. XVII. 17, Остр. и Первон. ѿстрѣгомъ), въ ѿмѣамникѣ (Числ. VII. 86, Остр. ѿмѣамникъ, Первон. ѿмѣамникъ): стел. грѣсъ, косъ и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя формы съ возстановленіемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ -ѣ составляютъ особенность новѣйшаго целав. языка. Въ Острожской библии онѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ находимъ образованія по типу основъ на и-, которыхъ напротивъ почти нѣтъ въ новой библии (единственный примѣръ на... всѣхъ Иезек. IV. 1.

Остр. рѣврѣхъ, Первоп. рѣврѣхъ). Психодной точкой морфологической ассимиляціи служила и здѣсь односложность основъ смѣх-, прах-, бок- и основъ сын-, дом- и т. д.

Двойственное число не представляетъ отличій отъ старославянскаго, но часто замѣняется множественнымъ. И. В. Зв. двѣ брата (М. IV. 18. 21), двѣ оучѣнка (М. XXI. 1), но двѣ вслблѣды (Тов. IX. 2, Остр. и Первоп. вельвлѣда) и т. д. Р. и Пр. во двою дворѣ (4 Цств. XXIII. 12. Такъ и въ Остр.), обою оуглѣ (Исх. XXX. 4), но на двѣ дворѣхъ (ib. XXI. 5, Остр. на двѣ дворѣ, Первоп. дворѣхъ), двѣ ѣвнѣхшвѣ (род. вм. вин. Эсѣ. I. Остр. ниже: двѣхъ ради ѣвнѣховѣ), двоихъ вертепахъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. двою вртѣнѣ, Первоп. двою вертѣнѣ), двоихъ чловѣкшвѣ (Иоа. VIII. 17, Остр. двою члѣкѣ, Первоп. двою чловѣкѣ) и т. д. Дат. и твор. двѣма ѣшнвома (Суд. XV. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), но двѣма таланты (3 Цств. XVI. 24, Остр. и Первоп. талантома), двѣма ѣвнѣхи (Эсѣ. I. Остр. ѣвнѣхома, Первоп. ѣвнѣхома), ѣбѣма братома (Быт. IX. 22), двѣма коннома (Дѣян. XII. 6, тв.); по типу основъ на ā-: рогѣма (Быт. XXII. 13, Остр. другой текстъ).

У М. Смотрицкаго находимъ дифференціацію окончаній дат. твор. -ома для дат. и -ама по тину основъ на ā- для твор.: дат. клеврѣтома, тв. клеврѣтама (л. 105 на об.), гѣрмома — гѣрмама (л. 106), вѣннома — вѣннама и т. д. (л. 107). Дифференціація эта однако не подтверждается дѣйствительными фактами языка и должна быть отнесена на счетъ собственныхъ мудрованій составителя. У Лавр. Зизанія находимъ только правильное окончаніе -ома (см. листы 26, 27).

Множественное число представляетъ большое разнообразіе формъ, изъ которыхъ только небольшое количество исконныхъ, тогда какъ остальные представляютъ собой результатъ разнообразныхъ вліяній другихъ основъ.

Именительный падежъ, форма котораго въ русскомъ языкѣ уже вытѣснена формой винит. множественнаго числа, еще сохраняется въ известномъ количествѣ случаевъ: скѣти (Иерем. XII. 4), нарѣди (М. IV. 25), грѣви (М. XXVII. 52), вѣнни (М. XXVIII.

27), ѡсполѣни (Быт. VI. 4), вразѣнѣ (Ис. Сир. XLVI. 6. М. X. 36), грѣсѣи (М. IX. 5), мѣси (М. IX. 17), дѣси (Дѣян. VIII. 7) и т. д.

Послѣ ц, утратившаго палатальность, находимъ въ написаніяхъ -ы: престѣпницы (Соб. Посл. Іак. II. 9. Такъ уже въ Остр.), ѡпрѣсноцы (Мр. XIV. 1. Такъ и въ Остр.), лжепророцы (Мр. XIII. 22. Такъ и въ Остр.), оубѣнцы (М. XVШ. 1. Такъ и въ Остр.), гѣзыцы (Римл. II. 14, Остр. гѣзыци, Первоп. -ы), пророцы (Л. XVI. 16, Остр. также -ы), споспѣшницы (1 Кор. III. 9, Остр. и Первоп. винит. мн. поспѣшники), наслѣдницы (Римл. VIII. 17. Такъ же и въ Остр.) и т. д. У М. Смотрицкаго еще -и: пророци (л. 110).

Рядомъ съ этими формами уже часто находимъ формы винит. множ.: зѣбы (Ис. LVI. 5, Остр. также зоубы, Дан. VII. 7. Остр. такъ же), грады (Суд. X. 4, Остр. и Первоп. -и), гѣды (Быт. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡслы (Быт. XXXII. 5. Такъ и въ Остр.), послы (ів. 6, Ис. XXI. 2. Такъ и въ Остр.), ѡ громи ѡ глѣсы (Апок. IV. 5, Остр. громи ѡ глѣсы), но глѣси (ів. VIII. 5), хлѣвы ѡ фѣники (2 Цств. XVI. 2. Остр. хлѣви, Первоп. -ы), пѣрсты (ів. XXI. 20, Остр. прѣсты, Первоп. пѣрсты, Дан. V. 5. Остр. прѣсты, Первоп. пѣрсты), рабы (Дан. XIII. 27, Остр. и Первоп. -и), сосѣды (Апок. II. 27, Остр. сзсѣды, Первоп. сосѣды), завѣры (Іерем. LI. 30, Остр. завѣры, Первоп. завѣры), кмѣры (Ос. X. 2, Остр. вин. мн. Ис. XXI. 9, Іерем. L. 2. Такъ и въ Остр.), ѡсполѣны (1 Парал. XX. 8, Остр. и Первоп. гигѣнты), но -и (Быт. VI. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Остр. и Первоп. библіи немного чаще представляютъ окончаніе настоящаго именит. множ. -и, чѣмъ Новая, причемъ Первоп. нѣсколько ближе къ послѣдней. Но окончаніе винит. множ. также уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной и довольно часто.

Послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, согласно условіямъ русской и церковнославянской фонетики, -и винит. надежа должно дать -і (-и): роги (Дан. VIII. 3, Остр. и Первоп. двойств. рога, Исх.

XXVII. 2. Такъ и въ Остр.), ты́сѣщники, со́тники, но рядомъ нача́лницы (1 Парал. XXVII. 1. Такъ же въ Остр. и Первоп.), трѣ чинóвники (Дан. VI. 2. Такъ же и въ Остр. и Первоп.), помóщники (3 Цств. XX. 16, Остр. и Первоп. двойств. число), ѣвнѣхи (Эсѣ. IV. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), шипкѣ (4 Цств. XXV. 17, Остр. и Первоп. шѣпки), нача́тки (Иезек. XLVIII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ) колкѣ (Исх. XXXVII. Остр. и Первоп. конецъ XXXVI. такъ же), полкѣ (Быт. XXXII. 2, Остр. по́лки, Первоп. полкѣ), крочкѣ, верхѣ (Исх. XXVII. 10. Въ Остр. и Первоп. такъ же), причáстники (Римл. XV. 27, Остр. -ы, Первоп. -и), и т. д. У Лавр. Зизанія обѣ формы рядомъ: снѣгѣ и снѣзи (л. 27 на об.), но бѣзи (л. 26 на об.).

Рядомъ имѣется довольно значительное число образованій по типу основъ на и-: льво́ве (Ис. V. 29. Такъ и въ Остр.), стрóпове (Ам. VIII. 3, Остр. и Первоп. ко́плевѣ), ке́дрове (Пѣснь П. V. 15. Такъ и въ Остр.), грѣзно́ве (ibid. VII. 8, Остр. грѣзно́вѣ, Первоп. грѣзни́вѣ), бѣсовѣ (Пс. XCV. 5. Такъ и въ Остр.), со́тове (Притчи С. XVI. 24. Такъ и въ Остр.), ла́ровѣ (Ис. Сир. XX. 29. Такъ и въ Остр. Евр. IX. 9), сѣдо́вѣ (Притчи С. XXIII. 29, Остр. сѣди, Первоп. сѣди, Римл. XI. 33, Остр. и Первоп. также сѣдовѣ), пи́ровѣ (Притчи XXIII. 30, Остр. такъ же), пло́довѣ (Притчи X. 16, Остр. и Первоп. ед. число), гро́мовѣ (Исх. IX. 33. Такъ и въ Остр.), но гро́ми (ibid. 28, 29, 34), вра́новѣ (3 Цств. XVII. 6. Въ Острожск. такъ же), ро́довѣ (М. I. 17. Въ Остр. также), жи́довѣ (Иоа. I. 19. Въ Остр. такъ же), оўдо́вѣ (1 Кор. VI. 15. Въ Остр. такъ же) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ, которыя въ имен. ед. числа совершенно совпадали также съ односложными основами на и-. У основъ двусложныхъ и многосложныхъ окончаніе -ове не имѣетъ мѣста. Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на і-, которыя могутъ быть также разсматриваемы, какъ имена собирательныя: са́діе (Числ. XXIV. 6, Острожск. и Первоп. са́ди), плѣвеліе (М. XIII. 26, Остр. плѣвеліе, Первоп.

плѣвеліє), но плѣвелы (вин. вм. им. М. XIII. 38. Остр. плѣвели, Первоп. плѣвели).

Промежуточнымъ звеномъ должны были служить въ этой ассимиляціи основы на *jo-*, какъ *лѣжіє* и т. д. (см. ниже).

Родительный падежъ также представляетъ нѣсколько образований: правильное, отвѣчающее старославянской формѣ: *сапѡгъ* (Мр. I. 7, Остр. *сапѡгъ*, Первоп. *сапѡгъ*), *грѣхъ* (М. I. 21, Апок. I. 5. Остр. *грѣхъ*), *грѡбъ* (М. XXVII. 53. Въ Остр. *гробъ*), *вѡинъ* (М. XXVII. 27, Остр. *вѡинъ*, Первоп. *вѡинъ*), *срѣбреникъ* (М. XXVII. 9. Остр. *срѣбреникъ*. М. XXVI. 15), *талѡнтъ* (М. XXV. 20. 28, Остр. *талантъ*), *вѣтръ* (М. XXIV. 31, Остр. *вѣтръ*), *кнѣжникъ* (М. XVI. 21, Остр. *книжникъ*), *гѡзыкъ* (М. IV. 15, Остр. *гѡзыкъ*), *грѡдъ* (*ibid.* 25, Острожск. *грѡдъ*), *плѡдъ* (М. VII. 16, Остр. *плодъ*, *плодъ*), *прѣдѣлъ* (М. VIII. 34), *прорѡкъ* (М. XXIII. 30) и т. д.; по типу основъ на *и-*, первоначально, вѣроятно, у односложныхъ, отъ которыхъ окончаніе *-ов* (*-шиъ*) перешло и къ многосложнымъ: *козлѡвъ*, *ѡвнѡвъ* (Ис. XXXIV. 6, Остр. иной текстъ, Быт. XXXII. 14. Остр. *кѡзловъ*, но *ѡвенъ*, Первоп. *козлѡвъ*, *ѡвенъ*), *ѡслѡвъ* (*ibid.* 15. Остр. иной текстъ), *жидѡвъ* (I. IX. 22, Остр. *жѣдовъ*, Первоп. уже *жидѡвъ*), *тѣкшѡвъ* (Быт. IV. 4, Остр. также *тѣковъ*), *рогѡвъ* (Апок. V. 6, Остр. *роговъ*, Первоп. *рогѡвъ*), *свѣтшѡвъ* (Посл. Іак. I. 17, Остр. и Первоп. дат. мн.), *сѡнмовъ* (Суд. V. 10, Остр. другой текстъ), *свѣкрѡвъ* (Тов. X. 12, вм. *винит. мн.*, Остр. другой текстъ), *оуглѡвъ* (Тов. XI. 12, Остр. другой текстъ), *свѣрѡвъ* (Посл. къ Титу III. 9, Остр. *свары*), *львѡвъ* (Дан. VI. 22, Остр. 20, *львѡвъ*, Апок. IX. 8), *градѡвъ* (М. XIV. 13, Остр. *градовъ*, Первоп. *градѡвъ*, 2 Парал. XV. 8, Остр. *грѡ*, Первоп. *грѡдъ*, Іезек. XVI. 7, Остр. *грѡ*, Первоп. *грѡдъ*), *дрѡгѡвъ* (Ис. Сир. VI. 13, Остр. *дрѡгъ*, Первоп. *дрѡгъ*, Притчи С. XVIII. 1, Остр. ед. ч. Іерем. XX. 4, Остр. другой текстъ, Л. XIV. 12, Остр. *дрѡгъ*, Первоп. *дрѡгъ*), *врагѡвъ* (Ис. Сир. VI. 13, Остр. и Первоп. *врагъ*, *ibid.* XLV. 2, Остр. *врагъ*, Первоп. *врагъ*), *волхѡвъ* (Ис. XLVII. 9, Остр. *волхъ*, Первоп. уже *волхѡвъ*, Дан. I. 20. Остр. другой текстъ), *равѡвъ* (М. XXII.

б, вм. винит. Остр. рабы, Первоп. раы, Ис. XLIX. 7, Остр. другой текстъ), садѡвѣ (Иезек. XXXI. 4, Остр. садовѣ, Перв. садѡвѣ), холмѡвѣ (Ис. IX. 18, Остр. холмѣ, Первоп. хѡлмѣ), кѣтѡвѣ (Ис. Сир. XLIII. 27, Остр. кѣтоѣ), снопѡвѣ (Руѡв П. 15, 16, Остр. уже сноповѣ, Первоп. снопѡвѣ), сырѡвѣ (1 Цѣтв. XVII. 18, Остр. сырѡ, Первоп. какъ въ Новой), прѣгѡвѣ (Иезек. XLIII. 8, Остр. и Первоп. прѣгѣ), волкѡвѣ (М. X. 16, Остр. влѣковѣ, Первоп. волкѡвѣ), громѡвѣ (Апок. X. 3. 4, Остр. грѡмовѣ, Первоп. громѡвѣ), гробѡвѣ (Мр. V. 2, Остр. грѡвѣ, Первоп. грѡвѣ), родѡвѣ (Ис. Сир. XXXIX. 12, Остр. вин. ед. М. I. 17, Остр. родѡвѣ, Первоп. родѡвѣ), дворѡвѣ (Иезек. XXXIII. 30, Остр. другой текстъ; Иерем. XXXV. 2, Остр. двѡровѣ, Первоп. дворѡвѣ), хлѣбовѣ (Иерем. XLIV. 17, Остр. хлѣбѣ, Первоп. хлѣбѡвѣ, Мр. VIII. 5. 6, Остр. и Первоп. вин. мн.), гласѡвѣ (Апок. VIII. 13. Остр. гласѣ, Первоп. гласѡвѣ). вѣтрѡвѣ (Иезек. XXXVII. 9. Остр. вѣтрѣ, Первоп. вѣтрѣ, Посл. Іак. III. 4, Остр. вѣтровѣ, Перв. вѣтрѡвѣ), снѡвѣ (Прем. Сол. IV. 6, Остр. сѡнѣ), лѣкѡвѣ (Ис. XXI. 15. 17, Остр. и Первоп. другой текстъ), дарѡвѣ (Ис. Сир. VII. 9, Остр. лѣрѡ, Первоп. дарѡвѣ), плодѡвѣ (Притчи XVIII. 20, Остр. и Первоп. р. ед. плѡда и плодѣ; Посл. Іак. III. 17, Остр. плодѡвѣ, Первоп. плодѡвѣ, М. XXI. 34, Остр. дат. мн., Филипп. I. 11, Остр. плѡдовѣ, Первоп. плодѡвѣ), скѣптѡвѣ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. скѣптрѣ, Первоп. скѣптрѣ), трѣдѡвѣ (Прем. Сол. III. 15, Остр. трѣдовѣ, Первоп. трѣдѡвѣ), столѡвѣ (2 Парал. IV. 8, Остр. столѡвѣ, Первоп. столѡвѣ), цѣтѡвѣ (2 Парал. IX. 15, Остр. цѣтоѣ, Первоп. цѣтѡвѣ), шѣпкѡвѣ (ibid. III. 16, Остр. и Первоп. шѣпокѣ), зѣвѡвѣ (ibid. IX. 17, Остр. зѣбовѣ, Первоп. зѣвѡвѣ), грѣхѡвѣ (М. XXVI. 28. Остр. грѣховѣ, Первоп. грѣхѡвѣ), богѡвѣ (Ис. XIX. 3, 2 Парал. XXV. 14, вм. винит. мн. Остр. богѡвѣ, Первоп. богѡвѣ), вѣсѡвѣ (Мр. XVI. 9. Остр. вѣсовѣ, Первоп. вѣсѡвѣ), ликѡвѣ (2 Цѣтв. VI. 13, Остр. пѡлкѣ) и т. д., и т. д.

Отъ подобныхъ односложныхъ основъ окончаніе -ѡвѣ распространилось и на основы двухсложныя и многосложныя. Переходнымъ звеномъ могли служить сложныя основы, второй членъ ко-

торыхъ былъ односложень: покрѡвшвъ (Ис. LIV. 2, Остр. другой текстъ), ѿсхѡдвшвъ (Плачь Іер. II. 19, Остр. ѿсхѡ, Первоп. ѿсхѡдъ), восхѡдвшвъ (Іезек. XL. 26. 32. 34, 37, Остр. възхо, Первоп. восхѡдъ и восхѡдовъ), прѣстѡлвшвъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. прѣстѡлъ, Первоп. прѣтѡлъ), закѡнвшвъ (Прем. Сол. IX. 5, Остр. и Первоп. закѡнъ), ѡблакѡвшвъ (ibid. V. 21, Остр. и Перв. другой текстъ), ѡстровѡвшвъ (Іезек. XXVII. 6. 7, Остр. ѡстровъ, Первоп. ѡстрвшвъ, Ис. XI. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ), востѡквшвъ (Ис. XI. 11, Остр. възтѡкъ, Первоп. востѡкъ, Іезек. XLVIII. 26, Остр. иной текстъ), но востѡкъ (Ис. XI. 14, Іезек. XLVIII. 16), поварѡвшвъ (Іезек. XLVI. 24, Остр. сѣкальчнн), челѡвѣквшвъ (Осіа XIII. 2, вм. винит. Остр. чѣкы, Первоп. челѡвѣки), неѡдѣгвшвъ (1 Тимоѡ. V. 23, Остр. неѡдѣгъ, Первоп. неѡдѣгъ), рѡзѡмвшвъ (1 Цств. II. 3, Остр. дат. мн. рѡзѡмовомъ, Первоп. какъ въ Новой), пѡмыслвшвъ (Іезек. XLIV. 10, Остр. и Первоп. пѡмыслъ), сосѣдвшвъ (Дан. I. 2, Остр. сосѣдъ, Перв. сосѣдъ), ѡтрокѡвшвъ (Дан. I. 15, Остр. ѡтрокъ, Перв. ѡтрѡкъ) и т. д.

Отъ этихъ уже основъ окончаніе -ов (-вшвъ) распространилось и на другія двухсложныя основы: кѡмірѡвшвъ (Іезек. XXXVI. 25, Остр. кѡміръ, Первор. кѡміръ, Ис. XIX. 3, вм. вин. множ. Остр. кѡміръ, Первоп. кѡміръ), грѣшникѡвшвъ (1 Макк. I. 34, вм. винит. мн. Остр. и Первоп. грѣшницы, именит. вм. винит.), вѡинѡвшвъ (Апок. IX. 16, Остр. воиникъ, Перв. вѡинникъ), цѣтникѡвшвъ (2 Парал. XIV. 8, Остр. цѣтниковъ, Первоп. цѣтникѡвшвъ), ѡдолѡвшвъ (Ос. XIII. 2, Остр. другой текстъ), ѡзыкѡвшвъ (Ис. XLIX. 8, Остр. и Первоп. другой текстъ), прѡздникѡвшвъ (Малах. II. 3, Остр. прѡзникъ, Первоп. прѡздникъ), пастѡхѡвшвъ (Ис. XXXII. 14, Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡрганѡвшвъ (Амосъ V. 23, Остр. пицѡлн), ѡравѡвшвъ (2 Парал. XXVI. 7, Остр. и Первоп. дат. мн. съ предл. прѡтивѡ—управленіе старославянское; въ новой Библии уже русское, съ род. п.), велѡдѡвшвъ (Суд. VIII. 21, Остр. и Первоп. дат. мн.), ѡлннѡвшвъ (Дѣян. VI. 1, Остр. дат. мн.), бѣсерѡвшвъ (Апок. XXI. 21, Остр. двойств. число), ѡвнѡхѡвшвъ (Дан. I. 3, 7, 8, 9, Остр. и Перв. 3, кѡженникъ, 7, 8, 9 прилаг. кѡженнчъ) и т. д. Основы многосложныя: хѡдѡжникѡвшвъ (Осіа XIII. 2, Остр. и

Перв. друг. текстъ), ѡсполнишвѣ (Быт. XIV. 5, вм. вин. мн. Остр. и Первоп. гиганты), свѣтѣльниквѣ (Апок. I. 13, Остр. и Первоп. свѣтѣлиникъ), но свѣтѣлиникъ (ibid. I. 12. Въ Остр. и Первоп. такъ же), похотникѣ (Ос. II. 5, Остр. хѣтин), слѣжѣвниквѣ (2 Парал. IX. 4, Остр. и Первоп. дат. мн.), свѣщѣниквѣ (ibid. XIII. 9, Остр. сѣсѣниковъ, Первоп. сѣщѣниквѣ, Дѣян. VI. 7, Остр. и Первоп. сѣщѣникъ), сошѣвниквѣ (Филипп. I. 7. Остр. другой текстъ), ѡноплеменниквѣ (2 Парал. XXVI. 6, съ предлогомъ противѣ, Остр. и Первоп. съ дат. мн., Амосъ I. 8, Остр. ѡноплеменникъ, Первоп. ѡноплеменникъ), чревоушѣвниквѣ (Ис. XLIV. 25, Остр. и Первоп. другой текстъ), начѣтквѣ (Иезек. XLVIII. 18)

Рядомъ съ этими формами имѣются и правильныя: златѣникъ (2 Парал. IX. 15), кѣнникъ (ibid. 25) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что распространеніе окончанія -вѣ въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и вызвано, очевидно, вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ окончаніе -of (-ov) получило очень широкое распространеніе. Въ Острожской библіи, вмѣсто многихъ изъ приведенныхъ случаевъ окончанія -вѣ новой библіи, имѣется еще старинный родительный падежъ отъ основъ на о-; особенно послѣдовательно сохраняется эта старинная форма у основъ двухъсложныхъ и многосложныхъ. Въ Первопечатной библіи случаевъ съ -вѣ больше, чѣмъ въ Острожской, но всетаки меньше, чѣмъ въ Новой. Относительно мѣста ударенія необходимо замѣтить, что свойственное русскому языку передвиженіе ударенія на самое окончаніе также рѣже въ Острожской библіи (см. выше: кѣзловъ, жѣдовъ, влѣковъ, грѣмовъ, двѣровъ, лѣровъ, щѣтовъ, зѣбовъ), тогда какъ оно наблюдается уже въ Первопечатной въ большихъ размѣрахъ. Быть можетъ, въ этой разницѣ сказалось и вліяніе мѣстныхъ діалектическихъ особенностей—западнорусскихъ и великорусскихъ.

Р. мн. вѣсерѣй (М. XIII. 45, вм. винит.; Остр. и Первоп. кѣсерѣ) является очень рѣдкимъ, если не единственнымъ образчикомъ образованія по типу основъ на і-.

Дательный множественнаго представляетъ три образованія: исконное, свойственное первичнымъ основамъ на о-: завѣтѣмъ

(3 Ездры V. 29, Остр. р. мн. завѣтъ, Первоп. завѣтъ), члѣвѣ-кшмъ (Матѣ. VI. 14, Остр. члѣкѣ, Первоп. члѣкшмъ), должникѣмъ (ibid. 12, Остр. должникомъ, Первоп. какъ въ повой б.), родѣмъ (Ис. Сир. XLIV. 15, Остр. родомъ, Первоп. родѣмъ), врагѣмъ (ibid. XLVI. 2, Остр. и Первоп. винит. мн.), богѣмъ (Перем. I. 16, Остр. богѣмъ, Первоп. богѣмъ, ibid. XI. 12, Остр. и Первоп. нѣмъ), ѡтрокѣмъ (1 Цств. XXI. 14, Остр. ѡтрокомъ, Первоп. ѡтрокѣмъ), градѣмъ (2 Цств. XII. 31, Остр. градомъ, Первоп. градѣмъ), зѣвѣмъ (М. VIII. 12, Остр. зѣвомъ, Первоп. зѣвѣ, М. XIII. 50, Остр. зѣбомъ), М. Смотрицкій: клеверѣ-тшмъ (л. 105 на об.), гѣрмѣмъ (л. 106 на об.), вѣиншмъ (л. 107), юрѣ-дшмъ (ibid. на об.), дрѣгѣмъ (л. 109 на об.), грѣхѣмъ (л. 110 на обор.). Относительно ударенія этихъ формъ необходимо замѣтить, *mutatis mutandis*, то же, что было сказано выше о формахъ родит. мн. на -шмъ. Въ Острожской библии удареніе на окончаніи (если оно вообще обозначается) встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ въ Первопечатной и Новой оно уже, какъ въ русскомъ, передвинуто у извѣстныхъ основъ на окончаніе.

Рядомъ встрѣчаются изрѣдка формы, образованныя по типу основъ на *ā*:- спобѣрникѣмъ (1 Макк. VIII. 24. Въ Остр. и Перв. иной текстъ), но рядомъ Рѣмляншмъ (тамъ же), ѡстанкѣмъ (Зах. VIII. 12. Въ Остр. и Первоп. дат. ед.), ѣсѣдамъ (Иезек. XLIV. 5, Остр. пѣтемъ), оѣгламъ (Иезек. XLVI. 21, Остр. вин. мн. наоѣглы), полкѣмъ (2 Макк. V. 2. XII. 20, Остр. другой текстъ), оѣдамъ (2 Макк. VII. 7, Остр. оѣдѣ) и т. д.

Какъ видно изъ примѣровъ, образованія эти, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, встрѣчаются только въ новой б. и весьма рѣдко; въ Острожской же и даже Первопечатной ихъ еще нѣтъ.

Третье образованіе дат. мн. вызвано вліяніемъ основъ на *u*-; въ основѣ его лежатъ сильная форма основы, имѣющаяся въ дат. ед., имен. и родит. множ. съ сочетаніемъ -ов-, собственно падежное окончаніе есть общее -ом (-шмъ), гдѣ -о- представляетъ собой послѣдній гласный основы на *o*-, отошедшій путемъ морфологической абсорпціи къ окончанію. Образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ: градовшмъ (Ис. I. 26, Остр. градовомъ,

Первоп. градовѣмъ, М. XI. 20, Остр. градовоѣ, Л. IV. 43, Остр. градовома), лѣсовѣмъ (Пс. LXII. 11, Остр. лисовомъ. Первоп. лѣсовѣ), вѣсовѣмъ (Пс. CV. 37, Остр. вѣсовѣ, Первоп. вѣсовѣмъ). Въ Острожской библии встрѣчается форма рѣзумовомъ. (1 Цств. II. 3, Первоп. рѣзумовъ р. множ.), образованная отъ двухсложной основы, состоящей изъ двухъ односложныхъ.

Винительный множественнаго сохранился лучше винительнаго единственнаго.

Синтактическая замѣна винительнаго родительнымъ имѣеть мѣсто преимущественно въ единственномъ числѣ. Въ то время, какъ въ единственномъ числѣ эта замѣна у извѣстныхъ именъ существительныхъ проведена безъ исключенія, послѣдовательно, во множественномъ числѣ самые случаи замѣны являются спорадически, въ видѣ исключеній: ѣмше рабѣмъ (М. XXI. 35, Остр. рабы, Первоп. равы, *ibid.* XXII. 6, Остр. рабы, Первоп. равы), но послѣ рабы (М. XXI. 36), хотя послѣ сѣа (*ib.* 37, Остр. такъ же), ѣмшѣмъ вѣны (М. VIII. 9), народы (М. V. 1), ѣзгѣмъша пѣрѣрѣки (М. V. 12), собравъ перѣрѣщѣнниши ѣ книжники (М. II. 4) и т. д. Случаи замѣны винительнаго родительнымъ приведены также выше, при перечисленіи формъ родит. мн. на -ѣмъ: свѣкрѣмъ (Тов. X. 12, Остр. другой текстъ), чловѣкѣмъ (Ос. XIII. 2, Остр. винит. чѣкы), вѣмѣмъ (Ис. XIX. 3, Остр. вѣмѣмъ), грѣшникѣмъ (1 Макк. I. 34, Остр. именит. вм. винит. грѣшницы), ѣсполнѣмъ (Быт. XIV. 5, Остр. гиганты), но тутъ же ѣзыки, покрѣмъ всѣдники (Исх. XIV. 28), ѣстражѣмъ ѣгѣптѣны (*ib.* 27), но видѣмъша ѣгѣптѣны (*ib.* 30, Остр. видѣмъша... ѣгѣптѣны) и т. д. употреблеіе родительнаго множ. вмѣсто винительнаго есть также явленіе новѣйшаго времени, которое въ Остр. библии почти не встрѣчается.

Уклоненіе отъ старославянскаго представляютъ также основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, послѣ котораго въ старославянскомъ имѣется -ы, а въ церковнославянскомъ, какъ въ русскомъ -и: грѣхѣи (М. IX. 6. Такъ и въ Остр.), мѣхѣи (*ib.* 17, Остр. еще мѣхѣи, Первоп. уже мѣхѣи), вѣрки (М. XXII. 2, Остр. браки, Первоп. бѣрки), всѣдники (Исх. XIV. 28, Остр. всѣдники, но выше ст. 26, всѣдники, Первоп. всѣдники) и т. д.

Такимъ образомъ въ правописаніи Острожской библіи еще по традиціи держалось ы послѣ заднеязычныхъ, хотя фонетическаго значенія этотъ фактъ не можетъ имѣть въ виду многихъ случаевъ, въ которыхъ имѣется -и, сдѣлавшееся въ Первопечатной б. уже общимъ. Смѣшеніемъ съ подобными формами вин. множественнаго, которыя имѣли -и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, надо, по всей вѣроятности, объяснять немногочисленные случаи вин. мн. съ -и отъ основъ съ другими послѣдними согласными основы: поставни... хóлми (Ис. XL. 12. Такъ уже въ Остр., XLII. 15, ѡпѣстошѣ... хóлми, Остр. такъ же), ѡмѣхѣ ѡшны подобни (Апок. IX. 10, Остр. ѡшны подобни), Первоп. также ѡшны подобни. Стел. ошны ж. р. въ Новой б. уже чувствуется какъ ѡшны ж. р. сравн. предл. мн. ѡшныхъ *ibidem*). Кромѣ этого смѣшенія несомнѣнно должно было имѣть значеніе и уже установившееся въ довольно многочисленныхъ случаяхъ тождество именительнаго и винительнаго множественнаго числа, которое являлось слѣдствіемъ перенесенія формы винит. множеств. въ именит. того же числа.

Творительный множественнаго представляетъ нѣсколько образований. Исконныя формы первичныхъ основъ на о- сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ. Уклоненіе отъ старославянской нормы представляютъ только основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, у которыхъ имѣется, согласно общерусскому фонетическому закону, -и вм. стел. -ы: со ѡглы (М. XVI. 27), рóды (Ис. XXIV. 22), глáсы (Ис. Сир. L. 20) и т. д. послѣ заднеязычныхъ: чѣки (М. V. 13), ѡбрóки (Л. III. 14). гáзыки (М. XXIV. 9), слѣхи (Евр. V. 11) и т. д. Рядомъ имѣются образования по типу основъ на и-, которыя первично имѣлись у основъ односложныхъ и отъ нихъ распространились и на остальные: грѣхми (Ис. L. 1, Остр. грѣхи, Первоп. грѣхи), дарми (Притчи С. VI. 35, Остр. дарми, Первоп. дáрми), вѣсерми (1 Тимое. II. 9, Остр. и Первоп. твор. ед.), вѣмірми (Иезек. XXXVI. 17, 18, Остр. вѣмірми, Первоп. вѣмірми), сапогми (Дан. III. 21, Первоп. настѣгми).

Эти немногочисленные образования свойственны болѣе тексту Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной встрѣчаются еще рѣже.

Болѣе многочисленны образованія по типу основъ на ā-, которыя также, повидимому, болѣе часты у основъ односложныхъ: щита́ми (Перем. XLVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ; Неем. IV. 16, Остр. и Перв. другой текстъ), бога́ми (Посл. Иерем. 44), лѣ́ками (Неем. IV. 13, Остр. и Перв. лѣ́ки), се́рпа́ми (Ис. XVШ. 5, Остр. и Перв. твор. ед.), ша́рами (Иезек. XXШ. 14, Остр. твор. ед. ша́ромъ), полка́ми (Юд. XIV. 11, Остр. и Перв. друг. текстъ), цвѣ́тами (3 Макк. VII. 14, Остр. род. мн. Юд. XV. 12, Остр. и Перв. другой текстъ), вѣ́сами (Вар. IV. 35, Остр. и Перв. вѣ́сы), плотáми (2 Парал. II. 16, Остр. тѣи плоты, Перв. тѣи плоты — вин. множ.), грѣ́хами (Ис. XIV. 21, Остр. и Перв. грѣ́хѣи), хлѣ́бами (Лев. XXШ. 18, 19, 20, Остр. и Перв. хлѣ́бы, 2 Царствъ III. 29, Остр. р. ед. Перв. р. мн.), вра́гами (Юд. VIII. 19, Остр. и Перв. другой текстъ), рога́ми (Иезек. XXXII. 2, Остр. ро́ги, Перв. ро́ги, *ibid.* XXXIV. 21, Остр. ро́ги, Перв. ро́ги), ро́дами (2 Парал. XVI. 14, Остр. ро́ды, Перв. ро́ды), дрѣ́вами (1 Макк. VIII. 20, Остр. и Перв. винит. мн.), посла́ми (Ис. XXXVII. 24. Такъ уже въ Остр. и Перв.), оу́глами (2 Парал. XXVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ), скота́ми (Быт. I. 26, Остр. скóты, Перв. скоты́), но тутъ же рядомъ га́ды, замка́ми (Посл. Иер. 17) бока́ми (3 Цств. VI. 15, Остр. другой текстъ), ве́рха́ми (Юд. VII. 10, Остр. другой текстъ), зѣ́бами (Иов. XIII. 14, Остр. зѣ́бы, Перв. зѣ́бы), млатáми (Иерем. X. 4, Остр. молоты́, Перв. молоты́), моста́ми (2 Макк. XII. 13, Остр. друг. текстъ), полка́ми (тамъ же XII. 20, Остр. друг. текстъ), посла́ми (тамъ же XIII. 12, Остр. ед. ч. постомъ), слона́ми (тамъ же XIV. 12, Остр. друг. текстъ) и т. д., у двухсложныхъ и многосложныхъ — зако́нами (Эсѣ. III. 13, Остр. д. ед.), заво́рами (Посл. Иер. 17; 1 Макк. IX. 50, Остр. и Перв. вин. мн.), сосѣ́дами (Ис. Сир. XLV. 9, Остр. и Перв. сосѣ́ды), прессто́лами (Прем. Сол. VI. 21, Остр. прѣ́толы, Перв. пресстѣ́лы), восхо́дами (Иезек. XL. 22, Остр. р. мн. седмѣю...), вса́дниками (Юд. II. 5, Остр. и Перв. другой текстъ), влáдника́ми (Ос. IV. 14, Остр. другой текстъ), похотника́ми (*ibid.* II. 10, Остр. хóтьми), а́ршмата́ми (2 Парал.

XVI. 14, Остр. *араматы*, Первоп. *аршматы*), *сноборниками* (1 Макк. VIII. 20, Остр. *сноборницы* им. мн. вм. винит.), *скорпионами* (3 Цств. XII. 11, Остр. *друг. текстъ*), *Ѣлинами* (2 Макк. IV. 36, Остр. *друг. текстъ*) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ двѣ формы для твор. множ., одну по типу основъ на *ā-*, другую исконную: *клеврѣтами*, *клеврѣты* (л. 105 на об.), *іармами*, *іармы* (л. 106 на об.), *воинами*, *воины* (л. 107), *юродами*, *юроды* (*ibid.* на об.), *дрѹгами*, *дрѹги* (л. 109 на об.), *пррорками*, *пррорки* (л. 110) и т. д.

Такимъ образомъ, окончаніе *-ами*, заимствованное отъ основъ на *ā-*, должно быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время. Въ языкѣ Остр. и Первоп. библій это окончаніе весьма рѣдко.

Предложный множественнаго также представляетъ нѣсколько образованій.

Преобладаютъ формы исконныя: *трѹдѹхъ* (1 Парал. X. 3, Остр. *другой текстъ*: *изъ скорбѣ*), *градѹхъ* (Іерем. XXXII. 44, Остр. *градѣ* и *градѣхъ*, Первоп. *градѹхъ*, Захар. VIII, 20, 21, Остр. *грѹдѹхъ*, Первоп. *градѹхъ*, Іезек. XXXIX. 9, Остр. *градѹхъ*, Первоп. *градѹхъ*), *розѹхъ* (Дан. VII. 20, Остр. *рѹзѹхъ*, Первоп. *рѹзѹхъ*), *облацѹхъ* (М. XXVI. 64, М. XXIV. 30, Остр. *облацѹхъ*), *гробѹхъ* (Мр. V. 3, Остр. *изъ гробѹхъ*, Первоп. *грѹбѹхъ*), *помѣхъ* (М. X. 9, Остр. *безъ ударенія*, Первоп. *пѹмѣхъ*), *дѹсѹхъ* (М. X. 1, Остр. *дѹсѣхъ*, Первоп. *дѹсѹхъ*), *холмѹхъ* (Ос. V. 8, Остр. *холмѣхъ*, Первоп. *холмѣхъ*) и *холмѹхъ* (*ibid.* IV. 13, Остр. и Первоп. *другой текстъ*), *нельюдѹхъ* (Ис. XXX. 6, Остр. *нельюдѣхъ*, Перв. *нелѹдѹхъ*) и т. д.

Рядомъ довольно часто встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ах* (цсл. *-ахъ*), заимствованныхъ отъ основъ на *ā-*: *вѣсѹхъ* (Іерем. XXXII. 10, Остр. *другой текстъ*: *прѣвѣснѹхъ*), *крѹнахъ* (*ibid.* 29, Остр. *храминахъ*), *лѣбахъ* (1 Парал. X. 3, Остр. *другой текстъ*), *ѡслахъ* (Ис. XXX. 6, Суд. XII. 14, Остр. *др. текстъ*), *прагахъ* (Исх. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. такъ же), *вѣсахъ* (Лев. XIX. 35, Остр. *прѣвѣсѣ*, Первоп. *прѣвѣсѹхъ*), *вѣцѣтахъ* (3 Ездры IX. 26, Остр. *оуциѣтѹхъ*), *рогахъ* (Исх. XXIX. 12, Остр.

другой текстъ), рва́хъ (1 Цств. XIII. 6, Остр. др. текстъ), ши-та́хъ (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ, но вѣннахъ въ этой же главѣ), слѣда́хъ (Иов. XXXVIII. 16, Остр. друг. текстъ), горшка́хъ (Числ. XI. 8. Такъ и въ Остр. и Первоп.), жѣрновахъ (Числ. XI. 8, Остр. жѣрновнѣ, Первоп. жѣрновахъ, М. XXIV, 41, Остр. жѣрновнѣ, Первоп. жѣрновахъ), затвѣра́хъ (3 Ездры IV. 35, Остр. другой текстъ), предѣла́хъ (1 Парал. VI. 54, Остр. и Первоп. предѣлехъ), вса́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. им. мн.), ѡбръда́хъ (3 Макк. II. 22, Остр. друг. текстъ), пра́здникахъ (Иезек. XXXVI. 38, Остр. вин. ед.), верте́пахъ (Ис. VII. 19, Остр. друг. текстъ), ѿпо́минахъ (Прем. I. Сир. XVI. 8, Остр. друг. текстъ), вса́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. вса́дники), ѡбръда́хъ (3 Макк. II, 22, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, формы на -ахъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ новѣйшемъ, исправленномъ и частью вновь переведенномъ текстѣ Библии; въ Острожской и Первопечатной онѣ гораздо рѣже.

Изрѣдка встрѣчаются и формы исконнаго предложнаго падежа мн. ч., уподобленныя въ своемъ написаніи формамъ того же падежа основъ на і-, у которыхъ стел. -ьхъ должно было дать -ехъ. Разница здѣсь только на бумагѣ, такъ какъ є и ѣ въ русскомъ, а слѣдовательно и церковнославянскомъ, уже не различались другъ отъ друга въ произношеніи XVI-го вѣка. Въ Новой Библии такихъ написаній очень немного; примѣромъ можетъ служить предѣлехъ (Второзак. XXVIII. 40, Остр. предѣлехъ, Первоп. предѣлѣхъ, ср. также 1 Парал. VI. 54; цвѣтѣхъ, Остр. Пѣснь II. IV. 5) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ также написанія: клеверѣтѣхъ (л. 105 на об.), юрѣлѣхъ (л. 107 на об.), дрѣузѣ (л. 109 на об.), прорѣцѣхъ (л. 110), рядомъ съ правильными на -ѣхъ; основы іарѣмъ (л. 106), вѣниъ (л. 107), грѣхъ (л. 110), имѣють у него только правильныя написанія. Въ Остр. и Первоп. Б. такія написанія нерѣдки.

Относительно ударенія необходимо замѣтить, что древнѣйшее его мѣсто у основъ односложныхъ на первомъ слогѣ, т. е. на томъ слогѣ, на которомъ оно было въ именит. ед.; въ Остр. Б. гра-

дѣхъ, рѡзѣхъ, Первоп. грѡбѣхъ, дѣсѣхъ; — въ Новой: градѣхъ, розѣхъ, гробѣхъ, дѣсѣхъ. Это перенесеніе ударенія очевидно вызвано вліяніемъ русскихъ формъ: *городáхъ*, *рогáхъ*, *гробáхъ* и т. д.

Основы средняго рода на о- въ общемъ представляютъ тѣ же особенности и новообразования, что и основы муж. рода. Единственное число ихъ не уклоняется отъ старослав. склоненія, за исключеніемъ творит. п., имѣющаго суффиксомъ -m (цел. -мъ), вмѣсто ожидаемаго -m' (-мь=стсл. мь).

Такимъ образомъ склоненіе церковнославянскихъ основъ на о- въ единственномъ числѣ совершенно тождественно съ русскимъ склоненіемъ тѣхъ же основъ.

Им. млѣкò (Пѣснь Пѣсн. IV. 11, Остр. млѣко, Первоп. млѣкò), чрѣво (ibid. V. 14), вино (Ис. Сир. XXXI. 29. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Родит. зláта (ibid. I. 10), сребрà (ibid. I. 10. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Дат.: зѣриѸ (Л. XIII. 19, Остр. зѣриѸ).

Винит.: зláто, сребрò (Ис. Сир. XLVII. 21); зват.: чáдо (ibid. XXXVIII. 9, 16).

Творительный: вино́мъ (I. Сир. XXXI. 32. Такъ и въ Остр.), млѣко́мъ (Пѣснь П. V. 1, Остр. млѣкомъ, Первоп. млѣко́мъ), и т. д. Своеобразная замѣна творит. ед. формой твор. двойств. имѣется въ стомà ѡгнцы (Быт. XXXIII. 19, Остр. стомъ, Первоп. сто́мъ), вызванномъ двѣмà сто́ма (Mr. VI. 37, Остр. двѣма стома, Иоа. VI. 7, Остр. сто́ма) и т. п.

Предложный: чрѣвѣ (I. Сир. XL. 32), винѣ (ibid. XXXI. 29), млѣцѣ (Пѣснь П. V. 12, Остр. млѣцѣ, Первоп. млѣцѣ) и т. д.

Двойственное число уклоняется въ им. вин. зв. отъ старославянской нормы.

Вмѣсто ожидаемаго -ѣ (стсл. лѣтъ и т. д.), мы встрѣчаемъ здѣсь -а, какъ у основъ м. р. на о-, вліяніемъ которыхъ эта форма и объясняется. Сверхъ этого такой им. вин. зв. дв. числа на -а совпадаетъ совершенно съ им. вин. зв. мн. числа, что, конечно, еще болѣе способствовало утратѣ церковнославянскихъ формъ дв. числа: двà лѣта (Дѣян. XXVIII. 30, Остр. двѣ лѣтѣ, Первоп.

двѣ лѣтъ, 4 Цств. XV. 23, Остр. род. мн. лѣтъ ѿ), двѣ крила Исходъ XXXVI. Остр. и Первоп. ѿвѣ ра'мѣ; ср. Остр. б. Іезек. I. 7, легциѣ крилѣ, Первоп. легциѣ крилѣ. Нов. легка крила), двѣ сто́ла (Исх. XXVI. 19, 21, 25, Остр. двѣ сто́лѣ, Первоп. двѣ сто́лѣ), колѣна (Дан. V. 6, Остр. колѣни, Первоп. колѣна) и т. д. Старинная форма сохранилась въ написаніи числительнаго двѣстѣ (Быт. V. 3, 1 Цств. XV. 4), но двѣсти (Числ. II. 21, 1 Цств. XVIII. 27, XXX. 10, Остр. вездѣ выражено цифрами, Перв. Числ. II. 21, двѣстѣ, но 1 Цств. XXX. 10, двѣсти, въ остальныхъ случаяхъ цифрами), гдѣ сказалось вліяніе русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ; также у основы крило: крилѣ (Пс. LXVII. 14, LIV. 7, Остр. такъ же, 2 Парал. III. 11, Остр. и Первоп. крилѣ, 13, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Л. XIII. 34, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Іезек. XVI. 8, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Дан. VII. 4, Остр. крилѣ, Перв. крилѣ, но тутъ же крила).

Родительный и предложный не уклоняются отъ старославянскаго: крилѣ (предл. 2 Цств. XXII. 11, Остр. крилѣ, Перв. крилѣ, Пс. XVII. 11, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Пс. CIII. 3, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, род. Пс. XVI. 8, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Пс. LXII, 8, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ), лѣтъ (род. М. II. 16, Остр. лѣтъ); случаи замѣны формъ двойственного числа формами множественнаго, разумѣется, часты: двѣ со́тъ (Числ. III. 46. Такъ уже въ Острожской б.), лѣтъ ѿ (Остр. б. 4 Цств. XV. 23, Новая б. лѣта двѣ), двоюна́десѣте лѣтъ (Л. II. 42, Остр. и Первоп. еще лѣтъ) и т. д.

Дательный и творительный, рядомъ съ исконными формами колѣнома (Посл. Іак. I. 1, М. XIX. 28), цѣтвома (1 Макк. I. 16, Остр. такъ же), крило́ма (Руѡв. II. 12, Остр. такъ же, Іезек. XXIX. 4, Остр. и Первоп. р. дв. крилѣ), представляютъ и замѣну формами множественнаго числа: крилами (3 Ездры XI. 5, Остр. друг. текстъ, Іезек. I. 8: подкρίлами, Остр. подкρίлѣ) и т. д. У М. Смотрицкаго обычная дифференціація: дрѣвома для дат. и дрѣвама для твор. (л. 108). (Смотрицкій склоняетъ дрѣво по типу досновѣ на о- безъ всякихъ слѣдовъ первичныхъ основъ на es-).

У Зизанія И. В. З. оуста, оустна, р. п. оустнѣ, дат. оустама (л. 40).

Множественное число, рядомъ съ исконными, въ общемъ хорошо сохранившимися формами, представляетъ нѣкоторыя новообразования, обязанныя своимъ возникновеніемъ морфологической ассимиляціи.

Именит., винит. и зват. не представляетъ уклоненій отъ старославянской нормы: врата (Езек. XLVШ. 31—34, Остр. врата, Первон. врата), стада (Быт. XXIX. 2, 3, Остр. стада, Первон. стада, Ис. XXV, 11, 10, Остр. др. текстъ), чада (М. Ш. 9), дронѣ (Лев. I. 7, 8, Остр. такъ же), дѣла (3 Цств. V. 16, Остр. вин. ед.) и т. д.

Удареніе Новой библии, вызванное у нѣкоторыхъ основъ вліяніемъ русскаго языка, отличается отъ ударенія Острожской, какъ это мы уже не разъ видѣли.

Родительный множественнаго или правильно: чѣдѣ (М. XXII. 24, Быт. XLIX. 3), вратѣ (Езек. XL. 3, 14, 15 и т. д.) и т. д., или по типу основъ на и-: чѣда, чѣдшкѣ (Требникъ, вѣнчальный обрядъ), ѿклошкѣ (3 Цств. VII. 42, Остр. VI гл. другой текстъ: шинконѣ), но ѿклшкѣ (ibid. 18), мѣршкѣ (2 Парал. XVI. 14. Остр. род. е.), забрѣлшкѣ (Пл. Иерем. II. 7, Остр. вин. мн.).

Послѣднія формы новѣйшаго происхожденія и очень рѣдки. Въ Остр. и Первонеч. онѣ отсутствуютъ. Такъ же рѣдки формы съ развитіемъ вторичнаго гласнаго, какъ въ русскомъ: ѿжонѣ (3 Цств. VII. 4, Остр. ѿжѣ, Первон. ѿжшнѣ).

Дательный множественнаго представляетъ двѣ формы: исконную, какъ дѣлѣмѣ (Иерем. I. 16, Остр. дѣломѣ, Первон. дѣлѣмѣ), чѣдѣмѣ (2 Кор. VI. 13), вратѣмѣ (3 Цств. VI. 33, Остр. вратѣмѣ, Первон. вратѣмѣ) и т. д. или образованную по типу основъ на ѣ-: крѣламѣ (Ис. XVШ. 1, Остр. друг. текстъ: крѣла), рѣбрамѣ (Ис. XI. 5, Остр. др. текстъ: рѣбра), єсамѣ (1 Парал. VI. 54, Остр. другой текстъ), но забрѣламѣ (Иерем. XLIX. 3, Остр. по забрѣлашкѣ), несѣламѣ (Исх. XXXVIII, Остр. такъ же), мѣстамѣ (3 Ездры XVI. 71, Остр. дат. е.), мѣбѣвствамѣ (1 Макк. XIII. 46, Остр. мѣбѣвствомѣ, Первон. -шмѣ), дѣламѣ (2 Макк. XI, 1,

Остр. друг. текстъ), царствамъ (3 Ездры XII. 13, Остр. цѣтвѣ, Первоп. цѣствомъ) и т. д. Послѣднія формы, какъ это видно изъ примѣровъ, внесены въ исправленный текстъ, и въ Острожской библии еще рѣдки.

Творительный мн. представляетъ нѣсколько образованій. Встрѣчаются исконныя формы: чáды (Галат. IV. 25), дѣлы (2 Петр. II. 8), сты (1 Цств. XXX. 10, Остр, такъ же) и т. д. Рядомъ съ ними изрѣдка формы по типу основъ ср. р. на es-: дѣлсы (Иерем. XXXII. 19, Остр. дѣлсы, Перв. дѣлсы; 4. Цств. XXII. 17, Остр. дѣлсы). Въ Новой библии довольно часты образованія по типу основъ на ā-, которыя произошли, быть можетъ, и не безъ вліянія имен. множ. на -а: ѡкнами (Иерем. XXII. 14, Остр. вин. мн.), рѣбрами (Иезек. XXXIV. 21, Остр. рѣвры, Первоп. рѣвры), копытами (Иезек. XXVI. 11, Остр. слѣдѣ), вратами (2 Парал. VIII. 5, Остр. вин. мн. врата), крилами (3 Ездры XI. 5, Остр. др. текстъ), дѣлами (3 Цств. V. 16, Остр. тв. ед. 3 Ездры, IX. 7, Остр. по дѣломъ, 2. Парал. II. 18, Остр. д. мн. дѣломъ), оустами (Второз. XXIII, 23, Остр. и Первоп. оустнами), стами (2 Цств. XVIII. 4, Остр. и Первоп., сторіцами), носілами (2 Пар. V. 8. Такъ же въ Остр. и Первоп.) мѣстами (1 Макк. XV. 29, Остр. мѣста вин. мн.), дѣлами (2 Макк. III. 7, Остр. богáствы), бѣдствами (тамъ же, VI. 16, Остр. друг. текстъ), стадами (тамъ же, XIV. 14, Остр. друг. текстъ) и т. д. Послѣднія формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, языку Остр. и Первоп. библий почти совсѣмъ чужды и встрѣчаются главнымъ образомъ въ исправленной библии.

Предложный множ. представляетъ такія же образованія, какъ соотвѣтствующій падежъ бывшихъ основъ м. р. на o-. Рядомъ съ исконными формами, какъ чреслѣхъ (М. III. 4, Остр. чреслѣхъ, Первоп. чрсслѣхъ), но чрѣслѣхъ (Иер. XIII. I, Остр. чрѣслѣхъ, Первоп. такъ же), оустѣхъ (М. XVIII. 16, Остр. оустѣ, Первоп. -ѣхъ), чслѣхъ (Апок. XIV. 1, Остр. челохъ, Первоп. челáхъ), чáдѣхъ (М. XXVII. 25, Остр. и Первоп. чáдѣхъ), мѣстѣхъ (Иер. VIII. 3, Острожск. мѣстѣхъ, Первоп. мѣстѣхъ), вратѣхъ (2 Цств. XVIII. 4, Острожск. ирѣвраты,

Первоп. прѣдвраты), крилѣхъ (Мал. IV. 2, Остр. др. текстъ) стѣхъ (3. Ездры. VII. 28, Остр. цифры) и т. д., встрѣчаются довольно часто формы, образованныя по типу основъ на *ā*-: челáхъ (Апок. VIII. 16, Остр. челохъ, Первоп. челáхъ), сѣлахъ (Иерем. XIII. 27, Остр. селá, Первоп. сѣлахъ), стѣгнахъ (Лев. III. 10, Остр. стегнá, Первоп. стѣгнá), мѣстахъ (Тов. V. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), нѣдрахъ (Ездры XV. 55. Остр. внѣдрáхъ (sic!), Первоп. ѳнѣдрахъ), цáрствахъ (Второз, XXVIII. 25, Остр. цѣтвѣ, Первоп. цѣтвахъ; 3 Цств. IV. 21, Остр. и Первоп. другой текстъ), дровахъ (Лев. IV. 12, Остр. тв. мн. дрóвы), брашнахъ (Евр. IX. 10, Остр. и Первоп. на брашна), пѣнствахъ (Юд. XIII. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ: пѣнъ), колѣнахъ (2 Цств. XIX. 9, Остр. колѣнá, Первоп. колѣнахъ; Быт. XXX. 3, Остр. и Первоп. на лонó; Второз. XXVIII. 35, Остр. колѣнохъ, Первоп. колѣнахъ), кадилахъ (1 Цств. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же), ѣзерахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. ѣзерехъ, Первоп. ѣзерахъ), мѣрилахъ (Дан. V. 27, Остр. и Первоп. мѣрахъ), оубѣйствахъ (Иезек. XLIII. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ). Относительно ударенія въ склоненіи основъ ср. р. на о-можно замѣтить въ общихъ чертахъ то же, что было уже указано при разсмотрѣннн основъ м. р. Первопечатная и Новая б. представляютъ почти такое же удареніе, какое мы находимъ въ современномъ русскомъ: млéко (молóко), млéкомъ (молóкомъ), млéцѣ (молóкѣ), стадá (стадà), дѣлáмъ (дѣлámъ), вратáми (ворóтáми), мѣстахъ и т. д. Острожская же имѣетъ удареніе на второмъ съ конца слогѣ: млéко, млéкомъ, млéцѣ, стадá, дѣломъ, враты и т. д. Есть ли это діалектическая особенность, свойственная въ то время западно-русскому (что, однако, мы лишены возможности нровѣрить), или только черта печатнаго церковнославянскаго языка, сложившаяся даже, быть можетъ, совсѣмъ искусственно, судить трудно. Мы можемъ только констатировать это различіе удареній, которымъ объясняется перѣдко особая акцентуація словъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ русскій. Какое бы происхожденіе эта акцентуація ни имѣла, но она, очевидно, соблюдалась при чтеніи во время богослуженія и въ из-

вѣстныхъ случаяхъ усваивалась вмѣстѣ съ заимствованными изъ церковнославянскаго словами.

§ 15. Бывшія основы мужскаго и средняго рода на *jo-*. Основы эти въ своемъ склоненіи, рядомъ съ формами исконными, насчитываютъ не мало новообразованій, вызванныхъ морфологической ассимиляціей. Уподобляющими типами служили основы на *o-*, съ которыми основы на *jo-* тѣсно связаны параллелизмомъ извѣстныхъ формъ, основы на *i-*, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ падежей, и основы на *ā-*, имѣвшія вообще широкое вліяніе рельефностью своихъ окончаній, а также и основы на *u-*.

Основы муж. рода. Единственное число. Именительный не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго; конечное *-ь* исчезаетъ, оставляя послѣ себя палатальность послѣдняго согласнаго основы: *църь* (М. II. 3), *вѣждь* (*ibid.* 6), *кѣтитель* (*ibid.* III. 1) и т. д. Такъ какъ нѣкоторые согласные (*ш, ж, ц*) утратили эту палатальность въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ, то въ церковнославянской графикѣ, рядомъ съ *-ь*, обозначающимъ палатальность послѣдняго согласнаго основы, мы встрѣчаемъ и *-з*, обозначающее только отсутствіе палатальности: *нѣжз* (М. XXVI. 51, 52. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), *мѣжз* (М. I. 19. Такъ уже въ Остр. и Первоп.) и т. д., *кѣкошз* (М. XXIII. 37, Въ Остр. и Первоп. такъ же), *Сѣцз* (М. XXIV. 36, Остр. *ѡѣцз*, XVШ. 35, Остр. *ѡѣцъ*, но Первоп. *ѡѣцз*, X. 21, Остр. *ѡѣцз*), *слѣпѣцз* (М. XV. 14, Остр. *слѣпѣцъ*, но Первоп. *слѣпѣцз*), *писѣцз* (Неем. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), *вѣнѣцз* (I. Сир. XXV. 8, Остр. *вѣнѣцъ*, Первоп. *вѣнѣцз*) и т. д.

Вліяніемъ занадно-русскаго произношенія объясняются такія написанія, какъ *църз* у Зизанія (л. 35), и отнесеніе основы *сѣверз* у него же къ одному склоненію съ *кѣнь* (л. 34).

Такъ какъ *ѣ* въ большинствѣ русскихъ говоровъ (если не во всѣхъ) палатально, то церковнослав. графика сохраняетъ *ь* послѣ *ч*: *мѣчь* (1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. другой текстъ), *плáčь* М. XXV. 30, Остр. *плачъ*, Первоп. *плáčъ*, VIII. 12, Остр. и Первоп. *плáčь*) и т. д. Встрѣчающееся иногда послѣ *ч* *-з* обязано своимъ происхожденіемъ графической ассимиляціи. У М. Смотр.

о́тець (л. 111), чв́анець (ib. на обор.), жрѣць (л. 113 на об.), но матѣжь (л. 124), стра́жь, мо́ужь (л. 123 на обор.). Послѣ ч также вездѣ ъ: вра́чь (л. 131), мѣчь, клѣчь (ib. на обор.).

Родительный не представляетъ уклоненій отъ старославянскаго: царѣ (М. II. 9), крѣтителѣ (Мр. VI. 25), мѣжа (Л. I. 34), пѣрвенца (ibid. вм. винит. II. 7) и т. д.

Дательный падежь или правильно съ окончаніемъ -и (-Ѹ послѣ непалатальныхъ согласныхъ, -ю послѣ палатальныхъ): цр̑ю (М. XXII. 2), пѣнѣзю (М. XX. 2. 9. 10), кораблю̀ (Дѣян. XXVII. 15), ѿи́Ѹ (Л. I. 73), жерцѸ (Числ. XIX. 3) и т. д., или по типу основъ на и- съ окончаніемъ -ев'и (цсл. -єви): мѣжеви (I. Сир. VII. 27, Л. I. 27, 1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. мѣжени, Первоп. мѣжеви), змиєви (Ам. IX. 3, Остр. змиєви, Первоп. змиєви), царєви (Эсв. VI. 4, Остр. цр̑єви, Первоп. цр̑єви), но мѣжѸ (ibid. 6. Такъ и въ Остр.), царю̀ (ibid. 7. Въ Остр. такъ же), врачєви (М. Смотр. л. 131, но рядомъ врачю̀)— все у именъ односложныхъ, означающихъ одушевленные существа; это окончаніе имѣется еще у немногихъ основъ двухсложныхъ и многосложныхъ, какъ: винарєви (Л. XIII. 7. Такъ и въ Остр.), їерєєви (Мр. I. 44, Остр. їерєєви, Первоп. їерєєви), Кєсарєви (М. XXII. 17. 21, Остр. кєсарєви, Первоп. такъ же кєсарєви), также именъ одушевленныхъ существъ; единственное имя неодушевленное—ѿлтарєви (1 Кор. X. 18. Въ Остр. и Первоп. такъ же), но къ ѿлтарю̀ (М. V. 23); кромѣ того имена собственныхъ, какъ и у основъ на о-, также имѣютъ это окончаніе: Моѿсєєви (Мр. IX. 5, Остр. моѿсєєви, Первоп. моѿсєєви), їилєви (Іоа. I. 31, Остр. їилєви, Первоп. їилєви), Мардохєєви (Эсв. VIII. 2, Остр. и Первоп. такъ же), но Мардохєю̀ (ibid. VII. 9. 10. Такъ и въ Остр.), Нѡєви (Быт. VIII. 15 Остр. нѡєви), но Нѡю̀ (ibid. VII. 9, 15, 16, Остр. нѡєви, Первоп. нѡєви) и т. д. Рядомъ имѣется и окончаніе -они, какъ у основъ на о-: їерєєви (М. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), Моѿсєєви (М. XVII. 4. Такъ и въ Остр.), ѡрхїєрєєви (М. XXVI. 57) и т. д. У М. Смотрицакаго: о́тцѸ (л. 111), чв́анцѸ (л. 111 на об.), жерцоу̀ (л. 113 на об.), послѣ ц вездѣ Ѹ; послѣ ж однако ю: матѣжю̀ (л. 124);

у основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: пастырю (л. 123), свидѣтелю (л. 124 на об.), ходатаю (л. 125), іерію (л. 126), мравію (ib. на об.), зню (л. 127 на об.), крагоую (л. 128) и т. д. Примѣръ дат. на -єви только одинъ: врачаєви, рядомъ съ врачю (л. 131). У Визанія коню, рядомъ съ конєви (л. 34), ною, іерію, рядомъ съ ноєви, іерієєви (л. 41). Ассимиляція къ основамъ на и-, конечно, происходила при посредствѣ основъ на о-, которыя имѣли больше точекъ соприкосновенія съ основами на и- и потому носятъ на себѣ болѣе многочисленныя слѣды ихъ вліянія.

У основъ же на јо- это вліяніе, какъ видно изъ примѣровъ, не было особенно значительно, что естественно въ виду бѣльшаго различія, имѣвшагося между данными основами.

Винительный падежъ сохранился въ употребленіи только у именъ, означающихъ неодушевленные предметы. Синтаксическая замѣна его формой родительнаго падежа проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ почти такъ же послѣдовательно, какъ у основъ на о-. Случай сохраненія первичнаго винит. у именъ одушевленныхъ: привѣдше телѣцъ оупитанный (Л. XV. 23), но заклà... тельца (ibid. 27, 30, Остр. еще заклà... телѣцъ, Первоп. также телѣцъ), ѡбръщете млáдєнца повѣта (Л. II. 12, Остр. ...млáдєнецъ, Первоп. млáдєнецъ), ѡбрътѡша... млáдєнца лѣжáца (ibid. 16, Остр. ...млáдєнсь, Первоп. млáдєнсь), роди сѣа своего пѣрвенца (ibid. 7, Остр. и Первоп. также пѣрвенца). Но такихъ случаевъ весьма мало; въ Остр. и Первоп. они были чаще, но во всякомъ случаѣ замѣна винит. ед. формой родит. того же числа и въ ихъ текстѣ проведена весьма послѣдовательно. Что касается окончанія винит. падежа, то онъ совершенно тождественъ въ этомъ отношеніи съ уже разсмотрѣннымъ именит. ед.

Звательный сохранился у большинства основъ: црю (М. XXVII. 29), оучителю (М. XIX. 16), врачѣ (Л. IV. 23, Остр. и Первоп. врачю), но мечю (Зах. XIII. 7, Остр. др. текстъ), мѣжѣ (1. Кор. VII. 16, Остр. мѣжѣ, Первоп. мѣжѣ), царю невѣсный оутѣшителю (изв. молитва) и т. д. Формы звательнаго на -є, какъ у основъ на о-, имѣвшіяся, на примѣръ, у стел. отьѣе, къмаже, цслав. Сѣе (Л. X. 21, XI. 2 и т. д.) вызвали и такіе зват.

падежи, какъ крагоує (М. См. л. 128), хотя во всѣхъ остальныхъ основахъ съ послѣднимъ -j у него имѣется -и (-ю): ходатаю (л. 125), іерію (л. 126), мравію (ibid. на об.), знюю (л. 127 на об.), любодію (л. 128 на об.) и т. д. Этотъ звательный падежъ имѣется также у именъ собственныхъ съ суффиксомъ -ij (-ий): Анасіе, Васіліе, Антоніе и т. д. Въ послѣднихъ случаяхъ мы ожидали бы также -ю (-ju), вмѣсто котораго однако является -є (мравій—мравію=Васілій—Васілію).

Причина, вызвавшая здѣсь морфологическую ассимиляцію, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ обстоятельстве, что само по себѣ отдаленное и рѣдкое *Оче*, послужившее прототицомъ, обыкновенно стояло рядомъ: *Оче Васіліе* и т. д.

Такимъ образомъ здѣсь играла роль ассоціація по смежности, ассоціація рядовая, подобная замѣчаемой у именъ числительныхъ. У Зизанія находимъ кюню (л. 34).

Творительный уклоняется отъ старославянскаго: вмѣсто ожидаемаго окончанія -єш' (=стел. -ємь), мы имѣемъ -ѣш (цсл. -емъ) съ утратой согласнымъ -т палатальности.

Гласный -ѣ- этого окончанія одинаково можетъ отвѣчать и стел. -є- (-ю) основъ на jо-, и стел. -ь- основъ на і-, съ которыми цслав. основы на jо- совпали въ извѣстныхъ отношеніяхъ: ножемъ (М. XXVI. 52, Остр. ножѣ, Первоп. какъ въ Новой), *Оцѣма* (М. XVIII. 14, Остр. ѡцѣмѣ, Первоп. ѡцѣмъ), *Олтаремъ* (М. XXIII. 18, Остр. ѡлтарѣ, Первоп. ѡлтаремъ) и т. д. Такъ же у Зизанія: конемъ (л. 34). Въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ имѣется и окончаніе -омъ отъ основъ на о-: Назворѣомъ (М. XXVI. 71, Остр. назорѣѡмъ, Первоп. назорѣомъ). Сохраненіе -о- указываетъ на отсутствіе согласнаго j.

Предложный падежъ рядомъ съ исконными формами, какъ въ рай (л. XXIII. 43), край (Исх. XIV. 30), во йїли (Второз. XXV. 9, 10, 1. Макк. I. 25), мѣжи (1 Цств. IV. 21, Остр. друг. текстъ), *Олтарі* (1. Макк. VI. 7) и т. д. имѣются формы новѣйшаго происхожденія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основамъ на о-: црѣ (Ис. XXXVII. 21, Остр. црѣ, Первоп. также црѣ), *Олтарѣ* (1. Макк. I. 54, Остр. на ѡлтарѣ,

Первоп. ђлтарь), мѣѣ (ibid. 58. Такъ и въ Остр. и Первоп.), чвѣнцѣ (3 Цств. XVII. 12. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), пѣрвенцѣ (Зах. XII. 10. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), клѣдѣзѣ (Быт. XXVI. 32, Остр. и Первоп. клѣдѣзи), коравлеѣѣ (Прем. Сол. XIV. 6, Остр. коравлеѣи Первоп. корѣблеѣи) и т. д. Такимъ образомъ изъ при- мѣровъ видно, что окончаніе -ѣ, отъ основъ на о-, является глав- нымъ образомъ въ Новой Б., въ Остр. и Первоп. мы находимъ его только послѣ утратившаго палатальность ц, и то не всегда, въ дру- гихъ же случаяхъ имѣется исконное -и. Появленіе такихъ формъ съ -ѣ объясняется русскимъ вліяніемъ, берущимъ все болѣе и болѣе верхъ надъ традиціоннымъ церковнославянскимъ матеріаломъ. Окон- чаніе -ѣ должно было явиться прежде всего у основъ съ послѣд- нимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, напр. у основъ съ суффиксомъ -ѣцѣ (-ѣс = стел. -ѣцѣ), что мы и видимъ дѣйстви- тельно. У М. Смотрицкаго преобладаютъ исконныя формы на -и: пѣстыри (л. 123), мѣтѣжи (л. 124, NB. удареніе), свидѣтели (ib. на об.), ходѣтан (л. 125 на об.), ѣрѣи (л. 126), мѣрѣви (ibid. на об.), знѣи (л. 127 на об.), крагоѣи (л. 128), врачѣи (л. 131), и т. д., но ђтѣѣ (л. 111), чвѣнцѣ (ib. на об.), которыя и отнесены къ одному склоненію съ грѣхѣ и т. д., т. е. къ основамъ на о-.

Двойственное число отвѣчаетъ старославянскому им. вин. зв.: ры- барѣ, (М. IV. 18. И. дв.), коравлѣ (Л. V. 2, 7, вин.), двѣ горѣ (Апок. IX. 12. Им.), двѣ мѣжа (1. Цств. X. 2. вин.), Ѣва концѣ (Исх. XXXV. винит.), двѣ сосцѣ (Пѣснь П. IV. 5. Имен. Остр. двѣ сѣсцѣ, Первоп. двѣ сосцѣ), двѣ млѣды влизицѣ (sic! ibid. имен. Остр. двѣ млѣды близнѣцѣ, Первоп. двѣ млѣды влизицѣ: Опечатка или ошибка Первопеч. Б. сохранена и въ Новой) и т. д. У Зизанія конѣ (л. 34), ѣрѣѣ (л. 41). Родит. и предлож- ный также не представляютъ особенностей: коравлѣ (Л. V. 3, родит. и. Остр. коравлѣю, Первоп. -ѣю).

Дат. и твор. являются правильными продолжателями старо- славянскаго: пѣнѣзѣма (Твор. дв. Л. XII. 6, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго обычная дифференціація этихъ двухъ падежей: для дательнаго исконная форма, какъ пѣстырѣма (л. 123), мѣтѣжѣма (л. 124), свидѣтелѣма (л. 125), ѣрѣѣма (л. 126) и т. д., для

творительнаго форма, образованная по типу основъ на і-: пастырьма, матѣжьма, свидѣтельма, іерейма и т. д. Основаній для такой дифференціаціи въ языкѣ библіи и въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ что она должна быть признана произвольной и чисто теоретической, тѣмъ болѣе, что вообще формы двойственнаго ч. весьма рѣдко встрѣчаются. У Зизанія по типу основъ на о-: іерёома (л. 41), но конёма (л. 34).

Множественное число. Именительный представляетъ нѣсколько новообразованій рядомъ съ исконной формой. Примѣромъ послѣдней могутъ служить: князи (М. XX. 25), царіи (Дан. XI. 2, Остр. цри), мытари (М. XXI. 32, Остр. мытарє, Первоп. мытари), пастыри (Іезек. XXXIV. 8, Остр. пастыри, Первоп. пастыри), свидѣтели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. еще свидѣтели, Первоп. свидѣтели), и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, имѣется -ы: юнцы (М. XXII. 4, Остр. юнцы, Первоп. юнцы), концы (Пс. LXVI. 8, Остр. концы, Первоп. концы), младенцы (Осія. XIV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кѣпцы (Іезек. XXVII. 15, 17, 18, 20 и т. д., Остр. кѣпцы, Первоп. кѣпцы), и т. д.

Послѣ ж встрѣчается и -и: матѣжи (Мр. XIII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), но мѣжи (Числ. XVI. 2, Остр. мѣжи, Первоп. мѣжи; Быт. XXIV. 54, Остр. и Первоп. мѣжи) и т. д. У М. Смотрицкаго встрѣчаемъ -и и послѣ ц: ѡтцй (л. 111), чванци (л. 112), но едва ли такія написанія указываютъ на палатальность предшествующаго согласнаго.

Рядомъ съ этими формами, сохранившими исконное образованіе, имѣются многочисленныя новообразованія по типу основъ на і-: рыбаріе (Л. V. 2, Остр. рыбаріе, Первоп. какъ въ Новой б.), пастыріе (Іезек. XXXIV. 8. Рядомъ въ томъ же стихѣ пастыри, Остр. въ обоихъ случаяхъ пастыри, Первоп. пастыри, Л. II. 15, 20, Остр. и Первоп. такъ же пастыріе), цѣіе (М. XVII. 25, Остр. и Первоп. такъ же), мѣжіе (Л. V. 18. Такъ и въ Остр. и Первоп.), законоучителіе (ibid. 17, Остр. законо оучителіе, Первоп. какъ въ Новой), слышательіе (Римл. II. 13, Остр.

и Первоп. такъ же), дѣлателіе (зват. мн. Л. XIII. 27, Остр. дѣлателіе, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Формы эти не представляютъ собой исключительнаго достоянія новаго церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ (на это указываетъ и согласіе всѣхъ трехъ текстовъ) и имѣлись уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такъ же часты и формы, образованныя по типу основъ на согласный и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ и въ старославянскихъ памятникахъ: предѣтеле (2 Тимоѡ. III. 4, Остр. и Первоп. такъ же), прелагáтае (ibid. 3, Остр. и Первоп. прелагáтае), лжесвидѣтеле (1. Коринѡ. XV. 15, Остр. лже свѣдѣтеле, Первоп. лже свѣдѣтеле), рѡгáтеле (2. Петра III. 3. Въ Остр. -е, Первоп. -е), но рѡгáтели (Гуды I. 18, Остр. рѡгáтеле, Первоп. -е), свидѣтели (1 Сол. II. 10, Остр. свѣдѣтеле, Первоп. свѣдѣтеле), мрáніе (Притчи XXX. 25, Остр. мравѣн, Первоп. мрáвѣн), фарисѣе (М. XIX. 3, Остр. фарисѣе, Первоп. какъ въ Новой), ѡдáе (I. X. 31, Остр. ѡоудáе, Первоп. какъ въ Новой), ѡрхисѣе (М. XXVI. 59, Остр. ѡрхисѣе, Первоп. ѡрхисѣе) и т. д. М. Смотрицкій пользуется существованіемъ этихъ параллельныхъ формъ для попытки дифференцировать по формѣ именительный и звательный множ. ч. Такъ находимъ у него им. мн. люводѣе, рядомъ съ зват. люводѣи (л. 129) и наоборотъ им. мн. ходáтан, но зв. ходáтае (л. 125 на об.), Им. мн. древодѣле, -н и зват. только древодѣле (л. 129 на об.). Въ другихъ же случаяхъ эта дифференція не проведена, и мы встрѣчаемъ им. и зв. пáстырїе, пáстыри (л. 123 на об.); мáтѣжіе, мáтѣже (л. 124); свидѣтеліе, -ле (л. 125); іерѣи (л. 126), мрáніе (л. 127), знѡи. Такимъ образомъ попытка дифференцировать данные надежи является у М. Смотрицкаго вполне случайной и непоследовательной.

Рядомъ съ вышеприведенными формами, имѣется значительное число образованій по типу основъ на и-. Посредствующимъ звеномъ въ этой морфологической ассимиляціи служили очевидно основы на о-, подвергшіяся ей непосредственно. И у основъ на ю- играетъ важную роль односложность основы, которая сближала ихъ съ основами на и- и односложными на о-.

Собственно именительный множественнаго на -евъ (цсл. -еве = *-јовѣ) рѣже, чѣмъ родительный множ. по типу основъ на и-; примѣрами могутъ служить: ѣжеве (Софон. II. 14, Остр. ѣжи, Первоп. ѣжи, Ис. XIII. 22, Остр. ѣжеве, Первоп. ѣжеве), синлеве (Ионль. I. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), вѣчеве (Ис. XXVI. 14. Такъ въ Остр. и Первоп., Иов. XIII. 4, Остр. и Первоп. такъ же), дождеве (Притчи XXV. 14, Остр. дождеве, Первоп. дождеве), у М. Смотр. вѣчеве (л. 131 им. и зв.), жерцеве (и жерци, л. 114); у двухсложныхъ основъ: вѣвеве (Притчи XXVI. 2, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. У Зизанія рядомъ съ „правильной“ формой кѣни имѣемъ и вторичную кѣнѣ, объясняющуюся, вѣроятно, вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (л. 34 на об.).

Родительный множественнаго представляетъ три формы: исконную основъ на јо-, образование по типу основъ на і- и образование по типу основъ на и-. Примѣрами первой формы могутъ служить: вѣнѣзь (М. XVIII. 28, Остр. вѣнѣзь, Первоп. вѣнѣзь), лѣчь (Прем. Сол. II. 4, Остр. лѣчь, Первоп. лѣчь), фари́сеѣй (М. V. 20, Остр. фари́сеѣй, Первоп. какъ въ Новой), а́рхіе́реѣй (М. XVI. 21, Остр. а́рхіе́реѣй, Первоп. какъ въ Новой), младе́нецъ (М. XXI. 16, Остр. младе́нецъ, Первоп. младе́нецъ), ста́рецъ (М. XVI. 21, Остр. ста́рецъ, Первоп. какъ въ Новой), конѣ́ць (М. XXIV. 31, Остр. конѣ́ць, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -з послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этими послѣдними.

Образованія по типу основъ на і- у основъ односложныхъ: ца́реѣй (Ис. Сир. XLV. 3, Остр. другой текстъ. Апок. XVII. 12, Остр. еще цѣрь, Первоп. цѣреѣй), мѣ́жеѣй (Мр. VI. 44, Остр. мѣ́жѣй, Первоп. мѣ́жѣй), ко́ней (Второз. XVII. 16, Остр. и Первоп. ко́нь: 1 Ездры. II. 66, Остр. конѣй, Первоп. ко́нѣй; Апок. IX. 19, Остр. другой текстъ), кнѣ́зеѣй (1 Ездры. II. 68, Остр. кнѣ́зѣй, Первоп. кнѣ́зеѣй) и т. д.; у основъ двухъ -и многосложныхъ: ко́нцѣѣй (Ис. LXIV. 6, Остр. и Первоп. дат. мн.), па́стыреѣй (Л. II. 18, Остр. па́стырѣй, Первоп. па́стырѣй), мѣ́сцѣѣй (мѣ́цѣй Апок. IX. 5, Остр. мѣ́ць, Первоп. мѣ́ць), но мѣ́ць (ib. 10, Остр. мѣ́ць, Первоп. мѣ́ць), кора́блѣѣй (Апок. VIII. 9, Остр. кора́блѣй, Первоп. кора́блѣй), сви́дѣтелеѣй (М. XXVI.

65, Остр. свѣдѣтелѣи, Первоп. свидѣтелѣй) и т. д. У Зизанія кѡнь рядомъ съ кѡній (л. 34 на об.). Первично такія образования очевидно имѣлись у основъ односложныхъ (большая часть основъ на і- въ церковнославянскомъ также стала односложной) и отъ нихъ распространились на основы двухъ -и многосложныя. У М. Смотрицкаго находимъ обыкновенно двѣ формы рядомъ—исконную и вторичную: пастырей и пастырь (л. 124 на об.), матѣжей и матѣжь (л. 124), свидѣтелѣй и -тель (л. 125), древодѣлей и -дѣль (л. 129 на об.), или одну исконную: ходатай (л. 125 на об.), іерей (л. 126), мравѣи (л. 127), знѡй (ib. на об.), крагоуѣй (л. 128 на об.), любодѣй (л. 129).

Образования по типу основъ на и-, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются чаще всего у основъ односложныхъ и двухсложныхъ или у сложений, второй членъ которыхъ составляетъ основа одно- или двухсложная: краєвъ (1 Макк. I. 3, Остр. другой текстъ, Ис. XLIII. 6, Остр. краѣи, Первоп. краѣи) и краєвъ (Быт. XLVII. 21, Остр. ед. ч.), врачєвъ (Мр. V. 26, Остр. врачѣ. Первоп. какъ въ Новой), вѡєвъ (2 Парал. XVI. 4, Остр. д. мн. вѡємъ), змієвъ (Прем. Сол. XVI. 10, Остр. другой текстъ), жерцєвъ (М. Смотриц. л. 114) и жерцѡвъ (2 Парал. V. 12, Остр. жерцѡвъ, Первоп. какъ въ Новой; Лев. XIII. 2, Остр. другой текстъ) и т. д. Основы двухсложныя: стрѣльцєвъ (2 Пар. XIV. 8, Остр. стрѣльцевъ, Первоп. какъ въ Новой), пещєвъ (Лев. XIV. 30, Остр. другой текстъ), пещѡвъ (Ис. Сир. XVI. 11, Остр. пѣщєвъ, Первоп. пѣщѡвъ), кѡщєвъ (Ис. Сир. XLII. 5, Остр. другой текстъ) и кѡщѡвъ (2 Пар. IX. 14, Остр. кѡщѡвъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣщєвъ (2 Пар. IV. 13, Остр. другой текстъ), но звѡцѡвъ (ib. Остр. звѡцѡвъ), ѡцѣвъ (Зах. I. 6, родит. вм. винит. Остр. винит. ѡца, Первоп. ѡцы, Быт. XLVI. 3, Остр. щѡвъ, Первоп. ѡцѡвъ), но юнцѡвъ, ѡгнѡвъ (Ис. I. 11, Остр. другой текстъ), мѣсѡцевъ (Ам. IV. 7, Остр. тв. мн.) и т. д. Сложения: прелюбодѣєвъ (Ис. LVII. 3, Остр. р. ед.), пришѣльцѡвъ (2 Парал. XV. 9, род. вм. вин. Остр. винит. мн.) и пришѣльцевъ (Лев. XX. 2, Остр. пришѣлецъ, Первоп. пришѣлецъ), ѡбычєвъ (Дѣян. XXVI. 3, Остр. д. мн.), сладѣєвъ (р. вм. вин.

1. Петра II. 12, Остр. д. мн.), кровопійцевъ и оутробоѣдцвъ, но чадоуѣицъ (род. вм. вин. Прем. Сол. XII. 5, Остр. кровопіицевъ, оутробоѣдцовъ, чадоуѣицъ, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ чадоуѣицъ) и т. д. У Зизанія по типу основъ на и-: іерѣшвъ (л. 41).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ Остр. и Первопечатной бпблїяхъ окончаніе -евъ (-овъ или -швъ послѣ непалатального ц) встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. Послѣ ц, утратившаго палатальность, имѣется въ Новой нерѣдко о (ω), которое, однако, нельзя рассматривать, какъ происшедшее изъ є (ср. русск. веду, вѣль) въ виду случаевъ въ родѣ пришѣлцшвъ и т. д., гдѣ нѣтъ ударенія на є. Появленіе о послѣ ц, замѣчаемое уже въ Остр. б., объясняется морфологически: полнымъ совпаденіемъ такихъ основъ на јо-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, съ основами на о-.

Дательный множественнаго въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ исконную форму; окончаніемъ служитъ -æm (цел. -емъ = стел. -емъ, -юемъ): тѣжѣтелемъ (Мр. XII. 1), мѣчѣтелемъ (М. XVIII. 34), мѣжемъ (Перем. XI. 2, Остр. мѣжемъ, Первоп. какъ въ Новой), старѣемъ (М. XXVII. 3), іерѣемъ (М. XII. 4), архіерѣемъ (М. XXVII. 3) и т. д. Рядомъ у основъ иностранныхъ съ послѣднимъ согласнымъ ј- встрѣчается и окончаніе -om (цел. -шмъ) отъ основъ на о-: іудѣшмъ (I. XVIII. 36, Остр. іоудѣшмъ, Первоп. іудѣшмъ), фарісѣшмъ (М. XXII. 41, Остр. фарісѣ, Первоп. какъ въ Новой), архіерѣшмъ (Мр. X. 33, Остр. архіерѣшмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Изрѣдка встрѣчаются и образования по типу основъ на ā-: чкнигѣчѣмъ (I. Нав. I. 10, Остр. кнѣгѣчѣмъ, Первоп. кнѣгѣчѣмъ), сосѣамъ (2 Макк. VI. 10, Остр. сѣсѣамъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

У М. Смотрицкаго преобладаетъ правильная форма: ѡтѣемъ (л. 111 на об.), чѣнѣемъ (л. 112), пѣстыремъ (л. 123 на об.), мѣтѣжемъ (л. 124), свидѣтелемъ (л. 125), ходѣтамъ (л. 125 на об.), іерѣемъ (л. 126 на об.) и т. д. Рядомъ съ правильнымъ д. мн. жерѣемъ встрѣчаемъ у него своеобразную форму жер-

цѣвѣмъ (л. 114), представляющую собой результатъ контаминаціи правильной формы съ вторичной формой дат. мн. основъ на *u*-, какъ сыновѡмъ (см. выше стр. 188—189).

У Зизанія кѡнѣмъ, сѣверѣмъ (sic!): л. 34 на об.; іерѣѡ (л. 41) по типу основъ на *o*-.

Винительный множ. Правильная форма съ *a*=стсл. *a* сохранилась только въ рѣдкихъ остаткахъ: вѡмъ своѡмъ (М. XXII. 7, 2 Макк. XII. 20, 38, Остр. вѡмъ своѡмъ), кѡшѡмъ (М. XIV. 20, Остр. такъ же), жрѣбіѡмъ (Іоа. XIX. 24. Л. XXIII. 34, М. XXVII. 35, Остр. жрѣбіѡ), у М. Смотр. мрѡвіѡмъ (л. 127) и т. д.

Изрѣдка встрѣчается синтаксическая замѣна винит. мн. формой родит. мн.: сміѣвѣ (Числ. XXI. 6, Остр. сміѡ, Первоп. сміѡ), но сміѡи (ib. 7, Остр. и Первоп. сміѡ), пѡстырей (Іер. XXII. 22, Остр. им. мн.), выше были уже приведены случаи ѡцѣвѣ (Зах. I. 6), пришѣлцѡмъ (2 Парал. XV. 9, Остр. пришѣлцы, Первоп. пришѣлцы), вѡєнѣ (Іерем. II. 28). Какъ и въ единственномъ, замѣна эта имѣетъ мѣсто у именъ одушевленныхъ, но проведена далеко не такъ послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ винит. мн., образованный по типу винит. мн. основъ муж. р. на *o*-; при этомъ *-ы* остается только послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ измѣняется въ *-и* подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго согласнаго. Такимъ образомъ винительный въ этихъ случаяхъ становится вполне тождественнымъ съ именительнымъ множественнаго. Основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кнѣзи (Эсѡ. I. 16. Остр. кнѣзѡмъ, Первоп. кнѣзи), кѡни (Іерем. L. 37, Остр. конѡмъ, Первоп. кѡни, LI. 27, Остр. конѡмъ, но рядомъ вѡнъ, Остр. вѡни, кѡни), царѣ (Іис. Сир. XLVIII. 6, 8, Остр. и Первоп. цѡмъ, что можетъ быть и род. ед.). саадѡкѣн (М. XXII. 34, Остр. сѡдѡкѣмъ, Первоп. сѡдѡкѣмъ), родѣтели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. родѣтели), ѡлтарѣ (2 Парал. XXXII. 12, Остр. ѡлтѡри, Первоп. ѡлтарѣ), клѡдѡзи (Быт. XXVI. 18, Остр. клѡдѡзѡмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Основы съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность: мѡжѣ (Быт. XIV. 21, Остр. мѡжа. Первоп. мѡжѣ, Іерем. XXIX. 6, Остр. мѡжа, Первоп.

какъ въ Новой), мѣсѣцы (М. XVII. 15, Остр. мѣѣ, Первоп. мѣѣ, Л. I. 56, Остр. мѣѣ, Первоп. мѣѣцы *) и т. д. У Зизанія винит. множ. = именит. мн.: кѡни и кѡиѣ (л. 34 на обор).

Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, правильная форма винит. мн. на -а (-ѣ) преобладала въ Остр. библии; въ Первопечатной также встрѣчалась значительно чаще, чѣмъ въ Новой, гдѣ вліяніе русской рѣчи вытѣснило старинную форму.

Въ творительномъ множ. ч. встрѣчаемъ нѣсколько образованій. Исконная форма имѣется въ большомъ количествѣ случаевъ: царѣ (Мр. XIII. 9), мытарѣ (М. IX. 11), свидѣтели (2 Тимоо. II. 2), фарисѣи (М. XXVII. 41) и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, находимъ -ы: старцы (М. XXVII. 41), отцы (3 Цств. XIV. 31); у М. Смотр. отцы (но именит. отци; л. 111), чванцы (л. 112, но им. и зв. чванци подъ вліяніемъ другихъ формъ имен. множ., гдѣ -и стояло послѣ палатальныхъ согласныхъ), жерцы (именит. и зв. опять жерци л. 114); послѣ ж встрѣчаемъ однако -и: мѣтѣжи (л. 124 на об.).

Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на і- прежде всего у основъ односложныхъ: кѡни (Ос. I. 7, Остр. кѡни, Первоп. такъ же), царѣ (3 Цств. IV. 24, Остр. другой текстъ Дѣян. IX. 15, Остр. царѣ, Первоп. царѣ), вичѣ (3 Цств. XVIII, 28, Остр. вичѣ, Первоп. вичѣ), мѣжѣ (Притчи XXII. 29, Остр. и Первоп. твор. ед. 2 Цств. XIX. 16, Остр. мѣжѣ, Первоп. какъ въ Новой), мечѣ (Эсѣ. III. 13, Остр. еще мѣчи, Первоп. мечѣ) и т. д. У основъ двусложныхъ: житѣли (Иерем. L. 34, Остр. и Первоп. житѣли), жатѣли (1 Цств. VIII. 12, Остр. и Первоп. такъ же), пастырѣ (Иер. III. 1, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго пастырѣ (л. 123 на об.), мѣтѣжѣ (л. 124 на об.), свидѣтельѣ (л. 125), ходатаѣ (л. 125 на об.), іерейѣ (л. 126 на обор.), мравѣ (л. 127), знѣ (л. 128), крагѣ (л. 128 на обор.), любодѣ (л. 129), дѣводѣ (л. на об.), врачѣ (л. 131 на обор.), рядомъ

*) Характерное написаніе, свидѣтельствующее о вліяніи русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ.

съ исконными формами пастыри, мѣтежи, врачї и т. д. У Зизанїа кѡнїми, сѣверми (л. 34 на обор.), іерѣми (л. 41). Подобныя формы встрѣчаются, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библии, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой. Уподобляющимъ типомъ, кромѣ односложныхъ основъ на і-, служили несомнѣнно и основы на и-, также односложныя, у которыхъ твор. множ., вслѣдствіе исчезновенія ъ, являлся почти вполнѣ сходнымъ съ твор. множ. основъ на і-, гдѣ также исчезло ъ-, въ извѣстныхъ случаяхъ оставившее послѣ себя палатальность предшествующаго согласнаго.

Кромѣ того имѣется (уже и въ Острожской) извѣстное количество образованій по типу основъ на ā- (влїаніе русское): ножами (3 Цств. XVШ. 28, Остр. нѡжи, Первоп. ножї), вѡми (3 Цств. XVI. 16. Такъ и въ Остр. и Первоп.), птенцѡми (Притчи XXIV. 22, Остр. дат. мн. птѣнцѡ), ключѡми (1 Парал. IX. 27, Остр. другой текстъ), волцѡми (Суд. VIII. 7, Остр. другой текстъ), дождѡми (Прем. Сол. XVI. 16, Остр. дожами, Первоп. дождѡми), вичѡми (2 Макк. VII. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кораблѡми (1 Макк. VIII. 26, Остр. другой текстъ), ѡалтирѡми (2 Парал. XX. 28, Остр. ѡалтырѡми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго: ѡтцѡми || ѡтцѣ (л. 111 на об.), чвѡнцами (л. 112), жерцѡми (л. 114).

Предложный множ. утратилъ совершенно исконную форму, вмѣсто которой встрѣчаемъ различныя новообразованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ разнымъ другимъ основамъ. Всего чаще образованія по типу основъ на о-: царѣхъ (Суд. VIII. 26, Остр. еще правильно цѣрихъ, Перв. уже царѣхъ, Апок. X. 11, Остр. цѣрѣхъ, Первоп. цѣрѣхъ, 3 Цств. III. 13, Остр. цѣрѣхъ, Первоп. цѣрѣхъ), кѡнѣхъ (Исх. XIV. 17, 18, Остр. и Первоп. такъ же, но рядомъ вѡсѣхъ; Іезек. XXIII. 6, Остр. конѣхъ, Первоп. кѡнѣхъ, 4 Цств. V. 9, Остр. кѡнѣхъ, Первоп. кѡнѣхъ), жерцѣхъ (Лев. VI. 29, Остр. жерцѣхъ, Первоп. жерцѣхъ, ів. XVI. 33, Остр. жрецѣхъ, Первоп. жрецѣхъ), мѣхъ (Дан. IV. 26, Остр. другой текстъ), принѣмцѣхъ (Исх. XII. 19, Остр. принѣмцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), кѡкѡшѣхъ (Притчи XXX. 31, Остр. кокошѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцѣхъ (Второзак. XXII. 6, Остр. птенцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Вслѣдствіе тождества

церковнославянскихъ ѣ и ѳ=æ (respective е) *), это окончаніе обозначается въ церковнославянской графикѣ и посредствомъ -ѳхъ, въ чемъ можно видѣть графическую ассимиляцію къ основамъ на і- (съ стсл. ѳ=ѳ): дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22, Остр. дождѣхъ, Первоп. дождѣхъ), конѣхъ (Апок. XIX. 14. Такъ и въ Остр. конѣхъ, Ис. XXX. 16, Остр. дат. мн., Эккл. X. 7, Остр. конѣ, Первоп. конѣхъ), краѣхъ (Исх. XXVI. 19, Остр. другой текстъ), мѣжѣхъ (1 Цств. XVII. 12, Остр. и Первоп. такъ же, Римл. I. 27, Остр. мѣжѣхъ, Первоп. мѣжѣхъ, 1 Парал. XIX. 5, Остр. другой текстъ), пѣницѣхъ (Неем. XII. 46, Остр. другой текстъ), свидѣтелехъ (Евр. X. 28, Остр. другой текстъ), кораблѣхъ (Ис. XLIII. 14, Остр. кораблѣ, Первоп. кораблѣхъ, Апок. XVIII. 17, Остр. кораблѣ), жителехъ (Исх. XII. 19, но тутъ же пришельцѣхъ, Остр. другой текстъ), ѳбычаехъ (Дѣян. XXI. 21, Остр. дат. мн.), Іудѣехъ (М. XXVIII. 15, Остр. ѳудѣехъ, Первоп. ѳудѣехъ, Иоа. X. 19, Остр. ѳудѣехъ, Первоп. ѳудѣехъ), Галілеехъ (Л. XIII. 1. Остр. галіленхъ, Первоп. галілеехъ) и т. д.

Образованія по тину основъ на ā-: концѣхъ (Притчи XVII. 24, Остр. кѳци, Первоп. уже концѣхъ, Псал. LXIV. 9, Остр. концы, Первоп. концѣхъ), краѣхъ (Второз. XXII. 12, Остр. и Первоп. краѣхъ), мѣжѣхъ (2 Цств. XVII. 12, Остр. другой текстъ), кораблѣхъ (Ис. CVI. 23, Остр. кораблѣ, Первоп. какъ въ Новой, Второз. XXVIII. 68, Остр. предл. ед., 3 Цств. XXII. 49, Остр. другой текстъ, Ис. XI. 14, Остр. кораблехъ, Первоп. кораблѣхъ) и т. д.

Послѣднія образованія свойственны главнымъ образомъ языку Новой, исправленной библіи, но появляются уже въ Первопечатной; въ Острожской ихъ еще нѣтъ, а вмѣсто ихъ находимъ или исконныя формы, совсѣмъ исчезнувшія изъ языка Новой, или образованія по тину основъ на і- (о-).

Образованія по тину основъ на о- (съ -ѳхъ) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой.

*) Такъ обозначаются широкое е (æ) передъ непалатальными согласными и узкое (ѳ) передъ палатальными.

Уже а ргіогі можно было предположить, что они должны были явиться прежде всего у такихъ основъ, которыя, въ силу утраты послѣдними ихъ согласными палатальности, стали чувствоваться совершенно тождественными съ основами на о-. Въ самомъ дѣлѣ окончаніе -ѣхъ у основъ на јо- въ Острожской Библии имѣется именно у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность (ц, ж): жерѣѣхъ, жреѣѣхъ, пришеѣмѣхъ, птениѣѣ, мѣжѣхъ; отъ этихъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія основы на јо-, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ: конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18). дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22) и т. д.

Въ большинствѣ же случаевъ мы находимъ или правильную форму цѣихъ, галиѣнихъ, вѣщѣй, конѣй, кораблѣй (рѣже), или окончаніе -ехъ: цѣехъ, вѣехъ, конехъ, кокошеехъ, мѣжеехъ, кораблѣ, вѣдѣехъ, краѣехъ и т. д. (чаще).

У М. Смотрицкаго образованія по типу основъ на о- имѣются въ незначительномъ количествѣ случаевъ: чвѣщѣхъ (л. 112), врачѣхъ (л. 131 на обор.); въ остальныхъ же случаяхъ только -ехъ: ѡтцѣехъ (л. 111 на об.), жерѣехъ (л. 114), пѣстыреехъ (л. 123 на обор.), матѣжеехъ (л. 124 на об.), енидѣтселеехъ (л. 125), холѣтаеехъ (л. 125 на об.), ѣерѣехъ (л. 126 на об.), мѣаніеехъ (л. 127), зиѣехъ (л. 128), краѣеехъ (ibid. на об.), любовѣехъ (л. 129), древодѣлеехъ (ibid. на обор.). Образованіи по типу основъ на а- у него не встрѣчаемъ. У Зизанія вѣнеехъ и сѣнерѣехъ, по типу основъ на а- (л. 34 на об.), но ѣерѣѣ по типу основъ на о-, рядомъ съ ѣерѣѣ (л. 41). Основа вѣждѣ идетъ въ большинствѣ своихъ формъ по типу основъ на о-: р. ед. вѣждѣ (3 Цств. XIV. 7, вм. вин. Остр. вѣжда, Первоп. какъ въ Новой, 1 Парал. V. 2, Остр. друг. текстъ: им. ед. вѣждѣ, Первоп. вѣждѣ, Дан. III. 38, Остр. вѣжда, Первоп. какъ въ Новой), д. ед. вѣждѣ (4 Цств. XX. 5, Остр. и Первоп. вѣждѣ), твор. ед. вѣждѣмѣ (1 Макк. XIV. 41, Остр. вин. ед. вѣжда=р. ед.), р. множ. вѣждѣмѣ (1 Макк. IX. 53, Остр. вѣждѣи, Первоп. вѣждѣи), вин. множ. вѣждѣмѣ (2 Пар. V. 2, Остр. р. мн.=вин. вѣждѣмѣ, Первоп. вѣждѣмѣ) и т. д.

Рядомъ встрѣчаются и правильныя формы: тв. ед. вѣждѣмѣ (2 Парал. VI. 5, Остр. другої текстъ).

Основы средняго рода на *jo-* въ единственномъ числѣ представляютъ незначительныя уклоненія отъ старославянскаго, что замѣчается и въ русскомъ склоненіи этихъ основъ. Уклоненіе отъ старославянскаго имѣется только въ творительномъ единств., гдѣ, какъ и вездѣ, въ окончаніи находимъ *-m* (*-mъ*), вмѣсто *m'*, котораго мы ожидали бы въ виду старослав. *-mъ*: *сѣцѣmъ* (М. V. 8, Остр. и Первон. такъ же).

Въ предложномъ падежѣ, рядомъ съ исконными формами: *пѣли* (Пер. XXXIX. 5), *мѣри* (Мр. I. 16), *сѣдѣци* (М. XXVII. 19, Остр. сѣдѣци, Первон. сѣдѣци), *сѣдѣлицѣ* (М. XXIII. 2), *лѣжи* (Ис. Сир. XL. 5) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, образованія по типу основъ на *o-*: *вѣсѣцѣ* (М. V. 28, Остр. сѣци, Первон. сѣци), *сѣрдѣцѣ* (Мр. XI. 23, Остр. сѣци, Первон. такъ же), *лицѣ* (2 Цетв. XIV. 22, Остр. лицѣ, Первон. такъ же).

У исконныхъ формъ послѣ *ц* встрѣчаемъ *ы*, что свидѣтельствуесть о непалатальности согласнаго: *лицѣ* (Быт. XVII. 3, Остр. и Первон. такъ же, 1 Цетв. XVII. 49, Остр. и Первон. такъ же), *сѣци* (М. XII. 40, Остр. сѣци, Первон. сѣци) и т. д. Написанія Острожской библіи съ *-и* объясняются остатками старославянской орфографіи, такъ какъ параллельныя написанія съ *-ы* указываютъ уже на непалатальность *ц*. Въ Первонпечатной библіи уже преобладаетъ *-ы*. Окончаніе *-ѣ* отъ основъ на *o-* свойственно Новой библіи, а въ Острожской и Первонпечатной находимъ только исконныя формы. У М. Смотрицкаго *сѣрдѣци* (л. 112 на об.), единственный примѣръ. У Визанія *мѣри*, *сѣсѣци* (л. 34 на об.).

Двойственное число им. вин. и зв., какъ у основъ на *o-* представляетъ форму, тождественную съ им. вин. зв. множественнаго: *двѣ гѣрѣ* (Апок. IX. 12, им. дв., Остр. двѣ гѣрѣ, Первон. какъ въ Новой), *сѣрдѣца* (М. Смотри. л. 112 на об.), *знѣмѣнѣ* (л. 130), вмѣсто **гѣри*, **сѣрдѣцы* (стел. полѣ). Остальныя формы двойственнаго числа въ текстѣ Библіи почти не встрѣчаются; род. и пр. у Смотрицкаго совпадаетъ съ исконной формой—*сѣрдѣцѣ* (л. 112 на обор.), *знѣмѣнѣ* (л. 130), *насѣцѣ* (предложный Быт. XLIX. 8); въ дат. и твор. находимъ у него обычную дифференціацію: дат. пра-

вильно—сѣрдцема, твор. по типу основъ на *ā*-: сѣрцама (л. 112 на об.), дат. знáменіема (л. 130) и твор. по типу основъ на *i*-: знáменьма. Последняя форма возникла очевидно подъ влияніемъ такого творительнаго множ., какъ творѣнми, благодарѣнми, знáменми и т. д. (см. ниже). Аналогичное образованіе представляетъ плѣцма (Ис. ХС. 4. Остр. плѣцма, Первоп. какъ въ новой).

Множественное число. Падежи именительный и винительный не уклоняются отъ старославянскаго: полá (Ис. XVI. 8), сѣрдцá (М. Смотр. л. 112 на об.), знáменіа (ibid. л. 130) и т. д.

Родительный или правильно: іоль (Быт. ХLI. 48), мѡрь (вм. род. дв. Юд. I. 12, Остр. другой текстъ), или съ нѣкоторыми общими вышеуказанными фонетическими особенностями: сѣрдѣцъ (М. См. л. 112 на об., М. XVШ. 35, Остр. уже сѣрцъ)—стел. срьдырь и т. д. Написанія сокровицъ (М. VI. 19, Остр. сзкрѡвицъ, Первоп. какъ въ Новой), кѡзлицъ (М. XXV. 32, Остр. еще кѡзлицъ, Первоп. кѡзлицъ) представляютъ собою продукты графической ассимиляціи къ написаніемъ сѣрдѣцъ и т. д., гдѣ согласный уже утратилъ палатальность. Въ Новой библии написанія съ *z* послѣ *ц* проведены послѣдовательно; въ Острожской встрѣчаются и правильныя съ *-ь*. У Визанія форма мѡрь объясняется влияніемъ западнорусскаго произношенія; рядомъ имѣется сїсѣній (л. 35).

Дательный множеств., рядомъ съ немногочисленными правильными формами, какъ, напр. номышлѣніемъ (Евр. IV. 12, Остр. номышлѣніемъ, Первоп. какъ въ Остр.), представляетъ частія образованія по типу основъ на *ā*-: лицамъ (Аввак. I. 9, Остр. др. текстъ, Іов. XXXIV. 19, Остр. лицемъ, Первоп. лицемъ), лѡжамъ (Юд. XIII. 1, Остр. друг. текстъ), кáнницамъ (3 Макк. III. 11, Остр. друг. текстъ—жерцмъ, Первоп. жерцѣмъ), селѣніамъ (Перем. XXIII. 3. Остр. сселѣніемъ, Первоп. сселѣніемъ), дѣлніамъ, номышлѣніамъ (Ис. Сир. XXXV. 21, Остр. дат. ед.), пѣрїамъ (3 Ездры XI. 7, Остр. пѣрїемъ, Первоп. пѣрїемъ), беззакѡніамъ (Иезек. XXXIX. 24), пѣрїїцамъ (3 Ездры XI. 24, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго находимъ сѣрдцáмъ (л. 112), но знáменіемъ (л. 130). Какъ и у прочихъ основъ вторич-

ный дательный множ. по типу основъ на \bar{a} - составляет принадлежность главнымъ образомъ исправленной библии; въ Острожской и даже Первонечатной на мѣстѣ вторичныхъ формъ Новой находимъ неконныя.

У Визанія находимъ, рядомъ съ правильной формой мѡрѣ , и вторичную по типу основъ на \bar{a} -: мѡрѡмъ , сѣсѣнѣ , и совѣмъ небывалую сѣсѣнѣ по типу основъ на o - (л. 35).

Винительный тождественъ съ именительнымъ. Исключеніе составляютъ формы винит. множ. плещи (Быт. XXI. 14, Остр. и Первон. такъ же; Ис. I. 6, Остр. другой текстъ), плещи (1 Цств. X. 9, Остр. другой текстъ; Ис. LI. 23. Остр. плещи, Первон. плещи), образованныя по типу основъ муж. р. на o (или женскаго на \bar{a} -?).

Творительный представляетъ нѣсколько образованій: 1) формы неконныя: помышлѣнѣ (Римл. I. 21), знаменѣ (Дѣянїя II. 22, М. Смотр. л. 130); послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, $-я$: сердцѣ (М. Смотр. л. 112 на об.); 2) по типу основъ на \bar{a} -: лицами (Прем. Сол. XVII. 4, Остр. друг. текстъ), оу́жами (Иерем. XXXVIII. 6, 13. Остр. ю́жи и оу́жи , Первон. оўжи), морѡми (Дан. XI. 45, Остр. твор. дв. мѡрѡма , Первон. такъ же), плещѡми (Иезек. XXXIV. 21, Остр. такъ же), кѡнѡми (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ), индѣнѡми (Иов. VII. 14, Остр. твор. ед), сѡнѡми (*ibid.* Остр. такъ же), нзнанѡми (Ис. Сир. XLV. 13, Остр. другой текстъ нстѡнѡми), нчѣстѡми (Осїя XI. 12, Остр. другой текстъ), крѣстнѡми (Иерем. XLIX. 3, Остр. твор. ед.), звнзднѡми (Прем. Сол. XVII. 9, Остр. другой текстъ), помышлѣнѡми (Иез. XIV. 5, Остр. тв. ед.), страшнѡми (*ibid.* 3, Остр. другой текстъ), подгрѡдѡми (1 Парал. VI. 67, 68, Остр. такъ же), сѣнѡми (М. Смотр. л. 112 (на об.) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, это новообразование свойственно главнымъ образомъ Новой библии; въ Острожской и Первонечатной оно встрѣчается только изрѣдка; 3) образованія по типу основъ на i -: знамѣми (Мр. XVI. 20, Остр. и Первон. такъ же, М. Смотр. л. 130— знамѣми), но знаменѣ (Дѣян. II. 22), беззакѡми (Быт. XIX. 15, Остр. друг. текстъ), гадѡми

(2 Пар. IX. 1, Остр. въ гаданіи́хъ), писаніи (Д. Ап. XVIII. 28, Остр. такъ же), твореніи (Римл. I. 20, Остр. твореніи́. Первон. какъ въ Новой), благодареніи (2 Коринт. IX. 12. Остр. благодареніи́ми, Первон. бл̄годареніи́ми), киченіи, прелциеніи (Эсѣ. VIII. 13, Остр. другой текстъ) и т. д. Последнее образованіе имѣеть мѣсто только у основъ именъ существительныхъ отглагольныхъ съ суффиксомъ -ніс и встрѣчается уже и въ Острожской библии, какъ видно изъ цитатъ. Но рядомъ у этихъ основъ имѣются и другія образованія: видѣніи́ми, ізнаніи́ми, помышленіи́ми и т. д. (см. выше). У Зизанія мѣрѣми, но сісѣми и сісѣніи (л. 35).

Предложный падежъ также богатъ различными образованіями. Исконныя формы, въ противоположность основамъ муж. р., совершенно ихъ утратившимъ, встрѣчаются часто: раси́ѣтихъ (М. XII. 19), ѡмоченіи́хъ, ѡправданіи́хъ (Евр. IX. 10, но тутъ же питіа́хъ, Остр. винит. множ. питіа), селеніи́хъ (Быт. IV. 20), знаменіи́хъ (Второз. XXXIV. 11), посланіи́хъ (2 Петра III. 16), прескыпаніи́хъ, бл̄гочестіи́хъ (ibid. 11), видѣніи́хъ (Второз. XXVI. 8), ісхѣдищи́хъ (Ис. I. 3), грѣбвищи́хъ (Іов. XXI. 32), єбмищи́хъ (I. XVIII. 20) и т. д. У М. Смотрицкаго знаменіи́хъ рядомъ съ знаменіа́хъ (л. 130).

Многочисленны образованія по типу основъ на ā-: полѣхъ (Исх. IX. 3, Остр. полѣхъ, Первон. какъ въ Новой, Ис. XXXII. 19, Остр. полнхъ, Первон. полѣхъ, Юд. V. 1, Остр. друг. текстъ, 1. Парал. XXVII. 28, Остр. полехъ, Первон. полѣхъ), лѣжахъ (Ис. XLII. 22, Остр. ложихъ, Первон. ложіхъ), морѣхъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. мори́хъ и мѣрїи, Первон. какъ въ Новой, Бытія I. 22. Остр. и Первон. мѣрїа́хъ), плещіа́хъ (1 Цств. XVII. 6, Остр. предл. дв. плещіа́, Первон. плещіа́, Ис. XLIX. 22, Остр. плещіа́, Первон. плещіа́), сердиа́хъ (М. IX. 4, Остр. сѣрциа́, Первон. какъ въ Новой, Л. III. 15, Остр. сѣрциа́хъ, Первон. сѣрциа́хъ, М. Смотри. л. 112 на обор. сѣрциа́хъ), ісхѣдища́хъ (2 Цств. I. 20, Остр. ісхѣдищи́хъ, Первон. ісхѣдищи́хъ), жилища́хъ (Исх. Сир. XLIV. 6, Остр. жилища́хъ, Первон. жилища́хъ, Суд. XVIII. 22, Остр. другой текстъ), вѣрстища́хъ (Быт. XLIII. 12, 18, 23, Остр. вѣс-

тицихъ, Первоп. 12, 18 какъ въ Остр., 23 какъ въ Новой), собѣрицахъ (М. X. 17, Остр. собѣрици, Первоп. собѣрицихъ, Мр. XIII. 9, Остр. съверцихъ, Первоп. собѣрицихъ), сѣмницехъ (М. IX. 35, Остр. сонмицихъ, Первоп. сонмицихъ, М. XXIII. 6, Остр. сонмицихъ, Перв. уже сонмицихъ), сокрѣбницахъ (М. XXIV. 26, Остр. скрѣбницихъ, Первоп. сокрѣбницихъ), тѣржицахъ (М. XXIII. 7, Остр. трѣжицихъ, Первоп. тѣржицихъ), питіахъ (Евр. IX. 10, Остр. друг. текстъ—вин. мн.), оудѣліахъ (Иерем. XLIX. 4, Остр. такъ же, Первоп. ѡдѣліахъ), воскресіахъ (Числ. XV. 38, Остр. друг. текстъ), ѡсчадіахъ (Второз. XXVIII. 11, Остр. другой текстъ), ѡбитаніахъ (Числ. XXXI. 10, Остр. предл. ед.), знаменіахъ (М. См. л. 130), оугліахъ (Притчи VI. 28, Остр. вин. мн.) и т. д. Образованія эти являются уже въ Острожской библіи, еще чаще въ Первопечатной и особенно часто въ Исправленной. У Зизанія только мѣрѣ и сѣсеніа (л. 35).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, встрѣчаются изрѣдка образованія по типу основъ на о-лицѣхъ (3 Цетв. I. 40, Остр. и Первоп. такъ же), іаицихъ (Второз. XXII. 6, Остр. іаицихъ, Первопеч. іаицихъ). Отсюда это окончаніе могло распространяться и на основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ, какъ напр. мѣрѣхъ, въ Остр. и Первоп. библіяхъ (Быт. I. 22).

Кромѣ того въ извѣстномъ количествѣ случаевъ имѣется окончаніе -сѣхъ, распространившееся отъ бывшихъ основъ на і- и отвѣчающее старослав. -ьхъ: поблѣхъ (Иезек. XXXV. 8, Остр. такъ же, Первоп. пѣлѣхъ), сонмищѣхъ, тѣржищѣхъ (Л. XI. 43, Остр. сонмищѣхъ, трѣжищѣхъ, Первоп. сонмищѣхъ, тѣ(р)жищѣхъ). У М. Смол. сѣрацѣхъ (л. 112) на об.). Въ живомъ произношеніи это окончаніе давно уже сдѣлалась тождественно съ окончаніемъ -ѣхъ бывшихъ основъ на о-, и ассимиляція къ основамъ на і- имѣетъ только графическій характеръ.

§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя (несложныя), какъ и въ старославянскомъ, въ большинствѣ надежей склоняются какъ соответствующія именныя основы на о-, јо- (муж. и ср. роды) и на а-, ја- (женскаго). Уклоненіе отъ старославянскаго

представляет творит. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ, въ которомъ находимъ форму сложныхъ прилагательныхъ. Первичный творительный въ современномъ церковнославянскомъ совершенно утраченъ: дѡбрьмѡ, бѡгѡмѡ (Л. VШ. 15. Твор. ед. ср. р.; Зогр. Ев.: добромь, благомь, Остр. дѡбрьмѡ, но бѡгомь, что однако можетъ быть и слѣдствіемъ недоразумѣнія, Первон. дѡбрьмѡ, бѡгѡмѡ), кѣлѡмѡ (ibid. 37. Тв. ед. м. р. Въ Зографскомъ Ев. вельемь, Остр. еще кѣлѣ, Первон. какъ въ Новой кѣлѡмѡ), въ Моск. грамматикѣ 1648 г. (М. Смотрицкаго), гдѣ склоненія простыхъ прилагательныхъ и сложныхъ приведены параллельно, въ творит. ед. находимъ только одну сложную форму м. и ср.: стѣмѡ (л. 133, 134 на обор.), ж. р. стѡю (л. 134).

Въ звательномъ ед. м. р., какъ уже и въ старославянскомъ, находимъ часто окончаніе -е: гѡрдѣ (Иерем. Л. 31, Остр. такъ же), сѡмнѣ (Ис. XLIV. 6, Остр. сѡмнѣ), равнодѣшнѣ (Ис. LIV. 14, Остр. равнодѣшнѣ), стѣс (М. Смотриц. л. 133 на обор.), бѡже (л. 135), нищѣ (л. 137) и т. д. Въ женскомъ и ср. родѣ въ зват. форма именительнаго: стѡ (л. 134), стѡ (ibid. на обор.), бѡга (л. 136), бѡго (ibid. на обор.). Въ предложномъ въ церковнославянскомъ перѣдко находимъ формы сложныхъ прилагательныхъ на мѣстѣ стел. простыхъ: на дѡбрьѣй землѣ (Л. VШ. 15, Зогр. Ев. добръ, Остр. и Первон. дѡбрьѣи, дѡбрьѣй), но на землѣ бѡзѣ (ibid. VШ. 8, Зогр. Ев. добръ, Остр. и Первон. бѡзѣ).

Двойственное число. Им., вин. и зв. м. и ср. рода совершенно отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: млѡда (Иѣнь Иѣн. IV. 5), бѡга (ibid. I. 1), стѡ (М. Смотриц. л. 124 на об.) и т. д.: ж. рода также вѡсмѡтѣ (Быт. XXVII. 23), стѣ (М. Смотриц. л. 134), бѡзѣ (л. 136) и т. д. Встрѣчается и замѣна формами множ. ч.: ѡбѣ дѣрѣи лѡтовѣ (Быт. XIX. 36, Остр. лѡтовѣ, Первон. лѡтовѣ). Отъ основы на jā-им. дв. ж. р. по типу основъ на ā-: прѣстѣилишѣ (М. XXVIII. 9, Остр. правильно прѣстѣильши, Первон. -шѣ).

Родительный и предложный также не уклоняются отъ старославянскаго: погѣ ꙗсѣвѣ (Л. VШ. 35, 41), стѣ (во всѣхъ родахъ: М. Смотриц. л. 133 на об., л. 134, л. 135), бѣгѣ (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), нищѣ (л. 137 на об.) и т. д.

Въ дат. и твор. всѣхъ трехъ родовъ у М. Смотрицкаго находимъ опять заимствованіе отъ сложныхъ прилагательныхъ: сѣ́йма (л. 135 на обор., л. 134, л. 135), благѣ́йма (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ни́цима (л. 137 на обор.) и т. д. Первичная простая форма утрачена или не встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ: колѣно́ма Ё́со́вома (дат. дв. Л. V. 8, Зогр. Ев. по типу основъ на ā-: колѣнѣма ѱоу́со́вома, Остр. ѱѣ́о́вома, Первон. ѱѣ́о́вома), о́ученико́ма Ё́ва́нновома (Л. VII. 24, Остр. ѱѣ́анновома, Первон. ѱѣ́анновома) и т. д., по ко ногѣ́ма Ё́со́вома (М. XV. 30, Остр. по типу бывшихъ основъ на o-: ѱѣ́ома, Первон. ѱѣ́ома). У основъ на jo- (причастія): дат. ѱѣ́ходѣ́щема (М. IX. 32) и т. д.

Множественное число. Въ извѣстныхъ надежахъ замѣчаются отклоненія отъ старославянскихъ нормъ, объясняющіяся или морфологической ассимиляціей, или перенесеніемъ формъ отъ сложныхъ именъ прилагательныхъ. Такъ, въ имен. множ. м. р. нерѣдко встрѣчается уже форма винит. надежа, въ появленіи которой играетъ роль морфологическая ассимиляція къ такимъ надежамъ, гдѣ основа являлась въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ въ именительномъ: высѣ́ки сѣ́тъ (Іов. XXXV. 5, Остр. нарѣ́чїе высѣ́тъ, Первон. высѣ́тъ), вѣ́ни мно́ги (Апок. IX. 9, Остр. друго́й текеть—р. мн.), о́ученицы́ Ё́ва́нновы (Мр. II. 18, Остр. еще ѱѣ́аннови, Первон. ѱѣ́аннови), на́ги (Амос. IV. 3, Остр. вин. мн. на́гы, Первон. также вин. на́ги), вѣ́ни вѣ́ани и рядомъ вѣ́ни вѣ́ны, пѣ́стры, свѣ́ры (Зах. VI. 2. 3, Остр. вѣ́ани, сѣ́ни, пѣ́ни вѣ́ни. Первон. вѣ́ани, сѣ́ни, пѣ́ни, вѣ́ни), мѣ́ же Мѣ́ссѣ́овы ѣ́смы о́ученицы́ (І. IX. 28. Остр. мѣ́ссѣ́ови, Первон. мѣ́ссѣ́ови), у основъ на jo-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ и палатальность—вѣ́ни рѣ́жи (Зах. VI. 2, Остр. и Первон. рѣ́жи), по рѣ́жи, сѣ́ри. пѣ́стри, вѣ́ни (Зах. I. 8), сѣ́и не́и гѣ́ды твѣ́ды ѱ́ вели́цы (1 Макк. V. 26, Остр. сѣ́и ве́и гѣ́ды твѣ́ды ѱ́ вели́ки, Перв. твѣ́ды ѱ́ вели́ки), ѣ́ты вѣ́ны (Перем. II. 56, Остр. ѱ́зымаѣи сѣ́тъ, Первон. ѱ́зымаѣи), прѣ́ды (Дан. III. 39, Остр. и Первон. такъ же) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что это перенесеніе формы винит. мн. въ именительный встрѣчается

уже въ Остр. и Первопечатной библияхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ повой, исправленной, такъ что мы должны отнести его къ новѣйшему времени. Объясняется оно вліяніемъ русскаго живаго языка, въ которомъ указанное перенесеніе совершилось уже давно.

Иногда замѣчается смѣшеніе родовъ: врата затворѣны быша (I. Нав. II. 7, Остр. другой текстъ), Четы́редесать ты́сящъ воу-рѣжѣни... прендѣша (I. Нав. IV. 13, Остр. также вообру́жѣни— въ этомъ случаѣ можетъ быть и согласованіе по смыслу); нѣзѣ во ѿхъ... текѣтъ, ѿ скѣри сѣтъ (Притчи С. I. 16, Остр. нѣгы... скѣры, Первоп. нѣгы... скѣри...).

Родительный множ., если употребляется, то не уклоняется отъ старославянскаго нормы. Нерѣдко однако онъ замѣняется соответствующей формой отъ сложныхъ прилагательныхъ: мно́гихъ серде́цъ (Л. II. 35, Остр. мно́гъ, Первоп. мно́гъ), но рѣгъ ѣди-норѣжь (Ис. XXI. 22, Остр. ѣди́норѣжь, Первоп. какъ въ Новой) отъ основы на jo-.

Повидимому, не безъ вліянія въ процессѣ этой замѣны была односложность основъ: дѣхъ змѣхъ (Л. VII. 21), дѣхѣвъ змѣхъ (Л. VIII. 2. Въ Зогр. Евангеліи въ обоихъ случаяхъ зѣль, Остр. уже змѣхъ, змѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), лѣтъ мно́гихъ (Л. VIII. 27, Зогр. Ев. лѣтъ мно́гъ, Остр. уже мно́гихъ, Первоп. мно́гихъ), но дѣши члѣческихъ (Л. IX. 56, Зогр. Ев. члѣвѣкъскъ, Остр. уже члѣкъхъ, Первоп. члѣческихъ), ссѣдъ богатыхъ (Л. XIV. 12, Зогр. Ев. сжсѣдъ богать, Остр. ссѣдъ богатыхъ, Первоп. также богатыхъ), дѣхъ нечѣстныхъ (Л. VI. 18, Зогр. Ев. дохъ нечѣсть, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта уже достаточно укоренилась въ языкѣ Острожской и Первопечатной библии, хотя здѣсь и не такъ, какъ въ Новой, исправленной.

Дательный множеств. утратилъ исконную форму совершенно. Въмѣсто нея находимъ заимствованную отъ прилагат. сложныхъ: мно́гимъ слѣпѣымъ (I. VII. 21, Зогр. Ев. мно́гомъ слѣпомъ, Остр. б. уже мно́гимъ слѣпѣи, Первоп. мно́гѣи слѣпѣымъ) и т. д. У основъ (причастіи) на jo-: сѣдѣчимъ (I. VII. 32, Зогр. Ев.

сѣдѣнѣмъ, Остр. и Первоп. сѣдѣнѣмъ), ѿдѣшымъ (Л. VIII. 23, Зогра. Ев. ѿдѣшѣмъ, Остр. ѿдѣшѣмъ, Первоп. ѿдѣшѣмъ) и т. д.

Въ винительномъ множественнаго, рядомъ съ правильными формами, какъ напр. стѣнѣты (грѣды, 2 Парал. XI. 5, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка формы именит. множ.—результатъ смѣшенія именит. и винит. падежей: ѿведѣтъ... ѿношы ѿ старцы, нѣги (м. б. и винит. множ.) ѿ бѣси, ѿкровѣны (несомнѣнный винит. падежъ. Ис. XX. 4, Остр. нѣги ѿ бѣсы ѿкровѣны, Первоп. нѣги ѿ бѣси ѿкровѣны). Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, мы имѣемъ примѣръ того морфологическаго процесса, который носитъ въ наукѣ названіе „рядовой ассимиляціи“ (Reihenassociation). Форма нѣги, чувствуемая тождественной съ именит. множ., вызываетъ и аналогичную форму бѣси, хотя бы и въ видѣ мимолетнаго, не устанавливающагося прочно новообразованія.

Творительный утратилъ совершенно простую форму. Въмѣсто нея находимъ только сложную: стѣми (М. Смотр. во всѣхъ трехъ родахъ: л. 134, *ibid.* на об., л. 135), благѣми (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д. Формы въ родѣ макъками ризами (Зогра. Ев. Лук. VII. 25), не имѣютъ совсѣмъ представителей въ языкѣ печатной библіи.

То же должно сказать и о предложномъ падежѣ, который въ современномъ церковнославянскомъ имѣетъ только одну сложную форму: стѣхъ (во всѣхъ трехъ родахъ. М. См. л. 134 и на обор., л. 135), благѣхъ (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д.

Въ Острожской библіи еще можно встрѣтить старинныя простыя формы въ родѣ предл. ж. р. ѿѿдопахъ, но въ Новой библіи онѣ замѣнены сложными—ѿѿдовыхъ (М. II. 6). Въ Первопечатной находимъ также старую форму: ѿѿдовахъ.

Основа прилагательнаго чѣждь (Суд. XIX. 12, вин. ед), Остр. чюжь—русская форма, Первоп. чюждь) въ нѣкоторыхъ надежахъ идетъ по типу основъ на jо-, въ другихъ по типу основъ на о-. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить формы: чѣждо (им. ед. ср. р. 1 Макк. I. 38, Остр. дат. ед. чюжда, Первоп. чюжда, также по типу основъ на о-), но чѣжде вин. ед. ср.

(Перем. XIX. 4, Остр. и Первоп. чѹжде), чѹжды (винит. мн. м. р. 3 Цств. XIV. 9, Остр. правильно чѹжди, Первоп. такъ же). Ср. также склоненіе сложной формы этой основы (§ 18).

§ 17. Мѣстоименія. Личныя мѣстоименія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ почти не уклоняется въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянской нормы. Если есть отличія, то они объясняются общими фонетическими измѣненіями, характеризующими церковнославянскіи (и русскіи): нечезновеніемъ краткихъ гласныхъ ъ, ь, измѣненіемъ ж въ у и т. д. Им. ед. ѡзъ, ты (М. Смотр. л. 161 на об., л. 162), р. менѣ (Исх. XX. 3, Остр. мене, Первоп. менѣ, М. Смотр. л. 161 на обор.), тебѣ (М. II. 6, Остр. тебѣ, Первоп. тебѣ, М. См. л. 162), себѣ (М. V. 29, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 162 на об.): стел. мене, тебе, себе; дат. миѣ (М. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же, стел. мнѣ, мнѣ), ми (М. II. 8, стел. ми), тебѣ (М. IV. 9, стел. тебѣ), ти (М. V. 29, 30), себѣ, си (М. Смотр. л. 162 на об.: стел. себѣ, си). Въ винительномъ, рядомъ съ продолжателями исконныхъ формъ ма (М. Смотр. л. 161 на об., стел. ма), та (М. IV. 5, стел. та), са (М. Смотр. л. 162 на об., стел. са) имѣются обычныя спитактическія замѣны формой родительнаго: мнѣ (I. VII. 19, Остр. и Первоп. такъ же), тебѣ (ibid. 20, Остр. тебѣ, Перв. тебѣ), себѣ (1 Кор. IX. 19, Остр. себе, Первоп. себе, ср. также М. Смотр. л. 161 на об., л. 162 на об.). Творительный: мнѣю (М. IV. 10, М. Смотр. 161 на об.: стел. мнѣю), тобою (М. III. 14, М. Смотр. л. 162: стел. тобою), собою (М. Смотр. л. 162 на обор.: стел. собою).

Предложный: миѣ (М. См. л. 161 на об., стел. мнѣ, мнѣ), тебѣ (М. Смотр. л. 162, стел. тебѣ), себѣ (М. См. л. 162 на об., стел. себѣ).

Такъ же мало разнится склоненіе множественнаго числа. Именительный мы, вы (М. Смотр. л. 162, стел. мы, вы); родительный насъ (М. См. ibid. стел. насъ), насъ (М. V. 12, стел. насъ), дат. намъ (М. III. 15, стел. намъ), вамъ (М. V. 11, стел. вамъ); въ винительномъ, рядомъ съ исконными формами ны, вы (М. Смотр. л. 162; стел. ны, вы), обычная синтактическая замѣна насъ, васъ (ibid).

Употребляются и та, и другая форма, новидимому, безразлично: любѣщѹ ны, ѿ ѡмывѣшѹ насъ ѿ грѣхѹз (Апок. I. 5, Остр. любѣщѹ ны ѿ ѡмы насъ), на вы лжѹще (М. V. 11, Остр. на вы, Первон. на вы), разлѹчатъ вы (Л. VI. 22, Остр. разлѹчатъ вы), но: возненавидѣтъ васъ (Л. VI. 22, Остр. также васъ), ненавидѣщымъ васъ (тамъ же, 27, Остр. васъ), хотя кленѹщымъ вы (тамъ же, 28, Зогр. Ев. възненавидѣтъ вы, Остр. вы. Л. VI. 21. но уже ненавидѣштимъ васъ тамъ же, 27) и т. д.

Творительный: нами (М. I. 13, стел. нами), нами (М. XXVIII. 10, стел. вами).

Предложный: насъ (М. Смотр. л. 162, стел. насъ), въ насъ (Л. IX. 41, стел. васъ).

Двойственное число замѣняется часто множественнымъ. Такъ утратились совершенно формы им. вин. зв. дв., вмѣсто которыхъ употребляются соотвѣтствующія формы множественнаго числа. Имеютъ двойств.: **И** мы сѹбо; достѹйна... по дѣломъ наю воспріемлева (Л. XXIII. 41, Остр. ѿ мы..; възспріемсѣтъ, Первон. какъ въ Новой), мы... ѣсмы (Варнава и Павелъ. Дѣянія XIV. 15, Остр. мы... ѣсвѣ, Первон. мы... ѣсма); **Петръ** же ѿ **Іоаннъ**... рѣста... не можемъ во мы (Дѣян. Ап. IV. 19, 20, Остр... не можемъ во мы... Первон. не мѹжемъ во мы); **рече** же **Аврамъ** **Лѹтѣ**:... **іако** члѣвцы **брѣта** мы ѣсмы (Быт. XIII. 8, Остр. члѣка брѣта ѣсвѣ), мы (Азь и Отець) **ѣдино** ѣсмы (I. XVII. 22, Остр. мы... ѣсмы, Первон. мы... ѣсма) и т. д.; **вы** **ѣми** **вѣстѣ** (Лія и Рахиль. Быт. XXXI. 6, Остр. вы вѣсте, Первон. вы вѣсте); **не** **вѣсте** **кого** **дѹа** **ѣсте** **вы** (Іаковъ и Іоанпъ. Л. IX. 54, Остр. невѣста **кого** **дѹа** **ѣста** **вы**, Первон... ѣста вы) и т. д.

Изъ данныхъ примѣровъ видно, что замѣна старославянскихъ формъ именит. двойств. **въ** (1-го лица) и **ва** (2 лица) соотвѣтствующими формами множеств. проведена послѣдовательно уже въ Острожской библии. Въ Новой библии эта замѣна связана съ аналогичной замѣной глагольныхъ формъ, что уже встрѣчается въ Острожской и Первонечатной, но не такъ часто. Въ грамматикѣ Лавр. Зизанія мѣстоименіе перваго лица сохраняетъ исконную форму **-вѣ**. но второе лицо представляетъ форму множественнаго

вы́ (л. 44 на оборотѣ). У Мелетія Смотрицкаго находимъ неоправдываемыя библейскими текстами образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ косвеннымъ падежамъ: им. в. и зв. м. и ср. рода на́, ва́, ж. нѣ́, вѣ́ (л. 161 на об. и 162). Формы на́, нѣ́ представляютъ собой чисто книжныя, теоретическія построенія, вызванныя вліяніемъ косвенныхъ падежей на́ю. на́ма и стремленіемъ провести послѣдовательность основъ, нарушаемую въ старославянскомъ склоненіи 1-го лица формой именит. винит. зв., но имѣющуюся въ склоненіи втораго лица.

Формы втораго лица имѣютъ въ основѣ исконную старослав. форму вл.

Вторичная форма ж. р. вѣ́, которая, какъ и форма нѣ́, вызвана вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на ā-) и также имѣетъ чисто теоретическій характеръ.

Въ винительномъ дв. также встрѣчаемъ замѣну формами множ. числа, при чемъ наблюдается и обычная синтаксическая замѣна помощью родит. падежа: номіна́дѣи ны́ (двухъ слѣбцовъ. М. IX. 26, Остр. ны́, Первop. ны́) и мѣчнѣи на́сѣ (двухъ бѣснѣхъ. М. VIII. 29, Остр. на́сѣ, Первop. на́сѣ), оумертвѣнѣи на́сѣ (Маноз и его жену. Суд. XIII. 23, Остр. и Первop. на́ю), на́сѣ (Рахиль и Лію. Быт. XXXI. 15, Остр. ны́, Первop. ны́) и т. д., сотворю́ вы́ ловца́ (Петра и Андрея. М. IV. 19, Остр. вы́, Первop. вы́), восхуодѣнѣма ва́ма... срѣщѣтъ вы́ (Л. XXII. 10, Остр. вы́, Первop. вы́) и т. д. Случай замѣны вин. двойств. формой родит. дв.: спаси... на́ю (Л. XXIII. 39. Такъ и въ Остр.). Родительный и предложный: на́ю (стел. нлю. Л. XXIII. 41), ва́ю (М. IX. 29, стел. влю).

Дательный и творительный, рядомъ съ исконной формой на́ма (стел. нма. Мр. X. 35. Л. II. 48, XXIV. 29), ва́ма (стел. вма. М. IX. 29, XXI. 2, Мр. X. 36, XI. 23, Л. XXII. 10, 12), представляетъ нерѣдко замѣну соответствующими формами множеств. ч.: Она же рѣста... даждѣ на́мѣ (Мр. X. 37, хотя выше: сотвориши на́ма ст. 35, Остр. даждѣ на́мѣ, Первop. какъ въ Новой), къ на́мѣ (къ двумъ дочерямъ Лота. Быт. XIX. 31, Остр. кнѣ́, Первop. кнѣ́ма), ...Рахиль ѿ Ліа, рѣкѣста:... на́мѣ

(Быт. XXXI. 14. 16, Остр. на́ма, Первон. на́ма); ...показáл на́мъ... (Маноэ и его женѣ. Суд. XIII. 23, Остр. на́ма, Первон. на́мъ) и т. д. рече́ Поємми́нь Ѡвѣ́ма сноухáма:.... съ вáми.... вáмъ (Руо́вь I. 8. 9, Остр. свáма, вáма, Первон. ѡвáма, вáма) и т. д. За́мѣна эта, какъ видно изъ примѣровъ, составляетъ особенность Ново́й, исправленной библии, хотя встрѣчается уже и въ Острожеской б. Въ Первонпечатной она чаще, чѣмъ въ Острожеской, но рѣже, чѣмъ въ Ново́й.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, притяжательныя и прилагательныя представляютъ два типа основъ: основъ на о- и на jo-. Образчикомъ первыхъ можетъ служить указательное мѣстоименіе тóй, тà, тáмъ, тò, тѣе (стел. ть. тл, то).

Уклоненія его склоненія отъ старославянскаго заключаются въ слѣдующемъ:

Единственное число. Въ именительномъ падежѣ замѣчается исчезновеніе простыхъ формъ и вытѣсненіе ихъ сложными. Именит. над. муж. рода является только въ сложной формѣ: тóй (Ис. XXVII. 7, М. XXIV. 48, Остр. такъ же. М. Смотр. л. 167 на обор.), ж. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ тамъ (Быт. IV. 22, Остр. друг. текстъ), но тà (Дѣян. XVI. 15. Л. I. 36, VIII. 42, Быт. III. 12, 3 Ездры V. 53), ср. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ тѣе (л. 168), тò (Мр. III. 24, 1 Ездры VI. 8). У Визанія тóй, тáмъ: тѣе (л. 50).

Родительный не уклоняется отъ старослав. нормы: тогò (м. р. Л. XII. 5, Остр. того, Первон. тогò, Іов. XII. 13. 16, Остр. того, Первон. тогò), ж. р. тоѡ (Л. VI. 49, Быт. III. 15, Іоан. XIX. 31), стел. того. тоѡ; равнымъ образомъ и дательный не представляетъ отличій: м. р. томѡ (стел. тоѡѡ: Л. XXII. 22. Л. IV. 8. Апок. I. 6), ср. р. томѡ (Быт. XXI. 31), ж. р. той (Л. VI. 48, стел. тоѡ). Винительный муж. р. или тождественъ съ именительнымъ (сложной формы): въ тóй дѣнь (Л. VI. 23. Остр. тóѡ), въ тóй часъ (Л. XII. 12, Остр. такъ жо) и т. д. (стел. ть), или представляетъ обычную синтаксическую замѣну формой род. ед., причемъ церковнославянская орфографія прибѣгаетъ къ графической дифференціаціи (въ родит. -ò, въ родит. =

винит. -ò): тогò (Ис. XI. 10, Остр. друг. текстъ, Иоан. VI. 30, Остр. еще тón, Первоп. тóй, Мр. XII. 4. 5. 6, Остр. того, Первоп. того), хотя и не всегда: тогò (Мр. IX. 7, но Остр. того, Первоп. тогò).

Дифференціація эта имѣеть мѣсто и у другихъ мѣстоименныхъ формъ, какъ это видно будетъ ниже, и проведена уже въ Первопечатной библии (Л. XII. V, тогò оубойтеса, но Мр. XII. 5, тогò оубина и т. д.). У М. Смотрицкаго она также уже есть: род. тогò, вин. тогò (л. 167 на об.). У Зизанія тогò (л. 50). Винительный женскаго рода представляетъ чаще простую форму, отвѣчающую точно старославянской: тѣже притчѣ (Евр. IV. 11), тѣ нощи (Быт. XIX. 35, Остр. нощю, сложная форма, Первоп. на тѣю), изрѣдка сложную: сѣси тѣю (землю. Быт. III. 17, Остр. тѣ, Первоп. тѣ, Иерем. XXV. 12, Остр. тѣ, Первоп. тѣ): стел. тж. У М. Смотрицкаго одна сложная форма: тѣю (л. 167 на об.). У Зизанія тѣю (л. 50). Ср. родъ имѣеть обѣ формы: простую—тò (I. XIV. 13, 3 Ездры XII. 4, XVI. 19) и сложную тòс (Исх. XII. 7, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна сложная: тòс (л. 168); такъ же у Зизанія (л. 50).

Творительный не уклоняется отъ старославянскаго, если не считать исчезновенія палатальности у конечнаго -т, и перехода ж въ у, особенностей, свойственныхъ и русскому: ср. р. тѣмже (Л. I. 35), м. р. тѣмъ (Быт. IV. 7, Иоан. I. 3. 10)—стел. тѣмъ, ж. р. тѣю (Л. VI. 38)—стел. томъ. У Зизанія для м. и ср. тѣ (сложн. формы) и тѣ (л. 50). Предложный также продолжаетъ стел. формы съ общими отличіями: ср. р. на томъ мѣстѣ (Л. X. 32), м. р. на томъ камени (Л. XX. 18), ж. р. изъ землі тѣй (Быт. XXVI. 12): стел. томъ, тон.

Двойственное число представлено, какъ и всегда, очень скудно. Им. винит. м. р. тà (имен. Мр. XVI. 13, Л. XXIV. 14. 35, Ис. XLII. 3, Остр. тà. Перв. тà) отвѣчаетъ вполне стел. формѣ та. Эту же форму приводитъ М. См. и для ср. р. тà (л. 168) вмѣсто ожидаемаго *тѣ (стел. тѣ). Форма ж. р. тѣ, приводимая М. Смотрицкимъ (л. 168), также соответствуетъ стел. тѣ. Ср. также тѣ: 3 Ездры XI. 34, Остр. тѣ. Первоп. какъ въ Новой.

У Зизанія м. р. тѣа, тѣю, ж. р. такъ же, ср. та и тѣю (л. 50). Р. п. предлож. у М. Смотрицкаго представляетъ двѣ формы: одна—тѣю (л. 167 на об., л. 168) для муж. и ср. рода, отвѣчаетъ стсл. тою, другая, для ж. р., тѣю (л. 168), вызванная морфологической ассимиляціей къ им. вин. тѣ и дат. тв. тѣма, не имѣетъ реального существованія (въ языкѣ Библии). У Зизанія для всѣхъ родовъ тѣю (л. 50). Дательный дв. м. р. тѣма (Мр. XVI. 13, Матѳ. IX. 32) отвѣчаетъ старославянской формѣ тѣма. Творит. тѣма (I. Сир. VII. 30). У М. Смотрицкаго находимъ свойственную ему произвольную дифференціацію падежей дательнаго и творительнаго: для перваго (всѣхъ родовъ) онъ пользуется сложной формой тѣма (л. 167 на об., л. 168), для втораго простой — тѣма (ib.). У Зизанія для м. и ср. тѣма, для ж. р., кромѣ этой же формы, и тѣма (л. 50).

Множественное число. Именительный муж. рода только въ сложной формѣ: тѣи (1 Цств. VIII. 8, Л. XII. 37, XVI. 28 и т. д.)—стсл. чаще ти; у М. Смотри. приведена и краткая форма тѣ (л. 167 на об.). У Зизанія тѣи (л. 50), представляющая собой продуктъ взаимной контаминаціи формъ им. мн. тѣи и вин. мн. тѣа. Встрѣчается и форма винительнаго надежа вмѣсто именит.: бѣша мѣжи тѣа (2 Цств. X. 5). Именит. над. ж. рода имѣетъ сложную форму тѣа или тѣа (стсл. чаще краткая ты): М. XXV. 7, Іез. XIII. 8, Остр. тѣ, Первоп. тѣ. Числ. XXXI. 16, Остр. тѣи, Первоп. тѣи). У М. Смотрицкаго находимъ двѣ, повидимому, теоретическія формы: тѣа, тѣ (л. 168), изъ которыхъ первая, какъ можно предполагать, есть просто передѣлка формы тѣа подъ вліяніемъ именит. муж. тѣи. Процессъ этой морфологической ассимиляціи можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: если рядомъ съ им. м. р., положимъ, мой имѣется им. ж. мѣа (см. ниже), то рядомъ съ им. м. р. тѣи долженъ быть им. ж. тѣа. У Зизанія тѣа (л. 50).

Именит. ср. р. отвѣчаетъ стсл. формѣ (та): та (3 Ездры XII. 3, Іоан. V. 39), эту же форму находимъ и у М. Смотри., рядомъ со сложной тѣа (л. 168 и на обор.). У Зизанія только тѣа (л. 50 на об.).

Родительный множеств. не уклоняется отъ стсл.: м. р. тѣхъ (Дан. I. 18) : стсл. тѣхъ. У Зизанія тѣхъ (сложная форма) и тѣхъ для всѣхъ родовъ (л. 50).

Дательный множ., рядомъ съ правильной формой тѣмъ (м. р. Исх. I. 14) = стсл. тѣмъ. представляетъ и позднѣйшую сложную форму (Суд. I. 19, тѣмъ, Остр. другой текстъ), которую находимъ у М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ: тѣмъ (л. 167 на об., 168 и на об.). У Зизанія для м. р. тѣ, для ж. и ср. тѣмъ и тѣмъ (л. 50).

Винительный муж. рода имѣется только въ сложной формѣ тѣа (стсл. чаще краткая ты): Л. XIII. 14, Остр. ты, Первон. уже тѣа). Мр. VIII. I, Остр. тѣа, Первон. тѣа, Быт. XXVI. 15. 18, Остр. другой текстъ) и т. д. (очень часто). У М. Смотрицкаго находимъ обѣ формы: тѣа и ты (л. 167 на об.). Встрѣчается и общая синтактическая замѣна винит. надежа родительнымъ: ѿзрѣни тѣхъ (Перем. XV. I. Остр. и Первон. такъ же). Женскій родъ имѣеть обѣ формы: простую — тѣ (Л. VIII. 33, Остр. такъ же, Первон. ты) и сложную — тѣа (Л. X. 16, Остр. тыа, Первон. какъ въ Новой, Евр. X. 11. тѣажс Остр. и Первон. также). У М. Смотрицкаго формы винит. множ. тѣ же; что для именит.: тѣа, тѣ. Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая тѣ (3 Ездры XIII. 17, Л. X. 21. Иоан. XIV. 11, стсл. та) и сложная тѣа (Быт. XI. 17, Дан. XIV. 13, Остр. друг. текстъ).

Творительный надежъ не уклоняется отъ старославянскаго: тѣми же (ж. р. Евр. X. 1, стсл. тѣми). У М. Смотрицкаго также тѣми для м. и ср. р. (л. 167 и 168 на об.), для ж. р. тѣма (л. 168), что есть очевидная опечатка. У Зизанія для муж. р. тѣми, для ж. и ср. тѣми, тѣми (л. 50). То же слѣдуетъ сказать и о предложномъ: тѣхъ (ср. р. Л. II. 49, IX. 36; м. р. Иоан. XVII. 9 и т. д.) = стсл. тѣхъ. Рядомъ имѣется и рѣдкая сложная форма тѣхъ (ж. р. Псал. CIII. 12, Остр. винит. ми. тѣ, Первон. тѣхъ).

Мѣстоименіе указательное онъ, она, оно утратило въ церковнославянскомъ многія простыя формы, которыя замѣняются сложными еще чаще, чѣмъ въ склоненіи мѣстоименія ть, та, то. Въ

этой замѣнѣ нужно видѣть вліяніе сложныхъ именъ прилагательныхъ. Въ Остр. и Первоп. библіяхъ преобладаютъ простыя формы, въ Новой—сложныя.

Единственное число. Именительный падежъ. Въ муж. родѣ употребляется одна сложная форма: *Ѣный* (Быт. XXIV. 65, XXXVII. 19, Остр. и Первоп. *Ѣнѣ*); простая форма *Ѣнѣ* имѣетъ вездѣ значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, напр. Быт. XV. 10, 1 Ездры VII. 6 и т. д., хотя тождественный винит. падежъ сохраняется (см. ниже). Ср., впрочемъ, Іова I. 1. *ѣ* бѣ чѣловѣкѣ *Ѣнѣ* *ѣ* истиненѣ... и стихъ 3: *ѣ* бѣ чѣловѣкѣ *Ѣный* бѣлгородѣнѣнѣнѣ... Суд. II. 10. *ѣ* весь рѣдѣ *Ѣнѣ*; гѣдѣ *Ѣнѣ* (1 Ездры IV. 15). Средній родъ имѣетъ обѣ формы: *Ѣно* (Дан. II. 31), *Ѣнос* (Лев. IV. 5, Остр. друг. текстъ, Лев. XXV. 27, Остр. другой текстъ). Женскій родъ является чаще въ сложной формѣ: *Ѣнаѣ* (Исх. XII. 42, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XVIII. 6, Остр. *Ѣна*, Первоп. *Ѣна*, Лев. XXII. 3, Остр. другой текстъ); простая форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ имѣетъ только значеніе личнаго мѣстоименія третьяго лица: *Ѣнаѣ* (Быт. XXIV. 47, Остр. *сѣѣ*, Первоп. *сѣѣ*, 1. Нав. II. 6, Остр. *сѣ*, Первоп. *сѣѣ* и т. д.). Въ Острожск. и Первопечатной библіяхъ чаще имѣется простая форма, встрѣчающаяся изрѣдка и въ Новой: *Ѣнаѣ* *Ѣна* (Лев. V. 2, Остр. *ѣѣ*, VII. 20, Остр. и Первоп. *Ѣнаѣ*). У Мел. Смотрицкаго приведены только простыя формы: *Ѣнѣ* (л. 165 на обор.), *Ѣнаѣ* (съ такимъ удареніемъ) и *Ѣно* (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ преобладаетъ сложная форма: *Ѣнаѣѣ* (Быт. XVII. 26, Дѣян. III. 23, Остр. того, Второз. XXII. 17, 18, Остр. *Ѣного*, Первоп. *Ѣноѣѣ*, *Ѣного*). простая форма встрѣчается очень рѣдко: со *Ѣноѣѣ* *нѣѣѣ* (М. IV. 25, Остр. *Ѣного*, Первоп. *Ѣного*). То же замѣчается въ среднемъ родѣ: (до вѣременѣ) *Ѣнаѣѣ* (Дан. XII. 1, Остр. друг. текстъ. Второз. VII. 24, Остр. другой текстъ: *сѣѣѣ*). Въ женскомъ родѣ встрѣчаются рядомъ обѣ формы: *Ѣноѣѣ* (1. Нав. V. 11, Остр. *Ѣноѣѣ*, Первоп. *Ѣноѣѣ*, Прем. С. I. 16, Остр. и Первоп. *Ѣноѣѣ*) и *Ѣнаѣѣ* (Быт. II. 12, Остр. *Ѣноѣѣ*, Первоп. *Ѣноѣѣ*). У Мел. Сметр.

муж. и ср. родъ $\check{d}no\check{g}w$ (л. 165 на об. и 166), ж. одна сложная форма $\check{d}ni\check{y}a$ (л. 166).

Дательный надежь. Въ мужскомъ родѣ одна простая форма: $\check{c}no\check{m}\check{y}$ (Б. XXVI. 33, Иоан. III. 30); сложной формы не имѣется, что объясняется отсутствіемъ подобнаго образованія у сложныхъ именъ прилагательныхъ, идущихъ въ данной формѣ по типу простыхъ мѣстоименій. У М. Смотрицкаго $\check{d}no\check{m}\check{y}$ (л. 165 на об. м. р. и 166 ср. р.). Для ж. рода находимъ у него двѣ формы: одну простую $\check{d}noi$, другую, вызванную вліяніемъ сложныхъ прилагательныхъ — $\check{d}ni\check{y}$ (л. 166). Въ текстѣ Библии встрѣчается одна простая форма: $\check{c}noi$ (3 Ц. III. 25. Единств. примѣръ. Остр. $\check{d}noi$, Первон. $\check{d}noi$).

Винительный надежь. Въ мужскомъ родѣ имѣются обѣ формы; въ дѣнь $\check{c}ni\check{z}$ (Ис. III. 14, Исх. XII. 51), дѣмъ $\check{c}ni\check{z}$ (М. XVШ. 32), $\check{c}ni\check{z}$ $\check{c}m\check{b}\check{z}$ (Иоан. XIII. 30) и т. д. въ дѣнь $\check{c}ni\check{y}$ (Ис. XI. 11, Остр. $\check{t}oi$, Ис. II. 17, Остр. и Первон. $\check{d}ni\check{z}$); $\check{c}ni\check{y}$ (Быт. XI. 11, Остр. друг. текстъ) и т. д. Случай синтаксической замѣны винительнаго сложнымъ родительнымъ съ обычной графической дифференціаціей (въ род. -w, въ родительномъ-винительномъ -o): $\check{c}ni\check{a}$ (л. XIV. 9, Остр. и Первон. $\check{d}ni\check{a}$). У М. Смотрицкаго приведена только эта послѣдняя форма (простая): $\check{w}no\check{g}$ рядомъ съ род. $\check{d}no\check{g}w$ (л. 165 на обор.). Встрѣчаются и простые формы род.-винит. (очень рѣдко): $\check{c}ni\check{a}$ (Д. Ап. XVI. 35, Остр. $\check{d}ni\check{a}$). Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая — $\check{c}ni\check{o}$ (Быт. XIII. 32, Остр. др. текстъ, Евр. XI. 15, Остр. $\check{d}ni\check{a}$) и сложная — $\check{c}ni\check{o}\check{s}$ (Исх. XVI. 21, I. Нав. V. 12, Дан. VII. 18, Остр. и Первон. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма $\check{d}ni\check{o}$ (л. 166). Въ женскомъ родѣ также обѣ формы: $\check{c}ni\check{y}$ ($\check{w}\check{b}$ $\check{c}ni\check{y}$ странъ I. Нав. IX. 10, Остр. $\check{d}b\check{oi}\check{y}$, Первон. $\check{d}b\check{oi}\check{y}$) или $\check{c}ni\check{y}$ ($\check{p}o\check{d}\check{o}\check{y}o\check{m}\check{z}$ $\check{n}e\check{s}\check{o}$ $\check{u}\check{s}\check{t}\check{y}\check{i}n\check{o}$... $\check{c}ni\check{y}$: Второз. I. 19, Остр. и Первон. $\check{d}ni\check{y}$) и сложная $\check{c}ni\check{y}\check{o}$ (Числ. XVI. 43, Остр. другой текстъ, Дан. XIII. 14. Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма $\check{c}ni\check{y}$ (л. 166).

Творительный надежь. Въ муж. родѣ одна сложная форма: $\check{c}ni\check{y}\check{m}\check{z}$ (I. Нав. III. 4. Остр. $\check{m}\check{e}\check{z}\check{d}\check{y}$ нами \check{u} $\check{d}ni\check{y}\check{m}\check{z}$... вѣроятно,

опечатка вмѣсто простой формы ѡнѣмъ, Первон. также ѡнѣхъ. Прем. С. XVII. 6, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. одна простая форма: ѡнѣмъ (л. 165 на об.), равно какъ и въ среднемъ родѣ (л. 166). Ср. также тв. м. р. ѡнѣмъ (Мр. XVI. 12). Въ женскомъ родѣ: ѡною (3 Ездры XIII. 45, Остр. другой текстъ; единственный примѣръ), какъ и у М. Смотр. ѡною (л. 166)—простая форма.

Предложный надежь. Въ мужескомъ родѣ одна простая форма: ѡномъ (I. Н. VIII. 27, Остр. ѡнѡ, Первон. ѡномъ), въ ср. родѣ такъ же (Быт. XXVIII. 11, Остр. тѡ, Первон. тѡмъ); у М. Смотрицкаго также ѡномъ въ обоихъ родахъ (л. 165 на об. и 166). Въ женскомъ родѣ одна простая форма: сной (Быт. XIX. 33, Остр. другой текстъ, 1 Цств. XIV. 1, Остр. ѡнон, Первон. ѡной); у М. См. обѣ формы ѡной и ѡнѣи (л. 166).

Двойственное число представлено, какъ и всегда, скудно. Именит. надежь муж. рода имѣется только въ простой формѣ, не уклоняющейся отъ старославянскаго: ѡна (въ значеніи 3-го лица: Л. XIX. 34, Иоан. I. 38, Дѣян. А. XIII. 51, Остр. ѡна). У М. Смотр. въ мужескомъ и среднемъ родахъ также ѡна (л. 165 и 166 на об.); хотя въ среднемъ р. мы ожидали бы ѡнѣ, какъ въ старославянскомъ. Именительный надежь ж. рода какъ въ старославянскомъ: ѡнѣ (также въ значеніи мѣстоименія личнаго 3-го л. М. XXVIII. 9, Остр. ѡнѣ, Первон. ѡнѣ); у М. Смотр. съ другимъ удареніемъ ѡнѣ (л. 166). У Зизанія безъ различенія рода: ѡна (л. 45); повидимому это только муж. родъ. Формы родит. и предложнаго находимъ только у М. Смотрицкаго: ѡнѣ для всѣхъ трехъ родовъ (I. с.). Въ библіи онѣ не встрѣчаются. У Зизанія ѡною (л. 45).

Форма дат. надежа муж. рода, не уклоняющаяся отъ старославянскаго, — ѡнѣма (Л. XXIV. 31, Остр. ѡнѣма (sic.), Первон. ѡнѣма). У М. Смотр. дат. и твор. для всѣхъ трехъ родовъ также ѡнѣма (I. с.). У Зизанія сложная форма ѡныма (л. 45).

Множественное число. Именительный надежь. Въ мужескомъ родѣ имѣются обѣ формы—простая изрѣдка: ѡни (М. XXII. 10, Остр. ѡни, Первон. форма винит. надежа ѡны), также съ другимъ удареніемъ: ѡни (2 Макк. X. 28, Остр. ѡни, Перв. ѡни,

ХІІ. 12, Остр. другой текстъ, VI. 25, Остр. ѡни), впрочемъ преимущественно въ значеніи мн. ч. личнаго мѣстоименія 3 лица (такъ 2 Макк. VI. 25, XII. 12) и болѣе частая сложная: ѡни (Дан. III. 21, Остр. другой текстъ, VI. 11, 15, Остр. ѡни, Первоп. ѡни и ѡни, XII. 2, Остр. ѡни, Первоп. ѡни, 1 Макк. VIII. 30, Остр. и Первоп. ѡни, и т. д.). У Зизанія ѡни (л. 45). Изрѣдка встрѣчается и форма винит. падежа: ѡны (М. XXIV. 22, днѣ ѡны два раза, Остр. тин, Первоп. тин). Въ данномъ случаѣ перенесеніе формы винит. падежа въ именительный могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что выраженіе днѣ ѡны состоитъ изъ двухъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собой ассоціаціей смежности, образующихъ такъ называемый рядъ (Reihenassociation нѣмецкихъ ученыхъ) и особенно часто встрѣчающихся именно въ винительномъ падежѣ въ готовой формулѣ во дни ѡны. При естественной слабости языковаго чутья у редакторовъ текста такое перенесеніе представляется вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ сочетаніяхъ такая форма именит. падежа множ. ч. не встрѣчается. У М. Смотр. находимъ только простую форму съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: ѡни (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: ѡна (Прем. Сол. V. 9. Только одинъ случай. Остр. ѡна. Первоп. ѡна) и ѡнаѡ (Числ. X. 31. Остр. друг. текстъ. Іов. XIX. 23, Остр. другой текстъ, 3 Ездры. XII. 2, Остр. друг. текстъ. Только три случая). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡна (л. 166 на обор.) Въ женскомъ родѣ имѣется уже только одна сложная форма: ѡныѡ (Исх. II. 19, Остр. ѡни же, Первоп. ѡни же, Дан. XIII. 57, Остр. еще ѡны, Первоп. ѡны). У М. Смотрицкаго одна простая: ѡны (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ имѣются обѣ формы: простая ѡнѣхъ (Іезек. XLIII. 8, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ, Матв. XXIII. 23, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ) и сложная ѡныхъ (Второз. XXIX. 18, Остр. тѣхъ; Исх. VII. 12, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ; Быт. XLVIII. 6, Остр. ѡнѣ, Первоп. ѡнѣхъ; Быт. XLIII. 32, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ; Дан. III. 22 вм. винит., Остр. ты, Первоп. ты; Прем. С. XI. 14, вм.

винит., Остр. ѱхъ; XVI. 4, вм. винит. Остр. дат. мн. ѡнѣмъ; XVII. 18 также вм. винит., Остр. друг. текстъ—ѱхъ и т. д.). У М. Смотр. одна простая форма: ѡнѣхъ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также и ту, и другую: ѡнѣхъ (Л. XI. 42, Остр. ѡнѣхъ, Первон. ѡнѣхъ) и ѡнѣхъ (1 Парал. XXIX. 3, Остр. и Первон. также ѡнѣхъ, 1 Макк. XI. 14, Остр. ѡнѣхъ, Первон. ѡнѣхъ). У М. Смотрицкаго только простая форма ѡнѣхъ (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ находимъ только простую форму: ѡнѣхъ (единств. случай: Иезек. XVI. 51, Остр. ѡнѣхъ, Первон. ѡнѣхъ). У М. Смотрицкаго также одна простая—ѡнѣхъ (л. 166). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сложная форма принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ Остр. и Первонпечатной библіи находимъ вмѣсто нея простую форму или формы другихъ основъ. Только въ родит. множ. ср. рода форма встрѣчается уже въ Остр. библіи.

Дательный надежъ представляетъ приблизительно такія же отношенія.

Въ мужескомъ родѣ находимъ обѣ формы: ѡнѣмъ (Матт. XIII. 11, Остр. ѡнѣмъже, Первон. ѡнѣмъже, Мр. IV. 11, Остр. ѡнѣмъже, Первон. ѡнѣмъ же, Зах. VIII. 11, Остр. ѡнѣмъ XIV. 17, Остр. сѣнѣхъ, Первон. сѣнѣхъ—опечатка вм. сѣнѣ онѣмъ и т. д.) и ѡнѣмъ (Быт. VI. 21, Остр. и Первон. ѡнѣмъ, XIIII. 32, Остр. сѣмъ, 3 Ездры VII. 69, Остр. сѣмъ, Притчи XXIV. 16, Остр. ѡнѣмъ падающею, Первон. ѡнѣмъ падающею и т. д.). У М. Смотрицкаго: ѡнѣмъ, простая форма для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166). Примѣровъ дат. множ. ж. и ср. рода въ новомъ библейскомъ текстѣ не встрѣчается *). Какого-либо отънка въ значеніи съ той или другой формой не соединено: ѡнѣмъ же... развѣгнѣмъ (2 Макк. XIV. 44, Остр. другой текстъ), но ѡнѣмъ же ѡнѣмъ (тамъ же XV. 4, Остр. ѡнѣмъже). Въ Остр. въ первомъ случаѣ другая редакція текста, во второмъ ѡнѣмъже.

*) Въ Остр. и Первон. библіи дат. мн. ср. р. по словесемъ ѡнѣмъ (Нов. сѣмъ).

Винительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: простая:—*ѡны* (2 Парал. VIII. 2, Остр. другой текстъ, Д. Апост. XXI. 26, Остр. друг. текстъ, М. XXII. 7, Остр. *оны*, Первон. *оны*), во дни *ѡны* (Быт. VI. 4, Остр. Первон. *оны*, Матѹ. III 1, 1 Цств. IV. 1 и т. д.—весьма частая формула), и сложная: *ѡныѡ* (Быт. XXXI. 34, Остр. друг. текстъ, 3 Цств. XIV. 28, Остр. *ѡ*, Иезек. IV. 9, Остр. другой текстъ, XXXVIII. 17, Остр. *ты*), которая, какъ и всѣ сложныя формы, въ болѣе древнемъ періодѣ церковнославянскаго отсутствуетъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма—*оны* (л. 165 на об.).

Синтактическая замѣна формой родительнаго довольно часта. Въ роли винит. п. встрѣчаемъ обѣ формы: простую—*ѡнѣхъ* (Прем. С. XI. 11, Остр. *онѣхъже*, Перв. *онѣхъ же*, Евр. IV. 8, Остр. *онѣхъ*) и сложную *ѡныхъ* (тамъже 14, Остр. *нѣхъ*; Неем. XIII. 11, Остр. другой текстъ, Быт. XIX. 9, Остр. *оны*, Перв. *оны*, Иоан. X. 35, *ѡце ѡныхъ рече вогѡвъ...* Остр. *ѡце оны рече вогы*, Первон. также *оны* и т. д. см. также выше—родит. падежъ). Въ Остр. и Первон., какъ видно, чаще исконный винит. падежъ. Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: простую—*ѡна* (1 Макк. XI. 14, *времѣнѣ ѡна*, Остр. *но съ предл. мн.*, Второз. VII. 19, *зѡменѣ ѡна*. Остр. и Первон. *она*, Дан. XI. 14, *въ лѣта ѡна*, Остр. *тѣ*) и сложную *ѡнаѡ* (Второз. XXIX. 3, Остр. и Первон. *она*, 1 Цств. XXV. 11, Остр. *тѣ*, Иезек. VII. 20, Остр. *ѣ*). У М. Смотрицкаго одна краткая форма *она* (л. 166 на об.). Въ женескомъ родѣ имѣются также обѣ формы: простая *ѡны* (1 Цств. XVII. 28, Остр. *оны*, Первон. *оны*, Дѣян. Ап. XX. 2. *странѣ ѡны*, Остр. *тыѡ*) и сложная *ѡныѡ* (Лев. XX. 14, Остр. *нѣхъ*, Суд. XVI. 3, Остр. *ѡ*). У М. Смотрицкаго одна простая форма *оны* (л. 166).

Творительный падежъ представляетъ одну простую форму только въ мужескомъ родѣ (всего два случая): *ѡнѣми* (Д. Апост. XV. 9, Остр. *онѣми*, Первон. *онѣми*. 1. Петра IV. 14, Остр. *онѣми*, Первон. *онѣми*, съ удареніемъ, вызваннымъ вліяніемъ *тѣми*). У М. Смотрицкаго простая форма *онѣми* для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166).

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: про-

стая Ѡнѣхъ, очень частая въ сочетаніи во днѣхъ—или по днѣхъ— (Мр. I. 9, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ, 2 Пар. XXI. 8, Остр. и Первоп. ѡнѣхъ, Иерем. V. 18, Остр. тѣхъ, Евр. X. 16, Остр. ѡнѣхъ и т. д.) и сложная Ѡныхъ (1 Парал. VII. 24, Остр. ѡныхъ, Первоп. ѡныхъ, можетъ быть и предложный ср. рода, 2 Пар. XXXII, 24 во днѣхъ Ѡныхъ, Остр. по днѣхъ тѣхъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡнѣхъ для всѣхъ трехъ родовъ. Случай предложнаго ср. р. (простая форма): на мѣстѣхъ Ѡнѣхъ (Д. Ап. XVI. 3, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. Ѡнѣхъ).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первоп. библии на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тождественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библии имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библии замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными. Простыя большею частью встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во врэма Ѡно, (во, по)днѣхъ ѡнѣхъ и т. д. Если отбросить такія формулы, то числовое отношеніе между простыми и сложными формами представляется въ такихъ приблизительныхъ цифрахъ:

Единственное число: Им. м. р. простыхъ 3, сложныхъ 11, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 9, ср. р., наоборотъ, простыхъ 5, сложныхъ 4. Родительный: м. р. простыхъ 1, и 2 вмѣсто винит. п., всего три, сложныхъ—15 и, вмѣсто винит. 3, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 6, ср. р. только сложныя 4. Въ дательномъ находимъ однѣ простыя формы. Винительный м. р. простыхъ 4, сложныхъ 8, ж. р. простыхъ 9, сложныхъ 10, ср. р. простыхъ 4, сложныхъ 8. Творит. м. р. только сложный—2 случая, ж. р. только одна простая форма. Предложный имѣется также только простой: м. р. 4, ж. 2, ср. 3. Множественное число. Именит. м. р. 2 простыхъ, 6 сложныхъ, ж. р. только сложныя двѣ, средняго рода одна простая, двѣ сложныхъ. Род. м. р. простыхъ 6, сложныхъ 9, ж. р. одна простая, ср. р. два простыхъ, сложныхъ—3. Дательный м. р.

простыхъ 7, сложныхъ 8, ж. и ср. р. нѣтъ случаевъ. Винит. падежъ м. р. простыхъ 4, сложныхъ 5, ж. р. по одной ф., ср. простыхъ двѣ, сложныхъ 5. Творит. м. р. только двѣ простыхъ. Предложный м. р. наоборотъ—три простыхъ и двѣ сложныхъ, ср. р. одна простая. Родительный, вмѣсто винительнаго м. р.—три простыхъ и 10 сложныхъ. Общій итогъ: 78 простыхъ и 133 сложныхъ. Незначительная неточность, которая могла вкратиться при составленіи этого разсчета, не уничтожаетъ значенія этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о значительномъ перевѣсѣ сложныхъ формъ. Принадлежащей къ разсмотрѣнному морфологическому и семасіологическому гнѣзду чувствуется теперь очевидно и форма винит. ед. м. р. отъ относительнаго мѣстоименія ѣ—ѣнь со вторичнымъ, абсорбированнымъ отъ предлога ѡ; объ этомъ свидѣлствуютъ не только обычныя написанія: изъ дѣнь, въ ѣньже не чаетъ, ѣ възчасъ, изъ ѣньже не вѣсть (Матѹ. XXIV. 44, Остр. вонъже и възньже, Первоп. вонъ же), изъ ѣнь (Лев. XXIII. 21, Остр. конъ, Первоп. конъ), гдѣ предлогъ отдѣленъ и восстановлено (графически) ѣ. но и такія, какъ во ѣньже (1 Цств. XXI. 6, Остр. ктои, Первоп. в той, Ис. XVII. 11, Остр. и Первоп. конъже).

Такія же приблизительно отношенія представляютъ менѣе богатая примѣрами склоненія мѣстоименій ѣнь, ѣвн. Мѣстоименіе сáмъ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ какъ въ извѣстныхъ надежахъ идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-, какъ и, съ и т. д.

Какъ и у вышеразсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ и здѣсь мы находимъ простыя формы рядомъ со сложными:

Единственное число. Именительный падежъ ѣнь мужескомъ родѣ простая форма сáмъ (2 Парал. XXVI. 20: ѣбо ѣ сáмъ тирашсѣ, Іов. XXVIII. 23: сáмъ во вѣсть...); въ ж. р. также: самà (Римл. VIII. 21, самà твáрь свободитсѣ, Остр. сама, Первоп. самà); въ ср. р. обѣ формы: простая сáмо (1 Іоан. Посл. II. 27: тò сáмо немáзаніс оучитъ, Остр. только тò) и сложная сáмоє (1 Кор. XI. 4: сáмоє ѣстество оучитъ ни... Остр. самое, Первоп. сáмоє, 3 Ездры VIII. 9, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго

одна простая форма: сáмъ (л. 163), самà (тамъ же на обор.) и сáмо.

Родительный муж. рода въ сложной формѣ: самагò (Иов. I. 12, самагò да не вòснениса, Остр. самòго же, Первон. самогò же простая форма) и самáгw (Ефес. IV. 16, Остр. севѣ). У М. Смотрицкаго въ муж. р. простая форма, самогò, въ ж. сложная самыа, въ ср. также сложная самагw (безъ ударенія I. е.). Родительный вмѣсто винительнаго — самагò же сѣиенногравителѣ... оубиша (2 Макк. IV. 42, Остр. безъ мѣстоименія) — сложная форма съ обычной графической дифференціаціей (w и o); самòго (Иак. II. 8, Остр. самого, Первон. самогò) есть вѣроятно опечатка.

Дательный м. р. въ простой формѣ: самомѣ (Мр. IV. I. Д. Ап. XXV. 25, Остр. самомѣ, Первон. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго м. и ср. родъ также въ простой формѣ, ж. р. имѣеть обѣ: самòй: ѣй (л. 163 на обор.).

Винительный м. рода въ сложной формѣ: нъ сáмый тóй дєнь (Эсѣ. VШ. 13, Остр. самый, Первон. какъ въ Новой); ж. р. также самѣю (Иез. XXШ. 10, самѣю мечємъ оубѣкиѣша, Остр. простая ф. самѣ, Первон. сáмѣ. Характерно и удареніе, находящееся, быть можетъ, въ связи съ только что приведенной формой в. ед. м. р. самыи изъ Остр. библии) и сáмѣю (II. Пѣсн. I. 7, Остр. самѣю, Первон. сáмѣю); въ ср. р. опять только сложная форма: сáмос (Лев. VI. 5: да ѡдáстъ сáмос тò ѣстос, Остр. самòс, Первон. сáмос). У М. Смотрицкаго въ муж. родѣ одна форма родит. ед., въ ж. простая — сáмѣ, въ среднемъ также простая — сáмо.

Творительный. Въ муж. родѣ простая форма: самѣмъ (Быт. XXII. 16, миòю самѣмъ влáхєа, Остр. другой текстъ — совòю) и рядомъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo- самымъ (3 Ездри XIII. 26, самымъ совòю ѣзбáвитъ, Остр. сáмъ севѣ), какъ въ современномъ русскомъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма. Въ ж. родѣ также простая форма — сáмою (2 Макк. III. 8, Остр. другой текстъ, М. Смотриц. л. 163 на обор.). Въ среднемъ родѣ — сложная: сáмымъ (2 Макк. IV. 12, подъ сáмымъ красгрáдїємъ, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго простая (л. 164).

Предложный муж. р. въ простой формѣ: самѡмъ (3 Ездры IX. 1, въ севѣ..., Иоан. I. 22, ѡ тебѣ самѡмъ..., тоже у М. Смотрицкаго). Въ ж. р. у М. Смотрицкаго двѣ формы: простая и сложная самѡй и самѣй, примѣровъ которымъ въ библии текстѣ не имѣется. Ср. р. у М. Смотрицкаго одинаковъ съ мужескимъ (I. с.).

Формы двойственного числа, приведенныя у М. Смотрицкаго, въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются, и потому, какъ недостоверныя, могутъ быть оставлены безъ особаго вниманія. Им. вин. зв. во всехъ родахъ сѡма (для ж. и ср. это мало вѣроятно), род. и пр. муж. и ср. сѡмъ, ж. самъ (опечатка?), дат. и твор. самѣма.

Множественное число. Именительный муж. рода только въ простой формѣ — сѡми (Быт. XLIV. 3, Остр. другой текстѣ, Прем. Сол. XIII. 6, Остр. такъ же); у М. Смотрицкаго такъ же (л. 163 на обор.). Формы ж. и ср. рода въ библии не встрѣчаются; у М. Смотрицкаго онѣ простыя: самы и сѡма (л. 163 на об. и л. 164).

Родительный муж. р. имѣетъ три формы: простую — самѣхъ (Д. Ан. XX. 30: ѡ насъ самѣхъ, Остр. самѣхъ. Первон. какъ въ Новой, 1. Кор. V. 13, Остр. самѣхъ, Первон. какъ въ Новой), сложную — сѡмьхъ (3 Ездры VIII. 10, ѡ сѡмьхъ члѣншкь, Остр. ѡй сѣстакъ, Первон. ѡ ѣхъ составъ) и вторичную, продуктъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-: самѣхъ (Иезек. XXXIV. 8, вмѣсто винит. насѡна... самѣхъ севѣ, Остр. и Первон. сѡми севѣ, Юд. II. 10, Остр. другой текстѣ, Ис. III. 9, Остр. другой текстѣ). какъ сѣхъ, ѣхъ и т. д. У М. Смотрицкаго для всехъ трехъ родовъ простая форма — самѣхъ (I. с.). Формы ж. и ср. род., въ текстѣ библии отсутствуютъ.

Дательный муж. р. — простая форма самѣмъ (2 Сол. I. 4, самѣмъ намъ, Остр. самѣмъ, Первон. самѣмъ, 1 Кор. VII. 35, на нѡмъзъ намъ самѣмъ. М. Смотрицк. для всехъ трехъ родовъ также самѣмъ).

Рядомъ вторичная форма по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: самѣмъ (Быт. XLVII. 24. вѣдѣтъ намъ самѣмъ, Остр. только намъ, 2. Макк. III. 2, сѡчѣнссѡ ѣ самѣмъ царѣмъ, Остр. сѡми

ци, 1. Кор. I. 24, проповѣдѣемъ... самѣмъ же званнѣмъ ѿдѣемъ, Остр. самѣмже, Первоп. самѣмъ же).

Сложная форма самѣмъ имѣется: Исх. XX. 23 (Остр. сами севѣ), 1 Ездры VI. 20, Остр. другой текстъ.

Винительный не встрѣчается. Имѣются только синтактичeskія замѣны родительнымъ: самѣхъ (Кол. III. 16, подразумѣвающие севѣ самѣхъ, Остр. и Первоп. такъ же) и самѣхъ (см. выше). У М. Смотрицкаго простыя формы: м. и ж. р. сѣмы, ср. сѣма.

Творительный въ текстѣ библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго простая форма самѣми для ж. и ср. родовъ, въ муж. самѣмъ — очевидная опечатка.

Предложный м. р. встрѣчается только въ простой формѣ — самѣхъ (Римл. I. 24, въ севѣ самѣхъ. Остр. самѣхъ, Первоп. самѣхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ также самѣхъ. Кроме того имѣется и вторичная форма самѣхъ (Ис. V. 21, Остр. друг. текстъ).

Изъ другихъ мѣстоименій съ основой на о- укажемъ еще на нѣкоторыя формы, уклоняющіяся отъ старославянскаго или чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Такъ морфологической ассимиляціей къ остальнымъ надежамъ объясняется творит. ед. отъ мѣстоименія вопросительнаго кто (стел. кѣто) — кѣмъ (Л. XIV. 8, Остр. кѣмъ, стел. чѣмъ). Путемъ „аналогіи“ здѣсь возстановлено к, сохранившееся въ другихъ надежахъ въ силу особыхъ фонетическихъ условій.

Другимъ факторомъ въ образованіи данной формы весьма вѣроятно была параллельная форма чѣмъ, отвѣчающая стел. чѣмъ; не безъ вліянія оставались и формы творит. ед. прочихъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ сѣмъ, ѣмъ и т. д. Процессъ морфологической ассимиляціи здѣсь такимъ образомъ сложнѣе, чѣмъ тотъ, результатомъ котораго является соответственная русская форма *къмъ*. Мѣстоименія *ѣкъ*, такъ склоняются, какъ и другія мѣстоименныя основы на о-, разсмотрѣнныя выше: тв. ед. м. р. *ѣкъмъ* (Іоан. V. 4, Остр. *ѣкъмже*), р. мн. *ѣкъхъ* (Мр. IX. 3, Остр. *ѣкъхже*, Первоп. *ѣкъхъс*), *такъхъ* (тамъ же X. 14, Остр. *такъ*, Первоп. какъ въ Новой).

Склоненіе числительныхъ *днѣ*, *сѣва* въ общемъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій.

Им. м. р. двà (Быт. II. 24), вин. м. р. двà (Быт. XXXIV. 25). Ср. р. им. двѣ (I. XXI. 8, двѣ^і стѣ), но рядомъ встрѣчается и форма муж. р., какъ въ русскомъ, вліяніемъ котораго она и объясняется: вин. двà свѣтіла (Быт. I. 16, Остр. и Перв. еще двѣ свѣтілѣ); ж. р. им. двѣ жены (2 Макк. VI. 10), вин. двѣ жены (Быт. IV. 19, Остр. и Первон. двѣ женѣ). У Мел. Смотрицкаго для муж. и средн. рода двà (л. 154 и 155), для женскаго двѣ. У Зизанія для муж. р. двà (л. 41 на обор.), женск. р. двѣ, ср. р. двое (л. 42).

Родительный м. р. двѣ сыновѣхъ (Быт. XXXVIII. 11, Остр. двѣ), ср. р. двѣстѣ (Иезек. XLVIII. 17, Остр. двѣ стѣ). Предложный м. р. на двѣ дворѣхъ (4 Цств. XXI. 5, Остр. на двѣ дворѣ). Въ стел. чаще форма дѣвою отъ двой, дѣвой, основы на jo-. Примѣры этой послѣдней формы: ѿ двою дрѣвѣхъ (Ис. VII. 4, Остр. двою дрѣвѣхъ, Первон. двою дрѣвѣхъ), по двою же днѣ (Іоан. IV. 43, Остр. двою, Первон. двою), по двою лѣтѣхъ (Быт. XII. 1, Остр. другой текеть), по двою дворѣхъ (4 Цств. XXIII. 12, Остр. въ двою, Первон. двою). Рядомъ имѣется вторичная, заимствованная изъ русскаго форма съ окончаніемъ множ. числа: двѣхъ (род. м. р. 1. Ездры X. 13, Остр. и Первон. двѣ, Ис. VII. 16, Остр. двою, Первон. двою, предложный м. рода Суд. X. 4: на тридѣсати двѣхъ ѿслѣхъ, Остр. на ѿ ѿслѣхъ). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ двою (л. 41—42). Та же форма и у Мелет. Смотрицкаго для муж. рода: двою (л. 154), для сред. двою (л. 155) и для женскаго двѣю (л. 154 на об.). Дифференціація эта произвольна, какъ указываютъ приведенные выше примѣры изъ Библии. Въ Новой и Первопечатной безразлично имѣется только двою для муж. и сред., а въ Острожской двою. Форма же двѣю не встрѣчается.

Дательный и творительный. Для всѣхъ родовъ двѣма (стел. дѣвѣма): дат. муж. рода двѣма (Мр. XVI. 12, Остр. двѣма, Первон. двѣма), твор. ср. р. двѣма стома (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Первон. двѣма), ж. р. двѣма вѣщма (Евр. VI. 18, Остр. двѣма вѣщма), м. р. двѣма таланти (3. Цств. XVI. 24, Остр. двѣма талантома). Рядомъ имѣется вторичная форма дат.

множ., заимствованная очевидно изъ русскаго: двѣмъ равнымъ (Быт. XXXIII. 1, Остр. род. дв. двѣ) и объясняющаяся морфологической ассимиляціей къ вторичной же формѣ двѣхъ. I. Н. XIV. ст. 3, имѣемъ форму родит. дв. въ значеніи дат. дв. ср. р.: даде... двѣ племенѣмъ (Остр. днѣмà племѣнѣ, Первон. двѣмà племѣнѣмъ). У Мелет. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ: двѣмà (л. 154 и 155).

У Зизанія дифференціація по ударенію: муж. и жен. двѣмà (л. 41—42), ср. двѣма.

Такъ же склоняется Ѣба: им. м. р. Ѣба (Быт. II, 25), им. ж. р. Ѣбѣ (дрѣри двѣтвы. Быт. XIX. 36), вин. м. р. Ѣба (Быт. XL. 2), ср. р. на Ѣба рáмена (Исх. XXXVI), подъ влияніемъ тождества им. вин. зв. м. и ср. рода въ именномъ склоненіи (основъ на о-), вмѣсто Ѣбѣ (Остр. и Перв. еще Ѣбѣ рáмѣ); но Ѣбѣ рáмѣ (Быт. IX. 23); вин. жен. р. Ѣбѣ страиѣ (Исх. XXVIII. 7): стел. м. окл, ж. и ср. обѣ.

Родительный и предложный только отъ основы на jo- *Ѡвоѣй, какъ и въ стел.: р. м. р. Ѡ Ѡвою (I. Сир. XXII. 5, Остр. овѣю, Первон. овою), предл. м. р. Ѡ Ѡвою брѣтѣ (Мато. XX. 24, Остр. ѡвою, Первон. ѡвою): стел. овою.

Дательный и творительный, какъ въ старославянскомъ: д. м. р. Ѡвѣма брѣтѣма (Быт. IX. 22, Остр. ѡвѣма, Перв. ѡвѣма, Быт. III. 7, Анок. XI. 3, Остр. ѡвѣма, Перв. ѡвѣма и т. д.); творит. м. р. Ѡвѣма (Быт. XXXII. 22): стел. овѣм.

У М. Смотрицкаго находимъ своеобразныя педантскія попытки дифференцировать различные роды въ склоненіи данныхъ числительныхъ: муж. рода ѡва, ѡвою (NB. удареніе), ѡвома (NB. л. 152 на обор.), ср. р. ѡва, ѡвою, ѡвома (безъ ударенія, л. 153), по ж. р. ѡвѣ (пропущено), ѡвѣю (NB.), ѡвѣма. Въ языкѣ Библии эти попытки не находятъ оправданія.

Основы мѣстоименныя на jo-. Склоненіе мѣстоименія *ѣ, ѣ, ѣ не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ старославянскаго. Въ именительномъ падежѣ всѣхъ трехъ чиселъ первичныя формы утрачены; сохранились онѣ только въ сочетаніи съ частицей же: ед. чис. ѣже (Второзак. XXV. 19), ѣже (Быт. I. 7, 9), ѣже (Быт.

II. 16), множ. ч. ѿже (2 Ездры II. 6), ж. р. ѿже (Матѳ. XXV. 1), съ та=та, ср. р. ѿже (I. XXI. 25), стел. ед. ч. н, ѿ, ѿ, мн. ч. н, та, ѿ. Вмѣсто этихъ формъ находимъ соотвѣтственныя формы другаго указат. мѣстоименія онъ (напр. у Зизанія л. 45).

Родительный ед. М. р. êгò (Быт. II. 7, стел. ѿго), ж. р. êà (В. XII. 6, стел. ѿа). У М. Смотрицкаго такъ же (л. 178).

Дательный. М. р. êмù (Матѳ. XXII. 19, стел. ѿмоу), ж. р. êй (В. XXIV. 47, стел. ѿи). М. См. êмоу, êй (I. с.).

Винительный. М. р. ѿ, довольно часто (Быт. XXXII. 8—пòлкъ, Исх. II. 35—ковчѣжець, Исх. XXIV. 21—священника Азарію, Ис. XXXIII. 7—нищаго) въ значеніи личномъ и предметномъ. Въ первомъ значеніи весьма часто имѣется обычная замѣна формой род. ед. съ графической дифференціаціей: ѿ възвѣсти êгò ò мѣста êгò (Иов. XXVII. 21, Остр. въ обонхъ случаяхъ êго, Первон. уже êгò... êгò, ср. также М. XXVII. 35: распѣніи же êгò, раздѣліиши рѣзы êгò, Остр. въ обонхъ случаяхъ êго, Первон. êгò—êгò). Обѣ формы нерѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: ѿспытайте ѿ ѿки вертѣнъ, ѿ погубите êгò (Перем. I. 26, Остр. другою текетъ); понѣрзи êгò на зѣмлю. ѿ нѣрже ѿ на зѣмлю (Исх. IV. 3, Остр. êго... ѿ, Первон. êгò... ѿ). Женск. рода—ѿ (М. I. 19, В. XXXII. 8 и т. д.). Ср. р.—ѣ (М. V. 29, Исх. II. 6 и т. д.): стел. н, ѿ, ѿ. У М. См. êгò, ѿ, ѿ, ѣ (л. 178).

Творительный. М. р. прѣдшѣмъ (I. I. 17, стел. нмъ), М. См. ѿмъ; ж. р. ѣю (Быт. I. 28, стел. ѿю), М. См. такъ же.

Предложный. М. р. на нѣмъ (М. XII. 18, стел. ѿмъ); ж. р. въ нѣй (М. I. 20, стел. ѿи). У М. См. ѿ ѣмъ, ѿ ѣй рядомъ съ ѿ нѣмъ, ѿ нѣй.

Двойственное число. Именительный не встрѣчается. Формы им. и вин. дв., приводимыя М. Смотр. (л. 178) м. и ср. ѿ, ж. ѿ, ничѣмъ не подтверждаются въ текстѣ Библии и являются однимъ изъ примѣровъ чисто теоретическихъ педантскихъ построений этого грамматика. Родительный: м. р. êю (М. XXI. 3, VIII. 30: ѿ нѣю, I. XV. 12 и т. д., стел. ѿю). Дательный. М. р. нма (Исх. Сир. VII. 30, Лев. X. 1), ж. р. ѿма (Матѳ. XXVIII. 10, 11): стел. нма. Винительный двойственного за-

мѣненъ винительнымъ множественнаго: м. р. ѡ̑ (Мр. I. 20 Іакова и Іоанна: стел. ѡ, Остр. и Первоп. ѡ̑), ж. р. ѡ̑ (Матѡ. XXVIII. 9, Руѡъ I. 9, 1 Цств. VI. 10 Остр. и Перв. ѡ̑). Въ м. р. ѡ̑ можетъ еще отвѣчать стел. вин. дв. ѡ, но въ женскомъ мы ожидали бы *ѡ̑ (стел. ѡ); такъ какъ церковнославянская орѡграфія сохраняетъ написаніе ѡ, положимъ въ им. ж. р. ѡ̑же (стел. ѡ), то и въ вин. дв. м. р. слѣдовало бы ожидать написаній съ ѡ. Въмѣсто нихъ однако мы пишемъ такое же написаніе съ ѡ, какъ въ винительномъ множественнаго ѡ̑=стел. ѡ, такъ что и вин. дв. м. р. ѡ̑ можетъ быть разсматриваемъ какъ вин. множ.

Творительный м. р.: съ нѡма (Лук. XXIV. 15, стел. нма).

Множественное число. Именительный не встрѣчается. Родительный не уклоняется отъ старославянскаго: ѡ̑хъ (Быт. XLIII. 24, мужск. рода стел. ихъ). Дательный также: ѡ̑мъ (М. II. 13. м. р., Л. XXIV. 4, 5. ж. р.). Винительный м. р. какъ въ старославянскомъ: ѡ̑ (Быт. XXV. 6, Ам. IX. 2, 3, стел. ѡ), ж. р. также ѡ̑ (звѣзды Б. I. 17, стел. ѡ), ср. р. ѡ̑ вмѣсто *ѡ̑ (Быт. XV. 10, стел. ѡ). Рядомъ имѣются случаи синтактической замѣны родительнымъ: ѡ̑хъ (м. р. М. XXI. 14, 41, Остр. ѡ̑хъ, ѡ̑, ж. р. Мр. XVI. 8, Остр. ѡ̑) и т. д. У М. Смотр. находимъ графическую дифференціацію для написаній тождественныхъ формъ вин. м., ж. и ср.: въ муж. и ср. ѡ̑, въ ж. ѡ̑. Творительный: м. р. съ нѡма (Б. XIX. 5, стел. нма), ж. р. прѣдѡма (Лук. XXIV. 4, стел. нма) и т. д. Предложный муж. р. въ нѡхъ (Лук. XXII. 24, стел. ихъ).

Такъ же мало измѣнилось склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій мѡй, твоѡй, своѡй.

Единственное число. Именительный м. р. мѡй (Матѡ. III. 17, стел. мой). ж. р. мѡѡ (Быт. XLIX. 3, стел. моя), ср. р. мѡѡ (Іов. XXIII. 2, стел. мое).

Родительный м. р. мѡѡѡ (Быт. XLVI. 31, стел. моего), ср. р. такъ же (Іов. XXIII. 2), ж. р. мѡѡѡ (тамъ же, стел. моею). Дательный м. р. твоѡѡѡ (Пе. V. 8, стел. твоему), ср. р. такъ же (Пе. XLIV. 13), ж. р. своѡѡѡ (Исх. XXI. 26, 27, стел. своєю). Винительный м. р. мѡй (Іерем. VI. 19, стел.

мой), ср. р. твоё (Исх. IV. 6, стел. твою), ж. р. твою (Руѳь III. 10 стел. твою). Случай синтактической замѣны винит. м. р. формой родительнаго: посылаю Ангѳла моего (Мр. I. 2, Остр. моего, Первоп. моего: графическая дифференціація въ Первопечатной библіи проведена не послѣдовательно) и т. д. У М. См. приводится только одна форма родит. винит. (л. 170). Творительный м. р. моймъ (Быт. XLVIII. 32, стел. монмъ), ср. р. такъ же (Іерем. XX. 8), ж. р. своёю (1 Цств. II. 10, стел. своюю). Предложный м. р. моёмъ (Эккл. II. 10, стел. моюемъ), ср. р. такъ же (Пс. XXIX. 7), но моёмъ (3 Езд. XIII. 16, Остр. моёмъ, Перв. моёмъ), ж. р. моёй (Руѳь I. 11, стел. моюен).

Двойственное число. И. м. р. твоѳ (Пѳвень II. IV. 5, VII. 3: двѳ сосца—, стел. твою), вин. м. р. моѳ (Римл. XVI. 3) и т. д. им. ж. р. мой (Пс. XVII. 37, стел. мон), вин. ж. р. въ рѳцѳ мой (Быт. XXXIX. 8) и т. д. им. ср. р. ѳчи мой (Пс. CXL. 8, стел. мон), вин. ср. р. возмѳ крилѳ мой (Пс. CXXXVIII. 9) и т. д. У М. Смотр. находимъ формы им. ж. р. моѳ (л. 170 на об.), твоѳ (л. 171 на об.), своѳ (л. 172 на о.), которыя, можетъ быть, были вызваны народными формами им. множ. моѳ, своѳ.

Родительный и предложный: предл. ср. р. ко ѳчию моёю (Іерем. VII. 30, стел. моюю), родит. ѳ ѳчию моёю (Быт. XXXI. 40), р. ж. р. ѳ рѳкѳ моёю (Быт. XXXIII. 10) и т. д. У Зиванія моёю и твоёю. Сюда же надо отнести и формы моѳ, твоѳ, которыя у него, вѳроятно, ошибочно отнесены къ им. вин. зв. (л. 46).

Дательный и творительный: дат. муж. р. свидѳтелема мойма (Апок. XI. 3. стел. монма), тв. ж. р. рѳкама мойма (Пс. LXXVI. 3), тв. ср. р. ѳчима своима (Лев. XX. 4), дат. ср. р. ѳчима мойма (Пс. CXXXI. 4) и т. д.

Множественное число. Именительный муж. род. мой (Быт. XXXI. 43, стел. мон), ж. р. моѳ (тамъ же), ср. р. моѳ (тамъ же). Графическая дифференціація двухъ послѣднихъ написаній иногда достигается употребленіемъ разныхъ знаковъ для обозначенія ударенія $\grave{}$ и $\hat{}$, но проведена она далеко не послѣдовательно, такъ что является почти исключеніемъ: веззакѳнѳма моѳ (Пс.

XXXVII. 5) и рѣны моѡ (тамъ же, 6), оустѣ моѡ (Пс. XXXIX. 4), чѡдеса твоѡ (тамъ же, 6) и т. д. Въ среднемъ родѣ слѣдовало бы ожидать написаній съ га (стел. ж. моѡ, ср. моѡ), но такъ какъ вообще знакъ ѡ въ церковнослав. графикѣ получилъ значеніе = а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ или j, то формы им. ж. р. и ср. р. въ ней совпали совершенно. Иногда встрѣчается форма м. р., вмѣсто ж. или ср.: житницы твоѡ (Второз. XXVIII. 5, 17, Остр. гѡмна твоѡ, Первон. такъ же), въ чемъ надо видѣть вліяніе русскаго языка.

Родительный м. род. моѡхъ (Ч. XXIII. 11), ж. р. такъ же (Іов. 34): стел. моѡхъ.

Дательный м. р. своѡмъ (Быт. XLIX. 33), ж. р. моѡмъ (Пс. LVI. 7) и т. д.: стел. моѡмъ.

Винительный м. р. моѡ (Быт. XXVI. 5), ср. и ж. р. такъ же (тамъ же): стел. м. и ж. моѡ, ср. моѡ.

Синтактическая замѣна родительнымъ въ м. родѣ: двоѡхъ сыновѡхъ моѡхъ оубѡй (Быт. XLII. 37, Остр. сѡна моѡ ѡба, Первон. такъ же — моѡ), но люди твоѡ (Пс. LXXVI. 21), сыны твоѡ (Пс. CXLVII. 2). Иногда встрѣчаются формы им. вин. зв. ср. рода вмѣсто вин. множ. того же рода: рѡмы своѡ (Быт. XLIX. 15, Остр. рѡмѡ своѡ, Первон. такъ же), но рѡмы своѡ (Исх. XII. 34, Остр. и Перв. также); у Зизанія вин. м. р. моѡ, твоѡ (л. 46 на об.), ж. и ср. моѡ, твоѡ (л. 47); такая неправильность объясняется просто подстановкой формы множ. ч. существительнаго на мѣсто формы двойственнаго ч., при чемъ слабость языковаго чутья въ области цслав. съ одной стороны и вліяніе роднаго языка съ другой помѣшали сдѣлать такую же замѣну и съ мѣстоименіемъ.

Звательный м. р. занимаетъ форму винит. множ.: братѡ моѡ (Іак. V. 12).

Творительный м. р. моѡми (Б. XLIX. 29), ж. р. (Пс. VI. 7) и ср. (Іер. I. 12) такъ же; стел. моѡми.

Предложный м. р. тисѡхъ (Іов. XXII. 28), ж. р. своѡхъ (Іер. XXIII. 32), ср. р. моѡхъ (Быт. XXX. 3): стел. моѡхъ.

Точно такъ же склоняются и мѣстоименія чѡй, нѡшъ (стел. нѡшъ), нѡшъ (стел. нѡшъ). Извѣстныя особенности представляютъ только

вѣкоторыя падежи множ. числа послѣднихъ двухъ мѣстоименій. Такъ, въ именительномъ множ. м. р., рядомъ съ „правильной“ формой на́ши, ва́ши (Быт. XLVI. 34, Исх. XII. 26, Остр. и Перв. ва́ша), встрѣчается форма винит. множ. ва́ша (скóти ва́ша, Второз. III. 19), употребленная какъ именительный. Встрѣчается также вмѣсто формы именит. множ. ж. р. форма, тождественная, какъ въ русскомъ, съ именит. мн. м. р. и которая въ сущности есть именит. двойств. ж. р.: „ѡмьютса́ но́ги ва́ши (Быт. XVIII. 4, Остр. ноги ваша, Перв. но́ги ваша), но винит. мн. но́ги ва́ша (Быт. XIX. 2, Остр. нозѣ ваши. Перв. нозѣ ва́ши). Что касается именит. множ. ср. рода, то надо замѣтить графическую дифференціацію его съ одинаково звучащей формой им. мн. ж. р.: конечный гласный а, соотвѣтствующій въ ср. р. стел. -а, въ ж. -я, обозначается помощью а въ первомъ случаѣ (лица на́ша: Дан. I. 13, Остр. ѓзрачи на́ша, Первон. ѡзрачи на́шы; Быт. XXXIV. 23. ...на́ша... бѣдѣтъ, Остр. ед. ч., Прем. Сол. IX. 14. о́умышлѣніа на́ша, Остр. на́ша, Первон. такъ же), а во второмъ (рѣки на́ша: 1 Иоан. I. 1, Остр. и Первон. на́ша). Дифференціація эта послѣдовательно проведена только въ Новой библии, въ Остр. и Первонеч. она отсутствуетъ.

Дательный въ написаніи отличается отъ старосл. окончаніемъ -ымъ, что объясняется неналатальностью ш: на́шымъ (Прем. Сол. II. 12, ср. р., Остр. на́шимъ, Первон. на́шымъ, Быт. L. 24, м. р., Остр. нашѣ, Перв. на́шымъ), ва́шымъ (Исх. XII. 21, м. р., Остр. ва́шимъ, Первон. такъ же): стел. ншимъ, кшимъ.

Въ написаніяхъ другихъ падежей однако эта неналатальность ш почти не даетъ себя чувствовать. Сверхъ неналатальности ш, т.е. причины фонетической, въ происхожденіи подобныхъ написаній могла играть роль и причина морфологическая — уподобляющее вліяніе дат. множ. сложныхъ именъ прилагательныхъ съ послѣднимъ согласнымъ основы неналатальнымъ, какъ дѣбрыма и т. д.

Винительный множ. м. р. представляетъ двѣ формы — исконную: ва́ша (стел. кша, Исх. III. 22, Остр. ва́ша, Первон. такъ же, Быт. XLVII. 16: скоты ва́ша, Остр. ед. ч. и т. д.) и форму именит. множ. ва́ши, какъ въ русскомъ (Быт. I. 21,

дѣлы вѣши, Остр. вѣша, Первоп. такъ же, Иерем. V. 17, хлѣбы вѣши, Остр. хлѣвъ твои), которая, въ силу непалатальности ш, передается иногда написаніемъ вѣшы (помдѣ пророки вѣшы—Иерем. II. 30, Остр. вѣша, Первоп. такъ же). Какъ видно изъ цитатъ, форма эта, вдобавокъ очень рѣдкая, является только въ Новой библіи и такимъ образомъ должна быть отнесена на счетъ вліянія русскаго языка. Остальные падежи не представляютъ ничего особеннаго. У М. См. находимъ формы им. дв. ч. ж. р., не оправдываемыя библейскимъ текстомъ и вызванныя педантическимъ и произвольнымъ стремленіемъ исправлять языкъ: нѣшѣ (л. 176), нѣшѣ (л. 177 на обор.). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ нѣша (л. 48).

Мѣстоименіе чій имѣется только въ нѣкоторыхъ формахъ: Ед. ч. им. м. р. чій (Быт. XXXII. 17), ж. р. чіѣ (Б. XXIV. 23. удареніе какъ въ русскомъ. Остр. такъ же).

Р. ср. р. чіегѡ (Иов. XXXVIII. 29, Остр. чіего, Первоп. какъ въ Нов.), ж. р. чіеѣ (1 Цств. XII. 4, Остр. ничіеѣ, Первоп. ничіеѣ).

Тв. ср. р. чішмъ (2 Ездры VI. 4, 11, Остр. им. ср. чіе, Первоп. чіе).

Пр. ср. р. чіѣмъ (I. Сир. XXIV. 7, Остр. друг. текстъ).

Им. мн. ср. р. чіѣ (Быт. XXXII. 17, Остр. чіе).

Такъ же, какъ мой, склоняются числительныя двѡй, ѡбѡй, трѡй, имѣющіяся главнымъ образомъ въ формахъ множ. числа.

Именительный множ. м. род. двѡи людіе (Быт. XXV. 23, Остр. и Первоп. такъ же), им. мн. ср. р. врата трѡѡ (Иез. XLVIII. 31—34).

Родительный мн. ж. род.: двѡиухъ равѡишъ (Быт. XXXI. 33, Остр. и Первоп. ѡвоѡ равѡишѡ).

Дательный мн. м. р.: двоѡмъ юношамъ (I. Нав. VI. 21, Остр. и Первоп. двоѡмѡ же юношамѡ).

Винительный мн. ж. род. двѡи двѣри (3 Цств. VI. 32, Остр. двоѡѡ, Первоп. такъ же), двоѡи рѣзы (Суд. XVII. 10, Остр. двоѡе рѣзы, Первоп. какъ въ Новой), форма эта тождественна съ им. дв. ж. р., но въ то же время можетъ быть вызвана вліяніемъ рус-

скихъ формъ; ср. р. двѡмъ сѣмъ слышахъ (Пс. ХLI. 12, Остр. вив. ед. двое сѣ, Первоп. двоѡмъ сѣмъ).

Предложный м. род. двои́хъ верте́пахъ (3 Цств. XVШ. 4, Остр. двою вртѣпѸ, Первоп. двою верте́пѸ).

Какъ именит. ср. р. ед. числа слѣдуетъ разсматривать форму дво́е ослѣтъ (Суд. XIX. 3, Остр. такъ же), винит. ед. ср. р. на дво́е (Лев. XI. 3, 4, Остр. съ русскимъ удареніемъ на́двое, Первоп. такъ же), также дво́е же ми сотвори́ши (Иов. XIII. 20).

Такія же почти отношенія представляетъ склоненіе ѡбѡй.

Единственное число. Родительный ср. род. ѡбоегѡ (2 Макк. VIII. 22, Остр. другой текстъ, Притчи С. XXVII. 3, Остр. ѡбоѣго, Первоп. ѡбоегѡ).

Множественное число. Именительный м. р. ѡбои́ (2 Макк. X. 28, Остр. ѡбои́, Первоп. такъ же), ср. р. ѡбоѡмъ по́лны (Числ. VII. 13, 19, 25 и т. д. Остр. ѡбоѣе, Первоп. ѡбоѣе; Притчи XX. 10, 12, Остр. ѡбоѡмъ, Первоп. обоѡмъ).

Родительный м. род. ѡбои́хъ (Иоан. I. 40, Остр. ѡвою, Первоп. ѡбою; вм. вин.: Тов. VIII. 13, Остр. друг. текстъ. Ефес. II. 16, Остр. ѡвои́хъ, Первоп. ѡбои́хъ).

Дательный м. род. ѡбои́мъ двѣмъ оу́гламъ (Исх. XXVI. 24, Остр. ѡбѣма оу́глома, Первоп. ѡбѣма, 3 Цств. VI. 25).

Винительный м. род. см. родит., ср. р. за ѡбоѡмъ (Прем. Сол. XIV. 30, Остр. друг. текстъ).

Творительный м. род. наѡ ѡбѣими столпа́ми (3 Цств. VII. 20, Остр. гл. VI другой текстъ), ж. р. со ѡбѣими верѣ́ями (Суд. XVI. 3, Остр. м. р. ѡбѣйма новѡема, Первоп. ѡбѣйма наѡбѡема), безъ того различенія между этими двумя видами основы. какое имѣется въ русскомъ (не всегда и не вездѣ)

Предложный м. р. на ѡбои́хъ вра́еихъ (Исх. XXVI. 19, 21. Остр. и Первоп. ѡбою концѸ), на ѡбѣихъ столи́ихъ (3 Цств. VII. 42, Остр. гл. VI. на ѡбѣ столи́ихъ, Первоп. на ѡбѣихъ...), ср. р. во ѡбои́хъ оу́шеѣихъ (1 Цств. III. 11, Остр. им. дв.), во ѡбои́ихъ (Ис. Сир. ХLI. 17, Остр. ѡ бою), ж. р. на ѡбои́ихъ дисѣ́ихъ (3 Цств. VI. 34, Остр. другой текстъ). Основы обој- и обѣј- употребляются, какъ видно изъ примѣровъ, безъ всякаго отно-

пенія къ роду; послѣдняя очевидно внесена изъ русскаго языка и въ Остр. библии встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. У М. Смотрицкаго даже нѣтъ второй основы, вызванной вліяніемъ именит. двойств. ж. и ср. рода обѣ. Склоненіе первой основы во множ. ч. представляется у него въ такомъ видѣ:

И. м. р.	обои (удареніе?),	ж. р.	ѡбоѡ,	ср.	ѡбоѡ.
Р.	ѡбои́хъ	<u>ѡбоихъ (съ другимъ акцентомъ).</u>			
Д.	ѡбои́мъ	ѡбои́мъ	ѡбоимъ		
В.	ѡбоѡ̀	<u>ѡбоѡ̀</u>			
Зв.	ѡ̀ обои (удареніе?)	—	ѡ̀ боѡ		
Тв.	во всѣхъ родахъ ѡбои́ми				
Предл.	ѡ̀ обои́хъ	ѡ̀боихъ	ѡ̀бои́хъ	(л. 152 на об. и 153).	

Различной акцентуаціи тождественныхъ формъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе, кромѣ произвольной попытки дифференцировать одинаковыя формы.

Сложное мѣстоименіе кій (стсл. кѣй), кѡѡ (стсл. кѡѡ), кѡѡ (стсл. кѡѡ) въ косвенныхъ надежахъ представляло въ стслав. двѣ основы къ- и коѡ-, которыя могутъ быть выдѣлены и въ церковно-славянскихъ формахъ.

Единственное число. Им. ед. м. р. кій или кѣй (Второз. XX. 5. 7, Остр. др. текстъ. Быт. XXXI. 36, Остр. др. текстъ, М. XXI. 31, Остр. кѣи, Первоп. кѣй, Л. XXII. 24, Остр. кѣи), ж. р. кѡѡ (М. XVI. 26, Остр. кѡѡ, Первоп. кѡѡ), ср. р. кѡѡ (1 Цств. XVIII. 18, Д. Ап. VII. 49, Остр. п Первоп. такъ же). У М. См. кій, кѡѡ, кѡѡ (л. 173 на об., 174). Въ Остр. библии встрѣчается чисто русскій именительный ед. м. р. кои (3 Макк. IV. 3, Первоп. кѣй), въ основѣ котораго лежитъ стсл. кѣи.

Родительный м. и ср. р. кѡѡѡ (стсл. кѡѡѡ: м. р. I. Сир. XXXIV. 24, Остр. кѡѡѡ, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. Тов. V. 9. 11, Остр. др. текстъ, Неем. II. 6, Остр. кѡѡѡ, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. кѡѡѡ (стсл. кѡѡѡ, Иона I. 8, Остр. кѡѡѡ, Первоп. кѡѡѡ, Д. Ап. XXIII. 34, Остр. кѡѡѡ, Первоп. кѡѡѡ) и кѡѡѡ (Д. Ап. X. 29, Остр. др. текстъ). Удареніе кѡѡѡ

вѣроятно позднѣйшаго происхожденія и вызвано уподобленіемъ къ другимъ падежамъ, гдѣ удареніе находится на основѣ. Ср. акцентуацію *моєѡ* (см. выше), а также формы Первопечатной библіи *коєѡ*, приведенныя выше. У М. Смотр. м. и ср. *кѡегѡ*, ж. *кѡєѡ* (1. с.).

Дательный м. и ср. р. *кѡємѡ* (стсл. *коємоу*: м. р. Лев. XXI. 17, Остр. *коѣмѡ*, Первоп. *кѡємѡ*), ж. р. *кѡей* (Мр. IV. 30, Остр. *коѣй*, Первоп. *кѡей*, стсл. *коєи*). У М. Смотр. м. и ср. *кѡємѡ*, ж. *кѡей* (1. с.).

Винительный м. рода *кѡй* (Д. Ап. VII. 49, Остр. *кѡи*, Первоп. *кѡй*, стсл. *кѡй*), ж. р. *кѡю* (стсл. чаще *кож*; Д. Ап. XXII. 24, Остр. *кѡю*, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. *кѡе* (Іов. XXVII. 10, Остр. *коє*, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотр. въ м. р. только форма родит. вм. винит. *кѡего* (см. также Тов. I. 17, 18, Остр. другой текстъ), ж. *коую*, ср. *кѡе*.

Творительный м. р. *кѡимѡ* (стсл. *кѡимь*, 3 Цств. XIII. 12, Остр. *кѡимѡ*, Первоп. какъ въ Новой, 4 Цств. III. 8, Остр. *коимѡ*, Перв. *кѡимѡ*), ср. р. *кѡимѡ* (Д. Ап. IV. 7, Остр. *коимѡ*, Первоп. *кѡимѡ*, Остр. Д. Ап. X. 29 *кѡй* словѡ; 1 Кор. XV. 35, Остр. *кѡимѡже*, Первоп. *кѡимѡже*) и *кѡимѡ* (Дан. XIII. 58, Остр. *кѡимѡ*, Первоп. *кѡимѡ*); ж. р. *кѡею* (стсл. *коєж*, М. XXI. 23, 24, 27, Остр. *коєю*. Первоп. *коєю*, Д. Ап. IV. 7, Остр. *коєю*, Первоп. *кѡею*). Приведенныя формы замѣчательны въ отношеніи ударенія: въ Остр. библіи оно имѣлось на окончаніи: *коимѡ*, *коєю*, въ Первопечатной уже *кѡимѡ*, но *коєю* (есть и *кѡею*), въ Новой уже на основѣ *кѡимѡ*, *кѡею*. У М. Смотр. м. и ср. *кѡимѡ*, ж. *кѡею*.

Предложный м. и ср. р. *кѡемѡ* (стсл. *коєемь*; сравн. ср. р. *нѣкоємѡ* Второз. XXII. 6), у М. Смотр. такъ же; ж. р. *кѡей* (стсл. *коєи*; Іов. XXXVIII. 19, Остр. *коєи*, Первоп. *кѡей*); у М. Смотр. такъ же.

Двойственное число не имѣетъ примѣровъ въ текстѣ Библіи.

Им. вин. зв. муж. рода долженъ быть *кѡѡ* (ср. два *нѣкаѡ* Л. VII. 18, вин. м. рода, Остр. *нѣкаѡ*, Первоп. *нѣкаѡ*). или **кѡѡ* (ср. стсл. *моѡ*), ж. и ср. **кѡи* (ср. стсл. *мои*). У М.

Смотр. кіѡ для м. и ср., кіѣ для женскаго—формы, не оправдываемыя текстами.

Род. и предл. у М. Смотрицкаго кѡєю, дат. и твор. кѡима и кіима для всѣхъ трехъ родовъ (л. 173—174)—формы возможныя.

Множественное число. Именительный муж. рода представляет вторичное образованіе, въ которомъ, подъ вліяніемъ остальныхъ надежей, восстановлено к: кіи (стсл. ции; Ис. LX. 8, Остр. нѣци, Первоп. нѣци, Иоан. VI. 64, Остр. ктѡ); судя по формѣ нѣци (Неем. V. 2. 3, Остр. другой текстъ), мы должны были бы ожидать им. мн. м. р. *ци, какого однако въ дѣйствительности не встрѣчается. У М. Смотрицкаго находимъ также только кіи (л. 173 на обор.). Изрѣдка встрѣчается форма винит. множ., употребленная въ смыслѣ именительнаго: кіѡ сѣтъ... (3 Ездры IV. 7, стсл. кыѡ. Остр. другой текстъ—чтѡ сѣтъ). Въ женскомъ родѣ никакихъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ ѣ=и: кіѡ (стсл. кыѡ, 3 Макк. IV. 3, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго такая же форма (л. 174). Въ среднемъ также: кѡѡ племенѡ (стсл. кыѡ; 3 Ездры III. 32, Остр. кацыи іѡзыцы). У М. Смотрицкаго кѡѡ (л. 174 на об.)—форма, въ Библии не встрѣчающаяся.

Родительный м. р. кіѡхъ (стсл. кыѡхъ; Иона I. 8, Остр. коѡхъ, Первоп. коѡхъ съ другимъ удареніемъ, чѣмъ въ Новой библ., Матѡ. XVII. 25, Остр. кыѡ, Первоп. кіѡхъ), а также кѡѡхъ (Юд. X. 12, Остр. друг. текстъ; вмѣсто винит. 3 Ездры V. 52, Остр. коѡ, Первоп. кѡѡхъ. Зографск. ев. Л. XXIV. 19 конхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ только кѡѡхъ (1. с.).

Дательный не встрѣчается; судя по формѣ м. р. нѣкіѡма (2 Макк. X. 18, Остр. нѣкоѡхъ), онъ долженъ бы былъ имѣть форму кіѡма (стсл. кыѡма). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ кѡѡма (1. с.).

Винительный м. р. слѣдовало бы ожидать кіѡ (стсл. кыѡ. Ср. нѣкіѡ и нѣкіѡ. Д. Ап. IX. 2. 19, Остр. нѣкіѡ, Первоп. нѣкіѡ, а также вышеприведенную форму именит. множ. кіѡ: 3 Ездры IV. 7). У М. Смотрицкаго кіѡ. Обычныя синтаксическія замѣны

формой родит. множ.: кóиухъ (3 Ездры V. 52, см. выше, Евр. III. 17, Остр. кóиухе, Первоп. кóиухъ). Женск. рода кíа (стел. кыа. Матѳ. XIX. 18, Остр. кыа, Первоп. кíа). У М. Смотр. также кíа (л. 174). Ср. рода должно бы быть кáа (стел. кaa), если заключать на основаніи формы кáаждо (1 Парал. XXVI. 13, Остр. коáждо, Первоп. кáаждо, 2 Макк. XIV. 9, Остр. кóждо. Перв. такъ же). У М. Смотрицкаго мало вѣроятная форма кíа (л. 174 на обор.).

Творительный въ Библии не встрѣчается. У М. Смотрицкаго для муж. и ж. р. конми и кíми (стел. кымии заставляло бы ожидать *кíми), для ср. р. конми и кíми.

Предложный м. р. кíиухъ (стел. кыиухъ; Юд. VIII. 15, Остр. другой текстъ, ср. также кíиухдо, 2 Макк. II, 29, Остр. коиухъдо, Первоп. такъ же), ср. р. кóиухъ (3 Ездры X. 38, Остр. коиухъ, Первоп. кóиухъ); ж. р. кíиухдо (2 Ездры I. 16, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго для м. р. кóиухъ, кíиухъ, для ж. и ср. кóй, кй.

Точно такъ же или почти такъ же склоняются различныя сложныя мѣстоименія, въ составъ которыхъ входятъ кій: иѣкйи (довольно частыя формы), икййже (Л. XVI, 13), кййждо и т. д.

Относительно перваго изъ нихъ надо отмѣтить иреобладавiс основы къ-; основа кою- въ Новой б. имѣется только въ род., дат., предл. единственнаго, во множественномъ числѣ она совсѣмъ не встрѣчается. Именительный множеств. ч. м. р. всегда—иѣции (Мр. IX. 1, Остр. иѣции, Первоп. иѣции); форма иѣкин встрѣчается только въ Остр. б. (3 Ездры XIII. 13, Первоп. такъ же, Новая иѣции). Винит. множ. м. р. иѣкíа (2 Макк. IV. 32, Д. Ап. IX. 2. 19).

Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя формы съ „контракціей“ гласныхъ і-и: род. мн. муж. р. иѣкиухъ (Іов. XXII. 8, Остр. иѣкинухъ, Первоп. иѣкиухъ, Л. IX. 7, Остр. иѣкыухъ, Первоп. иѣкиухъ, 1 Тимоѳ. V. 24, Остр. иѣкй, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ иѣкинухъ (2 Макк. IV. 8, Остр. друг. текстъ, X. 20, Остр. иѣкоиухъ, Первоп. иѣкиухъ), дат. мн. м. р. иѣкимъ (Л. XXI. 5, Остр. иѣконмъ, Первоп. такъ же) и иѣкíмъ (I. Тим. V. 24,

Остр. нѣкимъже, Первоп. нѣкимъ же), рядомъ съ нѣкимъ (2 Макк. X. 18, Остр. другой текстъ).

Собственно „контракцію“ гласныхъ въ этихъ формахъ едва ли можно видѣть. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе ихъ морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ отъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ сѣхъ, сѣмъ, моѣхъ, моѣмъ, ѣхъ, ѣмъ и т. д. Процессъ уподобленія имѣлъ приблизительно такое направленіе: если рядомъ съ сѣи, моѣи, наѣи и т. д. имѣются формы сѣхъ, сѣмъ; моѣхъ, моѣмъ; наѣихъ, наѣимъ, то и рядомъ съ кѣи, нѣкии могутъ быть формы кѣхъ, кѣмъ, нѣкихъ, нѣкимъ. Такого же происхожденія должны быть приведенныя у М. Смотрицкаго (см. выше) формы твор. и предл.мнж. кѣми, кѣхъ.

Мѣстоименія сѣи (стел. съ, сии) и что (стел. что), первоначально основы на i-, представляютъ въ своемъ склоненіи уже въ старославянскомъ характерныя черты мѣстоименныхъ основъ на jo-, которыя болѣе или менѣе сохраняются и въ церковнославянскомъ.

Мѣстоименіе сѣи уклоняется отъ старослав. главнымъ образомъ въ им. и вин. падежахъ ед. и мнж. числа. Склоненіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единственное число. Именительный м. р. только въ сложной формѣ сѣи (стел. сии, простая съ; Быт. IV. 20. 21. 22, Остр. сѣи, Первоп. сѣи) или сѣи (очень рѣдко: Мр. XII. 16, Остр. сѣи, Первоп. сѣи). У М. Смотрицкаго сѣи, сѣи (л. 168 на обор.). У Зизанія сѣи (л. 49 на обор.). Простая форма совершенно исчезла. Въ ж. р. также одна сложная форма сѣа (стел. си, Быт. II. 4, Остр. сѣа, Л. II. 36, Остр. сѣи, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго сѣа и сѣи (л. 169). У Зизанія сѣа (л. 49 на обор.). Форма ж. р. сѣи въ текстѣ Новой библ. совсѣмъ не встрѣчается. Средній родъ представляетъ обѣ формы: простую сѣ (очень рѣдко: Л. XVIII. 36 — что оубо ѣсть сѣ, Остр. сѣ, Первоп. сѣ, Исаія XXXVI. 6, въ смыслѣ нарѣчія сѣ оуповаѣши, Иерем. V. 5), соответствующую стел. се, и сложную сѣа (Эккл. XI. 6, Остр. сѣа, Первоп. сѣаи). въ основѣ которой лежитъ форма *сѣjo-. У М. Смотрицкаго одна сложная форма сѣа

(л. 169 на обор.). У Зизанія сіє. Можно отмѣтить разницу въ акцентуаціи Зизанія сіа, сіе, рядомъ съ общими сіа, сіе (л. 49 на обор.).

Родительный м. и ср. рода сегѡ (стел. сеґо; м. р. 1 Цств. IV. 16, Остр. сегѡ, Первоп. сегѡ, ср. р. Быт. II. 24, Остр. сегѡ, Первоп. сегѡ), ж. р. сеа (стел. сеа, Быт. XXI. 10, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго сегѡ, сеа (1. с.).

Дательный м. р. семѢ (Лев. IV. 20, Остр. семѢ, Первоп. семѢ), ж. р. сей (Мр. XI. 23, Остр. сен, Первоп. сей): стел. семоу, сен. У М. Смотрицкаго м. и ср. семоу, ж. сей.

Винительный м. р. сей (Мс. XXXVI. 6, Остр. другой текстъ, стел. снн, съ), обычная замѣна родит. сегѡ (Іоан. VI. 27, Остр. сеґо, Первоп. сеґо), съ графической дифференціаціей. У М. Смотрицкаго только эта послѣдняя форма. Въ ж. родѣ сію (стел. снж; Быт. XII. 7, Остр. и Первоп. какъ въ Новой). Въ ср. родѣ такія же двѣ формы, какъ въ именит.: простая се (стел. се; Лук. XIII. 8, ѿ се мѣто, Остр. се. Первоп. се, Іоан. II. 22, се глаголане, Остр. се Первоп. се) и сложная сіе (Мр. I. 39, Остр. се, Первоп. сс, Быт. XXXVIII. 23, Остр. другой текстъ). Какъ видно изъ цитатъ (ср. также выше формы именит. ср. р.), форма сіе въ Остр. и Первоп. встрѣчается рѣже, чѣмъ простая и болѣе древняя се, почти исчезнувшая напротивъ въ Новой. У Зизанія м. сегѡ, ж. сію, ср. сіе (л. 49 на обор.).

Творительный м. и ср. р. сімѡ (Ис. XXXVI. 7, Остр. снмѡ, Первоп. сімѡ м. р. Тов. VI. 8, ср. р.: стел. емѡ); ж. р. сею (Числ. XIII. 18, Остр. и Первоп. такъ же, стел. сеж). У М. Смотрицкаго м. и ср. р. сімѡ, ж. сею, съ удареніемъ, вызваннымъ, очевидно, морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ, какъ сіа, сеа, сію. У Зизанія м. сѡ, ср. сѡмѡ, ж. сею (л. 49 на обор.).

Предложный м. и ср. рода сеѡмѡ (М. р. Быт. VII. 1, Остр. сеѡ. Первоп. сеѡмѡ; ср. р. Быт. XXIV. 9, Остр. другой текстъ, стел. емѡ), ж. р. сей (Іоан. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же, стел. сен). У М. Смотрицкаго м. и ср. сѡмѡ, ж. сей.

Двойственное число представлено, по обыкновению, скудно.

Имѣется им. дв. ср. р. двà сѣ̃ (Ис. XLVII. 9, Остр. òвòе тò) или двà сѣ̃ (тамъ же II. 19, Остр. двòе сѣ̃), если только это не имен. множ. ср. р., на что указываетъ множ. число глагола. Согласно съ старосл. мы ожидали бы формы *сѣ̃ (стел. снн), которая въ текстѣ библіи не встрѣчается. Съ другой стороны приведенная форма сѣ̃ тождественна съ ожидаемой формой именит. дв. м. р. (ср. стел. снн). У М. Смотрицкаго для муж. и ср. р. находимъ дѣйстви-тельно одну форму сѣ̃ (л. 169 на обѣихъ сторонахъ), для ж. построенную по образцу обѣ и т. д., невозможную форму сѣ̃. У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ сѣ̃ и сѣ̃ю (л. 49 на обор.).

Родительный двойств. м. р. сѣ̃ю (Д. Апост. I. 24, Остр. сѣ̃ю, Первоп. сѣ̃ю), ср. р. такъ же (Матѹ. V. 37, Остр. и Первоп. сѣ̃ю). Рядомъ имѣется предложный ж. р. сѣ̃ю, уклоняющійся отъ стел. сѣ̃ю подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ имѣется основа сѣ̃ю-Матѹ. XXII. 40: въ сѣ̃ю сѣ̃юю зѣповѣдѣю... Остр. всѣ̃ю, Первоп. ѣ̃ сѣ̃ю). У Зизанія для всѣхъ родовъ сѣ̃ю (л. 49 на обор.).

Дательный м. р. сѣ̃ма (Д. Ап. IV. 16, Остр. и Первоп. такъ же, стел. снма). У Зизанія сѣ̃ма (л. 49 на обор.).

Множественное число. Именительный муж. р. сѣ̃н (стел. снн), съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго (Быт. XXXVI. 1, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и т. д. Остр. сѣ̃н, Первоп. сѣ̃н, Исх. XIV. 3, Остр. сѣ̃, Первоп. сѣ̃, какъ вси, 1 Царал. XII. 1. 14. 15, Остр. сѣ̃н, Первоп. сѣ̃н, Быт. X. 29. 31, Остр. сѣ̃н, Первоп. сѣ̃н, Числ. III. 9, 17, 20, 21, 27, 33, Остр. сѣ̃н, Первоп. также сѣ̃н) и которое является, повидимому, вторичнымъ (Остр. и Перв. почти вездѣ сѣ̃н) и вызваннымъ, быть можетъ, морфологической ассимиляціей къ тѣ̃н. У М. Смотрицкаго сѣ̃н, какъ въ Новой библ. Такъ же и у Зизанія (л. 49 на обор.). Въ ж. р. сѣ̃ (Быт. XLI. 4, Остр. сѣ̃, Первоп. сѣ̃); у М. Смотрицкаго также сѣ̃ (стел. снн). У Зизанія сѣ̃ (л. 49 на обор.). Въ ср. р. также сѣ̃ (Исх. I. 1, Остр. сѣ̃, Первоп. сѣ̃) или сѣ̃ (Матѹ. XXIV. 3, Остр. сѣ̃, Первоп. сѣ̃), въ основѣ каковой формы лежитъ стел. снн. Разные знаки акцента, понятно, не имѣютъ никакого фонетическаго значенія и вѣроятно являются плодами попытки къ графической дифференціаціи тождественныхъ написаній сѣ̃ (им. ж. р.) и сѣ̃

(им. ср. р.). У М. Смотрицкаго сѣ̀ (л. 169 на обор.); у Зизанія сѣ̀ (л. 49 на обор.).

Родительный не представляетъ никакихъ уклоненій отъ стсл.: м. р. сѣ̀хъ (1 Цств. IV. 8), ср. р. такъ же (Притчи С. I. 5): стсл. снхъ.

Дательный также сохранился безъ особыхъ измѣненій: м. р. сѣ̀мъ (Быт. XXIV. 28), ср. р. также сѣ̀мъ (2 Макк. IV. 9, Остр. снмже, Первоп. сѣ̀мъ же) или сѣ̀мъ Іак. III. 10, Остр. сѣ̀мъ, Первоп. сѣ̀мъ): стсл. снмъ.

Винительный м. р. сѣ̀ (Іерем. VI. 19. 21, Остр. сѣ̀, Первоп. сѣ̀) — стсл. снѣ̀. У М. Смотрицкаго также сѣ̀; ж. р. также сѣ̀ (М. Смотрицкаго л. 169 на обор.: стсл. снѣ̀), ср. р. сѣ̀ (Іерем. VI. 6, 9, 16, Остр. сѣ̀, Первоп. сѣ̀), съ графической дифференціаціей при помощи разныхъ знаковъ ударенія (м. и ж. ' ср. ^); въ основѣ этой послѣдней формы лежитъ стсл. снѣ̀; болѣе древняя стсл. форма сн дала, быть можетъ, также начало вышеприведеннымъ формамъ им. муж. сѣ̀ Остр. и Первоп. библій. У М. Смотрицкаго также сѣ̀. Обычная замѣна вин. м. р. родительнымъ: сѣ̀хъ (Быт. XLVI. 18, Остр. другой текстъ). У Зизанія для м. р. сѣ̀, для ж. и ср. сѣ̀.

Творительный ничѣ̀мъ не уклоняется отъ стслав.: м. р. сѣ̀ми (Исх. XVII. 5, Остр. другой текстъ), ср. р. такъ же (Быт. XV. 17, Остр. сѣ̀ми). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ сѣ̀ми (стсл. снми).

Предложный м. р. сѣ̀хъ (Быт. XXII. 1, Остр. предл. ед.) — стсл. снхъ. У М. Смотрицкаго такъ же.

Мѣстоименіе что̀ (стсл. ѹ̀то), первоначально основа на і-, представляетъ въ своемъ склоненіи особое распространеніе основы чесо- (стсл. ѹ̀со, ѹ̀со), которая есть въ сущности родит. ед. отъ основы че-. Къ этой основѣ присоединяются падежныя окончанія. Это распространеніе замѣчается уже въ древнѣйшихъ старослав. памятникахъ, но въ новомъ церковнославянскомъ оно еще сильнѣе. У М. Смотрицкаго именительный не только что̀, но и чесо̀ (л. 167).

Родительный и. чесо̀ (ра̀ди... Исх. II. 13, Остр. что̀ ради, Первоп. чесо̀; Іов. XXXIII. 13, Остр. чесо̀, Первоп. чесо̀, Мр. VIII. 1, Остр. и Первоп. чесо̀) — стсл. ѹ̀со, ѹ̀со. Кромѣ

этой формы имѣется еще *чесоꝝ* = стел. *ѹсоꝝо* (Быт. XXXVII. 16, 1 Цств. XX. 4, Остр. *чтѵ*, Первоп. *чтѵ*, Іов. XXXI. 16, Остр. другой текстъ), которая представляетъ изъ себя родит. *чесѵ*, взятый за основу + окончаніе родит. п. -гѵ. У М. Смотрицкаго *чесѵ* и *чесоꝝо*.

Дательный *чесоꝝѹ* (стел. *ѹсоꝝоꝝѹ*, *ѹесоꝝоꝝѹ*: Быт. XV. 8, Остр. *чесоꝝѹ*, Л. I. 18, Остр. *чесоꝝѹ*, Первоп. *чесоꝝѹ*, Іоан. XIII. 28, Остр. *чесоꝝѹ*, Первоп. *чесоꝝѹ*) = род. *чесѵ* + окончаніе *ѹѹ*. У М. Смотрицкаго *чемоꝝѹ* (русская форма) и *чесоꝝѹѹ* (*ibid.*).

Винительный имѣетъ двѣ формы: неконную *чтѵ* (стел. *ѹтъѵ*; Римл. IX. 11, Остр. и Первоп. *чесѵ*) и форму родит. надежа *чесѵ* (синтактическая замѣна съ обычной графической дифференціаціей: Мр. XIII. 15, *взѹти чесѵ*, Остр. *чесо*, Первоп. *чесѵ*). У М. Смотр. находимъ также обѣ формы *чтѵ*, *чесѵ* (л. 167).

Творительный является (кроме именит.) единственнымъ надежомъ, оставшимся свободнымъ отъ проникновенія вторичной основы *чесо* и сохранившимъ стелав. форму: *чѹмѹ* (стел. *ѹмѹ*; Лев. VI. 2, Остр. *чѹ*, Первоп. *чѹмѹ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. *чѹмѹ*, *чѹ*, Перв. *чѹмѹ*, I. Сир. XXXIV. 15, Остр. *чѹмѹѹ ѵдсрѹѹѹ*, Первоп. *чѹмѹѹ*). У М. Смотрицкаго также *чѹмѹ* (тамъ же).

Предложный, рядомъ съ неконной формой *чѹмѹ* (стел. *ѹемѹ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. и Первоп. *чѹмѹ*, Ис. II. 22, Остр. другой текстъ), представляетъ вторичную *чесоꝝѹмѹ* (стел. *ѹесоꝝѹмѹ*; Ис. LV. 8, Остр. *чѹсоꝝѹмѹ*, Первоп. *чесоꝝѹмѹ*, Римл. VIII. 26, Остр. *чтѵ*, Первоп. *чтѵ*, Суд. VI. 15, Остр. *чѹ*, Первоп. *чѹмѹ*). У М. Смотрицкаго равнымъ образомъ *чѹмѹ* и *чесоꝝѹмѹ* (тамъ же).

Въ парадигмахъ М. Смотрицкаго находимъ вторичную основу *чесѵ* даже въ именительномъ надежѹ, куда она очевидно попала по недоразумѣнію изъ винительнаго. Акцентуація у него разнится отъ находимой въ печатныхъ текстахъ Библии, и удареніе, подъ вліяніемъ акцентуаціи род. *чесѵ*, получившаго такое преобладающее значеніе, сохраняется на послѣднемъ слогѣ вторичной основы, тогда какъ въ библейскихъ формахъ оно находится на надежныхъ окончаніяхъ, какъ въ русскомъ языкѣ: *чесоꝝѹ* какъ *чемоꝝѹ*, *чесоꝝѵ*, какъ *чесѵ* и т. д.

Мѣстоименіе *вѣсь* (стел. *вьсь*), сохранило свое склоненіе безъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго.

Единственное число. Именительный падежъ м. р. *вѣсь* (Мр. I. 33, Остр. *вѣсь*, Первон. *вѣсь*, стел. *вьсь*); ж. р. *всѧ* (стел. *вьсь*, *вьсѧ*) = русск. *вся* (*f's'a* или *fs'a*): Мр. I. 5, Остр. *всѧ*, Первон. *всѧ*; ср. р. *всѣ* (стел. *вьсе*): Иоанна Посл. I. II. 16, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣ*.

Родительный м. и ср. р. *всегѡ* (ср. р. Іер. VIII. 2, Остр. друг. текстъ, Исх. XX. 17, Остр. *всего скота*, Первон. *всегѡ*; стел. *вьсего*), ж. р. *всѧ* (Быт. I. 29, Остр. и Первон. такъ же; стел. *вьсѧ*).

Дательный м. и ср. р. *всемѸ* (м. р. Иоан. XXI. 25, Остр. *всемѸ*, Первон. *всемѸ*; стел. *вьсемоу*), ж. р. *всѣй* (Лук. VII. 17, Остр. *всен*, Первон. *всѣй*, стел. *вьсен*). У М. Смотрицкаго дат. м. и ср. р. *всемоу* (л. 152).

Винительный м. р. *вѣсь* (*вѣсь дѣнь* Ис. XXXVI. 26, Остр. *вѣсь*, Первон. *вѣсь*; стел. *вьсь*): У М. Смотрицкаго только форма родит. *всегѡ* (л. 152), съ обычной графической дифференціаціей (см. также Иоан. VII. 23, Остр. *всего*, Первон. *всегѡ*); ж. р. *всѡ* = русск. *всю* (*fs'u*, *f's'u*). Согласно старосл. *вьсѧ*, слѣдовало бы ожидать **всѸ*, которое или прямо замѣнено русской формой, или, какъ и эта послѣдняя, возникло подъ вліяніемъ основъ на *jo-* (*jā-*) съ одной стороны и именит. ед. ж. р. *всѧ* съ другой. Ср. р. *всѣ* (Быт. II. 6, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣ*, стел. *вьсе*).

Творительный м. и ср. р. *всѣмѣ* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣмѣ*, Первон. *всѣмѣ*; стел. *вьсѣмѣ*); у М. Смотрицкаго м. р. *всѣмѣ*, ср. р. *всѣмѣ*. Въ ж. р. *всѣю* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣю* и *всѣю*, Первон. *всѣю*; стел. *вьсѣмѣ*).

Предложный м. и ср. р. *всѣмѣ* (Эккл. I. 3, Остр. *всѣ*, Первон. *всѣмѣ*—м. р.; стел. *вьсѣмѣ*); ж. р. *всѣй* (Мр. I. 39, Остр. *всѣи*, Первон. *всѣй*; стел. *вьсен*).

Двойственное число *всѣмѣ* не имѣетъ представителей въ библейскомъ текстѣ.

Множественное число. Именительный падежъ муж. рода *всѣ* (Быт. V. 5, стел. *вьсен*), ж. р. *всѧ* (Быт. XII. 57, Остр. *всѧ*,

Первоп. всѧ, стел. вьса), ср. р. всѧ (Д. Ап. IV. 32, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стел. вьсъ=вьса, вьса) съ графической дифференціаціей отъ ж. р. помощію разныхъ знаковъ ударенія.

Родительный м. р. всѣхъ (Быт. III. 1, Остр. и Первоп. такъ же, стел. вьсѣхъ), ср. р. (Быт. II. 2), ж. р. (Перем. VIII. 2), такъ же безъ всякихъ попытокъ къ дифференціаціи.

Дательный м. р. и ж. р. всѣмъ (Быт. II. 20, Остр. всѣмъ, Первоп. всѣмъ, стел. вьсѣмъ), ср. р. такъ же (1 Цств. VIII. 8, Остр. другой текстъ).

Винительный м. р. всѧ (Быт. I. 25, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стел. вьса, Быт. II. 19, Остр. всѣ, какъ въ русскомъ); родит. вм. винительнаго всѣхъ (Иов. XXXIV. 24, Остр. всѣхъ); ж. р. всѧ (Быт. II. 19, Остр. всѣ, Первоп. всѣ—формы рускія; Ис. IX. 15, Остр. всѧ, Первоп. всѧ; стел. вьса); ср. р. всѧ съ графической дифференціаціей (Быт. VII. 5, Остр. другой текстъ, М. XXIV. 2, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, Л. XVIII. 28, Остр. всѧ, Первоп. всѧ, стел. вьсъ=вьса, вьса).

Дифференціація эта, какъ и у другихъ подобныхъ мѣстоименныхъ формъ, представляетъ собой позднѣйшее явленіе, свойственное языку Новой Библии. Въ Острожской безразлично всѧ, къ Первопечатной всѧ. У М. Смотрицкаго также во всѣхъ родахъ всѧ.

Творительный м. р. всѣми (Быт. I. 26. 28, Остр. всѣми, Первоп. всѣми; стел. вьсѣми); ср. р. такъ же (Исх. I. 11, Остр. всѣми, Первоп. всѣми).

Предложный м. и ж. р. всѣхъ (Быт. IX. 2, Остр. м. р. всѣхъ, ж. всѣхъ, Первоп. вездѣ всѣхъ; стел. вьсѣхъ), ср. р. такъ же (Исх. XVIII. 9, Остр. другой текстъ).

Формы, приводимыя М. Смотрицкимъ, не представляютъ никакихъ особенностей.

§ 18. Имена прилагательныя сложныя. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (и причастій) сложныхъ характеристичной особенностью, составляющей принадлежность и русскаго соотвѣтствующаго склоненія, является „контракція“ гласныхъ, слѣдствіемъ которой получается болѣе тѣсное сличеніе именной основы и мѣ-

стоименной между собою. Другая особенность, также раздѣляемая церковнославянскимъ съ русскимъ и вызванная очевидно вліяніемъ этого послѣдняго, есть образованіе нѣкоторыхъ падежей по типу мѣстоименныхъ основъ на о- и јо-. Въ старославянскихъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются только спорадически, тогда какъ въ церковнославянскомъ они становятся правиломъ.

Бывшія основы на о-, ā-. Единственное число. Именительный падежъ не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ общихъ фонетическихъ: м. р. нѣмый (М. IX. 33, Остр. и Первоп. такъ же: нѣмыи, нѣмый), речѣнный (Матѣ. III. 3), тѣсный (М. VII. 14) и т. д., но блгій (Матѣ. XII. 35, Остр. блгыи, Первоп. какъ въ Новой), мѣгкій (Прем. Сол. II. 3, Остр. простая форма мѣкокѣ), широкій (М. VII. 13, Остр. и Первоп. простая форма): стсл. нѣмый, блгый, широкый и т. д.; ср. р. невѣсное (М. III. 2: нѣное), дѣброе (М. VII. 17)—стсл. дѣброе; ж. р. дѣснаѣ (съ ѣ = ја. М. V. 30)—стсл. дѣсьнаѣ.

Родительный падежъ уже представляетъ въ муж. и ср. родѣ уклоненіе: м. р. великаго (Матѣ. V. 35, Остр. великаго, Перв. какъ въ Новой), дрѣгаго (вм. винит., чѣмъ и объясняется конечное о, а не ѡ: М. VI. 24): стсл. новаго; ж. р., кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, не уклоняется отъ старославянскаго: плотскіѣ, мѣжскіѣ (Іоан. I. 13, Остр. плотскыѣ, мѣжскыѣ, Первоп. плѣтскіѣ, мѣжскіѣ)—стсл. плѣтскыѣ.

Дательный падежъ муж. и ср. рода совершенно утратилъ исконную форму, вмѣсто которой находимъ образованіе по тину мѣстоименныхъ основъ на о-: м. р. слѣпомѣ, нѣмомѣ (М. XII. 22, Остр. слѣвомѣ, нѣмомѣ, Первоп., какъ въ Новой), разслабленномѣ (Мр. II. 5, Остр. раслабленомѣ, Первоп. разслабленомѣ) и т. д., стсл. новоуѣмоу. Ожидаемыхъ сложныхъ формъ съ контракціей *нѣвомѣ, *слѣпомѣ и т. д. въ текстѣ печатныхъ книгъ не встрѣчается. Дательный женск. р. не уклоняется отъ старославянскаго: содѣмстѣй (М. XI. 24, Остр. содѣмзстѣй, Перв. какъ въ Новой), ѡбрѣченѣй (М. I. 18) и т. д., стсл. новѣи. У М. Смотрицкаго имѣется дат. ж. р. по типу мѣстоименій: блгѣй (л. 136), стѣй (л. 134), какъ въ русскомъ.

Винительный м. р., рядомъ съ сохранившейся исконной формой стѣй (М. IV. 5), сѣднѣй (М. XI. 24), представляетъ и обычную синтаксическую замѣну формой родит. н. (см. выше). Ср. родъ не уклоняется отъ старославянскаго: Галілейское (Матѣ. XV. 29), а также и женскій: распѣстиѣю (Матѣ. XIX. 7), ѡгнениѣю (Матѣ. XIII. 50): стел. **новѣй, новѣю, новѣж.**

Звательный тождественъ съ именит.: м. р. влагѣй (М. XIX. 16), слѣпѣй (тамъ же XXIII. 26), ж. р. блѣгодѣтнаѣ (Лук. I. 28).

Творительный м. и ср. р. отвѣчаетъ старославянскій формѣ съ „контракціей“ гласныхъ; послѣднимъ согласнымъ окончанія является *m* (мъ) вмѣсто ожидаемаго *m'* (стел. мь), какъ вездѣ: м. р. стѣймъ (Матѣ. III. 11), правѣднымъ (М. XXI. 32), ср. р. цѣрковнымъ (ibid. XXIII. 16). У М. Смотрицкаго стѣймъ (л. 133, 134 на об.), благѣймъ (л. 135, 137 на об.) и т. д., но бѣжѣймъ (л. 142), пѣвловымъ, нѣвлимъ (л. 146 на обор.): стел. **новѣймъ.** Въ женскомъ родѣ находимъ образование по типу мѣстоименій: чѣстою (М. XXVII. 59), неспѣздною (Л. II. 5), какъ тою: стел. **новѣж** и **новѣж.** Какъ видно, образование это имѣетъ мѣсто уже въ старослав., гдѣ уже почти вытѣснило болѣе древнюю форму. Слѣдовъ этой послѣдней въ текстѣ печатныхъ книгъ не имѣется.

Предложный м. и ср. въ основѣ имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ и послѣднимъ согласнымъ окончанія *sh* (мъ) вм. *m'* (мь): м. р. вѣсѣвѣстѣймъ (М. IX. 34), ср. род. цѣрковѣймъ (Матѣ. IV. 5), Галілейстѣймъ (М. IV. 18), нѣвѣймъ (М. XXVII. 60): стел. **новѣймъ.** Ж. родъ не уклоняется отъ старослав.: смѣртѣйѣй (М. IV. 16), ѡдѣстѣйѣй (тамъ же III. 1): стел. **новѣн.** У М. Смотрицкаго находимъ частью исконныя контрагированныя формы: стѣймъ (л. 133 и 134 на обор.), влѣзѣймъ (л. 135 и 136 на обор.), частью вторичныя, вызванныя въ русскомъ удобообразующимъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесенныя изъ него въ цслав.: стѣомъ, влѣгомъ (и т. д. тамъ же). Въ ж. р. такой же параллелизмъ: стѣой и стѣйѣй, влѣгой и влѣзѣйѣй (л. 134, 136) и т. д.

Двойственное число представлено скудно: именит. муж. рода

не уклоняется отъ старослав. — пасѡмаѡ (Пѣснь Пѣсн. IV. 5, Остр. и Первоп. им. мн. пасѡмѡи), вин. муж. дрѹгѡѡ двѡ талѡнта (Матѡ. XXV. 22, Остр. дрѹгѡѡ, Первоп. дрѹгѡѡ): стел. **новаѡ**. Среднѣй и женскѣй родъ не имѣютъ въ текстѣ библіи данныхъ формъ. У М. Смотрицкаго находимъ только простыя формы м. и ср. стѡ, ж. стѣ (л. 133—134).

Родительный и предложный м. р. идутъ по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: род. м. р. Ѡвѣшеною (Л. XXIII. 39, Остр. ѡвѣшеною, Первоп. ѡвѣшеною), предл. м. р. ѡ вѣсною (М. VШ. 33, Остр. ѡвѣсною, Первоп. Ѡвѣсною): стел. **новою**. Формы ср. и ж. р. не встрѣчаются. У М. Смотрицкаго однѣ простыя формы.

Дательный и творительный имѣютъ въ своемъ основаніи старославянскую форму съ „контракціей“ гласныхъ: твор. ж. рода вѡсыма ногѡма (2 Цств. XV. 30, Остр. вѡсыма, Первоп. какъ въ Новой), чѣстыма рѹкама (Іов. XXII. 30, Остр. и Первоп. такъ же), ср. р. Ѡчѣма Ѣлѣвыма (2 Цств. III. 19, Остр. ѣлѣвыма, Первоп. ѣлѣвыма), дѡбрыма Ѡчѣма (1 Цств. XVI. 12, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.: стел. **новыма**.

Множественное число. Именительный всѣхъ трехъ родовъ сохраняетъ старослав. форму: м. р. слѣпѡи, хрѡмѡи, мѣртѡи, глѡсѡи (Матѡ. XI. 5, Остр. слѣпѡи, хрѡмѡи, мѣртѡи, глѡсѡи, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ хрѡмѡи), людѡстѡи (Ісѡ. XLIV. 13, Остр. людѡстѡи, Первоп. какъ въ Новой), крѡтѡци (М. V. 5, Остр. крѡтѡци, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., стел. **новни**; ср. р. оѹзѡѡ (М. VII. 14, Остр. оѹзѡѡ, Первоп. какъ въ Новой), дрѹгѡѡ (тамъ же XIII. 5. 7. 8, Остр. и Первоп. дрѹгѡѡ) съ графической дифференціаціей отъ им. ед. ж. р.: стел. **новѡѡ**; ж. р. мѡдрѡѡ (Матѡ. XXV. 4, Остр. мѡдрѡѡ, Первоп. мѡдрѡѡ), юрѡдѡныѡ (тамъ же, 4, Остр. юрѡдѡныѡ, Первоп. какъ въ Новой): стел. **новыѡ**. Изрѣдка встрѣчаются формы, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. мн. м. р. мнѡгѡи (3 Макк. III. 16, Остр. другой текстъ), образованный, какъ и соответственная русская форма *многие*, отъ основы другихъ надеждъ съ возстановленіемъ г; мѡхѡи оѹмѣртѡи (Эккл. X. 1, Остр. также оѹмѣртѡи) им. мн. ж. р. по типу им. мн. муж. р.

Родительный имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ: м. р. лжѣвыхъ (М. VII. 15, Остр. очевидная опечатка лжихъ, Первоп. лживы), мѣртвыхъ (М. VIII. 22), ж. р. многыхъ (М. XIII. 58, вм. винит. мн., Остр. многы, Первоп. многи) и т. д.: стсл. новыхъ. По типу мѣстоименій: ж. р. ѿрѡновъхъ (Лук. I. 5, Остр. ѿрѡновъхъ, Первоп. ѿрѡновъхъ).

Дательный также отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. страннѣмъ (Матѣ. XXVII. 7, Остр. и Первоп. страннѣмъ), ж. р. мѣдрымъ (тамъ же XXV. 8), члѣвѣскнѣмъ (Матѣ. XV. 9, Остр. вин. множ.), непрѣзднѣмъ (тамъ же XXIV. 19) и т. д. стсл. новѣмъ.

Винительный сохраняетъ старославянскія формы: м. р. хромѣмъ, слѣпѣмъ, нѣмѣмъ, вѣднѣмъ (М. XV. 30, Остр. и Первоп. винит. простой), Галілейскѣмъ (М. II. 22, Остр. галнлейскѣмъ, Перв. галілейскѣмъ), людскѣмъ (М. II. 4, Остр. люскѣмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., ж. р. Турскѣмъ ѿ Сидѡнскѣмъ (М. XV. 21, Остр. турскѣмъ ѿ сидѡнскѣмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. новѣмъ; ср. р. дѡбрамъ (М. V. 16, Остр. дѡбраа, Первоп. дѡврамъ), лѣкнѣмъ (Матѣ. IX. 4, Остр. и Первоп. лѣкнѣмъ) и т. д.—стсл. новѣмъ.

Творительный, какъ въ русскомъ, отличается отъ старослав. только „контракціей“ гласныхъ (не говоря объ общихъ фонетическихъ отличіяхъ): м. р. различнѣми (М. IV. 24), многѣми (М. XXV. 23, Остр. многѣми, Первоп. многими, рядомъ встрѣчается и мѣстоименная форма: многѣми рѡды: Ис. XXIV. 22, Остр. многѣми, Первоп. многими), ср. р. оузкѣми (М. VII. 13, Остр. оузскѣми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. новѣми.

Предложный также тождественъ съ русской формой и отличается отъ славянскаго „контракціей“ гласныхъ: нечѣстѣхъ м. р. (М. X. 1) и т. д. стсл. новѣхъ. Встрѣчаются и формы, вызванныя морфологической ассимиляціей къ мѣстоименному склоненію: въ странѣхъ ѿхѣистѣхъ (2 Кор. XI. 10, Остр. ѿхѣистѣхъ, Первоп. ѿхѣистѣхъ), въ людѣхъ тѣжѣхъ (Пс. XXXIV. 18, Остр. тѣжѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), какъ тѣхъ и т. д.

Форма тѣжцѣхъ можетъ быть и предложнымъ множ. простымъ (несложнымъ). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ одна сложная форма съ контракціей: стѣхъ (л. 134—135), благѣхъ (л. 135 на обор., 136, 137 и т. д.).

Основы на *jo-* въ общемъ представляютъ тѣ же отличія отъ старославянскаго соответствующаго склоненія, что и основы на *o-*.

Единственное число. Именительный сохраняетъ старославянск. форму: м. р. чуждѣй (Притчи XXIII. 27, Остр. тѣждѣи, Перв. чюждѣй, Ис. XLIII. 12, Остр. р. ед., 3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжѣи, Первоч. чюжѣй, 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждѣи, Первоч. чюждѣй), тѣжшѣй (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѣжѣи, Первоч. тѣжшѣи), мудрѣйшѣй (Бытія III. 1, Остр. мудрѣиши, Первоч. мудрѣиши) и т. д. бѣлѣй (Матѣ. XI. 11), мнѣй (тамъ же), дѣвѣй (М. III. 4), крѣплѣй (М. III. 11), бжѣй (М. IV. 1) и т. д. — стел. *кышѣннѣй*; ж. р. бѣлшаѣ (М. XXII. 38, Остр. волшаѣ, Первоч. какъ въ Новой), стѣщаѣ (тамъ же, XXIII. 17, Остр. имен. множ.), дрѣвншаѣ (1 Цств. XXIV. 14), у М. Смотрицкаго нѣщаѣ (л. 137 на обор.), сѣовншаѣ (л. 140 на обор.) и т. д. стел. *кышѣншаѣ*; ср. р. вхѣдѣщеѣ (М. XV. 11), бжѣѣ (М. XII. 28), у М. Смотрицкаго нѣщеѣ (л. 138), сѣовншеѣ (л. 141) и т. д., стел. *кышѣншеѣ*.

Родительный м. и ср. рода отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. бѣшнѣгѣ (Л. I. 32; Остр. бѣшнѣго, Первоч. вѣшнѣгѣ), днѣшнѣгѣ (Матѣ. XI, 23, Остр. днѣшнѣго, Первоч. какъ въ Новой), ѣскреннѣго вѣ. вѣнит. ед. (М. XIX. 19, Остр. ѣскреннѣго, Остр. ѣскреннѣго, съ графической дифференціаціей), погѣвшѣго (тамъ же XVIII. 11, также вѣсто вѣнит.), вѣпѣоѣгѣ (Матѣ. III. 3, Остр. вѣпѣоѣщаго, Первоч. какъ въ Новой) и т. д. — стел. *кышѣннѣгѣ*; въ женскомъ родѣ имѣемъ вторичное образование по типу родит. ед. основъ на *o-*, причемъ *zi* послѣ палатальнаго послѣдняго согласнаго основы даетъ *-и*: заблѣждѣшѣ (Матѣ. XVIII. 12, Остр. заблѣждѣшеѣ, Первоч. заблѣждѣшеѣ), погѣвшѣ (Л. XV. 4, Остр. исконная форма погѣвшѣшаѣ, Первоч. какъ въ Новой), гѣвлѣшѣсѣ (Матѣ. II. 7, Остр. гѣвлѣшѣсѣ, Первоч. какъ въ Новой); у

М. Смотрицкаго нїциѡ (л. 137 на обор.), снѡвниѡ (л. 140 на обор.) и т. д.—стел. **вышнѣиѡ**. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что новообразование это позднѣйшаго происхожденія, и въ Острожской библии на его мѣстѣ находимъ исконную форму, измененную только согласно законамъ церковнослав. фонетики. Формы дѣвѣѡ (Римл. XI. 24, Остр. дѣвѣѡ, Перв. дѣвѣѡ), Кѣѣѡ (тамъ же V. 2, Остр. вѣѣѡ, Перв. вѣѣѡ) и т. д. являются вмѣсто ожидаемыхъ *дѣвѣѡга, *вѣѣѡга.

Дательный муж. и ср. рода уклоняется отъ старославянской формы и представляетъ собой новообразование, вызванное морфологической ассимиляціей или къ параллельнымъ основамъ на о-, причемъ о послѣ налатальнаго конечнаго согласнаго основы должно дать -е-, или прямо къ мѣстоименнымъ основамъ на јо-. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, оба указанные фактора могли дѣйствовать сразу. Муж. р.: хотѣѣмѡ (Матѡ. V. 40, Остр. такъ же), иросѣѣмѡ (тамъ же 42), толкѣѣмѡ (Матѡ. VII. 8), нѣнѣшнѣмѡ (Галат. IV. 25, Остр. нѣнѣшнѣмѡ), у М. Смотрицкаго снѡвнѣмѡ (л. 140) и т. д.—стел. **вышнѣиѡмѣ**, Слѣдовъ этой послѣдней формы, которая должна была бы дать въ церковнославянскомъ *вышнѣмѡ, въ текстѣ библии не встрѣчается. Въ женскомъ родѣ находимъ форму, которая одинаково можетъ происходить или изъ исконной старославянской (съ е = стел. ѡ) или быть плодомъ морфологической ассимиляціи къ параллельной формѣ отъ основъ на о-, ѡ- (въ свою очередь плодъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ), какъ влагѡй (о послѣ налатальнаго согласнаго должно дать е), а также и къ мѣстоименнымъ основамъ на јо-, јѡ- (какъ сѣй, ѣй и т. д.). Образование это тождественно съ соотвѣтствующей формой русскаго языка: сѣщей (Дѣян. Ап. IX. 38, Остр. сѣщи, Перв. сѣщи), свѣдѣщей (Дѣян. V. 2, Остр. свѣдѣщи, Перв. такъ же), волѣвшей (Дѣян. IX. 37, Остр. и Перв. волѣвшн), бѣвшей (2 Кор. II. 12, Остр. и Перв. бѣвшн), послѣдшествоющей (Римл. IX. 1, Остр. послѣдшествоющей, Перв. какъ въ Новой), у М. Смотрицкаго нѣщей (л. 137 на обор.), снѡвнѣщей (л. 140 на об.) и т. д.—стел. **вышнѣнн**. Подъ вліяніемъ исконной формы д. ж. р. основъ

на о-, ā-, какъ влázѣй и т. д.;, являются (рѣдкія впрочемъ) написанія: зádнѣй странѣ (Иезек. XL. 40, 41, Остр. друг. текстъ), домáшнѣй (Филим. I. 2, Остр. домáнєи, Первоп. какъ въ Новой. Уподобленіе написанія могло тѣмъ легче быть вызвано, что въ томъ же стихѣ имѣется возлúвленнѣй) и т. д. Написанія эти, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія. У М. Смотрицкаго они также встрѣчаются: сѣовнѣй (л. 140 на об.), варнáвлѣй (л. 144 на обор.), пáвлѣй (л. 147) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму: м. р. бѣдѣщій (М. XII. 32), вѣлій (М. IV. 16) и т. д.; ж. р. домáшнюю (Колосс. IV. 15), кромѣшнюю (М. VIII. 12), погѣвшю (Л. XV. 6), сѣщю (Колосс. IV. 15), Бжю (Матѣ. XV. 3) и т. д., ср. р. внúтреннее, внѣшнее (Матѣ. XXIII. 26), Бжїє (Мр. IV. 30) и т. д.—стел. **вышьнни, вышьнѣж, вышьнєє.**

Творительный м. и ср. рода отличается отъ стслав. „контракціей“ гласныхъ (и послѣднимъ согласнымъ окончанія *m* вм. *m'*: *mъ* вм. *мь*): м. р. глѣцимъ (Матѣ. I. 22, Остр. глѣцимъ), вѣліимъ (М. XXIV. 31), ср. р. Гдннмъ (Л. I. 76, Остр. гннмъ), и т. д.—стел. **вышьннимь.** Женскій родъ сохраняетъ старослав. форму: чѣждѣю (Евр. IX. 25, Остр. чюжѣю, Первоп. такъ же), домáшнею (1 Кор. XVI. 19), бóльшею, совершѣннѣйшею (Евр. IX. 11) и т. д.—стслав. **вышьнѣж, -нѣж.** Форма эта, съ одной стороны, тождественна съ соотвѣтствующей русской, съ другой съ такой же мѣстоименной (какъ сѣю и т. д.).

Предложный м. и ср. рода идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на *jo-*: ср. р. бѣвшемъ (Дѣян. IV. 21, Остр. бѣвшѣ), м. р. ѡсходáщемъ (Матѣ. IV. 4, Остр. ѡсходáщимъ, Первоп. такъ же), кающемъ (Лук. XV. 10, Остр. кáющимъсѣ, Первоп. какъ въ Новой), чѣжѣмъ (Лук. XVI. 12, Остр. чюжемъ, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. вѣншемъ (1 Парал. XXI. 29, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. у М. Сметр. нїцѣмъ (л. 137 на обор., 138 на обор.), сѣовнѣ (л. 140), сѣовнѣмъ (л. 141 на обор.), бжїемъ (л. 142, 143) и т. д. Исконная форма съ контракціей, отвѣчающая старославянской (**выньннимь**), встрѣчается еще довольно часто въ Острожской (см. приведенныя выше ци-

таты), но въ Первопечатной начинается уже вытѣсняться вторичнымъ образованіемъ. Въ Новой она не встрѣчается. Рядомъ пишутся написанія, вызванныя вліяніемъ параллельныхъ формъ отъ основъ на о-: ср. р. послѣднѣмъ (Іоиль II. 20, Остр. послѣнемъ, Первоп. какъ въ Новой, Л. XIV. 10, Остр. послѣнемъ, Первоп. какъ въ Новой), прѣднѣмъ (Лук. XIV. 8, Остр. прѣнемъ, Перв. какъ въ Новой), оутреннѣмъ (Псал. XXI. заглавіе, Остр. оутренемъ, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго м. и ср. сїовнѣмъ (л. 140 и 141 на об.), ср. р. варнавлѣмъ (л. 145 на обор.), муж. и ср. р. павлѣмъ (л. 146 на обор. и 148) и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ примѣръ весьма частой въ церковнославянскомъ графической ассимиляціи (морфологической ассимиляціи на письмѣ). Въ женскомъ родѣ, какъ и въ дательномъ того же рода, находимъ форму, которая одинаково можетъ быть сведена къ исконной старославянской (какъ *вѣншѣнн*, *несъшинн*) или къ мѣстоименнымъ основамъ на *jo-*, *jā-*: *сѣщей* (Дѣян. XIII. 1, Остр. *сѣщей*, Первоп. какъ въ Новой), *бѣвшей* (2 Кор. I. 8, Остр. *бѣвшей*, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго *нѣщей* (л. 138), *сїовнѣй* (л. 140 на об.), *бѣщей* (л. 142 на об.), и т. д. Въмѣсто этихъ написаній находимъ также написанія съ *ѣ*, вызванныя морфологической ассимиляціей на письмѣ къ написаніямъ того же падежа отъ основъ на о-, *ā-*: *послѣднѣй* (1 Кор. XV. 52, Остр. *послѣднѣй*, Первоп. *послѣднѣй*), *вѣрхнѣй* (Быт. XI. 17, Остр. *вѣрхнѣй*, Первоп. *вѣрхнѣй*), *виѣшнѣй* (Эсѣ. IX. 19, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго *сїовнѣй* (л. 141), *нарнавлѣй* (л. 145), *павлѣй* (л. 147) и т. д.

Двойственное число. Им. вин. зв. не встрѣчается. Родительный м. р. по типу мѣстоименныхъ основъ на *jo-*: *слѣшавшѣю*, *шѣдшѣю* (Перв. Іоан. I. 40, Остр. *слѣшавшѣю*, *шѣдшѣю*), какъ *сею*, въ Новой библіи замѣненъ родит. множ.: *слѣшавшихъ*, *шѣдшихъ*: *стел. вѣншѣншою*, *несъшѣншою*. Дательный м. р. *вѣсѣдѣющема*, *сокопрашающема* (Лук. XXIV. 15, Остр. *вѣсѣдѣющема*, но *свопрашающема*, Первоп. *вѣсѣдѣющема*, но *совопрашающема*), *нѣхѣдѣющема* (Матѣ. IX. 32, Остр. такъ же), *градѣщема* (Мр. XVI. 12, Остр. *градѣщема*), ср. р. *скончавшемасѣ* (Дѣян. Ап. XXIV.

27, Остр. и Первоп. такъ же) представляетъ образование по типу простыхъ причастій настоящего и прошедшаго дѣйствительнаго, какъ стел. **несжштемѧ, несъшемѧ**. Первичная форма, отвѣчающая стслав. **кышѣннѧ, несжштннѧ**, имѣется въ вышеприведенномъ примѣрѣ Остр. **сзвопрошаюцимасѧ, Первоп. совопрашаюцимасѧ** (Лук. XXIV. 15). Въ Новой библии эта форма замѣнена вторичной. У М. Смотрицкаго им. вин. зв. и р. пр. только простой формы, дат. тв. правильно; **нѣцима** (л. 137 на об., 138), **снѣвнѧ** (л. 140 на об., 141), **вѣнѧ** (л. 142—143 на об.) и т. д.

Множественное число. Именительный м. р. прилагательныхъ отвѣчаетъ старослав. формѣ: послѣднии (Матѹ. XX. 12), нѣции (ibid. V. 3), **нѣнѧ** (ib. XXII. 30) и т. д.—стел **кышѣннѧ**. У причастій находимъ только одно окончаніе -ни; слѣдовъ старослав. -ен въ Новой б. не встрѣчается: **нѣции** (Матѹ. II. 20, Остр. **нѣцией**, Первоп. какъ въ Новой), **сѣдѣции** (Матѹ. IV. 16, Остр. **сѣдѣцей**, Первоп. **сѣдѣции**), **плѣчѣции** (тамъ же V. 4, Остр. **плѣчюцей**, Первоп. **плѣчюции**), **ѣлѣции, жѣждѣции** (тамъ же: 6, Остр. **ѣлѣцей, жѣждѣцей**, Первоп. **ѣлѣции, жѣждѣции**), **трѣждѣциисѧ** (Матѹ. XI. 28, Остр. **трѣждѣциисѧ**, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стел. **несжштен, несжштннѧ**. Первую изъ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаемъ въ Острожской библии (хотя ея происхожденіе можетъ быть и другое), вторую въ Первопечатной и Новой, гдѣ она совершенно вытѣсняетъ первую. Въ женскомъ родѣ находимъ вторичное образование по типу параллельныхъ формъ отъ основъ на о-, ѧ-: **прѣчѣнѧ** (Лук. XXIV. 10, Остр. и Первоп. **прѣчѣнѧ**), **мнѣжайшиѧ** (Матѹ. XI. 20, Остр. **множѧншѧ, Первоп. мнѣжайшиѧ**), **бѣкшиѧ** (ibid. 21, 23, Остр. **бѣвшиѧ, Первоп. какъ въ Новой**), **кѧплющиѧ** (Лук. XXII. 44, Остр. им. ед. ж. р.), **ѡбращѧющиѧсѧ** (Руѡв. I. 22, Остр. **ѡбращѧющиѧсѧ, Первоп. ѡбращѧющиѧсѧ** — контрагированная форма именит. двойств. ж. р., ср. стел. **несжштннѧ**, замѣненная въ Новой б. множественнымъ числомъ), **сѣдѣщиѧ** (Пѣснь II. V. 12, Остр. **сѣдѣции** имен. дв. ср. р.); у М. Смотрицкаго **нѣциѧ** (л. 138), **снѣвнѧ** (л. 141), и т. д. какъ **мѣдрыѧ**. Морфологическая ассимиляція въ данномъ случаѣ простирается и на написаніе

нія, въ которыхъ находимъ ѡ послѣ палатальныхъ согласныхъ, какъ прѣчыма и т. д. Формы, отвѣчающія стел. **вышнѣма**, **несжштма**, встрѣчаются въ Острожской библии, изрѣдка и въ Первопечатной, изъ которой, однако, онѣ уже начинаютъ вытѣсняться вторичными образованіями, перенесенными изъ русскаго языка.

Родительный отличается отъ старослав. формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. оубиваюцихъ, могущихъ (Матѳ. X. 28, Остр. оубиваюцихъ, могущихъ), ж. р. заблуждшихъ (Матѳ. XVIII. 13) и т. д.—стел. **вышнѣннихъ**, **несжштннихъ**, но прѣчихъ м. р. (2 Макк. XI. 3, Остр. и Первоп. также), какъ **вѣлихъ**.

Дательный представляетъ такія же отношенія, т. е. различается отъ стелав. только контракціей гласныхъ: прѣчимъ людемъ (Неем. IV. 19, Остр. дат. мн. ж. прѣчимъ частемъ, Первоп. также прѣчимъ), м. р. ѡшѣдшимъ (Матѳ. II. 13, Остр. ѡшѣдшимъже, Первоп. какъ въ Новой), ницимъ (М. XIX. 21, Остр. и Перв. такъ же), сѣдѣчимъ (Матѳ. IV. 16, Остр. сѣдѣчий, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. XI. 16, Остр. сѣдѣчимъ, Первоп. какъ въ Новой), просѣчимъ (М. VII. 11, Остр. просѣчий, Первоп. просѣчий) и т. д. ср. р. возглашаючимъ (Матѳ. XI. 16, Остр. возглашаючимъ, Первоп. возглашаючимъ), глѣчимъ (тамъ же 17, Остр. глѣчимъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.; ж. р. дощчимъ (Матѳ. XXIV. 19, Остр. дощчимъ, Первоп. какъ въ Новой), погѣбшимъ (ibid. X. 6, Остр. погѣбшии, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., по дрѣвнимъ (Матѳ. V. 21, 27) и т. д. стел. **вышнѣннимъ**, **несжштннимъ**. Написанія съ ѡ послѣ ш могутъ объясняться и непалатальностью согласнаго; ѡ послѣ цѣ есть или результатъ распространенія чисто орфографическаго правила, или продуктъ морфологической ассимиляціи на письмѣ (графической ассимиляціи) написаній вышеприведенныхъ формъ къ написаніямъ такихъ же формъ дат. множ. отъ основъ на о-, а-, какъ **мѣдрымъ** и т. д. У М. Смотрицкаго однако ницимъ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), но вѣчимъ (л. 264 на об., 265), бѣчимъ (л. 266, 267) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму только въ среднемъ родѣ: **гѣрима** (Лук. I. 39, Остр. гѣрима, Первоп.

гѡрнѡ), бѣвшѡ (Матѡ. XVIII. 31, Остр. бѣвшѡ, Первоп. бѣвшѡ); у М. Смотр. нѣщѡ (л. 138 на об.), сѣбѡвиѡ (л. 141 на об.) и т. д.: стел. **вѣшьнѡмъ, несжштѡмъ**. Въ муж. и ж. р. находимъ вторичныя образованія по типу основъ на о-, а-: м. р. нѣщѡмъ (Матѡ. XXVI. 11, Остр. родит. множ. вмѣсто винит. нѣщѣ), болѣщѡмъ (Матѡ. IV. 24, Остр. болѣщѡа, Первоп. болѣщѡа), градѣщѡмъ (ibid. III. 7, Остр. и Первоп. простая форма градѣщѡа), влѣжнѡмъ (Мр. I. 37, Остр. ближнѡа, Первоп. какъ въ Новой), прѡчѣмъ (Іер. XV. 9, Остр. и Первоп. прѡчѣи), у М. Смотрицкаго нѣщѡмъ (л. 137 на об.), сѣбѡвиѡмъ (л. 140 на об.), бѣющѡмъ (л. 264 на об.), бѣвшѡмъ (л. 266 на об.); ж. р. ѡстѡвѣшѡмъ (Быт. XXX. 36, Остр. ѡстѡвѣшѡа, Первоп. ѡстѡвѣшѡмъ), ѡмѣющѡмъ (4 Цств. VIII. 12, Остр. др. текстъ), у М. Смотрицкаго нѣщѡмъ (л. 138), сѣбѡвиѡмъ (л. 141), бѣющѡмъ (л. 265), бѣвшѡмъ (л. 267) и т. д. Формы, отвѣчающія стслав. вин. множ. м. и ж. р. **вѣшьнѡмъ, несжштѡмъ**, встрѣчаются только въ Острожской и Первопечатной, въ послѣдней рѣже, такъ какъ ихъ вытѣсняетъ вторичная форма, исключительно господствующая въ Новой. Написанія съ ѡ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, объясняются частью нецелатальностью ш, частью графической ассимиляціей къ написаніямъ, гдѣ ѡ оправдывается фонетическими условіями.

Творительный падежъ ничѣмъ не отличается, кромѣ „контракціи“, отъ стслав. формы: м. р. жиѡщѣмъ (Руѡв II. 6), ж. р. лѣщѣмъ (Евр. IX. 23), козлѣщѣмъ (Быт. XXVII. 16); у М. Смотрицкаго нѣщѣмъ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), сѣбѡвиѣмъ (л. 131 на об., 141), бѣющѣмъ (л. 164 на об. 165), бѣвшиѣмъ (л. 266 на об., 267) и т. д. стел. **вѣшьнѣмъ, несжштѣмъ**.

Предложный также сохраняетъ стслав. форму, уклоняясь отъ нея только контракціей: ср. р. ѡсѡлѣщѣхъ (Лук. IV. 22), м. р. творѣщѣхъ (Лук. VI. 28), ж. р. ѡвѣщѣхъ (Матѡ. VII. 15), дѡлѣщѣхъ (2 Кор. X. 16); у М. Смотр. нѣщѣхъ (л. 137 на об., 138), сѣбѡвищѣхъ (л. 140 на об., 141), вѣющѣхъ (1. с.), бѣвшищѣхъ (1. с.) и т. д.—стел. **вѣшьнѣхъ, несжштѣхъ**; по прѡчѣхъ ср. р.

(2 Макк. XII, 11, Остр. прочихъ, Первоп. прѣчихъ), какъ вѣлихъ. Въ этомъ склоненіи останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя формы, являющіяся результатомъ морфологической ассимиляціи. Уподобляющими типами здѣсь служатъ формы собственно мѣстоименнаго склоненія. Подобное же вліяніе мѣстоименнаго склоненія на склоненіе именъ прилагательныхъ имѣется и въ русскомъ языкѣ. Церковнославянскія формы, вызванныя этимъ вліяніемъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: А) формы, общія русскому и церковнославянскому (respective, заимствованныя изъ перваго въ послѣдній), В) формы, принадлежащія одному церковнославянскому. Въ ряду первыхъ отмѣтимъ дат. ед. ч. муж. и ср. рода основъ на о- слѣпѡмѹ, нѣмѡмѹ (см. выше) вмѣсто ожидаемыхъ *слѣпѹмѹ, *нѣмѹмѹ (стел. новоу-ѣмоу) — плодъ ассимиляціи къ дат. ед. мѣстоименій (томоу); такую же форму основъ на јо- хотѣщѣмѹ — плодъ морфологической ассимиляціи съ одной стороны къ только что приведенной формѣ, съ другой къ соответствующему падежу мѣстоименій семѹ, всемѹ и т. д. предложный м. и ср. р. основъ на о- у М. Смотр. стѡмъ, нѣгѡмъ по типу тѡмъ (стел. томъ) и т. д.; дат. и предл. ед. ж. р., находимый у М. Смотрицакаго, — блѡй и т. д. по типу мѣстоименныхъ основъ на о-, ѧ-, предложный ед. м. и ср. рода отъ основъ на јо-, какъ нѣщѣмъ (стел. вышьнѣмъ) по типу семъ; родит. ед. ж. р. основъ на јѧ-, какъ нѣщнѣ (по типу род. ед. основъ ж. р. на ѧ-: дѡбрыѣ); именит. множ. ж. р. основъ на јѧ-, какъ нѣщнѣѣ (стел. вышьнѣѣ) по типу такого же падежа отъ основъ на ѧ- (дѡбрыѣ); винит. того же числа муж. и ж. р. основъ на јо-, јѧ-, какъ нѣщнѣѣ (стел. вышьнѣѣ) по типу такого же падежа отъ основъ на о-, ѧ- (дѡбрыѣ). Всѣ эти новообразованія свойственны русскому и изъ него очевидно перенесены въ церковнославянскій. Ко второй категоріи формъ, свойственныхъ одному церковнославянскому и развившихся въ немъ, относятся, напр., предложные множ. ч. м. р. тѣжѣхъ (см. выше), ж. р. Ахѣйстѣхъ (см. выше) по типу предл. множ. мѣстоименій тѣхъ, всѣхъ и т. д.; родит. множ. ж. р., какъ Арѡновѣхъ (Лук. I. 5, см. выше) также по типу тѣхъ и т. п. (но м. р. йлѣвыхъ

Римл. IX. 27); род. и предл. двойств. отъ основъ на о- и јо-: вѣсною, шѣдшею по типу тою, сею и т. д. (см. выше).

Имя прилагательное чѹждій (стел. штоѹждь, штоѹждни) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ первичную основу на јо-, въ другихъ же идетъ по типу основъ на о-, что объясняется отсутствіемъ всякаго критерія для произношенія сочетанія жд въ живомъ языкѣ писавшихъ на церковнославянскомъ.

Единственное число. Именительный м. р. чюждій, (3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжи, Первоп. чюжій—чисто русскія формы по консонантизму; Притчи С. XXVII. 2, Остр. тѹжди, Первоп. чѹждіи; 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюжди, Первоп. чюждій; Ис. XLIII. 12, Остр. р. п. чюждего, Первоп. чюждаго) и чѹждый (Ис. Сир. XXXII. 20; рядомъ гордый, Остр. тѹждь, Первоп. тѹждь).

Родительный м. р. чѹждагѡ (Іоан. X. 5, Остр. чѹжаго, Первоп. чѹжаго), ж. р. чѹждиѡ (Тов. IV. 12, Остр. друг. текстъ, Притчи С. VII. 5, Остр. тѹждеѡ, Первоп. какъ въ Новой, IX. 8, Остр. тѹждаѡ=стел. штоѹждаѡ, Первоп. какъ въ Новой, XX. 16, Остр. друг. текстъ, Ис. Сир. IX. 8, Остр. чюжиѡ, Первоп. чюждиѡ).

Дательный м. р. чѹждемѹ (3 Цств. VIII. 41, Остр. дат. мн. чюждимѹ, Первоп. чюждімѹ, ср. также Остр. б. Іоан. X. 5, чѹжемѹ, Первоп. чюждемѹ, Притчи XXVI. 17, Остр. вин. ед. тѹждь, Ис. Сир. XLIX. 7, Остр. тѹждемѹ, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. чѹждеій (Притчи С. V. 20, Остр. тѹжди, Первоп. чѹждеій).

Винительный м. р. чѹждій (Лев. XVI. 1, Остр. чюжда, Первоп. такъ же), род. вм. винит. чѹждаго (Второз. XVII. 15, Остр. чюждаго, Первоп. чюждаго); ж. р. чѹждю (Притчи IX. 18, Остр. тѹждѹ, Первоп. чѹждѹ).

Творительный ср. р. чѹждімѹ (Ис. Сир. XXI. 9, Остр. чюжимѹ, Первоп. чюжимѹ).

Предложный ж. р. чѹждеій (1 Макк. VI. 13, Остр. чюждеи, Первоп. чюждеій, 3 Макк. VI. 2, Остр. чюждеи, Первоп. чюждеій); м. р. чѹждемѹ (Іоан. X. 5, Остр. дат. ед.).

Множественное число. Именительный м. р.: чѸждѡи (Ис. I. 7, Остр. чюѸждѡи, Первоп. чюѸждѡи; 2 Цств. XXII. 45, Остр. тѸждѡи, Первоп. какъ въ Новой; Пс. CVIII. 11, Остр. русск. форма чѸжѡи, Первоп. чюѸждѡи); ж. р. чѸждѡѡ (3 Цств. XI. 4, Остр. чѸждаѡѡ=штоѸждаѡѡ, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный м. р. чѸждѡѡхъ (Пс. XVIII. 14, Остр. чюѸжѡѡхъ, Первоп. чюѸждѡѡхъ; Пс. CXLIII. 7, Остр. чѸжѡѡхъ, Первоп. чюѸжѡѡхъ; I Макк. I. 44, Остр. чюѸждѡѡ, Первоп. чюѸждѡѡхъ), но чѸждаѡѡхъ (2 Парал. XIV. 3, Остр. вин. мн. м. р. чюѸждаѡѡ, Первоп. чюѸждѡѡ; Иов. XIX. 13, вм. винит. Остр. и Первоп. чюѸжа р. ед.).

Дательный м. р. чѸждѡѡмъ (2 Парал. XXVIII. 25, Остр. другой текстъ, 1. Цств. XXVI. 19, Остр. чѸждѡѡмъ, Первоп. чюѸждѡѡмъ) или чѸждѡѡмъ (Пс. XLVIII. 11, Остр. чюѸжѡѡмъ—съ очень рѣдкимъ здѣсь удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, Первоп. чюѸждѡѡмъ, Иерем. III. 13, Остр. чюѸжѡѡмъ, Первоп. чюѸждѡѡмъ), ж. р. чѸждѡѡмъ (3 Цств. XI. 8, Остр. и Первоп. чѸжѡѡмъ).

Винительный м. р. только чѸждѡѡ (3 Цств. IX. 9, Остр. чѸжаѡѡ=руссифицированной стел. формѣ штоѸждаѡѡ, Первоп. чѸжѡѡ; Притчи С. V. 10. Остр. тѸждаѡѡ, Первоп. чѸждѡѡ; Иезек. XXVIII. 7, Остр. род. ед. вм. вин. чюѸжа), ж. р. чѸждѡѡ (1 Ездры X. 2, Остр. чюѸждѡѡ, Первоп. чюѸждѡѡ), въ чѸждѡѡ рѣцѣ (прилагательное во множ. ч., существительное въ двойственномъ: Иезек. VII. 21, Остр. и Первоп. чюѸжди—правильная простая форма им. вин. зв. двойств.), но чѸждѡѡ (4 Цств. XIX. 24, Остр. вин. ед. чѸжѡѡ); ср. р. чѸждаѡѡ (Ис. Сир. XXIX. 22, Остр. другой текстъ. Притчи XI. 24, Остр. тѸждаѡѡ, Первоп. чюѸждаѡѡ), чѸждаѡѡ (Ос. VIII. 12, Остр. чюѸждаѡѡ, Перв. такъ же) и чѸждаѡѡ (единственный случай съ удареніемъ на корнѣ въ Новой библии: 2 Макк. XIV. 26, Остр. дат. ж. мн. ч. чюѸждѡѡ).

Творительный ср. р. чѸждѡѡми (Ис. Сир. XL. 30. Остр. тѸждѡѡми, Первоп. чюѸждѡѡми) по тину основъ на о-.

Предложный ж. р. чѸждѡѡхъ (Ис. Сир. XXIX. 21, 25, Остр. тѸждѡѡхъ, Первоп. какъ въ Новой; Иерем. XI. 10, Остр. чюѸжѡѡхъ, Первоп. чюѸждѡѡхъ).

Наличность такихъ формъ и нанисаній, какъ р. ед. м. р.

какъ им. ед. м. р.), вы́шше (Даніиль VIII. 3, Остр. другой текстъ) и т. д. лѹчше (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. лѹче, Первоп. лѹчше), но крѣплѣе (Суд. XIV. 18, Остр. крѣплѣи, Первоп. крѣплѣй).

Формы въ родѣ сладча́е (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. друг. текстъ), тѣжча́е (тамъ же 15, Остр. другой текстъ), высоча́е (3 Ездры II. 43, Остр. высоча́иши, Первоп. высоча́йшій), глѹвоча́е (2 Макк. II. 31, Остр. другой текстъ) и т. д., являющіяся сами вторичными образованиями, даютъ начало формамъ въ родѣ скорѣ́е (Іов. VII. 6, Остр. друг. текстъ), очень правда рѣдкимъ.

Своимъ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго, обращаетъ на себя вниманіе волѣ́е (Дан. VII. 20, Остр. и Первоп. бо́ле).

Другой особенностью церковнославянскаго въ отношеніи образования степеней сравненія является присвоеніе распространеннымъ сравнительнымъ степенямъ на -ѣйшій значенія превосходной степени: мѹдрѣ́йшій (Бытія III. 1, Остр. мѹдрѣ́иши, Первоп. мѹдрѣ́иши). У Мелет. Смотрицкаго находимъ строго проведенную систему, въ которой образования въ родѣ свѣ́тшии, свѣ́тшаа, свѣ́тшеє (л. 80) представляютъ собой сравнительную степень („разсудительный степень“), а превосходную („превосходительный степень“) — образования на -ѣйшій: стѣ́йшии, -ѣйшаа, стѣ́йшеє (тамъ же).

Изъ педантичной послѣдовательности М. Смотрицкаго строятъ даже простыя формы свѣ́тшиа, стѣ́ше, свѣ́тѣ́йшиа, стѣ́йше, которыя едва ли могутъ быть доказаны цитатами изъ дѣйствительныхъ памятниковъ языка.

Изъ образований на -шій, подобныхъ вышеприведеннымъ и встречающихся у М. Смотрицкаго, приведемъ нѣсколько странныхъ образчиковъ: чѣ́стшии (л. 80 на об.), оубо́гшии, пра́вшии, про́стшии (л. 81), дра́гишии, многшии, тѣ́хшии, дѹжшии (!!!), даже вѣ́стхшии и т. д. (л. 81 на об.), сла́вншии, чѣ́стншии, смире́ншии, ѡ́каа́ншии и т. д. (л. 83 на об.).

Такого же происхожденія формы: вѣ́ншии (л. 80 на об.), младшии (л. 81 на об.), вошедшия и въ русскій языкъ. „Превосходныя“ степени: чистѣ́йшии, оубо́жайшии, правѣ́йшии, простѣ́йшии, дража́йшии, множа́йшии, тишайшии и т. д.

Форма млажа́йшии (л. 81 на об.), по вокализму церковно-славянская, по консонантизму (ж) руссифицирована, такъ что представляетъ собой гибридное образованіе.

Острожская библія, какъ всегда, представляетъ болѣе древнія формы (ср. выше *лѹче*, *вѹции*, *тажѣи*), которыхъ не находимъ уже въ Первопечатной; *тѣмъ* не менѣе и въ ней находимъ формы ср. р. съ вторичнымъ -ше, какъ *слаше* или м. р., какъ *хѹжѣши*. Такія новообразованія встрѣчаются нзрѣдка и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка; въ церковнославянскомъ же они получаютъ широкое распространеніе.

Въ склоненіи степеней сравненія наблюдаются также вторичныя образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. множ. м. р. *оўнши* (Лук. XII. 7, Остр. также *оўнши*, Первоп. какъ въ Новой; ср. стсл. им. мн. м. р. *мьньше*), образованный по типу именъ прилагательныхъ простыхъ съ основой на *jo-* и встрѣчающійся уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ (Cod. Zogr. Л. XII. 7, *соулаѣши*).

§ 20. Имена числительныя не вполне сохранили свою старославянскую форму. Уклоненіе представляютъ, во-первыхъ, количественныя съ 11 до 19, поднавшія уподобляющему вліянію соответствующихъ русскихъ формъ.

Вмѣсто стслав. *дѹка на десѣте* и т. д., находимъ *дванѣдесѣтъ* (Числ. I. 44, Остр. *ѣи*) и т. д. какъ *двѣнадцѣтъ*, хотя нзрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ *Ѣванѣдесѣте* (Лук. VIII. 1, Остр. *ѡва на десѣте*, Первоп. *ѡва || на десѣте*), *четыре-на десѣте* (Матѹ. I. 17, Остр. *четыри на десѣте*, Первоп. *четыринадесѣте*) и т. д. Числительныя количественныя съ 20 до 40 также представляютъ такое же вторичное образованіе, какъ въ русскомъ, вліянію котораго и обязаны своимъ происхожденіемъ: *двѣдесѣтъ* (Иезек. XLV. 3, 5, 6 и т. д.), *трѣдесѣтъ* (Числ. VII. 13, 31, 43, 55 и т. д.), *четыредесѣтъ* (Лук. IV. 2) (старосл. *дѹвдесѣти*, *трѣдесѣти*, *чѹтыредесѣте*), но *четыредесѣтъ* (Быт. V. 13), *пѣтдесѣтъ* (Числ. XXVI. 38) или *пѣтьдесѣтъ* (тамъ же II. 6), *шѣстьдесѣтъ* (тамъ же XXVI. 21) или *шѣстдесѣтъ* (тамъ же VII. 88), *сѣдмдесѣтъ*, *Ѣсмдесѣтъ* (2 Пар. II. 2), *дѣнѣтъ*-

дѣсѣтъ (Быт. V. 9, 17). У М. Смотрицкаго не только двѣдѣсѣтъ, трѣдѣсѣтъ и т. д., но и пѣтъдѣсѣтъ, шѣстьдѣсѣтъ, сѣдмьдѣсѣтъ, ѡсмьдѣсѣтъ, дѣвѣтъдѣсѣтъ (л. 156).

Порядковыя числительныя съ *перваго* по *десятый* имѣются только въ сложной („опредѣленной“) формѣ: вин. ед. ж. дѣсѣтъю (Левит. V. 11), пѣтъю (*ibid.* 16), вин. ед. м. р. сѣдмьй (Лев. XIII. 5, 6), ѡсмьй (*ibid.* XIV. 10), р. ед. м, дѣвѣтагѡ, дѣсѣтаго (Лев. XXIII. 32) и т. д.

Въ образованіи порядковыхъ съ 11 по 19 утрачена совершенно древнѣйшая форма: порядковое числительное + на дѣсѣтъс (стел. *осмын на дѣсѣтс*); имѣются только образованія въ родѣ четвертыйнадѣсѣтъ, пѣтыйнадѣсѣтъ (Числ. XXVIII. 16, 17, Лев. XXIII. 5, 6, Остр. и Первон. цифры), вторьйнадѣсѣтъ (Эсѡ. II. 16, Остр. и Первон. цифры), второсѣнадѣсѣтъ (тамъ же III. 7), третьйнадѣсѣтъ (тамъ же III. 12) и т. д. Примѣромъ образованія съ суффиксомъ стел. — *ынъ* можетъ служить шѣстьсѣтное мѣто (Быт. VIII. 13, Остр. и Первон. такъ же).

Порядковыя съ 20 по 90 образуются иначе, чѣмъ въ старославянскомъ, а именно отъ основы соотвѣтствующихъ количественныхъ по типу первыхъ десяти порядковыхъ, какъ дѣсѣтъй: пѣтъдѣсѣтос мѣто. (Лев. XXV. 10, Остр. ѿѣ) и т. д. ср. стел. дѣвѣдѣсѣтънъ, сѣдмьдѣсѣтънъ. (Супр. р.).

Склоненія числительныхъ количественныхъ трѣѣ (стел. *триѣ*) и чѣтыре (стел. *чѣтыре*), въ старославянскомъ еще отчасти разграниченныя, совпали почти совершенно въ церковнославянскомъ:

Единственное число; именительный м. р. трѣѣ (Быт. XVIII. 2, Остр. *трѣѣ*, Первон. какъ въ Новой, Числ. XII. 4, 5, Остр. *трѣѣ*, Первон. *трѣѣ*), но также и трѣ (2 Цств. XIV. 27, Остр. и Первон. *ѣ*; 4 Цств. III. 21. Остр. *трѣ*, Первон. какъ въ Новой)—форма тождественная съ винит. множественнаго или съ именит. множ. ж. и ср. родовъ. Поддерживаемая этими формами, она, кромѣ того, могла быть вызвана морфологической ассимиляціей къ именит. множ. основъ м. р. на *jo-*, какъ царѣ, мѣжи. Именит. ж. р. ...трѣ тѣсѣци (стел. *три*: Числ. I. 46); ср. р. трѣ стала (стел. *три*, Быт. XXIX. 2, Остр. *три*); встрѣчается и

форма именит. муж. р. въ значеніи именит. ср. тріє мѣ сѣть невозможна (Притчи XXX. 18, Остр. тріє... невозможни, т.-е. именит. множ. муж. р. Перв. также тріє... невозможни).

Именит. муж. р. пѣрсты... четы́ре (стел. уетыре образование отъ основы на согласный; 2 Цств. XXI. 20, Остр. ѿ), но четы́ри ви́щцы (тамъ же XXI. 22, Остр. и Первоп. такъ же; 1 Парал. XXIII. 11, 12, сынове четы́ри, Остр. и Первоп. четы́ре), что объясняется такъ же, какъ форма им. мн. м. р. трѣ. Въ ж. р. правильно четы́ри (стел. уетыри; Зах. VI. 1, Остр. и Перв. такъ же), но четы́ре (1 Цств. IV. 2, Остр. и Перв. цифры, 1 Парал. XXIII. 4, 5, Остр. и Перв. цифры). Въ ср. родѣ правильно четы́ри (стел. уетыри. Притчи XXX. 24, Остр. четыри, Первоп. какъ въ Новой; Иезек. X. 9, 14, Остр. и Первон. такъ же), но четы́ре (Иезек. I. 6, Остр. и Первоп. четы́ри). Какъ видно изъ цитатъ, форма ж. и ср. р. четы́ре является только въ Новой библіи; въ Остр. и Первопечатной находимъ или цифры, или правильную форму. Такія написанія объясняются вліяніемъ русскаго, въ которомъ -і и -ѣ въ слогѣ послѣ удареннаго звучатъ одинаково неопредѣленно, а также графической ассимиляціей къ готовымъ уже написаніямъ и формамъ именит. мн. м. р.

У М. Смотрицкаго находимъ для муж. р. тріє (л. 154), ж. и ср. р. трѣ (л. 154 на об., 155), но четы́ри во всѣхъ родахъ (л. 155 на об.).

Родительный надежъ м. р. какъ въ русскомъ трѣхъ (1 Пар. XI. 24, Остр. трѣхъ, Первоп. трѣхъ, Юв. XXXII. 5, Остр. друг. текстъ); рядомъ трієхъ (Исх. VIII. 27, Остр. другой текстъ; 1 Парал. XI. 20, 21, Остр. трѣхъ и трієхъ, Первоп. трієхъ); ж. р. трѣхъ (Суд. XVI. 27, вм. винит. Остр. винит. трѣ, Первоп. трѣхъ); ср. р. также трѣхъ (4 Цств. XVIII. 10, Остр. и Первоп. трѣхъ; 1 Парал. XI. 20, Остр. своеобразный родит. двойственнаго трію сѣтъ, Первоп. тріюсѣтъ, вызванный, разумѣется, морфологической ассимиляціей къ двою). Старосл. форма **трий** не находитъ себѣ продолжателей въ цслав., гдѣ ее замѣнило образование по типу мѣстоименныхъ основъ: трѣхъ, трієхъ (послѣдняя отъ основы именит. надежа), рядомъ

съ законнымъ предложнымъ трѣхъ (стел. трьхъ) или тріѣхъ, какъ р. мн. тѣхъ, рядомъ съ предл. тѣхъ. У Мелетія Смотровъ м. р. тріѣхъ, трѣхъ (л. 154), ж. и ср. только трѣхъ (л. 154 на об., 155).

Отъ четы́ре род. мн. ср. четы́рехъ (Иезек. I. 5, 9, 15, Остр. и Первоп. такъ же, Апок. XV. 7, Остр. четыре, стел. уетырь или уетырь, какъ у основъ на согласный), такого же происхожденія, какъ р. мн. трѣхъ, т.-е. подъ вліяніемъ параллелизма родит. и предл. падежей мн. въ мѣстоименномъ склоненіи. У М. Смотровъ также четы́рехъ (л. 155 на обор.).

Дательный правильно: трѣмъ или трѣмъ (стел. трьмъ; м. р. 1 Парал. XI. 21, 25, Остр. тремъ и троімъ, Первоп. трѣмъ, троімъ; Іов. XXXV. 4, трѣмъ, Остр. тремъ, Первоп. трѣмъ); ж. р. тріѣмъ (Іоан. II. 6, Остр. тріемъ); четы́ремъ (стел. уетырьмъ; муж. р. Дан. I. 17, Остр. четыремъ, Первоп. какъ въ Новой; средн. р. Иезек. X. 11, Остр. другой текстъ). У Мел. Смотровъ м. р. трѣмъ или тріѣмъ (вліяніе именит. мн. р.), ж. и ср. трѣмъ (I. с.).

Винительный, рядомъ съ правильной формой трѣ (стел. три; м. р. Быт. V. 32, ж. р. Быт. XVIII. 6, Остр. м. р. три; 2 Парал. IV. 5; ср. р. Второз. XVI. 16, Остр. друг. текстъ), четы́ри (стел. уетыри; м. р. Зах. I. 20, 21, ж. р. Иезек. X. 11, Остр. такъ же; ср. р. Амос. I. 6, 9, 11, Остр. такъ же), имѣются формы именит. множ. м. р.: тріѣ (1 Парал. XXI. 10, Остр. трѣи, Первоп. трѣи), четы́ре (Іов. XXXVIII. 38, Остр. четы́ри, Первоп. четы́ре; 1 Парал. XXI. 20, Остр. четыри, Первоп. четы́ри). У М. Смотровъ во все́хъ родахъ трѣи (I. с.), четы́ри (л. 155 на обор.).

Творительный правильно: трѣми (стел. трьми; м. р. 1 Парал. XI. 12, Остр. по́средѣ трѣ; ср. р. Притчи XXX. 21, Остр. трѣми, Первоп. какъ въ Новой), или трѣмѣ (Матв. XXVI. 61, Остр. трѣми, Первоп. трѣми, XXVII. 40, Остр. трими, Перв. трѣми, Мр. XIV. 58, Остр. трими, Первоп. трѣми), четы́рми (стел. уетырьми; Мр. II. 3, муж. р., Остр. четырми, Перв. какъ въ Новой, Исх. XXV. 35, ж. р. Остр. и Первоп. четы́рма, не

типу двѣмà). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ трѣми (л. 154, 155). Изрѣдка встрѣчается и заимствованная изъ русскаго форма тремà (ср. р. 1 Цств. XIII. 17, Остр. другой текстъ; ж. р. 1 Макк. IV. 6, Остр. и Первон. тремà), представляющая собой плодъ взаимной ассимиляціи формъ трѣми и тремà, изъ которыхъ послѣдняя вызвана формою двѣмà. Такого же происхожденія, какъ тремà, и форма четырма (М. Смотр. л. 155 на обор., а также въ Остр. и Первон. Исх. XXV. 35). Акцентуація тремѣ, встрѣчающаяся въ Новой библіи, въ Первопечатной еще отсутствуетъ и вызвана вѣроятно вліяніемъ русской формы *тремѣ*.

Предложный м. р. или правильно трѣхъ (стсл. трѣхъ; М. Смотр. л. 154 на обор.) или тріѣхъ—образованіе отъ основы именит. множ. числа тріѣ, подобное приведенному выше род. множ. (1 Парал. XI. 20, Остр. тріѣхъ, Первон. тріѣхъ, Евр. X. 28, Остр. трѣ, Первон. тріѣхъ). Въ ж. и ср. родѣ у М. Смотр. только трѣхъ (л. 155), но въ библіи встрѣчаемъ и тріѣхъ (ж. рода Лук. XIII. 21, Остр. вин. трі). Отъ четыре только правильная форма четырехъ (ж. род. Іезек. I. 8, Остр. четырѣ, Первон. четырехъ; стсл. уетырѣхъ). У М. Смотрицкаго четырехъ (л. 155 на обор.). Числительныя: пѣть, шѣсть, сѣдмь, Ѡсмь, дѣвѣть, дѣсѣть и сложныя съ этимъ послѣднимъ въ единственномъ числѣ склоняются, какъ первичныя основы на еі- (і-): р. ед. сѣдмѣ (Быт. XLI. 48, 50, Остр. сѣмѣ), твор. ед. Ѡсмю (Перем. XLI. 15, Остр. Ѡсмю, Первон. Ѡсмю), дѣсѣтю (Быт. XXXI. 41, Остр. і), предл. ед. сѣдмѣ (Быт. XLI. 47). Сложныя съ двѣ имѣютъ и формы двойств. числа: твор. двѣмнѣдѣсѣтьма (3 Цств. XIX. 19, Остр. и Первон. такъ же), но род. предл. двоюнѣдѣсѣти (тамъ же, Остр. двюю нѣдѣсѣть). Во множенномъ числѣ числительныя эти также склоняются (черта церковнославянскаго языка), но уже по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-: род. множ. дѣсѣтѣхъ (Дан. I. 15, Остр. ед. ч. дѣсѣти, Первон. дѣсѣтѣхъ), тріѣдѣсѣтѣхъ (1 Пар. XII. 4, Остр. и Перв. тріѣдѣсѣти), пѣтѣхъ (Іоа. VI. 13, Остр. пѣти, Первон. пѣтѣ), сѣдмѣхъ (Апок. XV. 7, Остр. сѣмѣхъ, Первон. сѣдмѣхъ); дат. множ. сѣдмѣмъ, Ѡсмѣмъ (Эккл. XI. 2, Остр. сѣдмѣмъ, Ѡсмѣмъ,

седмѣмъ—Апок. XV. 7, Остр. сѣмимъ, Первоп. какъ въ Новой), десѣтѣмъ (Матѣ. XXV. 1, Остр. десѣтимъ, Первоп. какъ въ Новой); предл. мн. седмѣхъ (Иезек. Ш. 16, Остр. седми, Перв. седмѣхъ), по стѣ пѣтѣдесѣтихъ днѣхъ (Быт. VIII. 3, Остр. и Первоп. цифрами) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, подобныя формы множ. ч. встрѣчаются уже въ Острожской библии (на девять цитатъ пять случаевъ), въ Первопечатной еще чаще (семь случаевъ). У М. Смотрицкаго находимъ нѣсколько своеобразныхъ вторичныхъ формъ, которыя однако не подтверждаются библейскимъ текстомъ. Таковы р. и д. мн. пѣтѣхъ, шестѣхъ, пѣтѣмъ, шестѣмъ, твор. пѣтмѣ, шестмѣ, седмѣ, десѣмѣ, девѣтмѣ, десѣтмѣ и т. д., образованныя по типу склоненія трѣ и четѣре (л. 155 на обор.). Такой же педантичный характеръ имѣетъ склоненіе четвѣро, приведенное на обор. л. 153.

Въ склоненіи четѣре надо отмѣтить еще акцентуацію, расходящуюся съ русской; удареніе сохраняется на томъ же слогѣ, на которомъ оно находится въ именительп. надежѣ, и не переходитъ на окончаніе, какъ въ русскомъ.

§ 21. Глаголь. Личныя окончанія первичныя. Единственное число. Первое лицо: у глаголовъ съ основой на согласный (т. наз. „арханческаго“ сиряженія) старославянское -мъ даетъ -м' (цел. -мь) только у одного глагола ѣсмь (Матѣ. XXVII. 43); прочіе же глаголы имѣютъ -ш (целав. -мъ), какъ въ русскомъ: дѣмъ (Матѣ. IV. 9, Остр. дѣ, Первоп. дѣмъ), предѣмъ (Матѣ. XXVI. 15, Остр. предѣмъ), вѣмъ (Матѣ. XXVIII. 5, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ; Матѣ. XXVI. 70, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ), ѣсповѣмъ (Матѣ. VII. 23, Остр. ѣсповѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), свѣмъ (Дѣян. Ап. XIX. 15, Остр. свѣмъ), ѣмамъ (М. XIX. 16, Остр. ѣмѣ), ѣмъ (Быт. XXVII. 4, Остр. и Первоп. ѣмъ), сѣмъ (Мр. XIV. 14, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -ш (-мъ) имѣется уже въ Острожской библии. У М. Смотрицкаго ѣсмь (л. 235), но вѣмъ (л. 238 на об.), свѣмъ, ѣмъ (л. 243), сѣмъ (тамъ же на обор.), ѣмамъ (л. 246 на об.) и дамъ (л. 151 на об.). У Л. Зизанія ѣсмъ (л. 76, 77). Старославянское -ж глаголовъ съ основой на

гласный=цел. -ŝ (-ю): ѡдŝ (М. VШ. 19), хоциŝ (М. ІХ. 13), глаголю (М. VШ. 10), крецию (Матѳ. ІІІ. 11) и т. д. какъ въ русскомъ.

Второе лицо сохранило оба окончанія: -си у „архаическихъ“ глаголовъ, -ши у глаголовъ съ основой на гласный: ѣси (Матѳ. ІІ. 6, XXVI. 63), даси (Мр. VI. 25. Дѣянія Ап. XIII. 35), поздаси (Матѳ. V. 26), вѣси (Матѳ. XV. 12), гаси (Мр. XIV. 12) и т. д. ѡмани (Матѳ. XXV. 25, XIX. 21), хѡщеши (Матѳ. XIX. 21), кленѣшица (тамъ же V. 33), преткнѣши (тамъ же IV. 6), ѡвѣщавѣши (тамъ же XXVI. 62) и т. д. У М. Смотри ѣси (л. 235), иѣси (л. 238 на об.), гаси (л. 243) и т. д. вѣши, стоиши (л. 251 на об.) и т. д. У Л. Зизанія ѣси (л. 76, 77).

Третье лицо. Старослав. -тъ должно было дать въ целав. -t (-тъ), которое мы и находимъ почти во всѣхъ случаяхъ (въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы *есть*). Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензій, которому свойственно окончаніе 3-го л. -тъ, мы не можемъ считать современное целав. -t (-тъ) прямымъ продолжателемъ стслав. -тъ. Окончаніе -t' (цел. -тъ), свойственное памятникамъ русской рецензій, сохранилось главнымъ образомъ у нѣкоторыхъ глаголовъ „архаическихъ“: ѣсть (Матѳ. XXVI. 66, Остр. ѣсть, Первоп. какъ въ Новой), вѣсть (Матѳ. XXIV. 36, 50, Остр. вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѡсповѣсть (Матѳ. X. 32, Остр. и Первоп. такъ же), оувѣсть, (Мр. V. 43, Остр. оувѣсть, Первоп. какъ въ Новой), сиѣсть (Мр. XI. 14, Остр. сиѣсть, Первоп. какъ въ Новой; Лук. XIV. 15, Остр. сиѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѡмать (Матѳ. IX. 6, Остр. ѡмать, Первоп. какъ въ Новой; V. 23, Остр. и Первоп. такъ же; XVII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; Лев. XXI. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но сиѣтъ (Иех. XXIX. 33, Остр. ѡсть, Первоп. ѡстъ; Лев. VII. 6, 18, 19, 20, Остр. и Первоп. ѡстъ), ѡстъ (Лук. IV. 2, Остр. ѡстъ, Первоп. какъ въ Новой, XV. 2, Остр. и Первоп. ѡстъ), дѡстъ (Матѳ. VII. 11, Остр. и Первоп. такъ же), подѡстъ (Матѳ. VII. 9, 10, Остр. подѡстъ

и подасть, Первоп. подáстĭ и подáстъ), предáстъ (Матѹ. X. 21, Остр. предáстъ, Первоп. какъ въ Новой; XXI. 41, Остр. пре-дастъ, Первоп. какъ въ Новой, XXVI. 16, 21, 23, Остр. во всѣхъ трехъ случаяхъ предасть, Первоп. предáстъ; ср. также дáстьсѧ Остр. Мр. VIII. 12), воздáстъ (Матѹ. XVIII. 34, Остр. въздасть, Первоп. какъ въ Новой). Въ 3-мъ лицѣ аориста съ первичнымъ окончаніемъ: бысть (Матѹ. XI. 1, Остр. и Первоп. такъ же, XXI. 42, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой, XIX. 8, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой). У глаголовъ съ основой на гласный звукъ вездѣ безъ исключеній: пріёмлетъ (М. X. 40, Остр. пріёмлѣ и пріёмлетĭ, Первоп. какъ въ Новой), восхóщетъ (Быт. XXIV. 5, Остр. и Первоп. такъ же), глагóлетъ (Исх. X. 3, Остр. и Первоп. глѣтъ), бѹдетъ (Лев. X. 19, Остр. и Первоп. бѹдетли), сотворѣтъ (Второз. XXXI. 4, Остр. сѣтворѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣмѣнитъ (Ис. XXXI. 2, Остр. вѣмѣнитъ, Первоп. какъ въ Новой), речѣтъ (Ис. XLII. 7, Остр. речѣтъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -t (цсл. -тъ) является весьма распространеннымъ уже въ Острожской библии, не только у глаголовъ съ основой на гласный, но и у глаголовъ на -ті. Немногочисленныя написанія съ -ь (см. выше) объясняются какъ остатки болѣе древней орфографіи; звуковаго значенія это -ь, очевидно, не имѣло въ виду преобладанія написаній съ -ъ. У М. Смотр. ѣсть (л. 235), вѣсть (л. 238 на об.), ѣсть (л. 243), ѣмать (л. 246 на об.). У Л. Зизанія ѣсть, но высть (л. 76).

Множественное число. Первое лицо. На мѣстѣ старославянскаго окончанія -мъ, свойственнаго первично всеъмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -шю (-мы) у глаголовъ „арханческихъ“ и -ш (-мъ) у всѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (-мы) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мъ, но не у одного только класса глаголовъ на -ті, а также и у прочихъ глаголовъ.

Явленіе позднѣйшее и свойственное церковнославянскому — закрѣпленіе окончанія -мы (цсл. -мы), только за глаголами на -ті: єсмь (Мр. V. 9, Остр. єсмь, Первоп. какъ въ Новой; Лук.

IX. 12, Остр. ѣсмы, Первоп. какъ въ Новой; XVII. 10, Дѣян. II. 32 и т. д. у М. Смотрицкаго какъ въ Новой, л. 235), вѣмы (Матѳ. XXI. 27, Остр. вѣмы, Первоп. какъ въ Новой), ѣмамы (Матѳ. XIV. 17, Остр. неѣмамы, Первоп. какъ въ Новой; Мр. VIII. 16, Остр. п Первоп. какъ въ Новой), дѣмы (Мр. XII. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Иоан. I. 22, Остр. и Первоп. такъ же), ѣмы (Лук. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же; 1 Кор. XV. 32, Остр. даѣмы, Первоп. ѣмы), нѣсмы (Иоан. VIII. 41, Остр. нѣсмы, Первоп. какъ въ Новой и т. д.

У прочихъ глаголовъ (съ основой на гласный) имѣется только -мъ: трѣвѣмъ (Матѳ. XXVI. 65, Остр. трѣвѣмъ, Нерв. трѣвѣмъ), сотворимъ (Матѳ. XVII. 4, Остр. сѣтворимъ, Первоп. какъ въ Новой), оудержимъ (Матѳ. XXI. 38, Остр. оудержимъ, Первоп. какъ въ Новой), да ѣмы ѣ и пиѣмъ, оутрѣ по оумрѣмъ (1 Кор. XV. 32, Остр. и Первоп. также: пиѣмъ... оумрѣмъ) и т. д. У М. Смотрицкаго также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: ѣсмы (л. 235), вѣмы (л. 238 на об.), ѣмы (л. 243) и т. д., но читаѣмъ (л. 191) и т. д. У Л. Зизанія ѣсмò, ѣи (л. 76), глаѣсмò (л. 68), бѣсмò (л. 72 на об.), ѣвѣмъ (л. 57 на об.), ѣвѣмъ (л. 58), въставѣмъ, въставѣмо (л. 66 на об.) и т. д. Окончаніе мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библии оно совсѣмъ не встрѣчается.

Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употреблявшихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тождественности 1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -мѣ, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед. вѣмъ, но 1 л. множ. нѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмъ. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. трѣвѣю, по 1 л. мн. трѣвѣмъ, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи.

Второе лицо имѣеть окончаніе -тѣ (-те), отвѣчающее стел. -те и свойственное вѣмъ глаголамъ: глаголы на -мѣ—вѣсте (Матѳ. XX. 25, Остр. вѣсте, Первоп. какъ въ Новой; XXVI. 2, Остр. вѣсте, Первоп. какъ въ Новой), ѣмате (Матѳ. XXVI. 11, Остр.

и Перв. такъ же), ѣстѣ (Матѹ. X. 31, Остр. ѣсте, Первоп. какъ въ Новой, XXIII. 28, Остр. ѣсте, Первоп. какъ въ Новой), оувѣсте (Матѹ. IX. 6, Остр. оувѣсте, Первоп. какъ въ Новой), ѣсте (Матѹ. VI. 25, Остр. и Первоп. такъ же, Лук. V. 30, Остр. и Первоп. такъ же), предѣсте (Мр. VII. 13, Остр. и Первоп. такъ же), и т. д. Глаголы съ основой на гласный: трѣбѣсте (М. VI. 8), слышите, видите (Матѹ. XI. 4), хощете (тамъ же 14) и т. д. Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.

Третье лицо представляетъ три окончанія, изъ которыхъ два имѣются и у глаголовъ на -ті, и у глаголовъ съ основой на гласный, а одно только у глаголовъ на -ті. Эти окончанія слѣдующія: у глаголовъ на -ті: 1) -'at (цслв. -ати) отвѣчаетъ стсл. -ати (-ати стслав. памятниковъ русской рецензіи): іадѣтъ (Матѹ. XV. 2. 27, Остр. и Первоп. такъ же), дадѣтъ (Исх. XXX. 13, Остр. и Первоп. такъ же), воздадѣтъ (Матѹ. XII. 36, Остр. въздадѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), предадѣтъ (Матѹ. X. 17, Остр. предадѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣдѣтъ (Іоан. X. 4, Остр. вѣдѣтъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго вѣдѣ (л. 238 на об.), вѣдѣтъ (л. 239 на обор.), іадѣтъ (л. 243) и т. д. 2) -ut' (цсл. -ѣти) отвѣчаетъ стсл. -ѣти (-ѣти памятниковъ древней русской рецензіи). Окончаніе это замѣчено у глаголовъ тематическихъ еще въ старославянскомъ. Имѣется только въ одной церковнославянской формѣ сѣти (Матѹ. XIII. 38. 39, Остр. сѣти, Первоп. сѣти; XXIII. 25, Остр. сѣти, Первоп. сѣти); у М. Смотри. соутѣ (л. 235), но у Л. Зизанія сѣти (л. 76) и сѣти (л. 77). 3) -ut (цсл. -ѣти) отвѣчаетъ стсл. -ѣти (-ѣти памятниковъ русской рецензіи): ѣмѣтъ (Матѹ. VIII. 20, Остр. ѣмѣтъ, Первоп. ѣмѣтъ, XXI. 26, Остр. ѣмѣтъ, Перв. какъ въ Новой; XXVI. 4, Остр. ѣмѣтъ, Перв. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго также ѣмѣтъ (л. 247). Изъ цитатъ видно, что окончанія эти установились въ ихъ современномъ видѣ еще въ Острожской библіи.

У глаголовъ тематическихъ имѣется два окончанія: 1) -ut

или -'ut (цсл. -ѹтъ, -ютъ), отвѣчающее стсл. -жтъ, -жтъ (-жтъ, -жтъ памятниковъ русской рецензи): нарежѹтъ (М. I. 23, Остр. нарежѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), попережѹтъ (Матѹ. VII. 6, Остр. попережѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), расто́ргнѹтъ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же), ѿждеѹтъ (Матѹ. V. 11, Остр. ѿждеѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), вѹзмѹтъ (Лук. IV. 11, Остр. взмѹтъ, Первоп. возмѹтъ) и т. д., вжигаютъ, поставляютъ (Матѹ. V. 17, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

2) -'at или -at (цсл. -атъ, -атъ = стсл. -атъ, древнерусск. -атъ): наследатъ (Матѹ. V. 5, Остр. наследатъ, Первоп. какъ въ Новой), оу́зратъ (Матѹ. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), поносатъ (Матѹ. V. 11, Остр. и Первоп. такъ же), видатъ (Матѹ. V. 16, Остр. видатъ, Первоп. какъ въ Новой), приложатся (Матѹ. VI. 33, Остр. и Первоп. такъ же), слышатъ (Матѹ. XI. 5, Остр. слышатъ, Первоп. слышатъ), вѣжатъ (Иоан. X. 5, Остр. вѣжатъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Въ грамматикахъ М. Смотрицкаго и Л. Зизанія никакихъ особенностей у этихъ окончаній не замѣчается.

Двойственное число. Здѣсь мы находимъ обиліе окончаній, находящееся, очевидно, въ связи съ малою употребительностью вообще формъ двойств. числа и ихъ исчезновеніемъ изъ живаго языка, который уже не могъ служить поддержкой въ данномъ случаѣ.

Первое лицо вмѣсто старослав. -въ имѣетъ въ Новой библіи -ва или -ма. Образцы перваго: хощева, прѹсива (Мр. X. 35, Остр. хощевѣ, прѹсивѣ, Первоп. хощевѣ, но прѹсива), сѹдѹва (тамъ же X. 37, Остр. и Первоп. сѹдѹвѣ), мѹжева (тамъ же X. 39, Остр. и Первоп. мѹжевѣ; Матѹ. XX. 22, Остр. мѹжевѣ, Первоп. мѹжеве), воспріемлена (Лук. XXIII. 41. Остр. воспріемлевѣ, но Первоп. уже воспріемлева). Образцомъ втораго окончанія -ма можетъ служить въ Новой библіи только форма ѣсма (Иоан. X. 30, Остр. ѣсѣ, Первоп. ѣсѣ). Очень часто въ Новой библіи формы двойственнаго замѣнены формами множественнаго: ѣсмы (Дѣян. XIV. 15, Остр. ѣсѣ, Первоп. ѣсма; Быт. XIII. 8, Остр. ѣсѣ), речема (Лук. IX. 54, Остр. речевѣ, Первоп.

рече́ва), прїиде́мъ, сотвори́мъ (Іоан. XIV. 23, Остр. прїиде́вѣ, сътвори́вѣ; Первоп. также прїиде́вѣ, сотвори́вѣ), мо́жемъ (Дѣян. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Отсюда видно, что старославянское окончаніе 1-го л. дв. ч. -вѣ еще господствуетъ въ Острожской библии; въ Первопечатной оно еще встрѣчается, но имѣеть рядомъ и -ва, -ма и даже -вѣ; въ Новой же библии совершенно вытѣснено окончаніемъ -ва, рядомъ съ которымъ весьма рѣдко (только у глагола ѣсмь) имѣется и -ма. Въ Московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) находимъ только два окончанія, дифференцированныя согласно роду: для муж. и ср. -ма, напр. чте́ма, для женскаго -мѣ: чте́мѣ (л. 190 на об.), м. и ср. чита́ема, ж. чита́емѣ (л. 191), м. и ср. чита́йма, ж. чита́ймѣ (повелит. накл. л. 193), ѣсма и ѣсмѣ (л. 235) или ѣсма, ѣсмѣ (л. 192 на об.) и т. д. Въ оригинальномъ же изданіи имѣется для муж. и ср. -ва, для ж. -вѣ (л. 125). Въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (лл. 53, 57) имѣются эти же оба окончанія -на, -вѣ, но безъ различія родовъ, какъ и въ Первопечатной библии, гдѣ -ва и -вѣ употребляются безразлично. Такая разногласица объясняется, конечно, малой употребительностью двойственного числа, его полнымъ исчезновеніемъ изъ живаго народнаго языка и отсюда отсутствіемъ всякаго критерія для установленія дѣйствительно правильной формы. Неудивительно, что здѣсь открывалось такимъ образомъ широкое поле для разныхъ въ значительной степени субъективныхъ образованій такихъ грамматиковъ, какъ М. Смотрицкій или Л. Зизаній. Въ основѣ всѣхъ этихъ образованій лежитъ, разумѣется, морфологическая ассимиляція. Появленіе -а вмѣсто стслав. -ѣ въ церковнославянскомъ окончаніи 1-го л. дв. числа вызвано но всей видимости вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на о- и јо-). Въ пользу этого предположенія говоритъ дифференціація окончаній, находимая нами у М. Смотрицкаго, для муж. и ср. рода принимающаго окончаніе -ва (первое изданіе) или -ма (второе изданіе), какъ два брата, а для женскаго -вѣ (первое изданіе) или -мѣ (втор. изданіе), какъ двѣ сестры. Такъ же объясняется и дуализмъ Лавр. Зизанія -ва рядомъ съ -вѣ, причемъ однако у него не замѣчается диф-

ференціаціи въ отношеніи грамматическаго рода. Согласный м вмѣсто н въ окончаніяхъ -ма, -мѣ очевидно вызванъ вліяніемъ окончанія перваго лица множ. числа: ѣсмь вызвало форму ѣсмà, послѣ которой возникла уже форма ж. р. ѣсмѣ. Написанія -ве въ 'родѣ вышеприведеннаго мѣжеве (Первоп. Матѣ. XX. 22, Остр. -вѣ) или искаховѣ (Первоп. Лук. II. 48, Остр. -вѣ, Новая б. йскахомъ), сводятся къ первичному -вѣ и представляютъ собой скорѣе всего опечатки, въ происхожденіи которыхъ можетъ быть не безъ вліянія было совпаденіе въ русскомъ соотвѣтствій для ст.л. ѣ и є.

Второе и третье лица представляютъ также уклоненія отъ старославянскаго. Вмѣсто старосл. окончаній 2 л. -та и 3-го -те, встрѣчаемъ также два окончанія -та и -тѣ, которыя не разнятся по лицамъ, а только по родамъ: -та присвоено второму и третьему муж. (иногда средняго) р., а -тѣ—женскаго (иногда средняго). Эти же окончанія находимъ у М. Смотрицкаго и въ оригинальномъ (л. 125 на обор.) и въ московскомъ издачіяхъ, который по обыкновенію пользуется ими для дифференціаціи. Въ московскомъ изданіи находимъ такія формы: 2 л. вà вѣта || вѣ вѣтѣ; 3-е ѡна вѣта; ѡнѣ вѣтѣ (л. 184); 2 и 3 м. и ср. читаѣта, 2 и 3 ж. р. читаѣтѣ (л. 191), 2 и 3 м. и ср. ѣста, 2 и 3 ж. ѣстѣ (л. 235) или ѣста, ѣстѣ (л. 192 на обор. По видимому, М. Смотрицкій различаетъ всномогательныя формы этого глагола отъ самостоятельныхъ. Въ первомъ случаѣ удареніе у него на окончаніи, во второмъ на корнѣ. Но эта дифференціація—чисто произвольная—является у него далеко невыдержанной); 2 и 3 м. и ср. іаѣта и ж. іаѣтѣ (л. 243) и т. д.

У Зизанія для обѣихъ формъ одно окончаніе -та безъ различенія рода (л. 57 и слѣд.): іавлѣта, а; буд. іавіта и т. д.

Примѣры 2-го лица муж. рода. У глаголовъ на -ти: вѣста, ѣста (Остр. Лук. IX. 55, Первоп. вѣста, ѣста, Новая б. множеств. число: вѣсте, ѣсте, Матѣ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: мѣжета, прѣсита, (настоящ. Матѣ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же), вѣрѣта (Матѣ. IX. 28, Остр. вѣрѣта, Первоп. какъ въ Новой), хѣцета (Матѣ. XX.

32, Остр. и Первоп. такъ же), ѡбръщаеѣта (Матѡ. XXI. 2, Остр. и Первоп. 2 лицо множ. числа), ѡспіеѣта (Матѡ. XX. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но рядомъ ѡмате крестітисѡ (тамъ же; Остр. и Первоп. крѣтїтасѡ). Подобныя замѣны формъ двойственного числа формами множественнаго, встрѣчающіяся уже въ Острожской библіи, не рѣдки: ѡщете, (Матѡ. XXVIII, 5, Остр. ѡщете, Перв. такъ же, какъ въ Новой), не мѡжетъ... рещїи... глава ногамъ, не трѣбѣ мнѣ есте (1 Кор. XII. 21, Остр. ногамъ... есте, Перв. ногамъ... естѣ), оузрите (Матѡ. XXVIII. 7, Остр. оузрите) и т. д.

Примѣры 3-го л. двойств. ч. У глаголовъ на -шї: муж. рода еста (Дѣян. Ап. IV. 13, Остр. еста, Первоп. какъ въ Новой), нѣста (Матѡ. XIX. 6, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: сѡдета (Матѡ. XX. 21, Остр. и Первоп. такъ же), вѣдета (Матѡ. XIX. 5, XXIV. 40, Остр. вѣдета, Первоп. какъ въ Новой).

Рядомъ съ этими окончаніями 2-го и 3-го л. имѣется окончаніе -тѣ, встрѣчающееся изрѣдка и въ старославянскихъ памятникахъ (Суирасельская рукопись и Саввина книга) и присвоенное женскому роду. Возможно, что оно сводится къ исконному старослав. окончанію 3-го л. двойств. ч. -те. Формы съ -тѣ объясняются вѣроятно всего стремленіемъ къ большей конгруэнціи формъ глагольныхъ съ формами именит. двойств. ч. именнаго склоненія основъ ср. р. на о- и ж. на а- (какъ лѣтѣ, дѣлѣ; нѡзѣ, рѣцѣ и т. д.); въ русскихъ памятникахъ сверхъ того написанія съ тѣ могли облегчаться совпаденіемъ русскихъ соответствїи для тѣ и е. При отсутствїи различїя между этими соответствїями въ русскомъ языкѣ, а также и въ церковнославянскомъ, различеніе окончанїи -тѣ и -те является особенностью графики, не языка. Примѣрами могутъ служить: 2 лицо двойств. кѡ сѡми вѣстѣ (Лїя и Рахиль; Быт. XXXI. 6, Остр. вѣсте, Первоп. вѣсте==2 л. множ. числа); 3-е лицо двойств. ѡчи... призрѣаетѣ (Псал. IX. 30, Остр. и Первонеч. такъ же, Пс. X. 4, Остр. и Первонеч. такъ же), вѣжди... ѡспытаетѣ (Пс. X. 4, Остр. и Первоп. такъ же), възрѣдѣтѣсѡ оустїиѣ мой (Псал. LXX. 23, Остр. възрѣдѣтасѡ, Первоп. какъ въ Новой); въ Новой библіи встрѣчаемъ иногда

вмѣсто этого окончанія -те, что вызывается смѣшеніемъ со вторымъ лицомъ множ: вѣдете двѣ (Лук. XVII. 35, Остр. вѣдетѣ, Первоп. вѣдетѣ).

Часты замѣны формами множеств. числа: градѣтъ ѣще двѣ гора (Апок. IX. 12, Остр. уже градѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), пошѣмѣтъ ѣбѣ оуши (4 Цств. XXI. 12, Остр. и Первоп. пошѣмѣта), стѣнѣтъ ѣба (Апок. XI. 11, Остр. и Первоп. стѣнета) и т. д. Замѣны эти встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но не такъ часто, какъ въ Новой.

Окончанія личныя вторичныя. Единственное число. Первое лицо: стелав. -ъ, восходящее къ праязыковому звуковому комплексу -o-m, исчезаетъ въ церковнославянскомъ живомъ произношеніи: іадѣхъ, піхъ (Второз. IX. 18, Остр. и Первоп. такъ же) = jādóx, p'íx.

Второе лицо. Роль окончанія (какъ и въ старославянскомъ) играетъ послѣдній гласный временной или глагольной основы, послѣ котораго исчезло еще въ основнославянскомъ конечное -s: сотвори (чтѣ.... нѣма Лук. II. 48, Остр. сѣтвори, Первоп. сотвори) и т. д. Примѣровъ немного, такъ какъ обыкновенно эта форма замѣнена въ Новой библіи формами другихъ временъ: Остр. библія—сѣтвори, ѡидѣ, ѡкредѣ, ѡнедѣ (Быт. XXXI. 26, Первоп. уже сотвори́лъ ѣси, но ѡидѣ, ѡкредѣ, ѡнедѣ; на поляхъ ѡшѣлъ ѣси, Новая б. сотвори́лъ ѣси, оушѣлъ ѣси, ѡкредѣлъ ѣси, ѡвѣлъ), сѣтвори (ibid. 28, Первоп. и Новая: сотвори́лъ ѣси), ѣзыскѣ, ѡверѣтѣ (ibid. 37, Первопечатная: ѣзыскѣлъ, ѡверѣлъ ѣси; Новая: ѡѣискѣлъ, ѡверѣлъ ѣси), предѣидѣ (ibid. 41, Первоп. прѣшѣидѣ, Нов. прѣшѣидѣлъ ѣси), видѣ (Апок. XVII. 18, Первоп. нѣдѣ, Новая б. видѣлъ ѣси) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что эта замѣна сложной формой проявляется уже въ Первопечатной библіи, но рядомъ здѣсь имѣются и исконныя, древнія формы второго лица; въ Новой же библіи древняя форма почти совершенно вытѣснена.

Третье лицо. Роль окончанія, какъ и во второмъ лицѣ, играетъ послѣдній гласный глагольной или временной основы, что имѣется уже въ старославянскомъ. Собственное окончаніе -t исчезло еще

въ основнославянскомъ, благодаря чему получается полное совпаде-
ніе втораго и третьяго лица. Въ противоположность второму
лицу, замѣненному другими формами въ Новой библии, третье
лицо остается въ новомъ церковнославянскомъ: воскресѣ (Матѹ.
XIV. 2, Остр. възскрѣсе, Первоп. воскресѣ), снїде (Матѹ. VII. 25),
їзмолчѣ (Пе. LXVIII. 4, Остр. їзмолче, Первоп. какъ въ Новой),
раскопà, всыпа (4 Цств. XXIII. 12, Остр. раскопà, всыпа), ве-
лерѣчева (Юд. VI. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ), раздрà
(4 Цств. XIX. 1, Остр. раздра), восхотѣ (М. I. 19, Остр.
взсхотѣ), пощадѣ (Иезек. XVI. 5, Остр. пощадѣ), запрети (М.
VIII. 26, Остр. запрѣтї, Первоп. какъ въ Новой), родїса (Матѹ.
I. 16, Остр. такъ же), ѡсквернãви (Числ. XIX. 20, Остр.
ѡсквернãвилъ, Первоп. ѡсквернãвилъ), оумї (Матѹ. XXVII. 27,
Остр. такъ же) и т. д. пребывãше (Л. I. 22, Остр. такъ
же) и т. д.

Множественное число. Первое лицо. Старослав. окончаніе -мъ
даетъ въ церковнославянскомъ -ш (-мъ): ходїхомъ (Исал. III. 15,
Остр. двойств. ходїховѣ, Первоп. ходїхома), возжгóхомъ
(2 Макк. I. 8, Остр. кожгохомъ, Первоп. возжгóхшмъ), їзгонї-
хомъ (Матѹ. VII. 22, Остр. їзгонїхомѣ) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -те: со-
хранїсте (Малах. II. 9, Остр. сзхранїсте), ѡбниѡстесã (тамъ же,
Остр. ѡбниѡстесã), велерѣчивасте (Иерем. L. 11, Остр. велерѣче-
вãсте, Первоп. велерѣчевасте), ѡстãнисте (Матѹ. XXIII. 23, Остр.
ѡстãвисте), плачевóпльствисте (Зах. VII. 5, Остр. плãче вопль-
ствїте, Первоп. плачевóпльствитѣ), слышасте (Матѹ. V. 21, Остр.
такъ же) и т. д., въ повелительномъ: повѣдите (Матѹ. XVII.
9, Остр. повѣдите, Первоп. какъ въ Новой), дадите (Матѹ. XIV.
16, Остр. и Первоп. такъ же), возвѣстїте (Матѹ. XI. 4) и т. д.

Третье лицо на мѣстѣ старославянскихъ -а и -ã имѣетъ -ã,
-ã, согласно съ общимъ фонетическимъ закономъ: возрãдовашã
(М. II. 10, Остр. изрãдовашã, Первоп. возрãдовашã), видѣша
(ibid. 9, Остр. видѣша, Первоп. видѣша), їдóша (тамъ же, Остр.
їдóша, Первоп. їдóша), рекóша (Матѹ. II. 5, Остр. такъ же,
Первоп. рекóша), собрãша (Матѹ. XXII. 10, Остр. свбрãша,

Первоп. соврѣшѣ), сказѣша (Лук. II. 17, Остр. и Первоп. сказѣшѣ). дивѣшасѣ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. ѿмѣхѣхѣ (Иов. IV. 21, Остр. ѿмѣхѣхѣ, Первоп. какъ въ Новой), ѿрѣхѣхѣ, пасѣхѣсѣ (Иов. I. 14, Остр. ѿрѣхѣхѣ, пасѣхѣхѣ, Первоп. ѿрѣхѣхѣ, пасѣхѣхѣ), хожадѣхѣ (1 Цств. XIII. 20, Остр. и Первоп. такъ же), стицахѣсѣ (Мр. VI. 33, Остр. стицахѣсѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -ѣ, встрѣчаемыя въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ новыхъ съ -а, представляютъ собой, разумѣется, только остатки старославянской орѳографіи и фонетическаго значенія не имѣютъ.

Двойственное число. Первое лицо вмѣсто старославянскаго -въ представляетъ окончанія -ва или -ма, какъ и въ первичныхъ временахъ (см. выше). Въ Новой библіи формы двойственнаго обыкновенно замѣнены формами множественнаго числа: ходѣхѣомѣ (Псал. LIV. 15, Остр. ходѣхѣовѣ, какъ въ старославянскомъ; Первоп. ходѣхѣома), ѿскахѣомѣ (Лук. II. 48, Остр. ѿскахѣовѣ, Первоп. ѿскахѣове). У М. Смотрицкаго: м. и ср. чтѣхѣома, женск. чтѣхѣомѣ (л. 190 на обор.), м. и ср. читадѣхѣома, ж. р. читадѣхѣомѣ (л. 191 на обор.); м. и ср. читахѣомасѣ, ж. читахѣомѣ сѣ (л. 202 на обор.); творѣхѣома, творѣхѣомѣ (л. 215 на обор.) и т. д. съ такой же дифференціаціей по роду, какъ отмѣченная выше у первичныхъ окончаній. Въ первомъ изданіи (Евю) находимъ -ва и -вѣ: чтѣхѣова, чтѣхѣовѣ и т. д. У Лавр. Зизанія иногда только—вѣ: вѣхѣовѣсѣ (л. 74 на об.), вѣхѣовѣсѣ (ibid.), вѣхѣовѣсѣ (ibid.), вѣхѣовѣ (л. 76), вѣхѣовѣ (ibid.), иногда рядомъ -ва и -вѣ: снасѣхѣовѣ, снасѣхѣова (л. 63), вѣставѣхѣовѣ, ва (л. 67), спасѣхѣова, вѣ (л. 63) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -тѣ: ѿдѣастѣ (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), сѣгласѣстѣсѣ (Дѣян. V. 9, Остр. сѣгласѣстѣсѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго съ обычной дифференціаціей—творѣстѣ, творѣстѣ (л. 215 на обор.); сѣстѣ, сѣстѣ (л. 243 на об.) и т. д. Въ повелительномъ наклоненіи: грядѣтѣ (Матѣ. IV. 19, Остр. грядѣтѣ, Первоп. какъ въ Новой), влудѣтѣ (Матѣ. IX. 30, Остр. влудѣтѣ, Первоп. какъ въ Новой), рцѣтѣ (Мр. XI. 3, Остр.

рѣѣта, Первоп. какъ въ Новой), ѣдѣта, приведѣта (Матѣ. XXI. 2, Остр. ѣдѣта, приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), прѣидѣта, вѣидѣта (Іоан. I. 39, Остр. прѣидѣта, вѣидѣта, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Нерѣдкі замѣны формами множественнаго (уже въ Острожской библіи): не бѣйтесѣ (Матѣ. XXVIII. 5, Остр. бѣнтесѣ), прѣидѣте, вѣидѣте, рѣѣте (ibidem. 6. 7, Остр. прѣидѣте, вѣидѣте, рѣѣте, Первоп. прѣидѣте, вѣидѣте, рѣѣте) и т. д.

Третье лицо утратило старославянское -те, вмѣсто котораго имѣются -та (главнымъ образомъ для мужескаго рода) и -тѣ (для женскаго и средняго). Происхожденіе этихъ окончаній таково же, какъ и соотвѣтствующихъ окончаній у первичныхъ временъ. Въ основѣ ихъ лежатъ окончанія втораго лица -та и третьяго -те, которыя подъ вліяніемъ двойственнаго числа именнаго склоненія, развѣтвились на -та и -тѣ. Возможно также, что и одно первичное -те могло дать начало обоимъ даннымъ окончаніямъ. Дифференціація въ отношеніи рода представляетъ собою явленіе позднѣйшее. Въ Острожской библіи она далеко не такъ послѣдовательна, какъ въ Новой.

Окончаніе -та: м. р. вѣста (Матѣ. IV. 18, Остр. такъ же), ѣдѣста (ibid. 20, Остр. такъ же), м. р. прѣстѣиѣста (Матѣ. IX. 28, Остр. такъ же), м. р. возонѣста (Матѣ. XX. 30, Остр. възонѣста, Первоп. какъ въ Новой), м. р. вопѣста (ibid. 31, Остр. възнѣста, Первоп. возонѣста), смотрѣста, падѣста (м. род. Суд. XIII. 20, Остр. такъ же).

Окончаніе -тѣ: ж. р. рѣѣтъ создаѣтъ (Осіа XIII. 4, Остр. стѣжѣсте, Первоп. стѣжѣстѣ), текѣстѣ, ѣдѣстѣ (Марія Магдалина и другая Марія. Матѣ. XXVIII. 8, Остр. текѣстѣ, но ѣдѣсте, Первоп. текѣстѣ, но ѣдѣсте), ѣстѣсѣ, поклонѣстѣсѣ (тамъ же, Матѣ. XXVIII. 9, Остр. и Первоп. въ обоихъ случаяхъ -тѣ), зрѣстѣ (объ Маріи; Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѣста), рѣѣтъ твой сотвориѣтъ мѣ и создаѣтъ мѣ (Іов. X. 8, Остр. сѣтвориѣста, сѣздаѣста, Первоп. какъ въ Новой), вѣстѣ во рѣѣтъ (Быт. XXVII. 23, Остр. вѣста, Первоп. вѣста), вѣстѣ двѣ дѣѣри (Быт. XXIX. 16, Остр. вѣста, Перв. вѣста), оутвердиѣстѣсѣ ѣго плеснѣ и глѣзѣнѣ (Дѣян. III. 7, Остр. и Перв. также оутвердиѣстѣсѣ).

поработастѣ (Ис. LXXX. 7, Остр. такъ же), послужистѣ рѣцѣ (Дѣян. XX. 34, Остр. послужисте, Перв. какъ въ Новой), ѿдѣстѣ, пренѣстѣ, прѣдѣстѣ (Руѣв I. 19, Остр. и Перв. ѿдѣста, прѣдѣста), и т. д. Изрѣдка встрѣчается и окончаніе -та: Рахоль и Лія рекѣста (Быт. XXXI. 14. Остр. такъ же).

Средн. рода: видѣстѣ Ѣчи (Второз. X. 21, Остр. и Перв. видѣста, Л. II. 30, Остр. видѣстѣ, Перв. какъ въ Новой), ѿзліастѣ (Ѣчи: Плачъ Іерем. I. 16, Остр. ѿзліастѣ, Перв. ѿзліастѣ), оустнѣ дѣвизастѣсѣ (1 Цств. I. 13, Остр. дѣвизастасѣ, Перв. какъ Новой), держастѣсѣ (Лук. XXIV. 16, Остр. дрѣжастасѣ, Перв. держастасѣ), ѿверзѣстѣсѣ (ibid. 31, Остр. ѿврзѣстасѣ, Перв. ѿверзѣстасѣ; Іоан. IX. 10, Остр. ѿврзѣстѣ, Перв. ѿверзѣстѣ), ѡслѣпѣстѣ Ѣчи (Іов. XVII. 7, Остр. и Перв. ѡслѣпѣсте) и т. д. Изрѣдка встрѣчаемъ окончаніе -та: прѣтѣпѣстасѣ Ѣчи (3 Цств. XIV. 4, Остр. ѡмрачѣстасѣ, Перв. ѡмрачѣстасѣ), ѿстѣстѣ Ѣчи (Іов. XVII. 5, Остр. и Перв. такъ же), ѿверзѣстасѣ (Матѣ. IX. 30, Остр. ѿверзѣстасѣ, Перв. какъ въ Новой), нѣдѣста (Второз. XI. 7. Остр. и Перв. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -та для средняго рода преобладаетъ въ Острожской и Первопечатной библіяхъ, хотя и въ нихъ изрѣдка встрѣчается новѣйшая форма съ -тѣ. Тамъ, гдѣ въ Новой библіи удержалось -та, Острожская и Первопечатная имѣютъ также -та. Ископное окончаніе -те встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но рѣдко; на его мѣстѣ находимъ въ Новой библіи всегда -тѣ, никогда -та, что указываетъ на происхожденіе окончанія -тѣ изъ -те.

Очень часты замѣны формами множественнаго числа: ѿвѣщѣаша же ѿмѣ родѣтелѣ ѣгѣ и рѣша (Іоан. IX. 20, Остр. и Перв. ѿвѣщѣаста, рѣста), шѣа сѣа прорѣка мѣчѣша (Апок. XI. 10, Остр. и Перв. мѣчѣста); Манѣе же ѿ женѣ ѣгѣ зрѣхѣ (Суд. XIII. 19, Остр. и Перв. глѣдѣста). рѣцѣ же... вѣша (Исх. XVII. 12, Остр. вѣша, Перв. вѣша), воздѣвѣгѣша, плакашасѣ (дѣвѣ снохи Руѣи: Руѣв I. 9, Остр. и Перв. также множ. число). рекѣша (тамъ же, 10, Остр. и Перв. рекѣста), плакаша тамъ же. 14; Остр. плакаста, Перв. плакаста), плакашасѣ Ѣва (Тов. XI.

8, Остр. и Первоп. начѣста плѣкати), поидѣша (Рафаиль и Товій. Тов. XI. 3, Остр. и Первоп. ѣдѣста).

Въ Острожской и Первопечатной преобладаетъ двойственное число; случаи замѣны встрѣчаются и здѣсь, но очень рѣдко.

§ 22. *Образованіе глагольныхъ формъ.*

Въ отношеніи тематическомъ церковнославянскій глаголъ не уклоняется замѣтно отъ старославянскаго и представляетъ такіе же классы спряженія.

Въ образованіи отдѣльныхъ временъ замѣчаются уклоненія, вызванныя частью фонетическими причинами, частью процессомъ морфологической ассимиляціи.

Уклоненія эти однако не особенно значительны и имѣются далеко не у всѣхъ глагольныхъ формъ.

Настоящее время. Изъявительное наклоненіе не отличается особенно отъ старославянской нормы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ особенностей въ окончаніяхъ. Въ отношеніи тематическаго образованія оно сохранило всѣ характерныя черты старославянскаго. Замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя немногочисленныя уклоненія, вызванныя частью процессами морфологическаго уподобленія, частью вліяніемъ русскаго языка.

1) Формы, вызванныя морфологической ассимиляціей: снабдѣю 1 л. ед. ч. (Іезек. XXXIV. 16, Остр. снабжѣ, ср. также Числ. XXIII. 12, снабжѣ, Первоп. снабжѣ. Въ спискѣ XVI в. снабжѣю, см. Востоковъ словарь цел. языка), вмѣсто *снабждѣ или по крайней мѣрѣ *снабжѣ; ѡдождѣю (Исх. XVI. 4, Остр. ѡдождѣ, Перв. уже ѡдождѣю, Іезек. XXXVIII. 22, Остр. ѡдождѣ, Перв. ѡдождѣю), надождѣю (Ам. IV. 7, Остр. надождѣ, Первоп. какъ въ Новой). Здѣсь, кромѣ формъ въ родѣ разширѣю (Исх. XXIII. 18), ѣспражнѣю (Іез. XXX. 13) и т. п., вліяли также формы другихъ лицъ, какъ снабдѣтъ, надождѣтъ и т. д. Возможно, впрочемъ, что -ждѣю въ приведенныхъ формахъ есть попытка изобразить палатальность сочетанія звуковъ ж'з' (см. выше, стр. 153). У М. Смотрицкаго, кромѣ дождѣю, имѣется цѣлый рядъ подобныхъ новообразованій, не встрѣчающихся, впрочемъ, въ текстѣ Библии: гнѣздѣю, бѣю, даже бегѣю. Рядомъ съ формами скорбѣю,

терплю, онъ приводитъ также вызванныя морфологической ассимиляціей къ прочимъ лицамъ формы мертвю, грѣмю (л. 169). Ни одна изъ этихъ формъ въ текстѣ Библии не встрѣчается, за исключеніемъ дождю.

2) Формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка (съ ж вмѣсто жд и ч вмѣсто шт): сѣжѸ (Иер. XL. 10, Остр. сѣжѸ), пошажѸ (Иер. XXI. 7, Остр. другой текстъ), оутвержѸ (Лев. XVII. 10, Остр. другой текстъ), ѡзверчѸ (1 Цств. XI. 2, Остр. и Перв. такъ же), вѣжѸ (Іоан. XX. 25, Остр. и Первоп. такъ же), возбѸжѸ (Іоан. XI. 11, Остр. и Первоп. возбѸждѸ) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ подобныя же формы вѣжю, молочю, рожю, хожю (л. 230). У глаголовъ нетематическихъ обращаетъ на себя вниманіе загадочная форма вѣдѣ, встрѣчающаяся въ Острожской и Первопечатной, но въ Новой замѣненная обычнымъ вѣмъ (Второз. XXXI. 27. 29) и представляющая собой весьма вѣроятно первое лицо ед. числа средн. залога (medium), какъ лат. *vidi*, скр. *tutudé* (ср. Brugmann. Grundriss der vergl. Gramm. Bd. II. 1892, стр. 1262, § 894, а также Н. Hirt. Indogerm. Forschungen II. Bd. 1893, стр. 358).

Повелительное наклоненіе. Единственное число, второе лицо: рядомъ съ первичными формами въ родѣ возми, ѡди, востани (Матѹ. IX. 6, Остр. възтани, възми, ѡди, Первоп. какъ въ Новой), ѡзыди (Мр. V. 8, Остр. ѡзыди, Первоп. какъ въ Новой), теци, рци (Зах. II. 4, Остр. теци, гѣи, Первоп. теци, гѣи), привлци (Пс. XXVII. 3, Остр. привлци, Первоп. какъ въ Новой), вѣрзи (М. XVIII. 9, Остр. вѣрзи, Первоп. вѣрзи), лѣрзи (2 Цств. XIII. 5, Остр. и Первоп. такъ же), встрѣчаются и вторичныя, вызванныя морфологической ассимиляціей: вѣржи (Іезек. XXIII. 47, Остр. разбѣи), повѣржи (Исх. VII. 9, Остр. и Перв. повѣрзи), ѡвѣржи (Пс. L. 13, Остр. ѡвѣрзи, Первоп. какъ въ Новой), вмѣсто которыхъ въ Острожской библии находимъ еще древнюю форму. Въ этихъ формахъ сказалось вліяніе такихъ, свойственныхъ уже старославянскому, формъ, какъ: вѣжи (Быт. XXVII. 43, Остр. и Первоп. такъ же, Матѹ. II. 13, Остр. вѣжи, Перв. какъ въ Новой, Числ. XXIV. 11, Остр. и Перв.

такъ же), солжѣ (4 Цств. IV. 16, Остр. солзжѣ, Первоп. какъ въ Новой), воздѣжи (I. Сир. XIII. 2, Остр. вздѣжи, Перв. какъ въ Новой) и т. д., а также и формъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени. Глаголь *хощѣ* имѣетъ 2 л. пов. *хощѣи* (3 Езд. VIII. 27, Остр. и Первоп. *хощѣши*), *восхощѣи* (I. Сир. VI. 35, Остр. *взхощѣи*, Первоп. какъ въ Новой, *ibid.* VII. 13, Остр. *взхощѣи*, подѣ влияніемъ темы неопредѣленнаго наклоненія, какъ въ русскомъ *хощѣи*, Первоп. какъ въ Новой, 3 Цств. XX. 8, Остр. *восхощѣи*, Первоп. какъ въ Новой), какъ уже въ старославянскомъ (см. Miklosich. *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen* W. 1874, стр. 47). Глаголы нетематическіе сохраняютъ старославянскія формы: *ѣждѣ* (Суд. XIII. 4. 7), *повѣждѣ* (2 Цств. XVIII. 21), *дѣждѣ* (I. Нав. XV. 19) и т. д. Въ смыслѣ повелительнаго употреблено 2 л. ед. изъявит. въ Пл. Иерем. (III. 64. 65): *воздѣси ѣмъ*, *Гѣи*, *воздѣсиѣ*, *по дѣлѣмъ ѣмъ* и т. д. (Остр. *ѣдѣси* и *ѣдѣси*, Первоп. *ѣдѣси*).

Двойственное число. Формы перваго лица не встрѣчается; вмѣсто нея встрѣчаемъ соотвѣтственную форму изъявительнаго наклоненія: *да сѣдѣва* (Mr. X. 37, Остр. и Первоп. *сѣдѣвѣ*). Старославянская форма была бы *сѣдѣвъ*. Окончаніе *-въ* въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ уступило мѣсто окончанію *-ва* (см. выше стр. 321), а на мѣстѣ *-въ* находимъ *-ѣ*, что указываетъ на одинаковое съ общерусскимъ (и вызванное влияніемъ этого послѣдняго) употребленіе формъ изъявительнаго наклоненія (съ значеніемъ будущаго вр.), вмѣсто повелительнаго. То же имѣетъ мѣсто въ первомъ лицѣ множественнаго (см. ниже стр. 328). Второе лицо встрѣчается довольно часто и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ новообразование по типу глаголовъ нетематическихъ и глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ *-і-*, какъ *вѣдѣта* (Ioan. I. 39, Остр. *вѣдѣта*, по типу такихъ, какъ стел. *идѣта*, Первоп. какъ въ Новой), стел. *видѣта*, *трѣпѣта*, *хвалѣта*, *дѣдѣта*, *вѣдѣта*, *идѣта* и т. д.: *гродѣта* (M. IV. 19, Остр. *гродѣта*, Первоп. какъ въ Новой), *блюдѣта* (Mat. IX. 30, Остр. *блюдѣта*, Первоп. какъ въ Новой), *идѣта* (Mr.

29, Остр. ѡгáдѣмъ, згáдѣмъ, ѡзгáдѣмъ, Перв. гáдѣмъ, ѡзгáдѣмъ) и т. д. вызвали новообразования: начнѣмъ (2 Макк. II. 33, Остр. и Первоп. начинáемъ), поидѣмъ (Ис. XXX. 21, Остр. ѡдѣмъ, Первоп. ѡдемъ), нападѣмъ (Иер. XX. 10, Остр. друг. текстъ: погóнѣ), востáнимъ (Иер. XLVI. 16, Остр. ед. ч. възстáни), совѣрѣмъ (Иезек. XXXIII. 30, Остр. свѣрѣмъ, Перв. совѣрѣмъ) и т. д. Исконныя формы 1 л. множ. на -ѣмъ почти не встрѣчаются, кромѣ: предтецѣмъ (Тов. XI. 2, Остр. другой текстъ: да прѣидемъ на прѣ), а также рцѣмъ (2 Ездры III. 5, Остр. глаголѣмъ). Въ настоящемъ случаѣ ц указываетъ на исконный повелительный, хотя вмѣсто ѣ находимъ е подъ влѣянѣмъ весьма частыхъ случаевъ замѣны повелительнаго формами изъявительнаго наклоненія, какъ напр.: идемъ, двѣгнемъ (3 Езд. IV. 14, Остр. также ѡдемъ, двѣгнемъ, но 15. поидѣмъ, двѣгнѣмъ, Первоп. поѡдемъ, двѣгнѣмъ, Нов. поѡдемъ, двѣгнемъ), вѣидемъ (Пс. CXXXI. 7, Остр. и Первоп. также), пожрѣмъ, вóзмемъ, прѣимемъ (Притчи С. I. 12—13, Остр. пожрѣмъ, вóзмемъ, прѣимемъ, Перв. какъ въ Новой), възѣдемъ (Ис. II. 3, Остр. възѣидемъ, Первоп. възѣдѣмъ, Иерем. VI. 5, Остр. възѣидемъ, Первоп. ѡзѣдемъ, 1 Макк. IV. 36, Остр. възѣидемъ, Первоп. възѣдемъ), поѡдемъ (Иерем. VI. 16, Остр. ходѣмъ, Первоп. ходѣмъ; Зах. VIII. 23, Остр. ѡдѣ, Первоп. ѡдемъ; 1 Макк. V. 57, Остр. ѡдемъ, Первоп. ѡдемъ), свѣжемъ (Ис. III. 10, Остр. свѣжѣ), изсѣчемъ, посѣчемъ, созѣждемъ (Ис. IX. 10, Остр. оусѣчемъ, посѣчемъ, сзградѣмъ, Перв. такъ же и соградѣмъ), созѣждемъ (Быт. XI. 4, Остр. созѣждѣ), сѣдемъ, вѣидемъ (Иерем. XIII. 13. 14, Остр. сѣдемъ, вѣидѣмъ), растóргнемъ || растóргнимъ, ѡвѣржемъ || ѡвѣржимъ (Пс. II. 3, Остр. растрѣгнемъ, ѡвѣржемъ, Первоп. растóргнемъ, ѡвѣржемъ) и т. д. Замѣна эта, какъ видно, имѣется уже въ Острожской библии.

Второе лицо множественнаго числа, рядомъ съ первичными формами на -ите глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -i-, какъ напримѣръ: дадите (Быт. XXIII. 4, Остр. такъ же), гáдите (Исх. XXIII. 15, Остр. ѡгáдите, Лев. X. 12. 13. 14, Остр. ѡдáдите), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣдите, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. сотворите

(Исх. XXIII. 14, Остр. снадѣте), оукрасите (Исх. III. 22, Остр. такъ же), слышите, видшите (Ос. V. 1, Остр. слышите, видшите) и т. д., представляетъ обиліе новообразованій, вытѣснившихъ совершенно исконныя формы на -ѣте: рцыте (Лев. XI. 2, Остр. глѣте, Быт. XXIII. 8, Остр. поглѣте), постѣцыте (Исх. XXXIV. 13, Остр. изъявит. да постѣчѣте), оусѣцыте, взыдите, принесите, созиждите (Агг. I. 8, Остр. оусѣцѣте, взындѣте, принесѣте, сзѣждѣте, Первоп. оусѣцыте, взыдите, принесите, созиждѣте), востаните (Тов. VI. 18, Остр. другой текстъ), соверитесѧ (Быт. XLIX. 2, Остр. сзверитесѧ), вѣдите (Суд. IX. 19, Остр. и Перв. вѣдѣте), ипрѣзѣте (1 Цств. VI. 7, Остр. взирѣзѣте), возмите (ibid. Остр. возмѣте, Первоп. какъ въ Новой), станите (1 Цств. X. 19, Остр. и Первоп. такъ же), ѣдите, поищѣте (1 Цств. IX. 3, Остр. ѣдѣта, поищѣте, Первоп. ѣдѣта, поищѣта), поимѣте, ведѣте (3 Цств. I. 33, Остр. поимѣте, ведѣте, Перв. поимѣте, ведѣте), пожрите (Лев. XIX. 5, Остр. положите), послѣте (Числ. XXXI. 4, Остр. послѣте), ѡтослѣте (Быт. XLV. 1, Остр. другой текстъ ѡстѣпѣте), сѣдите (Р. IV. 2, Остр. и Первоп. сѣдѣте), въздѣжите (Ис. 133. 2, Остр. въздѣжите, Первоп. въздѣжите), повѣрзѣте (Быт. XXXV. 2, Остр. поврѣзѣте, Первоп. какъ въ Новой), прѣидѣте (3 Ездры IV. 14, Остр. прѣидѣте, Первоп. какъ въ Новой), вѣдите, возмите, принесите (Числ. XVI. 16. 17, Остр. вѣдѣте, взмѣте, принесѣте, Первоп. вѣдѣте, возмѣте, принесѣте) прикоснитесѧ (ibid. 26, Остр. прикоснетесѧ, Перв. какъ въ Новой), прѣидѣте, взыдите, помозѣте (I. Нав. X. 4, Остр. възындѣте, помозѣте, Первоп. възыдите, помозѣте), ѡнѣрзѣте, ѣзведѣте (I. Нав. X. 22, Остр. ѡнѣрзѣте, ѣзведѣте, Перв. какъ въ Новой), донесѣте, поимѣте (Быт. XLIII. 11. 13, Остр. донесѣте, но поимѣте, Первоп. какъ въ Новой), ѣмѣте (II. II. II. 15, Остр. ѣмѣте, Первоп. изъявит. ѣмете), плачите (2 Цств. I. 24, Остр. такъ же), ѡтросѣте, разсыплѣте (Дан. IV. 11, Остр. постѣцѣте, расыплѣте, Перв. постѣцыте, разсыплѣте) и т. д. Исконныя формы съ -ѣте не встрѣчаются совсѣмъ въ Новой библіи. вмѣсто нихъ находимъ позднѣйшія новообразованія, какъ въ русскомъ. Въ Первопечатной онѣ встрѣчаются, но очень рѣдко (одинъ

случай изъ всѣхъ вышеприведенныхъ). Новообразования съ -ите встрѣчаются довольно часто уже въ Острожской библии; нерѣдки также здѣсь и въ Первопечатной замѣны повелит. наклоненія изъявительнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Новой уже имѣемъ новообразование съ -ите (Новая бѣдите, Остр. вѣдете) и т. д. Подъ вліяніемъ перваго лица ед. числа побѣжда, оувѣжда и такихъ отношеній, какъ стѣни—стѣните, берѣ—берѣте и т. д., возникаетъ вторичная форма втораго лица множ. оувѣждѣте (1 Цств. XIV. 38, Остр. и Первоп. изъявит. вмѣсто повелит. оувѣсте), рядомъ съ исконными формами оувѣдите (Числ. XVI. 30, Остр. да оувѣсте), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣдите) и т. д. Возстановленіе первичнаго заднеязычнаго согласнаго подъ вліяніемъ родственныхъ формъ представляетъ форма стрегѣте (Ис. XXI. 11, Остр. снабдите). Глаголь хошѣ имѣетъ во второмъ лицѣ множ. ч. хошѣте (Перем. XIII. 15. Только въ Острожской и Первопечатной, въ Новой другой текстъ). Третье лицо множ. числа не встрѣчается. Вмѣсто него имѣемъ всегда изъявительное наклоненіе съ частицей да. Также не встрѣчаются формы типа стсл. бнмавъ, бнмавъ, бнмаѣте, имѣвшіяся въ старослав. Вмѣсто нихъ находимъ болѣе новыя формы, какъ бѣйте (Числ. XXV. 17, Остр. бѣте, Перв. какъ въ Новой), ѣзвѣте (ibid. 5, Остр. какъ въ Новой, Перв. ѣзвѣте) и т. д. Формальное тожество изъявительнаго и повелительнаго у извѣстныхъ основъ, повидимому, послужило источникомъ дифференціаціи ихъ по ударенію. Такъ 2 Парал. XIX. 6. 7 читаемъ: вѣдите, что вы творите, не человѣческой во вы сѣдз творите... ѣ нынѣ да бѣдетъ страхъ Гдѣнь на васъ, ѣ хранѣте, ѣ творѣте, ѣкакъ нѣсть... неправды и т. д. (Остр. творите, сѣтворѣте || повел. творѣте); сѣдите повел. (Зах. IX. 12, Остр. и Первоп. сѣдете), но сѣдите изъяв. (Суд. XVIII. 8, Остр. другой текстъ), изъявит. да въ заповѣдехъ моихъ ходѣте, ѣ сѣды мои ѣхранѣте, ѣ сотворѣте ѣ (Иезек. XXXVI. 27, Остр. ходѣте..., снабдите..., сѣтворѣте..., Перв. ходѣте... снабдите... сотворѣте), но сотворѣте повелит. (Исх. XXIII. 14. 15. Остр. сѣтворѣте, снабдите, Перв. сотворѣте, снабдите), повел. гадѣте (Исх. XXIII. 15, Остр. и Первоп. такъ же), но изъявит. гадѣте (Иезек. XXXIV. 3, Остр. гадѣте)

и т. д. Удареніе на самомъ личномъ окончаніи свойственно только формамъ изъявительнаго наклоненія, а въ повелительномъ оно является большею частью на послѣднемъ гласномъ основы: изъяв. творитѣ || повел. творитѣ. Въ томъ случаѣ, если удареніе находится на корнѣ, дифференціаціи между повелит. и изъявительн. не наблюдается: изъяв. вѣдите || повел. сѣдите. Подобной дифференцировки помощью ударенія мы также не находимъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъявительное наклоненіе отличается уже отъ повелительнаго: послете изъяв. (1 Цств. VI. 3, Остр. и Первоп. такъ же) и послите повелит. (Числ. XXXI. 4, Остр. послите, Перв. какъ въ Новой), хотя это и не проведено строго: испіете изъявит. (Иезек. XXXIX. 18, 19) и пйте повелит. (ibid. 17. Остр. испіете и піете, Первоп. испіете и піете), приведете изъявит. (Мал. I. 8, Остр. приведете, Первоп. какъ въ Новой) и повелит. ведите (3 Цств. I. 33), изведите (I. Нав. X. 22) и т. д. Случай такой акцентуаціи 2-го лица множ. ч. изъявительнаго наклоненія очень часты: ѿ да не ѿсквернитесѧ (Лев. XVIII. 30, Остр. ѡсквернитесѧ, Первоп. ѡсквернитесѧ), такъ да не сотворитѣ (ibid. Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да не сотворитѣ (ibid. XXIII. 3, Остр. и Первоп. творитѣ), да раздѣлитѣ (Лев. XXV. 46, Остр. и Первоп. раздѣлитѣ), ѿще... сохраните ѿ сотворитѣ (ibid. XXVI. 3, Остр. снабдите, сѣтворитѣ, Перв. снабдите, сотворитѣ), вселитесѧ (ibid. 5, Остр. вселитесѧ, Перв. какъ въ Новой), ѿще же не послушаете... ниже сотворитѣ (ibid. 14, Остр. послушаете... сѣтворитѣ, Первоп. какъ въ Новой), ни покоритесѧ (ibid. 15, Остр. другой текстъ), егда же согрѣшитѣ, ѿ не сотворитѣ (Числ. XV. 22, Остр. сѣгрѣшите, сѣтворитѣ, Перв. какъ въ Новой), да не сотворитѣ (ibid. XXIX. 7. 12, Остр. сѣтворитѣ и сѣтворитѣ, Первоп. сѣтворитѣ), ѿ да не ѿскверните землі, на нейже живете (ibid. XXXV. 34, Остр. ѡскверните, живете, Первоп. какъ въ Новой), словеса, ѿже сотворитѣ (Второз. I. 18, Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да поживете (ibid. IV. I, Остр. поживете, Первоп. какъ въ Новой), да не приложитѣ (ibid. 2, Остр. и Первоп. приложитѣ), потребитесѧ (ibid. 26, Остр. потребитесѧ, Первоп. какъ въ Новой), да вонтесѧ

(*ibid.* VI. 2, Остр. да сѣмъ бѣйте, Первоп. да сѣмъ бѣйте), дѣндеже ѣскоренитѣ (*ibid.* VII. 23, Остр. 2 л. ед.), ѣкѣмъ сотворитѣ (*ibid.* XXXI. 29, Остр. сотворитѣ), оѣклонитѣсѣмъ (*ibid.* Остр. и Перв. склѣнитѣсѣмъ), ѣще оѣвѣмъ не возвѣститѣ (Дан. II. 5. 9, Остр. не совѣститѣ, Перв. не совѣститѣ), ѣще же возвѣститѣ (*ibid.* 6, Остр. совѣститѣ, Перв. совѣститѣ), ѣще ѣстеѣмъ ѣдетѣ, не вы ли ѣсте ѣдетѣ (Зах. VII. 6, Остр. ѣсте, ѣдетѣ, Перв. какъ въ Нов.), ѣще... повелитѣ... ѣ поѣчитѣ (3 Езд. XIV. 34, Остр. повелитѣ, поѣчитѣ, Перв. какъ въ Новой), ѣще привелетѣ (Мал. I. 8, Остр. привелетѣ, Перв. какъ въ Новой), да... воцаритѣсѣмъ, да поживетѣ (Притчи С. IX. 6, Остр. взцѣритѣсѣмъ, поживетѣ, Первоп. воцаритѣсѣмъ, поживетѣ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, случаи такой акцентуаціи начинаютъ встрѣчаться уже въ Острожской библии, Первопечатная представляетъ ихъ еще чаще, но особенно часты они въ Новой.

Источникомъ ея надо считать русскія діалектическія формы съ подобнымъ удареніемъ, какъ *ходитѣ*, *носятѣ* и т. д., малор. *несетѣ*, *плететѣ*, *горитѣ* и т. д., особенно послѣднія.

Дифференціація тождественныхъ формъ втораго лица множ. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненія при помощи ударенія, имѣющая въ малорусскомъ, вполнѣ напоминаетъ только что разсмотрѣнную церковнославянскую, для которой она и послужила, очевидно, главнымъ источникомъ: хвалитѣ изъяв. || хвалите повел., горитѣ изъяв. || горите повелит.; ср. также параллели—плететѣ || плетите, несетѣ || несите, гребетѣ || гребите, печетѣ || печите, мретѣ || мрите, бьетѣ || бьите, беретѣ || берите и проч. Весьма вѣроятно, что эти разницы акцентуаціи вызвали и церковнославянскія параллели въ родѣ творитѣ изъяв. || творите повелит. Акцентуація втораго лица множ. ч. изъявительнаго на окончаніи -те представляетъ собой вполнѣ вѣроятную ираславянскую еще особенность (ср. Н. Hirt. Zu den slavischen Auslautsgesetzen. Indogerm. Forschungen. Bd. II. 1892, стр. 347, а также Брандта. Начертаніе славянской акцентологіи. 1880, стр. 92. Прим. 2).

Рѣдкое третье лицо множественнаго числа повелительн. стсл. бждж, вмѣсто котораго мы ожидали бы въ церковнославянскомъ *бѣдѣж, замѣняется соотвѣтствующей формой изъявит. съ частицей

да: да вѣдѣтъ чресла ѡша и т. д. (Лук. XII. 35, Остр. и Первоп. такъ же, Зограф. Ассеман. Савина Кн.: вѣдѣ урѣсал ваша и т. д.).

У Мел. Смотрицкаго въ двойств. и множеств. числахъ повелит. находимъ обыкновенно формы изъявительнаго наклоненія: чтѣ ты, да чтѣтъ ѡнѣ, муж. и ср. чтѣма, чтѣта, да чтѣта; женск. чтѣмѣ, чтѣтѣ, да чтѣтѣ; чтѣмѣ, чтѣте, да чтоутѣ (л. 192 на об.—193); то же самое въ такъ называемомъ „будущемъ повелительномъ“: прочтѣ, да прочтѣтъ и т. д. (л. 193). Ничѣмъ почти не разнится отъ этихъ формъ его „молительное наклоненіе“: чтѣ ты, чтѣ ѡнѣ; дв. м. и ср. чтѣма, чтѣта, чтѣта; ж. р. чтѣмѣ, чтѣтѣ, чтѣтѣ; чтѣмѣ, чтѣте, да чтоутѣ (л. 193 на об.). „Будущее молительное“ отличается только прибавленіемъ префикса про и еще 2 л. мн. прочтѣте. У глаголовъ нетематическихъ, какъ стел. вѣмѣ, находимъ у М. Смотрицкаго частью формы дв. и множ. ч., образованныя подѣ влияніемъ второго лица ед. ч., частью новообразованія по типу глаголовъ тематическихъ: вѣждѣ ты, да вѣждѣ ѡнѣ; дв. м. и ср. вѣждѣма, вѣждѣта, да вѣждѣта, ж. вѣждѣмѣ, вѣждѣтѣ, да вѣждѣтѣ; мн. вѣждѣмы, вѣждѣмѣ, вѣждѣте, да вѣждѣтъ (л. 239 на об.). Почти то же находимъ и въ его „молительномъ наклоненіи“ нетематическихъ глаголовъ: вѣждѣ ты, вѣждѣ ѡнѣ; м. и ср. дв. вѣждѣма, вѣждѣта, вѣждѣта; ж. вѣждѣмѣ, вѣждѣтѣ, вѣждѣтѣ; мн. вѣждѣмы или вѣждѣмѣ, вѣждѣтѣ, да вѣждѣтъ (л. 139 на обор.). Иначе представляется повелительное глагола имѣ, гдѣ мы находимъ смѣсь исконныхъ формъ и новообразованій: ѡждѣ ты, да ѡждѣ ѡнѣ; дв. муж. и ср. ѡждѣма, ѡждѣта, да ѡждѣта; ж. ѡждѣмѣ, ѡждѣтѣ, да ѡждѣтѣ; мн. ѡждѣмы или ѡждѣмѣ, ѡждѣте, да ѡждѣтъ (л. 244); „будущее повелительное“ въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя особенности: енѣждѣ ты, да енѣждѣ ѡнѣ; дв. м. и ср. енѣждѣма, ждѣта, да, дѣта; ж. енѣждѣмѣ, ждѣтѣ, да, енѣждѣтѣ, мн. енѣждѣмы или енѣждѣмѣ, дѣте, да енѣждѣтъ (ibid). По типу тематическихъ глаголовъ образованы формы 2 л. ед. дадѣ, видѣ, ѡдѣ, которыя, однако, самъ авторъ называетъ менѣе употребительными (л. 200). Огромное большинство приведенныхъ здѣсь формъ въ текстѣ Библіи совѣмъ не встрѣчается и должно быть приписано

педантичному творчеству самого автора. Дифференціаціи по ударенію сходныхъ формъ изъявит. и повелит. накл. (особенно 2 л. мн. ч.), подобной вышеуказанной, у М. Смотрицкаго (Московское изданіе) не имѣется: изъяв. 2 мн. чтѣте (л. 190 на обор., изд. Евю чтѣтѣ) и повелит. чтѣте (л. 193), изъяв. 2 множ. творите (л. 215 на обор.), буд. сотворите (л. 216) и повел. творите, сотворите (л. 216 на об. и 217, изд. Евю твѣрите, сотвѣрите), одинаково сотворитесь (л. 223 на об. сторонахъ) и т. д. Исключеніе представляютъ формы 2 л. мн. „буд.“ прочтѣте (л. 192) и „буд. повел.“: прочтѣте (л. 193), а также 2 л. мн. „наклоненія подчинительнаго“, вида совершеннаго: чтѣтѣсь (л. 207).

Евюнское изданіе представляетъ больше случаевъ такой дифференціаціи, Московское же, приуроченное до известной степени къ московскому (великорусскому) нарѣчію, сохраняетъ ее, кажется, только по недосмотру въ рѣдкихъ случаяхъ. Это обстоятельство подтверждаетъ косвеннымъ образомъ высказанное выше предположеніе, что источникомъ помянутой дифференціаціи является подобная же малорусская. Другимъ подтвержденіемъ является акцентуація изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, находямая у Лаврентія Зизанія. Здѣсь имѣется дифференціація, вполне напоминающая малорусскую и церковнославянскую: „изъявит. будущ.“ іавитѣ, іавитѣ (л. 57 на об.), но „повелит. будущ.“ дѣ іавита, іавите (л. 58); спасита, спасите (л. 63), „настоящее изъявит.“ гласита, гласите (л. 68 на обор.) и изъявит. будущ. възгласита, сите (л. 69), но повелит. будущ. възгласита (л. 71), възгласите (л. 71 на об.), „молитвенное дѣлат. настоящ.“ дѣ гласита, гласите (л. 71 на об.), „молитв. будущ.“ дѣ нозгласиѣ... итѣ, къгласите (л. 72), настоящ. изъявит. вѣста, вѣстѣ (л. 72 на об.) и т. д.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ сохраняетъ въ общемъ старославянскія черты тематическаго образованія, хотя у перваго замѣчается не мало новообразованій, а также и склонность къ замѣнѣ формъ простыхъ формами сложными. Старинное краткое причастіе дѣйствительн. залога м. р. встрѣчается довольно рѣдко: м. р. хсѣдѣ (2 Цств. VII. 6, Остр. ирѣвыкѣдѣ), хотѣдѣ (3 Цств. XIII. 1, Остр. такъ же).

молча (ibid. XXI. 7, Остр. молча, Первоп. какъ въ Новой), ища (2 Пар. XXVI. 15, Остр. другой текстъ), видѣ (1 Макк. IV. 35, Остр. другой текстъ), мща (Пс. XCVIII. 8, Остр. такъ же), потѣса, тѣса (Прем. I. Сир. XI. 11, Остр. потѣса, тѣса), сказа, разрѣша (Дан. V. 12, Остр. сказа, разрѣша), глаголѣ (Быт. XLIV. 32, Остр. другой текстъ), стена (Быт. IV. 12. 14, Остр. такъ же), плача (Перем. Плачъ I. 2, Остр. плача), поница, притворѣса (Ис. Сир. XIX. 24, Остр. поница, раслѣша), пѣ (Дук. VII. 33—34, Остр. пѣа, Первоп. пѣа) и т. д.; въ значеніи средняго рода (рѣдко): ѡслѣпа (Зах. XI. 17, Остр. ѡслѣпа, Первоп. какъ въ Новой), просвѣща (I. Сир. XLII. 16, Остр. свѣтѣса). Рядомъ гораздо чаще сложныя формы: спѣй (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Перв. спѣ), зиждай (3 Ц. IX. 1, Остр. и Перв. зижда, Пс. CXLVI. 2, Остр. зижаи, Первоп. какъ въ Новой), помогай (1 Ездры X. 15, Остр. помогаша), приходѣй, разѣмѣй (Ием. X. 28, Остр. разѣмѣи, оукрѣплѣиса, но проклинаѣ), хотѣй (1 Макк. VII. 5, Остр. хотѣи), ѡболгай (2 Макк. III. 11, Остр. зносѣ, Перв. ѡносѣ), вывай (ibid. IV. 5, Остр. вываи), созидѣй, ѡсновѣй (Зах. XII. 1, Остр. сзидѣа, Перв. созидѣй), мѣстѣй, потревлѣй (Наумъ I. 2, Остр. мѣстѣи, ѡчищаѣй, Перв. мѣстѣй, мѣстѣй, ѡчищаѣй), запрецаѣй, ижешаѣй, ѡпѣстошаѣй (ibid. 4, Остр. запрецаѣи, послѣшаѣй, ижешаѣи, оумалѣай), присѣдѣй (Иов. XXXI. 9, Остр. присѣдѣа, Первоп. присѣдѣа), сѣдѣй (Быт. XLIX. 17, Остр. и Первоп. сѣдѣа; Второз. VI. 7, Остр. сѣдѣи, Перв. какъ въ Новой), видѣй (ibid. XIII. 1, Остр. видѣа, Первоп. видѣа), ѡсѣзаѣй, помогай (ibid. XXVIII. 29, Остр. ѡсѣзаѣи, но помагѣа, Перв. ѡсѣзаѣй, но помагѣа), гонѣй (Суд. IV. 16, Остр. женыи), сѣдѣй (ibid. XI. 27, Остр. друг. текстъ), илѣй (Иов. VI. 5, Остр. илѣа, Первоп. какъ въ Новой), боѣиса (ib. VII. 2, Остр. боѣиса), держѣиса (I. Сир. IV. 14, Остр. дрѣжаиса), трѣждаѣиса (ib. XI. 11, Остр. трѣждаѣиса), возвѣщаѣй (Дан. V. 12, Остр. свѣстѣа, Первоп. совѣстѣа), дѣлаѣй (Быт. IV. 2, Остр. дѣлаѣа, Первоп. дѣлаѣа) и т. д. Никакихъ особыхъ отѣнковъ значенія съ той или другой формой, повидимому, не со-

единено, ср. совершенно тождественныя синтактическія построенія: виннѣ ѿщетъ мѹжъ хотѣ ѿлѹчитисѣ ѿ дрѹгѹвъ (Притчи С. XVIII. 1, Остр. хотѣ) и лѹчше ѣсть оѹвогъ ходѣи въ простотѣ своѣй (ibid. XIX. 1, Остр. ходѣи) или велика вещь челсвѣкъ, ѿ драгѣм мѹжъ творѣи мѣлость (ibid. XX. 6, Остр. творѣи) и т. д. Нерѣдки случаи безразличнаго употребленія рядомъ простыхъ и сложныхъ формъ: ѿ да вѣдетъ Данъ змѣи на пѹти, сѣдѣи на распѹти, оѹгрызѣмъ пѣтѹ консѣвѹ (Быт. XLIX. 17, Остр. сѣдѣ... хѣплѣмъ, Первоп. сѣдѣ... хѣплѣмъ); ѣсть трѹждѣмисѣ ѿ потѣсѣ ѿ тѣсѣ (Ис. Сир. XI. 11, Остр. трѹждѣмисѣ, потѣсѣ, тѣсѣ); ѿ смѣслъ (ѿбрѣтесѣ) въ нѣмъ, сказѹмъ снѣи, ѿ возвѣщѣмъ сокровѣниамъ, ѿ разрѣшѣмъ соѹзы (Дан. V. 12, Остр. сказѣмъ, свѣстѣмъ, разрѣшѣмъ) и т. д. Тѣмъ не менѣе, кажется, можно видѣть у формъ сложныхъ нѣкоторыя, болѣе независимыя и субстантивныя, такъ сказать, оттѣнокъ значенія, чѣмъ у формъ простыхъ. Этимъ оттѣнкомъ, вѣроятно, объясняется послѣдовательное употребленіе сложной формы въ такихъ случаяхъ, какъ; воѣисѣ Гда сотворѣтъ сѣѣ, ѿ держѣисѣ закона постигнетъ ѿ (Прем. I. Сир. XV. 1, Остр. воѣисѣ, держѣи); любѣи ѿ (премудрость) лѹбитъ жѣзнь... держѣисѣ ѣѣ наследитъ слѣвѣ... слѣшѣи ѣѣ, сѣдѣи ѿмѣтѣ ѿзыки, ѿ внимѣи ѣѣ, вселѣтсѣ надѣвѣсѣ (Ibid. IV. 13. 14. 15. 16. Остр. любѣи, держѣисѣ, послѣшѣи, внимѣи) и т. д. Напротивъ, простыя формы имѣютъ болѣе зависимое, такъ сказать, вербальное, а иногда адвербіальное значеніе: вѣхъ ходѣ (2 Цств. VII. 6); ѿсѣвоѣамъ стоѣше... жрѣти хотѣ (3 Цств. XIII. 1); востѣни ѿ молчѣ вѣди (ibid. XXI. 7); оѹднѣлѣнъ вѣсть ѿщѣѣ пѣмѣи... (2 Пар. XXVI. 15); въ библіяхъ Острожской и Первопечатной (особенно въ первой) это различіе въ оттѣнкахъ проведено послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Новой, въ которой берутъ верхъ формы сложныя. Въ роли подлежащаго является обыкновенно сложная форма, а въ роли сказуемаго или другого какого-нибудь члена предложенія—формы простыя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если въ Новой библіи имѣется уже сложная форма, мы находимъ простую форму въ Острожской или Первопечатной (въ послѣдней рѣже), тогда какъ сложное причастіе подлежащее

и въ Острожской уже является въ сложной формѣ: ѿ сѣ Саѡлъ снѡй снѡмъ въ колесницѣ царствѣй, ѿ коніе ѣгѡ водружено въ зѣмлю (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Первон. снѡ); ѿ бысть ѣгда сконча Голомѡнъ зѣждай храмъ Гдѣнь (3 Ц. IX. 1, Остр. и Первон. зѣжда); ѿ не ѡкоже въ ѡболгѡмъ нечестивый Гѡмѡнъ (2 Макк. III. 11, Остр. зносѡ, Первон. сносѡ); ѿ ѡще присѣдѡй быхъ при двѣрехъ ѣдѡ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѡ, Перв. присѣдѡ); встрѣчаются однако и противоположные случаи: ѡще же востанетъ... прѡрокъ, ѿмѡ видѡй сѡпѡе, ѿ дастъ тебѣ знаменіе (Второз. XIII. 1, Остр. видѡ, Первон. вѣдѡ); драгѡмъ (вѣщю) мѡжъ творѡмъ мѡлѡсть (Притчи С. XX. 6, Остр. творѡмъ) и т. д. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ только зародышъ известной дифференціаціи простыхъ и сложныхъ формъ причастія настоящаго дѣйств. м. р. въ отношеніи значенія и употребленія; зародышъ этотъ, имѣвшійся уже въ старославянскомъ (ср. Зогр. Ев. Лук. XI. 10: всѡкъ бо просѡ приемлѣтъ, ѿ нѡшта обрѣтлѣтъ) и т. п., однако, дальнѣйшему развитію не подвергся.

Необходимо замѣтить, что все сказанное здѣсь относится только къ причастію настоящ. дѣйств. м. р. на -а (у глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ настоящ. времени гласный -и- или суффиксы -jo-, -je-); причастіе же м. р. на -ы- (отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ) въ церковнославянскомъ совершенно утратило простую форму и является только въ сложной: ѡдѡй (2 Ц. V. 10, Остр. ѡдѡмъ), сѡй (1 Парал. II. 21, Остр. сѡмъ), ѡдѡй ѿ растѡй (ibid. XI. 9, Остр. ѡдѡмъ ѿ растѡмъ, Первон. какъ въ Новой), прѡстрѡй (Зах. XII. 1, Остр. прѡмъ), насѡй (Исх. III. 1, Остр. насѡмъ), крадѡй (Второз. XXIV. 7, Остр. крадѡмъ, Первон. крадѡмъ), могѡй (1 Нав. XIV. 11, Остр. могѡмъ, Первон. какъ въ Новой), ѡдѡй ѿ гѡдѡй (Суд. XIV. 9, Остр. ѡдѡмъ, ѡдѡмъ), зонѡй (1 Ц. III. 9, Остр. зонѡмъ), ждѡй (Іов. VII. 2, Остр. ждѡмъ), свѣдѡй (ibid. 20, Остр. свѣдѡмъ, Первон. свѣдѡмъ), процвѣтѡй (ibid. XIV. 2, Остр. процвѣтѡмъ), клѡнѡйсѡ (Іер. XIV. 4, Остр. клѡнѡйсѡ), вѡгѡцвѣтѡй (Дан. IV. 1, Остр. вѡгѡ цвѣтѡмъ, Первон. какъ въ Новой), трасѡйсѡ (Быт. IV. 12. 14, Остр. трасѡйсѡ), ѡдѡй (Лук. VII. 33. 34, Остр. ѡдѡмъ, ѡдѡмъ, Первон. ѡдѡмъ, ѡдѡмъ).

Зогр. Е. ѣды), вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. вѣды), ѿвсргійса (Лук. XII. 9, Остр. ѿвръгійса, Зогр. отъврѣгы) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, замѣна простой формы сложною имѣется уже въ Острожской библии; форма простая встрѣчается здѣсь весьма рѣдко; Первопечатная ближе въ этомъ отношеніи къ Новой, хотя и въ ней изрѣдка можно найти простую форму, въ Новой совершенно вытѣсенную сложной. Въ значеніи средняго рода форма эта встрѣчается очень рѣдко и тоже только въ сложномъ видѣ: ѡце во тѣло твоє... не ѡмый нѣкіа части тѣмны, бѣдетъ свѣтло (Лук. XI. 36, Остр. ѡмы, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. ѡмы). Обыкновенно же, вмѣсто этой болѣе древней формы, мы находимъ для средняго рода сложную форму, образованную подъ вліяніемъ основы косвенныхъ надежей: лицѣ ѣгѡ бѣ градѹщес ко Іерѹсалѣмѹ (Лук. IX. 53, Остр. градѹи, Перв. градѹій, Зогр. градѹи, Ев. Добрил. 1164 градѹи); свидѣтельство Гдѣне вѣрно, оумѣдрѡющеє младѣнцы (Ис. XVШ. 8, Остр. оумѣдрѡа, Перв. какъ въ Новой); ѡблѣчѣє ѣгѡ высѡко, стоѡщеє преѡ лицѣмѹ твоѡмѹ (Дан. II. 31. Остр. и Первоп. стоѡ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, простая форма была еще въ Острожской библии, въ Первопечатной встрѣчается рѣже, а въ Новой совсѣмъ вытѣснена сложной формой. Рядомъ съ приведенными выше исконными простыми и сложными формами причастія настоящ. дѣйств. м. и ср. рода, являются и довольно многочисленныя (именно въ муж. р.) новообразованія.

Такъ, въ церковнославянскомъ весьма часта простая форма причастія муж. р., тождественная съ исконнымъ винит. ед. муж. рода (простой формы): стоѡщи (1 Цств. XXVШ. 20, Остр. и Первоп. стоѡ), шѡщи (3 Ц. XX. 12, Остр. ѡспивалѹ), стрѡщи (2 Макк. II. 13. Остр. стрѡщи, Первоп. стрѡщи), хотѡщи (ibid. III. 8. Остр. кончѡа, X. 24, Остр. друг. текстъ, V. 9. Остр. и Перв. хотѡ), вѣдѡщи (ibid. VII. 28. Остр. друг. текстъ), возносѡщи (ibid. 34, Остр. възносѡ, Первоп. възносѡ), терпѡщи (ibid. 39, Остр. друг. текстъ), ѡмѣющѹи (ibid. VIII. 3, Остр. друг. текстъ), възимѡющѹи (ibid. 6, Остр. възимающѹи, Перв. възимѡющѹи).

лышѹщѹ (ibid. IX. 7, Остр. ѳгнесдышѹщѹе, Первоп. дышѹ), лежѹщѹ (ibid. 21, Остр. и Первоп. лежѹ), ѡвходѹщѹ (ibid. 25, Остр. друг. текстъ), послѣдѹющѹ (ibid. 27, Остр. винит. родит. послѣдѹющѹа), ѿмѹщѹ (ibid. X. 13, Остр. другой текстъ), радѹщѹ (ibid. XI. 15, Остр. радѹ, Первоп. радѹ), вѣжѹщѹ (ibid. XII. 22, Остр. другой текстъ), взираѹщѹ (ibid. 45, Остр. зрѹи, Первоп. зрѹи), лаѹщѹ (ibid. XV. 15, Остр. прош. дѹвши, Первоп. дѹвл), содержѹщѹ (3 Макк. II. 3, Остр. сздржѹан, Первоп. содержѹаи), любѹщѹ (3 Макк. II. 9, Остр. и Первоп. любѹ), оумножѹющѹ (ibid. 19, Остр. другой текстъ), лежѹщѹ (3 Ездры III. 1, Остр. лежѹхѹ, X. 30. Остр. друг. текстъ), глагѹющѹ (3 Ездры X. 29, Остр. и Первоп. глѹици въ значеніи муж. р., VI. 17, Остр. глѹици, Первоп. глѹици) и глагѹющѹ (ibid. IX. 30, Остр. глѹици въ значеніи им. ед. м. р. Первоп. глѹици), мѣрѹщи (ibid. IX. 1, Остр. мѣрѹщи, Первоп. мѣрѹщи въ значеніи им. ед. м. р.), ѿсходѹщѹ (ibid. XII. 17, вин. ед.: Остр. ѿсходѹщѹи, Первоп. какъ въ Новой), разноѹщѹ. ѿмѹщѹ (Лев. XI. 3, Остр. дѣлѹ, копыта, Первоп. дѣлѹ, копыта), вѣлѹщѹ, радѹщѹ (Лев. XIII. 19, Остр. вѣлѹщѹ, радѹщѹ, Первоп. вѣлѹщѹ, радѹщѹ). царствѹющѹ (Эсѹ. III. 13, Остр. цѣрѣствова), вѣжѹщѹ (Ис. Сир. XI. 10, Остр. и Первоп. вѣжѹ), покарѹщѹ (Ис. III. 8, Остр. покарѹщѹтсѹ) и т. д. Форма эта, какъ видно изъ цитатъ, является главнымъ образомъ въ Новой библіи и здѣсь преимущественно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя подверглись особенной переработкѣ для Елизаветинской редакціи, т. е. въ книгахъ Маккавеевъ, Эздры, Эсѹири и друг. (см. статью Чистовича объ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Православное Обозрѣніе 1860, № 5, стр. 42, 54). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ этихъ новообразованій встрѣчаемъ болѣе древнія, исконныя формы простого причастія наст. врем. м. р. Здѣсь встрѣчается только винит. ед., какъ, напри- мѣръ, ѿсходѹщѹи (Остр. 3 Ездры XII. 17), ѡстоѹщи (2 Макк. XII. 29, Первоп. ѡстоѹщи, Нов. ѡстоѹщѹи) и т. д. Зато здѣсь встрѣчаемъ довольно часто форму женск. рода или именит. множ. (простую) въ значеніи имен. ед. муж. р.: выхѹ глѹици (3 Ездры X. 29, VI. 17. Нов. глагѹющѹ), лежѹхѹ скорѹщи (3 Ездры III.

1, Нов. иначе), мѣрѣици (Остр.) и мѣрѣици (Первоп. 3 Ездры IX. 1, Нов. мѣрѣици) и т. д., взимающе (2 Макк. VIII. 6, Нов. взимающе), дышѣице (ibid. IX. 7, Первоп. дышѣи, Нов. дышѣици), глѣюще (Остр. 3 Ездры IX. 30, Первоп. глѣици, Нов. глаголюци) и т. д. Употребление простой формы ж. р. вм. м. р. изрѣдка наблюдается и въ Новой библии: по всемѣ, ѣлику просиѣи ѣси ѿ Гда Бга твоегѣ..., глаголюци (Второз. XVIII. 16, Остр. и Первоп. глѣюще), и ѣще смириѣтсѣ (врагѣ) и поидетѣ пониѣици (I. Сир. XII. 11, Остр. и Перв. также пониѣици) и т. д., какѣ въ современномъ русскомѣ. Формы простаго именит. множеств. въ значеніи именит. ед. муж. р. въ Новой библии не встрѣчается. Это употребленіе было свойственно (изрѣдка) Острожской библии, въ Первопечатной встрѣчается еще рѣже, а въ Новой исчезаетъ совершенно, что объясняется, очевидно, болѣею (въ известномъ смыслѣ) исправностью текста этой послѣдней. Подобное вышеприведенному новообразованію муж. р. (вѣжѣици, худѣици и т. д.) имѣется и въ среднемъ родѣ (очень рѣдко): ѿстоѣице (1 Макк. VIII. 4: и мѣсто вѣ далѣе... Остр. и Первоп. ѿстоѣи). Въместо этихъ вторичныхъ простыхъ формъ муж. и ср. р. встрѣчаются и сложныя формы, развившіяся изъ нихъ подъ вліяніемъ вообще исконнаго параллелизма простыхъ и сложныхъ формъ у другихъ морфологическихъ категорій (именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. д.): муж. р. словѣици (2 Макк. XIV. 37, Остр. слѣици, Первоп. слѣици), вин. ед. худѣици (Аввак. I. 6, Остр. другой текстъ вин. ж. р.), покрывѣици (Лев. IV. 8, Остр. иначе иже на...), возрастѣици (I. Сир. XLIII. 8, Остр. ж. р.), двѣжѣици (Быт. VII. 21, Остр. ср. р. двѣжѣици), плѣжѣици (Лев. XI. 41, Остр. плѣжѣици, Первоп. плѣжѣици), вѣици, размышѣици (I. Сир. XXXIX. 1, Остр. другой текстъ), вѣици (вин. ед. Лев. XIII. 25, Остр. иначе: вѣици), ѿставѣици (Притчи II. 17, Остр. ѿставѣици, Первоп. ѿставѣици), дѣржѣици (Иезек. XLVIII. 18, Остр. дѣржѣици, Первоп. дѣржѣици) и т. д., ср. р. дѣржѣици (3 Ц. VII. 36, Остр. другой текстъ), содержѣици, имѣици (2 Макк. IX. 18, Остр. простая форма имѣици, Первоп. имѣици), худѣици (Лев. XI. 42.

Остр. другой текстъ, м. р. ходѣи), влещѣещѣ, провѣлѣющѣещѣ (Лев. XIII. 24, Остр. влещѣсѣ, вѣлѣющѣсѣ, Первоп. влещѣсѣ, вѣлѣющѣсѣ), продолжѣющѣещѣ (Иезек. XLVII. 19, Остр. другой текстъ), ѣзмѣнѣющѣещѣ (Лев. XIII. 7, Остр. и Первоп. ѣзмѣнѣющѣи), процвѣтѣющѣе (Лев. XIII. 57, Остр. и Первоп. процвѣтѣсѣ), прѣвывѣющѣе (Лев. XIV. 44, Остр. прѣывѣетѣ), вселѣещѣ (Притчи С. XVII. 22, Остр. весѣло), восходѣещѣ (Ис. Сир. XXVI. 20, Остр. възходѣсѣ, Первоп. възходѣсѣ), възвѣщѣющѣе (I. Сир. XLIII. 2, Остр. проповѣдѣсѣ), дышѣещѣ (ibid. 4, Остр. иначе), пожигѣющѣе (ibid. Остр. ср. р. жегѣи, Первоп. жегѣи), простирѣющѣе (ibid. Остр. простираѣсѣ, Первоп. простираѣсѣ), оумалѣющѣещѣ (ibid. 7, Остр. оумалѣсѣ, Первоп. оумалѣсѣ), сѣющѣе (I. Сир. I. 7, Остр. сѣсѣ, Первоп. сѣсѣ) и т. д. Въ старославянскомъ сложное (опредѣленное) причастіе настоящ. вр. въ муж. родѣ представляло только формы типа несѣи, хвалѣи, въ среднемъ родѣ несѣштеѣ, хвалѣштеѣ. Такимъ образомъ приведенныя выше формы м. р. словѣщѣи, ходѣщѣи и т. д. представляютъ собой несомнѣнныя церковнославянскія новообразованія; напротивъ, формы ср. рода, какъ ѣмѣещѣ, ходѣещѣ и т. д., въ морфологическомъ отношеніи могутъ быть признаны исконными старославянскими, хотя и употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ настоящихъ старославянскихъ памятникахъ.

Тѣ же, приблизительно, отношенія замѣчаются у причастія настоящего времени ж. р. Простая его форма еще встрѣчается довольно часто: живѣщи (4 Ц. IV. 13. 16, Остр. живѣщи, живѣ), ѡбзирѣющѣи (Тов. XI. 4, Остр. друг. текстъ), видѣщи (2 Макк. VII. 20, Остр. такъ же), держѣщи (Быт. XXIV. 45, Остр. дрѣжѣщи), сѣщи (Притчи XXVII. 7, Остр. сѣщи), пождѣющѣи (Числ. XIII. 33, Остр. пождѣщѣи), вслѣдствѣющѣи (Руѡв II. 2, Остр. вслѣдствѣщѣи), оупождѣющѣи (Псалт. XXII. 5, Остр. оупождѣющѣи), ѣзсыхѣющѣи (Зах. XI. 17) и т. д.

Рядомъ находимъ и сложную форму, которая отличается отъ старославянской вслѣдствіе морфологической ассимиляціи къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ: стсл. несѣшти-кѣ || цслав. несѣщѣ-сѣ, какъ доврѣм. кѣкѣ и т. д. Формы эти довольно часты,

и на ихъ мѣстѣ въ Острожской и Первопечатной мы находимъ обыкновенно еще простую форму: вращающася (3 Ц. VI. 34, Остр. иначе), просвѣщающа (Пс. XVIII. 9, Остр. просвѣщающи, Перв. какъ въ Новой), вводища (Иезек. XL. 44, Остр. вводща два раза), ѡкрѣщающа (Быт. II. 11, 13, Остр. 13: ѡбходщи, Первощ. ѡбходщи), проходща (ibid. 14, Остр. идщи, Первощ. идщи), движащася (Быт. VII. 21, Остр. днѣжщащася, Первощ. какъ въ Новой), зеленѣющася, червленѣющася (Лев. XIV. 37, Остр. и Первощ. простое прич. м. р. зеленѣющася, червленѣющася), приобщающася (I. Сир. XXVI. 8, Остр. ѡбщающиса, Первощ. ѡбщающиса), вертащася (I. Сир. XXXIII. 5, Остр. вртащиса, Первощ. вертащиса), срътающа (I. Сир. XLIII. 24, Остр. срътающи, Первощ. срътающи), свѣтащася (I. Сир. L. 7, Остр. и Первощ. свѣтащиса), износаща (ibid. 11, Остр. и Первощ. износащи), сожительствоюща (сія же есть — мужу: Быт. XX. 4, Остр. ѣсть жила) и т. д. Такую же морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ находимъ въ именит. множ. сложной формы: живщи (и рядомъ подъ вліяніемъ современныхъ русскихъ формъ живущіе: I. Нав. X. 6, Остр. живщи и живщи — старославянская форма, Первощ. какъ въ Новой), прешгорчевающин (Ис. LXV. 7, Остр. старинная форма прогнивающеи, Первощ. какъ въ Новой), ѡудержавающин (Притчи XVIII. 21, Остр. старинная форма дрѣжащи, Первощ. держащин), высокогладающин (въ значеніи ср. р. Ис. V. 15, Остр. старинная форма гладающеи, Первощ. какъ въ Новой), пристѣнающин (Иезек. XL. 46, Остр. старинная форма пристѣнающеи, Первощ. какъ въ Новой), колщи (Матѹ. IX. 12, Остр. и Первощ. такъ же), глѣющин (ibid. X. 20, Остр. старинная форма глѣющеи, Первощ. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно, Острожская библія въ большинствѣ случаевъ представляетъ исконную старославянскую форму (стел. несжште-н=цсл. несущи), которая изрѣдка однако и здѣсь уже уступила мѣсто новообразованію, а въ Первопечатной и Новой библіяхъ вытѣснена окончательно. Именительный множ. ж. р. также представляетъ морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прила-

гательнымъ: жены ...оуповающымъ (1 Петра гл. III. 5, Остр. еще исконная форма оуповающамъ, Первоп. какъ въ Новой). То же наблюдается въ винительн. множ. муж. рода: живущимъ (Апок. XIII. 12, 14, Остр. живущамъ, живущаа, Первоп. какъ въ Новой, стил. муж. и женск. живущима) и т. д. Въ Острожской тоже встрѣчается еще старинная форма, тогда какъ Первопечатная и Новая представляютъ уже новообразования. Подробнѣе о различныхъ новообразованияхъ въ склоненіи сложныхъ причастій, см. выше, стр. 293—301. Какъ результатъ взаимнаго вліянія причастій на -а и причастій на -ы, можно привести немногочисленныя формы: вѣдомъ (Неем. X. 28, Остр. тоже вѣдми, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. вѣдомци (Марк. V. 33, Остр. вѣдомци), множ. ч. вѣдомце (Лук. VIII. 53, Остр. такъ же, Зогр. вѣджште), рядомъ съ вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Перв. какъ въ Новой), живмъ (I. Сир. XXV. 10. 11, Остр. живми, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ живый (Іоан. VI. 57, Остр. живыи), жрмъ (ibid. XXXV. 2, Остр. жрми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. У Лавр. Зизанія находимъ рядомъ формы простыя и сложныя: причастіе наст. вр. іавлмъ, ж. юци, ср. юще (л. 59); „прич. страд. наст.“ спасаѣмъ, ж. спасаюцисѣ, ср. спасающеесѣ (л. 68), „прич. дѣлательное“: вимъ, виюци, виюще (л. 74), смъ, ж. смци, ср. смще (л. 77 на об.) и т. д.

Замѣчаются произвольныя попытки временной дифференціаціи формъ различныхъ залоговъ. Такъ у него находимъ формы „будущаго“ причастія (сложныя): авлмъ, авлмъ, авлмъ (л. 59), възглашмъ, възглашмъ, възглашмъ (л. 70—71), виюци, виюци, виюци (л. 74), вѣдмъ, вѣдмъ, вѣдмъ (л. 77) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ разграниченіе сложныхъ формъ отъ простыхъ; первая называется у него *причастіями*, вторая *двепричастіями*; тѣ и другія имѣютъ свое склоненіе. Примѣры: причастіе дѣйств. зал., вида соверш., настоящ. чтми и чтоущи, чтоущамъ, чтоущее; „учащат. вида“: читамъ и читаюци, читающамъ, читающес (л. 198 на об.). Двепричастія: чты и чтоущи, ж. чтоущи, ср. чтоуще (л.л. 199 на обор. и 200); „учащат.“

читаѣмъ и читаюциѣ, ж. читаюци, ср. читающе (л. 200). Причастія: творѣи и творѣици, ж. творѣица, ср. творѣеще (л. 219 на обор.), „учащат.“ творѣи, творѣици и проч. (л. 220). Дѣепричастія: творѣ, творѣиѣ, ж. творѣи, ср. творѣе (л. 220 на обор.) и т. д. Отъ глаголовъ нетематическихъ: причастія — сѣи и соущи, соуща, соуще (л. 237 на обор.); дѣепричастія: сѣ, боудѣ (NB), соущиѣ, ж. соущи, ср. соуще (л. 237—238) и т. д. причастія—м. вѣди и вѣдици, ж. вѣдица, ср. вѣдеще или муж. вѣди, вѣдици, ж. вѣдица, ср. вѣдеще (л. 241); дѣепричастія — вѣдѣ или вѣдиѣ, ж. вѣди, ср. вѣде или вѣдѣ, вѣдиѣ, ж. вѣди, ср. вѣде (л. 242).

Такой же параллелизмъ формъ на -и, -ий и -ѣ, ѣи имѣется и у причастій отъ глагола ѣмъ: ѣди или ѣдици и т. д. ѣди, ѣдиѣ; ѣдоущиѣ, ѣдиѣ; ѣдоущи, ѣдиѣ; ѣдоущо и ѣдиѣ (л. 245). Окончаніе -о въ ѣдоущо, вѣроятно, вызвано стремленіемъ дифференцировать тождественныя формы имен. множ. ѣдущѣ и им. ед. ср. р. ѣдущѣ. Въ общемъ отношеніи между различными формами, находямыя у М. Смотрицкаго, согласуются съ выведенными выше изъ библейскаго текста. Въ текстѣ не встрѣчаются только формы простыхъ причастій (по М. Смотрицкому „дѣепричастій“), въ родѣ чтѣ, сѣ, ѣди, вѣди и т. д. (см. выше). Свообразно также боудѣ, приравниваемое имъ къ формамъ сѣ и соущиѣ. Кромѣ приведенныхъ формъ, большинство которыхъ можетъ быть подтверждено текстами, мы находимъ у него цѣлый рядъ его собственныхъ новообразованій, въ родѣ „дѣепричастія“ будущаго времени: прочтоущиѣ, ж. и, ср. е (л. 201), страд. залога чтѣсѣ, чтоущисѣ, чтоущесѣ (л. 210 на обор.), будущ. страд. залога прочтоущисѣ, прочтоущисѣ, прочтоущесѣ (л. 212) и т. п., которыя мы можемъ оставить въ сторонѣ, какъ не реальныя.

Причастіе страдательнаго залога настоящаго времени въ общемъ не уклоняется отъ старославянскаго, за исключеніемъ довольно частой замѣны суффикса простаго причастія муж. рода ед. ч. -т (цслав. -мъ) = стсл. -мъ, посредствомъ -т' (цслав. -мь): величѣемъ (2 Ц. V. 10, Остр. исличѣемъ, Первон. какъ въ Новой), крѣемъ (4 Ц. XI. 3, Остр. крѣемъ, Первон. какъ

въ Новой), лювѣмь, (1 Макк. VI. 11, Остр. любѣ, Перв. лювѣмь), ѡвѣтѣемь (2 Макк. III. 1, Остр. *verbum finitum*), гонѣмь, ненавѣдимь, ѡгнѣшаемь (*ibid.* V. 8, Остр. гнѣшаемь, ненавѣдѣнъ, Перв. гнѣшаемь, ненавѣдимь), оуѣзвѣемь (*ibid.* VI. 30, Остр. другой текстъ), ѡвѣдимь (Авв. I. 2, Остр. ѡвѣдимь, Первон. какъ въ Новой), любѣмь (Эсѣ. X. 3, Остр. и Первон. гл. IX. любѣмь), вѣдимь (Иов. XXXVII. 21, Остр. невѣдимь, Первон. невѣдимь), оувѣдимь (*ibid.* XXII. 14, Остр. ср. родъ), хвалѣмь, блѣгословѣмь (Ис. IX. 24, Остр. хвалѣма, блѣгвѣмь, Перв. хвалѣмь, блѣгвѣмь), ѡвѣдимь, расхѣнѣемь (Второз. XXVIII. 29, Остр. ѡвѣдѣ, расхѣнѣемь, Перв. ѡвѣдѣ, расхѣнѣемь), ѡдержѣмь (Иов. III. 24, Остр. ѡдрѣжѣмь, Перв. ѡдержѣмь), ловѣмь (Иов. X. 16, Остр. ловѣ, Первон. ловѣмь), двѣжемь (Иов. XIII. 25, Остр. двѣжемь, Первон. какъ въ Новой), знѣемь (*ib.* XVIII. 19, Остр. и Первон. знѣемь), и т. д., но ключѣмь (2 Макк. III. 37, Остр. ключѣмь, Первон. какъ въ Новой), принѣждаемь (*ibid.* VI. 18, Остр. насилѣемь, Перв. насилѣемь), ѡдержѣмь (3 Макк. V. 7, Остр. оудрѣжѣемь), ѡблѣчѣемь (Лук. III. 19, Остр. ѡблѣчѣемь, Первон. ѡблѣчѣемь), мнѣмь (*ibid.* 23, Остр. мнѣмь, Первон. мнѣмь) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, въ Новой библіи преобладаетъ -мь (-*m'*), въ Острожской мы находимъ только -мь (-*m*), а Первопечатная занимаетъ середину между ними. Суффиксъ -мь (-*m*) въ Новой библіи встрѣчается въ частяхъ ея, подвергнувшихся сильному исправленію, и потому едва ли можетъ считаться остаткомъ старины. Скорѣе здѣсь повліяли современныя русскія формы.

У Визанія простыхъ формъ не находимъ (см. ниже, стр. 347—48), а у М. Смотрицкаго -мь, какъ наприм. читѣемь (л. 211), рядомъ и прочѣомь (л. 212), творѣмь (л. 227), творѣемь, сотворѣмь, прочѣомь (*ibid.* на обор.), но опять прочѣомь (л. 260) и т. д.

Простыя формы ед. ч. ж. и ср. рода въ библейскомъ текстѣ рѣдки: ж. р. глаголема (Иезек. XVIII. 3, ѡще вѣдетъ ѣще — прѣтча сѣд, Остр. глѣма, Первон. глѣма), любѣма (ичелѣ — есть: Притчи С. VI. 8, Остр. такъ же), носѣшеествоѣма (мнѣмъ

во мѡжетъ молѣтва — Іак. V. 16, Остр. носѣшествоуема), со-
 равниема (Прем. С. VII. 29, мудрость — обрѣтается; Остр. дру-
 гой текстъ), неѡвѡдаема (свѣтла и — есть премудрость: Прем.
 С. VI. 12, Остр. и Первоп. неѡуѡвѡдома) и т. д., винит. ед.
 низиѡцаема (Дѣян. Ап. XI. 5, видѣхъ... сосудъ... яко плаща-
 ницу — Остр. висѡщѡ), колѣблѡма (Л. VII. 24, видѣти; трость
 ли вѣтромъ —, Остр. вин. м. р. колѣблѡма, Первоп. колѣвлѡма,
 Зогр. род. ж. движемѡ), влѡцѡма (траву... въ пещь — Богъ
 одѣваетъ: Лук. XII. 28, Остр. ошибочно дат. ед. м. р. влѡ-
 цѡма, Первоп. ошибка исправлена влѡцѡма, Зогр. кмѡтаема)
 и т. д. ср. р. оудѡржимо (Іак. III. 8, не — бо зло. Остр. не
 ѡдѡржимо), сказаѡма (М. I. 23, еже есть —, Остр. такъ же),
 прѡрѡкаѡма (Лук. II. 34, се лежитъ сей... въ знаменіе —, Остр.
 такъ же), носѣшаѡма (Притчи XIII. 11, имѣніе — съ беззаконі-
 емъ, умалено бываетъ. Остр. носѣшно, Первоп. носѣшно),
 носѡкаѡма, влѡтаѡма (М. III. 10, всяко убо древо — бываетъ и
 во огнь — Остр. носѡкаѡма, имѡтаѡма), неѡгасѡма (Прем. С. VII.
 10, яко — есть блистаніе ея. Остр. неѡусыѡма), неѡскѡдѡма
 (сотворите себѣ... сокровище —, Лук. XII. 33, Остр. неѡскѡ-
 дѡма), и т. д. Рядомъ имѣются и сложныя формы: муж. рода
 знаѡмый (Р. II. 1, и бѣ мужъ — мужу Ноемию. Остр. оѡжика),
 прѡскозносімый (Дан. III. 52, 53, 54, 55, благословенъ еси —
 во вѣки. Остр. прѡвозношаѡма, прѡвѡзношаѡма, хвалѡма, прѡско-
 зносіма и т. д. Первоп. прѡвозношаѡма, хвалѡмый, прѡскозноси-
 мый), дѡржѡмый (Быт. XXII. 13, *verbum finitum оѡкѡзѣ*), поѡ-
 смлѡмый (Прем. С. V. 14, унованіе нечестиваго яко ирахъ отъ
 вѣтра —, Остр. поѡмлетѡ), вѡемѡый, разѡцаѡмый (*ibid.* V. 11,
 біемѡый духъ легкій и разѡцаемѡый силою... прелетѡ, Остр. дру-
 гой текстъ), ѡклеветѡемѡый (Дѣян. XXV. 16, прежде даже —
 не имать... клеветѡущихъ его, Остр. ѡклеветѡемѡый, Перв. какъ
 въ Новой), нарицаѡмый (Дѣян. XIII. 1, бяху... и Симѡнъ —
 Нигѡръ, *ibid.* XXVII. 14, возвѣя... вѣтръ... — Эвроклидонъ,
 Остр. нарицаѡмый, Первоп. какъ въ Новой; винит. Лук. VII.
 11, идяше во градъ — Наинъ, Остр. и Нерв. какъ въ Новой,
 Зогр. нарицаемѡый), желѡсѡмый (винит. ед. обновити — вѣми...

миръ, Эсѣ. III. 13, Остр. желáемъи) и т. д., ж. р. нарицáемаа (Марія — Магдалина: Лук. VIII. 2, Остр. нарицáема, Зогр. нарицáемъ), неждождáмаа (ты еси земля —: Иезек. XXII. 24, Остр. неждождáма, Первоп. неждождáма) и т. д. (случаевъ очень немного); ср. р. гáдóмое (Суд. XIV. 14, отъ ядущаго — изыде, Остр. такъ же; Иезек. XLVII. 12, всякое древо — не обетшаетъ, Остр. такъ же), ѡбращáемое (Быт. III. 24, и пристави херувима и пламенное оружіе —, Остр. ѡбращáющееса, Первоп. ѡбращáющееса), оудивлáемое (Эсѣ. IV. 17, ...ты сотворилъ... все —, Остр. оудивлáющее), неключíмое (Прем. С. XIII. 18, въ помощь — призываетъ, Остр. въ помóщи неключíму призовѣ), благоуправлáемое (Эсѣ. III. 13, дабы не устроилось отъ насъ — непорочно сообладаніе, Остр. ѣже ѡ вѣ непорóчне правíмо сначáли, Первоп. правíмо), превозносéемое (Дан. III. 52, благословено имя славы... — во вѣки, Остр. м. р. превозношáемъ), раждáемое (Лук. I. 35, тѣмже и — свято, наречется Сынъ Божій, Остр. такъ же), нарицáемое (Дѣян. XXVII. 8, придохомъ на мѣсто нѣкое — доброе, Остр. такъ же), вывáемое (Лук. XXII. 49, видѣвши же... —, рѣша ему, Остр. вывáемое) и т. д. И здѣсь мы находимъ приблизительно такое же отношеніе между формами простыми и сложными, какъ у причастія дѣйств. залога настоящаго времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ болѣе древнихъ текстахъ имѣются еще формы простыя, а въ Новой библіи уже сложныя. Въ другихъ же (при болѣе самостоятельномъ и субстантивномъ значеніи причастій) мы находимъ сложныя формы уже въ древнѣйшихъ текстахъ. При сравнительной рѣдкости данныхъ формъ, однако, это отношеніе не такъ замѣтно. У Визанія находимъ рядомъ формы возвратнаго залога и страдательнаго подъ однимъ обозначеніемъ „прич. страд. наст.“: спасáѣса, спасáемый, ж. спасающиса, ср. спасающееса (л. 68); глашáѣса, глашáющій, глашáющееса и „непредѣльное“ м. р. глашáемъи (ж. и ср. р. имѣють форму отъ причастія прошедшаго: л. 72 на обор.). Въ другихъ мѣстахъ находимъ у него произвольную дифференціацію формъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ: „причастіе страд. настоящ.“ вы́нса, вы́нщійса, вывáемъи, вы́нщиса, вы́нщееса (л. 75

на обор.) и „будущ.“ вѣмѣ, вѣмѣмъ, вѣмое (л. 76). Формы сложныя и простыя (однако, болѣе рѣдкія) приводятся у него рядомъ безъ особаго различенія между ними. Иное находимъ у М. Смотрицкаго, который, какъ и въ причастіяхъ дѣйств. залога (см. выше стр. 343), формы сложныя отличаетъ отъ простыхъ, придавая первымъ терминъ *причастія*, а вторымъ *дѣепричастія*. Съ Визаніемъ онъ сходится въ безразличномъ отношеніи къ формамъ возвратнымъ, которыя приводятся и у него вмѣстѣ съ страдательными, въ качествѣ послѣднихъ: „причастія“ (сложныя формы) вида совершеннаго, страдат. зал. настоящ. вр. чтѣисѣ, чтѣущисѣ или чтѣмѣи, ж. р. чтѣущасѣ или чтѣмѣа, ср. р. чтѣущесѣ или чтѣмое (л. 209), вида учащат. чтѣисѣ, чтѣющисѣ или чтѣемѣи, ж. р. чтѣющасѣ или чтѣсѣа, ср. р. чтѣущесѣ или чтѣемое (*ibid.* на обор.); „причастіе будущ.“ прочтѣущисѣ или прочтѣмѣи и т. д. (л. 210).

„Дѣепричастія“: настоящ. вр. чтѣисѣ, чтѣущисѣ или чтѣмѣ; женск. рода чтѣущисѣ или чтѣма; ср. рода чтѣущесѣ или чтѣмо; двойств. м. и ср. чтѣущасѣ, ж. чтѣущѣсѣ или м. ср. чтѣма, ж. чтѣмѣ; множ. ч. м. и ж. р. чтѣущесѣ, ср. чтѣущасѣ или м. чтѣмѣи, ж. чтѣмѣи, ср. чтѣма (л. 210 на обор.): „вида учащательнаго“ — чтѣисѣ, чтѣющисѣ или чтѣемѣи, ж. р. чтѣющисѣ или чтѣсѣа, ср. чтѣущесѣ или чтѣемо (л. 211). Ср. также причастія творѣисѣ, творѣмѣи и т. д. творѣисѣ, творѣемѣи (л. 226 на об.), сотворѣущисѣ, сотворѣмѣи (л. 227) и дѣепричастія творѣисѣ, творѣмѣи; сотворѣущисѣ, сотворѣмѣи; творѣисѣ, творѣющисѣ, творѣемѣи (*ibid.* на обор.). Это безразличное отношеніе М. Смотрицкаго къ возвратнымъ и страдательнымъ формамъ поддерживается дѣйствительнымъ употребленіемъ языка, ср. напр. именит. ед.: ...вознѣ... вѣтръ вѣренъ, нарицаемый ѿуроклѣдонъ (Дѣян. Ап. XXVII. 14, Остр. нарицаемый), но вин. ед. ѿстроикъ... мимотѣкше нарицающисѣ Клавдіи... (*ibid.* 16, Остр. нарицающисѣ) и т. д.

Какъ и новые печатные тексты, московское изданіе грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) представляетъ суффиксъ простыхъ формъ причастія страдательнаго м. р. -мѣ (*мѣ* || стел. -мѣ). Но въ первомъ изданіи (Эвю. 1619) этого вѣтъ. и мы находимъ -т

(-мъ): читаѣмъ, творѣмъ и т. д. Нѣтъ -мь и у Лавр. Зизанія, а также и въ Острожской библии (см. выше, стр. 344—345). Появляется оно лишь въ Первопечатной библии, хотя и рѣже, чѣмъ въ Новой.

Источникомъ этого -мь могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода, представлявшіе неправильное употребленіе ѣ и љ, но ближайшимъ поводомъ къ широкому распространенію очевидно служило желаніе дифференцировать на письмѣ такіа одинаковыя съ внѣшней стороны формы, какъ 1 л. множ. числа читаѣмъ, творѣмъ и причастіе простое стр. з. настоящ. вр. м. р. читаѣмъ, творѣмъ.

Развилась эта дифференціація очевидно уже въ Москвѣ, въ печатныхъ текстахъ XVII вѣка. Фонетическаго характера она навѣрное не имѣла. Съ грамматической теоріей того времени это -мь оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Такъ, въ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго находимъ слѣдующее правило для образованія „дѣепричастій страдательныхъ“: „дѣепричастіе коегождо времени составляетъ отъ причастія своего времени... въ страдательныхъ же ѣи или ѣи на љ измѣняюще яко... чтѣмыи, чтѣмъ, читаѣмыи, читаѣмъ, прочтѣмыи, прочтѣмъ (гл. 259 на об., 260)*.

Противорѣчіе это является слѣдствіемъ того, что издатели московской грамматики 1648 г., видоизмѣняя главнымъ образомъ парадигмы М. Смотрицкаго, не позаботились привести ихъ въ соотношеніе съ самими теоретическими правилами, изложенными въ текстѣ. Такъ какъ первое изданіе грамматики Смотрицкаго не знаетъ -мь, то тамъ этого противорѣчія и не было.

Подтвержденіемъ того, что -мь есть результатъ стремленія къ графической дифференціаціи, служитъ и то обстоятельство, что въ московской перепечаткѣ -мъ сохранено у такихъ формъ, какъ чтѣмъ, прочтѣмъ, для которыхъ нѣтъ одинаковыхъ формъ 1 л. множ. числа, тогда какъ формы читаѣмъ и творѣмъ дифференцированы.

§ 23. Аористъ и имперфектъ. Аористъ, какъ извѣстно, имѣлъ въ старославянскомъ двѣ главныхъ формы: 1) простой аористъ

(у глаголовъ перваго класса *), т. е. съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню на согласный, и у глаголовъ втораго класса, т. е. съ суффиксами -иж- въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и -по-, -пе- въ основѣ пастоящаго, съ корнемъ на согласный) и 2) сложный или сигматическій аористъ а) безъ „соединительнаго гласнаго“ и б) съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-. Форма а) употребительна была у глаголовъ перваго класса съ основой неопред. наклоненія, равнойъ корню на согласный, а также у тѣхъ глаголовъ этого класса, которые имѣли корень на носовой согласный; кромѣ того у всѣхъ глаголовъ, съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный звукъ, т. е. у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню на гласный, у глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню + суффиксъ -а-, у глаголовъ втораго класса, если они сохраняли въ аористѣ суффиксъ -иж-, у первичныхъ глаголовъ третьяго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равнойъ корню на гласный, у первичныхъ глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равнойъ корню + суффиксъ -а-, у всѣхъ производныхъ глаголовъ этого же класса и наконецъ у глаголовъ четвертаго класса (т. е. образующихъ основу настоящаго при помощи суффикса -и-, и основу неопредѣленнаго помощью суффиксовъ -ѣ- или -и-). Вторая форма этого аориста съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о- (точнѣе съ особой основой на о-) имѣлась только у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равнойъ корню (на всѣ согласные, кромѣ носовыхъ) и у глаголовъ втораго класса (съ -иж- въ неопредѣленномъ накл.). если они образовали аористъ прямо отъ глагольнаго корня.

Въ церковнославянскомъ простой аористъ почти совершенно исчезъ: въ библіи встрѣчаются только формы третьяго лица ед. числа: рече (Быт. XXIX. 25 и т. д. очень часто), оумре (Быт. VII. 21), поиде (ibid. VIII. 3), сѣде (ibid. 4), ѡзсше (ibid. VIII. 14), ѡде (Р. II. 14), поладѣ (ibid.), поладѣ (2 Цств.

* Я придерживаюсь классификаціи старославянскаго глагола, предложенной Лескинымъ (Handbuch der albulgar. Sprache. 2 пзд. 1886).

XVIII. S), снѣдѣ (4 Цств. I. 10, 12), снидѣ (ibid.), оужасѣсѧ (Перем. II. 12), прострѣ (Перем. I. 9), свѣрже (Плачь Иер. II. 1), прилиѣ (Вар. I. 20), ѡзидѣ (ibid. 19), поживѣ (Вар. III. 38), ѡстрижѣ (Иов. I. 20), страсѣ, срѣте (Иов. IV. 14), оувѣзѣ (Ис. IX. 16, 17), помѡже (Ис. XXVII. 7), процвѣтѣ (ibid.), сочтѣ (I. Сир. I. 19), ѡздолвѣ (Ис. XLIV. 12), кедѣ (Лук. IV. 9), ѡзидѣ (Дѣян. V. 5) и т. д. По типу этихъ формъ у глаголовъ второго класса возникаютъ вторичныя образованія съ сохраненіемъ суффиксальнаго -и-, какъ бласнѣ (2 Цств. XXII. 15, Остр. и Первоп. блѣснѣ), прикоснѣсѧ (Перем. I. 9, Остр. прикоснѣсѧ, Первоп. прикоснѣсѧ), помѡнѣ (Плачь Иер. II. 1, Остр. помѡнѣ, Первоп. помѡнѣ), толкнѣ (Юд. XIV. 14, Остр. друг. текстъ), дерзнѣ (Эсѡ. VII. 5, Остр. дерзнѣ, Первоп. какъ въ Новой), прѣминѣ (ibid. X. 3, Остр. прѣминѣ, Первоп. прѣминѣ), коснѣсѧ (Иов. I. 19, Остр. коснѣсѧ, Первоп. коснѣсѧ), ѡзрыгнѣ (Прем. С. XIX. 10, Остр. ѡзрыгнѣ, Первоп. ѡзрыгнѣ) и т. д.

Острожская библия вездѣ, а Первопечатная, за весьма рѣдкими исключеніями (дерзнѣ) представляютъ правильныя формы сложнаго аориста (первой формы), которыя имѣются и въ Новой библии, рядомъ съ приведенными выше новообразованіями, наир. прикоснѣсѧ (Матѡ. IX. 20, 21), рядомъ съ коснѣсѧ (см. выше) и т. д. Прочія формы простого аориста не встрѣчаются въ церковнославянскомъ языкѣ библии и замѣнены въ огромномъ большинствѣ случаевъ формами сложнаго сигматическаго аориста (второго вида, съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-). Такая замѣна наблюдается уже въ текстѣ Острожской библии: 1 л. ед. Зограф. Е. кѡидѣ (Лук. VII. 44, 45, Нов. кѡидѡхѣ, Остр. кѡидѡхѣ и кѡидохѣ), ѡзидѣ (Матѡ. XII. 44, Нов. ѡзидѡхѣ, Остр. такъ же), приидѣ (Матѡ. V. 17, Нов. приидѡхѣ, Остр. такъ же), сѡидѣ (Иоан. VI. 38, 42, Нов. сѡидѡхѣ, Остр. сѡидохѣ, сѡидѡ). обрѣтъ (Матѡ. VIII. 10, Нов. ѡбрѣтѡхѣ, Остр. ѡбрѣтохѣ) и т. д. 1 л. мн. Зограф. Ев. приидомѣ (Матѡ. XXV. 39, Нов. приидохомѣ, Остр. приидохѡ). кѡзмогомѣ (Марк. IX. 28, Нов. кѡзмогѡхомѣ, Остр. кѡзмогѡхомѣ) и т. д. 2 л. мн. Зограф. Е. кѡидете (Иоан. IV. 38, Нов. кѡидѡсте, Остр. кѡидѡсте), ѡзидете (Матѡ. XI. 7, Нов. ѡзидѡ-

лѡсте, Остр. такъ же), придете (Лук. XXII. 52, Нов. ѣзыдѡсте, Остр. такъ же) и т. д. 3 л. мн. Зоґр. Ев. идѣ (Матѡ. VIII. 1, Нов. іпѣрѣ. ѣдѡхѣ, Остр. такъ же), вѣзидѣ (Іоан. VII. 10, Нов. п Остр. вѣзидѡша), вѣнидѣ (Матѡ. VIII. 32, Нов. ѣдѡша, Остр. ѣдѡша), ивѣдѣ (Мрк. III. 21, Нов. ѣзыдѡша, Остр. ѣзыдѡша), обидѣ (Іоан. X. 24, Нов. ѡбѣдѡша, Остр. ѡбѣдѡша), придѣ (Лук. I. 59, Нов. прѣидѡша, Остр. прѣидѡша), сѣнидѣ (Іоан. VI. 16, Нов. снѣдѡша, Остр. снѣдѡша), прѣсѣдѣ (Матѡ. XIII. 6, Нов. прѣсѣдѡша, Остр. прѣсѣдѡша), вѣзидѡгѣ (Лук. IX. 40, Нов. вѣзидѡгѡша, Остр. вѣзидѡгѡша), ивѣзѣ (Іоан. XXI. 9, Нов. ѣзѣзѡша, Остр. такъ же) и т. д. 3 лицо двойств. Зоґр. Ев. идете (Матѡ. IX. 27, Нов. ѣдѡста, Остр. идѡста, Іоан. I. 37, Нов. и Остр. ѣдѡста), придете (Лук. II. 44, Нов. прѣидѡста, Остр. мн. ч. прѣидѡша). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ замѣну простого аориста сложнымъ (второй его формой). Изрѣдка встрѣчается замѣна настоящимъ временемъ: Зоґр. 1 л. ед. обрѣтъ (Лук. XXIII. 14, Нов. ѡбрѣтѡю, Остр. ѡбрѣтѡю).

Аористъ сложный первый также плохо сохраняетъ свои древнѣйшія формы. Такъ у глаголовъ съ корнемъ на согласный носовой совѣмъ не встрѣчается 3-е л. множ. на -са: Зоґр. іса (Іоан. IX. 18, Нов. и Остр. іша), вѣзса (Іоан. XI. 41, Нов. вѣдѡша, Остр. вѣдѡша), іауа (Мрк. VI. 55, XV. 18, Лук. XXII. 23, Нов. іауаша, Остр. іауаша), іауаса (Лук. XXIV. 20, Нов. и Остр. іауаша; Іоан. XIX. 18, Нов. іауаша, Остр. іауаша) и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ Новой и Острожской библіи находимъ окончаніе -ша (Нов. -ша, Остр. иногда -ша), свойственное глаголамъ съ корнемъ на гласный. Точно также не встрѣчается и первое лицо на -съ, а только на -хъ, какъ у глаголовъ съ корнемъ на гласный. 3 лицо ед. числа съ окончаніемъ -t (-тъ) довольно часто и въ Новой библіи: іауатъ (Іоан. XIII. 5, Остр. іауатъ, Дѣян. I. 1, Остр. іауатъ), іауатъ (Іоан. XIII. 12, Остр. іауатъ), іауатъ (Быт. IV. 5, Остр. іауатъ), іауатъ (Быт. XI. 31, Остр. іауатъ), іауатъ (Быт. I. 24, Остр. іауатъ), іауатъ (Іерем. VI. 24, Остр. іауатъ), іауатъ (ibid. XV. 10, Остр. іауатъ) и т. д. Формы безъ -тъ рѣдки: іауа (Ос. XII.

3, Остр. другой текстъ: прельсти), заклà (Быт. I. 25, Остр. такъ же), взà (Р. II. 18, Остр. такъ же). Глаголы съ корнемъ на р, л обыкновенно представляютъ замѣну формами сложнаго аориста второго съ соединительнымъ гласнымъ -о-: 2 и 3 ед. Зогр. оумреть (Нов. вездѣ оумре, М. IX. 24, Остр. оумретъ, Первоп. оумретъ; Мр. V. 35, Остр. оумре; IX. 26, Остр. оумрѣ; Перв. какъ въ Новой; XII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; XV. 44, bis. Остр. какъ въ Новой; Лук. VIII. 49, 53, Остр. оумре, оумре; XVI. 22, Остр. оумрѣ, Первоп. какъ въ Новой; XX. 29, 30, 32, Остр. оумре; Иоан. VIII. 53, Остр. оумрѣ, Первоп. какъ въ Новой), оумръеть (Иоан. XI. 14, Нов. и Первоп. оумре, Остр. оумрѣ), прострьь (Мр. III. 5, Нов. прострѣ, Остр. прóстрѣ), прострььса (Лук. XIII. 13, Нов. прострѣса, Остр. прóстреса), прострьеть (Матѣ. XII. 13, Нов. и Первоп. прострѣ, Остр. простретъ), закла (Лук. XV. 30, Нов. заклàль ёси, Остр. и Первоп. заклà), закля (ibid. 27, Нов. и Остр. заклà), отрѣ (Иоан. XII. 3, Нов. ѡтрѣ, Остр. ѡтрѣ); 2 л. мн. прострььсте (Лук. XXII. 53, Нов. ирострѣсте, Остр. простросте); 3 л. мн. оумръша (Л. XX. 31, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша; Иоан. VI. 49, 58, Нов. и Остр. оумрѣша; VIII. 53, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша), опрььшася (Матѣ. VII. 27, Нов. ѡпрѣшася, Остр. ѡпрѣшася, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Острожская библія представляетъ еще изрѣдка старыя формы 2, 3 л. ед., хотя и уподобленныя уже на письмѣ формамъ второго сложнаго аориста (точнѣе аориста простого): оумретъ (стел. оумреть) подѣ влияніемъ оумре (стел. оумре); Первопечатная въ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы, что и Новая. Формы перваго сложнаго аориста мн. ч. у разсматриваемыхъ глаголовъ еще рѣже, (одинъ только случай въ Остр. ѡпрѣшася), и вмѣсто нихъ находимъ всегда второй сложный аористъ.

Сохранились только такія формы, какъ стел. 2, 3 ед. закля= заклà, но и то лишь въ значеніи 3 ед. Какъ второе лицо ед. ч. подобныя формы не употребляются и замѣняются другими, не вызывающими сомнѣнія: Зогр. закла, Остр. и Первоп. заклà, Нов. заклàль ёси (Лук. XV. 30).

Замѣна вторымъ сложнымъ аористомъ наблюдается и у глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный.

Встрѣчаются, однако, только формы отъ глагола *рѣкж*: 1 л. *рѣхъ* (Суд. II. 3, 1 Цств. IX. 23, Пс. XXX. 15, 23, Дан. IV. 4, 5), 1 л. мн. *рѣхомъ* (1 Езд. VIII. 22, Быт. XLIV. 22), 2 л. мн. *рѣсте* (1 Ц. X. 19, Числ. XIV. 31), 3 л. мн. *рѣша* (Суд. IX. 8, Быт. XL. 8), 3 л. дв. *рѣста* (2 Ц. IV. 8, Иоан. I. 38). Отъ другихъ глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный, а также и у сложений съ *рѣкж* находимъ обыкновенно формы второго сложнаго аориста: Зогр. *нарѣша* (Матѹ. X. 25, Лук. II. 21, Нов. *нарѣкоша*, Остр. *нарѣкоша*), *прорѣша* (Матѹ. XI. 13, Нов. *прорѣкоша*, Остр. *прорѣкоша*), *тъша* (Мрк. VI. 33, Нов. *стицѣхъса*, Остр. *стицѣхъса*), *облѣша* (Матѹ. XXVII. 31, Нов. *ѡблѣкоша*, Остр. *ѡблѣкоша*, Мр. XV. 17, 20, Нов. *ѡблѣкоша*, Остр. *ѡблѣкоша* и *ѡблѣкоша*, Иоан. XIX. 2, Нов. *ѡблѣкоша*, Остр. *ѡблѣкоша*), *сзвлѣша* (Матѹ. XXVII. 31, Нов. *совлѣкоша*, Остр. *сзвлѣкоша*, Мр. XV. 20, Нов. *совлѣкоша*, Остр. *сзвлѣкоша*), 3 л. дв. *тѣстс* (Матѹ. XXVIII. 8, Нов. и Остр. *тѣкоствѣ*) и т. д. Въ этомъ отношеніи между Острожской и Новой библіями замѣчается полное согласіе.

У глаголовъ, имѣвшихъ послѣднимъ звукомъ корня такъ называемые заднеязычные перваго ряда (k^1 , g^1), первый сложный аористъ также замѣненъ вторымъ: Зогр. 3 л. множ. *възвѣса* (Лук. II. 22, Нов. дв. ч. *вознесѡста*, Остр. *иззнесѡста*; XVII. 13, Нов. *вознесѡша*, Остр. *иззнесѡша*), 3 л. дв. *отвъстс* (Иоан. IX. 10, Нов. *ѡвѣрзѡствѣса*, Остр. *са ѡвѣрзѡствѣ*) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской библіи. Также утрачены въ большинствѣ случаевъ формы перваго сложнаго аориста и глаголами съ корнемъ на переднеязычные взрывной (d , t) и спирантъ (s): Зогр. 1 л. ед. *привѣсь* (Мр. IX. 17, Нов. *привѣлохъ*, Остр. *привѣлохъ*), 3 л. ед. *въствѣ* (Лук. IV. 2, Нов. *іѡствѣ*, Остр. *іѡствѣ*, VI. 4, Нов. *іѡдѣ*, Остр. и Первоц. *іѡствѣ*), *снѣствѣ* (Матѹ. XII. 4, Нов. *снѣдѣ*, Остр. *снѣствѣ*, Первоц. *снѣдѣ*; Мрк. II. 26, Нов. *снѣдѣ*, Остр. *снѣствѣ*, Первоц. *снѣствѣ*; Иоан. II. 17, Нов. и Первоц. *снѣствѣ*, Остр. *снѣствѣ*), 1 л. множ. *въвъсомъ* (Матѹ. XXV. 38,

Нов. введо́хомъ, Остр. ѡведо́хомъ), ѡхомъ (Лук. XIII. 26, Нов. ѡдо́хомъ, Остр. ѡдо́хомъ), 2 л. мн. **привѣсте** (Лук. XXIII. 14, Нов. и Остр. **приведо́сте**, Иоан. VII. 45, Нов. и Остр. **приведо́сте**), 3 л. множ. **унса** (Иоан. XIX. 20, Нов. и Остр. **чтоша**), **вѣса** (Лук. XXII. 54, 66, Нов. **ведо́ша**, Остр. **ведо́ша**, Иоан. IX. 13, Нов. **ведо́ша**, Остр. **ведоша**, XVШ. 28, Нов. и Остр. **ведо́ша**, XIX. 16, Нов. **ведо́ша**, Остр. **ведо́ша**), **привѣса** (Матѳ. IV. 24, Нов. **приведо́ша**, Остр. **приведо́ша**, VШ. 16, Нов. и Остр. **приведо́ша**, IX. 32. Нов. **приведо́ша**, Остр. **приведо́ша**, XII. 22, Нов. и Остр. **приведо́ша**, Иоан. VШ. 3, Нов. и Остр. **приведо́ша**), **пробаса** (Иоан. XIX. 37, Нов. **прободо́ша**, Остр. **прободоша**), **вша** (Матѳ. XIV. 20, Нов. **ѡдо́ша**, Остр. **ѡдо́ша**, XV. 37, Нов. и Остр. **ѡдо́ша**, Мрк. VI. 42, Нов. **ѡдо́ша**, Остр. **ѡдоша**, VШ. 8, Нов. **ѡдо́ша**, Остр. **ѡдо́ша**, Лук. IX. 17, Нов. **ѡдо́ша**, Остр. **ѡдо́ша**, Иоан. VI. 23, 31, 49, 58, Нов. **ѡдо́ша**, Остр. **ѡдо́ша**, **ѡдоша**, Первоп. **ѡдо́ша**, **ѡдо́ша**), 3 л. дв. **въвѣсте** (Лук. II. 27, Нов. **введо́ста**, Остр. **ѡведо́ста**) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, старинныя формы перваго сложнаго аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже въ Острожской библии замѣнены вторымъ сложнымъ аористомъ. Встрѣчаются только формы 3 л. ед. (въ Острожской довольно часто, въ Новой лишь изрѣдка) у глаголовъ нетематическихъ. Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, можно привести также: Лук. XXII. 19, Остр. и Перв. **дасть**, Нов. **дадѣ**; VI. 4, Зогр. **дасть**, Остр. **дасть**, Первоп. **дасть**, Нов. **дадѣ**; Иоан. XIX. 16, Остр. и Первоп. **предѣсть**, Нов. **предѣдѣ**; Матѳ. XV. 36, Остр. **дасть**, Первоп. **дасть**, Нов. **дадѣ**; Руѳь II. 14, Остр. **ѡстъ**, Первоп. и Нов. **ѡдѣ**; 4 Цств. I. 10. 12, Остр. **снѣсть**, Первоп. и Нов. **снѣдѣ**; *ibid.* 14, Остр. **поѡстъ**, Первоп. и Нов. **поѡдѣ** и т. д. Въ Острожской библии еще находимъ 3 л. ед. перваго сложнаго аориста, а въ Новой оно вездѣ замѣнено 3 л. простаго аориста, которое для церковнославянскаго въ сущности представляло 3 л. ед. втораго сложнаго аориста, такъ какъ вошло въ систему этого послѣдняго, въ то время какъ остальные формы простаго аориста совсѣмъ вышли изъ употребленія.

Первопечатная занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. У глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный формы перваго сложнаго аориста вполне обыкновенны: 1-е лицо ед. основы на гласный а-: ста́хъ (2 Цств. I. 10), да́хъ (Лев. XVI. 11), сто́хъ (3 Езд. VI. 29, Остр. такъ же), ѳста́хъ (1 Цств. I. 16, Остр. сто́хъ), ѳполоска́хъ (Иез. XVI. 9, Остр. ѳпласка́хъ), работа́хъ (Быт. XXIX. 25, Остр. рабо́та), воззва́хъ (Суд. XII. 2) и т. д., основы на ѳ-: состарѳхсѧ (I. Нав. XXIII. 2), ѳмѳхъ (Суд. XII. 2), вѳдѳхъ (2 Ц. I. 10), мѳхъ (Быт. XXXVII. 7), пощадеѳхъ (Быт. XX. 6), оустыдеѳхсѧ (1 Езд. VIII. 22), вѳхъ (I. Сяр. XXXIII. 15), хотѳхъ (3 Езд. IV. 23), смотреѳхъ (ibid. VI. 29), сѳдеѳхъ (Иез. VIII. 1) и т. д., основы на и-: оубѳхъ (2 Ц. I. 10), ѳскоренѳхъ, сотвориѳхъ (ibid. VII. 9), рассмотреѳхъ (3 Ц. III. 21), родиѳхъ (ibid.), размыслиѳхъ, сотвориѳхъ (Быт. VI. 7) и т. д., основы на ы-: вѳхъ (Неем. I. 11, Исх. XVIII. 3), ѳмыѳхъ (Иез. XVI. 9), прикриѳхъ (ibid. 8) и т. д., основы на ѳ- (стел. ж, оу): возвиѳхъ (3 Ез. V. 14), поманиѳхъ (Тов. II. 6, Иерем. II. 2), ѳвѳхъ (Иез. XVI. 10), оусиѳхъ (Быт. XII. 21) и т. д. Второе лицо ед. числа такъ же, какъ у другихъ видовъ аориста и у имперфекта, встрѣчается весьма рѣдко и въ Новой библіи обыкновенно замѣняется сложнымъ прошедшимъ: сотвори́лѧ ѳси (Нов. Быт. XXXI. 26, 28, Остр. сѧтвори, Первоп. какъ въ Новой), возжелáлѧ ѳси (Быт. XXXI. 30, Остр. и Первоп. помысли), ѳвиска́лѧ ѳси (ibid. 37, Остр. ѳзыска́, Первоп. какъ въ Новой), прѳвѳдѳлѧ ѳси (ibid. 41, Остр. прѳѳвѳдѳ, Первоп. прѳвѳдѳ), оукрѳпи́лсѧ ѳси (Быт. XXXII. 28, Остр. оукрѳпи́сѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѳвѳдѳлѧ ѳси (Быт. XXIX. 25, Остр. ѳвѳди, Первоп. ѳвѳди), посла́лѧ ѳси (Исх. XV. 7, Остр. посла́, Первоп. посла́), ѳзѳвѳилѧ ѳси (ibid. 13, Остр. и Первоп. ѳзѳави), вѳдѳлѧ ѳси (Апок. XVII. 12, 16, 18, Остр. вѳдѳ, Первоп. вѳдѳ. Въ стихѣ 18 на полѣ въ Первопечатной отмѣчено -лѧ ѳси, чего не сдѣлано, однако, въ стихахъ 12 и 16), оустáвилѧ ѳси, глаго́лалѧ ѳси (Вар. II. 24, Остр. оустáви, гла́, Первоп. оустáви, глаго́ла), положи́лѧ ѳси (ibid. 26, Остр. и Первоп. положи́), сотвори́лѧ ѳси (ibid. 27, Остр.

сѣтвори, Первоп. сотвори), ѡставилѣ ѣси (Мр. XV. 34, Остр. ѡстави, Первоп. ѡстави, а на полѣ -лѣ ѣси) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, Острожская библия вездѣ представляетъ исконную форму 2-го л. ед. первого сложнаго аориста, тогда какъ въ Новой вездѣ находимъ сложное прошедшее, а Первопечатная занимаетъ промежуточное мѣсто между той и другой, хотя и ближе къ Острожской. Въ Новой библии 2-е лицо ед. ч. этого аориста почти не встрѣчается, за очень рѣдкими исключеніями въ родѣ Лук. II. 48 ...къ немѸ мѣти ѣгѡ рече; чадо, что сотвори нама такъ (Остр. сѣтвори, Первоп. сотвори, а на полѣ -лѣ ѣси). Третье лицо ед. ч. очень обыкновенно: основы на а-: гна, поима (Суд. VШ. 12, Остр. гна, ꙗ), возжада (ibid. XV. 18, Остр. вжажда), возжада (2 Ц. XXШ. 15), созда (4 Цств. XXI. 4), созида (Неем. III. 10, Остр. созида), велерѣчева (Юд. VI. 17), бѣжа (Тов. II. 8), ѣзва (3 Езд. XIII. 6), запечата (Дан. VI. 17), соглада (Числ. III. 39) и т. д.; основы на ѣ-: имѣ (1 Макк. IX. 36, 2 Макк. XIV. 39), видѣ (Тов. IV. 4), летѣ (Пс. XVII. 11), постыдѣ (I. Сир. II. 10), возгремѣ (ib. XLVI. 20), пощада (Быт. XIX. 16), оувѣда (1 Ц. XX. 39), повѣста (2 Ц. XVШ. 9), возжслѣ (Втор. XXXII. 11) и т. д., основы на и-: ѣскочи (Тов. VII. 6), оульсти, сотвори (Пс. XIV. 3), оутверди (Пс. CXI. 8), потреби (I. Сир. XLVI. 21), запрети (Матѣ. VШ. 26), роди, роди (Матѣ. I. 16), смѣти (Матѣ. II. 3), ѡсквернави (Числ. XIX. 20), разрѣши (2 Макк. X. 22) и т. д., основы на ы-: завы (Осія II. 13), ѡбмы (Юд. X. 3), сотры (Пс. CIV. 3), оумы (Матѣ. XXVII. 24) и т. д. основы на Ѹ-: дѣнѸ (3 Ц. XVII. 21), прикоснѸ (Мр. V. 27, 31), ѣсѣкнѸ (ibid. 29) и т. д.

У глаголовъ II-го класса въ этой формѣ часты случаи морфологической ассимиляціи къ соответственной формѣ простаго аориста, въ родѣ: коснѣ, дерзнѣ, блеснѣ и т. д. (см. выше, стр. 351). Морфологическая ассимиляція здѣсь вызывалась необходимостью дифференцировать формы 2, 3-го л. ед. ч. первого сложнаго аориста отъ совершенно съ ними одинаковой формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени. Случаи 2, 3-го л. ед. ч.

перваго сложнаго аориста съ окончаніемъ -t (стсл. -тъ, церковносл. -тъ), у глаголовъ съ темой неопредѣл. наклоненія на гласный встрѣчаются весьма рѣдко: 3 ед. свѣтъ (4 Ц. II. 8, Остр. такъ же). Множественное число: 1-е лицо: основы на а-: ѡдѣахомъ (1 Езд. VIII. 33), повѣдахомъ (Быт. XLIV. 24) и т. д. Основы на ѣ-: видѣхомъ (1 Цств. X. 4), презрѣхомъ (Мал. I. 6), ѡскѣдѣхомъ (Прем. С. V. 13) и т. д. Основы на и-: жи́хомъ (Числ. XX. 15), пи́хомъ (2 Парал. XXXI. 10), потреви́хомъ (Числ. XVII. 12) и т. д. Основы на ы-: превы́хомъ (1 Езд. VIII. 32), бы́хомъ (Ис. LXIII. 19) и т. д. Основы на ѝ-: мети́хомъ (Неем. X. 34), о́усни́хомъ (Иер. III. 25) и т. д. 2-е лицо; основы на а-: попира́сте, пива́сте (Иезек. XXXIV. 18), пха́сте (ibid. 21), влага́сте (Агг. II. 17), вѣда́сте (2 Цств. XI. 20), ѡбита́сте (Лев. XVIII. 3), о́убоа́стесѧ (Числ. XII. 8) и т. д. Основы на ѣ-: видѣ́сте (1 Цств. XXI. 14), согрѣ́стесѧ (Агг. I. 6) и т. д. Основы на и-: пи́сте (Агг. I. 6), ходи́сте (1 Цств. X. 14), пости́стесѧ, плачево́пльствисте (Зах. VII. 5) и т. д. Основы на ы-: бы́сте (I. Нав. XXIV. 7, 2 Парал. XV. 2) и т. д. Основы на ѝ-: ѡзсѣ́ни́сте (Ис. LVII. 4), воскреси́сте (Колосс. III. 1) и т. д. Третье лицо; основы на а-: пришѣлствова́ша (1 Цств. II. 5), ѡдѣ́аша (2 Парал. XXVIII. 15), созидѣ́аша (Неем. III. 17, 18), о́убоа́шасѧ (Быт. XLII. 35), вѣ́жаша, взѣ́аша (ibid. XIV. 10, 12) и т. д. Основы на ѣ-: вѣдѣ́ша (1 Цств. XX. 39, вм. дв. ч. Остр. иначе), пощаде́ша (2 Езд. I. 53), ѡмѣ́ша (ibid. VI. 5), видѣ́ша (Исх. XXIV. 10) и т. д. Основы на и-: о́увѣи́ша (2 Ездры I. 53), ви́шасѧ (3 Цств. XVIII. 28), порабо́тиша (1 Макк. VIII. 10, 11), проти́вишасѧ, ѡстреби́ша (ibid. 11) и т. д. Основы на ы-: собы́шасѧ (I. Нав. XXI. 45), бы́ша (1 Ц. XIII. 2), крѣ́ша (Исх. II. 2) и т. д. Основы на ѝ-: мети́ша (Неем. XI. 1), повни́шасѧ (Юд. II. 6) и т. д.

Двойственное число очень часто замѣняется множественнымъ (см. выше, стр. 321—324). Такъ 1-е л. дв. разсматриваемой формы аориста совсѣмъ не встрѣчается въ Новой библии: ходи́хомъ (Пс. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), ѡска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. ѡска́ховѣ, Первоп. ѡска́хове) и т. д.

Формы, встрѣчающіяся у грамматиковъ, см. выше, стр. 321. Второе лицо довольно рѣдко. Основы на а-: ѿдѣста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же); основы на и-: согласѣстасѣ (ibid. 9) и т. д. Третье лицо представляетъ два окончанія: -та для м. р. и -тѣ для ж. и ср. р.; о происхожденіи и распредѣленіи ихъ см. выше (стр. 322 и слѣд.). Основы на а-: ѿбдѣржѣста (3 Цств. VII. 8), стоѣста (ibid. XIII. 28), растерзѣста (Числ. XIV. 6), ѿстѣстасѣ (ibid. 38), создѣстѣ (Пс. XCIV. 5), стоѣстѣ (Пс. CXXXI. 7) и т. д. Основы на ѣ-: оудѣврѣста (П. П. IV. 10) и т. д. Основы на и-: вѣгословѣста (Лев. IX. 23), вложѣста, возложѣста (ibid. X. 1), притѣпѣстасѣ (3 Ц. XIV. 4) и т. д. Основы на ы-: скрѣстасѣ (Быт. III. 8), вѣста (I. Сир. XLVI. 10) и т. д.

Случай замѣны двойственного числа множественнымъ очень часты: возложѣша, покрѣша, видѣша (Симъ и Иафетъ: Быт. IX. 23, Остр. възложѣста, покрѣста, видѣста, Первоп. възложѣста, покрѣста, видѣста), плѣкашасѣ (двѣ снохи Руѣи: Р. I. 9, Остр. такъ же), оудѣклонѣшасѣ (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. свѣратѣстасѣ, Первоп. совратѣстасѣ), растерзѣша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и Первоп. растергѣша) и т. д. (ср. другіе примѣры выше на стр. 321, 323). Замѣна эта встрѣчается нерѣдко уже въ Острожской библии.

Второй сложный аористъ (съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-) весьма обыкновененъ: 1 л. ед. ѿвѣкѣхъ (1 Цств. XVII. 39, Остр. ѿвѣсмъ ѿвѣкѣхъ), сѣдѣхъ (1 Езд. IX. 3, Остр. сѣдѣ), прострѣхъ (ibid. 5, Остр. такъ же), рекѣхъ (Числ. XVIII. 24, Остр. рекохъ), разсѣкѣхъ (3 Езд. I. 20), оудѣспѣхъ (Иер. XLV. 3, Остр. оудѣспѣ), гѣдѣхъ (Иезек. IV. 14, Остр. ѿвѣсмъ гѣлѣ), сожгѣхъ, сотрѣхъ (Второз. IX. 21, Остр. свѣжгѣхъ, свѣтрѣхъ) и т. д.

Второе лицо, тождественное съ третьимъ, представляющимъ собой заимствование изъ простаго аориста (см. выше, стр. 350—351) въ Новой библии не встрѣчается, такъ какъ вездѣ замѣнено формами сложнаго прошедшаго, какъ и у перваго аориста сложнаго (см. выше, стр. 353 и 357): Нов. вшѣлѣ ѣси, гѣлѣ ѣси (Дѣян. XI. 3, Остр. вшѣде, гѣде, Первоп. вшѣде и гѣде), оудѣшѣлѣ ѣси, ѿвѣкрѣлѣ ѣси,

ѡвѣлз безъ вспомогательнаго ѣси (Быт. XXXI. 26, Остр. ѡиде, ѡкраде, ѡведє, Первоп. ѡиде, а на полѣ ѡшѣлз ѣси, ѡкраде, ѡведє), оуѡралз ѣси (ibid. 30, Остр. оуѡраде, Первоп. какъ въ Новой), ѡврѣлз ѣси (ibid. 37, Остр. ѡврѣте, Первоп. какъ въ Новой, 1 Цств. XXIX. 8, Остр. ѡврѣтє, Первоп. ѡврѣтс), рѣклз ѣси (Быт. XXXII. 12, XLIV. 23, Остр. рече, Первоп. речє, а на полѣ, какъ въ Новой), ивѣлз ѣси (3 Цств. XVI. 2, Остр. взведє, Первоп. взведѣ, а на полѣ -лз ѣси), превѣлз ѣси (4 Цств. XVII. 26, Остр. приведе. Первоп. приведе, а на полѣ -лз) и т. д. Какъ видно, Острожская библія сохраняетъ еще старую форму, Первопечатная же или совсѣмъ замѣняетъ ее сложнымъ прошедшимъ или, сохраняя старую въ текстѣ, приводитъ сложную въ видѣ варианта на полѣ.

Третье лицо виолнѣ обыкновенно (примѣры см. выше, стр. 350 — 351). Множественное число. Первое лицо: прїидѡхомз (Суд. XV. 10), внидѡхомз (1 Ц. X. 14), гадѡхомз (2 Пар. XXXI. 10), рскѡхомз (Быт. XLIV. 26), погивѡхомз, ѡсчезѡхомз (Числ. XVII. 12), могоѡхомз (Дан. XIII. 39) и т. д. Второе лицо: оумрѡсте (Колосс. III. 3), ѡвергѡстєєє (Числ. XIV. 31), введѡсте (ibid. XX. 4), ѡзнєдѡсте (ibid. 5) и т. д. Третье лицо весьма часто: прїидѡша (Матѡ. II. 1), возжгѡша (1 Макк. XII. 28), ѡзнємѡгоша (Пл. Іер. V. 13), растрѡша (Ам. I. 3), столкѡша (Мих. III. 3), прильнѡша (Вар. III. 4), дадѡша (Юд. XIV. 9, XVI. 19), погрѣвѡша (ibid. XVI. 23), ѡхромѡша (Пс. XVII. 46), воздвигѡшасє (Числ. X. 12, 13), воздвигѡша (ibid. 14, 18, 22), ѡбѣгѡша, рекѡша (Числ. XVI. 34), принєсѡша (Матѡ. XIV. 35), прнвергѡша (ibid. XV. 30), гадѡша (ibid. 37), ѡвлєкѡша (Мр. XV. 17) и т. д. Двойственное число представляетъ только формы 3-го лица, первое и второе не встрѣчаются, третье же довольно часто: м. р. гадѡста (Адамъ и Ева. Быт. III. 6), оумрѡста (Р. I. 5), падѡста (Суд. XIII. 20), принєсѡста (2 Ц. IV. 8), ѡзыдѡста (Числ. XII. 5), рекѡста (ibid. XIV. 7), прїидѡста (Быт. XIX. 1. Марк. X. 35) и т. д., ср. р. ѡзнємогѡстѣ (Пс. XVII. 37, плєснѣ), ж. р. ѡдѡстѣ, прїєдѡстѣ, прїшдѡстѣ (Р. I. 19), текѡстѣ (Матѡ. XXVIII. 8) и т. д. О происхожденіи этихъ окон-

чаній и ихъ взаимномъ отношеніи см. выше (стр. 322 — 323). Какъ и у другихъ временъ, двойств. число часто замѣняется множественнымъ (ср. другіе примѣры на стр. 324): *Гѣмъ ѿ Іаѳѣѡз...* *ѿдѡша* (Быт. IX. 23, Остр. *идоста*, Первоп. *ѿдѡста*), *внидѡша*, *ѿдѡша* (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. *прѿидоста*, *ѿдоета*, Первоп. *прѿидѡста*, *ѿдѡста*), но выше (стихъ 1) *прѿидѡста*, *прѿидѡша*, *сѣдѡша* (3 Цств. XXI. 13, Остр. *прѿидѡста*, *сѣдоста*, Первоп. *прѿидѡста*, *сѣдѡста*), *ѿзыдѡша* (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. *ѿзындѡстѣ*, но рядомъ *растергѡша*, Первоп. *ѿзыдѡстѣ*, *растергѡша*), *воздвигѡша*, *рекѡша* (двѣ снохи: Р. I. 9, 10, Остр. *вздвигѡша*, но *рекѡста*, Первоп. *воздвигѡша*, но *рекѡста*) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ двойств. ч. чаще, хотя и здѣсь изрѣдка встрѣчается замѣна множественнымъ.

Формы имперфекта, характеризующія церковнославянскій языкъ, имѣютъ болѣе или менѣе поздній и вторичный характеръ. Первымъ и общимъ признакомъ является контракція (господствующая уже въ Острожской библіи) характеристичныхъ для имперфекта гласныхъ звуковъ: *ѣа*, *ѣа* (*ѣа*), свойственная главнымъ образомъ позднѣйшимъ старославянскимъ памятникамъ.

Въ тематическомъ же отношеніи замѣчается преобладаніе характернаго древнерусскаго новообразованія по типу глаголовъ съ темой неопредѣленнаго склоненія на гласные *-а*, *-и* въ родѣ стсл. глагола *люблѣахъ*, *люблѣахъ* и т. д. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить формы церковнославянскаго имперфекта на двѣ категоріи: 1) формы исконныя, первичныя (для общеславянскаго вообще) и 2) формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ только что указанной морфологической ассимиляціи.

1) Формы исконныя, первичныя: первое лицо ед. числа совпало совершенно въ смыслѣ формальномъ съ такимъ же лицомъ перваго сложнаго аориста глаголовъ съ основой неопред. склоненія на *а-*: *ѿсхождѣахъ*, *пораждѣахъ*, *ѿсторгѣахъ*, *оумерщвлѣахъ* (1 Цств. XVII. 35, Остр. *ѿсхождѣахъ*, *пораждѣахъ*, *ѿзторгѣа*, *разбивѣахъ*, *оумрщвлѣахъ*), *хождѣахъ*, *глагѣахъ*, *заповѣдахъ* (2 Цств. VII. 7, Остр. *вхождѣахъ*, *гѣахъ*, *заповѣдахъ*), *пѣахъ* (4 Цств. XIX. 24, Остр. *пѣа*), *поминахъ* (Пс. XLII. 7, Остр. *поминахъ*), *поучѣахъ*

(*ibid.* Остр. поу́чахъсѣ), ѳзгонѣхъ (Пс. С. 5, Остр. ѳзгонѣхъ), прѣхождахъ (*ibid.* 2, Остр. прѣхожѣ), поглѣмлѣхъсѣ, размышлѣхъ (Пс. LXXVI. 4, Остр. другой текстъ), смотрѣхъ (Пс. CXXI. 5, Остр. сматрѣхъ), хождахъ (*ibid.* 4, Остр. хождаѣ. Первоп. какъ въ Новой), ѳсхождахъ (Пс. LXXVII. 9, Остр. ѳсхождаахъ, Первоп. какъ въ Новой), восхѣщахъ (Пс. LXXVIII. 5, Остр. възхѣщаѣ, Первоп. какъ въ Новой), востахъ (Пс. CXVIII. 62, Остр. възтаахъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Старинныя формы безъ контракціи встрѣчаются только въ Острожской библии и то очень рѣдко *); Первопечатная уже представляетъ однѣ стяженныя формы, какъ и Новая.

Второе лицо ед. числа встрѣчается изрѣдка только въ Острожской библии: ты послѣдѣша, ты бываше (Остр. Пс. XCVIII. 8, Новая и Первоп. послѣшалъ ѳси, бывалъ ѳси); въ Новой оно вездѣ замѣнено соотвѣтствующей формой сложнаго прошедшаго.

Третье лицо ед. числа очень часто: хождаше, сѣждаше (1 Ц. VII. 16, Остр. проходаше, сѣждаше), взимаше, ѳгрѣаше, ѳдыхаше, ѳстѣпаше (*ibid.* XVI. 23, Остр. поаше, ѳдохѣ, ѳстѣпѣ), ношаше (*ibid.* XVII. 40, Остр. такъ же), мыслѣше (*ibid.* XVIII. 25, Остр. мышлѣше), лежаше (2 Цств. XIII. 8, Остр. такъ же), кадѣше (3 Цств. III. 3, Остр. другой текстъ), любѣше (*ibid.* V. 1, Остр. такъ же), люблѣше (2 Цств. XIII. 15. 21, Остр. такъ же), ѳвлѣшесѣ (3 Ц. VI. 18, Остр. друг. текстъ), досѣзаше (*ibid.* 27, Остр. такъ же), молѣшесѣ (1 Езд. X. 1, Остр. такъ же), созидаше (Неем. III. 6. 9. 10, Остр. созидѣ), вопрошаше (Мр. X. 17, Остр. взпрашаше), вѣжаше (Быт. XXXV. 7, Остр. вѣжѣ), хождаше (I. Нав. V. 6, Остр. ѳвхождаше), ѳсхождаше (Пс. XL. 7, Остр. ѳсхождааше, но тутъ же рядомъ глаше, вхождаше) и т. д.

Первое и второе лица множественнаго числа, какъ и первое единственнаго, благодаря контракціи отличительныхъ гласныхъ, совпали совершенно съ соотвѣтствующими лицами перваго сложнаго аориста у глаголовъ съ темой неопредѣленнаго склоненія на а-, и только

*) Случасѣ шесть (въ равныхъ лицахъ) на весь Псалтырь, рядомъ съ подавляющимъ большинствомъ формъ съ контракціей.

значеніе позволяет различать однѣ формы отъ другихъ. Первое лицо множ. ч.: вопрошáхомъ (Дан. XIII. 40, Остр. взпраиáховѣ, Первоп. вопрошáхова) и т. д. Второе лицо: пѣ́сте (Дан. V. 23, Остр. такъ же) и т. д.

Третье лицо весьма часто: хождáхъ (Пс. CXXV. 6, Остр. хожаахъ, но рядомъ пла́кахъсѧ, Первоп. какъ въ Новой), цѣлáхъ (Перем. VI. 14, Остр. такъ же), течáхъ (ibid. XXIII. 21, Остр. такъ же), снѣдáхъ (ibid. L. 7, Остр. гáдѣ), дагáхъ (Иез. VI. 13, Остр. дáша), спáхъ (ibid. XXIII. 8, Остр. легáхъ), по́хъ, б́гословлáхъ, слáвлáхъ (Дан. III. 51, Остр. по́хъ, б́влáхъ, славлáхъ), писáхъ (ibid. V. 5, Остр. такъ же), смѣщáхъ (ibid. 6, Остр. смѣщáхъть, Первоп. какъ въ Новой), вхождáхъ, можáхъ (ibid. 8, Остр. такъ же), расхищáхъ (Пс. LXXXVIII. 42, Остр. расхищáхъть, Первоп. какъ въ Новой), навлюдáхъ (ibid. XIII. 15, Остр. влюдáста), о́утопáхъ (Мр. V. 13, Остр. такъ же), о́угнив́гáхъ (ibid. 24, Остр. такъ же), глаго́лахъ (ibid. 31, Остр. ѓлахъ), вѣ́хъ, плюва́хъ, поклонáхъсѧ (ibid. XV. 19, Остр. вѣ́хъ и такъ же, какъ въ Новой) и т. д.

Формы, свойственныя древнерусскому и представляющія исконное третье лицо множ. ч. + окончаніе ть, встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библии (см. примѣры). Въ Новой онѣ отсутствуютъ, равно какъ и въ Первопечатной.

Двойственное число представлено, какъ всегда, скуднѣе и часто замѣняется множественнымъ. Первое лицо: Остр. взпрашáховѣ (Дан. XIII. 40, Первоп. вопрошáхова, Новая множ. ч. вопрошáхомъ) и т. д. Второе лицо не встрѣчается; Зогр. Ев. нсклшѣта (Лук. II. 49, Нов. искáсте—2 л. мн. аориста сложанго перваго, Остр. какъ Нов.) и т. д. Третье лицо довольно часто: м. р. бесѣдоваста (Лук. XXIV. 14, Зогр. бесѣдовкшѣте, Остр. какъ въ Новой), ср. р. держáстѣсѧ (ibid. 16, Остр. дръжáстасѧ), м. р. ѓласта (Лук. IX. 31, Остр. такъ же), ѣ́кáста (Лук. II. 44, Зогр. нсклшѣте, Остр. ѣ́каста), хождáста (ibid. II. 41, Зогр. хождшѣте, Остр. хожа́ста), поношáста (Матѣ. XXVII. 41, Мр. XV. 32, Зогр. поношшѣте, Остр. поношáста, понашáста), н́ждáста (Лук. XXIV. 29, Зогр. нждшѣте, Остр. н́жа́ста), и т. д.

Съ внѣшней стороны формы двойственного числа ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ аориста у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго склоненія на а-.

По типу такихъ исконныхъ формъ созданы новообразованія, характеризующія церковнославянскій русскаго типа и вытѣснившія въ немъ исконныя формы совершенно. Окончанія здѣсь тождественны съ окончаніями разсмотрѣннаго выше исконнаго имперфекта, но въ тематическомъ отношеніи эти формы отличаются отъ исконныхъ непремѣнною палатальностью послѣдняго согласнаго основы, которая у исконныхъ формъ свойственна только глаголамъ, имѣющимъ основу неопред. склоненія на н-.

Примѣры такихъ вторичныхъ, русскихъ формъ имперфекта: Единственное число, первое лицо: сѣдѣхъ (1 Езд. IX. 4, Остр. сѣдѣ, Первоя. какъ въ Новой), живѣхъ (Тов. V. 6, Остр. бы вѣхъ), вѣдѣхъ (Пс. XXXIV. 11, Остр. вѣдѣхъ, 1 Ц. XXII. 22, Остр. аор. видѣхъ), зрѣхъ (Дан. VII. 4. 9, Остр. такъ же), ѣдѣхъ (Быт. XLVIII. 7, Остр. ѣдѣ) и т. д. Формъ втораго лица въ Новой библіи не встрѣчается. Въмѣсто нихъ мы ожидали бы соотвѣтствующія формы сложнаго прошедшаго, какъ и у исконнаго имперфекта (см. выше стр. 362). Третье лицо весьма часто: вѣдѣше (Быт. XXXI. 32, Остр. и Первоя. вѣдѣ), ѣмѣше (Іоан. XIII. 29, Остр. ѣмѣше, Первоя. какъ въ Новой; Быт. XIV. 10, Остр. какъ въ Новой), ѣдѣше (Быт. XXXIX. 6, Остр. ѣдѣше), хотѣше (ibid. 7, Остр. хотѣше), ѣдѣше (Быт. XII. 4, Остр. такъ же; Числ. XXII. 23, Остр. ѣдѣше), сѣдѣше (ibid. 22, Остр. такъ же), ведѣше (Исх. XIV. 25, Остр. водѣше), горѣше (Второз. V. 23, Остр. такъ же), живѣше (I. Нав. XII. 2, Остр. живѣше), видѣше (1 Ц. IV. 15, Остр. такъ же), пасѣше (ibid. XVII. 34, Остр. 1 л. ед. пасѣхъ), шадѣше (2 Ц. XVIII. 16, Остр. другой текстъ), вѣдѣше (Іерем. V. 6, Остр. причастіе наст. вр. вѣдѣщъ, Плачь Іер. I. 14, Остр. аор. оукѣдѣсѣ), грѣдѣше (Іез. I. 4, Остр. такъ же); кипѣше (ibid. XLVII. 5, Остр. такъ же), кладѣше (Ос. II. 13, Остр. такъ же), терпѣше (Прем. С. XVII. 16, Остр. трѣпѣше), влечѣше (ibid. XIX. 4, Остр. такъ же), горѣше (I. Сир. XLVIII. 1, Остр. такъ же),

хрѣпѣше (Иона I. 5, Остр. хрѣпѣше, Первоп. какъ въ Новой), мнѣше (1 Макк. VI. 9, Остр. мнѣше), радѣше (2 Макк. IV. 14. 27, Остр. только 27: радѣше), мѣтѣшесѣ (3 Езд. XIV. 40, Остр. смѣтѣшесѣ) и т. д.

Множественное число, 1-е лицо: сѣдѣхомъ (Исх. XVI. 3, Остр. и Первоп. сѣдѣхомъ), вѣдѣхомъ (Числ. XII. 11, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного). 2-е лицо: живѣсте (Кол. III. 7, Лев. XXVI. 35, Остр. такъ же), ѣдѣсте (Втор. XXXII. 38, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного).

Третье лицо очень часто: ѣдѣхѣ (Быт. XXXVII. 25, Остр. настоящ. и аористъ, I. Нав. VI. 12, Остр. такъ же bis), ѣдѣхѣ (Быт. XLIII. 32, Остр. такъ же), пасѣхѣсѣ (Быт. XLI. 2. 3. 18, Остр. такъ же), ѣмѣхѣ (ibid. XLIII. 26, Остр. ѣмѣхѣ, Первоп. ѣмѣхѣ; I. Нав. V. 8, Остр. ѣмѣхѣ), живѣхѣ (Быт. XII. 6, Остр. такъ же), видѣхѣ (Исх. V. 19, XXXIII. 10, Остр. видѣхѣ и видѣхѣ), мѣсѣхѣ (Числ. XI. 8, Остр. такъ же), вѣдѣхѣ (I. Нав. X. 2, Остр. вѣдѣхѣ), зрѣхѣ (Суд. XIII. 19, Остр. и Первоп. двойств. глѣдѣста), владѣхѣ (ibid. XIV. 4, Остр. такъ же), жиѣхѣ (1 Цств. VI. 13, Остр. такъ же), хотѣхѣ (ibid. XV. 9, Остр. такъ же), несѣхѣ (2 Цств. III. 22, Остр. такъ же), везѣхѣ (ibid. VI. 3, Остр. такъ же), зовѣхѣ (3 Ц. XVIII. 28, Остр. такъ же), ведѣхѣ (1 Пар. XIII. 8, Остр. такъ же), жрѣхѣ (1 Макк. I. 59, Остр. такъ же) и т. д.

Двойственное число по обыкновению представлено скудно. Имѣются только формы 3-го лица: ж. р. зрѣстѣ (Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѣста), ѣдѣстѣ (Матѣ. XXVIII. 8, Остр. ѣдѣсте, Первоп. ѣдѣсте), м. р. ѣдѣста (Лук. XXIV. 28, Остр. такъ же) и т. д. Исконныя формы (только съ контракціей) у этихъ глаголовъ (съ темой неопредѣленнаго наклоненія не на а- и н-) встрѣчаются лишь весьма рѣдко: ѣмѣхѣ (2 Пар. XXX. 22; 1 Макк. X. 15, Остр. ѣмѣхѣ).

Глаголь быти, какъ и въ старославянскомъ, представляетъ двѣ формы: 1) Ед. ч. первое лицо: бѣхъ (Быт. XXXII. 10, Остр. бѣхъ; 2 Ц. VII. 9, Остр. настоящ. время ѣсмъ, Неем. I. 1. 4, Остр. бѣхъ); второе лицо употребляется еще въ Остр. и

Первоп., но въ Новой не встрѣчается и замѣнено вездѣ сложнымъ прошедшимъ: Матѳ. XXVI. 69, Остр. ѿ ты вѣ съ ѿсомъ (Первоп. ѿ ты вѣ... Нов. ѿ ты вѣ съ ѿси...) и т. д., третье лицо часто: вѣ (Быт. XI. 1, Руѳъ I. 7, 3 Ц. III. 18 и т. д.). Множ. число, первое лицо: вѣхомъ (1 Цств. XXV. 16, Римл. VII. 5, Галат. IV. 3, *bis*. Д. Ап. XXVII. 15, Числ. XIII. 34 и т. д.); второе лицо: вѣсте (Исх. XXIII. 9, Остр. такъ же, Лев. XIX. 34, Остр. вѣсте); третье лицо: вѣша (Быт. III. 7, Остр. вѣша *вм.* двойств., 3 Ц. VIII. 7, Остр. двойств. вѣста, Первоп. вѣста, 1 Ц. XIII. 2, Остр. вѣша и т. д.). Двойственное число представлено лишь въ третьемъ лицѣ: м. р. вѣста (Лук. I. 6, Быт. XL. 4. 5, Остр. вѣста), ж. р. вѣстѣ (Быт. XXVII. 23; XXIX. 16, Остр. вѣста, Первоп. вѣста). Формы перваго лица дв. числа встрѣчаются въ Острожской библіи, но въ Новой замѣнены множ.: вѣхомъ (Остр. и Перв. 3 Ц. III. 18, Нов. вѣхомъ). Формы этого типа имперфекта такъ же, какъ и въ старославянскомъ, имѣютъ значеніе аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ (см. Miklosich. *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen*. Wien. 1874, стр. 40): часто онѣ употребляются наряду съ формами настоящаго аориста (вѣхъ, вѣ, вѣсть и т. д.) совершенно безразлично: *Гегѣвъ роди Іаіра, ѿ вѣша ѣмѣ 23 грады...* (1 Парал. II. 22, Остр. вѣша)... *И вѣша сынове Іерамеіла... Рамъ..., ѿ Ваана и т. д.* (*ibid.* 25, Остр. вѣша); рядомъ ниже: *И вѣша сынове Рама... Маасъ, ѿ Іаминъ и т. д.* (*ibid.* 27, Остр. вѣша и вѣша); *ѿ вѣша сыны Оуніамли Гаммаа, ѿ Едааі (*ibid.* 28, Остр. вѣша) и т. д.* *И избрѣ себѣ Гаѣлъ три тысяцы мѣжѣй... ѿ вѣша съ Гаѣломъ двѣ тысяцы въ Махмасѣ, ѿ въ горѣ Веѣіли, ѿ тысяца вѣша со Іунаѣномъ въ Гавай и т. д.* (1 Ц. XIII. 2, Остр. вѣста, вѣша). Какъ видно изъ цитатъ, Острожская библія въ этомъ отношеніи представляетъ большее единообразіе, чѣмъ Новая.

2) Рядомъ съ только что приведенными аористическими формами, мы встрѣчаемъ и формы настоящаго имперфекта, соответствующія старослав. вѣхъ, вѣше и т. д. И здѣсь мы находимъ только формы „русскаго“ имперфекта съ морфологической ассимиляціей къ формамъ типа глаголахъ = глаголахъ и любляхъ =

люблѣхъ. Имѣются, однако, только формы третьяго лица единственнаго и множественнаго. Остальныя формы всѣхъ трехъ чисель не встрѣчаются въ печатномъ библейскомъ текстѣ: 3 л. ед. бѣше (Д. Ап. V. 4, Остр. бѣше, Іов. I. 1, Остр. бѣ. Въ обоихъ случаяхъ бѣше употреблено рядомъ съ бѣ въ одинаковомъ значеніи аориста. Быт. XXXIX. 2. И бѣше Гдѣ со Іосифомъ: и бѣше мѣжъ благополученъ, и бысть въ домѣ гдѣина своего. Остр. и бѣ гь... и бѣше мѣжъ... и бысть... Быт. VII. 22. 23: и все, еже бѣ на сѣши, оумре. И потребисѣ всѣкое востаніе, еже бѣше на лицѣ всеѣ земли... Остр. елико бѣ... иже бѣхъ).

Третье лицо множественнаго — бѣхъ (Быт. VI. 4, Остр. такъ же, XXXIX. 2, Остр. бѣхъ, XXXI. 5, Остр. такъ же, 1 Цств. XIII. 7, Остр. такъ же, XVII. 19, Остр. бѣхъ, Первop. бѣхъ, 1 Макк. V. 5, Остр. бѣхъ, XIII. 44, Остр. бѣхъ, Іерем. XIV. 19, Остр. настоящее нѣсть, Дан. XIV. 32, Остр. бѣше и т. д.) имѣетъ всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе имперфекта. Кроме того имѣется форма съ контракціей бѣхъ, употребляющаяся на ряду съ бѣхъ, часто въ непосредственномъ содѣствѣ, безъ всякаго особаго оттѣика (1 Макк. XIII. 44. 45: и вскачѣхъ во градъ, иже бѣхъ въ миханѣ, и бысть смѣтѣніе вѣліе во градѣ. И въздоша иже бѣхъ во градѣ... и возопиша и т. д. Остр. бѣхъ и бѣхъ, *ibid.* VII. 13: и первѣи Асидѣи бѣхъ въ сынѣхъ Іилевыхъ, и искѣхъ ѿ нѣхъ міра. Остр. бѣхъ, Іерем. XI. 13: по числѣ во градѣхъ твоихъ бѣхъ бѣзи твои, Іудо... Остр. бѣхъ, Быт. VIII. 1: и помани Ггъ Нѣа, и всѣ зѣри, и всѣ скоты... елика бѣхъ съ нѣмъ въ ковчезѣ... Остр. бѣхъ, 1 Пар. VII. 19: бѣхъ же сынове Гемѣра: Аѣмъ, и Гѣхѣмъ и т. д. Остр. бѣхъ и т. д.).

Какъ остатокъ старославянскаго имперфекта безъ контракціи можно бы разсматривать имперфектъ глагола нмж, нмѣти—нмѣхъ и т. д., встрѣчающійся нерѣдко въ печатныхъ текстахъ, но эти формы могутъ быть и результатами морфологической ассимиляціи къ основѣ настоящаго времени—нмѣю, нмѣши и т. д.

Примѣры такихъ формъ: 3 л. ед. нмѣше (Быт. XXXIX. 5, Остр. нмѣше, Первop. какъ въ Новой; *ibid.* VIII. 11, Остр.

ѣмѣаше, Первоп. какъ въ Новой; Плачь Іер. I. 7, Остр. ѣмѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 1 Пар. XIII. 14, Остр. ѣмѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 2 Пар. XXXIII. 6, Остр. ѣмѣаше, Первоп. какъ въ Новой), 3 л. мн. ѣмѣахѹ (Матѹ. XIII. 5, 6, три раза, Остр. два раза ѣмѣаше, ѣмѣахѹ, Первоп. ѣмѣаше, ѣмѣахѹ; Юд. VII. 21, Остр. другой текстъ; Прем. Сол. XVIII. 12, Остр. ѣмѣахѹ, Первоп. какъ въ Новой, Іов. IV. 21, Остр. ѣмѣахѹ и т. д.).

Иного происхожденія формы имперфекта (отъ глагола дѣяти): 3 ед. дааше (1 Макк. XIV. 8, 10, Остр. 8, дааше, 10, даровахѹ), преподааше (2 Макк. I. 35, Остр. предаде), продааше (Быт. XII. 56, Остр. такъ же); первое лицо множ. даахѹмъ (Исх. V. 13, Остр. даахѹ); третье множ. даахѹ (Іер. XXXVII. 21; Дан. XIV. 32, Остр. такъ же) и т. д. Изъ другихъ особенностей старославянскаго имперфекта, сохранившихся и въ печатномъ церковнославянскомъ, можно отмѣтить колебаніе у глаголовъ съ послѣднимъ согласнымъ основы (корня) губнымъ между формами ѣсъ л (развившимся изъ ј) и формами безъ л. Формы съ л: ѡсквернавлѹхѹ (Іезек. XIII. 19, Остр. ѡсквернавлѹхѹ), глѹмлашесѹ (Іов. XXII. 19, Остр. такъ же), поглѹмлахѹсѹ (Пс. LXXVI. 4, Остр. глѹмлашесѹ), разслаблѹхѹ (Прем. С. XVII. 18, Остр. другой текстъ), пріемлахѹ (ibid. XIX. 13. 14, Остр. пріемлахѹ, взепріемлахѹ), ѡскорблѹхѹ (I. Сир. XLVI. 19, Остр. ѡскорвѹхѹ, Первоп. какъ въ Новой), гравлѹхѹ (Мих. II. 2, Остр. гравлѹхѹ, Первоп. какъ въ Новой), гавлаше (1 Макк. IV. 20, Остр. такъ же), поздравлѹхѹ (ibid. VII. 29, Остр. поздравлѹхѹсѹ), люблаше (Быт. XXV. 28, Остр. такъ же), давлѹше (1 Цств. XVI. 14, Остр. такъ же), оумерцивлѹхѹ, воепротивлашесѹ (ibid. XVII. 35, Остр. оумрцивлѹхѹ, взепротивлашесѹ, Первоп. какъ въ Остр.), люблѹхѹ (XVIII. 16, Остр. такъ же) и т. д. Формы безъ л: любаше (3 Цств. V. 1, Быт. XXIX. 20, Остр. такъ же; 1 Цств. XIX. 1, Остр. оугоденъ баше), направлѹсѹ (Пс. CXVIII. 128, Остр. направлѹсѹ, Первоп. направлѹсѹ), подобашесѹ (Іез. XLIII. 3, Остр. подобашесѹ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Послѣднія значительно рѣже первыхъ, имѣются уже въ

Острожской библии и, слѣдовательно, ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ намятниковъ. Въ церковнославянскомъ онѣ подерживались также такими вторичными формами, какъ живѣхъ, живѣше, живѣхъ и т. д. (см. выше, стр. 364).

Въ общемъ значеніе имперфекта не всегда строго выдержано. Нерѣдки случаи, когда формы имперфекта употребляются на ряду съ формами аориста (у глаголовъ вида несовершеннаго): Неем. III. 2 и слѣд.: „и близъ его созидаша (Остр. съзидаша) мужіе Іерихонстіи и близъ ихъ созида (О. съзида) Закхуръ... 3. Врата же рыбная созидаша (О. съзидаша) сынове Асанаевы... 4. И близъ ихъ созидаше (О. съзида) изъ Рамоѡны сынъ Уріянъ... и близъ его созидаше (О. созида) Мосолламъ... и близъ ихъ созидаше (О. созида) Садокъ... 5. И близъ ихъ созидаша (О. созидаша) Теоимы... 6. И врата старая созидаше (О. созидаше) Іоида... 7. созидаша (О. созидаша), 8. созида (О. созида), 9, 10, 11, 12, 14. созидаше (О. созида), 15. созидаше (О. съзида), 16. созидаше (О. съзида), 20, 21. созидаше (О. съзидаше), 23. созидаше (О. созида) и т. д. Острожская и Первопечатная библии въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе выдержанности. Безразличное употребленіе это коренится въ особенностяхъ живого русскаго языка, знающаго одно прошедшее (*praeteritum*) вообще и выражающаго болѣе тонкіе оттѣнки глагольнаго дѣйствія помощью такъ называемыхъ *видовъ*. Нѣкоторое смѣшеніе въ значеніи формъ аориста и имперфекта, наблюдаемое въ печатномъ церковнославянскомъ, сказывается и у грамматиковъ.

Л. Зизаній обозначаетъ аористъ терминомъ „мношедшее“: гѣиѣ, гѣвиѣ ѣси, ла, ло и гѣви, гѣви, гѣви ховѣ, ва; -ста, -ста, гѣви хѡ, гѣиѣсте, гѣвиша (л. 57). Рядомъ у него имѣется имперфектъ въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей, обозначаемый терминомъ „протяженное“: гѣвлѣ, гѣвлѣ ѣси, ла, ло и гѣвлѣше, гѣвлѣше (2 и 3 л.); гѣвлѣ ховѣ, ва; гѣвлѣста, гѣвлѣхъ (л. 57) и 2) безъ контракціи, обозначенный терминомъ „пресовершенное“: гѣвлѣ, гѣвлѣ ѣси, гѣвлѣше, гѣвлѣ, гѣвлѣ ховѣ, гѣвлѣста, ѣста; гѣвлѣ хѡ, гѣвлѣсте, гѣвлѣхъ, гѣвлѣша. То же приблизительно находимъ и въ другихъ парадигмахъ Зизанія, напр. въ „молитвенномъ протяженномъ“: дѣ бы гѣвлѣ;

гáвлѣ̄ бы ѣсѣ̄, ла, ло. гáвлѣ̄шебы, дá бы гáвлѣ̄ховѣ̄, вабы. стабы. гáвлѣ̄ста бы, дá бы гáвлѣ̄хѣ̄, гáвлѣ̄сте бы, гáвлѣ̄хѣ̄ бы (л. 58) и въ „молитвенномъ пресовершенномъ“: давы̄ гáвлѣ̄, гáвлѣ̄лбы̄ ѣсѣ̄, ла, ло. гáвлѣ̄шебы. дá бы̄ гáвлѣ̄ховѣ̄, хова; гáвлѣ̄стабы (bis), дá гáвлѣ̄хѣ̄, гáвлѣ̄стсбы, гáвлѣ̄хѣ̄бы (тамъ же). Отъ глагола *взставати* „протяженное“ является въ такомъ видѣ: „взстава́хъ, взстава́лъ ѣсѣ̄, ла, ло, взстава́, взстава́ше, взстава́ховѣ̄, ва, взстава́ста, ва́ста; взстава́хѣ̄, взстава́сте, взстава́хѣ̄, взстава́ша“; „пресовершенное“ разнится только отсутствіемъ контракціи: *взстава́, взстава́аховѣ̄, взстава́ахомъ* (л. 67).

Въ то же время „мимошедшее“ (=аористу) представляетъ другую тему, а именно вида несовершеннаго: *взста́хъ, взста́ховѣ̄, взста́ста, взста́хомъ* и т. д. (л. 66 на об.). Какъ видно, и у Зизанія главную роль играютъ не спеціальныя формальныя особенности того или другого *времени* (въ имперфектѣ у него мы находимъ формы аориста, напр. въ 3 л. мн., а также и сложнаго прешедшаго), а извѣстныя формальныя отличія того или другого *вида*. У М. Смотрицкаго въ Моск. изданіи аористъ окрещень терминомъ „*преходящее*“, напр. *что́ха, чѣлъ, члá, члò, чтѣ̄*; дв. м. и ср. *что́хома* (первое изд. *что́хова*), *что́ста, что́ста*, ж. *что́хомѣ̄* (первое изд. *что́ховѣ̄*), *стѣ̄, тѣ̄*; множ. *что́хомъ, что́сте, что́ша* (л. 190 на об.).

Имперфектъ же, какъ и у Зизанія, является въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей подъ именемъ „*прешедшаго*“ (=„*протяженному*“ Зизанія): *чита́хъ, чита́лъ, чита́ла, ло, чита́ше*; дв. м. и ср. *чита́хома* (1-е изд. *чита́хова*) *чита́ста, ста*, ж. *чита́хомѣ̄* (1-е изд. *чита́ховѣ̄*), *чита́стѣ̄, стѣ̄*, множ. *чита́хомъ, чита́сте, чита́хѣ̄* или *чита́ша*, 2) безъ контракціи подъ именемъ „*мимошедшаго*“ (=„*пресовершенному*“ у Зизанія): *чита́ахъ, чита́алъ, чита́ала, чита́ало, чита́аше*; дв. муж. и ср. *чита́ахома* (1-е изд. *чита́ахова*), *чита́аста, чита́аста*; ж. *чита́ахомѣ̄* (1-е изд. *чита́аховѣ̄*), *чита́астѣ̄ (bis)*; множ. *чита́ахомъ, чита́асте, чита́ахѣ̄* или *чита́аша* (л. 191 на об.).

Какъ и у Зизанія, мы находимъ здѣсь смѣсь различныхъ формъ: аориста, имперфекта и сложнаго прешедшаго.

Главную роль играет *видъ*, а не временныя формальныя отличія. На чисто видовыхъ отличіяхъ основано и „непредѣльное“ время М. Смотрицкаго, представляющее собой въ большинствѣ формъ обыкновенный аористъ (сложный съ тематическимъ гласнымъ -о-): прочтѣхъ, прочѣлъ, ла, лѣ; прочтѣ, дв. м. и ср. прочтѣхома, прочтѣста, ста, ж. прочтѣхомѣ, прочтѣстѣ, стѣ; мн. ч. прочтѣхомъ, прочтѣсте, прочтѣша (л. 191 на об.—192) и т. д.

Такія же формы находимъ и у глаголовъ съ основой неопредѣленнаго склоненія на и-: „совершеннаго вида переходящее“ (аористъ): творихъ, творилъ, ла, ло, твори; дв. муж. и сред. творихома, твориста, ста, женск. творихомѣ, твористѣ, стѣ; множ. творихомъ, твористе, твориша (л. 215 на об.); „учащательнаго вида прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): творихъ и проч. якоже читихъ; „мимошедшее“ (имперфектъ безъ контракціи): творихъ и проч. якоже читаихъ (л. 216). Особенно пеструю смѣсь различныхъ формъ находимъ мы у глагола быти: „вида совершеннаго переходящее“ (аористъ): вихъ, вилъ, лѣ, лѣ, бѣ, дв. муж. и ср. вихома, вѣсма, стѣ, стѣ, женск. вихомѣ или вѣсмѣ, вѣстѣ, стѣ, множ. вихѣ, вѣстѣ, вихѣ или вѣша (л. 235).

Здѣсь находимъ смѣсь формъ аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго. Такую же смѣсь представляетъ и „прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): вихъ (аористъ), вилъ, вѣлѣ, лѣ (сложное прошедшее), вѣсть (аористъ) или вѣшс (имперфектъ); двойственное число муж. и средн. рода: вихома или вѣсма, ста, ста, женскаго вихомѣ или вѣсмѣ, вѣстѣ, вѣстѣ; множеств. вихомъ, стѣ (аористъ), вѣхѣ (имперфектъ) или вѣша (аористъ) (л. 235 на обѣихъ сторонахъ). „Мимошедшее“ образуется уже отъ „учащательнаго вида“: вываихъ, якоже, читаихъ (л. 235 на обор.). Еще болѣе пестрый видъ представляютъ соответствующія парадигмы глагола вѣмь: „совершеннаго вида переходящее“ — вѣдѣ, вѣдѣлъ, ла, ло, вѣдѣ, двойств. м. и ср. вѣдѣхома, вѣдѣсма, вѣдѣста, ста; женск. вѣдѣхомѣ, вѣдѣсмѣ, вѣдѣстѣ, вѣдѣстѣ; множ. вѣдѣхомъ, вѣдѣстѣ, вѣдѣхѣ или вѣдѣша (л. 238 на обор. и 239). „Прешедшее“ вѣдѣ (отчего не вѣдѣхъ?), вѣдѣлъ, ла, ло, ѣше; двойств. м. и ср. вѣдѣхома, вѣдѣсма, ѣста, ста; ж. вѣдѣ-

хѡмѣ или вѣдѣсмѣ, ѡстѣ, стѣ; множ. вѣдѣхѡмъ, вѣдѣсте, вѣдѣхѣ
или вѣдѣша (л. 239). Интересны и парадигмы глагола ѣмь,
представляющія не мало новообразованій — „преходящее совер-
шеннаго вида“ (аористъ сложный второй) ѣдѡхъ, ѣлъ, ла, ло,
ѣдѣ; двойств. м. и ср. ѣдѡхѡма, ѣдѡсма, ѣдѡста, дѡста, ж. р.
ѣдѡхѡмѣ, ѣдѡсмѣ, стѣ; множ. ѣдѡхѡ, ѣдѡсте, ѣдѡша (л. 243).
„Прешедшее“ (имперфектъ): ѣдѣхъ, ѣлъ, ла, ло, ѣдѣше;
двойств. м. и ср. ѣдѣхѡма, ста, дѣста; женск. ѣдѣхѡмѣ, ѣдѣ-
стѣ, стѣ; множ. ѣдѣхѡ, ѣдѣсте, ѣдѣхѣ (формы ѣдѣша нѣтъ,
хотя у глагола вѣмь находимъ вѣдѣхѣ, вѣдѣхѣ, рядомъ съ вѣдѣша,
вѣдѣша). „Мимошедшее“ образовано уже отъ „учащательнаго ви-
да“: ѣдѣхѣ, якоже читахѣ (л. 243 на обор.). Глаголь снѣмь имѣ-
етъ у М. Смотрицкаго двѣ формы сложнаго аориста („непредѣль-
ное учащат. вида“): 1) вторую форму съ соединительнымъ глас-
нымъ -о-: снѣдѡхъ, снѣлъ, ла, ло, снѣдѣ; двойств. м. и средн.
снѣдѡхѡма, снѣдѡста, ста; жен. снѣдѡхѡмѣ, стѣ, стѣ; множ. снѣ-
дѡхѡмъ, снѣдѡсте, дѡша (л. 243 на обор. и 244) и 2) первую
форму: снѣхъ, снѣлъ, ла, ло, снѣ; двойств. м. и ср. снѣсма,
снѣста, снѣста; ж. снѣсмѣ, снѣстѣ, снѣстѣ; множ. снѣхѡмъ, снѣ-
стѣ, снѣша. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, грам-
матика М. Смотрицкаго представляет не мало формъ, чуждыхъ
библейскому тексту и являющихся результатами морфологической
ассимиляціи къ разнымъ дѣйствительнымъ формамъ. Таковы, напр.
оригинальныя формы 1 л. двойств. числа вѣсма, вѣсмѣ, вѣсма,
вѣсмѣ, вѣдѣсма, вѣдѣсмѣ, вѣдѣсма. -ѣ, ѣдѡсма. -ѣ, снѣсма, -ѣ,
вызванныя вліяніемъ втораго и третьяго лица того же числа:
вѣста, вѣста, вѣдѣста и т. д. и въ библейскомъ текстѣ совсѣмъ
не встрѣчающіяся. Новообразованіемъ является и форма третьяго
лица ед. ч. аориста снѣ, рядомъ съ 1 л. снѣхъ, образованная
по типу ѣмѣ, рядомъ съ 1 л. ѣмѣхъ, вѣдѣ || вѣдѣхъ и т. д.
(стсл. нмѣ || нмѣхъ). Смѣшеніе формъ имперфекта и аориста,
имѣющееся въ нѣкоторыхъ парадигмахъ и указывающее на от-
сутствіе рѣзкаго различія между этими двумя временами, замѣ-
чается не вездѣ. Такъ, рядомъ съ вѣдѣхѣ имѣется вѣдѣша и ря-
домъ съ вѣдѣхѣ—вѣдѣша, хотя рядомъ съ ѣдѣхѣ нѣтъ аори-

стической формы. Какъ бы то ни было, грамматика М. Смотрицкаго также подтверждаетъ сказанное выше (на стр. 369) о паденіи спеціальныхъ аористическаго и имперфектнаго временныхъ отгѣнковъ.

§ 24. *Причастія прошедшаго времени.* Въ старославянскомъ имѣлись слѣдующія формы причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: 1) причастіе прошедшее дѣйств. залога первое (= индоевроп. причастію перфекта дѣйств. з.), образуемое отъ основы неопредѣленнаго наклоненія при помощи суффиксовъ -ъс- (у основъ на согласный) и -въс- (у основъ на гласный); у глаголовъ четвертаго класса съ послѣднимъ гласнымъ основы въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени -и возможны были и тѣ и другія образованія (хваѣль и хваливъ); 2) причастіе прошедшее дѣйств. залога второе съ суффиксами -лъ, -ла, -ло, никогда не являющееся самостоятельно, а всегда въ сочетаніи съ разными формами вспомогательнаго глагола въ различнаго рода „описательныхъ“ временахъ.

Въ церковнославянскомъ всѣ эти образованія сохранились, но рядомъ являются и различныя новообразованія.

Исконныя формы причастія прошедшаго перваго: простыя — ж. р. у основъ на согласный: вшѣдъ (Тов. VI. 15, Остр. другой текстъ), совлѣкъ (2 Макк. IV. 38, Остр. 3 ед. аор.), всѣдъ (Захар. I. 8, Остр. всѣдъ), впрѣгъ (Быт. XLVI. 29, Остр. впрѣгъже), шѣдъ (ibid. 31, Остр. ж. р. въ значеніи мужскаго шѣдши, Первоп. какъ въ Новой), прошѣдъ, ѡвшѣдъ (Иов. II. 2, Остр. ѡвхожь, прохѡждь), поѣмъ (Быт. XII. 19, Остр. поѣмъ), взѣмъ (2 Макк. V. 5, Остр. 3 аор. взѣтъ), ѣмьсѧ (2 Цств. I. 11, Остр. ѣмьсѧ, Первоп. ѣмьсѧ) и т. д. У основъ на гласный: вывъ (2 Макк. I. 13, Остр. 3 ед. аор., V. 15, Остр. другой текстъ, ibid. 18, Остр. другой текстъ, Исх. II. 11, Остр. бывъ), плюнѡвъ (ibid. VI. 20, Остр. и Первоп. прич. настоящ. ж. р. въ значеніи муж. плюючи), разѡмѡвъ (Исх. II. 11, Остр. разѡмѡвѡ), поразѡвъ (ibid. 12, Остр. оубѡвъ), гѧкѡвсѧ (Быт. XLVI. 29, Остр. 3 л. аор. показѡжесѧ), прикоснѡвсѧ (Лев. V. 3, Остр. такъ же), растѡвъ (Псалт. LVII. 9, Остр.

растаѣ), оутѣшивсѧ (Ис. XXXVIII. 16, Остр. оутѣшивсѧ) и т. д. У глаголовъ IV-го класса съ послѣднимъ гласнымъ основы неопред. наклоненія и настоящаго времени -и-: сотворѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. сѣтворѣ, Первоп. какъ въ Новой), составѣ (3 Макк. II. 5, Остр. 2 л. ед. аор. ѡстаѣ, Первоп. ѡстаѣ), исполнѣ (Пс. XXXII. 5, Остр. ѣсполнѣ), ѡмочь (Іоан. XIII. 26, Остр. ѡмочь), пристѣпѣ (Матѣ. XXVII. 58, Остр. пристѣпѣ), погѣбѣ (Лук. XV. 4, Остр. погѣбѣ) и т. д. Подобныя формы въ общемъ рѣдки и иногда замѣняются въ Новой б. формами съ суффиксомъ -вѣ: ѡложивѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. ѡтложѣ, Первоп. ѡложѣ), сотворивѣ (Лук. X. 25, Остр. сѣтворивѣ, Зогр. сѣтворѣ), всадивѣ (ibid. 34, Остр. всадивѣ, Зогр. вѣсѣждѣ) и т. д. Женск. рода: ѡтвѣрзиши (Тов. VIII. 13, Остр. другой текстъ), ѣшедши (ibid. 14, Остр. форма м. р. въ значеніи ж. р. ѡвращѣсѧ), пришѣдши (Руѣв II. 3, Остр. 3 л. аор. прѣидѣ), ѣзѣмши (Юд. XIII. 15, Остр. 3 л. ед. аор. ѣзѣтѣ), поѣмши (Быт. XVI. 3, Остр. такъ же), зачѣнши (ibid. IV. 1, Остр. такъ же), взѣмши (ibid. XXIV. 65, Остр. взѣши), востѣвши (ibid. 61, Остр. вѣставши), воззрѣвши (ibid. 64, Остр. вѣзрѣвше какъ ж. р. Первоп. возрѣвши) и т. д. Изрѣдка формы ж. р. употребляются въ значеніи м. р.: понѣкши (I. Сир. XII. 11, врагъ пойдетъ —, Остр. и Первоп. такъ же), какъ въ современномъ русскомъ. Въ Острожской библіи это употребленіе немного чаще, чѣмъ въ Новой. Въ ней встрѣчается также и имен. множеств. въ значеніи именит. ед. ж. р. Простыя формы средняго рода не встрѣчаются. Рядомъ съ простыми формами, имѣются сложныя, свойственныя и старославянскому: м. р. оумѣрый (3 Цств. III. 22, Остр. оумрѣи, Первоп. оумрѣи, 2 Макк. VI. 26, Остр. скончѣ), оукрадый (Исх. XXII. 7, 8, Остр. оукрады, Первоп. оукрады), положивый (2 Цств. XXII. 34, 35, Остр. и Первоп. полагаѣ), возвративый (3 Цств. XIII. 26, Остр. вѣзвративы), бѣвый (2 Макк. XIV. 3, Остр. вѣвы, Втор. XXII. 29, Остр. другой текстъ), оубѣвый (Исх. XXI. 13, Остр. оубѣвы), прикосѣвыйсѧ (ibid. XIX. 12, Остр. такъ же), ѡбѣщавый (Числ. VI. 18, Остр. ѡвѣщавы), оуцѣлѣвый (I. Нав. X. 37, Остр.

другой текстъ), сповѣствовавый (ibid. XXIII. 3, Остр. ѿже по-
 може), пѣстивый (Іов. XXXIX. 5, Остр. пѣстивыи), создáвыи
 (Ис. XCIII. 9, Остр. сздáвыи), помѣнѣвыи (Ис. LXIV. 7,
 Остр. другой текстъ), развѣмвыи (Іерем. XXXI. 10, Остр.
 развѣмвыи, Первоп. какъ въ Новой), оуслышавый (Іезек. XXXIII.
 4, Остр. слышавыи), поразивый (Дан. II. 35, Остр. ѿже раз-
 дрази), гáвивыйсѧ (Быт. XXXI. 13, Остр. гáвивыйсѧ) и т. д.
 ѿженскаго рода: ѡстáвшасѧ (І. Нав. XIII. 2, Остр. ѡстáвле-
 насѧ), бѣвшасѧ (Суд. XX. 12, Остр. бѣвшасѧ), пришѣдшасѧ (Руѡв.
 II. 6, Остр. пришѣшасѧ), возлюбившасѧ (ibid. IV. 15, Остр.
 възлюбивинасѧ), родившасѧ (Іер. L. 12, Остр. стар. ии. ед. ро-
 дившиа, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Здѣсь, какъ и у при-
 частій настоящаго времени (см. выше, стр. 342), замѣчается
 морфологическая ассимиляція къ сложнымъ именамъ прилагатель-
 нымъ или мѣстоименіямъ (стсл. добра-а и т. д.), свойственная
 русскому языку. Исконная форма еще встрѣчается (весьма рѣдко)
 въ Острожской библии, но уже въ Первопечатной находимъ ука-
 занныя новообразованія (Іер. L. 12), исключительно господствующія
 въ Новой. Средній родъ имѣетъ только сложную форму:
 бѣвшее (3 Макк. I. 1, Остр. такъ же), ѡбръѣтшеесѧ (Быт.
 XLVII. 14, Остр. ѣже ѡбръѣте), падшее (Лук. VIII. 14, Остр.
 пáшее, Зогр. падъшее), носившее (ibid. XI. 27, Остр. такъ
 же, Зогр. ношьшее) и т. д. Подъ вліяніемъ подобныхъ слож-
 ныхъ формъ, ж. и ср. р., имѣвшихся уже въ старославянскомъ,
 а также и косвенныхъ падежей, является вторичная форма им.
 ед. м. р. съ суффиксомъ -шій: оумѣршій (3 Цств. III. 23, Остр.
 оумѣршии), шѣдшій (2 Пар. XVIII. 12, Остр. 3 л. ед. аор.
 ѿде), пошѣдшій (Тов. XI. 5, Остр. другой текстъ) постáвльшій
 (2 Макк. V. 22, Остр. р. ед. постáвльшаго), бѣвшій (1 Цств.
 IV. 16, Остр. ѣсть), забѣвшій (Притчи С. II. 17, Остр. за-
 бывыи, Первоп. забѣвыи), оумолкнѣвшии (Іез. XXVII. 32, Остр.
 оумолкнѣи, Первоп. оумолкнѣи) и т. д. Форма эта тождественна съ
 винит. ед. сложнаго причастія м. р. (свойственнымъ и старосла-
 вянскому), напр., нашѣдшій (Вар. IV. 9, Остр. нашѣшии) и т. д.,
 но въ значеніи им. ед. она встрѣчается главнымъ образомъ въ

Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной находимъ на ея мѣстѣ или исконныя сложныя формы, или другіе обороты. У глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. наклоненія на и- находимъ сложныя формы, представляющія собой русскую окраску свойственныхъ и старославянскому исконныхъ формъ, въ родѣ хвалѣй, хвалѣй: рождѣйсѧ (Матѹ. II. 2, Остр. рождѣйсѧ), ѡбращѣйсѧ (вип. ед. Исх. VII. 15, Остр. ѡже вѣ ѡспровѣрглѧсѧ), насаждѣй (Ис. XCIII. 9, Остр. насаждѣй), оутверждѣй (Ис. XLII. 5, Остр. оутверждѣй), ѡзбавлѣй (ibid. XLIV. 6, Остр. ѡзбавлѣй), порождѣй (1 Петра I. 3, Остр. порождѣй) и т. д. Формы эти имѣются не только въ Острожской библии, но и въ болѣе древнихъ рукописныхъ памятникахъ.

Причастія прошедшаго времени съ суффиксами -лъ, -ла, -ло въ простой формѣ встрѣчаются только въ различныхъ описательныхъ временахъ: муж. рода, у основъ на гласный ѣль ѣси, пѣлъ ѣси (3 Цств. XIII. 22, Остр. такъ же), пользовалсѧ ѣси (Мр. VII. 11, Остр. пѣзевалъ, Первоп. пѣзовалсѧ), возвеселѣлсѧ бѣхъ (Л. XV. 29, Остр. възвеселѣлсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: помѡглъ ѣси (3 Макк. II. 10, Остр. 2 ед. аор. помѡже), рѣклъ ѣси (Исх. XXXII. 13, Остр. такъ же), нанѣслъ бы (Юд. VIII. 8, Остр. другой текстъ), ѡвлѣклъ ѣси (Іов. X. 11, Остр. 2 л. ед. аор. ѡвлечѣ, Первоп. ѡвлечѣ, на полѣ лъ ѣси), достѣглъ ѣси (ibid. XI. 7, Остр. 2 л. аор. ѡстѣни), навѣклъ ѣси (ibid. XXXVIII. 18, Остр. оувѣси), погѣвлъ ѣси (Іезек. XXVI. 17, Остр. и Первоп. 2 л. аор. погѣве) и т. д. женскаго рода у основъ на гласный: пощадѣла, посѡвствовала ѣси (Юд. XIII. 20, Остр. другой текстъ), оукрасиласѧ, оусладѣласѧ ѣси (П. II. VII. 6, Остр. 2 л. ед. аор. оукрасилсѧ, ѡсладѣсѧ, Первоп. оукрасилсѧ, ѡсладѣсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: привлекла ѣси (ibid. IV. 9, Остр. другой текстъ—оусрѣдны сѣтвори), ѡшла, пришла ѣси (Юд. XI. 3, Остр. 2 л. аор. ѡиде, Первоп. ѡиде, а на полѣ -шла ѣси) и т. д.; средняго рода: вѣше ѡстѣло (3 Езд. XI. 23, Остр. ѡстѣло) и т. д.

Сложныя формы являются самостоятельно со значеніемъ именъ прилагательныхъ. какъ въ живомъ русскомъ языкѣ: м. р. ѡвет-

шáлый (зват. ед. Дан. XIII. 52, Остр. ѡветшáлче, Первоп. ѡветшáлче), смёрзлый (Иов. VI. 17, Остр. причастіе прош. первое смёрзъсѧ, Первоп. смёрзсѧ), и т. д. женск. рода: запѹстѣлаѧ (зват. ед. Иерем. IV. 30, Остр. запѹстѣнна, Первоп. запѹстѣна), созрѣлаѧ (Иов. V. 26, Остр. сзрѣла, Первоп. созрѣла) и т. д. Эти формы очень рѣдки и являются только въ Новой библии; въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другія образованія или простыя формы.

Приблизительно такъ же представляются причастія дѣйств. прошедш. времени у грамматиковъ XVI и XVII вв.

Такъ у Л. Зизанія находимъ слѣдующія формы причастія прошедшаго перваго: 1) „мимошедшее“: гáвívы, гáвѣ, -вшѧ, вшеє (л. 59). Здѣсь имѣемъ рядомъ формы сложныя и простыя (гáвívъ), безъ всякой дифференціаціи; въ ж. р. та же морфологическая ассимиляція къ сложнымъ прилагательнымъ, о которой было сказано выше (стр. 375); вторичная сложная форма м. р. на -шій отсутствуетъ; 2) „непредѣльное“: м. р. гáвлшѣ, гáвлъ, гáлэй, ж. р. гáвлши, -ѧ; ср. р. гáвлшеє (ibid.).

Тѣ же приблизительно отношенія находимъ на листѣ 68-мъ: 1) „мимошедшее“: м. р. спáсѣсѧ, спáсъсѧ (рядомъ простая и сложная формы, какъ выше); ж. р. спáшисѧ (одна простая форма, тогда какъ выше приводилась только одна сложная), средн. р. спáсъшеєсѧ; 2) „непредѣльное“: муж. р. спáсъшійсѧ (вторичная сложная форма на -шій), ж. р. спáсъшисѧ (одна простая форма); ср. р. сѣшсс(сѧ).

Въ томъ же родѣ формы прошедшаго причастія перваго отъ глагола гласѣти (л. 70): „мимошедшее“ — гласівы, гласівъ; гласівшаѧ; гласівшеє; „непредѣльное“: възгласівшій, възгласівъ; възгласівши, възгласівшаѧ; възгласівшеє; отъ глагола бѣти (л. 74): „мимошедшее“ — вівый, бівшаѧ, бівши (простая и сложная формы рядомъ), бівшеє; „непредѣльное“ — вівшій, вівши, вівшаѧ, бівшеє и т. д.

Приведенныхъ формъ достаточно, чтобы видѣть, что распредѣленіе различныхъ причастныхъ формъ по временамъ произведено у Л. Зизанія большею частью на основаніи однихъ видо-

выхъ отличій, и то далеко не послѣдовательно; попытки къ дифференціаціи различныхъ формъ по значенію наблюдаются (ср. „мимошедшее“ м. р. бѣвыи, гласѣвы, спасѣіса, іавѣвы, но „непредѣльное“ бѣвшій, възгласѣвшій, спасѣшійса, іавѣшї и т. д.), но онѣ не могли быть проведены послѣдовательно (ср. „мимошедшее“ ж. р. бѣваша, бѣвши, ср. р. бѣвшее и „непредѣльное“ бѣвши, бѣваша, бѣвшее), что объясняется чисто „видовыми“ основаніями quasi времени Зизанія. Противоположенія простыхъ формъ сложнымъ, какъ у Мелетія Смотрицкаго, мы здѣсь не находимъ. Второе причастіе прошедшее съ суффиксами -ль, -ла, -ло у Зизанія не представляетъ никакихъ особенностей, такъ что приводитъ его примѣры является лишнимъ.

У Мелетія Смотрицкаго картина болѣе сложна. Какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 343) онѣ противопоставляетъ другъ другу формы сложныя и простыя. Первыя получаютъ названіе „причастій“, а вторыя „дѣепричастій“. Распредѣленіе различныхъ формъ по фиктивнымъ „временамъ“ основано, какъ и у Зизанія, на видовыхъ отгѣнкахъ. Такъ имѣются слѣдующія „причастія“: 1) „вида совершеннаго преходящее“ м. р. чтѣи или чѣтшїи; ж. р. чѣтша; ср. р. чѣтшее (л. 198 на обор.); 2) „вида учащательнаго прешедшее“ — м. р. читавыи; ж. р. читавша; ср. р. читавшее; 3) „мимошедшее“ — м. р. читаавыи; ж. р. читаавша; ср. р. читаавшее; 4) „непредѣльное“ — м. р. прочтѣи или прочѣтшїи; ж. р. прочѣтша; ср. р. прочѣтшее (л. 199 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола творѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ — м. р. творѣи или творшїи (л. 219 на об.), ж. р. творша, ср. р. творшее или творивыи, творивша, творившее; 2) „вида учащательнаго прешедшее“ — творавыи и прочая, якоже читавыи; 3) „мимошедшее“ — творавыи и прочая, якоже читаавыи; 4) „непредѣльное“ — м. р. сотворѣи или сотворшїи, ж. р. сотворша, ср. р. сотворшее (л. 220 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола быти имѣется только 2) „вида совершеннаго прешедшее“ — м. р. бѣвыи или бѣвшїи, ж. р. бѣваша; ср. р. бѣвшее (л. 237 на обор.); отъ вѣдѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ — м. р. вѣдѣвыи или вѣдѣвшїи, ж. р.

вѣдѣвшамъ, ср. р. вѣдѣвшее; 2) „прешедшее“ — м. р. вѣдѣи или вѣдшіи, жен. р. вѣдшамъ, ср. р. вѣдшее (по типу глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. накл. на и-); 4) „непредѣльное“ — м. р. оувѣдѣи, оувѣдшіи, ж. р. оувѣдшамъ, ср. р. оувѣдшее (л. 241 на обѣихъ стор.); отъ глагола ѣмѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ и 2) „прешедшее“ м. р. ѣмѣвыи или ѣмѣвшіи, ж. р. ѣмѣвшамъ, ср. р. ѣмѣвшее; 4) „непредѣльное“ — м. р. вѣмѣвыи, яко же ѣмѣвыи (л. 249) и т. д. Приведенныя формы представляютъ собой смѣсь дѣйствительныхъ съ чисто теоретическими или встрѣчающимися въ искусственомъ книжномъ языкѣ. Формы въ родѣ „мимошедшихъ“ причастій читаавыи, твормаавыи или „прешедшаго“ творавыи въ библейскихъ текстахъ не встрѣчаются. Извѣстныя „времена“, въ родѣ „непредѣльнаго“, представляютъ собой просто формы другого вида; на чисто видовыхъ отличіяхъ основано и различіе „преходящаго“ (напр. чтѣи или чѣтніи) отъ „прешедшаго“ (читавыи). Распредѣленіе формъ по различнымъ quasi временамъ не всегда послѣдовательно; такъ формы вѣдѣи и вѣдшіи и т. д., образованныя по типу творѣй, творшіи и т. д., отнесены къ „прешедшему“ (какъ творавыи, читаавыи), а формы вѣдѣвыи, вѣдѣвшіи и т. д. (одинаковыя съ „прешедшими“ читаавыи и творавыи) къ „преходящему“. Свообразны формы творавыи (по типу читаавыи, а также подъ вліяніемъ основы имперфекта творавухъ) и читаавыи, твормаавыи (подъ вліяніемъ формъ имперфекта безъ контракціи).

Можно отмѣтить также, что вторичныя формы причастія им. ед. м. р. на -шій у глаголовъ чести, читати имѣются только въ „преходящемъ“ и „непредѣльномъ“, а въ „прешедшемъ“ и „мимошедшемъ“ ихъ нѣтъ. У другихъ глаголовъ, однако, находимъ эти формы и въ „прешедшемъ“ (вѣдшіи). Простыя формы, или „дѣепричастія“, по терминологіи Смотрицкаго, представляютъ также нѣсколько новообразованій: „вида совершеннаго преходящее“ — м. р. чѣтъ (стел. несъ) или чѣтшъ; источникомъ послѣдней формы является винит. ед. (стел. несъшь, ср. р. 2 Петра I, 18: ѣ сѣй гласъ мы слышахомъ съ нѣсѣ сшѣдшъ... Остр. ешнѣшъ.

Иез. XXVI. 19: да́мъ тѣ́ градъ ѡпѣстѣ́вшъ, Остр. ѡпѣстѣ́вшъ и т. д.), ж. р. чѣ́тши (стел. несъши), ср. р. чѣ́тше (въ старославянскомъ несъ, какъ именит. м. р.; форма несъше употребляется только, какъ вин. ед.); „прешедшее учащательнаго вида“ — м. р. чита́въ или чита́вшъ, ж. р. чита́вши, ср. р. чита́вше; „мимошедшее“ — м. р. чита́въ или чита́вшъ, ж. р. чита́вши, ср. р. чита́вше (л. 200 на обѣихъ сторон.), „непредѣльное“ — м. р. прочѣ́тъ или прочѣ́тшъ, ж. р. прочѣ́тши, ср. р. прочѣ́тше (л. 201); отъ глагола творі́ти „преходящее совершеннаго вида“ — м. р. твѣ́рѣ, ж. р. твѣ́рши, ср. р. твѣ́рше (стел. твѣ́рѣ, твѣ́рши, твѣ́рѣ) или твѣ́ривъ, ж. р. твѣ́ривши, ср. р. твѣ́ривше; „учащательнаго вида прешедшее“ — твѣ́ривъ, „мимошедшее“ твѣ́ривъ, „непредѣльное“ — м. р. сотвѣ́рѣ, ж. р. сотвѣ́рши, ср. р. сотвѣ́рши (л. 220 на об. и 221 на обѣихъ сторонахъ). Точно такія же формы имѣются и у глагола бы́ти: „прешедшее совершеннаго вида“ — м. р. бы́, ж. р. бы́вши, ср. р. бы́вше (л. 238), у глагола вѣ́дѣти: „преходящее вида совершеннаго“ — м. р. вѣ́дѣвъ или вѣ́дѣвшъ, ж. р. вѣ́дѣвши (л. 242), ср. р. вѣ́дѣвше (ibid. на оборотѣ); „прешедшее“ — м. р. вѣ́дѣ (по типу стел. твѣ́рѣ) или вѣ́дѣвъ, ж. р. вѣ́дѣвши (какъ стел. несъши), ср. р. вѣ́дѣше (какъ стел. винит. ед. несъше); „непредѣльное“ — оу́вѣдѣ или оу́вѣдѣвшъ, ж. р. оу́вѣдѣвши, ср. р. оу́вѣдѣше (л. 242 на об. и 243) и т. д. Сказанное выше (стр. 378—79) о распредѣленіи „причастій“ Смотрицкаго по временамъ имѣетъ силу и въ отношеніи его „дѣенричастій“. И здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто видовыми оттѣнками. Находимъ здѣсь также и образованія отъ основы имперфекта съ контракціей и безъ контракціи, совершенно отсутствующія въ библейскомъ текстѣ.

Причастія прешедшія страдательнаго залога, кромѣ обычныхъ старославянскихъ образованій съ суффиксами -тъ, -та, -то, -енъ, -ена, -ено, и -нъ, -на, -но, представляютъ также довольно часто новообразованія съ суффиксами -енный, -нный, чуждыя старославянскому. Примѣры этихъ сравнительно новыхъ формъ, ведущихъ свое начало еще изъ XIII-го вѣка и вызванныхъ вліяніемъ отричастныхъ прилагательныхъ съ стел. суффиксомъ -н-нъ (ср. А. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2.

1891, стр. 235), довольно часты: 1) суффиксъ -еннѣ (=ен + ѣнѣ); сосѹди, ѣ ѡлтáръ, ѣ дóмъ... ѡсвѣщенна выша (Юд. IV. 3, Остр. другой текстъ); дóмове ѣзмлаченны бѹдѹтъ (Пер. LI. 33, Остр. друг. текстъ); падѹтъ ѣзвѣеннѣ... ѣзкеннѣ (ibid. 4. Остр. ѣзвѣеннѣ, ѣзвѣеннѣ, Первоп. ѣзвѣеннѣ, ѣзкеннѣ); возстенѹтъ ѣзвеннѣ твоѣ (Иезек. XXVI. 15, Остр. ѣзвѣеннѣ, Первоп. ѣзкеннѣ), приносѣше... ѣспецреннаѣ (ibid. XXVII. 24, Остр. другой текстъ); гради разореннѣ, раскопаннѣ, забрѣлы оутверженнѣ сташа (ibid. XXXVI. 35, Остр. оупѣстѣвшѣи ѣ раскопаннѣ, оутверженнѣ, Перв. -ѣвшѣи, -аннѣ, -еннѣ); возградѣхъ разореннымъ ѣ насадѣхъ погѣвленнымъ (ibid. 36, Остр. ѣ Первоп. разореннымъ, погѣвшѣамъ); прѣидеши на зѣмлю ѣзвращеннѣю (ibid. XXXVIII. 8, Остр. ѣ Первоп. ѡвращеннѣю); оукрашенна выла ѣснѣ (Иез. XVI. 13, Остр. ѣ Перв. оутварѣна); ѣ трапѣза оукрашенна прѣдъ лицѣмъ ѣмъ (ibid. XXIII. 41, Остр. оукрашенна); взѣмлаѣ сѣеннымъ сосѹды ѣ ѣже ѡ ѣныхъ царѣй положеннаѣ (2 Макк. V. 16, Остр. ѣже... вѣхъ поставлена, Первоп. также поставлена); оупрѣдрити... хрѣмъ ѡ нечестивыхъ члѣвкѣ ѡскверенный (2 Макк. VIII. 2, Остр. оскверненѣмый, Первоп. ѡскверненѣмый); помѣловати... разоренный градъ (ibid. VIII. 3, Остр. оупѣстѣннѣи, Первоп. ѡпѣстѣнный); частыми дѣицами ѡбложенными ѡ свѣта заключеннѣ выша (3 Макк. IV. 8, Остр. обложени); плѣчите живѹщѣи въ носѣченнѣй (Соф. I. 11, Остр. впожженѣи, Первоп. ѣпожженнѣй); градъ ѡпредѣленный оувѣвшѣмъ, Кедесъ... (I. Нав. XXI. 32, Остр. нареченнѣи); грады ѡлѣченныѣ (ibid. 27, Остр. нареченнаѣ, Перв. нареченныѣ); чѣна ѣнѣраза предложеннаѣ (Эсѣ. I. 8, Остр. предѣлежаща); ѣзможденна вѣднѣ крѣпость ѣхъ (Иов. V. 5, Остр. ѣзмóждана, Первоп. ѣзмóждана); речѣ разславленномъ (Лук. V. 24, Зогр. ославленномъ, Остр. ѣ Первоп. раславленномъ); насыченнѣи (Лук. VI. 25, Зогр. насыщеннѣи, Остр. ѣ Первоп. насыщеннѣи); прокаженнѣи (ibid. VII. 22, Зогр. прокжени Остр. ѣ Первоп. прокаженнѣи); рожденныхъ (ibid. 28. Зогр. рождѣннѣхъ, Остр. вроженныхъ, Перв. врожденныхъ), и т. д.

Суффиксъ -ннѣи и т. д.: сотвори... кораблѣ, ѣзвѣеннымъ (1 Макк. XIII. 29, Остр. ѣзвѣеннѣи, Первоп. ѣзвѣеннѣи); ѣкоже вѣ

Ілюдоуръ по́сланный (2 Макк. V. 18, Остр. по́сланыи, Первоп. посланный); вышепісанныхъ собравше... послати... оўзами... ўкованныхъ (3 Макк. III. 18, Остр. назнаменованныхъ, окованныхъ); оўкоралъ ѡ содѣланныхъ (ibid. VII. 6, Остр. о бывшихъ); іаже... ѡбѣщанна сѣть (3 Езд. IV. 27, Остр. что обѣщанна сѣть); блговоніе ѡвонаніа нензслѣдованнагѡ (3 Езд. VI. 44, Остр. обонаніе обонанію нейзслѣдованы); аще оўв архіерей помазанный согрѣшитъ (Лев. IV. 3, Остр. помазанныи); сіа імена сынѡвъ Іарѡннихъ, жерцы помазанныа (Числ. III. 3, Остр. и Перв. помазанныа); вси соглѣданиі Левіты (Числ. IV. 46, Остр. р. множ. сущ. сзгладаніи), и быша соглѣданиш 8580 (ibid. 48, Остр. им. множ. сущ. сзгладаніа); сѣдбы Гдні... ѡправданны (Пс. XVIII. 10, Остр. обправданны)... возжеланны (ibid. 11, Остр. възжеланны); ўкованныа ницетѡю и желѣзомъ (Пс. CVI. 10, Остр. окованы, Первоп. какъ въ Новой); не поставлю тебѣ... въ грады нешвтанны (Іер. XXII. 6, Остр. неовитанны); посѣкѣтъ избранныа кедры твоа (ibid. 7, Остр. избранныа); возми книгѣ сію... запечатлѣннѣ и книгѣ прочтенѣю (Іер. XXXII. 14, Остр. скѣпленыа, почтеныа, Первоп. скѣпленыа, почтеныа); домы твоа вожеланныа разоритъ (Іер. XXVI. 12, Остр. похотныа, Первоп. похотныа); оуготовиса самъ ты и весь сонмъ твоѣ совранный (ibid. XXXVIII. 7, Остр. сзвраныи, Первоп. совранный); пріимѣ... іаростію излианною (ibid. XX. 34, Остр. разліанною. Первоп. разліанною); и въ іарости излианнѣй царствовать будѣ... (ibid. 33, Остр. разліаннѣ, Первоп. разліаннѣ); по рѣктвореніемъ вашимъ растлѣннымъ (ibid. 44, Остр. расыпанымъ, Первоп. разсыпанымъ), званнымъ (Лук. XIV. 7, Зогр. зъванымъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); званными (ibid. 10, Зогр. зъванымн, Остр. и Первоп. званными), избранныхъ (ibid. 24, Зогр. вѣтъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); оупитанный (Лук. XV. 23, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанныи), оупитанна (ibid. 27, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанныи) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что формы съ -п- (цел. -нн-) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но далеко не такъ часто, какъ въ Новой; Первопечатная въ этомъ отно-

шеніи лишь немного ближе къ послѣдней и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы съ -н-, что и Острожская. Можно замѣтить еще, что въ Острожской библіи особенно рѣдки вторичныя формы съ суффиксомъ -енный, тогда какъ формы на -нный не рѣдки. Встрѣчаются рядомъ и сложныя, и простыя формы. На ряду съ этими новообразованиями безразлично употребляются исконныя формы на -енный, -ный: возми кни́гъ сїю запечатлѣннѹ, ѿ кни́гъ прочтѣнѹю (Іер. XXXII. 14); не вѣ́ сердце ѣгѡ́ совершено (3 Цств. XV. 3, Остр. сврзшено, Первop. какъ въ Новой) и рядомъ сердце́ Ясы вѣ́ совершено (ibid. 14, Остр. сврзшено, Первop. какъ въ Новой) и т. д. создано́ бысть (Іис. Сир. XL. 1), бѣше... свѣзанъ (Іерем. XXXIII. 1) и вѣ́ Ілюдо́ръ по́сланный (2 Макк. V. 18) и т. д.

Причастіе прошедшее страд. съ суффиксомъ -тъ встрѣчается также и въ простой, и въ сложной формѣ (послѣдняя въ значеніи имени прилагательнаго): ѣты вы́ша (Іер. LI. 56, Остр. ѿзыма́ни), взѣ́тъ бысть (ibid. 31, Остр. взѣ́сѣ), взѣ́та бысть (Быт. II. 23, Остр. взѣ́та) и т. д. ѣкожс пшени́ца... по́жатаѣ (Іов. V. 26, Остр. по́жата, Первop. пожата), поворо́ рѹко́ю простѣ́ртою (Іер. XXI. 5, Остр. в. ед. простѣ́ртѹ) и т. д. Въ Острожской библіи находимъ простыя формы.

У Лавр. Зизанія находимъ только формы возвратно-страдательныя съ -сѣ: „мимошедшее страд. залога“, м. р. спасѣ́сѣ, спѣ́сѣсѣ: ж. р. спѣ́шисѣ, ср. р. спѣ́сѣсѣсѣ; „непредѣльное“ — м. р. спѣ́шисѣ, ж. р. спѣ́шисѣ, ср. р. спѣ́сѣ (л. 68); „мимошедшее“ — бѣ́вѣсѣ, бѣ́шисѣ, бѣ́шисѣсѣ, „непредѣльное“ — вѣ́шисѣ, бѣ́шисѣ, бѣ́шисѣсѣ (л. 75 на об. и 76) и т. д. Исконныя формы на -тъ, -тый, -нъ, -ный, -енъ, -енный и вторичныя на -нный, -енный въ парадигмахъ у него не встрѣчается. Въ смыслѣ тематическаго образованія возвратно-страдательныя формы Зизанія ничѣмъ почти не отличаются отъ его причастій „дѣйствительнаго“ залога, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

У М. Смотрицкаго находимъ, какъ и у другихъ причастій, разграниченіе на „причастія“ и „дѣепричастія“ страдательныя (=сложныя и простыя формы). Распредѣленіе по временамъ имѣеть

извѣстный уже, главнымъ образомъ видовой, характеръ. „Причастія (сложныя формы)“: „вида учащательнаго, времени прешедшаго“: м. р. читáвыисѣ или чѣтаныи, ж. р. читáвшасѣ или чѣтанаѣ, средн. р. читáкшесѣ или чѣтаное; „мимошедшее“ того же вида—м. р. читаáвыисѣ, читаáныи; ж. р. читаáвшасѣ, читаáнаѣ; ср. р. читаáвшесѣ, читаáное; „непредѣльное“ м. р.—прочтѣисѣ или прочѣтшисѣ, или прочтѣныи, ж. р. прочѣтшасѣ, прочтѣнаѣ, ср. р. прочѣтшесѣ, прочтѣное (л. 209 на об. и 210) и т. д. „Дѣепричастія (простыя формы): „вида совершеннаго преходящее“— м. р. чѣтсѣ или чтѣнѣ, ж. р. чѣтшисѣ или чтѣна, ср. р. чѣтшесѣ или чтѣно (л. 210 на об.); „вида учащательнаго прешедшее“— м. р. читáвсѣ или чѣтанѣ, ж. р. читáвшисѣ, чѣтана, ср. р. читáвшесѣ, чѣтано; „мимошедшее“—м. р. читаáвсѣ или читаáнѣ, ж. р. читаáвшисѣ, читаáна, ср. р. читаáвшесѣ, читаáно; „непредѣльное“— м. р. прочѣтсѣ, прочтѣнѣ, ж. р. прочѣтшисѣ, прочтѣна, ср. р. прочѣтшесѣ, прочтѣно (л. 211—212).

Подобныя же формы находимъ и въ другихъ парадигмахъ М. Смотрицкаго: „вида совершеннаго преходящее“— творѣйсѣ, творѣвыисѣ или творѣныи; „вида учащательнаго прешедшее“— творѣвыисѣ или творѣвыи (очевидная опечатка вм. творѣныи), „мимошедшее“—творѣáвыисѣ или творѣáвыи (оиять? опечатка), „непредѣльное“ сотворѣи или сотворѣныи якоже сотворѣи и прочтѣныи; „дѣепричастія“: „преходящее вида совершеннаго“ творсѣ и творѣйсѣ, или творѣнѣ; „вида учащательнаго прешедшее“— творѣвсѣ или творѣнѣ, „мимошедшее“—творѣáвсѣ или творѣáнѣ, „непредѣльное“—сотворѣсѣ или сотворѣнѣ (л. 226—228). Формы на -ный и -енный у М. Смотрицкаго не встрѣчаются, причастія на -тъ, -тый отнесены къ прилагательнымъ: „речѣнѣи причастїемъ подобнаѣ, ѣáкш, нѣтын, пренѣтын..., ѣáтын, проклáтын, иреслáвыни, слáныи, честныи... ѣ сѣмъ подобнаѣ, Именá быти прилагательныѣ, ѣ не иричáстїа“ (л. 269 на об.).

Многія изъ вышеприведенныхъ формъ Смотрицкаго въ текстѣ библіи не встрѣчаются и представляютъ собой чисто недантическія измышленія. Къ таковымъ относятся, нанримѣръ, формы „мимошедшаго“, образованныя отъ основы имперфекта (безъ коп-

тракціи), въ родѣ чита́ныи, чита́всѧ, чита́нъ, или „преходящаго“, въ родѣ чѣтсѧ и твѣрсѧ.

§ 25. *Перифрастическія выраженія.* Церковнославянскій сохраняетъ всѣ почти перифрастическія выраженія старославянскаго, за исключеніемъ условнаго съ вспомогательнымъ бнмь, бн, бн, бнмь, бнсте, бж, замѣненнымъ формами аориста быхъ и т. д.

Сложное прошедшее (перфектъ), выражаемое посредствомъ причастія прошедшаго дѣйств. залога на -лъ и вспомогательнаго юсмь и т. д.: ꙗ́лъ ѣси (Быт. III. 12, Остр. ꙗ́лъ ѣси), расточили ѣстѣ (Іер. XXIII. 2, Остр. расточили ѣстѣ) пришѣлъ ѣси (Мр. I. 24, Зоґр. пришѣлъ еси, Остр. пришѣлъ ѣси) и т. д.

Вспомогательный глаголь, главнымъ образомъ, въ третьемъ лицѣ ед. ч. пропускается весьма часто. Пропускъ этотъ, наблюдаемый въ русскомъ языкѣ во всѣхъ лицахъ и числахъ, ведетъ свое начало уже изъ XI—XII вв. (см. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русск. языка. Изд. 2, 1891, стр. 216—19). Въ библейскомъ текстѣ наблюдаются слѣдующіе случаи такого пропуска: 1) когда двѣ формы прошедшаго сложнаго стоятъ рядомъ, то вспомогательный глаголь стоитъ только въ одномъ (первомъ) случаѣ: раздрáлъ ѣси рѣзы твоѧ, ѿ пла́калсѧ предо мною (4 Цств. XXII. 19, Остр. раздрá ѣси, 2 ед. аор. пла́касѧ, Перв. тѣ же формы, что въ Остр.), не ты ли ѣси, ѿже ѡстáлсѧ (3 Езд. XI, 39, Остр. нили ты ѣси ѿже найзвышилъ, Перв. на ѿзвышилъ), ты ѣси, царю, ꙗ́кшъ возвелічилсѧ ѣси ѿ оўкрѣпѣлъ (Дан. IV. 19, Остр. 2 л. аор. възвелічнѣсѧ ѿ оўкрѣпѣ, Перв. възвелічилсѧ ѣси ѿ оўкрѣпѣлъ); ꙗ́кшъ не повáлъ ѣси наєъ, ѣгда ходилъ воевáти... (Суд. VIII. 1, Остр. 2 л. аор. повá, по́нде, Перв. повá, по́нде) и т. д.—случай, возможный и въ старославянскомъ. При бѣльшемъ разстояніи между сложными выраженіями, вспомогательный глаголь можетъ и оставаться: ꙗ́кшъ оўтаилъ ѣси сѧ ѡ прѣмърыхъ ѿ разблнныхъ, ѿ ѡкрылъ ѣси тѧ мѧнцемъ (Лук. X. 21. Зоґр. оўтаилъ еси, отькры=2 л. аор., Остр. оўтаилъ ѣси, ѡткрылъ ѣси) и т. д.

2) Когда, рядомъ со сложными выраженіями, въ сосѣднихъ предложеніяхъ встрѣчается *verbum finitum*: въ пѹть ѡца́ сво-

егш... не ходилъ, но и на горахъ пожрѣ: и женѣ ближнихъ своихъ ѡсквернилъ, И оубогаго и нищаго прешвидѣ, и хищеніемъ восхитилъ, и залога не ѡдалъ, и къ кѡміршмъ положи ѡчи свой, беззакѡшн сотвори, Съ лихвою даде, и съ примноженіемъ пріимъ (Іез. XVШ. 11, 12 и 13, Остр. ходи, жерлъ ѣсть, ѡсквернилъ ѣсть, преѡвидѣлъ ѣсть, възхитилъ ѣсть, далъ ѣсть, положи, сътвори, пріимъ ѣсть, Первоп. такія же формы, какъ въ Остр.); вложи же нѡгу мою въ древо, и надсмотрѣлъ пѣти моѣ (Іов. XXXШ. 11, Остр. 3 ед. аор. вложи, съхрани. Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); и ли ѡ ненависти поразилъ его рѣкою, и оумретъ... (Числ. XXV. 21, Остр. оубилъ и рѣкою); и Гдѣ оумлгчилъ сердце моѣ, и вседержитель потщасѣ ѡ мнѣ (Іов. XXШ. 16, Остр. Гдѣ ѡнедѣжилъ); и мѣхѣ ѡшибы подобии скорпиинимъ... и и мѣли надъ собою царѣ... (Апок. ІХ. 11, Остр. и мѣхѣ... и мѣли); рыдала Іудеѣ, и врата еѣ разрушишасѣ (Іер. XIV. 2, Остр. стѣнала); и рече Гіезій: не исходилъ равъ твой никаможе. И рече къ немѣ Еліссей: не ходило ли сердце моѣ съ тобою (4 Цств. V. 25—26, Остр. не исходилъ, нѣсть ли ходило, Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); да исполнитсѣ слово твоѣ..., ты бо мене сотворилъ царѣ... (2 Пар. І. 9, Остр. сътворилъ безъ еси); азъ вдахѣ ѣ въ рѣку твою, ты же не дала ѣмъ милости (Іс. XLVII. 6, Остр. 2 л. аор. ты же не да, Первоп. не дала); да не оувѣстсѣ, іакъ приходила жена, (Р. Ш. 14, Остр. іако приходила еси, Первоп. также съ вспомогат. глаголомъ) и т. д.

3) Вспомогательный глаголъ опускается въ придаточныхъ предложеніяхъ, соединенныхъ съ другими предложеніями большею частью относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ: аще оувш архіерей помазанный согрѣшитъ... и да приведѣтъ ѡ грѣсѣ своемъ, ѣмже согрѣшилъ (Лев. IV. 3, Остр. еже ѣсть сѣгрѣшилъ, Перв. также съ ѣсть); гдѣ ѣсть Гдѣ... преедѣй насъ... по землѣ, но нѣйже не ходилъ мѣжъ никогдаже, и не ѡбиталъ члвкъ тамъ (Іер. II. 6, Остр. исходи, ѡвиталъ; и повѣда Рѣѣ свекрѡви своѣй, гдѣ работала, и рече... (Р. II. 19, Остр. гдѣ бысть, Первоп. бысть) и т. д. аще же посѣгла за мѣжа (Числ. XXX.

7, Остр. посáгнѣ); гáкш... оуслýшила дýшà моà (Іер. IV. 19, Остр. также безъ ёсть); понéже ўпýстѣла всà землà (ibid. 20, Остр. ѡпýстѣнна ёсть); áще же посáгла за мýжа (Числ. XXX. 7, Остр. посáгнѣ) и т. д.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ главномъ, независимомъ предложеніи, внѣ указанныхъ условій: ѳнѣ же дýшà нàша ѳзсòхла, ничтòже тóчию мánна преà ўчíма нàшими (Числ. XI. 6, Остр. ѳсхлà) и т. д. Болѣе подробное изслѣдованіе всѣхъ условій этого опущенія уже переходитъ въ область синтаксиса, котораго мы не намѣрены касаться въ настоящей работѣ. Однимъ изъ условій опущенія является также присутствіе личнаго мѣстоименія, дѣлающаго излишней форму вспомогательнаго *verbi finiti*. Какъ видно изъ примѣровъ, опущеніе вспомогательнаго глагола имѣется уже въ Острожской библии (было и раньше), но далеко не такъ часто, какъ въ Новой. Пропуску Новой въ Острожской соотвѣтствуютъ большею частью или полныя перифрастическія выраженія, или какіе-нибудь другіе способы выраженія. Первопечатная библия въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ Острожской, хотя и приближается немного къ Новой. Въ Новой библии особенно часты формы 2 л. ед., прошедшаго сложнаго, замѣняющія второе лицо ед. ч. аориста (см. выше, стр. 385).

У Лавр. Зизанія перифрастическое прошедшее совершенное является только въ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч.: „мимошедшее“ гáвѳлз ёсѳ, ла, ло; „протяженное“ гáвлáлз ёсѳ, ла, ло (л. 57); „пресовершенное“ гáвлáл ёсѳ, (гáвлáше), гáвлá (л. 57 на об.); или „протяженное“ вѳставáлз ёсѳ, ла, ло, вѳставá (л. 67); „мимошедшее“ гласѳ, ѳ ёсѳ (л. 68), гласшá, áлз ёсѳ, ла, ло; гласшáлз, гласшáше (л. 69) и т. д. Формы эти приводятся въ составѣ парадигмъ другихъ временъ (съ окончаніями аориста), какъ равноправныя имъ (см. выше, стр. 369—70).

Можно отмѣтить здѣсь присутствіе вспомогательнаго глагола только во второмъ лицѣ, тогда какъ въ третьемъ оно опущено. У М. Смотрицкаго также формы сложнаго прошедшаго являются лишь въ составѣ иныхъ временъ (безъ болѣе точнаго обозначе-

нія лица, но только въ ед. числѣ, вѣроятно, во 2-мъ же лицѣ): „вида учащательнаго прешедшее“ читáхъ, читáлъ, читáла, ло, читáше, „мимошедшее“ читаáхъ, читаáлъ, читаáла, читаáло, читаáшс, „непредѣльное“ прочтóхъ, прочéлъ, ла, лò, прочтè (л. 191 на об.); „вида совершеннаго преходящее“ — чтóхъ, чéлъ, члá, члò, чтè (л. 190 на об.). Вспомогательный глаголъ здѣсь опущенъ, какъ въ русскомъ языкѣ; полныя же формы приводятся ниже, но не какъ славянскія, а русскія (рóусска ѡногда ѡзыка навѣкомъ... проѡзносѡма быти ѡбрѣтаемъ): „преходящее“ — чéлъ ѣсмь, чéлъ ёси, члá, члò, чéлъ ёсть, дв. ч. м. и ср. члá ёсмá, члá ёстá, ж. члѣ ёсмѣ, члѣ ёстѣ, члѣ ёстѣ, мн. члѡ ёсмь, члѡ ёстè, члѡ сѡуть (сице прешедшее), читáлъ ѣсмь: ѡ прочáш, мимошедшее читаáлъ ѣсмь и т. д. (л. 192 на об.), такія же отношенія (за исключеніемъ полныхъ формъ съ ѣсмь) находимъ у М. Смотрицкаго и въ другихъ парадигмахъ (примѣры см. выше, стр. 371).

Давнопрошедшее, выражаемое причастіемъ прошедшаго вр. на -лъ и имперфектомъ вспомогательнаго глагола быти, сохранилось и въ церковнославянскомъ: бѣша пресóхли ѡ сплѣснѣли (I. Нав. IX. 5, Остр. бѣша пресхлѡ... ѡ сплеснѣли), бѣ ѡчѡстѡласа (2 Цств. XI. 4, Остр. бѣ ѡчѡстѡласа), бѣхѡ оубѣгли (Евр. XL. 12, Остр. бѣхѡ оубѣгли), бѣхѡ сложѡлиса жѡдове (Іоан. IX. 22, Зогр. юже бо са бѣхѡ сложѡли, Остр. оубе бѡса бѣхѡ сложѡли) и т. д.

Рядомъ встрѣчается изрѣдка и другой видъ давнопрошедшаго, свойственный древнерусскому (см. А. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. 1891, стр. 145—46) и состоящій изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола былъ есмь и причастія прошедшаго на -лъ: былъ погубѡлъ ёси (Ис. XLIX. 20, Остр. 2 л. аор. ѡхѡже погубѡ, Первоп. погубѡ, а на полѣлъ ёси) и т. д.

Грамматики Л. Зизанія и Смотрицкаго не знаютъ этихъ образованій и въ парадигмахъ своихъ не приводятъ. Рядомъ съ прошедшимъ сложнымъ и давнопрошедшимъ, имѣются и другія описательныя выраженія прошедшаго времени, свойственныя и старославянскому. Такъ встрѣчается причастіе настоящаго времени съ

аористомъ или имперфектомъ вспомогательнаго глагола, какъ и въ старославянскомъ: *бысть крестѣи* (Мр. I, IV, Зогр, *бысть... крѣста*, Остр. *бысть... крѣта*, Первоп. *бысть... крѣта*), *присѣдѣи быхъ* (Гов. XXXI. 9, Остр. *присѣдѣи бы*); *быша предѣстоѣще* (3 Цств. XXII. 6, Остр. *бѣша прѣстоѣще*) и т. д. *бѣ бо оуча* (Мр. I. 22, Зогр. *въ бо оуча*, Остр. *бѣ бо оуча*), *бѣ дѣлаи* (Быт. IV. 2, Остр. *бѣ дѣлаи*, Первоп. *бѣ дѣлаи*), *восходѣще бѣхъ* (Быт. XXXI. 10, Остр. другой текстъ), *бѣше пасыи* (Исх. III. 1, Остр. *бѣше пасыи*), *бѣхъ... сѣдѣще* (Мр. II. 6, Зогр. *бѣхъ... сѣдѣште*, Остр. *бѣхъ... сѣдѣще*) и т. д. Встрѣчается также соединеніе имперфекта съ прошедшимъ причастіемъ, напр., *бѣше показавый* (Быт. IV. 21, Остр. *бѣше показавыйи*) и т. д. Грамматики Зизанія и Смотрицкаго также не имѣютъ подобныхъ выраженій въ своихъ парадигмахъ.

Будущее перифрастическое въ старославянскомъ выражалось неопредѣленнымъ наклоненіемъ и настоящимъ временемъ вспомогат. глаголовъ *имамъ, хоштѣ, научѣ*. Въ древнерусскомъ встрѣчалось также сложное будущее изъ неопред. наклоненія и формъ *буду*. Тѣ и другія формы находимъ изрѣдка и въ церковнославянскомъ: *имѣти имашаи* (Матѣ. XIX. 21), *имате гѣсти* (Быт. VI. 21, Остр. *имате гѣсти*), *извлѣвати тѣ... имамъ* (Апок. III. 16, Остр. *извлѣвати... имѣ*), *воскресѣніе хощетъ быти мѣртвымъ* (Дѣян. XXIV. 15, Остр. *хощѣе быти*), *нерадѣти начнетъ* (Матѣ. VI. 24, Остр. такъ же) и т. д. Чаше встрѣчаются формы съ *вѣдѣ*: *гѣсти вѣдемъ* (Быт. III. 2, Остр. и Первоп. *да гѣмы*, Ис IV. 1, Остр. *гѣсти вѣдемъ*), *влюсти вѣдетъ, влюсти вѣдѣши* (*ibid.* 15, Остр. *влюдѣ, влюдѣши*, Первоп. *влюдѣтъ, влюдѣши*), *ѡвладѣти вѣдетъ* (*ibid.* 16, Остр. *ѡвладѣетъ, Первоп. ѡвладѣетъ*), *жѣти вѣдѣши* (*ibid.* XXVII. 40, Остр. *жѣвъ вѣди*), *имѣти вѣдѣши* (Ис. III. 23, Остр. иначе—*прѣимѣши*), *кормѣти вѣдетъ* (Ис. VII. 22, Остр. *вѣдетъ... кормѣи, 23. вѣдетъ... гѣсти*), *пастѣсѣ вѣдѣтъ* (*ibid.* XI. 6, 7, Остр. и Первоп. *напасѣтсѣ, напасѣтсѣ*), *гѣсти вѣдетъ* (*ibid.* 7, Остр. *зѡблѣта*), *оуповѣти вѣдѣтъ* (*ibid.* 10, Остр. *надѣютсѣ, Перв. надѣютсѣ*), *гѣсти, пѣти вѣдѣтъ* (*ibid.* LXV. 13, Остр. *нагѣдѣсѣ, напѣютсѣ*), *сѣдѣтисѣ вѣдетъ* (*ibid.* LXVI. 16, Остр. *ѡсѣдѣсѣ*),

имѣти бѣдѣтъ (Іер. XXX. 6, Остр. имѣтъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, формы эти особенно часты въ Новой библии, тогда какъ въ Острожской и Первопечатной имѣются или другіе обороты, или формы настоящаго времени, и описательныя формы попадаются только единично, какъ напр., гѣсти бѣдемъ (Ис. IV. 1, Остр.). Встрѣчается также и причастіе настоящаго или прошедшаго времени съ глаголомъ бѣдѣ въ значеніи будущаго: не бѣдетъ собираѣмъ (Ис. XIII. 14, Остр. не бѣдѣ собирающаго, Первоп. такой же оборотъ, какъ въ Остр.), не бѣдетъ оустрашаѣмъ (Іер. XXX. 10, Остр. не вѣдетъ оустрашаѣмъ) и т. д. бѣдетъ... ѿпадѣмъ (Ис. XXVIII. 4, Остр. бѣдетъ ѿпадѣмъ) и т. д.

Будущее совершенное, имѣвшееся въ старославянскомъ и выражавшееся причастіемъ прошедшимъ на -лъ и настоящимъ бѣдѣ, въ современномъ церковнославянскомъ не употребляется, хотя формы его встрѣчаются въ Остр. и Первоп. библияхъ и были свойственны древнерусскому (ср. А. Соболевскій, Лекціи по ист. русск. языка 2 изд. 1891, стр. 213): ѿ ѿще грѣхѣи сотвориѣлъ ѣсть, ѿпѣстатсѣ ѣмѣ (Іак. V. 15, Остр. бѣдѣ сѣтворилъ, Первоп. бѣдетъ сотвориѣлъ); ѿ оўзритъ жрѣцъ, ѿ сѣ стрѣпъ вѣлъ на кѣжи, ѿ сѣи ѿзмѣнилъ вѣлъсѣ вѣлъ... (Лев. XIII. 10, Остр. ѿзмѣнилъ вѣдетъ, Первоп. ѿзмѣнилъ бѣдетъ), ѿзмѣнитсѣ (ibid. 3, Остр. ѿзмѣнилсѣ бѣдетъ, Первоп. ѿзмѣнилсѣ бѣдѣ); да не кѣкъ ѿскѣсилъ вѣи ѿскѣшаѣмъ (1 Сол. III. 5, Остр. ѿскѣсилъ вѣи бѣдѣ, Первоп. ѿскѣсилъ вѣи бѣдетъ) и т. д. Въ Новой б. находимъ или замѣну настоящимъ въ значеніи будущаго (ѿзмѣнитсѣ), или прошедшимъ сложнымъ со вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него. Обыкновенно же функціи будущаго вообще беретъ на себя настоящее время совершеннаго залога, какъ уже и въ старославянскомъ.

Сослагательное или условное (Conditionalis) наклоненіе, выражавшееся въ старославянскомъ и древнерусскомъ причастіемъ прош. вр. на -лъ и формами аориста быхъ, встрѣчается довольно часто въ современномъ церковнославянскомъ въ своемъ первичномъ видѣ: ед. ч. первое лицо—ѿще быхъ мѣчь ѿмѣлъ изъ рѣкъ моѣю, проболъ быхъ тѣ (Числ. XXII. 29, Остр. ѿще бы мѣчь ѿмѣлъ... проболъ тѣ быхъ), да быхъ былъ (Іов. XXXI. 8, Остр. одинъ

аористъ бы), не оубилъ выхъ васъ (Суд. VIII. 19, Остр. оубилъ быхъ васъ); самъ быхъ себѣ оубилъ, молилъ выхъ (Иов. XXX. 24, Остр. самъ бы себѣ оубилъ, молился выхъ), да... возвеселился быхъ (Лук. XV. 29, Зогр. възвеселился бнмь, Остр. възвеселился выхъ), далъ быхъ (Пс. L. 18, Остр. далъ вымъ, Первоп. далъ быхъ) и т. д.

Въ Острожской библии встрѣчаются изрѣдка формы съ вымъ (примѣры см. ниже, стр. 395), вызванныя по всей вѣроятности вліяніемъ польскаго *być* (напр., *gdę być miał* и т. д.). Возможно, впрочемъ, что это вымъ есть не что иное, какъ самостоятельная передѣлка (путемъ аналогіи или морфологической ассимиляціи) старославянскаго бнмь подъ вліяніемъ аориста быхъ или другихъ формъ глагола быти, гдѣ имѣлось ты. Рядомъ съ подобными формами и казалось нелогичнымъ и было замѣнено ы. Въ Первопечатной на мѣстѣ вымъ находимъ выхъ, которое и въ Острожской библии преобладаетъ.

Второе лицо въ старинной формѣ въ Новой библии встрѣчается рѣдко, а обыкновенно представляетъ позднѣйшую съ вы, низшедшимъ уже на степень простой частицы, стоящей при формѣ прошедшаго сложваго: ѡще бы восхотѣлъ єси (Пс. L. 18, Остр. ѡще бы възхотѣлъ, Первоп. какъ въ Новой), страдат. зал. лишенъ былъ бы єси (3 Макк. V. 21, Остр. 3 л. ед. гоньзилъ бы), дабы... сохранилъ єси, скрылъ... бы єси (Иов. XIV. 13, Остр. ѡще... бы мѣ сохранилъ, скрылъ же мѣ бы, Первоп. также безъ єси), разумѣлъ бы єси (Иез. III. 6, Остр. разумѣси), єгда бы єси былъ ѡправдалъ (3 Езд. IV. 18, Остр. єгда бы єси былъ, бы єси... справдалъ), ѡще бы вѣдала єси (Иоан. IV. 10, Остр. ѡще бы вѣдала, Первоп. также безъ єси) и т. д., но ты вы просила, далъ бы ти (Иоан. IV. 10, Остр. ты бы просила, далъ ти бы). Въ Острожской находимъ или другіе обороты, или болѣе древнія формы.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно: ѡкъ бы ѡще кто видѣлъ (Быт. XXXIII. 10, Остр. друг. текстъ ѡкоже видѣтъ кто), ѡще бы кто възглаголь (Исх. XXXIII. 11, Остр. ѡкоже кто възглаголь), ѡще бы ѡвессаломъ живъ былъ, право было бы (2 Цств. XIX.

б, Остр. аще бы авесоломъ живъ былъ, право есть), еже бы не престало дѣло то (1 Езд. VI. 8, Остр. ежебы неоумедлѣло дѣло то), что было бы древо... (Иез. XV. 2, Остр. изъявит. что оубо древо лозное), аще ѿ міра сегѡ было бы црѣтво моє (Іоан. XVIII. 36. Остр. было бы) и т. д. Случаевъ съ прибавкой вспомогат. ѣсть не встрѣчается.

Первое лицо множ. числа имѣется довольно часто въ старинной формѣ: Годѡма оувш были быхомъ, Гоморрѡ оуподобилисѡ быхшмъ (Ис. I. 9, Остр. такъ же), да быхомъ пребыли, и вселѣлисѡ (I. Нав. VII. 8, Остр. аще быхомъ пребыли, вселѣлисѡ), мѣртвы быхомъ были (2 Цств. XIX. 6, Остр. мртвы быхомъ были) и т. д. Рядомъ имѣются позднѣйшія формы, состоящія изъ формъ прошедшаго сложнаго съ бы, ставшимъ уже частицей и отнесеннымъ къ союзу: дабы ѣсмы не были (3 Езд. IV. 12, Остр. также дабы ѣсмы небыли), а также изъ исконныхъ формъ съ прибавленіемъ бы къ союзу: дабы быхомъ измѣрли (Исх. XVI. 3, Остр. да быхомъ, измѣрли, Первоп. да быхомъ, измѣрли), дабы оумѣрли быхомъ (Числ. XIV. 3, Остр. другой текстъ, XX. 3, Остр. да быхомъ измѣрли, Первоп. да быхшмъ измѣрли) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной имѣемъ или другой текстъ, или исконныя формы.

Второе лицо встрѣчается большею частью въ исконной формѣ: аще бысте живѣли (Суд. VIII. 19, Остр. такъ же), аще не бысте ѡрали, не бысте оубѣдали (ibid. XIV. 18, Остр. аще не бысте принудили, такъ же), аще бысте имѣли, глаголали бысте (Л. XVII. 6, Остр. такъ же, глали бысте) и т. д. Изрѣдка встрѣчается форма сложнаго прошедшаго съ частицей бы и вспомогательнымъ глаголомъ ѣстѣ: дабы воцрѣлисѡ ѣстѣ (1 Коринѡ. IV. 8. Остр. црѣтовастѣ).

Третье лицо является въ двухъ видахъ: исконномъ — аще быша послѣшали (Пс. LXXX. 14, Остр. аще бышѡ... послѣшали), аще... быша ходѣли, ѡбрѣли оувш быша (Пр. С. II. 20, Остр. аще... бышѡ ходили, ѡбрѣли оувш бышѡ), послѣшали быша (Иез. III. 6, Остр. послѣшали быша), да быша оубѣдали (Исх. XLV. 6, Остр. дабыша оубѣдали), слуги мой оувш

подвизáлиса вѣша (Іоан. XVIII. 36, Остр. подвизáлиса вѣша) и т. д. и вторичномъ съ частицей вы: препитáлиса вѣ (Быт. L. 20, Остр. дасѣ прекóрмѣтъ, Первоп. дасѣ прекóрмѣтъ), давы хвалѣли ѿ исповѣдалиса ѿ слѣжили (2 Пар. XXXI. 2, Остр. давы слѣжили ѿ исповѣдалиса, ѿ пѣли), ꙗки вы принесли (Ис. LXVI. 20, Остр. ꙗкоже принесóша), въ Ѧньже вы не пришли (Іер. XLIX. 36, Остр. не приндѣтъ), давы Ѡдавали (Дан. VI. 2, Остр. другой текстъ повѣдаемъ), ꙗще вы татѣ влѣзли (Авд. I. 5, Остр. ꙗще татѣ вѣша влѣзли, Первоп. вѣша влѣзли), давы ѿмѣли, примáли (2 Макк. II. 26, Остр. другой текстъ), аки вы примáли (3 Макк. I. 25, Остр. другой текстъ—произволáхѣ), ꙗще выли вы, оуготóвали вы (ibid. V. 21, Остр. сѣтъ, оуготóваша), то выли вы (Іов. VI. 3, Остр. вѣдѣтъ), ꙗще вы не оуничтóжили мѣ (Юд. XI. 2, Остр. ꙗще не вы... оуничѣжиша, Первоп. ꙗще не вѣша... оуничѣжиша) и т. д.

Изъ приведенныхъ случаевъ вторичныхъ формъ только одинъ имѣется уже въ Острожской (и Первопечатной); въ остальныхъ же находимъ въ Острожской библии или исконную форму (рѣдко), или совсѣмъ другіе обороты, замѣненные уже при позднѣйшей редакціи (Елисаветинской) новыми формами, перенесенными изъ современнаго живаго русскаго языка. Формы двойственнаго числа условнаго наклоненія не встрѣчаются.

Кромѣ указанныхъ выше образованій, изрѣдка встрѣчается соединеніе изъявительнаго наклоненія аориста съ формами вспомогательнаго глагола вѣхъ: тогда наскочѣхъ вѣхъ на вы словесы (Іов. XVI. 4, Остр. ꙗще наскакѣ на вы словесы, Первоп. наскакѣхъ), ѿ вѣдѣтъ ꙗки вы не ѡвратѣхъ ѿхъ (Зах. X. 6, Остр. ѿ вѣдѣтъ вѣже коварѣство не възвратѣхъ ѿхъ, Первоп. возвратѣхъ) и т. д. Формы эти имѣются только въ Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другіе обороты. Внесены онѣ въ текстъ уже впоследствии при послѣдней его редакціи.

Формы вспомогательнаго вѣхъ нерѣдко сливаются въ написаніяхъ съ причастіемъ прошедшимъ, или съ союзами, что указываетъ на ихъ второстепенное значеніе; очевидно, онѣ чувствовались по-

чти какъ окончанія или суффиксы. Примѣромъ можетъ служить: оўкрылбыхсѣ (Пс. LIV. 13, Остр. оўкрылз высѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Случаи слитнаго написанія бы съ союзомъ да (дабы) см. выше (стр. 392).

Разсмотрѣнныя формы встрѣчаются и у грамматиковъ. У .I. Зизанія онѣ являются въ „молитвенномъ наклоненіи“ („образѣ“), представляющемъ слѣдующія подраздѣленія: „мимошедшее“ — дѣ гѣвѣлѣбы, гѣвѣлѣбы ѣсѣ, гѣвѣлѣбы. дѣ бы гѣвѣховѣ, гѣвѣста бы, вы. дѣбы гѣвѣхомъ, гѣвѣсте бы, гѣвѣша бы; „протяженное“ — дѣ бы гѣвлѣ, гѣвлѣ бы ѣсѣ, ла, ло. гѣвлѣшевы. дѣ бы гѣвлѣховѣ, вабы. стабы. гѣвлѣстабы, дѣ бы гѣвлѣхѣ, гѣвлѣстебы, гѣвлѣхѣбы, „пресовершенное“ — дабы гѣвлѣ, гѣвлѣлѣбы ѣсѣ, ла, ло. гѣвлѣшевы. дѣ бы гѣвлѣховѣ, хова; гѣвлѣстабы (bis), дѣ гѣвлѣхѣ, гѣвлѣстебы, гѣвлѣхѣбы (л. 58); приблизительно такія же формы находимъ у глагола гласѣти: „молитвеннаго мимошедшее“ — дѣ бы гласѣлз, гласѣлз бы ѣсѣ, ла бы, ло бы. дабы гласѣховѣ, гласѣста бы (bis), множ. дѣ бы гласѣхѣ, ѣстебы, шабы; „протяженное“ — дѣ бы глѣшѣ, глѣшѣлз бы ѣсѣ, ла бы, ло бы, шѣлз бы, глѣшѣшс бы; дв. дѣ бы глѣшѣховѣ, стабы; дабы глѣшѣхѣ, стебы, хѣбы, шабы; „пресовершенное“ — дабы глѣшѣ, глѣшѣлѣбы ѣсѣ, ла, ло, глѣшѣшевы, дв. дабы глѣшѣховѣ, шѣстабы, стабы; дабы глѣшѣхѣ, шѣстебы, хѣбы, шабы и пр. (л. 71 на об. и 72); отъ быти: „непредѣльное“ — дѣ былъ бы, бы бы ѣсѣ, быбы; дѣ выбыховѣ, ва; быста бы, быста бы; мн. дѣ бы быхѣ, быстебы, бышабы, вѣхѣ (л. 77) и т. д. Въ этихъ парадигмахъ мы находимъ смѣсь различныхъ формъ условнаго или сослагательнаго наклоненія: рядомъ съ исконными, въ родѣ 1 л. гѣвилз, гласѣлз выхѣ, 3 л. гѣвилз, гласѣлз бы, имѣются вторичныя, представляющія или формы сложнаго прошедшаго съ прибавленіемъ частицы бы (2 л. гѣвилз бы ѣсѣ, ср. выше, стр. 391, гѣвлѣлз бы ѣсѣ, гласѣлз бы ѣсѣ и т. д.), или формы изъявительнаго аориста и имперфекта также съ прибавленіемъ частицы бы: ед. ч. гѣвлѣше бы, глѣшѣше бы и т. д., дв. ч. дѣ бы гѣвѣховѣ, гѣвѣста, дѣ бы гѣвлѣховѣ, гѣвлѣста бы, дѣ бы гласѣховѣ, гласѣста бы и т. д. мн. ч. дѣ бы гѣвѣхомъ, да бы гласѣхомъ, гѣвѣсте бы, гласѣсте бы, гѣвѣша бы, гѣвлѣхѣ бы и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ формъ въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются только формы двойственнаго числа, а также и формы имперфекта (съ контракціей и безъ контракціи) съ частицей бы.

У М. Смотрицкаго мы находимъ занимающія насъ формы въ его „сослагательномъ наклоненіи“, которое у него представляетъ слѣдующіе временные отбѣнки: „вида совершеннаго: 1) настоящее“ — ѡще бы мзъ чѣлзъ, члѣ, члѣ (ср. Острожской библіи Пс. L. 18, далз бы мзъ, Первоп. далз выхъ; Остр. Пс. LXXX. 14, възложилъ бы, Первоп. възложилъ выхъ; Остр. Пс. LIV. 13, претерзпѣлз бы м, Первоп. претерпѣлз выхъ; въ Новой тѣ же формы, что и въ Первоп.); 2 л. ѡще бы еси чѣлзъ и т. д. (какъ и у Зизанія и въ Новой, см. выше, стр. 391 и 394); 3 л. ѡще бы чѣлзъ и т. д. (исконная форма); въ двойственномъ и множественномъ замѣчается вліяніе польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ byliśmu, byliście и т. д.: дв., мн. и ср. ѡще бы члѣсма, члѣста, члѣста; ж. р. ѡще бы члѣсмѣ, члѣстѣ, стѣ; мн. ч. ѡще бы члѣсмы, ѡще бы члѣсте, члѣи. Формы эти въ библейскомъ текстѣ отсутствуютъ. Въ „преходящемъ“ того же вида находимъ — въ первомъ лицѣ ед. ч. форму съ выхъ: ѡще выхъ чѣлзъ (исконную), во второмъ ѡще былъ еси (чѣлзъ?); т. е. форму давнопрошедшаго, въ третьемъ (?) — бѣше (чѣлзъ?); дв. ч. м. и ср. р. ѡще бысма члѣ, быста, ста, ж. р. ѡще бысмѣ члѣ, быстѣ, стѣ (не встрѣчаются въ текстахъ), множ. ч. ѡще выхомъ члѣ, бысте (формы исконыя), бѣхъ или быша (т. е. члѣи). Формы имперфекта съ причастіемъ прошедшимъ на -лѣ, находимыя здѣсь, языку Библии чужды. Въ томъ же родѣ и другія „времена“, напр. „вида учащательнаго настоящего“ ѡще бы мзъ, ѡще бы еси, ѡще бы читалъ, ла, ло; дв. м. и ср. р. ѡще бы читаласма, читаласта, ста; ж. р. ѡще бы читалѣсмѣ, читалѣстѣ, стѣ; множ. ч. ѡще бы читалисмы, читалисте, читали. Ближе къ исконымъ формамъ „предшедшее“ М. Смотрицкаго: ед. ч. ѡще выхъ читалъ, ла, ло; былъ еси, ла, ло; бѣше (какое лицо?); дв. ч. м. и ср. р. ѡще бысма читала, быста, ста (л. 194 на обѣихъ сторонахъ); ж. р. ѡще бысмѣ читалѣ, быстѣ, стѣ; множ. ч. ѡще выхомъ читали, бысте, бѣхъ, или быша; „мимошедшее“ — ѡще выхъ читаалъ, ла, ло, былъ еси, ла, ло, бѣше; дв. ч. м. и ср.

ѣще вѣсма читаа́ла, вѣста, ста; ж. р. ѣще вѣсмѣ читаа́лѣ, вѣ-
стѣ, вѣстѣ; мн. ч. ѣще вѣхо́мъ читаа́ли, вѣсте, вѣхѹ или вѣша;
„непредѣльное“—ѣще вѣхѹ прочѣлѣ, члѣ, ло; вѣлѣ ѣси, лѣ, ло;
вѣше; дв. м. и ср. ѣще вѣсма прочлѣ, вѣста, ста; ж. р. ѣще вѣсмѣ
прочлѣ, вѣстѣ, стѣ; множ. ѣще вѣхо́мъ прочли, вѣсте(,) вѣхѹ,
или вѣша и т. д. Въ этомъ же родѣ и „наклоненіе подчи-
тельное“ Смотрицкаго, въ которомъ только находимъ другой
союзъ да: „преходящее“ да вѣхѹ чѣлѣ, вѣлѣ ѣси, вѣше; дв.
мн. и ср. да вѣсма члѣ, ж. да вѣсмѣ члѣ и т. д. (л. 195—
196). Многія изъ приведенныхъ здѣсь формъ въ библейскомъ
текстѣ вовсе не встрѣчаются и принадлежать, вѣроятно, самому
Смотрицкому; таковы формы имперфекта съ частицей бы, нѣко-
торыя формы, образованныя по типу польскихъ сложныхъ формъ
въ родѣ *chodziłem, chodziliśmu* и т. д. Быть можетъ, впрочемъ,
нѣкоторыя изъ этихъ формъ, не встрѣчающихся въ церковно-
славянскомъ московскаго типа, употребляются въ смѣшанномъ
югозападномъ церковнославянскомъ, разсмотрѣніе котораго не
входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Отъ соответствующихъ
парадигмовъ Л. Зизанія формы, находимыя у М. Смотрицкаго,
отличаются въ общемъ незначительно. Общимъ характернымъ при-
знакомъ является у тѣхъ и другихъ пестрое смѣшеніе разнока-
либерныхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ формъ. У Смотриц-
каго искусственнаго элемента больше, чѣмъ у Л. Зизанія.

§ 26. *Страдательный залогъ*, какъ и въ старославянскомъ
выражается или формами возвратнаго залога, или описательными
выраженіями. Употребленіе тѣхъ или другихъ формъ совсѣмъ без-
различно и не связано ни съ какими отгѣнками значенія. Отно-
сительно первыхъ, т. е. возвратныхъ съ мѣстоименіемъ -са, нужно
замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе
возвратное уже является въ качествѣ простаго суффикса, слив-
шагося съ глагольной формой; это морфологическое сліяніе вы-
ражается и графически—слитными написаніями въ родѣ: *кѣща-
хѹса* (Мр. I. 6, Остр. *кѣщахѹса*), *соблюдѹтса* (Лук. V. 38, Зогр.
сѣблюдетъ са, Остр. *сѣблюдетса*) и т. д. Случаевъ, въ кото-
рыхъ са было бы отдѣлено отъ своего глагола другими словами

или стояло бы впереди его, немного; въ первомъ случаѣ мы обыкновенно находимъ слитныя написанія, показывающія, что съ все же чувствуется второстепенной и неразрывной морфологической частью слова: оўсрамѣхвосѣ (2 Езд. VШ. 51, Остр. оўсрамѣвосѣ, Первоп. какъ въ Новой), оўкрылбыхсѣ (Цс. LIV. 13, Остр. оўкрылъ бысѣ, Первоп. какъ въ Новой), спасѣтлсѣ (Ис. XLIX. 24, Остр. спсѣтлѣсѣ, Первоп. спасѣтлсѣ), посмѣетелсѣ (Иов. XXI. 3, Остр. непосмѣетелсѣ, Первоп. какъ въ Новой), ѡставлѣюттсѣ (Лук. V. 23, Остр. ѡставлѣютътсѣ, Первоп. ѡставлѣютътсѣ); не прикасѣютвосѣ (Иоан. IV. 9, Остр. неприкасѣювосѣ, Первоп. неприкасѣютвосѣ), 3 ед. дивѣтлсѣ (Иов. XXXVI. 28, Остр. дивѣтлсѣ, Первоп. какъ въ Новой), ѣзмѣнѣтлсѣ (ibid. Остр. ѣзмѣнѣтлсѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Примѣры второго случая встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи: дасѣ ѣсправитъ (Цс. CXV. 2, Первоп. и Нов. да ѣсправѣтсѣ) и т. д.

Перифрастическія же формы страдательнаго залога не представляютъ ничего особеннаго, сравнительно со старославянскими.

Настоящее время выражается причастіемъ настоящаго времени страдательнаго залога съ формами вспомогательнаго глагола ѣсмь: 3 л. мн. мѣчили сѣтъ (Исх. V. 16, Остр. мѣчили сѣтъ) и т. д.

Прошедшее время выражается также причастіемъ страдат. настоящимъ или прошедшимъ съ имперфектомъ, аористомъ или сложнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола: бѣше хранима (Лев. XIX. 20), бѣше прослѣвленъ (Исх. XXXIV. 30), ѡбвѣтъ бѣше (1 Цств. XXI. 9), бѣни выша (Исх. V. 14), слышаны бѣша (1 Цств. XVII, 31), оўкрашенна бѣла ѣси (Иез. XVI. 13), ѡслобленъ бѣлъ ѣси (3 Цств. II. 26) и т. д. Причастіе прошедшее страдательнаго встрѣчается также съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола въ значеніи прошедшаго страдат. взѣтъ ѣси (Быт. III. 19, Остр. взѣтъ бѣсть) и т. д.

Сослагательное или условное наклоненіе также имѣется: ѣще выхоль сожжѣни бѣли (3 Езд. XII. 44) и т. д.

Будущее время выражается причастіемъ страдательнаго настоящаго или прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаго-

ломъ вѣдѣ: ѡвладѣеми не вѣдемъ (Іер. II. 31), гатъ вѣдетъ (Исх. XXII. 4), познѣнъ вѣдѣ (Исх. XXX. 6) и т. д.

У Зизанія страдательный залогъ имѣеть всегда возвратныя формы: гавлюсѣ, гавйшисѣ, гавйтсѣ, 1 л. множ. гавимосѣ (1 л. дѣйств. гавимъ: л. 57 на об.), гавитесѣ, гавѣтсѣ и т. д. (л. 60) и т. д.

Тоже находимъ и у М. Смотрицкаго: наст. чтоусѣ, чтѣшисѣ, чтѣтсѣ; дв. чтѣмасѣ, чтѣмѣсѣ, чтѣтасѣ, чтѣтѣсѣ; мн. чтѣмсѣ и т. д., но рядомъ у него приводятся и перифрастическія выраженія: чтѣмъ, ма, мо бываю, еши, етъ; дв. чтѣма вывѣсѣма, чтѣмѣ вывѣсѣмѣ... мн. чтѣми, чтѣмы, чтѣма вывѣсѣмъ и т. д. (л. 201 на об.).

Въ такомъ видѣ проведено у него все страдательное спряженіе. Формальныя особенности, замѣчаемыя здѣсь, разсмотрѣны уже выше и новаго ничего не представляютъ.

§ 27. *Неопредѣленное наклоненіе и супинъ.* Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе ничѣмъ не отличается въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянскаго.

Суффиксомъ у глаголовъ съ основой на гласный и всѣ согласныя, кромѣ заднеязычныхъ (к, г, х), служитъ -t'i (цслав. -ти), отвѣчающее стсл. -ти, а у глаголовъ съ основой на заднеязычный согласный—š'č'i (цсл. -ци=стсл. -шти). Формъ на -t' (цсл. -ть) въ Новой библіи не встрѣчается. Формы эти имѣють также значеніе супина, совсѣмъ не встрѣчающагося въ церковнославянскомъ, уже въ Острожской библіи: сѣз во члѣвѣчскій не прѣиде дѣшз члѣвѣчскихъ погѣвити, но спасти (Л. IX. 56, Зогр. 55. погоуѣнтъ нѣ сѣмѣстъ, Остр. погѣвити, нѣ сптѣ), послѣ Исѣсѣ... соглѣдати (I. Нав. II. 1, Остр. сѣгладати), свѣзѣти Самѣшѣна прѣидѣхомъ, ѣ сотворѣти ѣмѣ... (Суд. XV. 10, Остр. свѣзѣти, сѣтворѣти) и т. д. помощи (Вар. IV. 17), рѣши (Быт. XXVI. 7) мощи, теши (М. Смотрицкаго л. 215) и т. д. У Л. Зизанія и М. Смотрицкаго имѣются такія же формы. У послѣдняго можно отмѣтить фиктивные формы неопред. наклоненія „мимошедшаго“ вр., какъ читаѣти (подъ вліяніемъ имперфекта безъ контракціи) или „непредѣльнаго“ и „будущаго“ прочестѣ и т. д. (л. 197 на обор.).

Формъ сушина ни у того, ни у другого не встрѣчается, что вполне естественно въ виду его ранняго исчезновенія и въ русскомъ языкѣ.

З а к л ю ч е н і е.

Мы закончили нашъ бѣглый очеркъ фонетики и морфологій церковнославянскаго языка московскаго или великорусскаго типа. Въ основу его положены нами три памятника, отдѣленные другъ отъ друга приблизительнымъ разстояніемъ около 80—90 лѣтъ: Острожская библія (1581 г.), Первопечатная Московская (1663 г.) и Новая, представляющая собой точную перепечатку Елизаветинской исправленной библіи 1751 и 1756 гг. ¹⁾ Эти тексты взяты нами, во-первыхъ, какъ наиболѣе разнообразны и богаты по языку, и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе типичные представители позднѣйшаго церковнославянскаго. Острожская библія, какъ извѣстно, основана на спискѣ, присланномъ князю Константину Острожскому изъ Москвы царемъ Иваномъ Грознымъ ²⁾ и очень близкомъ къ такъ называемому Геннадіевскому списку библіи. Этотъ послѣдній составленъ въ самомъ концѣ XV в. (1499 г.) и представляетъ во всякомъ случаѣ въ значительной степени великорусскую переработку текстовъ, хотя бы первично и не русскаго извода ³⁾. Такъ какъ Острожская библія является резуль-

¹⁾ Изданія Елизаветинской библіи 1751 и 1756 г. не отличаются ничѣмъ другъ отъ друга въ отношеніи текста и языка. Во второмъ только прибавлены гравюры въ началѣ каждой ветхозавѣтной книги (въ первомъ лишь въ началѣ книги Бытія); кромѣ того, въ немъ употреблены другія заставки и виньетки въ концѣ книгъ, большаго размѣра и изящества. Вообще второе изданіе отличается отъ перваго болѣешимъ типографскимъ изяществомъ. Отъ современныхъ изданій (мы пользовались Московскимъ въ малую 8^о 1879 г.) отличія ничтожны. Текстъ, формы, акцентуація, правописаніе тождественны. Уклоненія современныхъ изданій заключаются только въ исправленіи незначительныхъ опечатокъ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ сокращеній или, наоборотъ, въ подведеніи подъ титла.

²⁾ См. Предисловіе къ Острожской библіи.

³⁾ Объ этомъ спискѣ и его отношеніи къ Острожской библіи, см. Описаніе рукописей Синод. бібліотеки 1855, стр. 1—164, а также Буслаевъ, Историческая Христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ,

татомъ извѣстной редакціонной обработки ¹⁾, а не простой перепечаткой присланнаго изъ Москвы рукописнаго списка, то, разумѣется, языкъ и текстъ этого послѣдняго должны были подвернуться нѣкоторымъ, хотя бы и не особенно значительнымъ, измѣненіямъ. Главнымъ дѣятелемъ при ея печатаніи былъ, какъ извѣстно, московскій первопечатникъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ ²⁾. Такимъ образомъ, Острожская библія легко могла получить и дѣйствительно получила въ значительной степени великорусскую (московскую) окраску ³⁾, которая еще болѣе усилилась въ ея московской перепечаткѣ 1663 г.

Библія Скорины на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской ⁴⁾, но представляетъ совсѣмъ другой (и довольно рѣдкій) типъ языка — смѣсь церковнославянскаго, польскаго, бѣлорусскаго и чешскаго, почему мы и оставили ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ имѣется уже довольно обстоятельное изслѣдованіе этого памятника со стороны языка въ только-что цитированной книгѣ проф. П. В. Владимірова. Нельзя, конечно, отрицать, что тексты, въ родѣ библіи Скорины или различныхъ произведеній югозападной русской литературы, писанные на польско-малорусско (или бѣлорусско-) церковнославянскомъ, обращались среди великоруссовъ и, слѣдовательно, оказывали извѣстное вліяніе на ихъ языкъ, но, съ другой стороны, мы также знаемъ, что не только на Москвѣ, но и у всѣхъ православныхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе между нѣсколькими типами церковно-книжнаго языка одержалъ верхъ именно типъ великорусско-церковнославянскій, вполне опредѣленно сказавшійся уже въ Острожской библіи и сохранившій лишь незначительные остатки другихъ не русскихъ изводовъ

Москва, 1861, стр. 185—198; кромѣ того, Н. Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса, 1883, стр. 114—116, 120—123.

¹⁾ См. объ этомъ Предисловіе къ Острожской библіи.

²⁾ О дѣятельности Острожской типографіи см. М. А. Максимовича Книжная старина южно-русская во Временникѣ Имя. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Кн. I. 1849. Смѣсь, стр. 1—12: стр. 5—8.

³⁾ См. Владиміровъ, П. В., Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888, стр. 204—205, 207.

⁴⁾ Объ отношеніи Острожской библіи къ Скорининской, см. цитир. сочин. Владимірова, стр. 211—218.

(болгарскаго и сербскаго), а также и слабыя слѣды малорусскаго вліянія. Очевидно, что побѣда досталась ему по праву, какъ болѣе сильному, т. е. болѣе распространенному, а также и поставленному въ лучшія условія существованія. Отсюда не будетъ нѣтяжкой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна была принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку. Особенности и постепенныя измѣненія его лучше всего могутъ быть прослѣжены именно на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, подвергавшихся въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій троекратному пересмотру и исправленію и представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго къ новому. Пересмотръ этотъ не проходилъ даромъ не только для текста, но и для языка, — напротивъ, замѣтно отражался на немъ. Благодаря этому, наблюдается довольно значительная разница между языкомъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ старославянскихъ рукописей или подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, на примѣръ, въ Елизаветинской редакціи, и такихъ, которыя были напечатаны съ болѣе позднихъ рукописей, сильно исправлены или совсѣмъ заново переведены для Елизаветинской библіи ¹⁾ Но такъ какъ главной цѣлью нашего вышепредложеннаго очерка было дать лишь общую характеристику позднѣйшаго церковнославянскаго, а не детальную и всестороннюю его исторію, то мы игнорировали хронологическія различія между языкомъ, положимъ, книги Іова, Руоѣн или Бытія и т. д. съ одной стороны и книгъ Маккавейскихъ, Юдѣи, Эсѣири, Товита и т. д. съ другой. Мы считали себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что уже самый фактъ напечатанія ихъ рядомъ, такъ сказать, подводитъ ихъ подъ одинъ уровень и какъ бы дѣлаетъ не существующими хронологическія различія между рукописными оригиналами-источниками печатнаго изданія, по также

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ Чистовича: Исправленіе Славянской Библіи: (Православное Обозрѣніе. 1860, апрѣль, май), стр. 42. 54, а также въ статьѣ Лебелева, В. Къ исторіи кирилло-меѳодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси (Страникъ 1885, томъ I, стр. 3—29. 201—230, 393—411, 584—589).

и потому, что для нашей главной цѣли—изслѣдованія церковно-славянскихъ элементовъ въ современномъ русскомъ языкѣ съ общесравнительной точки зрѣнія, какъ одного изъ проявленій процесса заимствованія въ языкѣ, вышеупомянутые вопросы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Поэтому же мы не даемъ здѣсь и историческаго очерка судьбъ старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія ¹⁾ до начала книгопечатанія (вторая половина XVI в.). Особенности рукописныхъ памятниковъ русской рецензіи уже достаточно изслѣдованы и общеизвѣстны; особенности же окончательно сложившагося и закрѣпленнаго Елизаветинской редакціей церковнославянскаго печатнаго языка до сихъ поръ не были представлены сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Единственная почти попытка этого рода—Грамматика Славяно-церковнаго языка новаго періода В. Класовскаго ²⁾ весьма неполна въ отношеніи матеріала и часто совсѣмъ недостоверна, ибо приводитъ не существующія формы безъ всякихъ доказательствъ. Мы далеки отъ мысли считать предложенный выше общій очеркъ церковнославянскаго языка новаго періода свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ, но позволяемъ себѣ надѣяться, что, при отсутствіи въ научной литературѣ исчерпывающаго представленія этого предмета, наша попытка будетъ не совсѣмъ лишней. Вездѣ мы старались провести параллель между дѣйствительными фактами языка, находимыми въ библейскомъ текстѣ, и современной имъ грамматической теоріей, главными представителями которой являются Л. Зизаній и М. Смотрицкій ³⁾.

¹⁾ Краткій подобный очеркъ можно найти у А. И. Соболевскаго. Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Лекціи (литогр. изданіе). Спб. 1891, стр. 21—31 и въ цитиров. уже книгѣ Засадкевича.

²⁾ Второе измѣн. изданіе 1867, Спб. 12°, М. О. Вольфъ, пятое, безъ перемѣнъ 1887. Существуетъ еще школьный учебникъ Кузьмина: Грамматика церковнославянскаго языка, новаго періода. М. 1885.

³⁾ Что касается грамматики М. Смотрицкаго, то мы пользовались главнымъ образомъ ея вторымъ (точнѣе третьимъ) московскимъ изданіемъ 1648 г., ссылаясь на первое изданіе (Евю, 1619) только изрѣдка. При этомъ мы имѣли въ виду большую близость московскаго изданія (какъ извѣстно, довольно сильно измѣненнаго московскими справщиками) къ выработывавшемуся въ то время окончательному типу великорусско-церковнославянскаго

При этомъ довольно часто обнаруживалось несоотвѣтствіе между обѣими сторонами, не позволяющее намъ вполне согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича ¹⁾, приписываютъ грамматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное, вліяніе на окончательное образованіе церковно-славянскаго языка новаго періода. Намъ кажется, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка ²⁾, представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковно-славянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе Евюнскаго изданія 1619 г. съ московскимъ 1648 г. Какъ извѣстно уже, это послѣднее отличается отъ оригинальнаго. Отличія заключаются не только въ опущеніи оригинальнаго предисловія и замѣнѣ его собственнымъ, представляющимъ въ большей части выписку изъ сочиненій Максима Грека, въ прибавкѣ послѣсловія (также изъ сочиненій Максима Грека), въ онущеніи греческихъ и латинскихъ терминовъ, а также и имени ренегата-автора, которое могло бы

языка, а, слѣдовательно, и большее его значеніе для поставленной нами себѣ цѣли.

¹⁾ «... со времени, когда обращено было просвѣщенное вниманіе на исправленіе священныхъ книгъ, ученые въ опредѣленіи свойствъ и выговора Словянскаго языка рѣшительно руководствовались чувствомъ Русскаго языка. Наконецъ, послѣдовательность такого пониманія была навсегда утверждена полною теоріей сего языка въ знаменитой грамматикѣ М. Смотрицкаго. Отселѣ правила этой грамматики служили послѣднимъ опредѣленіемъ Церковно-Словянскаго языка. Оставаясь примѣчательнѣйшимъ трудомъ ученаго. XVII столѣтія, она есть результатъ всѣхъ измѣненій, какимъ подвергался у насъ въ Россіи Словянскій языкъ въ продолженіе семи столѣтій. вмѣстѣ съ этимъ, бывъ первымъ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ языка, она изгладилла также послѣднія воспоминанія о древнѣйшемъ его характерѣ. И не только у насъ въ Россіи, но и у Сербовъ и Болгаръ, даже у католическихъ Словянъ, употреблявшихъ глаголиту, она заставила забыть древніе звуки и формы Словянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его» (Григоровичъ. Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. Казань, 1852, стр. 10—11).

²⁾ Ближе всего первое изданіе ея къ языку Острожской библии.

вызывать недоверіе и подозрѣніе, но главнымъ образомъ въ измѣненіи самого грамматическаго матеріала. Московскіе издатели не оставили безъ исправленія ни одной почти формы, ни одной акцентуаціи, которыя имъ показались странными или непривычными. Такъ, въ склоненіяхъ московскаго изданія мы находимъ много позднѣйшихъ, чисто русскихъ формъ, на мѣстѣ которыхъ въ оригинальномъ имѣются древнія старославянскія или болѣе близкія къ нимъ; въ спряженіяхъ измѣненій меньше (такъ почему-то сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но всѣ онѣ сдѣланы въ пользу новѣйшихъ, позднѣйшихъ формъ. Особенно много измѣненій въ акцентуаціи, которая въ московскомъ изданіи поставлена по русскому образцу. Какъ образчикъ, мы приведемъ различія въ склоненіи бывшихъ основъ на ā-, jā-:

	Е в ю.	М о с к в а.
Дат. предл.	сноѡѣ	сноуѣ
Дат. множ.	сноуамъ	сноуамъ
Творительный	сноуами	сноуами
Предложный	сноуахъ	сноуахъ
Родит. един.	мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный	мрѣжѹ	мрѣжю
Им. множ.	} мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный		мрѣжы
Звательный		мрѣжи
Винит. множ.	юношы и юноша	только юношы
Род. един.	{ тогѡ пі́дници тоѡ пі́дницѣ	тогѡ ѣ тоѡ пі́дници
Д. пр. м. и ж.	пі́дници	пі́дницѣ
Именит. множ.	тіи пі́дници, тіѡ пі́дницѣ	м. ж. пі́дници
Род. ед. м.	ѡбраци, ж. ѡбрациѣ	м. ж. ѡбраци
Винит. множ.	захаріѡ	захаріи
Родит. един.	ладіѡ	лодїи
Дат. предл.	ладїи	лодїи
Винительный	ладїю	лодїю

Им. вин. мн.	лѣдѣи	лѣдѣи
Родительный	лѣдѣи	лѣдѣй, ѣи
Родит. множ.	сѣдѣи	сѣдѣи, ѣи
Винительный	сѣдѣи	сѣдѣи
Именит. един.	самарѣнѣи	самарѣнѣи
Родительный	самарѣнѣи	самарѣнѣи
Дательный	самарѣнѣи	самарѣнѣи
Предложный		самарѣнѣи и т. д.

При подробномъ сличеніи ¹⁾ этихъ двухъ изданій нетрудно убѣдиться, что не только грамматика Смотрицкаго (Евю 1619) не повліяла на церковнославянскій языкъ московскихъ ея издателей, но, наоборотъ, сама она подверглась передѣлкѣ въ ихъ рукахъ. Передѣлка эта совершилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ живого великорусскаго языка, которое вызвало и извѣстныя особенности великорусскаго церковнославянскаго ²⁾. Такимъ образомъ, если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшіи церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Выше однако мы видѣли, что и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Нѣкоторыхъ формъ, сохранныхъ и въ московскомъ изданіи (въ родѣ сослагательнаго въ польскомъ вкусѣ), въ библейскомъ текстѣ всетаки не встрѣчается. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности влія-

¹⁾ Мы производили подобное сличеніе, но приводимъ выше лишь небольшой образчикъ добытыхъ результатовъ.

²⁾ Мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Засадковичемъ (цит. сочиненіе, стр. 132—133), что причины измѣненій, произведенныхъ московскими издателями въ грамматикѣ Смотрицкаго, заключались въ недовѣрїи къ рецензату-автору и боязни предъ еретическими его ученіями. Эти мотивы могли ихъ заставить умолчать имя автора, замѣнить предисловіе новымъ и т. д. Измѣненія же въ парадигмахъ прямо вызывались далекостью оригинальнаго изданія Смотрицкаго отъ привычнаго издателямъ типа церковнославянскаго языка, сообразно съ которымъ они и измѣнили свой оригиналъ.

ніа граматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новій церковнославянській, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣе категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается.

К о н е ц ъ .

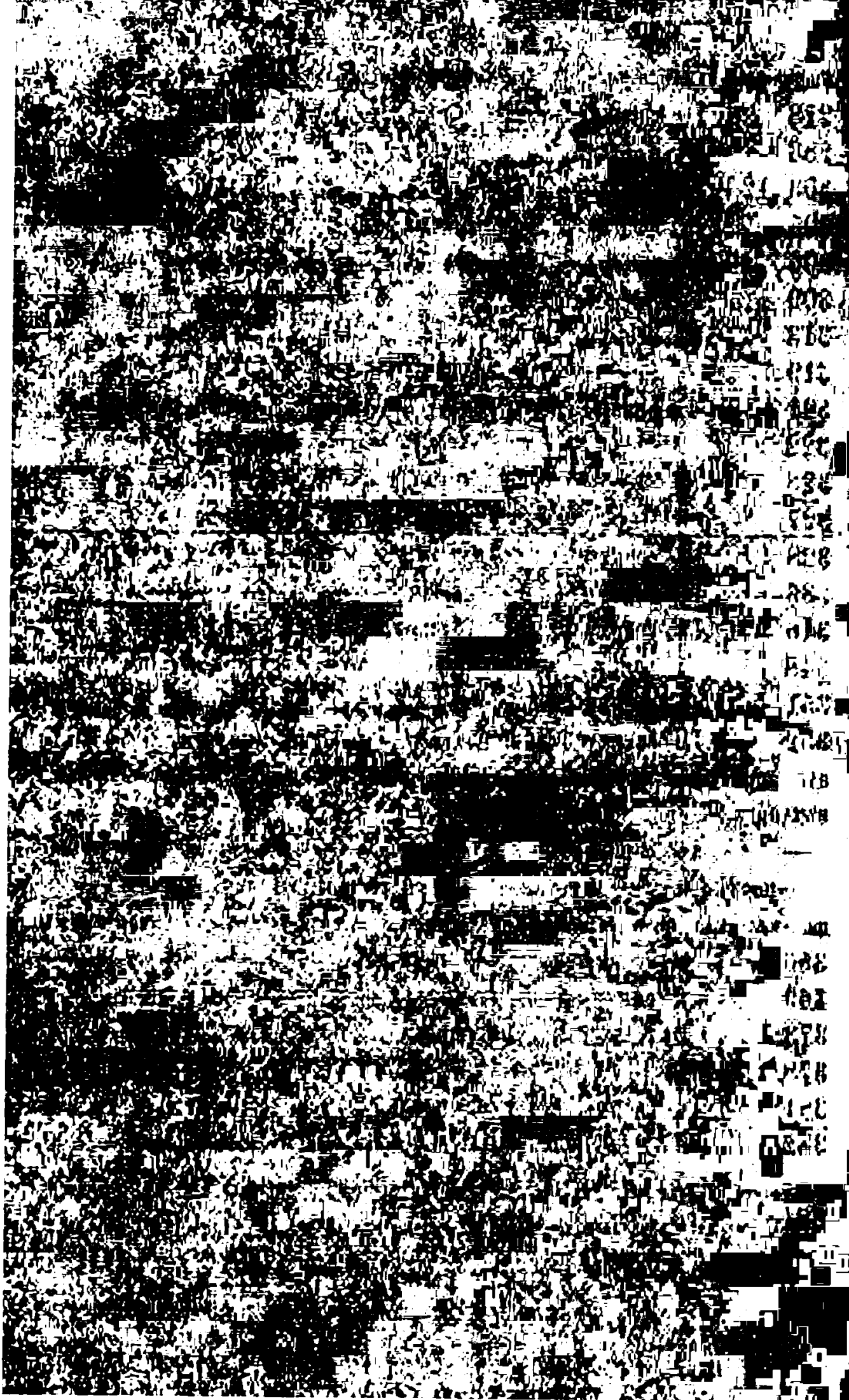
ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
8	13 сверху	проязыка	праязыка
17	20 снизу	займствованъ	займствовалъ
21	6 —	СЪГЛАСИЮ	СЪГЛАСИЮ
27	10 сверху	1)	2)
30	1 —	t'ylæfón	t'yl'æfón
32	13 снизу	имѣеть	имѣется
59	7 сверху	<i>приблужаго</i>	<i>приблужаю</i>
61	12 снизу	ТАБОМ	ТАКОМ
63	2 —	Moscoviticom	Moscoviticam
—	3 —	НО	КО
82	12 сверху	Sasy	Sacy
105	11 —	чувствоваться	чувствоваться
143	1 снизу	slæ'zy	sl'æzy
144	9 —	дѣтін	дѣтін,
147	12 —	(=č')	=č'
150	18 —	(š)	š)
151	17 сверху	жд	жд
152	5 —	ž'd	žd

154 послѣ 18 — вставить: Въ первомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (Евю. 1619) различаются г и Г, первое для спиранта γ, второе для взрывного g. Въ московскомъ же изданіи находимъ только одинъ знакъ Г, звуковое значеніе котораго неясно. Казались-ли два знака для такихъ близкихъ звуковъ, какъ γ и g, роскошью московскимъ издателямъ, или ихъ произношенію свойственъ былъ лишь одинъ (который?) изъ этихъ звуковъ, рѣшить, разумѣется, нельзя.

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
156	8 сверху	zz'z'	zī'z'
158	14 снизу	лѣжа	лѣжѧ
169	16 сверху	благостѣхъ	блѧгостѣхъ
171	9 снизу	и-	и-
173	2 сверху	имене	ī мене
174	8 —	удареніемъ	удареніемъ:
178	6 снизу	коло	кóло
187	5 —	дѣѣ	дѣѣ
204	9 —	рабыни	рабыни
206	11 —	міг	m'ig
209	9 сверху	о бою	ō бою
212	1 —	плѣвелы	плѣвелы
214	7 —	островѣхъ	ōстровѣхъ
216	1 снизу	градоуѣхъ	градоуѣхъ
219	10 —	послѧми	постѧми
220	7 —	заимствованныхъ	заимствованнымъ
224	10 сверху	чада	чѧда
225	2 —	цѣрквиѣхъ	цѣрквиѣхъ
235	12 снизу	нѣщѣхъ	нѣщѣхъ
237	7 сверху	своѧ	своѧ
242	17 снизу	срѣцы	срѣцы
248	7 сверху	ісоусовѧ	īсоусовѧ
258	12 —	оно	ōно
259	4 —	оноуѣ	ōноуѣ
260	12 —	оной	ōной
262	14 снизу	онѣхъ	ōнѣхъ
270	14 сверху	обѣ	ōбѣ
271	2 снизу	има	īма
273	15 сверху	очи	ōчи
—	18 —	своѣ	своѣ
275	3 —	слова: „Остр. и Перв. вѧша“ перенести въ слѣдующую строку послѣ словъ: „Второз. III. 19“.	
277	6 сверху	ослѧтъ	ōслѧтъ
—	7 снизу	краеуѣ	крѧеуѣ

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
278	10 сверху	Ѡ	Ѡ
283	11 —	Ме.	Ме.
303	12—13 снизу	хѠдѣша,	хѠдѣша),
305	7 сверху	слаше	слаше
306	10 снизу	тріе	тріе
309	13 —	Ѡсмію	Ѡсмію
313	14 сверху	оѠмрѣмъ	оѠмрѣмъ
319	— —	jadóx	jadóx
321	4 снизу	снѣте	снѣте
322	2 —	ѣгѠ	ѣгѠ
323	7 —	Ѡва	Ѡва
327	16 —	мои	мои
328	13 сверху	идемъ	идемъ
336	16 снизу	іазыки	іазыки
346	11 сверху	оудержимо	оудержимо
348	1 снизу	Эвю	Евю
351	1 сверху	снѣде	снѣде
352	16 сверху	вставить: Единственный примѣръ 1-го л. ед. аориста простого: ѡзъ... возднѣгъ (Дан. IV. 31, Остр. възднѣгъ, Перв. какъ въ Новой).	
—	16 снизу	совѣмъ	почти совѣмъ
—	послѣ 9	вставить: Единственный примѣръ 3 л. мн. на -са: ѣгда іасѠ тебѣ (Іез. XXIX. 7, Остр. ѣгдасѠ ѡша потѠ.	
356	7 сверху	работахъ	работахъ
369	9 снизу	іавіховѣ	іавіховѣ
373	3 —	поразивъ	поразивъ
378	10 —	творѣй	творѣй
381	14 сверху	оукрашенна	оукрашенна
382	1 —	ІліодѠръ	ІліодѠръ
—	7 —	ѡрхіерѣй	ѡрхіерѣй
384	13 снизу	творѣмъ	творѣмъ
—	8 —	прічастіемъ	прічастіемъ

Nachwort

0. Mit dem Nachdruck des vorliegenden Buches des berühmten Sprachwissenschaftlers Sergej Konstantinovič Bulič (1859-1921)¹ soll dem interessierten Fachmann ein wichtiges Desideratum zur Frage der Entwicklung des späten kirchenslavischen (im folg. Ksl.) im 16.-17. Jh. zugänglich gemacht werden. Angesichts der bis zum heutigen Tage anhaltenden Diskussion zum Problem der sl.-russ. Diglossie² steht daher zu erwarten, daß diese im Jahre 1893 eingereichte Magisterdissertation von ihrer Thematik sowie von der Breite des Materials her auch heute noch einen wichtigen Beitrag zur Klärung mancher offener Fragen leisten kann.

Sicherlich hat der Zeitgenosse von Bulič, E.F. Budde, nicht Unrecht³, wenn er in seiner umfangreichen Besprechung des vorliegenden Buchs u.a. Anstoß an dem etwas irreführenden Titel nimmt; denn das, was im Mittelpunkt der Darstellung steht, sind weniger "kirchenslavische Elemente in der russischen Literatur- und Volkssprache", als vielmehr umgekehrt: durch den Einfluß der russischen Volkssprache und Umgangssprache bedingte phonetische und morphologische Eigenlichkeiten von drei gedruckten Bibeltexten, deren Sprache als Ksl. ostslavischer Provenienz bezeichnet werden kann. Im einzelnen handelt es sich um die durch neuere Arbeiten bekannt gewordene Ostroger Bibel (1581; im folg. OB)⁴, um die Erstgedruckte Moskauer Bibel (1663; im folg. PB) sowie um die überarbeitete Fassung der Neuen Elisabethanischen Bibel (1751-56; im folg. NB).

Für den Stand der Forschung im letzten Drittel des 19. Jhs. kann das Buch in doppelter Hinsicht als vorbildlich gelten:

- 1) Es stellt ein vollkommen neues Material zur Erforschung des späten Ksl. bereit;
- 2) durch den Vergleich der genannten Bibel-Ausgaben mit den Verhältnissen in aksl. Texten einerseits, und in den ostslav. Dialekten andererseits werden Ergebnisse vorgelegt, die eine genauere Vorstellung über die Entwicklung des späten Ksl. ostslav. Provenienz vermitteln, als dies noch vor dem Erscheinen des Buchs möglich gewesen ist.

Das Buch gliedert sich in folgende Teile: Einleitung "Vom Entlehnungsprozeß in der Sprache" (S. 1-56); Kapitel I "Übersicht über die Literatur zur Fragestellung" (S. 57-129) und Kapitel II "Die ksl. Sprache" (S. 130-399). Die letzten Seiten sind den aus den Ergebnissen gewonnenen Schlußfolgerungen gewidmet.

1. Es ist eine wichtige Zielsetzung der Arbeit, zuerst die allgemeinen Gesetze des Entlehnungsprozesses zu erforschen, bevor man sich mit den Ergebnissen dieses Prozesses anhand konkreter Sprachenpaare beschäftigt (vgl. Einleitung, S. 1ff.). Verf. diskutiert in diesem theoretischen Abschnitt seiner Monographie eine Vielzahl von Lehrmeinungen zum Problem der "Sprachmischung" als Folge des Entlehnungsprozesses, die mit reichem Material aus mehreren indogermanischen und nichtindogermanischen Sprachen belegt werden. Abgelehnt wird die puristische Auffassung, nach der Entlehnung einen verderbenden und zersetzenden Einfluß auf das System der antizipierenden Sprache ausübe (so z.B. Geise, System der Sprachwissenschaft, Berlin 1856, § 84, der nach dem Grad der 'Reinheit' "Sprachen primärer Formation/Stammsprachen" und "Sprachen sekundärer Formation/abgeleitete Sprachen" unterscheidet). Im Gegensatz zu Max Müller, der die Existenz von "Mischsprachen" leugnet⁵, spricht Bulič im Anschluß an H. Schuchardt⁶ sehr deutlich die These aus, daß es realit keine Sprachen geben könne, die nicht wenigstens partiell "gemischt" wären (vgl. S. 4f.)⁷.

Ausgehend von einem sehr breiten Begriff "Entlehnung" (zaimstvovanie) als "Grundlage allen sprachlichen Handelns"⁸ werden zwei Entlehnungstypen genannt:

- a) Entlehnung auf der Basis einer Sprache/intralinguale Entlehnung (odnopolvennoe ili odnojazyčnoe zaimstvovanie, vgl. S. 6f.);
- b) Entlehnung auf der Basis mehrerer Sprachen/interlinguale Entlehnung (raznojezycznye ili inojazyčnoe zaimstvovanie, vgl. S. 7).

Entsprechend der Zielsetzung der Untersuchung wird dem zuletzt genannten Entlehnungstyp eine Schlüsselstellung zuerkannt. Wichtig erscheint uns, daß das Fremdwortmaterial auf Grund diverser phonetischer und morphologischer Assimilationsmechanismen in der nehmenden Sprache völlig aufgehen kann. Die Wahrscheinlichkeit einer synchron nicht mehr empfundenen "Fremdheit" ist nach Bulič umso höher, je näher sich die gebende und nehmende Sprache in genetisch-typologischer Hinsicht stehen:

"Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т.д. Заимствованныя изъ такихъ родственниковъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семасіологическаго развитія." (S. 49)

Die auf diese Weise entstehenden phonetischen und morphologischen Dublett-

formen, wie sie z.B. in den ostslav./ksl. torot/trat-Lexemen vorliegen (S. 49), tragen zur Bereicherung und semasiologischen Differenzierung der Lexik einer Sprache bei⁹.

Das erste Kapitel ist ein Forschungsbericht zur Frage des ksl. Einflusses im Russischen bzw. des Einflusses des Russischen auf das Ksl. des 16.-17. Jhs. (S. 57-129). Beginnend mit der "Grammatica Russica" von H.W. Ludolf¹⁰, über die ksl. Grammatiken von L. Zizanij und M. Smotryčkyj¹¹, bis hin zu Untersuchungen neueren Datums ("Historische Grammatik" Buslaevs, M. 1858-75; "Podrobnaja programma lekcij v 1876-1877 učebnom godu" von Baudouin de Courtenay) bemüht sich der Verf. "vospol'zovat'sja vsem naličnym literaturnym materialom" (S. 129). Wenngleich die "Übersicht" (obzor) bei weitem nicht die Vollständigkeit eines Nachschlagewerkes zur Grammatikbeschreibung erreichen kann und voll¹², so erscheint uns der Hinweis auf die russ. Grammatiken von V.E. Adurov (1731) und M. Groening (1750)¹³ ebenso bemerkenswert, wie der auf die unter dem Einfluß der "grammaire générale" entstandenen russ. Universalgrammatiken von I. Ornatovskij (1810) und I. Timkovskij (1811) (S. 82-84). Ebenso interessant ist aber auch das, was etwa ein J.S. Vater in seiner "Praktischen Grammatik der russischen Sprache" (1808) über das Verhältnis des Russischen zum Slawonischen (= Ksl.) zu berichten weiß (S. 84ff.). Scheinen Sinn und Zweck dieses Kapitels durch die abschließende Feststellung "počti vse, ukazannoe nami v ètom obzore, moglo daže ostat'sja bez vnimanija" (S. 129) auf den ersten Blick in Frage gestellt zu sein, so wird diese Feststellung erst dadurch verständlich, wenn man sie als Hinweis auf die theoretische, methodologische und das Material betreffende Unzulänglichkeit des bisher Geleisteten und zugleich als Rechtfertigung des eigenen Forschungsvorhabens begreift.

Ohne Frage gehört das Buch von Bulič zu den wichtigsten Compendien des späten 19. Jhs., was sich schon daran ablesen läßt, daß bereits ein Jahr später zwei umfangreiche Stellungnahmen von E.F. Budde und V.A. Bogorodickij erschienen sind, die sich in der Gesamtbeurteilung deutlich unterscheiden. Während man bei Budde den Eindruck gewinnt, daß seine negative Kritik auf der für ein Erstlingswerk allzu strengen Beurteilung von z.T. unwesentlichen Einzelfragen gründet (dazu später), kommt Bogorodickij zu einer positiven Gesamtbeurteilung¹⁴.

Das im Mittelpunkt der Untersuchung stehende Kapitel II (S. 130-399) besticht u.a. durch die systematische Zusammenstellung aller für das späte Ksl. charakteristischen Formen der drei genannten Bibel-Ausgaben (OB, PB, NB; vgl. S. I), deren phonetische und morphologische Besonderheiten und Innovationen am Vergleich mit dem Aksl. (bulg. Redaktion) mit genauen Angaben der Textstellen dokumentiert

werden. Das zweite Kapitel gliedert sich in folgende Abschnitte: § 1. Alt-kirchenslavisch und Kirchenslavisch (S. 130-131); § 2. Phonetische Besonderheiten des Kirchenslavischen: Vokalismus (S. 131-145), Konsonantismus (S. 145-156); § 3. Morphologische Besonderheiten des Kirchenslavischen: A. Deklination (S. 156-310), B. Verb (S. 310-399).

Im einzelnen seien nur folgende kritische Punkte hervorgehoben, die in der ersten Stellungnahme von Budde Anlaß zur Präzisierung und Richtigstellung gegeben haben¹⁵.

Zu § 2. Phonetische Besonderheiten des Kirchenslavischen: Vokalismus (S. 131-145): Nicht immer wird bei Bulič zwischen Graphematik (Schreibergewohnheiten) und Phonetik unterschieden; daraus ergeben sich einige Ungenauigkeiten, auf die im folgenden eingegangen werden soll. Auf S. 136 weist Verf. auf den "Verlust der Nasalvokale" im Ksl. (bezogen auf OB, PB und NB = 16.-17.Jh.) hin, wobei der Hinweis wichtig gewesen wäre, daß der Übergang $\alpha > y$, $\lambda > a$ bereits im Ksl. (und Aruss.) des 10. Jhs. stattgefunden hat und die Zeichen α , λ , sofern sie in OB, PB und NB noch auftreten, Grapheme für die Phoneme /u/, /a/ sind. In der vorliegenden Form könnte der unbefangene Leser den Eindruck gewinnen, als hätte das Ksl. vor dem 16. Jh. noch Nasalvokale besessen¹⁶. Ungleich wichtiger ist die Bemerkung, daß sich OB in bezug auf einige phonetische Eigentümlichkeiten konservativer als PB und NB verhält (vgl. z.B. den Übergang /e/ > /o/ vor nichtpalatalen Konsonanten, der in OB sehr selten belegt ist), worauf auch Freidhof am Vergleich der OB mit ihrer Vorlage, der Gennadius-Bibel (1496) hingewiesen hat (Bulič S. 143f.)¹⁷.

Zum Konsonantismus (S. 145-156): Nur mit Vorsicht zu lesen sind die Ausführungen Buličs zur Qualität der einzelnen Konsonanten, wird man doch vieles eher der traditionellen Schreibung als der aktuellen Aussprache des Ksl. im 16. 17. Jh. zuordnen müssen¹⁸. Das gilt im gleichen Maße für die Beurteilung der Palatalität vs. Velarität der Lautverbindungen ky, gy, chy (OB oft: прѣокы , арѣгы , мѣхы ; vgl. Bulič S. 145)¹⁹ wie für die Beurteilung der tatsächlichen phonetischen Qualität der Zischlaute /ž/, /š/ und der Affrikaten /č/, /c/, ergeben hier doch die Belege ein allzu disparates und schwankendes Bild (vgl. Bulič S. 146-150; 199; 201-202; 227; 234; 238)²⁰.

Zu § 3. Morphologische Besonderheiten des Kirchenslavischen: A. Deklination (S. 156-310): Einer Präzisierung bedürfen gelegentlich auch die Aussagen Bulič zu den Flexionsparadigmen des Aksl. und Ksl. Auf S. 156 lesen wir, daß im Ksl. I¹ der u-Stämme die Endung -омъ der o-Stämme belegt sei (in OB, PB, NB) an Stelle der aksl. Endung -амъ (sic!). Diese Aussage ist v.a. im Hinblick auf das Aksl. genau, da die Form I¹ der u-Stämme -амъ (bzw. -амь) in den aksl. Texten nicht nachgewiesen ist; sie ist allerdings auf Grund der Vermischung der o-Stämme m

den u-Stämmen mehrmals innerhalb der o-Stämme nachgewiesen²¹.

S. 169: Die als "Neuerung" des späten Ksl. ausgewiesene Form N¹ der n-Stämme vom Typ пламень (an Stelle von aksl. пламя) ist bereits in ältesten Texten des Aksl. belegt, folglich keine Innovation des Ksl. des 16. Jhs.²².

S. 184: Die Endung G¹ der fem. ū-Stämme auf -н (an Stelle von aksl. -е) vom Typ крови erklärt Bulič als Analogieform nach den fem. i-Stämmen. Unseres Erachtens läßt sich diese Erscheinung aber auch auf eine Verwechslung mit dem D¹ der fem. ū-Stämme zurückführen, eine Form, die bereits in einigen aksl. Texten belegt ist²³.

Zum Verb (S. 310-399): Die Endung in der 3¹ und 3³ der thematischen Verben lautet im Präsens in OB in der Regel auf -тъ aus (wie im Aksl.). Bei den athematischen Verben findet sich noch häufig die Endung -тъ. Hier bleibt uns Verf. eine Erklärung schuldig, die ihm durch die Berücksichtigung der Verhältnisse in den nord- und mittelgroßrussischen (Endung auf -тъ) bzw. in den südgroßrussischen Dialekten (Endung auf -тъ; so auch in den nord- und südostukr. Dialekten) leichter gefallen wäre. Allerdings läßt sich nicht mit letzter Sicherheit entscheiden, ob die velaren Formen eher dem Einfluß der aksl. Orthographie oder dem Einfluß südwestukr. bzw. nord- und mittelgroßruss. Dialekte zuzuordnen sind²⁴.

4. Trotz manch notwendig gewordener Korrektur²⁵ an einem vor fast 100 Jahren abgefaßten Buch wird sich dieses auch heute noch mit Sicherheit als ein wichtiges Standardwerk zur Sprache des späten Ksl. ostslav. Redaktion erweisen und somit unser Nachdruck eine hoffentlich positive Aufnahme in Fachkreisen finden. Zusammen mit G. Hüttl-Folter (vgl. Anm. 2), V.V. Zamkova (Slavjanizm kak stilističeskaja kategorija v ruskom literaturnom jazyke XVIII v., L. 1975) und A. Šachmatov, G.Y. Shevelov (Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache, Wiesbaden 1960) ist die Problematik des Ksl. über einen großen Zeitraum der Entwicklung des Russischen abgedeckt.

Anmerkungen:

1 Zu Leben und wissenschaftlichem Werdegang von S.K. Bulič vgl. M.G. Bulachov, Vostočnoslavjanskije jazykovedy. Biobibliografičeskij slovar'. Tom I. Minsk 1976, S. 44-46. Der bei Bulič im Vorwort angekündigte zweite Teil, der "uže budet razsmatrivat' samyja cerkovnoslavjanskija zaimstvovanija v fonetičeskom, morfoložičeskom i semasiologičeskom otnošenijach", ist unseres Wissens nie erschienen. Bekannt geworden ist Bulič v.a. mit seinem "Očerok istorii jazykoznanija v Rossii" (1904).

2 Vgl. zuletzt G. Hüttl-Folter, Die trat/torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache, Wien 1983 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-

Historische Klasse, Sitzungsberichte, 42o. Band), mit Literatur.

- 3 E.F. Budde: S. Bulič, Cerkovno-slavjanskije élementy v sovremennom literaturnom i narodnom ruskom jazyke. Čast' I. SPb 1893. Kazan' 1894, S. 1-45.
- 4 Vgl. G. Freidhof, Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III. Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 21), Frankfurt am Main 1972.
- 5 M. Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. I. Serie. Dritte Auflage, Leipzig 1875, S. 9o.
- 6 H. Schuchardt, Slawo-deutsches und slawo-italienisches, Graz 1885, S. 5.
- 7 Bulič betrachtet Entlehnung als eines der wichtigsten sprachlichen Mittel zur Bereicherung des Wortschatzes, als Quelle neuer form- und wortbildender Mittel sowie als Ausgangspunkt für die semasiologische Entwicklung des Wortschatzes, vgl. Bulič, S. Iff.
- 8 "Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріаль отъ окружающихъ насъ⁽¹⁾ или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими." (Bulič, ibidem, S. 6). Aus heutiger Sicht der Spracherwerbsforschung ist diese einseitige Oberbetonung des "Mimetischen" sicherlich nicht mehr aufrechtzuerhalten. Was hier vorliegt, ist weder eine mechanische Entlehnung noch eine originäre Schöpfung aus dem Nichts, sondern eine Synthese aus beiden, vgl. R. Jakobson, Der grammatische Aufbau der Kindersprache. Vorträge der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Geisteswissenschaften G 218, Opladen 1977, S. 7-13.
- 9 Wie die in Anm. 2 genannte Untersuchung von G. Hüttl-Folter gezeigt hat, können die Motivationsstrukturen für die Wahl von Polnoglasié-Formen in einem ksl. Kontext über die bloße semasiologische Differenzierung hinausgehen und weiteren pragmatischen Kriterien untergeordnet sein.
- 10 H.W. Ludolf: Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica, Oxonii A.D. 1696 (vgl. auch den Nachdruck von B.O. Unbegaun, Oxford 1959).
- 11 Lavrentij Zizanij, Hrammatika slovenska, Wilna 1596 (vgl. auch den Nachdruck in Specimina philologiae Slavicae, Bd. 1, Frankfurt am Main 1972; Bd. 26, Frankfurt am Main 1980, herausgegeben von G. Freidhof); Meletij Smotryčkyj, Hrammatiki slavenskija pravilnoe syntagma, Jevje 1619 (vgl. den Nachdruck ibidem, Bd. 4, 1974, herausgegeben von O. Horbatsch). Vgl. auch die sowjetischen Reprints mit Einleitungen von V.V. Nimčuk (Kiew 1979 bzw. 1980).
- 12 Dazu vgl. z.B. S.K. Bulič, Očerk istorii jazykoznanija v Rossii. Tom I, SPb. 19o4 (= Zapiski istoriko-filologičeskogo fakul'teta Imperatorskogo SPb-skogo universiteta, č. 75). Eine knappere Darstellung der Grammatikbeschreibung findet sich in dem von uns edierten Werk von N. Kul'man, Iz istorii ruskoj grammatiki, Petrograd 1917. Nachdruck besorgt von Peter Kosta, München 1982 (=Specimina philologiae Slavicae, Bd. 42) sowie in Form einer kommentierten Bibliographie in I.I. Balickij, Materialy dlja istorii slavjanskago jazykoznanija, Kiev 1876. Nachdruck besorgt von Peter Kosta, München 1982 (= Specimina philologiae Slavicae, Bd. 44).

- 13 Gemeint sind die im Anhang zu Weismanns Petersburger Lexikon 1731 erschienenen "Anfangsgründe der russischen Sprache" von V.E. Adodurov, welche die erste in Deutsch geschriebene Grammatik des Russischen darstellen, sowie die in schwedischer Sprache abgefaßte "Thet är Grammatica Russica..." von M. Groening. Vgl. B.A. Uspenskij, Pervaja russkaja grammatika na rodnom jazyke, M. 1975 u. M. Schütrumpf, Die "Anfangsgründe der russischen Sprache" von V.E. Adodurov. In: Weismanns Petersburger Lexikon von 1731, Bd. III, München 1983, S. 46-53 (=Specimina philologiae Slavicae, Bd. 48).
- 14 Vgl. E.F. Budde, op. cit. in Anm. 3; V.A. Bogorodickij, Cerkovnoslavjanskije élementy v sovremennom literaturnom i narodnom russkom jazyke. Čast' I. S. Buliča. S.-Peterburg, 1893 g., Kazan' 1894, S. 1-11 (insbes. S. 11).
- 15 Vgl. E.F. Budde, ibidem, S. 15ff.
- 16 Vgl. E.F. Budde, ibidem. V. Kiparsky, Russische historische Grammatik. Bd. I, S. 77ff. P.J. Tschernych, Historische Grammatik der russischen Sprache, Halle (Saale) 1957, S. 74ff.
- 17 Vgl. G. Freidhof, op. cit. in Anm. 4, S. 170: "Das Ksl. in OB zeigt jedoch einen normativeren und mehr archaischen Charakter." Zum Übergang /e/ zu /o/ vgl. ibidem, S. 74f.
- 18 Vgl. E.F. Budde, ibidem, S. 17ff. G. Freidhof, ibidem, S. 70ff.
- 19 Vgl. E.F. Budde, ibidem, S. 18. Die Ergebnisse bei Bulič decken sich diesbezüglich nicht mit denen bei Freidhof, der für die OB häufiger die Formen ни, ги, хи, für die Gennadius-Bibel dagegen vorwiegend die Formen ны, гы, хы ermittelt hat. Vgl. G. Freidhof, ibidem, S. 70. Da der Übergang ky, gy, chy > ki, ģi, cĥi im Aruss. bereits im 12. Jh. stattgefunden hat, kann man mit Freidhof davon ausgehen, daß die o.g. Differenzierung "orthographischer Art" ist. Dazu vgl. auch P. Kosta, Eine russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile, München 1982, S. 63 (= Specimina philologiae Slavicae, Bd. 40).
- 20 Vgl. E.F. Budde, ibidem, S. 18: "Ясно, что въ подобньхъ образцахъ правописаніи печатньхъ богослужебньхъ книгъ почти все, - начиная съ отдѣльныхъ буквъ и знаковь, и кончая сочетаніями буквъ, - говорить объ искусственности своей или, какъ мы увидимъ ниже, объ намеренномъ, тоже искусственномъ, сохраненіи старой буквы и старого правописанія, по которому неудобно судить о новомъ произношеніи." Auf der anderen Seite wird auch Budde zugeben müssen, daß das Schriftbild einziger Anhaltspunkt für die Beurteilung der phonetischen Daten bleibt, so daß sich zumindest tendentiell Hypothesen aufstellen lassen, natürlich stets gestützt auf die bekannten Daten der historischen Grammatik und Dialektologie.
- 21 Vgl. A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, Heidelberg 1962, S. 76f., § 56. E.F. Budde, ibidem, S. 26.
- 22 Vgl. A. Leskien, ibidem, S. 69, § 41.
- 23 Vgl. A. Leskien, ibidem, S. 76, § 53. P. Kosta, op. cit. in Anm. 19, S. 74.
- 24 Vgl. G. Freidhof, op. cit. in Anm. 4, S. 105.
- 25 Zu weiteren revisionsbedürftigen Punkten vgl. weiter in E.F. Budde, ibidem, S. 39ff.

Peter Kosta